

Археологические вести

— 33 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

33
(2021)

Saint Petersburg
2021

Археологические вести

**33
(2021)**

Санкт-Петербург
2021

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, П. А. Миляев, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 33** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 264 с.: ил.

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В работах, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени; вводятся в научный оборот результаты полевых изысканий могильников Чалтырский эпохи бронзы на Нижнем Дону и Ореховка раннежелезного века в Крыму; анализируются воинские погребения самбийско-натангийской культуры периода Великого переселения народов и раннемеровингского времени; обсуждаются особенности деревоземляных укреплений Рюрикова городища под Новгородом IX в. и фортификации крепости Ниеншанц второй половины XVII в. В журнале также представлены статьи по истории и организации науки, дается обзор новейших публикаций. Среди авторов — ученые из различных научных центров России, Болгарии и Франции.

The current issue of “Archaeological News” comprises articles devoted to the latest investigations in the sphere of archaeology, history and culture. The works included into the section “New discoveries and studies” consider particular categories of archaeological antiquities from the Stone Age to the Modern Period; results of field investigations of the burial grounds of Chaltyrsky of the Bronze Age on the Lower Don and Orekhovka of the early Iron Age in Crimea are scientifically published, military burials of the Sambia-Natangia culture of the Great Migration period are analysed, the features of the earth and wood fortifications of Rurik Gorodishche of the 9th century near Novgorod are considered, as well as the defences of Nyenskans of the second half of the 17th century. The yearbook also presents articles on the history and organisation of science and a review of the most recent publications. Among the authors there are colleagues from different scientific centres of Russia, Bulgaria and France.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — рисунок золотого колта с перегородчатой эмалью из киевского клада 1876 г.
(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1890. Д. 61. Л. 18)

First page of cover — drawing of gold kolt with cloisonné enamel from Kievan treasure found in 1876
(Scientific archive of the IHMC RAS. Manuscript department. Archive group 1. 1890. File 61. Sheet 18)

Четвертая страница обложки — рисунок фрагмента золотого колта с перегородчатой эмалью из киевского клада 1876 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1890. Д. 61. Л. 18)

Fourth page of cover — drawing of gold kolt's detail from Kievan treasure found in 1876
(Scientific archive of the IHMC RAS. Manuscript department. Archive group 1. 1890. File 61. Sheet 18)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вест

Содержание

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-летию Владимира Анатольевича Лапшина	9
К юбилею Натальи Андреевны Беловой	11
К 70-летию Владимира Анатольевича Семёнова	12
К 70-летию Александра Ивановича Саксы	13
К 70-летию Андрея Александровича Синицына	15
К 70-летию Игоря Юрьевича Шауба	16

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОТКРЫТИЯ

<i>Н. К. Анисюткин.</i> Орудия категории пик в древнейшем раннем палеолите юга Восточно-Европейской равнины.....	18
<i>А. Ю. Чечина, П. А. Бардакова.</i> К вопросу о раннекатакомбном этапе на Правобережье Нижнего Дона.....	28
<i>В. П. Яйленко.</i> Оракулы из Ольвии, наговор с Чайки в Западном Крыму.....	41
<i>И. В. Рукавишников, Д. В. Бейлин, А. А. Волошинов.</i> Могильник раннежелезного века в Крымском Присивашье. Воинские погребения.....	51
<i>И. Ю. Шауб, А. Е. Терещенко.</i> Подтверждается ли гипотеза М. И. Ростовцева о фракийском происхождении образов сатиров на монетах Пантикапея?	71
<i>М. М. Чорёф.</i> Оболы Пантикапея типа «голова Аполлона / орел на молнии» как источник исторической информации	78
<i>М. М. Казанский.</i> Стратификация погребений с оружием и всадническим снаряжением в могильниках самбийско-натангийской культуры эпохи Великого переселения народов и раннемеровингского времени.....	86
<i>Н. В. Хвоцинская.</i> Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий	107
<i>Л. Пекарская.</i> По следам забытого киевского клада, найденного в 1876 г.	121
<i>А. А. Пескова.</i> Древнерусские иконки-складни XII–XIII вв.	135
<i>К. В. Горлов, В. В. Миненко, И. Н. Разумов.</i> Комплекс пражских грошей из деревни Староселье Брянской области	155
<i>П. Е. Сорокин.</i> Укрепления Ниеншанца второй половины XVII в.	167
<i>М. Н. Желтова, Е. Ю. Гиря, Д. Н. Фёдорова.</i> Морфологические особенности бытовых кресальных кремней	183

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Новые решения старой проблемы. Рецензия на книгу: Человек и мамонт в палеолите Европы. Часть II. Днепро-Донская историко-культурная область: Памяти Михаила Васильевича Аниковича (1947–2012). СПб.: Ars Longa, 2019 (ТКБАЭ; Вып. 8/II). ISBN: 978-5-6041742-9-6. 384 с.: 104 ил. (Н. К. Анисюткин) 193
- Экспериментально-трасологические исследования костяного инвентаря древних культур Евразии. Рецензия на издание: Каменный век и начало эпохи раннего металла. Технология изготовления и функции костяных изделий в древних культурах Евразии: Сб. ст. // Археология евразийских степей. Казань: Изд-во АН Республики Татарстан, 2017. № 2. 360 с.: ил. (М. Г. Жилин, Н. Н. Скакун, Б. Матева, В. В. Терехина, М. Ш. Галимова) 199
- Новые исследования археологического текстиля Старой Ладogi. Рецензия на книгу: Орфинская О. В., Михайлов К. А. Текстиль Старой Ладogi эпохи викингов / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Ars longa, 2020 (Тр. ИИМК РАН; Т. LVI). ISBN 978-5-6041742-8-9. 372 с.: ил. (С. И. Кочкуркина) 203

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

- Д. Гергова. 150-летие Болгарской академии наук и Национальный археологический институт и музей Болгарии 206

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК — ЗАПАД

- Международная конференция «Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ)» (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2020 г.) (В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов) 211

ИСТОРИЯ НАУКИ

- М. Т. Кашуба, И. В. Сапожников. Раскопки М. Я. Якимовича в 1905 г. у с. Гофнунгсталь в Северо-Западном Причерноморье (по материалам архива ИАК) 215

ПЕРСОНАЛИИ

- Ю. А. Виноградов. А. Н. Карасёв. К 120-летию со дня рождения 236
- В. Я. Шумкин. «Устремленный душой в Арктику» (к 90-летию археолога Леонида Павловича Хлобыстина) 245

ХРОНИКА

- Институт истории материальной культуры РАН в 2020 г. (Е. С. Ткач) 254
- Список сокращений 261

Contents

OUR JUBILEES

To the 70 th anniversary of V. A. Lapshin	9
To the jubilee of N. A. Belova	11
To the 70 th anniversary of V. A. Semyonov	12
To the 70 th anniversary of A. I. Saksa	13
To the 70 th anniversary of A. A. Sinitsyn	15
To the 70 th anniversary of I. Yu. Schaub	16

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>N. K. Anisyutkin.</i> Stone tools of the pick category in the Earliest Palaeolithic of the south of the East European Plain	18
<i>A. Yu. Chechina, P. A. Bardakova.</i> To the problem of the early catacomb stage on the right bank of the Lower Don	28
<i>V. P. Yaylenko.</i> Oracles from Olbia, the incantation from Chayka in Western Crimea	41
<i>I. V. Rukavishnikova, D. V. Beilin, A. A. Voloshinov.</i> The burial ground of the early Iron Age in the Crimean Sivash. Military burials	51
<i>I. Yu. Schaub, A. E. Tereshchenko.</i> Is Michail Rostovtsev's hypothesis on the Thracian origin of satyr images on the Panticapaeon coins valid?	71
<i>M. M. Choref.</i> Pantikapaion Obols of the type "head of Apollo / eagle on lightning" as a source of historic information	78
<i>M. M. Kazansky.</i> Stratification of burials with weapons and equestrian equipment in the burial grounds of the Sambian-Natangian culture of the Migration Period and the Early Merovingian Period	86
<i>N. V. Khvoshchinskaya.</i> Fortifications of Rurik Gorodishche near Novgorod in the light of the last archaeological explorations	107
<i>L. Pekarskaya.</i> On the trail of a forgotten Kievan treasure found in 1876	121
<i>A. A. Peskova.</i> Old-Russian folding icons of the 12 th –13 th century	135
<i>K. V. Gorlov, V. V. Minenko, I. N. Razumov.</i> Assemblage of Prague groschens from the village of Staroselye in Bryansk Oblast	155
<i>P. E. Sorokin.</i> Fortifications of Nyenskans of the second half of the 17 th century	167
<i>M. N. Zheltova, E. Yu. Girya, D. N. Fyodorova.</i> Morphological features of domestic flint firestrickers	183

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

New solutions for an old problem.

- Reviews for: Человек и мамонт в палеолите Европы. Часть II. Днепро-Донская историко-культурная область: Памяти Михаила Васильевича Аниковича (1947–2012). СПб.: Ars Longa, 2019 (ТКБАЭ; Вып. 8/II). ISBN 978-5-6041742-9-6. 384 с.: 104 ил. (N. K. Anisyutkin) 193

Experimental tracewear investigations of bone tools of ancient cultures of Eurasia.

- Reviews for: Каменный век и начало эпохи раннего металла. Технология изготовления и функции костяных изделий в древних культурах Евразии: Сб. ст. // Археология евразийских степей. Казань: Изд-во АН Республики Татарстан, 2017. № 2. 360 с.: ил. (M. G. Zhilin, N. N. Skakun, B. Mateva, V. V. Terekhina, M. Sh. Galimova) 199

New investigations of the archaeological textile from Staraya Ladoga.

- Reviews for: Орфинская О. В., Михайлов К. А. Текстиль Старой Ладоги эпохи викингов / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Ars longa, 2020 (Тр. ИИМК РАН; Т. LVI). ISBN 978-5-6041742-8-9. 372 с.: ил. (S. I. Kochkurkina) 203

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

- D. Gergova. 150th anniversary of the Bulgarian Academy of Sciences and the National Archaeological Institute and Museum of Bulgaria 206

THE EAST — WEST COOPERATION

- International scientific conference “Ancient and medieval cultures of Central Asia (the formation, development and interaction of urbanized and cattle-breeding societies)”, 10–12 November 2020, St. Petersburg (V. P. Nikonov, E. O. Stoyanov) 211

HISTORY OF SCIENCE

- M. T. Kashuba, I. V. Sapozhnikov. Excavations by M. Ya. Yakimovich in 1905 near the village of Gofnungstal in the North-Western Black Sea region (after materials from the archives of the Imperial Archaeological Commission) 215

PERSONALIA

- Yu. Vinogradov. A. N. Karasev — to the 120th birthday anniversary 236
V. Ya. Shumkin. “With the soul yearning for the Arctic”(to the 90th anniversary of the archaeologist Leonid Pavlovich Khlobystin) 245

CHRONICLE

- Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences in 2020 (E. S. Tkach) 254
List of abbreviations 261

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 70-летию Владимира Анатольевича Лапшина

20 августа 2021 г. — юбилейная дата в жизни Владимира Анатольевича Лапшина. Интерес к археологии возник у него еще в школьные годы: как и многие ныне работающие в ИИМК сотрудники его поколения, в старших классах он начал посещать кружок Л. С. Клейна. Первое серьезное знакомство с полевой археологией состоялось в Минусинской котловине, в Красноярской экспедиции М. П. Грязнова. Однако древности Сибири не стали предметом его научных интересов. Свой творческий путь Владимир Анатольевич связал с историей и археологией Древней Руси.

В ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) Владимир Анатольевич пришел в 1982 г., уже после опыта работы в Инспекции по охране памятников Ленинградской области. В стенах института он прошел путь от старшего лаборанта до заведующего Отделом славяно-финской археологии и директора. В 1980-е гг. местные органы охраны памятников активизировали работу по выявлению и учету памятников археологии: проводились широкомасштабные разведки, составлялись паспорта на отдельные объекты. Будучи начальником Ленинградской областной экспедиции, Владимир Анатольевич возглавил работу по обследованию Ленинградской области. Результатом явилось двухтомное издание археологической карты Ленинградской области (1990, 1995), которое до сих пор широко востребовано, особенно в связи с развернувшимися в последнее время новостроечными работами в регионе.

На ранних этапах своего творческого пути юбиляр успешно разрабатывал тему, связанную с историей Северо-Восточной Руси. Основное внимание исследователя было обращено на сельские памятники Ростово-Суздальской земли. Целенаправленные раскопки сельских поселений и прежде всего селища Гнездилово дали важные материалы для реконструкции общей историко-культурной ситуации в начале славянской колонизации.

Владимир Анатольевич Лапшин
Vladimir Anatolyevich Lapshin

Суздальские древности послужили основой для разработки хронологической шкалы по керамике, которая до сих пор не утратила своей актуальности. Закономерным итогом многолетних работ стала кандидатская диссертация «Население центральных районов Ростово-Суздальской земли в X–XIII вв.» (1985) в которой прослежен процесс формирования сельских округ Суздаля, Ростова, Переславля-Залесского и Юрьева-Польского.

В 1990-е гг. усилия Владимира Анатольевича были направлены на изучение Тверского кремля с богатым влажным культурным слоем. Широкий цикл комплексных аналитических исследований позволил максимально полно восстановить различные стороны материальной и духовной жизни города, выявить набор признаков, характеризующих культуру Твери XIII–XV вв. как самостоятельное явление в истории средневековой Руси. Важным итогом работ явилось создание дендрохронологической шкалы Твери, на базе

которой была разработана вещевая хронология. Результаты исследований опубликованы в монографии 2009 г. и явились основой докторской диссертации.

В настоящее время Владимир Анатольевич возглавил изучение Старой Ладogi — одного из ключевых памятников Северной Руси периода становления российской государственности. По его мнению, стратегической задачей коллектива археологов, работающих здесь, является всесторонняя подготовка к публикации и введение в научный оборот богатейших материалов этого уникального памятника, накопленных за десятилетия раскопок.

В последние годы Владимир Анатольевич в качестве директора отдал много сил научно-

организационной работе, защищая интересы Института в период очередных бюрократических нововведений и преобразований. Несмотря на свою загруженность, Владимир Анатольевич занимается и преподавательской деятельностью, читая лекции на кафедре археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

С юности нашего юбиляра отличала удивительная скромность, сдержанность, демократизм и доброжелательность к людям.

Редакция «Археологических вестей», коллеги и друзья от всей души поздравляют юбиляра и желают крепкого здоровья, благополучия, творческих достижений, новых книг и открытий!

К юбилею Натальи Андреевны Беловой

Наталье Андреевне Беловой 13 января 2021 г. исполнилось 70 лет. После окончания исторического факультета Воронежского государственного университета в 1979 г. она пришла работать в ЛОИА АН СССР на должность старшего инспектора по кадрам. В 1985 г. перешла в Рукописный архив на должность старшего лаборанта, где в 1989 г. стала младшим научным сотрудником. В начале своего творческого пути Наталья Андреевна успешно выполняла большой объем работ по обработке и обеспечению сохранности документов. За время работы она овладела теорией архивоведения и практическими приемами археографической работы, что позволило ей с успехом справляться со многими научными видами архивной работы. Кроме этого, Н. А. Белова принимала активное участие в общественной жизни института: много лет являлась председателем жилищной комиссии института и членом партбюро.

С 1991 г. Н. А. Белова трудилась над обширной научной темой «Источниковедение и проблемы охраны памятников материальной культуры» и выполняла ряд работ по конкретным направлениям: проводила выявление документов, составляла тематические перечни по охране памятников монументального зодчества различных регионов страны, памятников подводной археологии, документов по деятельности ученых-археологов дореволюционной школы (Н. И. Веселовского, Н. Е. Бранденбурга, А. А. Спицына и др.). Особенно большой вклад Наталья Андреевна внесла в исследование уникального и ценнейшего фонда Научного архива ИИМК РАН — фонда 1 Императорской археологической комиссии (ИАК). Ею выявлено и систематизировано значительное количество документов по истории и деятельности ИАК, составлен востребованный каталог по археологическим и архитектурным исследованиям Комиссии.

Кроме научно-исследовательской деятельности Н. А. Белова долгие годы продолжала

Наталья Андреевна Белова

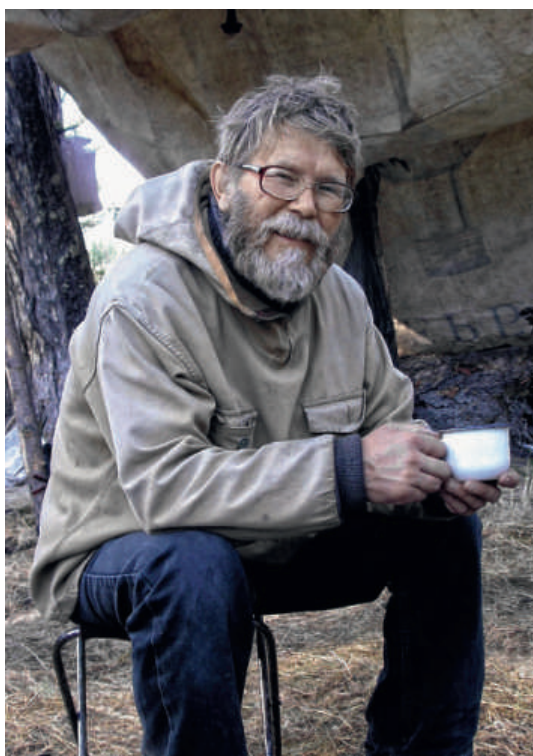
Natalia Andreevna Belova

выполнять работы по обработке и обеспечению сохранности документов, консультировать и обслуживать исследователей в читальном зале Рукописного архива (позже Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН).

Опыт, фундаментальное знание документов архива и профессионализм характеризуют Наталью Андреевну как высококлассного специалиста архивного дела. Ее отличают высокая исполнительская дисциплина и ответственное отношение к любому виду работы. Личные качества, такие как чрезвычайно развитое чувство товарищества по отношению к коллегам по труду, активное желание всегда прийти на помощь, доброта и отзывчивость, позволили ей прочно войти в коллектив института и стать его полноправным членом на долгие годы.

Мы желаем Наталье Андреевне энергии, творческих успехов, крепкого здоровья и долголетия!

К 70-летию Владимира Анатольевича Семёнова

Владимир Анатольевич Семёнов
Vladimir Anatolyevich Semyonov

5 июня 2021 г. исполнилось 70 лет Владимиру Анатольевичу Семёнову — крупнейшему исследователю древностей Южной Сибири и Тувы эпохи бронзы и железного века.

Владимир Анатольевич увлекся археологией еще в школьные годы, а в 1973 г. впервые побывал на раскопках в Туве, которая с тех пор стала

для него не только постоянным местом исследований, но любимым краем и вторым домом.

Пройдя путь от старшего лаборанта до старшего научного сотрудника, Владимир Анатольевич не изменил научному направлению, выбранному им в начале своей карьеры. Его интересы лежат в области изучения проблем хронологии и эволюции археологических культур Южной Сибири и Тувы. Им опубликовано 260 статей, шесть авторских монографий и шесть монографий, написанных в соавторстве с коллегами.

Научные достижения Владимира Анатольевича по достоинству оценены в Республике Тыва. В 2003 г. ему было присуждено звание «Заслуженный работник Тывы».

С 1992 г. Владимир Анатольевич ведет успешную научно-педагогическую деятельность на факультете теории и истории искусства в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Российская Академия художеств), являясь доцентом этого института. Им разработаны курсы лекций «Первобытное искусство» и «Основы археологии».

Владимир Анатольевич — не только настоящий ученый, подвижник и служитель науки, но и человек подлинной внутренней свободы и высоких принципов. Это находит отражение во всем, что он делает, — от написания научных трудов до великолепных стихотворений.

Друзья и коллеги сердечно поздравляют Владимира Анатольевича с важной жизненной датой и желают здоровья, успехов, новых открытий в поле и за письменным столом.

К 70-летию Александра Ивановича Саксы

11 августа 2021 г. исполнилось 70 лет ведущему научному сотруднику ИИМК РАН, доктору исторических наук Александру Ивановичу Саксе. Александр Иванович является крупнейшим специалистом по средневековым древностям Карелии, Финляндии и Прибалтики. Его успешные полевые археологические работы на Карельском перешейке в начале 1980-х гг. привели к открытию и изучению серии погребальных памятников древних карел. Эти исследования легли в основу кандидатской диссертации «Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным)», которую он защитил в 1984 г.

Научные достижения А. И. Саксы получили признание не только в России, но и в Финляндии. В 1998 г. прошла защита его диссертации на соискание степени доктора философии в Университете Йоенсуу. Тогда же вышла и первая монография — *Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan synty ja varhaiskehitys* (*Studia Carelica Humanistica* II. Joensuu, 1998) (на финском языке). В переработанном виде данная работа в 2007 г. была защищена в качестве докторской диссертации и в стенах родного института, так что друзья шутили звали Александра Ивановича «доктором в квадрате». В ней на основе привлечения широкого круга источников рассматривается история развития Карельской земли во второй половине I тыс. н. э. — первой половине II тыс. н. э. Данная работа в качестве монографии была опубликована в 2010 г.

Начиная с 1998 г. особое научное внимание А. И. Саксы обращено на историю Выборга. Он возглавляет архитектурно-археологическую экспедицию по изучению этого уникального средневекового города. Проведенные в последние десятилетия раскопки в Выборге дали новые данные по исторической топографии города: были открыты остатки карельских поселений дошведского периода, выявлены особенности застройки в условиях неровности рельефа, рассмотрен

Александр Иванович Сакса
Alexander Ivanovich Saksa

характер домостроительства в различные исторические периоды. По результатам многолетних работ в 2020 г. вышла книга «Из истории одного выборгского средневекового дома». Самое пристальное внимание А. И. Сакса уделяет сохранению культурного наследия этого удивительного исторического памятника, постоянно проводя надзор за новым строительством.

Нельзя не отметить особую роль А. И. Саксы в развитии российско-финляндских отношений. А. Н. Кирпичников будучи заведующим Отделом славяно-финской археологии, в котором особое место занимала финно-угорская тематика, стал инициатором налаживания отношений с финскими и прибалтийскими коллегами. Поскольку Александр Иванович с детства знал финский язык, будучи ингерманландцем, то огромная

организаторская и переводческая работа легла на его плечи. И то, что с 1976 г. по настоящее время эти связи с разной степенью интенсивности развиваются, — несомненная заслуга А. И. Саксы. Благодаря его исключительным человеческим качествам со многими финскими специалистами сложились дружеские отношения, что очень помогло вести совместные работы. Так, в частности, А. И. Сакса стал членом нескольких международных проектов, в рамках которых велись исследования

по археологии и ландшафтной истории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. Он является членом ряда финских обществ: археологического, литературного, по изучению церковной истории и общества «Калевала».

Александра Ивановича отличает исключительная скромность, интеллигентность и доброжелательность к людям.

От всей души желаем ему здоровья, долгих лет жизни и успехов на благо российской науки!

К 70-летию Андрея Александровича Сеницына

12 августа 2021 г. отмечает свой юбилей старший научный сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН, кандидат исторических наук Андрей Александрович Сеницын — многолетний руководитель Костёнковской экспедиции ИИМК РАН, всемирно признанный специалист по культурам верхнего палеолита Восточной Европы.

Ученик А. Н. Рогачева, А. А. Сеницын начал трудовую деятельность в стенах нашего института еще будучи студентом, в 1972 г. В 1982 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную памятникам городцовской культуры в Костёнках.

Полевая деятельность А. А. Сеницына всецело связана с уникальными многослойными памятниками Костёнок. На протяжении длительного времени он увлеченно исследует сложнейшую стратиграфическую колонку стоянки Костёнки 14, что позволило выявить древнейший в Восточной Европе комплекс ранней поры верхнего палеолита.

Перу А. А. Сеницына принадлежит множество публикаций, вышедших в свет в отечественных и зарубежных журналах и сборниках, в том числе главы в книге «Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований» (Л.: Наука, Лен. отд., 1982), составленная совместно с Н. Д. Прасловым сводка «Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии» (СПб., 1997) и фундаментальный сборник «Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы» (СПб.: ИИМК РАН, 2002). Не замыкаясь в узких рамках стратиграфо-типологических штудий, А. А. Сеницын разрабатывает теоретические аспекты исследования каменных индустрий, вопросы культурного членения верхнего палеолита Северной Евразии, смысла и значения древнейшего искусства, стилистики украшений, анализа погребального обряда в древнекаменном веке, истории археологии и др.

Андрей Александрович Сеницын
Andrey Alexandrovich Sinitsyn

А. А. Сеницын активно вовлечен в международное научное сотрудничество. Проблемы хронологии палеолита Костёнок разрабатываются им совместно со специалистами различного профиля из США, Франции, Германии, Англии, Чехии, Бельгии, Италии, Голландии, Норвегии, Швейцарии, Мексики. А. А. Сеницын неоднократно представлял результаты своих исследований на научных конференциях и конгрессах, проведенных в России, Чехии, Германии, Голландии, Бельгии, Франции, Великобритании, Австрии, Италии, Испании, Швейцарии, на Украине, выступал с лекциями в ведущих университетах Старого Света. А. А. Сеницын — один из основных организаторов международных полевых симпозиумов в Костёнках.

Пожелаем Андрею Александровичу здоровья и новых творческих успехов!

К 70-летию Игоря Юрьевича Шауба

Игорь Юрьевич Шауб
Igor Yurievich Shaub

27 декабря 2021 г. исполнится 70 лет ведущему научному сотруднику Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, доктору исторических наук Игорю Юрьевичу Шаубу, одному из виднейших исследователей античных древностей Северного Причерноморья. Родился он в семье с давними петербургскими традициями, отличавшейся широким кругозором и глубокой образованностью. Первым выдающимся представителем рода Шаубов в столице Российской империи стал академик архитектуры Карл Альберт Вильгельм (в России — Василий Иванович) Шауб (1834–1905). Среди его прямых потомков, а у него

было пять сыновей и три дочери, наибольшую известность получил также ставший архитектором Василий Васильевич Шауб (1861–1934), работавший в стиле модерн (им построены особняки К. К. Шредера, И. Д. Бонштедта, создан ансамбль Австрийской площади и др.). Его брат Александр, ставший бумажным фабрикантом, является родоначальником той ветви рода Шаубов, к которой принадлежит Игорь Юрьевич.

В отличие от отца, доктора технических наук, одного из крупнейших геофизиков СССР, у него довольно рано проявился гуманитарный склад ума, поэтому путь к изучению античности начался еще в период обучения в 27-й средней школе с углубленным преподаванием литературы и истории.

Первый шаг был сделан в 1967 г., когда он попал в Нижнебургскую экспедицию ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) под руководством И. Б. Брашинского. В том же году ему удалось занять первое место на олимпиаде по истории, организованной историческим факультетом ЛГУ, и получить рекомендацию для поступления. Она была реализована в 1969 г., и для юного студента началась учеба на кафедре истории Древней Греции и Рима, где его наставниками стали такие выдающиеся антиковеды, как К. М. Колобова, Э. Д. Фролов, А. И. Зайцев и др. Там в сферу его интересов вошла религиозная жизнь древнего мира и, в частности, минойского Крита. И этим он был обязан, прежде всего, своему научному руководителю, Юрию Викторовичу Андрееву, одному из крупнейших отечественных специалистов в области ранней греческой истории. В студенческие годы продолжилось его знакомство с античной археологией в различных регионах Северного Причерноморья: в 1971 г. это была Тарханкутская экспедиция ЛОИА (нач. А. Н. Щеглов), в 1972 г. — Березанская экспедиция Государственного Эрмитажа (нач. Л. В. Копейкина),

в 1973 г. — Нимфейская экспедиция Эрмитажа (нач. Н. Л. Грач).

После окончания университета, уже осенью 1974 г., И. Ю. Шауб был принят в группу античной археологии ЛОИА, где прошел путь от стажера-исследователя до ведущего научного сотрудника. С самого начала в качестве основного направления своей работы он выбрал тему греко-варварских контактов в области духовной культуры населения Северного Причерноморья античной эпохи. Связанные с ней статьи стали публиковаться с завидной регулярностью начиная с 1975 г. Накопленные со временем материалы позволили спустя 12 лет защитить кандидатскую диссертацию «Культы и религиозные представления населения Боспора VI–IV вв. до н. э.».

Тогда же, в связи с состоянием здоровья, фактически закончился полевой период его жизни. В первые годы работы в ЛОИА Игорь Юрьевич принимал участие в Ольвийской экспедиции 1975 г. (нач. В. И. Денисова) и Нижнебугской античной экспедиции 1976 г. (нач. К. К. Марченко). Особенно много сил он отдал раскопкам небольшого боспорского городка Порфмий VI–I вв. до н. э. (1976–1984) под началом кандидата исторических наук Елизаветы Григорьевны Кастанаян. Именно там, в последней для него Порфмийской экспедиции, он встретил свою будущую жену Наталью. В дальнейшем он участвовал только в работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции в 1987 г. (нач. Ю. А. Виноградов), сосредоточившись затем на кабинетной работе.

По инициативе И. Ю. Шауба с 2007 г. начал издаваться журнал «Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии». Это название означает духовную преемственность, спустя столетие, со старым дореволюционным журналом «Гермес» (1907–1917), который удовлетворял вкусам как специалистов-антиковедов, так и любителей классической древности. В возглавляемый Игорем Юрьевичем редакционный совет издания входят виднейшие филологи-классики и археологи Санкт-Петербурга и Москвы (ученые СПбГУ, ИИМК РАН, МГУ, РГГУ).

2007 г. ознаменовался для юбиляра и выходом в свет наиболее значимой его монографии «Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э.» (СПб., 2007). Она стала основой докторской диссертации «Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.)» (2010). На следующий год книга под таким названием была издана в Саарбрюкене (Германия). В ней Игорь Юрьевич успешно, в большинстве случаев впервые, продемонстрировал комплексный подход к изучению воздействия варварской среды на верования и культы греческого населения далекой окраины античного мира.

Нельзя не отметить и вклад И. Ю. Шауба в популяризацию античного культурного наследия, в частности, такие его книги, как «Боги и герои античного Северного Причерноморья» (СПб., 2020) и «Смерть и возрождение. Загробный мир боспорян» (СПб., 2021). Особое направление научных интересов юбиляра — история культуры Западной Европы эпохи Возрождения, России Серебряного века и русской эмиграции, что отразилось в таких изданиях, как «Данте. Pro et Contra» (СПб., 2011), «Дж. Боккаччо. Pro et Contra» (СПб., 2015) и «Русская культура Серебряного века (учебно-методическое пособие.)» (СПб., 2010).

Кроме того, на протяжении многих лет Игорь Юрьевич успешно сочетает научно-исследовательскую деятельность с преподавательской работой в качестве доцента на кафедре истории западноевропейской и русской культуры Института истории СПбГУ. Он является членом Международной ассоциации ученых, преподавателей и специалистов (Российской академии естествознания). И. Ю. Шауб пользуется большим авторитетом среди отечественных и зарубежных ученых и культурологов, выступает с докладами и сообщениями на международных симпозиумах и конференциях.

Редакция «Археологических вестей», коллеги и друзья от всей души поздравляют юбиляра и желает ему новых творческих свершений, крепкого здоровья и долгих лет жизни!

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Орудия категории пик в древнейшем раннем палеолите юга Восточно-Европейской равнины¹

Н. К. Анисюткин²

Аннотация. В статье описывается группа каменных орудий категории пик, обнаруженная в нижних слоях эоплейстоценовой стоянки Байраки (Приднестровье). Сейчас это самая древняя стоянка раннего палеолита Восточно-Европейской равнины. Серии аналогичных орудий ранее были найдены в древнейшем палеолите Кавказа и Тамани, где они были прослежены на отрезке времени от 1,8 до 0,5 млн лет — от олдованской эпохи до середины ашельской. В отличие от Кавказа на юге Восточно-Европейской равнины (в Приднестровье) эти формы существовали лишь в первой половине ашельской эпохи, но неизвестны позднее.

Annotation. The paper is devoted to a group of stone tools of the pick category from the lower layers of the Bayraki Eopleistocene site. These stone tools belong to the earliest Lower Palaeolithic of the south of the East European Plain. Similar forms of tools were previously revealed in the Oldowan complexes of the Caucasus and Taman Peninsula, where they occur together with handaxes up to the Mid-Acheulian epoch. In the south of Eastern Europe (Lower Transnistria), these tools and single axes are found only in the first half of the Acheulian but are unknown later.

Ключевые слова: Восточная Европа, Приднестровье, Байраки, олдован, ашель, орудия категории пик.

Keywords: Eastern Europe, Transnistria, Bayraki, Oldowan and Acheulian, tools of the pick category.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-18-27

Введение

Важнейшие открытия на Кавказе и Тамани, а позднее и на юге Восточно-Европейской равнины, древнейшего раннего палеолита, сопоставимого с олдованом (*sensu lato*), позволили получить четкое представление о конкретных каменных индустриях этого начального периода человеческой доистории. Проводимые исследования дали возможность выявить определенные закономерности в развитии региональных комплексов³ каменных орудий, отражающих специфику

адаптации предков Номо к природным условиям вновь осваиваемых территорий. Эти условия весьма заметно отличались от африканских и ближневосточных более холодным и суровым климатом. Как показал палинологический анализ образцов из нижних слоев стоянки Байраки, связанных с отложениями пойменного и руслового аллювия VII террасы, во второй половине эоплейстоцена⁴ растительность в долине р. Днестр была подобна современной флоре прибрежных причерноморских районов Малой Азии и Балкан (Чепалыга и др., 2012). Преобладали степные и лесостепные ландшафты. Леса, представленные такими широколиственными породами деревьев, как липа, дуб, бук, орех, вяз, а также березой с примесью сосны (*Pinus s/g Diploxylon*), были преимущественно сосредоточены в долинах рек. Климат был несколько теплее современного, о чем свидетельствует присутствие таких неогеновых экзотов, как лапина, дзельква, хмелеграб,

¹ Отдел палеолита, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

² Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ РАН по теме государственного задания № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

³ В данном случае понятие «комплекс» соответствует его определению в Словаре-справочнике по археологии палеолита (Васильев и др., 2007).

⁴ Понятие эоплейстоцен соответствует понятию ранний плейстоцен западных ученых.

каштан (*Медяник*, 1989). Тем не менее зимой случались непродолжительные прохладные периоды с нулевыми или даже отрицательными температурами. Данное обстоятельство потребовало от «колонистов» изменения стратегии выживания, что в первую очередь должно было отразиться на материальной культуре.

Результаты исследований древнейших каменных индустрий Кавказа, Тамани и Приднестровья опубликованы в ряде работ российских ученых. В публикациях, естественно, особое внимание было уделено всестороннему изучению индустрий и особенно технологии первичной обработки камня, однозначно и отчетливо показавших сходство сопоставляемых комплексов с олдованом (*Амирханов*, 2016; *Щелинский*, 2014а; *Анисюткин*, 2020). Весьма детально были проанализированы основные категории орудий, включая чопперы, пики, протобифасы, бифасы и орудия на отщепах (*Амирханов*, 1991; 2007; 2012; 2016; *Таймазов*, 2010; *Любин*, *Беляева*, 2010; *Щелинский*, 2013, 2014б; *Анисюткин*, 2017). Значительный интерес представляет изучение такой категории орудий, как пик, которая была ранее малоизвестна в раннем палеолите Восточной Европы и Северной Азии, но очень хорошо представлена в раннем палеолите Африки.

Первой важной публикацией, посвященной этим формам, явилась фундаментальная работа крупнейшего отечественного специалиста по палеолиту В. П. Любина, который, используя материалы своих раскопок в Западной Африке, предложил их детальную и достаточно полную характеристику. Четко сформулированные выводы дали хорошее представление о хронологическом и территориальном ареалах категории пика в раннем палеолите. Значительный интерес представляет авторский подход к классификации данных орудий (*Любин и др.*, 2000). Без сомнения, типологические разработки В. П. Любина вызывают наибольший научный интерес прежде всего у специалистов, изучающих аналогичные орудия на территории Кавказа и Тамани.

Результаты подобных исследований не заставили себя долго ждать. Они появились в публикациях выдающихся российских ученых Х. А. Амирханова и В. Е. Щелинского, которые, основываясь на добытых ими материалах, предложили свои весьма интересные и перспективные интерпретации (*Амирханов*, 2012; 2016; *Щелинский*, 2014б). В итоге удалось выработать вполне приемлемый под-

ход к классификации рассматриваемой категории орудий. Впрочем, в этом случае полезно подчеркнуть, что данный подход должен принимать во внимание сложность, разнообразие и неоднозначность признаков, учитываемых при выделении орудий категории пик, где, на мой взгляд, немалое значение имеет качество использованного сырья. В этом случае особенно важен учет наиболее общих и существенных признаков. Результаты данных исследований были в полной мере учтены при выделении пиков в древнейшем комплексе Байраки на территории Нижнего Приднестровья.

Краткая характеристика материала

Стоянка Байраки расположена на высокой (Кицканской) VII террасе⁵ Днестра в Приднестровье, непосредственно на северо-восточной окраине молдавского города Дубоссары — в городском районе Большой Фонтан. Объект находится в верховьях древней балки Байраки в ныне заброшенном гравийно-песчаном карьере. Координаты памятника следующие: N 47°16'27" и E 29°11'10". Первые артефакты были обнаружены во время разведывательных работ в 2010 г. Стационарные раскопки проводились в 2011–2014 гг. (*Анисюткин и др.*, 2015). Было выявлено шесть слоев с архаичными артефактами древнейшего раннего палеолита. Как показали комплексные междисциплинарные исследования, прежде всего палеомагнитные, верхние слои 1 и 2 с каменными изделиями раннего палеолита относятся к эпохе Брюнес, то есть они моложе 780 тыс. лет. Нижние же слои, 3, 4, 5 и 6, связанные с отложениями пойменного и руслового аллювия, датируются эоплейстоценовым временем, соответствуя палеомагнитной эпохе Матуяма. Отсюда следует, что каменные артефакты из этих четырех слоев заметно древнее 800 тыс. лет.

Наиболее представительная коллекция происходит из слоя 5, залегающего в отложениях кровли руслового аллювия высокой Кицканской террасы Днестра. Этот аллювий датируется палеомагнитным эпизодом Харамильо (0,99–1,07 млн лет назад). Отсюда следует, что впервые на территории Восточной Европы найден палеолитический комплекс возрастом около 1 млн лет назад. Коллекция каменных изделий нижнего слоя 5 представлена предметами преимущественно мелких размеров, которые чаще всего были изготовлены

⁵ В некоторых публикациях эта (Кицканская) терраса описывается как VIII.

из небольших желваков местного кремня. Напротив, немногочисленные галечные орудия часто имели более крупные размеры. Они обычно изготавливались из некремневого сырья, нередко из галек очень твердого косоуцкого песчаника, из которого сделана заметная часть чопперов и пиков.

Описание каменных изделий

Немногочисленные пики из слоев 3 и 5 стоянки Байраки были вслед за В. Е. Щелинским подразделены мною на два типа (*Щелинский*, 2014б. С. 54–57). К первому типу отнесены орудия подтреугольной формы с массивными «пятками», а ко второму — остроконечные и продолговатые формы без выделенных пяток (обушков).

Самая поздняя эоплейстоценовая находка орудия с признаками, характерными для категории пик, происходит из слоя 3, чей возраст определен в пределах 850–900 тыс. лет. Ископаемая почва, в которой залегают артефакты этого слоя, формировалась, как показали палеомагнитные исследования, в одном из позднейших эпизодов (Камикатсура или Санта Роза) палеомагнитной эпохи Матуяма. Речь идет об относительно крупном артефакте без патины (91 × 80 × 50 мм) из окатанного желвака черного кремня со слабо заполированными поверхностями (рис. 1, 1). Оба заостренных конца орудия, один из которых слабо выделен, обработаны очень крутой ретушью. Отчетливо выражены следы дополнительной аккомодации. В данном случае речь идет о двух ретушированных участках, находящихся напротив заостренных концов орудия. Эта обработка формирует своего рода «пятки», оббитые крутой и отвесной ретушью, которые удобны для захвата рукой. Последовательность изготовления орудия можно представить так: первоначально на гальке одним сколом была получена крупная и глубокая выемка, на краях которой образовались два естественно заостренных конца. Далее эти концы были обработаны фасетками крутой ретуши, превратив их в массивные острия с поперечными сечениями подтреугольной формы. Затем на противоположных краях орудия оббивкой были сформированы своего рода «пятки», удобные для дальнейшей работы. Как результат интенсивного использования острых концов на их кончиках образовались уплощенные резцовые сколы. В данном случае речь идет о весьма специфической форме орудия подтреугольной формы с признаками пика и с намеренно ретушированными пятками.

Серия орудий категории пик выявлена в слое 5. Одним из самых показательных орудий является пик с двусторонней обработкой, который мой коллега В. Е. Щелинский, знакомившийся с данной коллекцией, назвал «ашельским пиком» (рис. 1, 2а, 2б). Этот артефакт найден в средней части слоя 5. В данном случае речь идет о крупном предмете, изготовленном из желвачного кремня темно-серого цвета удовлетворительного качества, но пронизанного многочисленными кавернами (80 × 70 × 47 мм). Поэтому с этого желвака невозможно было получать качественные отщепы, а тем самым он не мог быть использован как нуклеус. Из желвака было сделано относительно крупное остроконечное орудие грушевидной формы, которое можно рассматривать как типичный пик. Верхняя его часть была выделена частично двусторонней оббивкой с подтреугольным поперечным сечением. Подтреугольное поперечное сечение обычно для пиков, но нехарактерно для бифасов. Один из краев был обработан интенсивной краевой ретушью. Массивная пятка имеет следы подправки контрударной ретушью.

В самом верхнем горизонте отложений слоя 5, представленного песком желтого цвета, соответствующего пляжной фации руслового аллювия, найдено окатанное орудие из гальки твердого косоуцкого песчаника относительно крупных размеров (80 × 81 × 38 мм). В качестве заготовки была использована уплощенная галька, оббитая серией сколов разного размера и назначения (рис. 2, 4). Изготовление пика началось с создания широкой и скошенной ударной площадки, сформированной одним сколом, снявшим крупный первичный отщеп. Затем с этой площадки был получен удлиненный первичный скол, уплощающий вентральную поверхность будущего орудия. На этой плоскости отчетливо прослеживаются небольшие плоские сколы дополнительной подправки. Далее с этой уплощенной поверхности было сделано два относительно крупных смежных снятия, которые выделили на дорсальной плоскости массивное острие. Левый край орудия был обработан отвесной и крутой ретушью, а правый сохранил поверхность гальки. В отличие от предмета из слоя 3, где участки с такой ретушью расположены напротив острий, в данном случае обработанному ретушью краю противоположит галечная поверхность, которая могла быть обушком чоппера. В этом случае перед нами комбинированное орудие, где сочетаются пик и чоппер. Принимая

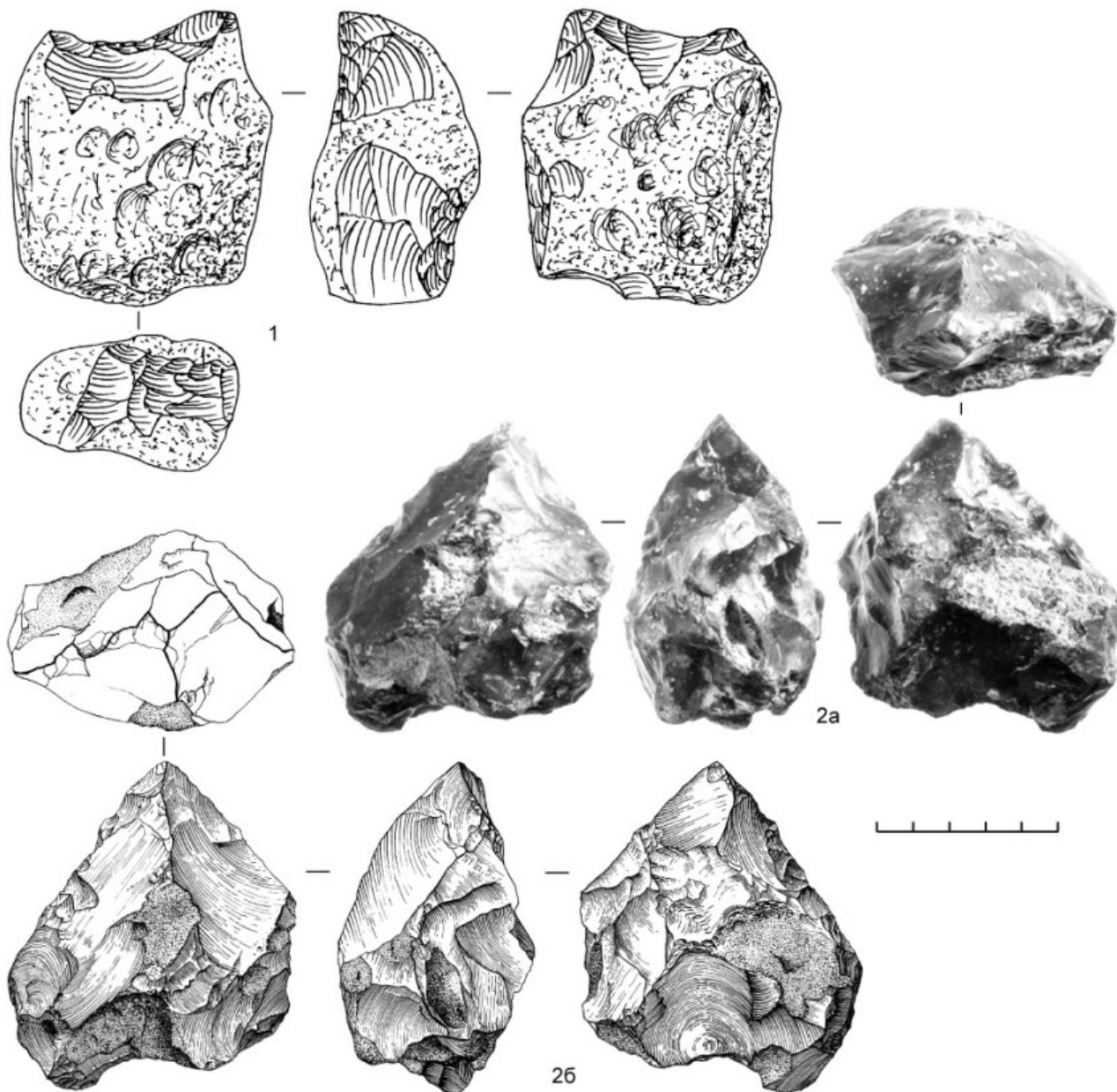

Рис. 1. Пики стоянки Байраки: 1 — орудие с обушком из слоя 3; 2 — орудие с обушком из слоя 5 (2a — фото, 2б — рисунок)

Fig. 1. Picks from the site of Bayraki: 1 — backed tool from layer 3; 2 — backed tool from layer 5 (2a — photo, 2b — drawing)

во внимание не вполне четко выраженный рабочий край чоппера, я в соответствии с известным правилом преимущества, предложенным в свое время Франсуа Бордом, склонен отнести это орудие к категории пик (*Bordes, 1961. P. 10*).

Всего тремя предметами представлены пиковидные орудия без выраженных пяток. Они отнесены к продолговатым пикам. Орудия изготовлены из обломков кремня и имеют относительно

небольшие размеры (50–56 мм), что в первую очередь связано с особенностями сырьевого материала (рис. 2, 1, 3, 5). В качестве своего рода «заготовок» использовались небольшие кремневые желваки или гальки подходящих форм и пропорций, которые с помощью вторичной обработки превращены в остроконечные орудия пиковидных форм. Они имели отчетливо выраженные острия и массивные поперечные сечения. Вентральные

поверхности были плоскими — естественными или образованными намеренной обработкой. В одном случае хорошо прослеживается уплощенная подправка острого конца, нанесенная с вентральной стороны орудия (рис. 2, 5).

Прочие условные типы, включая так называемые плоские пики, были единичны и недостаточно выразительны. В качестве заготовки одного был использован массивный отщеп (рис. 2, 2). Интересен артефакт на окатанном обломке кремня с особо тщательно выделенным ретушью острым концом. Это массивное орудие имеет явно пиковидную форму, но не может быть подлинным пиком по причине намеренно выделенного тщательной ретушью острого конца. Наиболее реально рассматривать этот предмет как проколку на обломке кремня. Орудие найдено на современной поверхности карьера среди обломков конгломерата. На этом основании данная форма может быть связана со слоем 6 (рис. 3, 1).

Обсуждение материала

Выделенные в коллекции стоянки Байраки орудия категории пик представлены, подчеркну еще раз, двумя типами, из которых первый можно отнести к подтреугольным формам с обушками, а второй — к продолговатым формам без обушков. Для всех этих артефактов характерными признаками являются четко выраженная массивность, наличие острия и уплощенность с вентральной стороны. Поперечное сечение плоско-выпуклое и почти всегда треугольное или близкое ему. Эта совокупность признаков в целом характерна для орудий категории пик, приведенных в публикациях Х. А. Амирханова и В. Е. Щелинского. Некоторые отклонения от предложенного этими учеными стандарта возможно, на мой взгляд, объяснить как более поздним возрастом комплекса Байраки, так и влиянием менее качественного сырья.

Наиболее показательными формами являются массивные пики подтреугольной формы с пятками (обушками). Аналогичные орудия были выделены в опубликованной коллекции стоянки Родники 1 на Тамани, где у них менее четко выделены острые концы (Щелинский, 2014б. Рис. 77–79). Похожие формы также найдены среди весьма многочисленных орудий дагестанского олдована (Амирханов, 2012).

В целом орудия категории пик обычны в архаичных индустриях олдованского облика с территорий Закавказья (Армения), Северного Кавказа и

Тамани. Позднее они были найдены и на юге Восточно-Европейской равнины на стоянке Байраки (Приднестровье). На территории Крыма выразительных пигов пока нет. Наиболее примитивные и грубые формы были выделены в древнейших комплексах Армении (Карахач–Куртан–Мурадово). Их абсолютный возраст соответствует 1,8 млн лет назад (Беляева, Любин, 2014. С. 189).

Таким образом, можно констатировать, что орудия категории пик существовали на территории Кавказа и юга Восточной Европы на протяжении более 1 млн лет. В дальнейшем эти формы продолжали свое развитие в комплексах начальной поры раннего палеолита, соответствуя ашелю. Очень выразительные пики обнаружены в слоях дагестанского местонахождения Дарвагчай-1, где они датируются в пределах 0,45–0,80 млн лет назад (Проблемы палеолита..., 2012; Анойкин, 2017). Единичные находки каменных орудий категории пик аналогичного возраста выявлены также и на территории Приднестровья. Они обнаружены на местонахождении раннего палеолита Погреба (Анисюткин, 2016). Здесь совместно с орудиями категории пик (рис. 3, 2) найдены интересные формы массивных остроконечных чопперов, которые вполне возможно рассматривать как атипичные пики (рис. 3, 3).

Типичная и весьма показательная форма пика недавно обнаружена В. Е. Щелинским в четких стратиграфических условиях на известном ранее местонахождении Игнатенков Куток (Северо-Западный Кавказ). В соответствии с геохронологией и морфологией орудий этот комплекс, содержащий типичные ручные рубила архаичного облика, следует сопоставить с древнейшим ашедем Европы и Ближнего Востока (Щелинский и др., 2019).

Важно отметить, что ашельские пики Дарвагчай-1, Игнатенкова Кутка и Погреба имеют аналогичные подтреугольные формы. Для них характерными признаками являются выраженные острия, а также значительная массивность, частично двусторонняя обработка и подтреугольное поперечное сечение. Культурно-хронологически все рассмотренные комплексы соответствуют первой половине ашеля.

Как считают современные исследователи африканского палеолита, орудия категории пик не являются характерными для подлинного олдована. Эти орудия появляются, согласно данным, приведенным в обобщающей статье американских ученых К. Шик и Н. Тота, лишь в начале

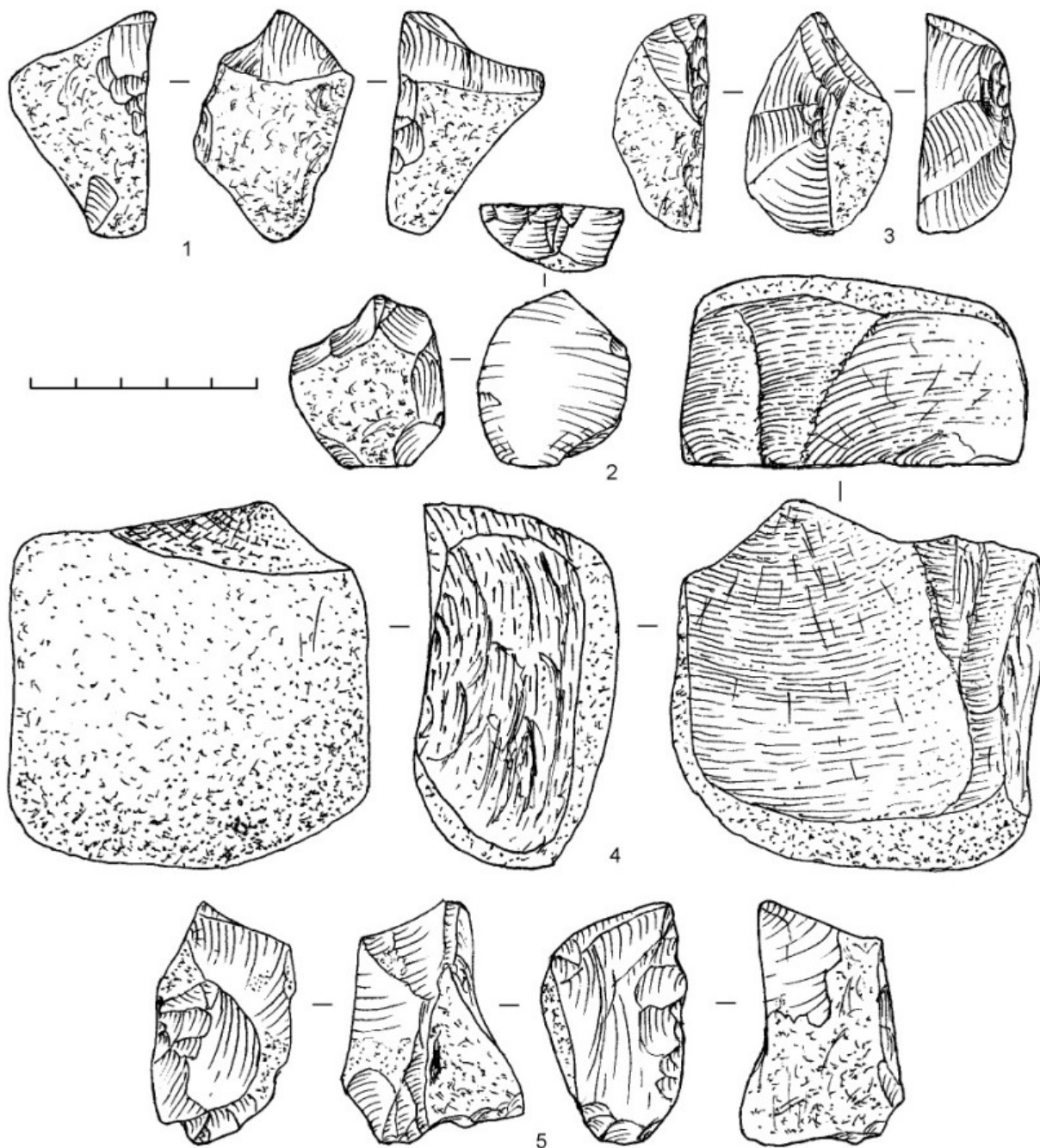

Рис. 2. Пики из слоя 5 стоянки Байраки: 1, 3, 5 — продолговатые формы без обушков; 2 — «плоский» пик на отщепе; 4 — пик-чоппер с обушком на гальке косоуцкого песчаника

Fig. 2. Picks from layer 5 of the site of Bayraki: 1, 3, 5 — elongated forms without butts; 2 — “flat” pick on flake; 4 — backed pick-chopper on a pebble from Cosăuți sandstone

африканского ашеля (более 1,5 млн лет назад) (Schick, Toth, 2006. P. 4).

С данной точкой зрения не согласились некоторые российские ученые, полагающие, что пики все же обычны для олдована, обращая внимание, в частности, на известные материалы Олдувай-

ского местонахождения. Здесь подобные формы происходят из верхней части пачки отложений (Bed) II, соответствуя комплексу «развитого олдована», который в Африке достаточно долго сосуществовал с ашельскими индустриями. Отнесение некоторыми исследователями комплекса

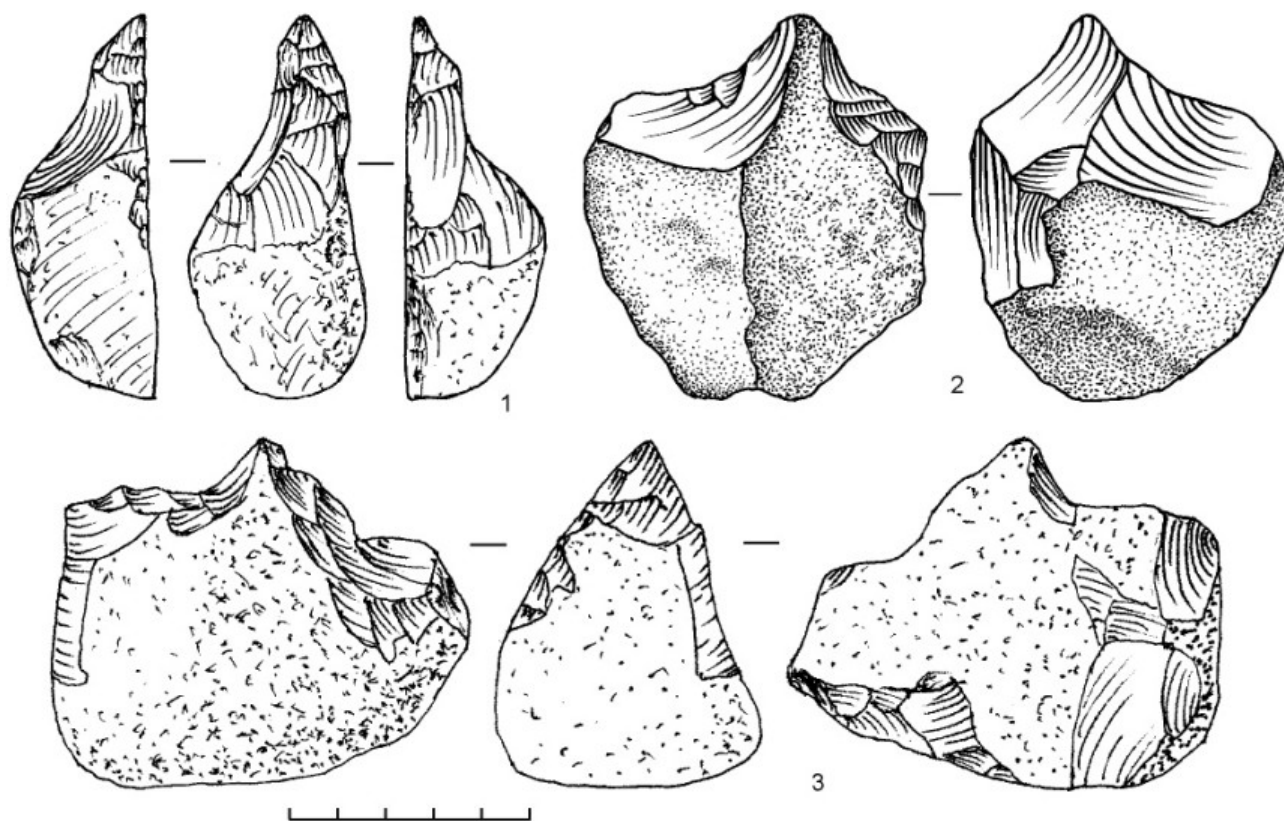

Рис. 3. Орудия из комплексов раннего палеолита Приднестровья: 1 — массивная пиковидная проколка на окатанном обломке кремня (Байраки, слой 6?); 2 — пик с обушком местонахождения Погребы; 3 — атипичный пик из гальки кремнистой породы (Погребы)

Fig. 3. Tools from Low Palaeolithic assemblages in Transnistria: 1 — massive pick-like borer on a rounded flint fragment (Bayraki, layer 6?); 2 — backed pick from the site of Pogrebya (Pogrebă); 3 — atypical pick from a pebble of a cherty rock (Pogrebya)

«развитого олдована» к ашелю, используя в качестве аргумента наличие в коллекции всего лишь единичных и нередко весьма аморфных ручных рубил без учета специфики всей индустрии, не является продуктивным (Беляева, Любин, 2014). Достаточно указать на частое присутствие единичных рубил в заведомо более поздних коллекциях каменного века, включая верхний палеолит и мустье, где эти формы нередко отличались даже сохранностью поверхностей. Подобные находки рубил чаще всего использовались ископаемыми людьми в качестве пренуклеусов. Хороший пример, в частности, дает сирийский грот Ябруд. Здесь обитатели слоя 15 с каменной индустрией преориньяка специально добывали рубила из лежащего ниже микокского слоя 18, используя их в качестве нуклеусов для изготовления своих орудий (Коробков, 1978).

По предположениям некоторых российских ученых пики могли существовать и в более древних олдованских слоях Олдувая верхнего уровня

пачки I (Амирханов, 2016. С. 144). Однако, на мой взгляд, эта интересная и вполне продуктивная идея все же требует более надежного доказательства. Предполагаемые пики из отложений данного времени не являются типичными и вполне могут быть интерпретированы как проторубила (Leakey, 1971).

Очень продолжительное существование орудий категории пик в эоплейстоценовых комплексах Кавказа, Тамани и юга Восточной Европы может указывать на определенную специфику развития. В этом плане показательно, что наиболее примитивные и ранние по возрасту формы пиков найдены в комплексах Армении. Здесь они синхронны каменной индустриям классического олдована с датой 1,85 млн лет назад из нижней части пачки 1 местонахождения Олдувай. В это время в Африке, как полагает часть видных исследователей африканского палеолита, бесспорных пиков еще не было (Schick, Toth, 2006). В таком случае получается, что на территории Закавказья

пики появляются раньше, чем на прародине человечества — в Африке. К тому же здесь они часто сопровождалась примитивными орудиями с двусторонней обработкой, сопоставимыми с ручными рубилами. В настоящее время подобную специфику можно объяснить выявленной общей закономерностью развития, связанной с независимым появлением рубил и пиков в разных частях Евразии (Деревянко, 2015).

На своеобразии комплекса каменных орудий стоянки Родники 1 и всего таманского «олдована» ранее специально указывал В. Е. Щелинский, справедливо рассматривая каменные индустрии с территории Тамани как особый вариант таманского архаичного ашеля. Ученый определенно указал, что этот комплекс древнейшего ашеля существовал на территории Кавказа с иными вариантами, включая прото-олдован и подлинный олдован (Щелинский, 2014б. С. 63). К олдовану условно можно отнести и микролитический вариант отщепно-галечной индустрии, выделенной в самом нижнем слое местонахождения Рубас 1 в Дагестане (Анойкин, 2017).

Здесь важно отметить, что пики не найдены на местонахождении Дманиси, комплекс каменных орудий которого был определен как прото-олдован (Lumley et al., 2009). Нет этих форм и в коллекции местонахождения Рубас 1. Отсюда следует, что в древнейших каменных индустриях Кавказа и Закавказья орудия категории пик не являются повсеместными. А это означает, что совокупность памятников древнейшего раннего палеолита типа Mode 1, сопоставимого с олдованом (*sensu lato*), представлена на отмеченных территориях различными индустриями. Подобное явление давно установлено для древнейшего палеолита Африки.

Можно ли все наблюдаемое разнообразие объяснить только спецификой использованного сырья? На данный вопрос сложно дать однозначный ответ. В любом случае объяснять вариabельность индустрий лишь влиянием качества сырья непродуктивно. В этой связи необходимо принять во внимание вывод, приведенный в публикации нашего крупнейшего специалиста по палеолиту А. П. Деревянко, который писал: «В Африке ранее 2 млн лет назад уже сформировались локальные варианты в обработке камня. Это было связано с изолированностью друг от друга первых популяций Номо, перешедших к изготовлению каменных изделий, и различием их адаптационных стратегий. Подтверждением данной гипотезы являются

индустрия Када-Гоны, которую можно отнести к доолдувайской (ок. 2,5 млн лет назад), и отличная от нее микроиндустрия Омо (2,3 млн лет назад)» (Деревянко, 2009. С. 76). Приведенный пример достаточно показателен. Проблема вариabельности древнейших каменных индустрий Африки и Евразии весьма обстоятельно была проанализирована в капитальном труде А. П. Деревянко. Сегодня предложенные этим ученым интерпретации являются, на мой взгляд, наиболее интересными и продуктивными (Деревянко, 2015).

Заключение

Открытие на юге Восточно-Европейской равнины комплекса с каменными орудиями эоплейстоценового возраста, обнаруженного в нижних слоях стоянки Байраки, продемонстрировало, что предки ископаемых людей широко распространились в Восточной Европе уже во второй половине эоплейстоцена. Заселение, как можно предположить, шло с территории Кавказа, где в настоящее время известны наиболее древние памятники с каменными индустриями типа Mode 1. Для многих из них показательными являются орудия категории пик.

В этом случае наличие в коллекции раннепалеолитической стоянки Байраки редких форм каменных орудий, сопоставимых с категорией пик, вызывает особый научный интерес. Данные орудия, известные на Кавказе и Тамани в технокомплексах олдованской и ашельской эпох, указывают на специфику развития регионального раннего палеолита. Весьма показательно, что пики здесь постоянно сопровождаются типичными ручными рубилами. Последние, как установлено, появляются на этой территории раньше, чем в Европе (1,0–0,8 млн лет назад). Как достаточно убедительно показал Х. А. Амирханов, зарождение бифасиальной техники и постепенная замена индустрий Mode 1 на Mode 2 в настоящее время отчетливо прослеживается на Северо-Восточном Кавказе (Амирханов, 2017).

Комплексы же эоплейстоценового возраста из Приднестровья, которые, возможно, имеют кавказское происхождение, содержат пики и отдельные формы протобифасов. Единичные рубила появляются в регионе около 600 тыс. лет назад. Правда, в отличие от Кавказа ручные рубила ашельского облика не получили здесь заметного развития. Типичных форм, характерных для развитого ашеля, не обнаружено. В Приднестровье речь идет лишь о единичных предметах, которые происходят

из достаточно древних отложений, включая архаичное кошницкое рубило типа протолиманд. Весьма показательно, что по сумме разработанных Ф. Бордом признаков подобные формы рубил характерны для раннего ашеля Франции (Bordes, 1961). Согласно геохронологическим данным, протолиманд из Кошницы имеет возраст около 600 тыс. лет назад (Анисюткин, 2010; 2016).

К сожалению, что важно отметить, для детального и наиболее обоснованного рассмотрения проблемы ашеля Восточной Европы, включая вопрос сосуществования на этой территории ручных рубил и пиков, у нас пока мало необходимого материала. Необозримые просторы Восточно-Европейской равнины до сих пор все еще слабо изучены и ждут своего исследователя.

- Амирханов, 1991 — Амирханов Х. А. Палеолит юга Аравии. М.: Наука, 1991. 344 с.
- Амирханов, 2007 — Амирханов Х. А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. Предварительные результаты. М.: Таус, 2007. 52 с.
- Амирханов, 2012 — Амирханов Х. А. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // РА. 2012. № 2. С. 5–14.
- Амирханов, 2016 — Амирханов Х. А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: МавраевЪ, 2016. 344 с.
- Амирханов, 2017 — Амирханов Х. А. Рубила в ашеле Северо-Восточного Кавказа // РА. 2017. № 1. С. 3–18.
- Анисюткин, 2010 — Анисюткин Н. К. Новые данные изучения раннепалеолитических местонахождений на верхних террасах нижнего течения Днестра // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXV). С. 172–187.
- Анисюткин, 2016 — Анисюткин Н. К. Дубоссарский раннепалеолитический комплекс на территории Приднестровья // Revista Arheologica. Chisinau, 2016. Serie noua. Vol. XII, № 1–2. P. 6–19.
- Анисюткин, 2017 — Анисюткин Н. К. К вопросу о стандартизации каменных орудий в индустриях эоплейстоценового возраста на юго-западе Восточной Европы // Вестник Московского ун-та. М.: МГУ, 2017 (Серия XXIII: Антропология; № 1). С. 133–140.
- Анисюткин, 2020 — Анисюткин Н. К. Технология первичной обработки камня комплекса слоя 5 эоплейстоценовой стоянки Байраки в Приднестровье // АВ. 2020. Вып. 30. С. 11–28.
- Анисюткин и др., 2015 — Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И. Предварительные итоги пятилетних исследований (2010–2014 гг.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье) // АВ. 2015. Вып. 21. С. 11–30.
- Анойкин, 2017 — Анойкин А. А. Палеолит Приморского Дагестана: Автореф. дис. ... доктора ист. наук: 07.00.06 / Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2017. 31 с.
- Беляева, Любин, 2014 — Беляева Е. В., Любин В. П. Новый взгляд на развитие ашеля на Кавказе // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию В. И. Беляевой: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014 (Тр. исторического факультета СПбГУ; Т. 18). С. 189–214.
- Васильев и др., 2007 — Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гиря Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н. Четырехязычный (русский-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 264 с.
- Деревянко, 2009 — Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите // Древнейшие миграции человека в Евразии = The Earliest human migrations in Eurasia: Материалы Международного симпозиума (6–12 сентября 2009 г., Махачкала) / Отв. ред. А. П. Деревянко, М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2009. 232 с.
- Деревянко, 2015 — Деревянко А. П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2015. 612 с.
- Коробков, 1978 — Коробков И. И. Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века. Л.: Наука, 1978. С. 9–226.
- Любин и др., 2000 — Любин В. П., Геде Ф. Й. Палеолит республики Кот д'Ивуар (Западная Африка). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 158 с.
- Любин, Беляева, 2010 — Любин В. П., Беляева Е. В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии: Сб. ст. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 107–126.
- Медяник, 1989 — Медяник С. И. Палеогеографические условия формирования эоплейстоценовых отложений Нижнего Приднестровья (по палинологическим данным) // Четвертичный период. Палеогеография и литология. К XXVIII Междунар. геологическому конгрессу (Вашингтон) / Гл. ред. академ. А. Л. Яншин. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 92–96.

- Проблемы палеолита..., 2012 — Проблемы палеолита Дагестана / Отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2012. 292 с.
- Таймазов, 2010 — Таймазов А. И. Типология чоппиров раннепалеолитической стоянки Айникаб I (по материалам исследований 2005–2009 гг.) // Исследования первобытной археологии Евразии: К 60-летию чл.-корр. РАН, профессора Х. А. Амирханова / Отв. ред. О. М. Давудов. Махачкала: Наука ДНЦ, 2010. С. 75–87.
- Чепалыга и др., 2012 — Чепалыга А. Л., Анисюткин Н. К., Садчикова Т. А. Древнейшая в Восточной Европе палеолитическая стоянка Байраки на Днестре: возраст, палеоландшафты, археология // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.: Наука, 2012. № 71. С. 123–140.
- Щелинский, 2013 — Щелинский В. Е. Кермек — стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А. П. Деревянко: Сб. ст. / Отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2013. С. 153–171.
- Щелинский, 2014а — Щелинский В. Е. Технология первичной обработки камня олдованской стоянки Родники I (Западное Предкавказье) // АВ. 2014. Вып. 20. С. 13–30.
- Щелинский, 2014б — Щелинский В. Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники I в Западном Предкавказье. СПб.: Периферия, 2014. 168 с.
- Щелинский и др., 2019 — Щелинский В. Е., Лунев М. Ю., Кузнецов Е. В. Новые исследования раннепалеолитического местонахождения Игнатенков Куток на р. Псекупс в предгорьях Северо-Западного Кавказа // Записки ИИИМК РАН. 2019. № 21. С. 9–23.
- Bordes, 1961 — Bordes F. Typologie du Paleolithique ancien et moyen. Bordeaux: l'Université de Bordeaux, 1961. Vol. I. 85 p.
- Leakey, 1971 — Leakey M. D. Oldovai Gorge. Excavations in Beds I and II. 1960–1963. Cambridge: University Press, 1971. Vol. 3. 306 p.
- Lumley et al., 2009 — Lumley H. de, Barsky D., Cauche D. Les premières étapes de la colonization de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée. // L'Anthropologie. Paris, 2009. Vol. 113. P. 1–46.
- Schick, Toth, 2006 — Schick K., Toth N. An Overview of the Oldowan Industrial Complex: The Sites and the Nature of their Evidence // The Oldowan: Case Studies into the Earliest Stone Age / Eds. K. Schick, N. Toth. Gosport: Stone Age Institute Press, 2006 (Stone Age Institute Press: No. 1). P. 3–41.

Stone tools of the pick category in the Earliest Palaeolithic of the south of the East European Plain

N. K. Anisyutkin⁶

This paper discusses a group of stone tools of the pick type which were recovered from the lower layers of the Early Palaeolithic site of Bayraki. At this site situated at the outskirts of the Moldavian city of Dubossary (Transnistria), substantial interdisciplinary investigations were conducted. These explorations have demonstrated that this is the earliest now known site of the Early Palaeolithic with its lower layers aged about one million years. Very important results have been yielded by palaeomagnetic surveys. They have shown that all the strata from alluvial deposits are dated to the palaeomagnetic Matuyama epoch while the lowest layers nos. 5 and 6 correspond to the Jaramillo event (0,99–1,07 million years BP). Expressive series of similar tools belonging to the pick category previously were revealed in the earliest Palaeolithic of the Caucasus (Armenia), Northern Caucasus (Dagestan) and Taman Peninsula. In these regions they were traced over an enormous time span from 1,8 to 0,5 million years BP coinciding chronologically with the Oldowan and Mid-Acheulian epochs. In the Caucasus, these forms coexisted with the typical handaxes. The researchers of these earliest sites have developed and defined more precisely the available classification of stone tools of the pick type. They proposed their own schemes which are used in the present publication. Among the assemblage from the site of Bayraki, two types of pick-like tools have been distinguished, viz. backed subtriangular ones and elongated forms without distinct butts. They all possess sharp points. In the south of the East European Plain (Transnistria) these forms are represented by few examples. These, by contrast to the Caucasian region and Taman, are traceable only until the very beginning of the Acheulian epoch but are unknown later. Unfortunately, this conclusion now may be considered as only a preliminary one due to the lack of the data. The territory of the East European Plain is so far very poorly studied.

⁶ Nicolay Anisyutkin — Paleolithic Department, Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18, Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186; e-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com.

К вопросу о раннекатакомбном этапе на Правобережье Нижнего Дона

А. Ю. Чечина, П. А. Бардакова¹

Аннотация. В статье публикуются материалы среднего бронзового века из курганов 65 и 66 могильника Чалтырский I на Нижнем Дону. Подробно рассмотрены катакомбные комплексы. На основе планиграфии курганов, конструктивных особенностей катакомб, специфики погребального обряда и анализа инвентаря построена хронологическая последовательность захоронений. Часть проанализированных погребений относится к наиболее раннему типу катакомб Северо-Восточного Приазовья.

Annotation. This paper publishes materials of the middle Bronze Age from kurgans nos. 65 and 66 at the burial ground of Chaltyrsky I on the Lower Don River. The details of the catacomb complexes are discussed. The chronological sequence of the burials is defined on the basis of the plans of the barrows, construction features of the catacombs, the specifics of the funerary rite and analysis of the grave goods. Some of the examined burials are dated to the earliest type of the catacomb graves in the North-Eastern Azov Sea region.

Ключевые слова: Нижнее Подонье, Северо-Восточное Приазовье, средний бронзовый век, катакомбная культура, преддонецкий этап, раннедонецкий этап, планиграфия.

Keywords: Lower Don region, North-Eastern Azov Sea region, Middle Bronze Age, catacomb culture, pre-Donets stage, Early Donets stage, planigraphy.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-28-40

Накопленные за последние десятилетия данные дали основание для разработки периодизации среднего бронзового века Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья. Особое значение имеют ранние катакомбные комплексы, в материалах которых нашел отражение процесс формирования этой культурной общности. Благодаря развернутым в 1960–1970-е гг. на Правобережье Дона раскопкам был выявлен огромный пласт ранних катакомбных комплексов. Последние в большом количестве в 1967 и 1968 гг. исследовал А. И. Демченко в курганах на западе г. Ростов-на-Дону. На основании этих данных преддонецкий горизонт катакомб

В. Я. Кияшко выделил в XI группу погребений (Кияшко В., 1974). С. Н. Братченко относил появление катакомб к раннему этапу донецкой культуры, который сменяет ранняя фаза среднего периода (Братченко, 2001). Позднее А. В. Кияшко проследил происхождение катакомбной культуры на Нижнем Дону (Кияшко А., 1999). Исследователь разделил ранние памятники среднего бронзового века региона на позднеямный, раннекатакомбный и раннедонецкий хронологические этапы (Кияшко А., 2002). В последние десятилетия появились новые данные, в том числе стратиграфические и планиграфические наблюдения, которые подтверждают существование хронологических отличий внутри комплексов раннего этапа катакомбной культуры.

Рассмотрим этот вопрос на примере материалов курганов 65 и 66 могильника Чалтырский I, в которых основными погребениями являются преддонецкие катакомбы, а среди впускных комплексов встречаются захоронения раннедонецкого хронологического этапа.

¹ Чечина А. Ю. — Институт истории и международных отношений, Южный Федеральный университет; ул. Большая Садовая, д. 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия; e-mail: a.c.irbis@yandex.ru. Бардакова П. А. — Южно-Сибирский филиал ИИМК РАН; ул. Ленинского комсомола, д. 16, Абакан, 655017, Республика Хакасия, Россия; e-mail: polina.bardackova@yandex.ru.

Чалтырский I: комплексы среднего бронзового века из курганов 65 и 66

В 1995 г. новостроечным отрядом экспедиции Археологического музея-заповедника «Танаис» под руководством С. М. Ильяшенко² были исследованы курганы 65 и 66 могильника Чалтырский I. Некрополь располагается на водоразделе между балками Чалтырской, Хавалы и р. Чалтырь (рис. 1).

Курган 65 находился в северо-восточной части могильника (рис. 2). Насыпь овальной формы, вытянута по линии запад–восток (рис. 3). На момент раскопок высота кургана составляла 0,24 м, диаметр — 20 м. Насыпь разрушена перекопами времен Великой Отечественной войны, распахана и почти срезана при строительстве дороги. В кургане исследовано десять погребений: основным является погребение 10, погребения 4–9 относятся к среднему периоду эпохи бронзы, погребения 1–3 — к позднему бронзовому веку.

Погребение 4 находилось в северо-восточном секторе кургана на расстоянии 7,8 м от R0, на глубине -1,3 м (рис. 4, 1). Погребальное сооружение — катакомба. Входной колодец не сохранился, вероятно, располагался с севера. Погребальная камера овальной формы (1,16 × 0,89 м), ориентирована длинной осью по линии запад–северо-восток.

На дне камеры по центру обнаружен скелет ребенка 1–2 лет, плохой сохранности. Погребенный был уложен на спине, с подогнутыми ногами вправо, головой на восток–юго-восток. Руки были слегка согнуты в локтях и располагались вдоль туловища. Под скелетом прослежен плотный слой коричневого тлена с включениями охры. Под подстилкой фиксировались мелкие угли.

Погребальный инвентарь. В районе грудной клетки находилось массивное кварцитовое орудие округло-клиновидной формы (рис. 4, 1а, 4). Со спинки боковые поверхности обработаны отжимной ретушью. Оба рабочих края имеют следы использования. Размеры: длина — 6,7 см, ширина — 6,2 см.

Погребение 5 находилось в северо-западном секторе кургана, на расстоянии 7,95 м от R⁰, на глубине -1,43 м (рис. 4, 5, 6). Погребальное сооружение — катакомба. Входной колодец не сохранился, скорее всего, находился к западу. Погребальная камера неправильной овальной формы

Рис. 1. Могильник Чалтырский I, местоположение курганов 65, 66; а — район исследования

Fig. 1. The burial ground of Chaltyrskiy I, the location of the investigated barrows nos. 65 and 66; a — the area of the investigations

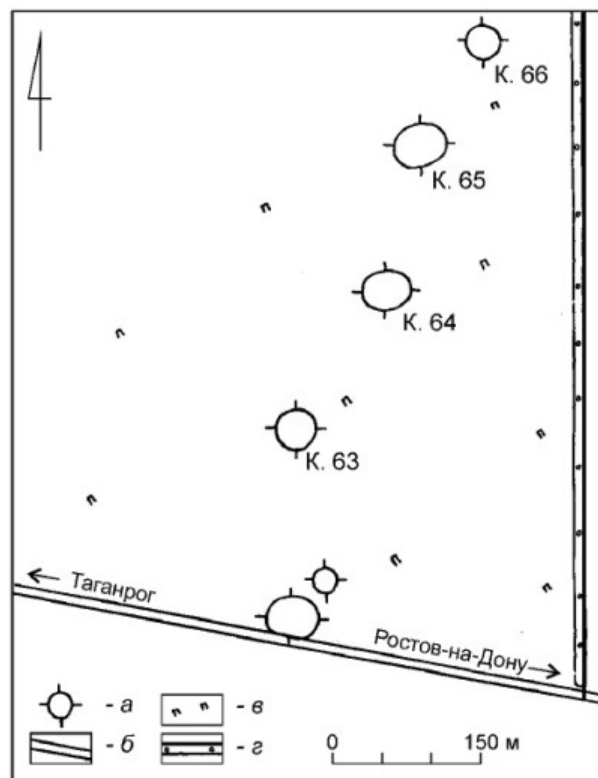

Рис. 2. Могильник Чалтырский I, план (а — курган; б — шоссе; в — пашня; з — лесополоса)

Fig. 2. Plan of the cemetery of Chaltyrskiy I (a — kurgan; б — highway; в — ploughed field; з — forest belt)

² Благодарим С. М. Ильяшенко за любезно предоставленные материалы.

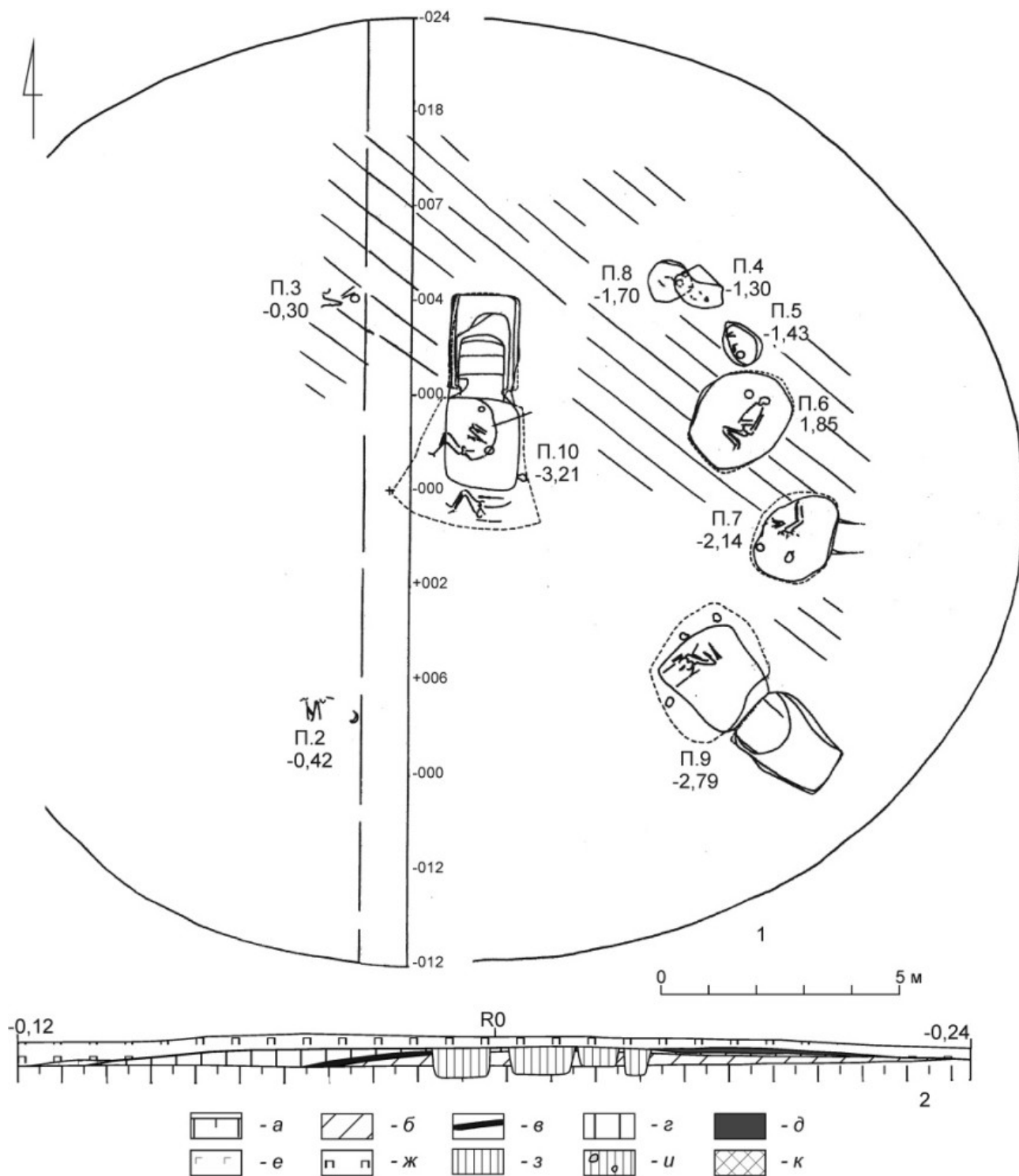

Рис. 3. Могильник Чалтырский I, курган 65: 1 — общий план; 2 — восточный фас бровки. Условные обозначения (для рис. 3 и 6): а — погребенная почва; б — насыпь I; в — прослойка черного грунта; г — насыпь II; д — материковый выкид; е — гумусированная прослойка; ж — пахотный слой; з — заполнение современных ям; и — серый грунт с камнями; к — заполнение окопов

Fig. 3. Chaltyrsky I, barrow no. 65: 1 — general plan; 2 — eastern profile of the stratigraphic wall. Keys (in Figs. 3 and 6): а — buried soil; б — mound I; в — intercalation of black soil; г — mound II; д — virgin soil spoil heap; е — humic intercalation; ж — tilled layer; з — fill of modern pits; и — gray soil with stones; к — fill of war trenches

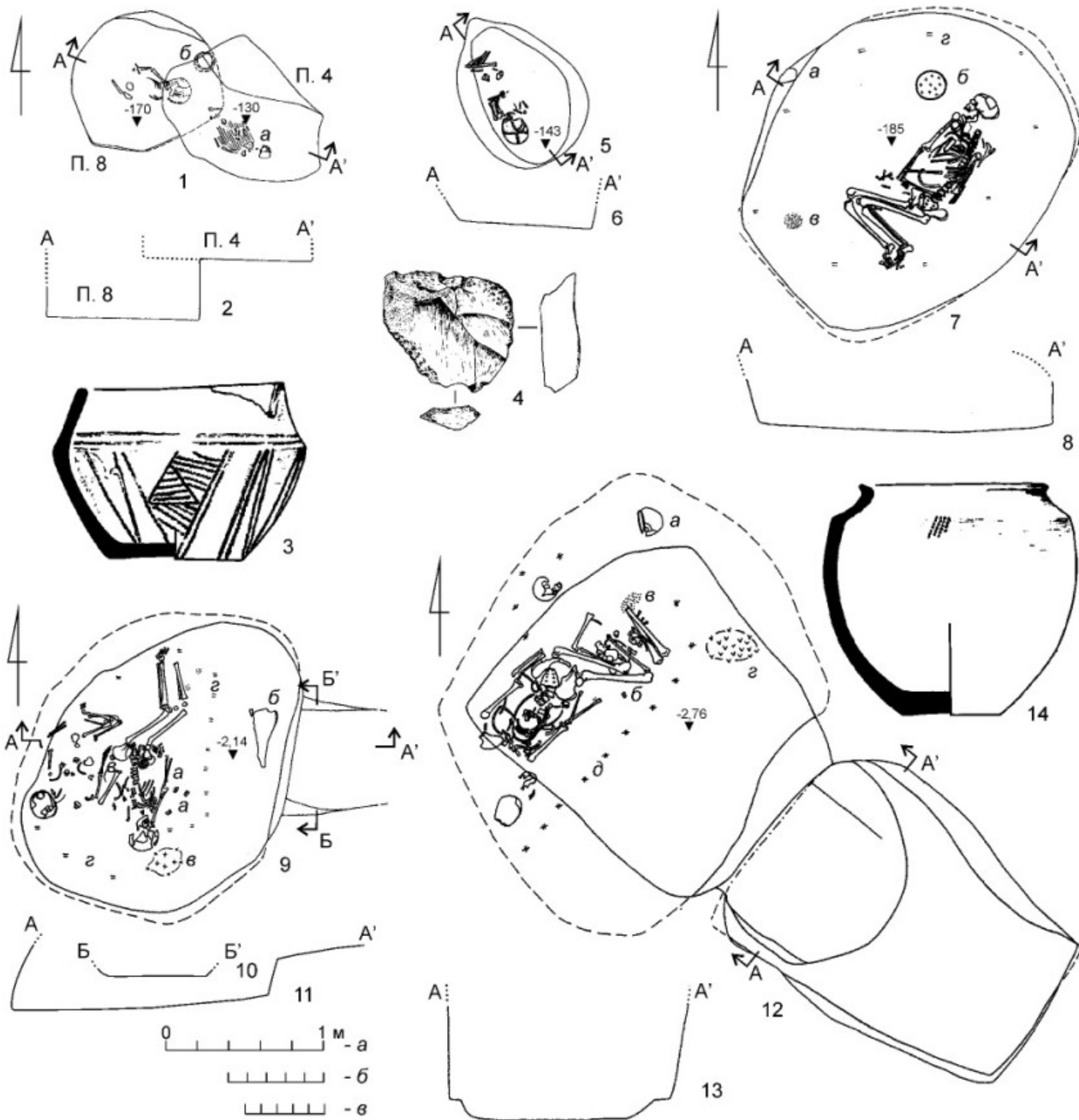

Рис. 4. Могильник Чалтырский I, курган 65: 1-4 — погребения 4 и 8: 1 — план (а — отщеп; б — сосуд), 2 — разрез, 3 — сосуд, 4 — отщеп; 5-6 — погребение 5: 5 — план, 6 — разрез; 7, 8 — погребение 6: 7 — план (а — камень; б — древесный тлен желтого цвета; в — порошок охры; г — тлен белого цвета), 8 — разрез; 9-11 — погребение 7: 9 — план (а — астрагалы; б — лопатка коровы; в — тлен коричневого цвета; г — тлен белого цвета), 10, 11 — разрезы; 12-14 — погребение 9: 12 — план (а — сосуд; б — астрагалы; в — пятно охры; г — скопление углей); 13 — разрез; 14 — сосуд. Масштаб: а — для 1, 2, 5-13; б — для 3, 4; в — для 14. 3, 14 — керамика; 4 — кварцит

Fig. 4. Chaltsky I, kurgan no. 65: 1-4 — burials 4 and 8: 1 — plan (a — flake; б — vessel), 2 — section, 3 — vessel, 4 — flake; 5-6 — burial 5: 5 — plan, 6 — section; 7, 8 — burial 6: 7 — plan (a — stone; б — decayed yellow wood; в — ochre powder; г — white dust), 8 — section; 9-11 — burial 7: 9 — plan (a — astragals; б — cow shoulder-blades; в — brawn dust; г — white dust), 10, 11 — sections; 12-14 — burial 9: 12 — plan (a — vessel; б — astragals; в — ochre spot; г — accumulation of pieces of charcoal); 13 — section; 14 — vessel. Scale: a — for 1, 2, 5-13; б — for 3, 4; в — for 14. 3, 14 — ceramics; 4 — quartzite

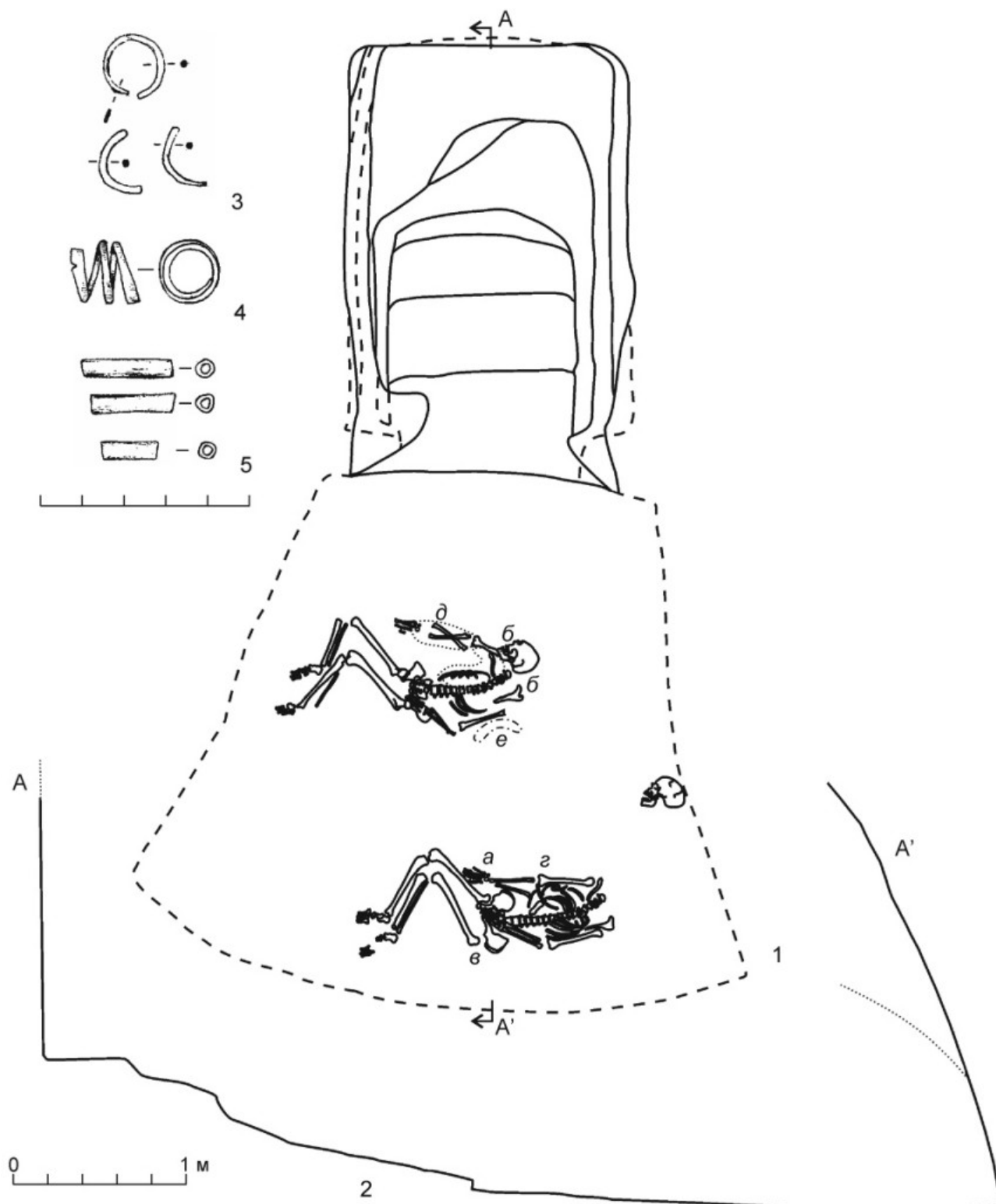

Рис. 5. Могильник Чалтырский I, курган 65, погребение 10: 1 — план; 2 — разрез; 3 — фрагментированная подвеска; 4 — спиральная подвеска; 5 — пронизи. 3, 4 — бронза; 5 — кость

Fig. 5. Cemetery of Chaltyrsky I, barrow 65, burial 10: 1 — plan; 2 — section; 3 — fragmentary pendant; 4 — spiral pendant; 5 — spacer beads. 3, 4 — bronze; 5 — bone

(0,90 × 0,55 м) ориентирована длинной осью по линии юго-юго-восток–северо-северо-запад.

На дне погребальной камеры у западной стены обнаружено погребение ребенка 3–4 лет. Скелет плохой сохранности. Погребенный был уложен на спину с подогнутыми ногами вправо, головой на юго-юго-восток. Левая рука согнута в локте, кисть на грудной клетке.

Погребение 6 обнаружено в восточном секторе кургана на расстоянии 8,05 м от R^o, на глубине -1,85 м (рис. 4, 7, 8). Погребение совершено в катакомбе. Входной колодец, располагавшийся к западу от погребальной камеры, не прослежен. При входе в погребальную камеру (ширина входа — 1,05 м) сохранилась ступенька высотой 0,3 м. На краю ступеньки находился небольшой камень. Погребальная камера овальной формы (2,3 × 1,77 м) ориентирована по линии северо-восток–юго-запад.

На дне камеры по центру находился скелет мужчины 25–30 лет, уложенный на спину с подогнутыми вправо ногами, головой на северо-восток. Правая рука вытянута вдоль тела. Левая рука согнута в локте, кисть лежала на запястье правой руки. По дну камеры прослежены остатки подстилки в виде белого тлена.

Погребальный инвентарь. В 0,16 м от лицевой части черепа зафиксировано круглое пятно древесного тлена диаметром 19 см с желтым тленом в центре. Вероятно, это остатки деревянного сосуда с остатками напугившей пищи.

Погребение 7 находилось в восточном секторе в 7,7 м от R0, на глубине -2,14 м (рис. 4, 9–11). Погребальное сооружение представляло собой катакомбу. К востоку от погребальной камеры частично прослежен прямоугольный входной колодец, ориентированный по линии запад–восток. Размеры сохранившейся части входного колодца составляли 0,6 × 0,6 м. Дно плавно понижалось к входу в камеру и отделялось от нее отвесной ступенькой высотой 0,23 м. Погребальная камера овальной формы (1,97 × 1,6 м) ориентирована длинной осью по линии север–юг.

В погребении зафиксированы два скелета. Скелет 1 ребенка 10–12 лет был уложен в центр камеры на спине, с подогнутыми вправо ногами, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль тела, левая рука согнута в локте, кисть на правом крыле таза. Скелет 2 ребенка 4–6 лет был уложен у западной стенки камеры. Скелет разрушен грызунами. Судя по сохранившимся анатомическое

положение костям погребенный был уложен на спине, с подогнутыми ногами вправо, головой на юг. Правая рука вытянута вдоль тела. По дну камеры зафиксирован белый тлен. Под черепом, в районе грудной клетки, рук и таза скелета 1 прослежены следы коричневого тлена. Следы охры зафиксированы и на запястьях скелетов.

Погребальный инвентарь. У тазовых костей скелета 1 находились два астрагала, еще два — в 0,05 м к востоку от локтевого сустава правой руки и в 0,07 м к востоку от плечевой кости правой руки (рис. 4, 9, а). Около ступеньки входа, на дне камеры лежала лопатка коровы (рис. 4, 9, б).

Погребение 8 располагалось в северо-восточном секторе кургана на расстоянии 7,68 м от R0, на глубине -1,7 м (рис. 4, 1, 2). Погребальная конструкция представляла собой катакомбу. Входной колодец не сохранился, располагался к северу от камеры. Овальная погребальная камера размерами 0,93 × 0,89 м вытянута по линии запад–восток. С востока она прорезана погребальной камерой погребения 4.

В центральной части камеры на дне лежал скелет ребенка 1–2 лет. Погребенный был уложен на спину с подогнутыми вправо ногами, головой на восток. Правая рука слегка согнута в локте и уложена вдоль тела. Левая рука согнута в локте, кисть на запястье правой руки. На черепе зафиксированы следы охры.

Погребальный инвентарь. В 0,12 м к северо-востоку от черепа стоял лепной плоскодонный сосуд с резким перегибом плечика, орнаментированный отпечатками одинарного шнура. Две горизонтальные линии опоясывают плечо, ниже — двухрядные зигзаги (рис. 4, 16, 3). Черепок в изломе черный, рыхлый с включениями шамота и мелких белых частиц. Размеры: высота — 8,9 см, диаметр венчика — 10,7 см, диаметр тулова — 13,1 см, диаметр дна — 7 см.

Погребение 9 находилось в 6,75 м от R0, на глубине -2,76 м (рис. 4, 12, 13). Погребальная конструкция представляла собой катакомбу. Входной колодец прямоугольной формы (1,54 × 1,08 м) ориентирован длинной осью по линии северо-запад–юго-восток, его дно плавно понижалось к входу в погребальную камеру. Вдоль длинных стен имелись уступы высотой 0,10–0,14 м и шириной 0,12 × 0,80 м. Входной колодец соединялся с погребальной камерой пологой ступенькой высотой 0,26 м. Вход в погребальную камеру обустроен в северо-западной стенке входного колодца.

Камера подпрямоугольной формы с округленными углами (1,99 × 1,83 м) ориентирована длинной осью по линии юго-запад–северо-восток.

В погребении зафиксированы два скелета. На дне погребальной камеры, ближе к северо-западной стене, обнаружен скелет 1 взрослого человека 20–25 лет. Погребенный был уложен на спину с подогнутыми ногами вправо, головой на юго-запад. Кости рук располагались вдоль туловища вытянуто. Череп смещен от своего изначального положения на 0,3 м к юго-юго-западу от скелета и установлен основанием вниз, лицевой частью к юго-юго-западу. Между бедренными и берцовыми костями ног взрослого беспорядочно располагались кости ребенка 4–6 лет (скелет 2). Череп ребенка располагался в стороне, в 0,4 м к северо-западу. В районе стоп скелета 1 обнаружено пятно охры, а в 0,4 м к востоку от него находилось скопление углей.

Погребальный инвентарь. У северо-восточного угла камеры, в 0,23 м к северу от скелета 1 (в ногах погребенных) обнаружен лепной плоскодонный сосуд, лежавший на боку устьем к западу (рис. 4, 12а, 14). Сосуд имеет короткое горло, переход от плечиков к тулову выделен ребром. На плечике — четыре вертикальных отпечатка зубчатого штампа. Тесто черное, с примесью большого количества мелких белых частиц и песка. Размеры: высота — 14,7 м, диаметр венчика — 12 см, диаметр тулова — 16,1 см, диаметр дна — 6 см. В 0,08 м к югу от бедренной кости правой ноги взрослого обнаружен астрагал.

Погребение 10. Основное в кургане, оно обнаружено в северо-восточном секторе: юго-западный угол погребальной камеры находился под R0, глубина погребения составила -3,21 м (рис. 5, 1, 2). Погребение совершено в катакомбе. Входная яма прямоугольной формы (2,31 × 1,49 м) длинной осью ориентирована по линии север–юг. Вдоль западной стены обустроено четыре уступа шириной 0,70; 0,10; 0,01 и 0,10 м. Вдоль восточной стены прослежены три уступа шириной 0,1 м. Все уступы хорошо подтесаны и параллельны друг другу. Дно входного колодца плавно понижалось в сторону погребальной камеры. Посередине были устроены две пологие ступени высотой 0,10 и 0,18 м. Вход в камеру находился в короткой южной стенке, был перекрыт деревянными плахами, сохранившимися в виде тлена. Погребальная камера устроена в южной стене входного колодца. Ширина входа составила 0,91 м. Вход был закрыт

закладом из деревянных плашек, который впоследствии упал в камеру. Камера трапецевидной формы (1,76 × 2,46 × 3,58 × 3,36 м) ориентирована длинной осью по линии запад–восток.

На дне погребальной камеры обнаружены два скелета. Скелет 1 погребенного мужчины 20–25 лет был уложен вдоль южной стенки камеры на спине, с подогнутыми ногами вправо, головой на восток. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть на тазе. Череп находился в 0,5 м к северо-востоку от шейных позвонков. Под скелетом зафиксированы остатки органического тлена коричневого цвета. Под правым крылом таза — пятно охры. Скелет 2 погребенной женщины 17–20 лет был уложен по центру на спине, с подогнутыми ногами вправо, головой на восток. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте, кисть на тазе. Под скелетом зафиксированы остатки подстилки в виде коричневого тлена. Под стопами найдено пятно охры.

Погребальный инвентарь. В 0,06–0,15 м к западу–юго-западу от нижней части левого крыла таза скелета 1 лежали костяные пронизи удлинено-цилиндрической формы. Размеры: длина — 1,8–2,1 см, сечение — 0,5 × 0,4 м (рис. 5, 5). Под правыми височными костями скелета 2 найдено бронзовое височное кольцо в 2,5 оборота с уплощенными и закругленными концами. Размеры: длина — 1,9 см, ширина — 1,5 см, диаметр сечения — 0,1 м (рис. 5, 4). На левых височных костях скелета 2 обнаружены фрагменты еще одного бронзового височного кольца, аналогичного первому (рис. 5, 3).

Курган 66. Находился в северо-восточной части могильника Чалтырский I (рис. 2). Курган разрушен распашкой, перекопками времен Великой Отечественной войны и хозяйственной деятельностью. Насыпь на момент начала работ имела овальную форму размерами 22 × 20 м и высотой 0,20–0,33 м (рис. 6).

В кургане исследовано семь погребений: основным является погребение 7; погребения 2, 5–7 относятся к среднему периоду эпохи бронзы, 1 — к позднему бронзовому веку, 3 и 4 — к раннему железному веку.

Погребение 2 находилось в северо-западном секторе кургана на расстоянии 3,15 м от R0, на глубине -1,98 м (рис. 7, 1–5). Погребение совершено в катакомбе. Входной колодец прослежен у дна: он имел прямоугольную форму (1,18 × 0,78 м), ориентирован по линии север-запад–юго-восток,

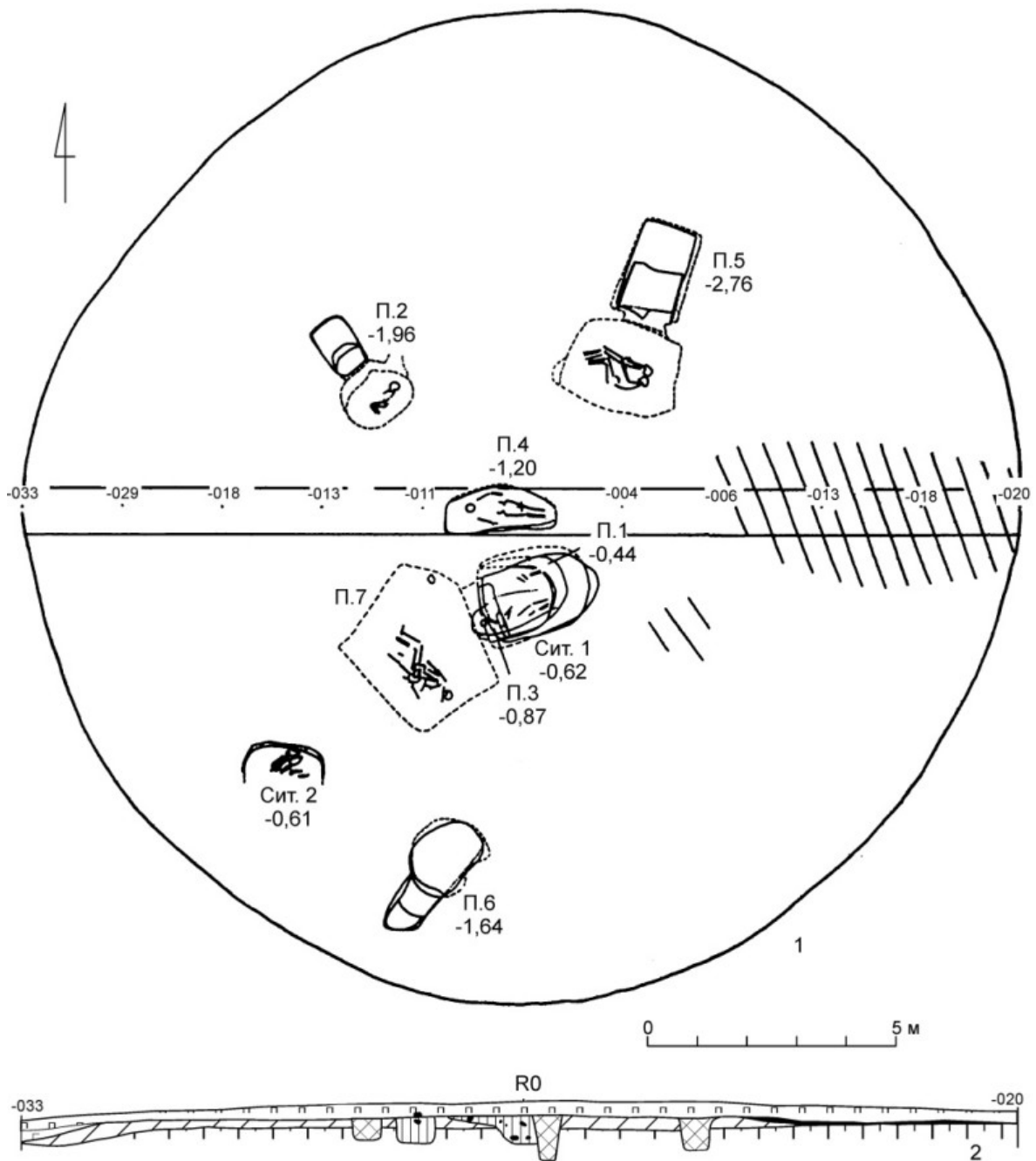

Рис. 6. Могильник Чалтырский I, курган 66: 1 — общий план; 2 — южный фас бровки

Fig. 6. Cemetery of Chaltyrsky I, barrow 66: 1 — general plan; 2 — southern profile of the stratigraphic wall

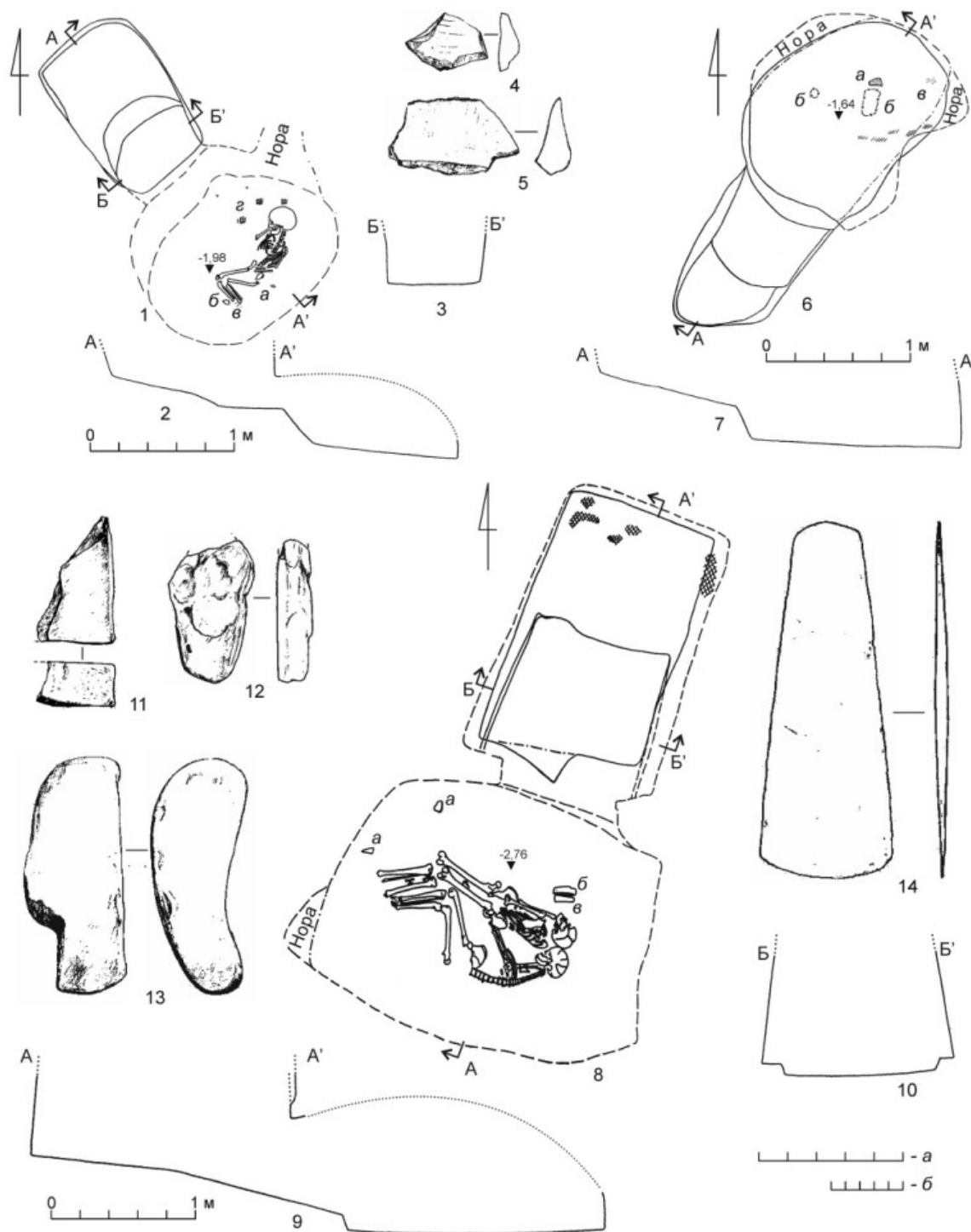

Рис. 7. Могильник Чалтырский I, курган 66: 1-5 — погребение 2: 1 — план (а — отщеп, б — скребок), 2, 3 — разрезы, 4 — отщеп, 5 — скребок; 6-7 — погребение 6: 6 — план (а — каменное орудие), 7 — разрез; 8-14 — погребение 5: 8 — план (а — камни, б — пест; в — тесло), 9, 10 — разрезы, 11, 12 — камни, 13 — пест, 14 — тесло. 4 — кремний; 5 — кварцит; 11 — песчаник; 12-14 — камень; 14 — бронза. Масштаб: а — для 4, 5, 14; б — для 11-13

Fig. 7. Cemetery of Chaltyrskiy I, barrow 66: 1-5 — burial 2: 1 — plan (a — flake, б — scraper), 2, 3 — sections; 4 — flake, 5 — scraper; 6-7 — burial 6: 6 — plan (a — stone tool), 7 — section; 8-14 — burial 5: 8 — plan (a — stones, б — pestle; в — adze), 9, 10 — sections, 11, 12 — stones, 13 — pestle, 14 — adze. 4 — flint; 5 — quartzite; 11 — sandstone; 12-14 — stone; 14 — bronze. Scale: a — for 4, 5, 14; б — for 11-13

его дно понижалось к входу в камеру. Овальная погребальная камера (1,40 × 0,97 м) была ориентирована по линии северо-восток–юго-запад.

На дне камеры лежал скелет ребенка в скорченном положении, на правом боку, черепом на север–северо-восток. Правая рука вытянута, левая согнута в локте, кисть на тазе. Стопы окрашены охрой. В северной части камеры прослежены мелкие древесные угольки и пятно коричневого тлена.

Погребальный инвентарь. В 0,09 м к юго-востоку от левого тазового крыла находился кремневый отщеп размерами 2 × 3 см (рис. 7, 1а, 4). В 0,02 м к западу от нижней части большой берцовой кости правой ноги погребенного лежал кварцевый скребок размерами 4,6 × 2,6 м (рис. 7, 1б, 5).

Погребение 5 обнаружено в северо-восточном секторе кургана, в 2,25 м от R0, на глубине -2,76 м (рис. 7, 8–10). Погребение совершено в катакомбе. Входной колодец прямоугольной формы (2,16 × 1,32 м) ориентирован длинной осью по линии северо-северо-восток–юго-юго-запад. Его дно плавно понижалось к входу в погребальную камеру. Вдоль длинных стен были обустроены уступы, высотой 0,08–0,10 м и шириной 0,10–0,15 м. У северо-восточного и северо-западного углов зафиксированы пятна коричневого тлена, по дну — белесый тлен. Вход в погребальную камеру устроен в южной короткой стене входного колодца. Между погребальной камерой и входным колодцем был сооружен короткий дромос длиной 0,15 м и шириной 0,82 м. Погребальная камера прямоугольной формы (2,34 × 1,80 м) ориентирована длинной осью по линии восток–юго-восток–запад–северо-запад.

В погребении обнаружены два скелета. Скелет 1 погребенного мужчины 25–30 лет находился у южной стены в скорченном положении, на правом боку, головой на восток–юго-восток. Кости левой руки, левые ребра, левое крыло таза и обе стопы отсутствовали. Позвоночный столб изогнут, правая рука согнута в локте, плечевая кость лежала вдоль туловища, кисть — под правым крылом таза скелета 2. Скелет 2 женщины старше 30 лет находился по центру камеры, погребенная была уложена на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на восток–юго-восток. Кости были уложены в порядке, имитирующем позу на спине с разворотом направо. Череп покоится на правом виске, плечевые кости уложены справа от грудной клетки, кости ног лежат тыльными сторонами

вверх, кисти найдены у бедренных костей. Кости предплечий и стоп отсутствуют. По дну прослежен коричневый тлен. Кости посыпаны охрой.

Погребальный инвентарь. В 0,07 м к северу от черепа скелета 2 найдено бронзовое тесло удлинненно-трапециевидной формы, на узкой стороне зафиксированы остатки деревянного тлена. Размеры: длина — 12,2 см, ширина — 2,2–4,6 см, толщина — 0,3 см (рис. 7, 8в, 14). К северу от тесла лежал каменный пест удлинненно-овальной формы. Размеры: длина — 15,8 см, ширина — 3,2–6,0 см (рис. 7, 8б, 13). В 0,27 м к северу от колена скелета 2 зафиксирован камень-песчаник с подтесанными боковыми поверхностями. Длина — 8,6 см, ширина — 5,3–3,8 м (рис. 7, 8а, 12). В 0,1 м к северо-северо-западу от большой берцовой кости находился еще один обработанный камень-песчаник в форме прямоугольного треугольника. Размеры орудия — 8,8 × 5,2 см, толщина — 3 см (рис. 7, 8г, 11).

Погребение 6 найдено в юго-восточном секторе кургана на глубине -1,64 м (рис. 7, 6, 7). Входной колодец прямоугольной формы с округленными углами (1,15 × 0,73 м) ориентирован длинной осью по линии северо-восток–юго-запад. Дно имело наклон в сторону погребальной камеры. Между входным колодцем и погребальной камерой имелась пологая ступенька высотой 0,22 м. Погребальная камера овальной формы (1,50 × 1,05 м), ориентирована по линии северо-восток–юго-запад.

Останков погребенного не обнаружено. На дне камеры фиксировались пятна коричневого тлена.

Погребальный инвентарь. На расстоянии 1 м к северо-востоку от входа найден скребок из минерала светло-коричневого цвета. Рабочий край обработан отжимной ретушью. Размеры: длина — 8,9 см, ширина — 5,6 см, толщина — 1,7 см.

Погребение 7 (основное) находилось в юго-западном секторе кургана на глубине -4,41 м (рис. 8, 1–3). Погребение совершено в катакомбе. Входной колодец прямоугольной формы (2,4 × 1,73 м), вытянут по линии северо-восток–юго-запад; его северо-восточная стенка скруглена, юго-западная стенка прямая, дно понижалось к входу в камеру. В северо-восточной части колодца зафиксированы широкие высокие ступени. Вдоль длинных стен располагались уступы шириной 0,07–0,12 м. Вход в погребальную камеру закрывали две каменные плиты, поставленные вертикально; размеры плит — 1,00 × 0,91 и

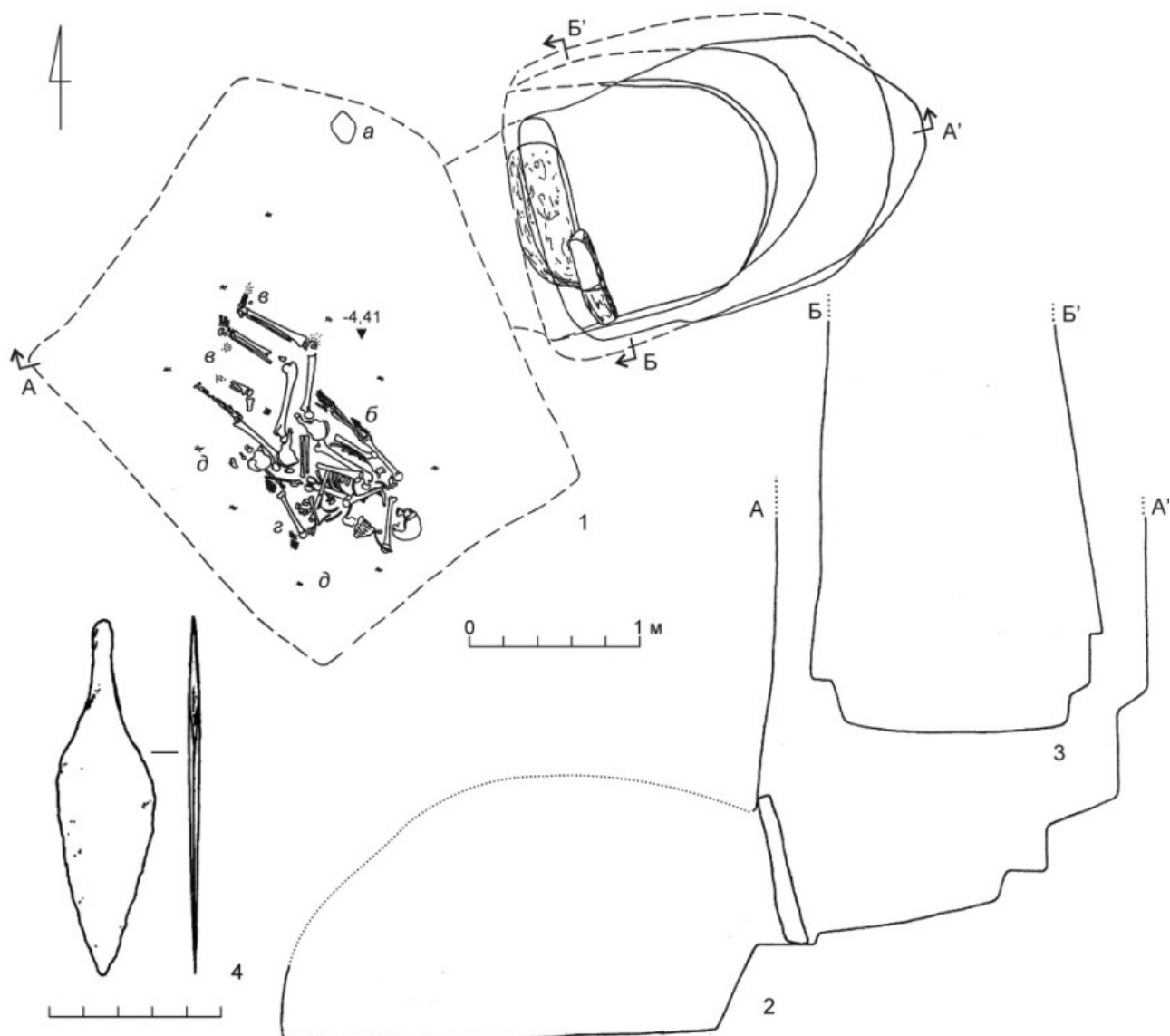

Рис. 8. Могильник Чалтырский I, курган 66, погребение 7: 1 — план (а — жаровня; б — нож; в — охра; з — тлен коричневого цвета); 2, 3 — разрезы; 4 — бронзовый нож

Fig. 8. Cemetery of Chaltyrsky I, barrow 66, burial 7: 1 — plan (a — brazier; б — knife; в — ochre; z — brawn dust); 2, 3 — sections; 4 — bronze knife

0,56 × 0,36 м. Колодец соединялся с камерой через высокую, слегка наклонную ступеньку высотой 0,53 м. Погребальная камера подтрапцевидной формы (2,34 × 2,00 × 3,00 × 1,87 м), ориентирована по линии северо-запад–юго-восток.

В погребении зафиксированы два скелета. Скелет 1 взрослого человека был обнаружен в 1,1 м к юго-западу от входа, в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-восток. Череп сдвинут от своего первоначального положения на 0,15 м к юго-востоку. Нижняя челюсть находилась у правой ключицы зубами вверх.

Правая рука вытянута вдоль туловища, левая рука согнута в локте, кисть на тазе. Скелет 2 находился к юго-западу за скелетом 1. Многие кости были перемешаны и сдвинуты. Череп отсутствовал. По положению костей ног можно предположить, что изначально погребенный лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-восток. Берцовая и бедренные кости скелета 2 лежали поверх грудной клетки скелета 1, кости стопы — в районе коленей скелетов 1 и 2. За черепом скелета 1 лежали плечевая кость, вероятно, скелета 1, и крестец одного из погребенных. Под костями

погребенных прослежены остатки подстилки в виде коричневого тлена. Охра зафиксирована в районе стоп и под коленями скелета 1.

Погребальный инвентарь. У локтевого сустава, вдоль костей предплечья находился бронзовый нож листовидной формы. Размеры: длина — 10,1 см, длина клинка — 7,2 см, ширина клинка — 2,8 см, длина черешка — 2,9 см, ширина черешка у основания — 1,2 см, толщина сечения — 0,1–0,3 см (рис. 8, 1а, 4). В 0,56 м к северо-западу от входа найдена жаровня (с углями) из стенки тулова лепного горшка. Черепок в изломе черный, с примесью мелкого песка и шамота. Внешняя поверхность коричневого цвета, залощена.

Анализ материалов

Для комплексов катакомбной культурной общности Правобережья Дона характерно соблюдение определенных правил организации подкурганного пространства (см.: *Братченко*, 1976. С. 17–18; *Кияшко А.*, 1999. С. 16). Прежде всего, это ориентировка камер на центральное погребение и расположение погребений по определенному шаблону. Так, в кургане 65 реализован вариант планировки подкурганного пространства по дуге, а в кургане 66 погребения расположены по кругу (рис. 3; 6 — см.: *Чечина*, 2018. С. 81–82).

Погребение 10 кургана 65, а также 5 и 7 кургана 66 имеют признаки ранних катакомбных комплексов: сложное устройство, многократное использование, специфический инвентарь (см.: *Стеганцева*, 2010. С. 394). К ним примыкает погребение 9 кургана 65, но оно несколько позднее по времени сооружения. Все эти комплексы представляют собой Т-видные катакомбы с входными колодцами с уступами по длинным стенам и покатым дном, просторными прямоугольными камерами с четкими углами и оформленным входом. В погребении 10 кургана 65 у входа в камеру имелись следы деревянного заклада, а в погребении 7 кургана 66 — каменный заклад. В погребении 5 кургана 66 зафиксирован дромос.

Катакомбы использовались неоднократно, в них обнаружено по два скелета, часть костей потревожена. В трех погребениях черепа лежали отдельно от остального скелета. В погребении 9 кургана 65 кости одного из погребенных находились в беспорядке, кости второго были потревожены. В погребении 5 кургана 66 у одного из скелетов отсутствовала часть костей, а кости другого были уложены так, чтобы симитировать позу скорченно, на правом боку. В погребении 7

кургана 66 скелет 2 был частично перемещен, и у него отсутствовал череп.

Обнаруженные среди погребального инвентаря изделия из металла относятся к первой фазе среднего бронзового века (раннему этапу катакомбной культурной общности). Височные кольца из круглой в сечении проволоки из погребения 10 кургана 65 характерны для раннекатакомбных комплексов (*Гак*, 2005. С. 64). Бронзовый нож листовидной формы из погребения 7 кургана 66 принадлежит к наиболее ранним типам таких изделий (*Гак*, 2005. С. 64; *Смирнов*, 1996. С. 17). Бронзовое тесло из погребения 5 кургана 66 относится к типу орудий, которые на территории Правобережья Нижнего Дона встречаются только в позднейших–раннекатакомбных памятниках.

Слабо орнаментированный отпечатками зубчатого штампа сосуд из погребения 9 кургана 65 имеет уступчатые плечики, которые характерны для наиболее ранних плоскодонных сосудов катакомбной культуры (*Кияшко А.*, 1999. С. 79).

Погребения 7 и 8 кургана 65 принадлежат следующему этапу — раннедонецкому. Входные колодцы погребений не сохранились, погребальная камера в обоих случаях овальная. При этом в этих комплексах имеются архаические признаки предыдущего периода: поза погребенных — на правом боку в слабоскорченном положении; сосуд из погребения 8 продолжает традиции преддонецкой керамики: в тесте присутствует примесь ракушки, отмечается резкий перегиб плечика, горизонтально-зональный орнамент нанесен одинарным шнуром.

К развитой донецкой культуре можно отнести погребение 6 кургана 65 и погребение 2 кургана 66. Погребения совершены в небольших овальных камерах. В погребении 2 кургана 66 сохранился колодец с характерной ступенькой вдоль короткой стенки. Погребенные были уложены на правом боку, ориентированы на южный сектор.

Из-за плохой сохранности погребения 4 и 5 кургана 65 следует датировать широко: этапом раннедонецкой — развитой донецкой культуры. К этому этапу, видимо, относится и погребение 6 кургана 66.

Погребальные комплексы курганов 65 и 66 могильника Чалтырский I иллюстрируют неоднородность ранних катакомбных памятников и своеобразие преддонецкого этапа. Ранние погребения совершены в характерных сложных катакомбах, со следами многократного использования. Последовавшие за ними погребения имеют уже классические донецкие признаки.

- Братченко, 1976* — Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка, 1976. 252 с.
- Братченко, 2001* — Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. I. Луганськ: Шлях, 2001. 76 с.
- Гак, 2005* — Гак Е. И. Металлообрабатывающее производство катакомбных племен Степного Предкавказья, Нижнего Дона и Северского Донца: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2005. 28 с.
- Кияшко В., 1974* — Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / ИА РАН. М., 1974. 19 с.
- Кияшко А., 1999* — Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 1999. 182 с.
- Кияшко А., 2002* — Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГУ, 2002. 227, [39] с.
- Смирнов, 1996* — Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.: ИЭА РАН, ИА РАН, 1996 (Библиотека российского этнографа). 181, [1] с.
- Стеганцева, 2010* — Стеганцева В. Я. Еще раз о сходстве погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье и на Западном Кавказе // Записки ИИМК РАН. 2010. № 5. С. 125–138.
- Чечина, 2018* — Чечина А. Ю. Особенности формирования подкурганного пространства в период средней бронзы на территории Правобережья Нижнего Дона // Связи и взаимоотношения культур бронзового века циркумпонтийского региона: новые данные и новые материалы / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН, 2018. С. 81–83.

To the problem of the early catacomb stage on the right bank of the Lower Don

A. Yu. Chechina, P. A. Bardakova³

This paper is dedicated to publication of materials from 11 burials of the Middle Bronze Age excavated in 1995 in barrows nos. 65 and 66 at the burial ground of Chaltyrsky I on the Lower Don River (Fig. 1–7). The excavations revealed two variants of the layout of the sub-kurgan space: the arrangement of the burials along an arc or a circle around the main grave. The mounds were constructed in the Middle Bronze Age over burial no. 10 in barrow no. 65 (Fig. 5) and burial no. 7 in kurgan no. 66 (Fig. 8); burial no. 5 in barrow no. 66 (Fig. 7, 8–14) and burial no. 9 in barrow no. 65 (Fig. 4, 12–14) belong to the same stage. These complexes demonstrate early features: a complicated construction of the shaft, a large chamber of a rectangular plan and the presence of additional interments. The peculiar set of metal objects also is related with the early stage of the catacomb culture; in addition, a flat bottom jar with a stepped shoulder has been found (Fig. 4, 14). The subsequent early Donets stage includes burials nos. 7 and 8 in barrow no. 65 which are similar in the oval chambers and the position of the interred on the back turned to the right; besides, a vessel with a sharp bend of the shoulder and ornamented with an ordinary cord was discovered in burial no. 8 (Fig. 4, 1, 3). Burial no. 6 in barrow no. 65 (Fig. 4, 7, 8) and burial no. 2 in barrow no. 66 (Fig. 7, 1–4) belong to the advanced Donets culture. Burials nos. 4 and 5 in barrow no. 65 and burial no. 6 in barrow no. 66, due to their poor state of preservation, are dated broadly to within the early or advanced Donets stages. The emergence of the mounds in the early catacomb period allows us to trace the transformations of the burial rite on the Lower Don and to distinguish the local differences in the pattern of the subkurgan space. The burial complexes of kurgans nos. 65 and 66 at the burial ground of Chaltyrsky I illustrate the irregularity of the early catacomb sites and peculiarity of the pre-Donets stage.

³ Anastacia Chechina — Institute of History and International Relations, Southern Federal University; 105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, 344006, Russia; e-mail: a.c.irbis@yandex.ru. Polina Bardakova — South Siberian branch, IHMC RAS; Leninsky Komsomol str., 16, Abakan, 655017, Republic of Khakassia, Russia; e-mail: polina.bardackova@yandex.ru.

Оракулы из Ольвии, наговор с Чайки в Западном Крыму

В. П. Яйленко¹

Аннотация. Автор исследует два граффити на черепках из Ольвии, они вызвали оживленную дискуссию в литературе. Автор уточняет их текстологию, интерпретацию, датировку. По его мнению, это оракулы IV в. до н. э. с предупреждением о смерти. Видимо, это фигуральная «смерть от любви». Граффито I в. до н. э. — I в. н. э. на обломке блюда с поселения Чайка издатель понял как хозяйственную запись о торговле топазами. По мнению автора, это наговор с пожеланием смерти четырем женщинам и двум мужчинам. Почти все личные имена туземные. Писец — замечательный каллиграф, у него навыки курсивного письма. В Северном Причерноморье это самый поздний наговор.

Annotation. The author studies two graffiti on ceramic sherds, which were widely discussed in the literature. He has proposed more precise text, interpretation and dating; the inscriptions are oracles warning certain death. It possibly is metaphorical “death from love”. A graffito of the 1 BC or 1 AD on a dish from the Chaika settlement in the Western Crimea is defixio, its author wish four women and two men to die. Almost all names are native. An author of the inscription is beautiful calligrapher, he is skilled in a cursive script. This defixio is the latest in the North Pontic area.

Ключевые слова: Ольвия понтийская, греческие оракулы, Чайка, Крым, наговор.

Keywords: Olbia Pontica, Greek oracles, Chaika, Crimea, defixio.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-41-50

Оракулы из Ольвии

Оракул Фарнабазу

Остракон найден в золистом слое вблизи остатков портика в святилище Гермеса и Афродиты, контекст находок: V — первая половина IV в. до н. э. Остракон сделан из обколотого дна чернолаковой чаши конца V в. до н. э.; на нем процарапано профильное изображение мужской головы влево, вокруг надпись (рис. 1, 1а, 1б). Интерпретации ее А. С. Русяевой, А. А. Белецким, Ю. Г. Виноградовым, А. В. Лебедевой, Б. Браво, Л. Дюбуа подробно изложил А. В. Белоусов (Белоусов, 2016. С. 117–119; 2020. № 20), поэтому мы кратко упомянем лишь существо некоторых. Граффито издала А. С. Русяева (последнее издание: Русяева, 2010. С. 70–72), поэтому приведем сначала ее достаточно адекватное чтение: Фарνάβαζος φιλόκαλος πρόοιδα τέθνηκας ἤρεμέω, θεοπρόπος Ἑρμοῦ «Фарнабаз, любитель прекрасного, я, прорицатель Гермеса, заранее знаю, что ты мертв, я спокоен». Вопрос

о Фарнабазе подробно рассмотрел А. В. Лебедев: это бывший сатрап Фригии и Вифинии, сидевший в вифинском Даскилейоне, он известен с конца V в. до н. э., после 373 г. до н. э. исчезает из источников, поэтому А. В. Лебедев предположил, что он как странствующий маг прибыл в Ольвию, где прорицал (Lebedew, 1996. P. 276–278). Его чтение оказалось не вполне адекватным подлиннику, отсюда ошибочность понимания надписи в целом. По мысли Б. Браво, надпись представляет собой заклятие, в котором Фарнабаз предавался на заклятие Гермесу Хтонию (SEG 51, 979). Мысль о наговоре подхватил А. В. Белоусов, его текст и перевод: Фарνάβα[σ]ζος φιλόκαλος· πρόοιδα τέθνηκας ἤρεμε ὦ θεοπρόπος Ἑρμοῦ «Фарнабаз, любитель красивого. Я знаю наперед, что ты уже мертв. Успокойся, вопрошатель оракула Гермеса!» (Белоусов, 2016. С. 117; 2020. С. 106). Однако в надписи нет абсолютно ничего от наговора, что признает и сам А. В. Белоусов: отсутствуют свойственные заклятиям формулы, нет параллелей среди сотен имеющихся ныне defixionum tabellae; поэтому, заключает он, надо признать, что «текст этого

¹ Независимый исследователь; Москва, Россия; e-mail: valeryjailenko@gmail.com.

заклятия абсолютно уникален». Если же смотреть непредвзято, то этими словами А. В. Белоусов удостоверил лишь то, что надпись не имеет никакого отношения к наговорам.

Ранее мы выявили пять оракулов V–IV вв. до н. э.: березанский и четыре ольвийских (Яйленко, 2017а. С. 37–46). Ольвийские оракулы получены в местном святилище Гермеса (он плотно связан с мантикой), оно помещалось на Западном теменосе и функционировало в V–IV вв. до н. э. (позднее IV в. до н. э. посвящений Гермесу тут нет). Здесь как раз и найден оракул Фарнабазу, которому посвящена отдельная заметка (Там же. С. 44–45). Мы отметили, что слово ἡρεμέω — «оставаться в покое, быть спокойным» — присутствует и в другом оракуле первой половины IV в. до н. э. и тоже на черепке: μηνός: Ταορεῶνος τῷ π|ρώτῳ: ὑστεράη νεομη|³νίης: ἡρεμίσθω: μην|ός: Ταορεῶνος τῷ ὑ[σ]|τέρῳ κατ' ἐλαγ[ωγήν? --] «в первый месяц Тавреон, на второй день после новолуния, пусть он будет спокоен; во вставной месяц Тавреон, согласно заклинанию (?) --» (Там же. С. 43). Как видно, оракул предписывает вопрошающему лицу образ действий / поведения в начале года (в милетском календаре Тавреон первый в году) и в его конце (вставной Тавреон; уточняющие суть дела подробности неизвестны ввиду облома надписи). Употребление в надписи о Фарнабазе того же характерного ἡρεμέω показывает, что и она оракул, тем более что профессия действующего лица надписи — θεοπρόπος «прорицатель». Отсюда наша трактовка ее: Φαρνάβαζος φιλόκαλος, πρόοιδα τέθνηκας: ἡρεμέω, θεοπρόπος Ἐρμού «любитель красоты Фарнабаз, предвижу заранее: ты мертв; спокоен я, прорицатель Гермеса».

На «портрете» Фарнабаза голову его украшают ленты, это отличительная особенность головного убора знатных персов, то есть он действительно принадлежал к видной персидской фамилии, известной с VI в. до н. э. Объяснение его связи с Ольвией и ответ на вопрос, почему оракул дан ему именно здесь, дают слово φιλόκαλος и изображение четырех фаллов на его груди и еще четырех над головой. В классе καλός-надписей, которые писали любовники своим мальчикам на даримых чашах, прилагательное καλός (одно, без личного имени) означает не просто «красивый», но «красивый мальчик». Посему Фарнабаз φιλόκαλος — «любитель красивых мальчиков» или «любитель красоты мальчиков», и это красноречиво подтверждают изображения фаллов при его

«портрете». Таким образом, он состоял в связи с каким / какими-то ольвийскими красавчиками. В Ольвии V–IV вв. до н. э., как и в метрополии, вполне засвидетельствована содомия подобного рода. На стенке чернолакового килика V в. до н. э. некий Евфрон удостоверил принадлежность чаши себе: Εὐφρονος εἰμί «я принадлежу Евфрону», а другой надписью, любовной по содержанию, — Κολανδάκης καλός «Коландак красавец» — удостоверил дар килика любовнику (Толстой, 1953. № 7). В V в. до н. э. в Ольвии функционировало заведение, в котором оказывались подобные услуги, судя по надписи на скифосе: ὃς ἐθέλει βενεῖν, δέκ' ἄρδις καταβαλῶμ | πυγίζετω «кто желает coige, заплатив десять монет-стрелок, пусть имеет в зад»; на другой стороне указан объект похоти: Ἴφαιστόδωρον «Гефестодора» (Виноградов, 1969. С. 147, чтение Н. Шабалина). В Ольвии V–IV вв. до н. э. нет ничего персидского, так что и Фарнабаз — не местный резидент, следовательно, мальчики были у него «на выезд». Из своей резиденции, видимо, в Даскилейоне, а может быть, будучи в Ольвии, он запросил ольвийский оракул о перспективах дальнейших связей такого рода. На такую причину обращения указывает единственная характеристика Фарнабаза в надписи — он φιλόκαλος «любитель красоты мальчиков». Кроме того, на любовное содержание оракула Фарнабазу указывает и то обстоятельство, что в ольвийском святилище Гермеса, где функционировало запрошенное им прорицательство, почиталась также Афродита, точнее сказать, это было совместное святилище Гермеса и Афродиты (Русяева, 2010. С. 68). Почему-то ответ Фарнабазу был неблагоприятным — смерть; на это вроде указывает и левый поворот его головы на рисунке, как в других случаях (ср.: Яйленко, 2017а. С. 28, 106). Но далее мы увидим, что и в тексте второго рассматриваемого в этой статье оракула можно подозревать фигуральную «смерть от любви». По причине, нам неведомой, «смертельный» вердикт любовным поползновениям Фарнабаза стал облегчением для прорицателя: теперь «он спокоен» (может быть, все осталось при своих интересах).

Теперь о дате надписи. Ю. Г. Виноградов удревил ее, занеся в конец V в. до н. э. Филолог А. В. Лебедев был точнее — первая треть IV в. до н. э. А. В. Белоусов предложил широкую дату: конец V — первая половина IV в. до н. э. (подробнее см.: Яйленко, 2021. В печати).

Рис. 1. 1 — оракул Фарнабазу (1а — фото, 1б — прорисовка (Русяева, 2010. Табл. 62, 63)); 2 — оракул Аристотелю (2а — фото (Там же. Табл. 44), 2б — прорисовка А. С. Русяевой); 3 — граффито с Чайки (3а — фото, 3б — прорисовка С. Мульда (Смекалова, Кутайсов, 2017))

Fig. 1. 1 — oracle to Pharnabazos (1а — photo, 1б — redrawing (Русяева, 2010. Табл. 62, 63)); 2 — oracle to Aristotle (2а — photo (Там же. Табл. 44), 2б — redrawing by A. S. Rusyaeva); 3 — graffito from Chayka (3а — photo, 3б — redrawing S. Mulda (Смекалова, Кутайсов, 2017))

Отметим в связи с датировкой следующие особенности шрифта. Альфа двух разновидностей — классическая и типа ранней, со слегка скошенной перекадиной. Округлые буквы в половину или в 2/3 высоты прямых. Сигма трех видов: 1) классическая, хорошо разомкнутая (на конце имени Фарнабаз); 2) с округлыми очертаниями (она V–IV вв. до н. э.); 3) с нижней горизонталью, которая не встречается в граффити Северного Причерноморья ранее рубежа V–IV вв. до н. э. (граффито зенонитов), а в ольвийских граффити представлена со второй половины IV в. до н. э. «П» двух форм: одна классическая, с укороченной правой гостой, другая с равновеликими вертикалями: она в ольвийской малой эпиграфике встречается тоже со второй половины IV в. до н. э. Вовсе не раннего IV в. до н. э. и каппа, у которой верхний ус длинный, прогнут, лихо задран кверху — это явно декоративная форма. Того же рода и язык надписи — частью аттическое койне (gen. Ἑρμού), частью ионийский диалект (неслитное ἥρεμέω), что несвойственно ольвийской лапидарной и малой эпиграфике раннего IV в. до н. э. У сатрапа Фарнабаз, правившего с конца V в. по 373 г. до н. э., был соименный внук, при Дарии III (336–330 гг. до н. э.) командовавший флотом и прибрежными областями, действуя в основном на северо-востоке Эгеиды (*Justi*, 1895. S. 92, № 4. *Agriani Anab.* II, 1, 3). До этого он мог находиться в родовом гнезде Даскилейоне, откуда и сносился со своими ольвийскими пассиями. Во всяком случае другой Фарнабаз середины IV в. до н. э. нам неизвестен, так что, скорее всего, он представлен на ольвийском черепке, и это указание на датировку надписи серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. Более или менее уточнить ее позволяет близкое рисуночное оформление оборота этой надписи с вторым рассматриваемым оракулом, который палеографически относится к первой трети IV в. до н. э. Стало быть, оба совмещаются около второй четверти — середины IV в. до н. э.

Оракул Аристотелю

Остракон-опистограф — случайная находка в траншее, вырытой рабочими для укрепления подпор крыши склепа «Зевсова кургана» (*Русяева*, 2010. С. 118). Сделан из грубо обколотого дна чернолаковой чаши, края заглажены; на одной стороне семистрочная надпись (каждая из первых четырех строк снизу ограничена линией), на другой — бюст с головой в профиль (рис. 1, 2а, 2б).

Маюскульный текст: ΑΡΙΣΤΟ|ΤΕΛΗΣ:ΙΕΡ|ΕΡΜΕ Ω:ΕΩΣ|³ΚΑΙΑΘΝΑΙΗΣ|ΕΥΝΩΝΗΡΟΓΕ|⁵ΝΗΣ:ΗΡ ΟΦΑ|ΝΗΣ.

Толкования надписи, в части которых есть рациональное зерно, дали А. В. Лебедев, Л. Дюбуа, А. С. Русяева, Ю. Г. Виноградов, С. Р. Тохтасьев (*Lebedew*, 1996. P. 271–276; *Dubois*, 1996. № 97; *Vinogradov, Rusjaeva*, 1998. S. 155–157). А. В. Белоусов изложил суть их суждений (*Белоусов*, 2020. № 1). На наш взгляд, Л. Дюбуа оптимальным образом связал буквы конца стк. 2 ΙΕΡ и стк. 3 ΕΩΣ в слово :ιερ|:έως, ибо, во-первых, обе части отделены от предшествующего текста интерпункцией, во-вторых, по родительному падежу оно согласуется с gen. Ἑρμέω, в целом :ιερ|:έως Ἑρμέω «жреца Гермеса». Дальнейший текст стк. 4–5 ΚΑΙΑΘΝΑΙΗΣ|ΕΥΝΩΝ непросто для понимания, хотя не подлежит сомнению прочтение А. В. Лебедевым и Л. Дюбуа нормального слова ξυνών. Первый издатель, А. С. Русяева, увидела в ΚΑΙΑΘΝΑΙΗΣ имя Афины: καὶ Ἄθ(η) ναίης, считая, что Аристотель был «жрецом Гермеса, а раньше и Афины»; то же в статье с соавтором (*Vinogradov, Rusjaeva*, 1998. S. 155), их текст: Ἀριστο|τέλης: ιερ(έως) Ἑρμέω: έως | καὶ Ἄθ<η>ναίης | ξυνών Ἡρογέ|νης: Ἡροφά|νης. Перевода в их немецкой статье нет, поэтому добавим его из книги А. С. Русяевой (*Русяева*, 2010. С. 118) с тем же греческим текстом: «Аристотель — жрец Гермеса, раньше и Афины, совместно Героген, Герофан». Как видно, они связали ξυνών с двумя последними именами. С. Р. Тохтасьев, напротив, связал ξυνών с именем Аристотеля; его понимание надписи А. В. Белоусов (*Белоусов*, 2016. С. 114) счел наилучшим и воспроизвел: Ἀριστο|τέλης: ιερ-|Ἑρμέω: εως | καὶ Ἄθ<η>ναίης | ξυνών Ἡρογέ|νης: Ἡροφά|νης «Аристотель, общий жрец Гермеса и Афины; Героген, Герофан». А. В. Белоусов пишет, что он вслед за Тохтасьевым принимает «слово ξυνών в значении „общий“, как относящееся к Аристотелю, а не к Герогену и Герофану, как склонны, необъяснимым образом, понимать его Ю. Г. Виноградов, А. С. Русяева и Л. Дюбуа: ses associés» (*Там же*. С. 116). Увы, к данному случаю вполне применима норма простой арифметики — от перемены мест слагаемых сумма не меняется, иначе говоря, ни С. Р. Тохтасьев, ни А. В. Белоусов не показали, чем их соотнесение ξυνών с Аристотелем лучше, чем с Герогеном и Герофаном. Я просмотрел по TLG несколько десятков контекстов с прилагательным ξυνών в номинативе, оно стоит рядом

с определяемым словом либо в непосредственной близости, так что «увязывание» его С. Р. Тохтасевым и А. В. Белоусовым с отдаленным именем Аристотеля ошибочно. Те же материалы TLG показывают, что ξυνών в номинативе почти всегда соединяется с дативом, из остальных падежей заметен генитив (пара примеров и в LSJ, s. v.), сочетаний с номинативом и винительным примерно по паре. Дательного да винительного в ольвийской надписи нет, поэтому ξυνών может быть связано или с gen. ἱερέως Ἑρμῆω или с nom. личных имен Героген, Герофан, при которых стоит (рассмотрим этот вопрос далее).

Коротко говоря, суть интерпретации смысла надписи состоит в том, что С. Р. Тохтасев, А. В. Белоусов понимают ее как наговор (простой список имен), остальные видят в ней не очень ясный вотив или какой-то сакральный текст иного типа. Первым двум ясно: как часто бывает, формула проклятия (катаδέω и подобные) опущена, указаны имена трех проклинаемых — Аристотель, Героген, Герофан. Хотя они обратили внимание на странное совмещение Аристотелем жречества в культах Гермеса и Афины, разъяснение дали невнятное. Между тем трактовка этих богов как сохранных странна, ибо нам известно по надписям, что в Ольвии Афина была сохраницей своего отца Зевса (Русяева, 2010. С. 31–32), а вовсе не Гермеса. Поэтому прав А. В. Лебедев, указавший на неправомочность исправления Ἀθ<η>ναίης, и у его чтения больше смысла: καὶ {α}<τε>θναίης «и ты мертв», с вариантом ката<τε>θναίης того же значения (Lebedew, 1996. P. 271). К сожалению, он допустил и излишние поправки, особенно с перedelкой имен Герогена да Герофана на темную лексику, из-за чего никто из последующих специалистов не присоединился к нему. Мы же не выплеснем из корыта с водой и дитя: по смыслу приведенное его понимание лучше прочих тем, что не порождает мало достоверного занятия Аристотелем жреческих постов Гермеса и Афины. Мы упростим конъектуры до одной, читая καὶ ἄ(πο)θναίης «и будешь ты мертв» (opt. perfecti). По одному и тому же глаголу (ἀπο)θνήσκω данная надпись типологически становится такой же, как и предыдущая с ее τέθνηκας «ты мертв», то есть оракулом. Наше чтение: Ἀριστο|τέλης: ἱερ|:έως/Ἑρμῆω: | καὶ ἄ(πο)θναίης | ξυνών Ἦρογέ|νης: Ἦροφά|νης «Аристотель, от жреца Гермеса *оракул*: и будешь ты мертв, совместно / сообща Героген, Герофан». Тут ἱερέως Ἑρμῆω — gen. auctoris, указывающий

на то, что последующее действие должно исходить от жреца Гермеса. В переводе мы добавили слово *оракул* лишь для полной ясности: донесся до читателя существо дела, можем обойтись и без него. Глагол ἀ(πο)θναίης интересен своей гомеровской формой перфектного опатива с -αι- (ср.: Πίης, XVIII, 98: τεθναίην «я умру»): язык данного оракула не разговорный, а возвышенный посредством употребления гомеризма. Так и положено оракулу как виду театрального действия, сопровождающего отправление культа: подобно всякому подобному действию, он, якобы исходя из недр трансцендентного наития у жреца, должен излагаться театрализованным языком. Отсюда и стихотворный характер многих оракулов, а употребление гекзаметра (например, в дельфийских оракулах киренскому царю Батту: Herod. IV, 155–159) — тоже гомеризм. Прилагательное ξυνών, как сказано, соотносится тут с родительным падежом или номинативом стоящих рядом личных имен. Так как у gen. ἱερέως Ἑρμῆω функция родительного происхождения, ξυνών относится к именам Ἦρογένης, Ἦροφάνης — «совместно / сообща Героген, Герофан», то есть их участь та же, что и Аристотеля (можно добавить для ясности *с тобой*: «совместно / сообща *с тобой* Героген, Герофан»). Пример сочетания ξυνών с номинативом из Софокла: αἱ πάθαι με χὼ χρόνος ξυνών μακρὸς διδάσκει «горести вместе с долгим веком научают меня» (Oed. Col. 7). Как видно из этого примера и многих других, прилагательное ξυνών благодаря приставке совместности ξυν- часто выступает в наречном значении. Оракулы нередко начинаются с имени вопрошающего (к примеру, таков первый оракул Батту, — Herod. IV, 155), так что открывающее ольвийскую надпись имя Аристотеля подтверждает ее типологическую принадлежность к оракулам.

Не все просто и с датировкой надписи. А. С. Русяева (Русяева, 2010. С. 118–119) по широкой альфе, крупным круглым буквам, ипсилону в виде «V» отнесла ее ко времени не позднее третьей четверти V в. до н. э., в крайнем случае, его середины. В ее совместной с Ю. Г. Виноградовым статье сделан акцент на рисунке, в котором авторы увидели копию изображения Афины на ольвийских бронзовых «ассах» 490–470 гг. до н. э., датировав надпись этим временем (Vinogradov, Rusjaeva, 1998. S. 156). Однако у персонажа на рисунке показана отходящая горизонтально от затылка косица с изломом — так называемый хвост

(либо такой формы головной убор, но не султан шлема), Афина же на монетах в шлеме, без «хвоста» (Зограф, 1951. Табл. XXX, 3, 4; Карышковский, 1988. С. 42; Анохин, 1989. Табл. I). Поэтому никакой параллели между тем и другим нет, так что дата беспочвенна. А. В. Лебедев указал на некоторое сходство с письмом НО 3 А, В, 11 и сослался на их датировку около 400 г. до н. э. Ю. Г. Виноградовым, хотя издатель НО 3 и 11 Е. И. Леви дала адекватные даты: НО 3 — первая половина IV в. до н. э., НО 11 — IV в. до н. э. Поскольку, по предположению А. В. Лебедева, надписи Фарнабаза и Аристотеля составляют единство, то обе он отнес ко времени ок. 400 г. до н. э., но признал возможными и первые десятилетия IV в. до н. э. (Lebedew, 1996. P. 275–276). Согласно А. В. Белоусову, шрифт надписи указывает на вторую половину V в. до н. э.: «правильный юпсилон, каппа с широко раскинутыми диагональными гастами, регулярная сигма и фи с вертикалью, выходящей сверху и снизу за пределы окружности». Заметим по этому поводу, что ипсилон как раз, наоборот, в раннее время имел вид латинской буквы «V», а с V в. до н. э. постепенно внедрялась U-образная форма. Так, в граффити Навкратиса VI–V вв. до н. э. при господстве формы «V» выходцы из Милета и Аморгоса писали U-образный ипсилон (Gardner, Griffith, 1888. Pl. XXXV A). Показательны и сигнатуры на хорошо датированных расписных аттических вазах; к примеру, на сосудах 470-х гг. до н. э. при господстве «V» также употреблялось «У» (Передольская, 1967. С. 100, 109, 137, табл. CLXXV, 2, 6; CLXXVII, 9). Также ошибочна ссылка филолога А. В. Белоусова на сигму, ибо в надписи две ее формы. Если за «регулярную сигму» он принимает хорошо разомкнутую ее форму в стк. 1–2, то она встречается на протяжении всего V в. до н. э., часто — в первой половине IV в. до н. э., нередко и во второй (Толстой, 1953. № 61). Сигма стк. 3–4 с почти горизонтальным основанием может иметь лишь случайное отношение к V в. до н. э. — она относится к IV в. до н. э. (см., например, боспорские граффити: Емец, 1995. С. 53). Что до «Ф» с пронзившей ее вертикалью, то эта форма появляется еще в VI в. до н. э. и существует по византийское время, откуда произошло и наше «Ф». Сказать, что вертикаль в «Ф» выходит за кружок снизу и сверху — значит почти ничего не сказать, ибо у нее, как у всех других букв, есть несколько особенностей начертания, от которых и зависит датировка. Надо указывать, насколько

высоки или коротки ножка, верхушка, каково их соотношение друг с другом и с телом, прямы они или изогнуты, есть или нет оформление их апексами либо уширением, утонением; тело в виде правильной окружности или неправильной, круг или эллипс, треугольник и пр., эллипс растянут вертикально или горизонтально; наконец, общие пропорции буквы, наклон ее, масштабное соотношение с соседними буквами, положение относительно верхней и нижней линеек строки и пр. Вот сколько параметров у любой буквы! Конечно, нет необходимости рассматривать все применительно к каждому конкретному случаю, но основные датирующие особенности надо указать.

В отличие от эпитафистов Ю. Г. Виноградова и А. В. Белоусова, филолог и философ А. В. Лебедев правильно указал на близость письма исследуемой надписи к проксении НО 11 с ее такой же уплощенной сигмой, каппой с длинными усами, также с ординарными для V–IV вв. до н. э. формами «А», «N», «П». Как упоминалось ранее, Е. И. Леви дала ее широкую дату — IV в. до н. э., мы же, выстроив хронологию всех ольвийских проксений, отнесли ее к началу IV в. до н. э. (Яйленко, 2017а. С. 290–293). Основанием для этого послужил ее формулярный тип, но что до палеографии, то мы отметили ее переходный характер от классического письма к позднеклассическому, свойственный первой половине IV в. до н. э. В оракуле Аристотелю показатели классического письма следующие: оно ровное, сделано будто по линейке, круглые буквы частью равновелики прямым, частью почти равновелики; далее разомкнутая сигма стк. 1, высоко поднятая правая гаста «N», широко расставленные боковины «А», наклонные усы «Е» стк. 3, V-образный ипсилон. Позднеклассические черты: уплощенные усы сигмы, в особенности почти горизонтальное ее основание в стк. 3, 4; прогнутый столб «P» стк. 5, горизонтальные и декоративно прогнутые усы первой «Е» стк. 2, небольшой подъем правой гасты «N» последних двух строк; наконец, само наличие вариантов написания букв. Соответственно граффито Аристотеля можно отнести к первой трети IV в. до н. э. Однако это не все. А. В. Лебедев правомерно полагал, что эта надпись и «Фарнабазова» составляли единый комплекс, на что указывает довольно близкое их оформление: оба рисунка однотипны — с погрудным изображением человека, оно профильное, повернуто влево, оба бюста заключены в магический круг. Как мы выяснили,

оракул Фарнабазу дан около середины — третьей четверти IV в. до н. э., Аристотелю — в первой его трети, так что совместить эти две близкие однотипные надписи можно, продатируя их второй четвертью IV в. до н. э.

В заключение — о смысле данного Аристотелю оракула. По сути он тот же, что оракул Фарнабазу, с предсказанием смерти вопрошателю. Как показано выше, в случае с Фарнабазом причина смертного оракула кроется в сексуальной сфере. Обратим внимание на то, что бюст Аристотеля заключен в своеобразную оторочку, внешний периметр которой — круг, внутренний — шестигранник. А. В. Лебедев внес наибольший вклад в изучение данной надписи, поскольку обратил внимание и на это обстоятельство, правомерно указав на магический характер и круга, и шестигранника (Lebedew, 1996. P. 273). В соответствии со своей концепцией противоборства магов Фарнабазы и Аристотеля он счел круг и шестигранник средствами связывания силы. Мы же, выяснив любовный аспект оракула Фарнабазу, дополним, что это также приворотный инструментарий, колесо для любовной магии — $\rho\acute{o}\mu\beta\omicron\varsigma$ и $\iota\upsilon\gamma\zeta$ (Theocr. II, 30; Luc. Dial. meretr. IV, 5 и другие источники). А. В. Лебедев удачно привлек и граффито V в. до н. э. из Пантикапея, превосходно прокомментированное И. И. Толстым (Толстой, 1953. № 238): рука производящего гадание вращает шестигранник для любовного приворота мужчины, голова которого в левом повороте изображена на обороте донца чернолаковой чаши. Имея в виду связь обоих оракулов с любовной магией, мы можем догадываться, что глагол $(\acute{\alpha}\lambda\omicron)\theta\nu\eta\sigma\kappa\omega$ употреблен в них не в прямом смысле, а метафорически — в значении «умереть от любви», подобно тому, как у Аристофана в «Ахарнях» (ст. 15) театральный зритель «помер со смеху» ($\acute{\alpha}\lambda\epsilon\theta\alpha\nu\omicron\nu$), а у комика IV в. до н. э. Антифана (у Афиня, VIII, 342) $\acute{\omicron}\rho\acute{\omega}\nu\tau\epsilon\varsigma$ $\acute{\epsilon}\xi\acute{\epsilon}\theta\nu\eta\sigma\kappa\omicron\nu$ «видевшие помирали»; комментаторы к Аристофану отмечают, что там и там при $\acute{\alpha}\lambda\omicron\theta\nu\eta\sigma\kappa\epsilon\iota\nu$ подразумевается $\gamma\acute{\epsilon}\lambda\omega\tau\iota$, $\eta\delta\omicron\nu\eta$ «помирать со смеху, от удовольствия» (например, Bothe, 1845. P. 10). Наконец, обратим внимание, что ни в Ольвии, ни в Причерноморье вообще, имен Аристотель и Героген нет, а Герофан распространено повсюду (LGPN IV. P. 158), так что и он за компанию с ними чужеземец, не ольвиополит. Обратившийся к ольвийскому оракулу Фарнабаз тоже иноземец, и потому это обстоятельство лишнее раз подтверждает изобразительное и содержательное единство обоих ольвийских граффити.

Наговор с Чайки в Западном Крыму

Обломок краснолакового блюда I в. до н. э. — I в. н. э. с граффито — случайная находка на городище. Надпись интересна своим неординарным содержанием и необычным для граффити курсивным письмом (рис. 1, 3а, 3б). Первая публикация С. Р. Тохтасьева, по отзыву С. Ю. Сапрыкина, весьма неточна, сам он более или менее адекватно прочел текст, хотя, на наш взгляд, не вполне его понял. Текст и перевод С. Ю. Сапрыкина: $\text{Oυζάλκου γυνή Η | Πάτεις γυνά χρυσολίθοι | Α |³ Αζεκός Α | Άγουζάκο(υ) γυνή Β |⁵ Λαυθιακού θυγάτηρ Α | κα<ι> θρύπτον κτενώ|δης$ «Удзалка жена - 8; Патейс, жена, топазы — 1; Адзек — 1; Агудзака жена — 2; Лаутиака дочь — 1 и гребень для расчесывания» (Сапрыкин, 2014. С. 24–27). По его мнению, это «классический образец хозяйственного документа» — список лиц, которым торговец, автор граффито, должен был продать или передать камни-топазы для золотых украшений и гребень; эти женщины — жены мужчин с варварскими и полуварварскими именами. Мнение С. Ю. Сапрыкина изложили Т. Н. Смекалова и В. А. Кутайсов, приложив превосходные фото и прорисовку (Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 386–387).

Наши замечания по тексту. В конце стк. 1 скорее читается не «Н», а «IY». В стк. 2 множ. число «топазы», но цифра 1; ударение $\chi\rho\upsilon\sigma\omicron\lambda\iota\theta\omicron\iota$ описка (на с. 26 его статьи дано правильное $\chi\rho\upsilon\sigma\acute{\omicron}\lambda\iota\theta\omicron\iota$), причем после теты видна дужка омикрона, так что можно восстановить и единственное число $\chi\rho\upsilon\sigma\acute{\omicron}\lambda\iota\theta\omicron\varsigma$ / -v]. Стк. 4: отнести к Патейсу и его жене цифру «α´» над именем Азека сложно, скорее, автор документа написал пропущенную альфу имени Αζεακος (эту возможность видел и С. Ю. Сапрыкин). Стк. 5: ясно написано $\gamma\upsilon\eta\eta$, а не $\gamma\upsilon\nu\eta$ (итализм). Основные сложности чтения — в последней строке. Тут нет нужды в исправлении κα<ι> , ибо с эллинистического времени известно и написание κά вместо καί (к примеру, в письме Анонима конца III в. до н. э. из Ольвии: Яйленко, 2017а. С. 470, стк. 4). По С. Ю. Сапрыкину, тут ясно читается слово κτενώ|δης «гребень», но несомненно лишь κτενω , а δης он дополнил. Далее он предложил филологическую новацию: « θρύπτον очевидно индикативное причастие среднего рода от θρύπτω — „рассеивать, разрыхлять, расчесывать“» (Сапрыкин, 2014. С. 27). Правда, у причастий нет наклонения, так что индикативных причастий не бывает.

Нет сомнений, что ключевое слово надписи последнее: $\text{κτένω} = \text{κτείνω}$ «убиваю»; с III–II вв. до н. э.

проходил процесс монофтонгизации дифтонгов, в частности, $\epsilon\iota > \epsilon$ (Crönert, 1903. P. 107–115; Mayser, 1923. S. 67–71). Сей глагол не оставляет сомнений, что надпись — образец черной магии, наговор, обращенный на неугодных автору женщин. Этому вполне соответствует причастие $\theta\rho\upsilon\lambda\tau\omega\nu$ «сокрушая, надламывая, дробя, портя». Вопрос об омеге в нем не вполне ясен: на фото и прорисовке видны три линии, но по графике эта буква отличается от омеги в $\kappa\tau\acute{\epsilon}\nu\omega$, где она имеет вид ψ . Скорее, в причастии омикрон, и в таком случае это очередное свидетельство позднего времени надписи — результат утраты долгими гласными долготы; на папирусном письме единичные примеры перехода $\omega > o$ есть в III в. до н. э., хорошо он представлен со II в. до н. э. (Crönert, 1903. P. 19–20; Mayser, 1923. S. 97–99). Свидетельство упомянутой монофтонгизации дифтонгов дает и флексия родительного падежа Αγούζακο , в которой дифтонг «ou» сокращен в «o», то есть в нормативной графике должно быть $\text{Αγούζακο}(u)$; на папирусном письме переход $ou > o$ тоже начался с III–II вв. до н. э. (Crönert, 1903. P. 129–130; Mayser, 1923. S. 116–117). Такие родительные падежи имен есть и в ольвийском наговоре III–II в. до н. э.: $\text{Ζηνοδότο, Δημητρίο, Διονυσίο}$ (Дложевский, 1930. С. 54).

Итак, надпись — вовсе не «классический образец хозяйственного документа», как счел С. Ю. Сапрыкин (тем не менее еще раз отметим его большую роль в правильном прочтении текста), а наговор, и весьма своеобразный. Наш текст: $\text{Ουζακου γυνή, ιϚ, | Πάτεις, γυνά Χρυσόλιθο[v], | Άζεακος, ᾶ, |³ Αγούζακο(u) γινή, β(ᾶ?), | Λαυθιακου θυγάτηρ, ᾶ, | κα θρῦλτων κτένω}$ «Узака жена — о! Патейс, жена Хрисалитон; Азеак, ха! Агузака жена — бе! (?); Лавтиака дочь, ха! И круша, убиваю!». В греческом мире достаточно любовных наговоров, в которых автор, оставивший надпись, сводит счеты с неугодной женщиной, но там обычно фигурирует она одна, наш же женоненавистник готов умертвить целый коллектив. Его заклятию свойственна и другая необычная черта: вслед за именами почти всех проклиняемых он ставит восклицательные междометия: «ιϚ» выражает удивление (Геродиан); «ᾶ» или «ᾷ» (обычно с удвоением: «ᾶ ᾶ» или «ᾷ ᾷ») — насмешка «ха-ха» (Еврипид, Платон и др.). Одинокая бета при упоминании имени жены Агузака, если продолжать линию с междометиями, может быть $\beta(\acute{\alpha}?)$ «бе!» — бляенья овечки (комедиограф V в. до н. э.

Гермипп), но вполне вероятно и сокращение слова $\beta\acute{\iota}\nu\acute{\epsilon}\omega$ «совокупляться». Пример подобного сокращения дает граффито IV в. до н. э. с афинской Агоры: а) $\Theta\epsilon\iota\omicron\delta\omicron\sigma\iota\ \lambda\alpha\kappa\acute{\alpha}\delta\epsilon[i]$ εῖ «Тейдосия отменно бл...ет», б) «λ» (= $\lambda\alpha\kappa\acute{\alpha}\sigma\tau\rho\iota\alpha$) «б» = «б..дь» (Lang, 1976. P. 15, № 33). Наш автор — ловелас-неудачник: ему неугодны сразу четыре женщины, из них три — замужние, и со всеми его постигла неудача. Для полноты он приплел и двух мужчин; Патейс, скорее всего, воздал ему должное за приставание к своей жене, Азеак же мог каким-то образом помешать его любовным домогательствам; впрочем, неудачник, по примеру части греков, мог быть и бисексуалом. Чтобы получить отказ сразу от четырех женщин, надо быть морально или физически ущербным. Наш герой высокой моралью, действительно, не отличался, ибо желает смерти шестерым людям. Отказ трех замужних женщин от отношений с ним отнесем на счет их неколебимой добродетели, ибо о женщинах *legendum est aut bene, aut nihil*.

Из шести имен лишь одно греческое имя — Χρυσόλιθο[v] — читается определенно, ибо у правого скола сохранились часть дужки омикрона и нижняя часть левой гасты «N». Значение имени «Топазик» (имена на -ov уменьшительно-ласкательные), хотя оно не засвидетельствовано, в греческой антропонимии есть серия мужских и женских имен, образованных от названий драгоценных и полудрагоценных камней: Ἀδάμας «Адамант», Κρυστάλη «Хрусталь», Σμαράγδη , Σμάραγδος «Смарагд» и др. (Pape, Benseler, 1884. S. 16, 726, 1418). Остальные пять имен — негреческие (доныне известно лишь одно — Πάτεις), из них четыре морфологически одинаковы: основа + суффикс «-к-». Из основ определённа одна — в имени Άζεακος : она фракийская или иранская $az(a)$ - «коза, козел». О пребывании фракийцев в Западном Крыму доподлинно неизвестно, тут есть кизил-кобинская керамика VI–IV вв. до н. э., на Чайке она доживает до IV–III вв. до н. э., традиционно ее связывают с таврами (Кравченко, 2009. С. 197). Скорее, основа $az(a)$ - иранская, так как неподалеку, в Центральном Крыму, были среднекифские крепости с именами иранского происхождения Хабеи, Напит (Яйленко, 2017б. С. 47–50). Но, вероятнее всего, это некий туземный этнос, нам пока неизвестный, каковых в античной Тавриде было множество: по словам Плиния (IV, 85), в Таврике «живет 30 народов, из них внутри страны 23», из этого числа нам известны всего

четыре или пять. Построение четырех из пяти местных имен по одной морфологической модели определенно свидетельствует в пользу анонимного этноса.

Данный наговор интересен еще и своим поздним для Северного Причерноморья временем — тут он единственный от римской эпохи. Отсюда и поздние черты фонетики — монофтонгизированные дифтонги «ει» (κτένω = κτείνω), «αι» (κά = καί), «ου» (Αουζαко — определенно генитив ввиду двух родительных падежей на «-ου» в именах Ουζαкоу, Λαυθιαкоу); итацированное υνίη вполне завершает картину перестройки фонетики эллинистического койне на пороге римского времени.

Единственное, что можно сказать положительного о чайкинском ловеласе, — он прекрасный каллиграф: письмо четкое, уверенное, исполнено легкими касаниями резца, буквы равномерно следуют одна за другой, формы их изысканны; по сравнению с топорным письмом большинства северочерноморских наговоров этот — образец высокой письменной культуры (отметим и прекрасную прорисовку С. А. Мульда). У него

определенные навыки папирусного письма, то есть, вероятно, его второй профессией была каллиграфия. И в его время нет никого другого во всем Причерноморье, которого можно было бы поставить рядом по искусности. Он — выдающийся каллиграф, и в самой Александрии был бы не последним. Поэтому его место, самое малое, в Херсонесе, а не на рядовой усадьбе хоры. Он то ли херсонесский письмоводитель, присланный для учета хозяйственной деятельности на Чайке, то ли отставник, доживающий тут свой век.

По Т. Н. Смекаловой и В. А. Кутайсову (*Смекалова, Кутайсов, 2017. С. 386*), краснолаковое блюдо с надписью датируется первой половиной I в. н. э. Этому соответствует лишь форма «N», у которой перемычка идет не по диагонали сверху вниз, как обычно, а почти горизонтальна и поднята наверх (*Gardthausen, 1913. Taf. 4a*). Остальные характерные формы маюскулярного курсива надписи идут со II в. до н. э. (*Ibid.*). Поскольку краснолаковые блюда такого типа производились с I в. до н. э., вероятная дата надписи — I в. до н. э. — I в. н. э.

Анохин, 1989 — Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 128 с.

Белоусов, 2016 — Белоусов А. В. Некоторые особенности ольвийских заклятий на керамике в контексте греческих магических практик // *Емінак. 2016. Т. 4 (16). С. 113–127.*

Белоусов, 2020 — Белоусов А. В. Корпус заклятий понтийской Ольвии. М.: Изд-во МГУ, 2020. 160 с.

Виноградов, 1969 — Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии // *ВДИ. 1969. № 3. С. 142–150.*

Дложевський, 1930 — Дложевський С. С. Епіграфічні дрібниці (з нових матеріалів Північного побережжя Чорного моря) // *Вісник Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук. Секція для вивчення грецької нацменшості. Одеса, 1930. Ч. 4–5. С. 49–57.*

Емец, 1995 — Емец И. А. Классификация и шрифт боспорских граффити и дипинти // *Эпиграфический вестник. 1995. Вып. 2. С. 40–60.*

Зограф, 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 263 с.

Карышковский, 1988 — Карышковский П. О. Монеты Ольвии. Киев: Наукова думка, 1988. 167 с.

Кравченко, 2009 — Кравченко Е. А. Кизил-Кобиньска керамика Керкінітіди VI–IV ст. до н. е. // *Эпоха*

раннего железа / С. С. Бессонова (ред.). Киев; Полтава: ИА НАН Украины, 2009. С. 189–199.

Передольская, 1967 — Передольская А. А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже: Каталог. Л.: Советский художник, 1967. 206 с.

Русяева, 2010 — Русяева А. С. Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь: Фонд Деметра, 2010. 216 с.

Сапрыкин, 2014 — Сапрыкин С. Ю. Памятники «малой» эпиграфики из Северо-Западного Крыма античной эпохи // *История и археология Северо-Западного Крыма / Т. Н. Смекалова, В. А. Кутайсов (ред.). Симферополь: Предприятие Феникс, 2014. С. 7–31.*

Смекалова, Кутайсов, 2017 — Смекалова Т. Н., Кутайсов В. А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. СПб.: Алетейя, 2017. 447 с.

Толстой, 1953 — Толстой И. И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 154 с.

Яйленко, 2017а — Яйленко В. П. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. — VII в. н. э. СПб.: Нестор-История, 2017. 1023 с.

Яйленко, 2017б — Яйленко В. П. Топонимика античного Крыма // *Боспорские исследования. Керчь: Керченская городская типография, 2017. Т. 35. С. 3–88.*

- Яйленко*, 2021 — *Яйленко В. П.* Новая книга о наговорах Ольвии // ПИФК. Магнитогорск; М., 2021. № 4 (в печати).
- Bothe*, 1845 — *Bothe F. H.* Aristophanis comoediae. Lipsiae: Libraria Hahniana. Vol. 1. 320 p.
- Crönert*, 1903 — *Crönert G.* Memoria Graeca Herculensis. Lipsiae: Teubner. 318 p.
- Dubois*, 1996 — *Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève: Droz, 1996. 208 p.
- Gardner, Griffith*, 1888 — *Gardner E. A., Griffith F. L.* Naukratis. London: Trübner and Co, 1888. Pt. 2. 92 p.
- Gardthausen*, 1913 — *Gardthausen V.* Griechische Palaeographie. Leipzig: Verlag von Veit, 1913. 472 S.
- Justi*, 1895 — *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg: Elwert'sche Verlag, 1895. 526 S.
- Lang*, 1976 — *Lang M.* Graffiti and Dipinti. The Athenian Agora. Princeton: American school at Athens. Vol. 21. 116 p.
- Lebedew*, 1996 — *Lebedew A.* Pharnabazos, the Diviner of Hermes. Two Ostraca with Curse Letters from Olbia // ZPE. Bonn, 1996. Bd. 112. P. 268-278.
- Maysen*, 1923 — *Maysen E.* Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit. Berlin: De Gruyter, 1923. 538 S.
- Pape, Benseler*, 1884 — *Pape W., Benseler G. E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig: Verlag von F. Bieweg und Sohn, 1884. 1710 S.
- Vinogradov, Rusjaeva*, 1998 — *Vinogradov Ju. G., Rusjaeva A. S.* Phantasmomagia Olbiopolitana // ZPE. Bonn, 1998. Bd. 121. S. 153-164.

Oracles from Olbia, the incantation from Chayka in Western Crimea

V. P. Yaylenko¹

This paper considers three inscriptions published earlier; two come from Olbia and the third one from the fortified settlement of Chayka in Western Crimea. There is a broad discussion concerning the interpretation of the Olbian inscriptions (nos. 1–2, both dated to the second quarter or the middle of the 4th century BC). Inscription no. 1 was interpreted as a defixio, i. e. a magical text. Its first publisher A. S. Rusyaeva considered it as an oracle since it was revealed in a sanctuary of Hermes but she mentioned this supposition just cursorily. The present author noted that the verb ἡρεμέω — “keep quiet” is found also in another Olbian oracle suggesting that the inscription under consideration is indeed also an oracle. It was directed to Pharnabazos who was a Persian governor of cities of the Aegean Coast in the 330s BC. In the depiction on his breast and over the head, four phalli are shown and in the inscription he is called a “lover of beautiful boys” so that the oracle is connected with his amorous relations with them. The oracle prophesises death to him but implies a metaphorical “death from love”. In the author’s opinion, the second inscription also is an oracle directed to Aristotle and also mentioning death. His “portrait” is circumscribed with a hexagon; the latter geometric figure was employed in love magic. Therefore here again we are dealing with the “death from love”. The inscription of the turn of the eras from the fortified site of Chayka is a defixio against four women and two men; its author condemns them to death. In terms of its calligraphy this is the most remarkable inscription of the Hellenistic and Roman periods in the Northern Black Sea littoral.

¹ Valery Yaylenko — Independent researcher; Moscow, Russia; e-mail: valeryjailenko@gmail.com.

Могильник раннежелезного века в Крымском Присивашье. Воинские погребения

И. В. Рукавишникова, Д. В. Бейлин, А. А. Волошинов¹

Аннотация. Могильник относится к поселению Ореховка и расположен в нескольких сотнях метрах к востоку от восточной периферии поселения. В погребальные конструкции бронзового века были впущены ямы погребений раннего железного века. Могильник грунтовой с погребениями рядового населения, в том числе воинским. Погребения были совершены в ямах, ямах с подбоями и катакомбах. Погребальный инвентарь (амфоры с клеймами, лепная керамика, скифское оружие, зеркало, серьги и стеклянные бусины) позволяет датировать исследованные комплексы IV в. до н. э. Подобные предметы в сочетании с конструкциями погребальных ям находят аналогии среди синхронных скифских памятников Присивашья.

Annotation. The burial ground described in this work belongs to the Orekhovka settlement, as it is located several hundred meters from the eastern periphery of the settlement. Burial pits of the early Iron Age were let into the burial structures of the Bronze Age. Ground repository with burials of the ordinary population, including with a military burial. Burials were committed in pits, catacombs and pit-holes. The complexes are dated of the 4th century BC on clothing funeral complexes, which include amphora with hallmarks, stucco ceramics, Scythian weapons, a mirror, earrings and glass beads in various combinations. A similar funerary set of objects in combination with the constructions of the funerary pits corresponds to the Scythian monuments of this time near Sivash.

Ключевые слова: могильник, скифская культура, катакомбы, вооружение, воинские погребения, Крымский полуостров.

Keywords: burial ground, Scythian culture, catacombs, weapons, military burials, Crimean peninsula.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-51-70

Могильник Ореховка 1 находится в Крымском Присивашье, в 1,3 км к северо-западу от села Ореховка Кировского района Республики Крым на правом берегу реки Сухой Индол, на водоразделе, и преимущественно занимает вершинную его часть. Памятник был открыт исследователями курганной группы в 2019 г.

В результате охранных работ проведены раскопки кургана вблизи поселения Ореховка 1 (Гаврилов, 2004. С. 158, 264, рис. 3). Сначала была

исследована территория сильно распаханной и перемещенной насыпи предполагаемого кургана 1, входившего в группу из двух курганов, и его околокурганной территории (рис. 1), находящихся вблизи выделяющегося в рельефе кургана бронзового века. Насыпь (или насыпи) около 30 м в диаметре не дошла до нашего времени и была полностью перепахана до материкового суглинка. Лишь местами на этой территории сохранилась погребенная почва в северо-западном секторе раскопа. Раскоп был расширен в восточном направлении в процессе поиска центра кургана и открытия подкурганых конструкций.

На площади кургана и прикурганного пространства под пахотным слоем выявлены различные погребально-поминальные объекты и конструкции: остатки пяти рвов, из которых два складываются в двухвитковую спираль,

¹ Рукавишникова И. В. — Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 19117036, Россия; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru. Бейлин Д. В., Волошинов А. А. — Институт археологии Крыма РАН; пр. Акад. Вернадского, д. 2, г. Симферополь, Республика Крым, 295007, Россия; e-mail: denis_beylin1979@mail.ru; voloshinov-alexs@yandex.ua.

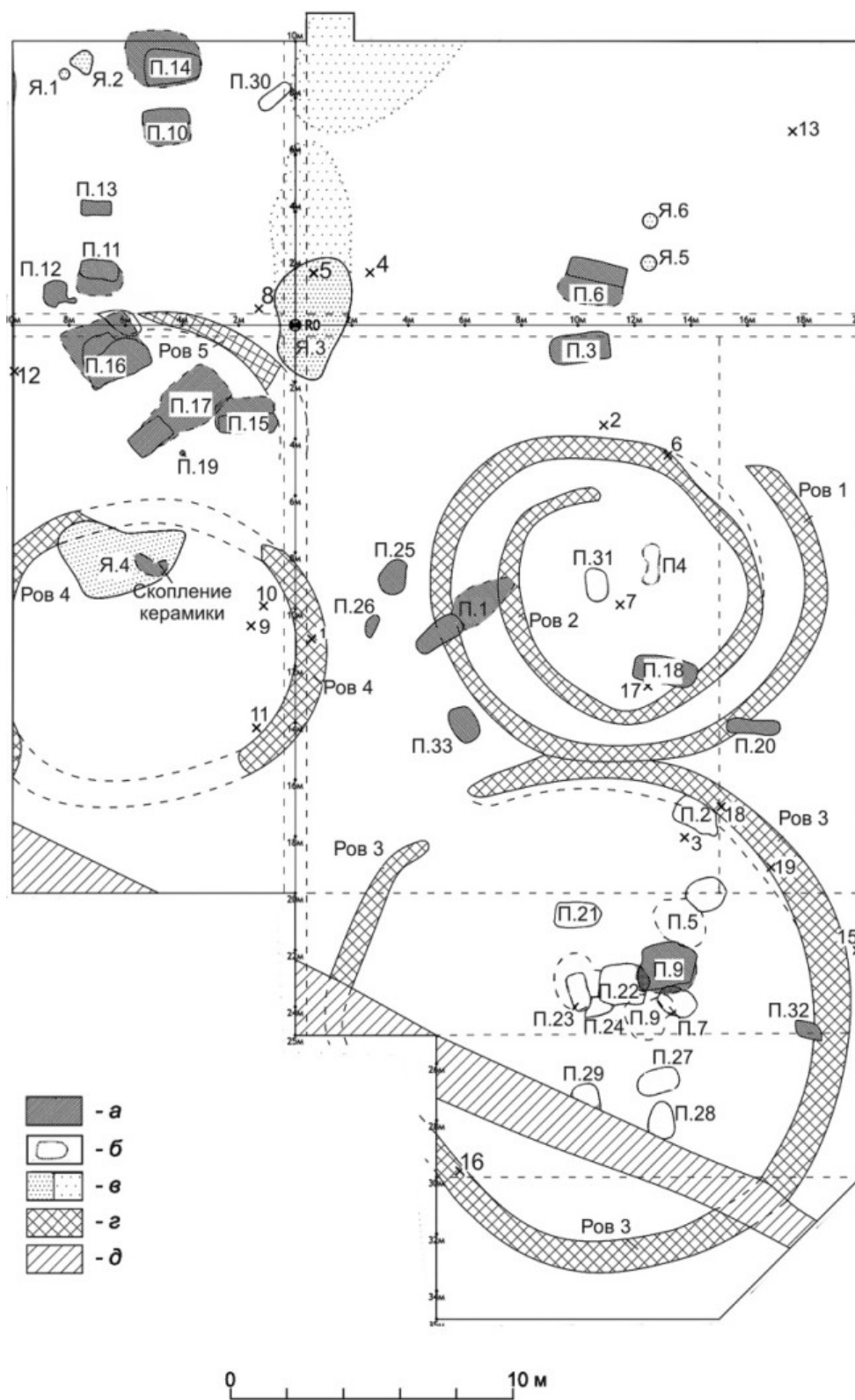

Рис. 1. Могильник Ореховка 1, общий план (а — погребения раннего железного века; б — погребения эпохи бронзы; в — заполнение ям; г — заполнение рвов; д — траншея тракта водоподачи)

Fig. 1. Cemetery of Orekhovka 1, general plan (a — burials of the Early Iron Age; б — burials of the Bronze Age; в — fill of the pits; г — fills of the ditches; д — trench of the water feed line)

33 погребения и шесть ям разного назначения. Эти объекты образуют отдельные погребально-поминальные комплексы, относящиеся к разным историческим эпохам.

Кольцевые и спиральные рвы относятся к традиции периода конца ямной — начала катакомбной культуры. Внутри территории, ограниченной рвом 3, были исследованы и ямные, и катакомбные погребения. Внутри территории, ограниченной рвом 1, зафиксированы остатки детских погребений этой эпохи.

Во рвы и в несохранившиеся насыпи были впущены ямы погребений раннего железного века. Отдельные участки подобных объектов также были зафиксированы в северо-восточном и северо-западных секторах раскопа. Погребения этого времени были совершены в ямах, катакомбах и ямах с подбоями. Они датируются IV в. до н. э. по вещевым комплексам, включающим в себя амфоры, лепную керамику, скифское оружие, зеркало, серьги и стеклянные бусы. Подобный погребальный набор предметов в сочетании с конструкциями погребальных ям соответствует скифским памятникам Крымского Присивашья этого времени, а также памятникам близких территорий Предгорья, степных территорий Крыма и юга Украины (Ольховский, 1991. С. 144). Инвентарь подобных комплексов рядовой, оружие представлено лишь стрелами и дротиками, а в Присивашье к моменту публикации мечи и защитное вооружение не встречены (Там же. С. 141). Здесь также найдены могильники, не перекрытые курганными насыпями, — грунтовые (Колотухин, 2000. С. 62). «В Восточном Присивашье с конца V — начала IV в. до н. э. начала формироваться зона оседлого земледелия, экономически связанная с античной Феодосией, а после ее присоединения к Боспору — и с Боспорским царством» (Колтухов, 2012. С. 86).

Так, при исследовании территории распаханного кургана найден грунтовый (?) могильник, относящийся к двум эпохам и выходящий за границы раскопа. В результате исследований 2019 г. было раскопано 1225 кв. м его территории. Погребения раннего железного века были исследованы на разных участках (рис. 1; 2). Погребения 1, 18, погребальная яма 20 и детские комплексы погребений 25 и 33 были расположены по окружности несохранившейся, вероятно, насыпи. Она была ограничена рвами 1 и 2, относящимися к эпохе бронзы. С севера от этой группы были изучены два погребения (3 и 6), ориентированные по оси

запад–восток, расположенные вблизи и параллельно друг другу.

Погребение 8 было впущено в несохранившуюся насыпь бронзового века, ограниченную рвом 3, в участок с катакомбами бронзового века.

Погребения 11, 12, 15–17 располагались отдельным участком внутри частично сохранившегося рва 5. К югу от этого участка находилась обширная яма выборки грунта для насыпи, в которой были найдены развалы как минимум двух гераклейских амфор IV в. до н. э.

Отдельный участок погребений раннего железного века был расположен севернее вышеописанного. В границах раскопа на этом участке были исследованы погребения 10 и 14, ориентированные по оси запад–восток и расположенные параллельно друг другу. К юго-востоку и западу от них находились затекшие ямы с фрагментами гераклейских амфор.

Яма 3 аморфных очертаний, располагавшаяся в центре раскопа и заходившая во все условные сектора, зафиксирована на глубине 0,48–0,53 м от уровня современной дневной поверхности. Под слоем пашни были найдены фрагменты амфорной керамики и кремнёвый скребок. Прослеженные размеры ямы — 8 м по линии север–юг и 1,5 м по линии запад–восток, глубина ямы — 0,3 м. Яма перерезала сегмент рва 5 в северо-западном секторе.

Яма 4 находилась в юго-западном секторе. Ее центр располагался в 8,38 м к югу и 4,63 м к западу от условного центра насыпи. Она сохранилась на уровне своей придонной части под пахотным слоем. Пятно ямы аморфных в плане очертаний было выявлено на глубине 0,58 м от уровня современной дневной поверхности. На этом же уровне на площади размерами 1,0 × 0,8 м был расчищен развал гераклейской амфоры IV в. до н. э. Яма была заполнена затечным гумусированным грунтом.

После расчистки заполнения были зафиксированы борта ямы, заглубленной в материковый суглинок. Прослеженные размеры ямы — 2,2 м по линии север–юг и 3,5 м по линии запад–восток; глубина составляла 0,30–0,33 м. Яма перерезала сегмент рва 4 в юго-западном секторе раскопа.

Из фрагментов, найденных в керамическом развале в верхней части ямы, удалось собрать верхнюю и нижнюю части гераклейских амфор пифоидного типа варианта I (Монахов, 2003. С. 20, 21, 123–144, 240, табл. 10; 88–90). Помимо прочих частей гераклейских амфор в заполнении ямы были обнаружены два фрагмента горл с клеймами.

Рис. 2. Могильник Ореховка 1, курган 1, вид с востока
Fig. 2. Cemetery of Orekhovka 1, barrow 1, view from east

1. Клеймо сохранилось в виде фрагмента первой и второй строк на фрагменте горла с венчиком. Первая строка: [..]ΩΓΗ. Вторая строка: [..]Σ. Восстановление штампа: [Σ]ΩΓΗ [ΡΟ]Σ.

Магистрат Αθανόδωρος принадлежит к II А группе и датируется 380-ми гг. до н. э. (Федосеев, 2016. С. 209. Кат. № 1951).

2. Клеймо сохранилось в виде фрагмента первой и второй строки на фрагменте горла с венчиком. Первая строка: [..]ΥΣ. Вторая строка: [..]ΥΘΑΣ. Восстановление штампа: Μῦς → гроздь Σκῦθας.

Эпоним Скиф. Принадлежит к IIIА группе (Кац, 2007. С. 232–249) и датируется 360-ми гг. до н. э. (Федосеев, 2016. С. 189. Кат. № 1769.).

Погребения с оружием были совершены в ямах с заплечиками и в катакомбах. Часть из них была потревожена грабителями (рис. 3–10). Несмотря на то что комплексы были разрушены, удалось зафиксировать остатки предметов вооружения, входившие в состав инвентаря. В погребениях 1

(рис. 3) и 3 (рис. 4) были найдены бронзовые наконечники стрел и фрагменты железных ножей. В погребениях 8 (рис. 7) и 16 (рис. 9) — фрагменты наконечников копий, дротиков и ножей.

Погребения 14 (рис. 8), 15 (рис. 7) и 17 (рис. 10) были совершены в глубоких катакомбах, в которых были открыты непо потревоженные комплексы, в том числе и погребение 14 с оружием. Неподалеку от воинского погребения 14 было обнаружено погребение ребенка 10 (рис. 6) с ножом и астрагалами.

Погребение 18 (рис. 5) было женским, в его погребальном инвентаре были зафиксированы украшения. Антропологический анализ скелетов погребения 6 (рис. 5) показал, что здесь были захоронены двое мужчин, среди погребальных предметов которых были лишь украшения и нож.

Остальные погребения — 11 (рис. 6), 12, 25, 33 (рис. 4) — были детскими, их инвентарь представлен лепными сосудами и бусинами.

Таким образом, основные погребения, публикуемые в данной работе, относятся к погребениям с предметами вооружения. Участки с погребениями, возможно, были перекрыты земляными насыпями или впущены в уже существующие насыпи. Однако на всей территории раскопа в стратиграфии над уровнем нахождения могил в предматериковом суглинке виден только распаханый слой. Лишь особенности планиграфического по-

ложения участков погребений и ям с комплексами тризн позволяют предполагать наличие небольших насыпей, сооруженных в бронзовом веке.

Описание погребений

Погребение 1 (рис. 3) было совершено в катакомбе продольно-осевого типа, ориентированной по линии северо-восток-юго-запад. Входная яма,

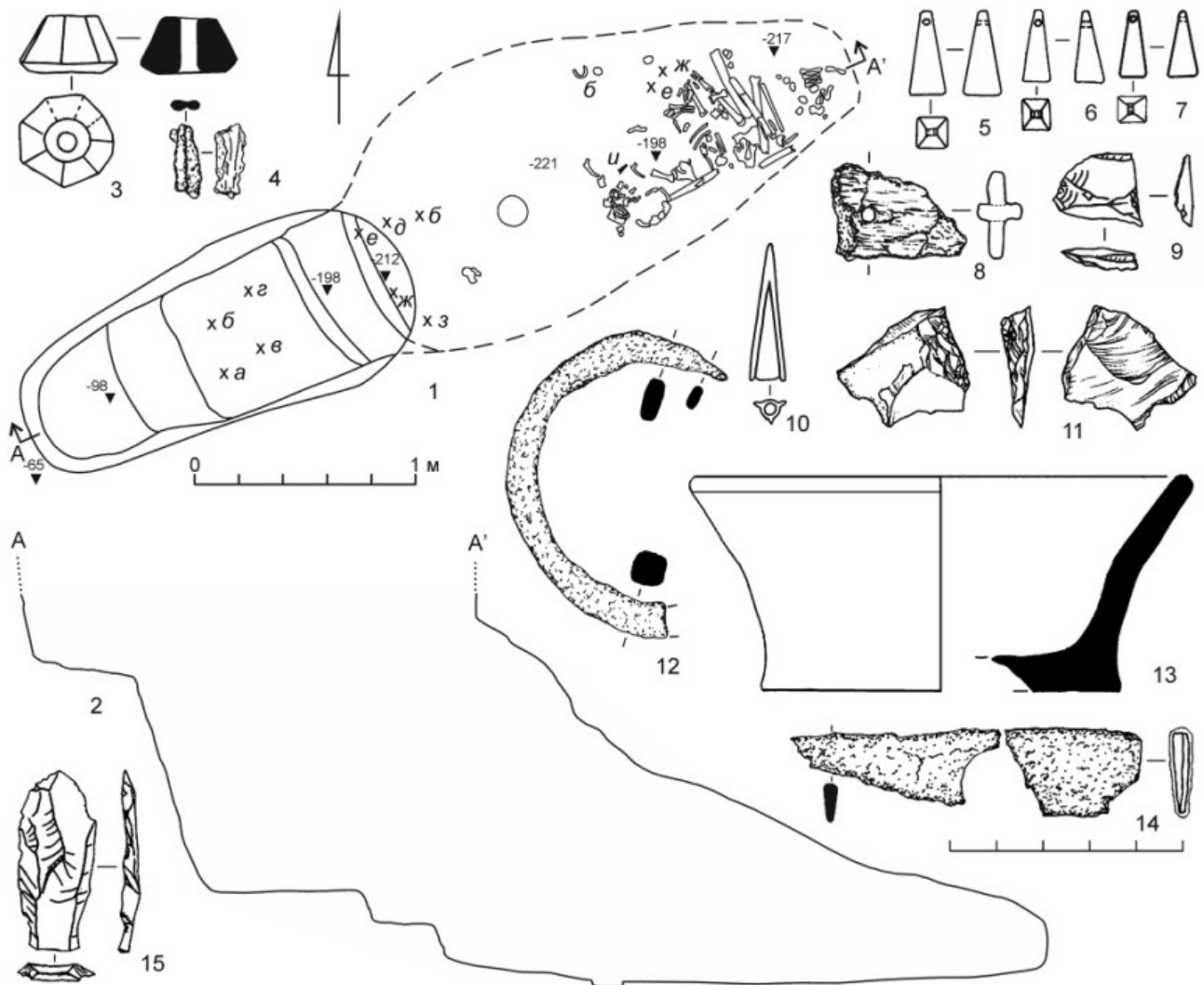

Рис. 3. Могильник Ореховка 1, курган 1, погребение 1: 1 — план (а — ворворка; б — бусины; в — наконечники стрел; г — кубок; д — пластина; е — нож, фрагменты ножа; ж — отщеп; з — браслет; и — предмет железный); 2 — разрез; 3 — ворворка; 4 — фрагмент железного предмета; 5–7 — бусины; 8, 14 — фрагмент ножа; 9, 11, 15 — отщепы; 10 — наконечник стрелы; 12 — фрагмент браслета; 13 — сосуд. 3 — свинец; 4, 8, 12, 14 — железо; 5–7 — стекло; 9, 11, 15 — кремнь; 10 — бронза; 13 — керамика

Fig. 3. Cemetery of Orekhovka 1, barrow 1, burial 1: 1 — plan (a — decoration of harness; б — beads; в — arrowheads; г — beaker; д — plate; е — knife, knife fragments; ж — flake; з — bracelet; и — iron object); 2 — section; 3 — decoration of harness; 4 — fragment of an iron object; 5–7 — beads; 8, 14 — fragment of a knife; 9, 11, 15 — flakes; 10 — arrowhead; 12 — fragment of a bracelet; 13 — vessel. 3 — lead; 4, 8, 12, 14 — iron; 5–7 — glass; 9, 11, 15 — flint; 10 — bronze; 13 — ceramics

расположенная к юго-западу от погребальной камеры, имела в плане прямоугольные очертания; ее размеры — 2,0 × 0,7 м. При расчистке ее заполнения были найдены фрагменты амфорных стенок, а ближе ко дну — бронзовый трехлопастной наконечник стрелы и кремнёвая пластина (рис. 3, 15). Пятно заполнения входной ямы было зафиксировано на глубине 0,65 м от уровня современной дневной поверхности. В погребальную камеру вели три ступеньки. Первая, шириной 0,35 м, была зачищена на 0,33 м ниже уровня обнаружения заполнения входной ямы. Следующие две ступени, шириной 0,60 и 0,25 м, располагались на глубине 1,20 и 1,33 м от уровня обнаружения заполнения входной ямы.

Свод погребальной камеры фиксировался отметками -75/-190 от R0 и имел уклон в северо-восточном направлении. Уровень дна камеры отмечен на уровне -221 от R0 и на глубине 1,56 м от уровня обнаружения заполнения входной ямы. Размеры подовальной в плане погребальной камеры составляли 2,45 × 1,25 м, а длина продольно-осевой катакомбы вместе с входной ямой — 4,2 м.

Погребение было ограблено. В заполнении при входе в камеру найдены предметы погребального обряда: свинцовая ворворка (рис. 3, 3), пирамидальные бусины синего стекла (рис. 3, 5–7); в свод камеры был воткнут бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 3, 10). При входе в камеру расчищены часть лепного сероглиняного кубка (рис. 3, 13) и фрагментированная железная ножевая пластина (рис. 3, 14). У северной стенки был найден фрагмент железного кольца (рис. 3, 12), возможно, относящегося к элементам упряжи или колчанного крюка.

Отдельные кости погребенного индивида (возможно, женщины 25–30 лет) были сдвинуты к дальней северо-восточной стенке погребальной камеры. Вероятно, погребенный был уложен головой на юго-запад.

В юго-западной части погребальной камеры была расчищена столбовая яма диаметром 0,15 м и глубиной 0,04 м.

Погребение датируется IV в. до н. э.

Погребение 3 (рис. 4) было совершено в подпрямоугольной в плане яме с заплечиками и несохранившимся деревянным перекрытием. Вблизи находилось погребение 6. Погребальная яма была ориентирована по линии запад–восток с незначительным отклонением к линии северо–восток–юго–запад. Ее размеры — 2,1 × 0,5 м; ширина

заплечиков — 0,18–0,24 м. У восточной торцевой стены обнаружен фрагмент бронзового трехлопастного наконечника стрелы (рис. 4, 3). В заполнении восточной половины погребальной ямы найдены кремневый отщеп (рис. 4, 7) и мелкие фрагменты человеческих костей. Дно могильной ямы было выровнено в горизонтальной плоскости и зачищено на глубине 0,9 м от уровня обнаружения заполнения.

В стенках погребального сооружения просматриваются остатки паза для деревянного перекрытия шириной 0,05–0,07 м. Лучшее всего он сохранился в западной торцевой стенке.

Погребение было ограблено в древности.

У восточной торцевой стенки выявлены кости таза, а также верхних и нижних конечностей погребенного индивида (мужчины 17–20 лет), сложенные вместе с черепом. Рост мужчины составлял 164 см.

Среди костей и в заполнении могильной ямы найдены трехлопастные бронзовые наконечники стрел (рис. 4, 4–6) и фрагмент железного ножа (рис. 4, 8).

Погребение датируется IV в. до н. э.

Погребение 6 (рис. 5) было расположено в подбойной могиле вблизи погребения 3. Могила была ориентирована длинной осью в направлении запад–восток. Размеры подпрямоугольного в плане пятна заполнения входной ямы составляли 2,1 × 0,7 м. В гумусированном заполнении был найден кремневый отщеп (рис. 5, 28). Подбой располагался к югу от входной ямы, его свод рухнул в древности и был зафиксирован на глубине 0,7 м от уровня современной дневной поверхности. Зафиксированная глубина входной ямы составила 0,42 м. Ее дно было выровнено в горизонтальной плоскости и имело в нижней своей части две хорошо сохранившиеся ступени шириной 0,35 и 0,30 м и высотой 0,20 и 0,15 м.

В подовальной в плане камере подбоя зачищены останки двух погребенных индивидов. Костные останки индивида 1 были сдвинуты к северной и южной стенкам. Однако сохранившиеся *in situ* кости дают основание утверждать, что погребенный был уложен на спину головой на запад. Скелет индивида 2 был зафиксирован в анатомическом порядке. Погребенный был уложен на спине головой на запад, руки вдоль туловища, ноги параллельно. В районе шейных позвонков индивида 2 были обнаружены пирамидальные бусины синего стекла (рис. 5, 3, 5, 8, 11, 13–20),

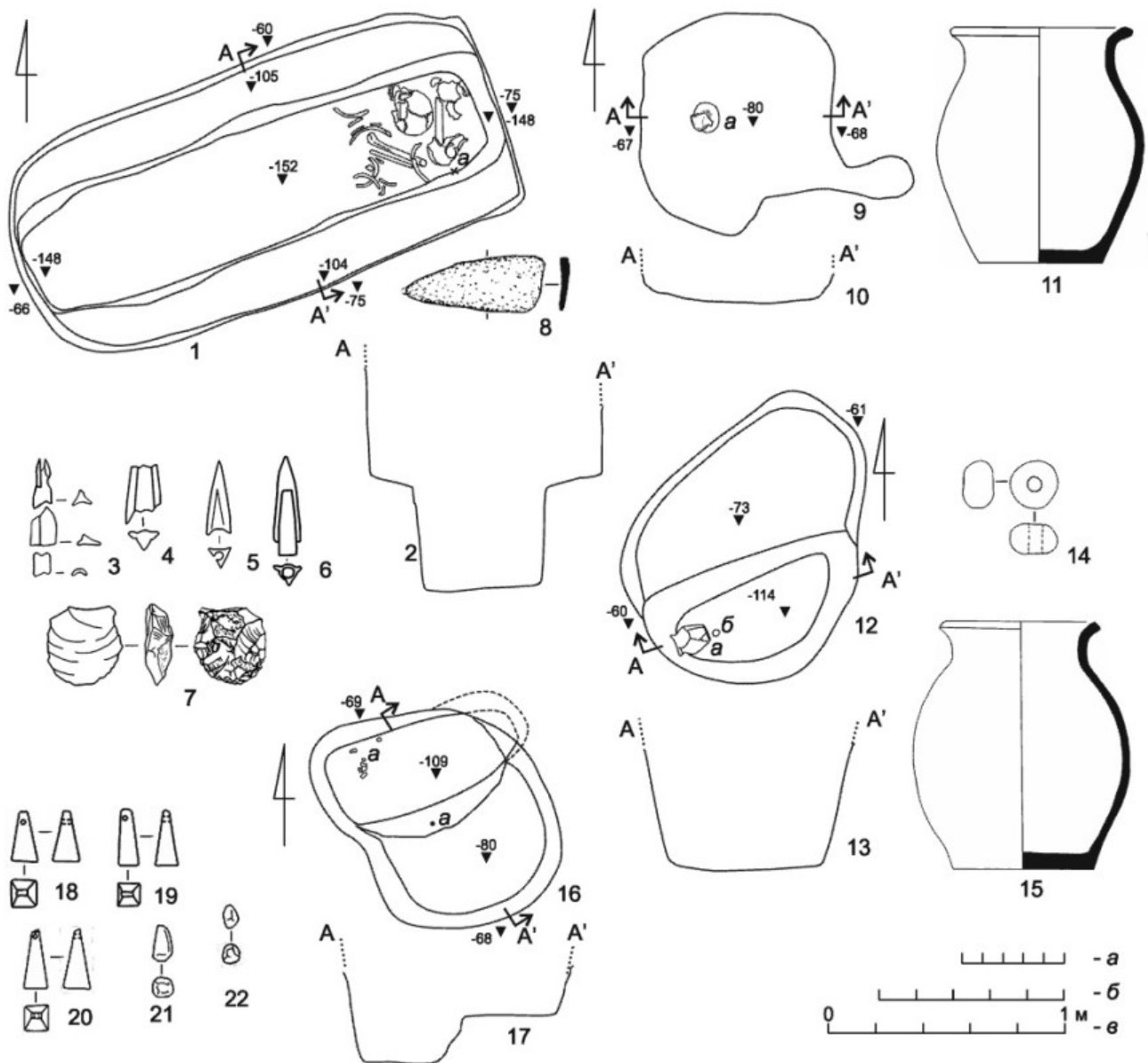

Рис. 4. Могильник Ореховка 1, курган 1: 1-8 — погребение 3: 1 — план (*a* — фрагменты наконечника стрелы), 2 — разрез, 3-6 — наконечники стрел, 7 — отщеп, 8 — фрагмент ножа; 9-11 — погребение 12: 9 — план (*a* — сосуд), 10 — разрез, 11 — сосуд; 12-15 — погребение 25: 12 — план (*a* — сосуд; *б* — бусина), 13 — разрез, 14 — бусина, 15 — сосуд; 16-22 — погребение 33: 16 — план (*a* — бусины), 17 — разрез, 18-22 — бусины. 3-6 — бронза; 7 — кремль; 8 — железо; 11, 15 — керамика; 14, 18-22 — стекло. Масштаб: *a* — для 11, 15; *б* — 3-8, 14, 18-22; *в* — 1, 2, 9, 10, 12, 13, 16, 17

Fig. 4. Cemetery of Orekhovka 1, barrow 1: 1-8 — burial 3: 1 — plan (*a* — fragments of an arrowhead), 2 — section, 3-6 — arrowheads, 7 — flake, 8 — fragment of a knife; 9-11 — burial 12: 9 — plan (*a* — vessel), 10 — section, 11 — vessel; 12-15 — burial 25: 12 — plan (*a* — vessel; *б* — bead), 13 — section, 14 — bead, 15 — vessel; 16-22 — burial 33: 16 — plan (*a* — beads), 17 — section, 18-22 — beads. 3-6 — bronze; 7 — flint; 8 — iron; 11, 15 — ceramics; 14, 18-22 — glass. Scale: *a* — for 11, 15; *б* — 3-8, 14, 18-22; *в* — 1, 2, 9, 10, 12, 13, 16, 17

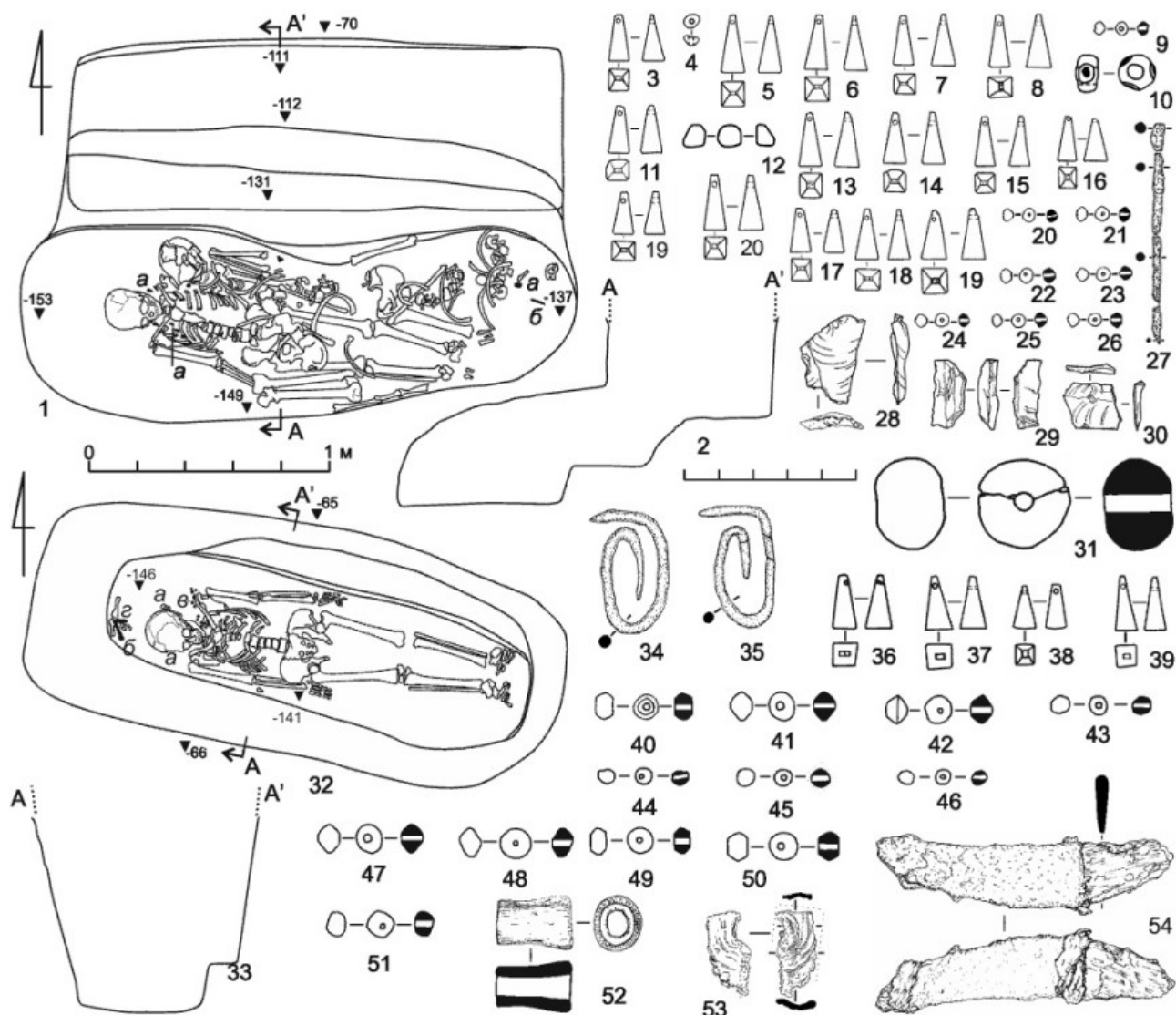

Рис. 5. Могильник Ореховка 1, курган 1: 1–31 — погребение 6: 1 — план (а — бусины; б — игла), 2 — разрез, 3–26, 31 — бусины и бисер, 27 — игла, 28–30 — отщепы; 32–54 — погребение 18: 32 — план (а — серьга; б — нож; в — бусы; г — накладка), 33 — разрез, 34, 35 — серьги, 36–51 — бусины, 52 — пронизь, 53 — накладка, 54 — нож. 3–26, 31, 34–51 — стекло; 27, 53, 54 — железо; 28–30 — кремнь; 52 — кость

Fig. 5. Cemetery of Orekhovka 1, barrow 1: 1–31 — burial 6: 1 — plan (a — beads; б — needle), 2 — section, 3–26, 31 — beads and seed beads, 27 — needle, 28–30 — flakes; 32–54 — burial 18: 32 — plan (a — earring; б — knife; в — beads; г — mount), 33 — section, 34, 35 — earrings, 36–51 — beads, 52 — spacer-bead, 53 — mount, 54 — knife. 3–26, 31, 34–51 — glass; 27, 53, 54 — iron; 28–30 — flint; 52 — bone

глазчатая округлая бусина (рис. 5, 10), бисер (рис. 5, 4, 9, 12, 20–26) и фрагментированная бронзовая игла (рис. 5, 27).

У восточной стенки камеры найдены кости барана, птицы, фрагменты железного ножа и шаровидная пастовая бусина (рис. 5, 31). На дне погребальной камеры найдены две кремнёвые пластины (рис. 5, 29, 30).

Погребение датируется IV в. до н. э.

Погребение 8 (рис. 6) было расположено в юго-восточном условном секторе раскопа, внутри территории, ограниченной рвом 3, рядом с погребениями 5, 7 и 9 (рис. 1) и представляло собой подбойную грунтовую могилу. Пятно заполнения погребения, подпрямоугольное в плане, прорезало могильную яму погребения 7. Могильная яма размерами 1,8 × 1,4 м, ориентированная длинной осью по линии северо-запад–юго-восток была

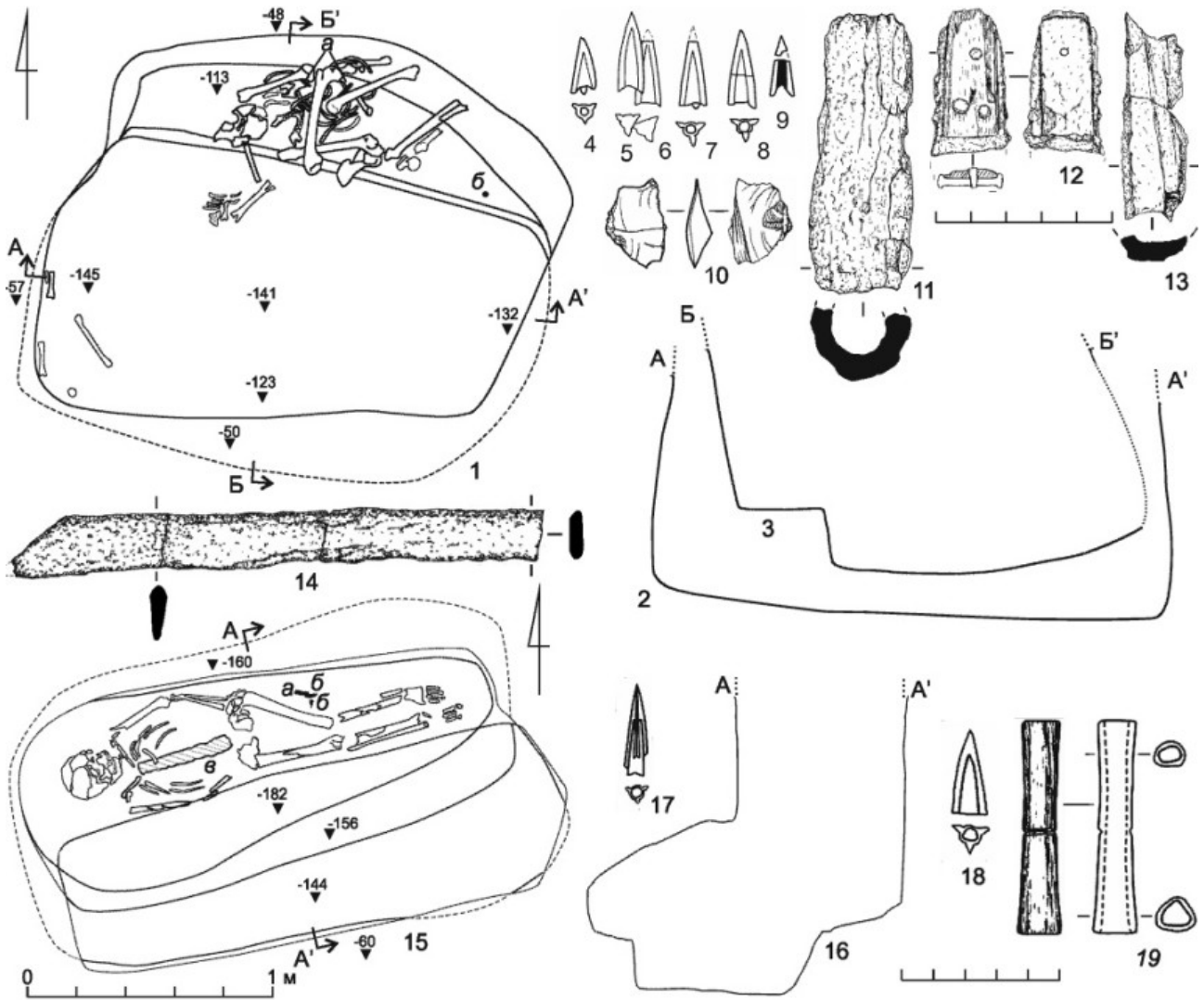

Рис. 6. Могильник Ореховка 1, курган 1: 1-14 — погребение 8: 1-3 — план (а — фрагменты ножа; б — фрагменты копья); 2, 3 — разрезы; 4-9 — наконечники стрел; 10 — отщеп; 11, 13 — фрагменты копья; 12 — фрагмент накладки на рукоять ножа; 14 — нож; 15-19 — погребение 15: 15 — план (а — игольница; б — наконечник стрелы; в — костный тлен); 16 — разрез; 17, 18 — наконечники стрел; 19 — игольница. 4-9, 17, 18 — бронза; 10 — кремний; 11, 12, 14 — железо; 13 — железо, кость; 19 — кость

Fig. 6. Cemetery of Orekhovka 1, barrow 1: 1-14 — burial 8: 1-3 — plan (a — knife fragments; б — spearhead fragments); 2, 3 — sections; 4-9 — arrowheads; 10 — flake; 11, 13 — spearhead fragments; 12 — fragment of knife handle plate; 14 — knife; 15-19 — burial 15: 15 — plan (a — needle case; б — arrowhead; в — decayed bone); 16 — section; 17, 18 — arrowheads; 19 — needle case. 4-9, 17, 18 — bronze; 10 — flint; 11, 12, 14 — iron; 13 — iron, bone; 19 — bone

зачищена на глубине 0,45 м от уровня современной дневной поверхности. В темном гумусированном заполнении ямы у северной стенки были найдены отдельные кости взрослого человека, мужчины 30-39 лет, спекшиеся наконечники стрел (рис. 6, 4-9), фрагмент втулки наконечника копья (рис. 6, 11, 13), а также кремнёвый отщеп (рис. 6, 10).

Над ступенью, ведущей в камеру подбоя, находилось скопление костей человека. Ступень шириной 0,3 м была расположена вдоль северной стенки на глубине 0,68 м от верхнего зафиксированного уровня входной ямы. Высота ступени составляла 0,25 м. Камера, незначительно расширявшаяся ко дну в южном направлении, пробила стенку входной ямы погребения 9.

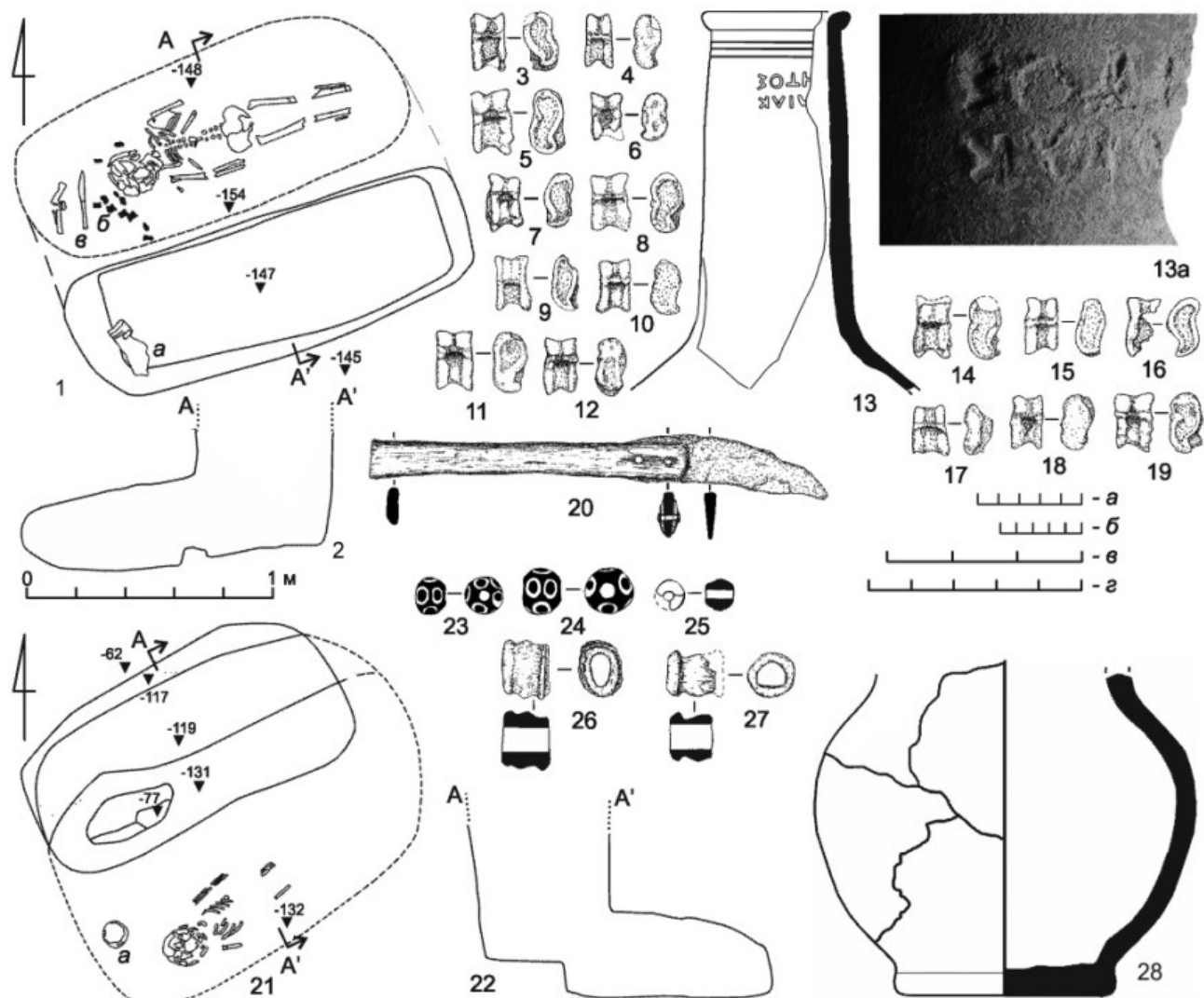

Рис. 7. Могильник Ореховка 1, курган 1: 1-20 — погребение 10: 1 — план (а — фрагмент горла амфоры; б — астрагалы, в — нож); 2 — разрез; 3-12, 14-19 — астрагалы; 13 — амфора; 13а — клеймо амфоры; 20 — нож; 21-28 — погребение 11: 21 — план (а — фрагменты сосуда); 22 — разрез; 23-25 — бусины; 26, 27 — пронизи; 28 — фрагментированный сосуд. 3-12, 24-19, 26, 27 — кость; 13, 28 — керамика; 20 — железо, кость; 23-25 — стекло. Масштаб: а — для 3-12, 14-19; б — для 13; в — для 13а; г — для 23-28

Fig. 7. Cemetery of Orekhovka 1, barrow 1: 1-20 — burial 10: 1 — plan (a — fragment of an amphora neck; б — astragals, в — knife); 2 — section; 3-12, 14-19 — astragals; 13 — amphora; 13a — stamp of an amphora; 20 — knife; 21-28 — burial 11: 21 — plan (a — fragments of a vessel); 22 — section; 23-25 — beads; 26, 27 — spacer beads; 28 — fragmentary vessel. 3-12, 24-19, 26, 27 — bone; 13, 28 — ceramics; 20 — iron, bone; 23-25 — glass. Scale: a — for 3-12, 14-19; б — for 13; в — for 13a; г — for 23-28

В юго-западной части могильная яма своей придонной частью прорезала стенку входной ямы погребения 22. В юго-западной части на уровне пола погребальной камеры были зачищены отдельные кости барана.

Могила была впущена в вышеупомянутые погребения эпохи бронзы.

Погребение датируется IV в. до н. э.

Погребение 10 (рис. 7) было расположено в северо-западном секторе раскопа параллельно входной яме погребения 14. Погребение, ориентированное по линии запад-восток, совершено в грунтовой подбойной могиле. Оно было зафиксировано на глубине 0,9 м от уровня современной дневной поверхности. В заполнении входной ямы размером 1,4 × 0,6 м был найден фрагмент горла

гераклейской амфоры с клеймом (рис. 7, 13, 13а), которое сохранилось в виде фрагмента первой и второй строки. Первая строка: ΑΙΑΚ. Вторая строка: ΝΤΟΣ. Восстановление штампа: Αιάκηνος Фабрикантское клеймо. Первая половина IV в. до н. э. (Кац, 2007. С. 429–434).

Свод подбоя, просевший со временем, расположен в северной стороне от входной ямы. Размеры погребальной ямы — 1,60 × 0,65 м. Дно камеры подбоя было зачищено на глубине 0,57 м от верхнего зафиксированного уровня входной ямы. В камере был обнаружен скелет ребенка 7–9 лет в анатомическом порядке. Индивид был уложен головой на запад, руки вытянуты вдоль тела, ноги уложены параллельно. Лицевая часть черепа обращена к югу. У головы найдено скопление девяти астрагалов (рис. 7, 3–12, 14–19) и железный нож с горбатой спинкой и костяной рукоятью (рис. 7, 20).

Погребение датируется IV в. до н. э.

Погребение 11 (рис. 7) было расположено в северо-западном секторе раскопа и параллельно входным ямам погребений 12 и 13, в 2,14 м к северу и 7,72 м к западу от условного центра раскопа (рис. 1). Погребение было совершено в грунтовой подбойной могиле. Подпрямоугольное в плане пятно заполнения погребения было зафиксировано в слое коричневого суглинка на глубине 0,6 м от уровня современной дневной поверхности. Погребение ориентировано по линии запад–восток с незначительным отклонением к юго-западу. Свод подбоя расположен к северу от входной ямы. В западной части входной ямы зачищена сохранившаяся часть заклада — установленная на ребро известняковая плита размерами 0,60 × 0,50 × 0,25 м, частично перекрывавшая подбой. Размеры камеры — 1,60 × 0,85 м, ее пол зафиксирован на глубине 0,67 м от дна входной ямы. На полу погребальной камеры находился скелет подростка, сохранившийся в анатомическом порядке. Погребенный лежал головой на запад, руки вдоль тела. Кости ног и таза не сохранились, череп — во фрагментах. У головы, ближе к северной части камеры, найден лепной фрагментированный кубок (рис. 7, 28), на ребрах — стеклянные глазчатые бусины (рис. 7, 23, 24), стеклянная округлая бусина (рис. 7, 25) и костяные пронизи (рис. 7, 26, 27).

Погребение датируется IV в. до н. э.

Погребение 12 (рис. 4, 9–11) расположено в северо-западном секторе раскопа параллельно

входной яме погребения 11, в 1,16 м к северу и 7,95 м к западу от условного центра раскопа. Пятно погребения зафиксировано на глубине 0,6 м от уровня современной дневной поверхности, у погребения 11. Могильная яма ориентирована по линии запад–восток. Размеры аморфного в плане пятна могилы — 0,9 × 0,8 м, ее глубина — 0,13 м. В темном гумусированном заполнении найден лепной сероглиняный кубок (рис. 4, 11). Кости скелета не сохранились.

Погребение датируется IV в. до н. э.

Погребение 14 (рис. 8) располагалось в северо-западном секторе раскопа, параллельно входной яме погребения 10, в 9,33 м к северу и 3,07 м к западу от условного центра раскопа. Погребение совершено в катакомбе, пятно заполнения которой было зафиксировано на глубине 0,64 м от уровня современной дневной поверхности. Подпрямоугольная в плане входная яма ориентирована по оси запад–восток с отклонением к югу. Ее дно, служившее ступенью в катакомбу, было зафиксировано на глубине 1,24 м от верхнего края входной ямы. Вход в камеру был закрыт частично осевшей кладкой из десяти вертикально стоящих глиняных блоков размерами в среднем 0,25 × 0,35 м и двух глиняных плит размерами 0,4 × 1,0 × 0,1 м. Погребальная камера расположена к северу от входной ямы. Ее пол размерами 2,65 × 1,65 м был зачищен на глубине 1,62 м от верхнего края входной ямы.

В камере находилось погребение мужчины старше 60 лет, скелет которого находился в анатомическом порядке. Он был уложен в гробовину на спине, головой на юго-запад. Руки помещены вдоль тела, ноги — параллельно друг другу.

В 0,4 м к западу от черепа, под участком свода, была найдена хиосская амфора на протоколпачковой ножке с прямым горлом (конец V — начало IV в. до н. э.) (рис. 8, 45). Амфора установлена вертикально, незначительно наклонена осевшим сводом, рядом найдены железный нож с прямой спинкой (рис. 8, 3) и кость барана. Ближе к северной стенке ямы обнаружены два железных листовидных наконечника копий (рис. 8, 43, 44), размещенные у продольной, северо-западной, стенки камеры. В 1,6 м, у костей стоп, были найдены два подтока копий (рис. 8, 4). Таким образом, удалось реконструировать длину копий, которая предположительно могла составлять 1,9 м.

Вдоль левой руки находился железный меч длиной 86 см (рис. 8, 46). У меча выделялась

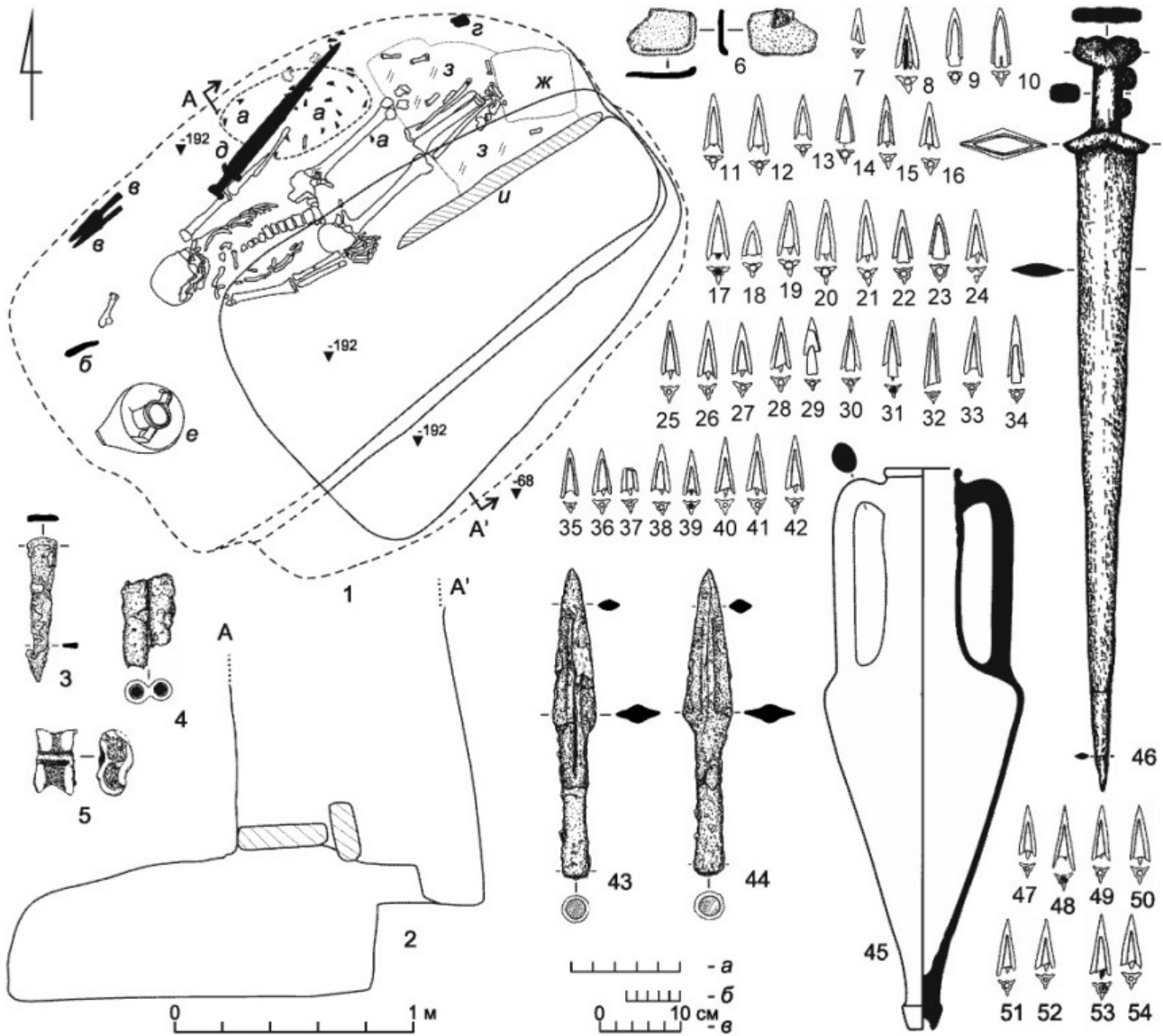

Рис. 8. Могильник Ореховка 1, курган 1, погребение 14: 1 — план (а — наконечники стрел; б — фрагмент железного предмета; в — наконечник копья; г — подтоки копий; д — меч; е — амфора; ж — плита каменная; з — настил глиняный; и — тлен древесный); 2 — разрез: 3, б — фрагменты железных предметов; 4 — втоки; 5 — астрагал; 7-42, 47-54 — наконечники стрел; 43, 44 — наконечники копий; 45 — амфора; 46 — меч. 3, 4, 6, 43, 44, 46 — железо; 5 — кость; 7-42, 47-54 — бронза; 45 — керамика. Масштаб: а — для 3-42, 47-54; б — для 43, 44; в — для 45, 46

Fig. 8. Cemetery of Orekhovka 1, barrow 1, burial 14: 1 — plan (a — arrowheads; б — fragment of an iron object; в — spearhead; г — butt-weights of spears; д — sword; е — amphora; ж — stone plate; з — clay decking; и — decayed wood); 2 — section: 3, б — fragments of iron objects; 4 — butt-weights of spears; 5 — astragal; 7-42, 47-54 — arrowheads; 43, 44 — spearheads; 45 — amphora; 46 — sword. 3, 4, 6, 43, 44, 46 — iron; 5 — bone; 7-42, 47-54 — bronze; 45 — ceramics. Scale: а — for 3-42, 47-54; б — for 43, 44; в — for 45, 46

прямая рукоять, прямое «переломленное» насадное перекрестие и когтевидное навершие (рис. 8, 20). Типологически меч относится к длинным акинакам типа Солоха (Топал, 2014. С. 307). Меч был в ножнах, от которых остались ожелезненные следы по лезвию и следы креплений на рукояти.

В пространстве под сводом и над нижней частью меча в заполнении зафиксировано скопление бронзовых трехлопастных наконечников стрел (рис. 8, 7-42, 47-54), рассыпанных над гробовиной. Под сводом вместе с наконечниками стрел найден астрагал (рис. 8, 5). Ноги

погребенного были уложены на конструкцию из глиняной плиты-настила размерами $0,7 \times 0,6$ м, на которой лежала подпрямоугольная каменная плита размерами $0,30 \times 0,25 \times 0,03$ м.

Антропологические исследования показали, что здесь был похоронен пожилой мужчина ростом около 170 см. У скелета отсутствует стертость позвоночных тел, прослежено окостенение связок позвоночника. В таранной кости зафиксирован вросший в нее фрагмент бронзового трехгранного наконечника стрелы. На многих костях есть следы заживлений. Эти наблюдения свидетельствуют в пользу определения погребенного индивида как профессионального воина.

Погребение датируется первой четвертью IV в. до н. э.

Погребение 15 (рис. 6) было совершено в подбойной могиле, расположенной в юго-западном секторе раскопа в непосредственной близости от погребения 17. Оно ориентировано по оси запад-восток с незначительным отклонением к югу. Северо-западный борт камеры смыкается с юго-восточным бортом погребальной камеры склепа 17. Размеры узкой, подпрямоугольной в плане входной ямы — $2,25 \times 0,70$ м. Дно входной ямы зачищено на глубине $0,96$ м от края борта входной ямы. Вдоль южной стенки прослежена ступень шириной $0,3$ м и высотой $0,27$ м, ведущая в погребальную камеру. Подбой, просевший со временем, расположен к северу от входной ямы. Его размеры — $2,0 \times 0,8$ м. Пол камеры находился на глубине $1,3$ м от уровня фиксации борта входной ямы.

В погребальной камере обнаружен в анатомическом порядке скелет пожилого мужчины. Погребенный лежал на спине головой на запад, руки уложены вдоль тела, а ноги — параллельно друг другу. К северу от левой бедренной кости были найдены два бронзовых наконечника стрел (рис. 6, 17, 18) и костяная игольница (рис. 6, 19).

Погребение датируется IV в. до н. э.

Погребение 16 (рис. 9) выявлено в северо-западной части раскопа внутри кольцевого рва 4 в его северо-западном секторе. В $3,5$ м к юго-востоку от могильной ямы было расположено погребение 15, а в $2,2$ м к югу — погребение 17.

Погребальное сооружение представляло собой катакомбу с входной ямой и погребальной камерой, устроенной в северо-западной стенке входной ямы. Вход в погребальную камеру был

закрыт каменными плитами. Могила была выкопана в предматериковом и материковом суглинке светло-коричневого оттенка.

Входная яма, подтрапецевидная в плане, длинной осью была ориентирована в направлении северо-запад-юго-восток. Ее длина достигала $2,3$ м, а ширина — от $0,85$ до $1,20$ м. Северо-западная часть входной ямы обрушилась вместе с частью свода подбойной погребальной камеры. Сохранившиеся борта входной ямы вертикальные. Пол зафиксирован на глубине $1,1$ м от уровня обнаружения пятна заполнения входной ямы. Вдоль северо-западной продольной стенки входной ямы зачищены остатки каменного заклада, который был сложен из массивных известняковых плит, установленных на ребро. В западной части входной ямы *in situ* сохранилась лишь одна плита размерами $0,15 \times 0,94 \times 1,12$ м. Два других закладных камня отодвинуты к противоположной стенке, что, вероятно, свидетельствует об ограблении погребения еще в древности. В непосредственной близости от закладных плит были обнаружены фрагменты костей скелета человека. В заполнении входной ямы найдены фрагменты железных предметов (вток копья и нож?) (рис. 9, 15, 16), бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел и их фрагменты (рис. 9, 5, 6, 10).

В северо-западной стенке входной ямы выкопана подпрямоугольная в плане погребальная камера. Ее длина — $2,52$ м, ширина — $1,28-1,05$ м. Пол входной ямы горизонтальный, зачищен на глубине $1,20-1,25$ м от уровня выявленного западного борта входной ямы. Свод подбоя имеет полуциркулярные очертания и сохранился на высоту до $0,6-0,7$ м. В северо-западной части погребальной камеры свод и стенки отслоились и частично просели, поэтому первоначальные очертания камеры реконструируются условно.

В полу погребальной камеры расчищено пять округлых в плане ям. Четыре, образующие прямоугольник со сторонами $0,91-0,93 \times 1,40$ м, имели диаметр $0,12-0,17$ м; их глубина составляла $0,12$ м. Пятая расположена у западной торцевой стенки камеры. Ее диаметр — $0,125$ м, глубина — $0,17$ м. Ямы, вероятнее всего, предназначались для установки ножек деревянного саркофага (гробовины) или деревянного настила. Не исключено, что они также могли служить для установки подпорных деревянных конструкций свода погребальной камеры. Стенки, пол и свод погребальной камеры были покрыты белым известняковым налетом.

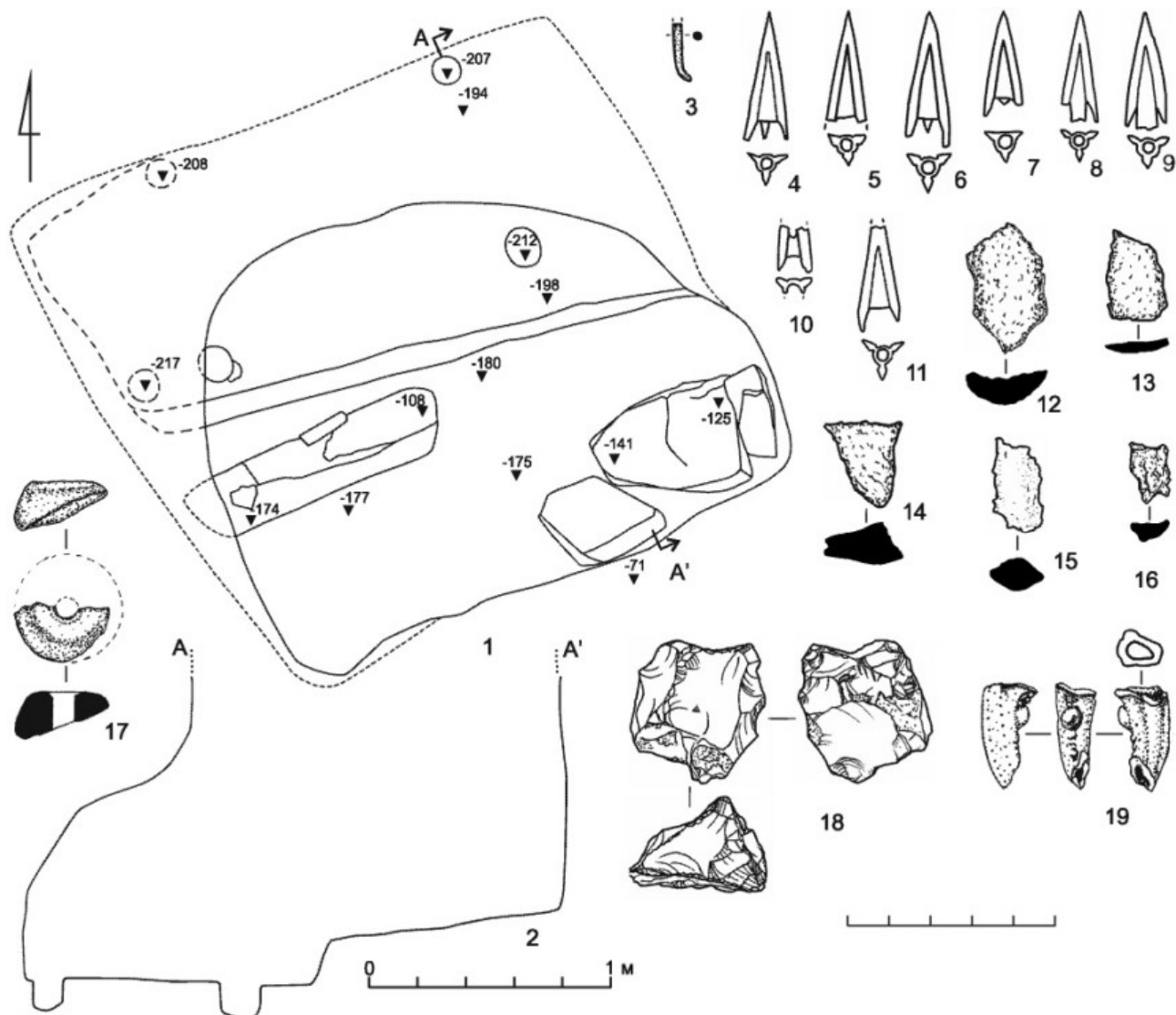

Рис. 9. Могильник Ореховка 1, курган 1, погребение 16: 1 — план; 2 — разрез; 3 — фрагмент язычка пряжки; 4-11 — наконечники стрел; 12-16 — фрагменты наконечника копья; 17 — фрагмент пряслица; 18 — отщеп; 19 — фрагмент клешни краба. 3-11 — бронза; 12-16 — железо; 17 — керамика; 18 — кремнь

Fig. 9. Cemetery of Orekhovka 1, barrow 1, burial 16: 1 — plan; 2 — section; 3 — fragment of a buckle tongue; 4-11 — arrowheads; 12-16 — fragments of a spearhead; 17 — fragment of a spindle whorl; 18 — flake; 19 — fragment of a crab claw. 3-11 — bronze; 12-16 — iron; 17 — ceramics; 18 — flint

При исследовании погребения были обнаружены фрагменты костей подростка 17 лет.

Погребальный инвентарь представлен отдельными частями предметов. При расчистке заполнения входной ямы был обнаружен фрагмент бронзовой иглы (рис. 9, 3). В центральной части входной ямы у продольной юго-восточной стенки найден бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 9, 4), фрагмент клешни черноморского краба (рис. 9, 19) и отщеп кремня (рис. 9, 18). Также в заполнении входной

ямы по линии каменного заклада были найдены фрагмент бронзового наконечника стрелы (рис. 9, 11), наконечники бронзовых трехлопастных втульчатых стрел (рис. 9, 7, 8), фрагменты железного втока копья (рис. 9, 12-14), пряслице (рис. 9, 17), фрагменты железных предметов в виде сколов и окислов. В заполнении нижней части погребальной камеры найден бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 9, 9).

Погребение датируется IV в. до н. э.

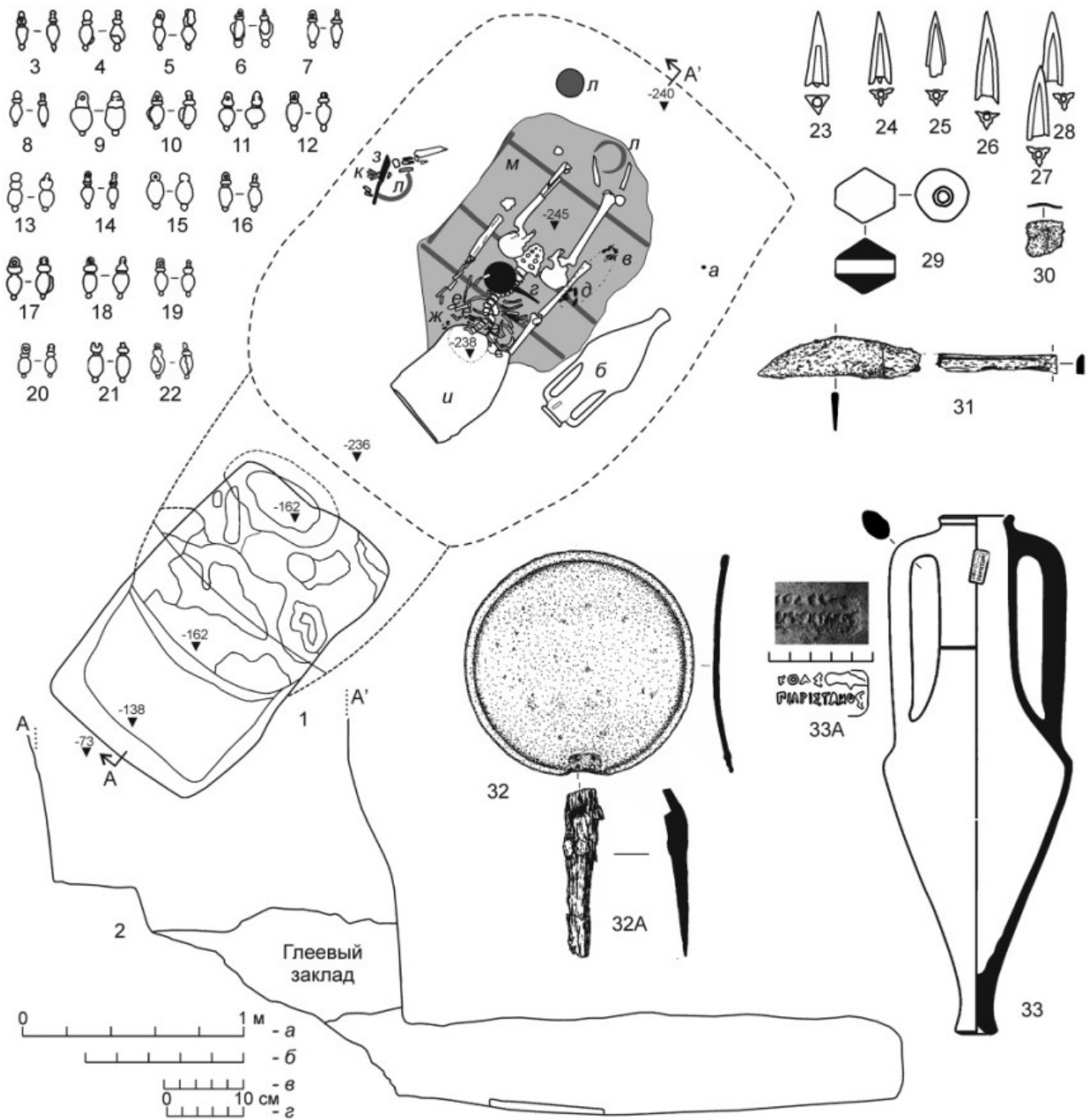

Рис. 10. Могильник Ореховка 1, курган 1, погребение 17: 1 — план (а — ворворка; б — амфора; в — наконечники стрел; г — зеркало; д — фрагменты железного предмета; е — подвески; ж — бисер; з — нож железный с костяной ручкой; и — плита каменная; к — предмет железный; л — древесный тлен; м — органический тлен коричневого цвета); 2 — разрез; 3–22 — подвески; 23–28 — наконечники стрел; 29 — ворворка; 30 — фрагмент железного предмета; 31 — нож; 32, 32А — зеркало с деревянной рукояткой; 33 — амфора; 33А — клеймо, фото и прорисовка. 3–28, 32 — бронза; 29 — свинец; 30 — железо; 31 — бронза, кость; 32А — дерево; 33 — керамика. Масштаб: а — для 1, 2; б — для 3–22; в — для 23–32; г — для 33

Fig. 10. Cemetery of Orekhovka 1, barrow 1, burial 17: 1 — plan (a — decoration of harness; б — amphora; в — arrowheads; г — mirror; д — fragments of an iron object; е — pendants; ж — seed beads; з — iron knife with a bone handle; и — stone plate; к — iron object; л — decayed wood; м — brown decayed organics); 2 — section; 3–22 — pendants; 23–28 — arrowheads; 29 — decoration of harness; 30 — fragment of an iron object; 31 — knife; 32, 32А — mirror with a wooden handle; 33 — amphora; 33А — stamp: photo and redrawing. 3–28, 32 — bronze; 29 — lead; 30 — iron; 31 — bronze, bone; 32А — wood; 33 — ceramics. Scale: а — for 1, 2; б — for 3–22; в — for 23–32; г — for 33

Погребение 17 (рис. 10) было расположено в юго-западном секторе раскопа рядом с погребением 16 в 4,47 м к югу и 5,94 м к западу от условного центра раскопа, вблизи погребения 15 и защищено на глубине 0,7 м от уровня современной дневной поверхности. Могила была выкопана в предматериковом и материковом суглинке светло-коричневого оттенка.

Погребальное сооружение представляет собой катакомбу с входной ямой и погребальной камерой. Входная яма в плане имеет прямоугольные очертания и длинной осью была ориентирована в направлении северо-восток–юго-запад. Сохранившиеся борта входной ямы вертикальные. Длина входной ямы — 1,5 м, ширина — 0,9 м. Глубина входной ямы колебалась от 0,65–0,70 м в юго-западной части до 1,4 м в северо-восточной. С юго-запада на северо-восток по направлению к погребальной камере расположены четыре ступени шириной от 0,20 до 0,35 м и высотой до 0,23 м. Хорошо сохранились две верхние.

Вход в погребальную камеру находится с северо-восточной стороны. Он закрыт глеевыми плитами, развал которых (мощностью до 0,45 м) был зачищен в северо-восточной части входной ямы на глубине 0,8 м от уровня обнаружения погребения. Свод камеры, просевший со временем, зафиксирован на глубине 1,48 м от уровня обнаружения пятна заполнения входной ямы. В плане погребальная камера имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, ее размеры составили 2,30 × 1,79 м. Свод имеет полуциркулярные очертания. Реконструируемая высота погребальной камеры составляет не менее 0,45 м. Дно погребальной камеры горизонтальное, зачищено на глубине 1,75–1,80 м от уровня выявленного северо-восточного борта входной ямы.

В камере катакомбы было обнаружено погребение подростка (возможно женского пола), скелет которого представлен в анатомическом порядке. Погребенный был уложен на спину головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль тела, а ноги уложены параллельно друг другу. Кости черепа сохранились плохо.

Наиболее вероятно, что погребенный был уложен на настил, от которого сохранился лишь органический тлен коричневого цвета. Пятно тлена было расчищено как непосредственно под погребенным, так и вокруг него. Размеры пятна составляли 1,2 × 0,8 м. Отчетливо читались три поперечные и одна продольная жерди. Голова

погребенного находилась на каменной плите размерами 0,55 × 0,40 м, поверхность которой имеет следы гипсовых украшений и охры.

Параллельно правой руке, в 0,2 м к югу от нее, горловиной к входу лежала гераклейская амфора (рис. 10, 33). На горле амфоры оттиснуто двустрочное клеймо в прямоугольной рамке (рис. 10, 33a). У правой тазовой кости погребенного найдены фрагменты железной фибулы (рис. 10, 1, д), ниже вдоль тела находилось скопление бронзовых трехлопастных наконечников стрел (рис. 10, 23–28). У головы справа и слева от шейных позвонков найдены бронзовые дутые амфоровидные подвески, соединенные вместе с бисером (рис. 10, 3–22). Возможно, ими был украшен головной убор погребенного. Перпендикулярно позвоночному столбу лежало бронзовое зеркало с небольшим бортиком и деревянной рукоятью (рис. 10, 32, 32a). В 0,4 м справа от правой руки погребенного было расчищено круглое пятно органического тлена, оставшееся от деревянного (?) сосуда, на котором находился железный нож с костяной рукоятью (рис. 10, 31), железная обойма для починки сосуда (рис. 10, 30) и кости барана. В ногах погребенного зачищен органический тлен от круглого сосуда диаметром 0,12 м, находившегося в 0,25 м от северо-восточной торцевой стенки камеры. Между плохо сохранившимися костями голени отмечено круглое пятно тлена — остатки еще одного деревянного сосуда. В заполнении погребальной камеры была найдена свинцовая ворворка (рис. 10, 29).

Погребение можно датировать первой третью IV в. до н. э.

Погребение 18 (рис. 5, 32–54) располагалось в юго-восточной части раскопа, внутри кольцевого рва 2, являвшегося продолжением кольцевого рва 1 в его юго-восточном секторе. В 2 м к юго-востоку от могильной ямы было расположено погребение 20, а в 6 м к юго-западу — погребение 33. Эта группа погребальных сооружений вместе с погребениями 1 и 3 была впущена по кругу несохранившейся насыпи внутри спиралевидного рва, датирующегося бронзовым веком. Погребение 18 находится в 11,98 м к югу и в 11,80 м к востоку от условного центра кургана (R0) (рис. 1).

Погребальное сооружение представляет собой простую грунтовую яму, которая в своей нижней части, вероятнее всего, имела заплечики для перекрытия с помощью деревянных досок или балок. Своим юго-восточным углом

погребение прорезает сегмент рва. Пятно заполнения могильной ямы имело в плане прямоугольные очертания и было ориентировано в направлении запад–восток. Длина могильной ямы по зачищенной верхней грани достигала 2,25 м, а ее ширина — 0,96 м. На глубине 0,63 м от уровня обнаружения пятна заполнения могильной ямы были зачищены вырезанные в материковом грунте заплечики. Ширина заплечиков 0,12 м.

Пол могильной ямы зачищен на глубине 1 м от уровня обнаружения пятна заполнения входной ямы. На полу обнаружены останки погребенного, лежавшего в вытянутом положении на спине, головой на запад. Лицевая часть черепа направлена к южной продольной стенке, руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты и уложены параллельно, не смыкаясь в стопах, развернутых в противоположные стороны.

В 0,12 м к западу от черепа погребенного, у западной стенки могильной ямы, были расчищены фрагменты бараньих костей — остатки заупокойной пищи. Здесь же был найден однолезвийный железный нож (рис. 5, 54) и фрагмент железной накладки (рис. 5, 53).

Справа и слева от черепа были найдены две бронзовые проволочные спиралевидные серьги овальной формы (рис. 5, 34, 35). Они согнуты в полтора оборота и имеют шпильки на одном из концов. Под черепом погребенного были расчищены бусины (рис. 5, 36, 40, 41) и костяная пронизь (рис. 5, 52). Низка стеклянных бусин округлой и пирамидальной формы (рис. 5, 37–39, 42–51) найдена слева от черепа у левой ключицы и под левой лопаткой скелета.

Погребение датируется IV в. до н. э.

Погребение 20 (рис. 4) находилось в юго-восточной части раскопа внутри кольцевого рва 2, который является продолжением кольцевого рва 1 в его юго-восточном условном секторе. В 2 м к северо-западу от могильной ямы было расположено погребение 18, а в 8,8 м к западу — погребение 33. Находится погребение в 14,16 м к югу и в 15,14 м к востоку от условного центра кургана (R0). Погребальное сооружение представляет собой простую грунтовую яму. Своей западной частью погребение прорезает сегмент рва. Могильная яма выкопана в предматериковом и материковом суглинке светло-коричневого цвета. Светло-коричневое пятно заполнения могильной ямы зафиксировано на глубине 0,45–0,50 м от уровня современной дневной поверхности.

Могильная яма имела в плане прямоугольные очертания и была ориентирована в направлении запад–восток. Длина могильной ямы по зачищенной верхней грани достигала 1,88 м, а ее ширина — 0,50–0,53 м. Яма была заполнена комковатым материковым суглинком желто-коричневого оттенка. Борты верхней части могильной ямы не были вертикальными, а имели уклон к центру. На глубине 0,3 м от уровня обнаружения пятна заполнения могильной ямы в ее восточной части была зачищена ступень, вырезанная в материковом грунте. Длина ступени в направлении запад–восток — 0,74 м, ширина — 0,35 м. Горизонтальный пол могильной ямы зачищен в западной части ямы на глубине 0,2 м от уровня обнаружения пятна заполнения входной ямы. Длина его в направлении запад–восток — 0,77 м, а ширина — 0,34–0,38 м.

При зачистке могильной ямы погребальный инвентарь и костные останки не обнаружены. Вполне возможно, что погребение представляло собой кенотаф.

Погребение 25 (рис. 4) выявлено в южной части раскопа, в 8,13 м к югу и в 3,89 м к востоку от условного центра кургана (R0), между восточным сегментом кольцевого рва 4 и западным сегментом кольцевого рва 1. В 2 м к юго-востоку от него располагалось погребение 1. Верхняя часть ямы была уничтожена систематической распахкой.

Погребальное сооружение представляет собой простую грунтовую подбойную могилу с входной ямой, располагавшейся с северной части, и камерой подбоя, расположенной с юга. Длинной осью могила ориентирована в направлении северо-восток–юго-запад. Ее длина составляет 1,26 м, ширина — от 0,55 до 0,93 м. Входная яма погребения имеет в плане подпрямоугольную форму размерами 1,30 × 0,65 м. Она сохранилась на глубину 0,08–0,13 м. Дно входной ямы было зачищено на глубине 0,7 м от уровня современной дневной поверхности и 0,13 м от уровня обнаружения входной ямы могилы.

Свод погребальной камеры не сохранился, а дно было зафиксировано на глубине 1,1 м от уровня современной дневной поверхности и 0,54 м от уровня обнаружения входной ямы могилы. В плане оно имело подовальные очертания, размеры его 0,75 × 0,35 м. Размеры реконструируемой погребальной камеры могут достигать 0,95 × 0,55 м. В ее юго-западном углу был расчищен фрагментированный лепной горшок (кубок) (рис. 4, 15), к востоку от дна лепного сосуда была обнаружена

стеклянная бусина (рис. 4, 14). Предметы обнаружены на высоте 0,35 м от уровня дна могильной ямы.

Костей погребенного индивида в могильной яме обнаружено не было. Вероятнее всего, в могиле был похоронен младенец, кости которого не сохранились.

Погребение может быть датировано IV в. до н. э.

Погребение 33 (рис. 4, 16–22) расположено в юго-восточной части раскопа между западными сегментами кольцевых рвов 1 и 3. Оно находилось в 13,67 м к югу и в 6,36 м к востоку от условного центра кургана (R0). В 2,3 м к северо-северо-западу от могильной ямы было расположено погребение 1, а в 9 м к востоку — погребение 20.

Погребальное сооружение представляет собой подбойную могилу, ориентированную по оси северо-восток–юго-запад. Входная яма имеет в плане подпрямоугольные очертания, углы закруглены. Ее длина составляет 1,1 м, ширина — 0,94 м, глубина — 0,12–0,14 м. Борта входной ямы частично обрушены, дно ровное, зачищено на глубине 0,78 от уровня современной дневной поверхности.

Погребальная камера вытянутых подовальных очертаний устроена к северу от входной ямы, ориентирована по оси запад–восток. Высота ступени, ведущей в погребальную камеру, составила 0,29 м и прослежена на длину до 0,7 м. Ее длина у пола составила 0,9 м, ширина — 0,35–0,37 м. Пол зачищен на глубине 0,4 м от уровня сохранившегося северного борта входной ямы.

В западном углу погребальной камеры была обнаружена низка бусин, состоящая из пяти бусин пирамидальной и округлой форм (рис. 4, 18–22). Среди развала низки бус был найден фрагмент кости свода черепа. Вероятнее всего, в могиле был погребен ребенок. Судя по расположению фрагмента черепа и низки бус, погребенный был уложен головой на запад. Инвентарь погребения может быть датирован IV в. до н. э.

Общие выводы

В результате проведенных исследований на площади 1225 кв. м был изучен участок могильника раннего железного века. Очевидно, он был впущен в курганные насыпи эпохи бронзы, полностью разрушенные плантажной вспашкой. Территория могильника сформирована практически полностью разрушенными систематической распашкой конструкциями бронзового века, которые

были использованы для конструкций могильника раннего железного века.

Среди всех комплексов с погребениями раннего железного века выделяется погребение «пожилого воина» (14) с мечом, двумя копьями и набором стрел. Это яркое воинское погребение в грунтовом могильнике Крымского Присивашья, выделяемой исследователями восточной группы скифских памятников (Колтухов, 2012. С. 87).

Следует обратить особое внимание на то, что часть погребений раннего железного века была ограблена еще в древности. Так, например, погребение 8, впущенное фактически в центр предполагаемой разрушенной насыпи, ограниченной рвом 3, оказалось ограбленным, причем окружавшие его погребения бронзового века избежали подобной участи. Вызывает интерес и то, что многие погребения достаточно точно впущены в погребально-поминальные сооружения бронзового века. Так, по спиральному рву 1–2 устроены погребения 1, 18, 20, а также детские погребения 25 и 33. Два погребения (3 и 6) вместе формируют отдельный участок, на котором найдены еще небольшие ямы. Подобная ситуация зафиксирована рядом с погребениями 14 и 10.

Комплексы предметов погребального инвентаря этих погребений относятся к материальной культуре скифов, как и типы погребальных конструкций (грунтовые ямы и катакомбы). Как отмечает в своем исследовании С. Г. Колтухов, к IV в. до н. э. на этой территории в погребальных сооружениях распространяется тип продольно-осевых катакомб (Колтухов, 2012. С. 86). Для Присивашья, степного Крыма и территории «за Перекопом» можно отметить близость в материалах рядовых комплексов и погребальных конструкций (Ольховский, 1991; Бессонова и др., 1988; Колтухов, 2012). В погребальном обряде прямые аналогии происходят из материалов могильников степей Северного Приазовья, юга Левобережной Украины (Полин, 2008; Кузнецова, Кузнецов, 2005; Бессонова и др., 1988; Ольховский, 1991). «В Восточном Присивашье с конца V — начала IV в. до н. э. начала формироваться зона оседлого земледелия, экономически связанная с античной Феодосией» (Колтухов, 2012. С. 85).

В решении проблемы этнической истории Феодосийского региона и Присивашья в V–II в. до н. э. большую роль играют исследования курганов и грунтовых могильников (Гаврилов и др., 2002. С. 62). Так, грунтовый могильник

Фронтное I В. Н. Корпусова определила как принадлежащий населению Восточного Крыма раннескифского времени (Корпусова, 1967. С. 38; 1972. С. 41, 46). В погребальном обряде населения, оставившего этот могильник, имеются элементы, связанные с населением Крыма доскифского периода (Ольховский, 1982. С. 69). Его этническую принадлежность А. А. Масленников вначале определил как тавро-скифскую (Масленников, 1981. С. 22), а позже отнес к автохтонному населению сельской округи Феодосии (Масленников, 1995. С. 61). Для изучения этнической ситуации здесь могут быть привлечены и материалы Акташского могильника, как наиболее близкого к Феодосии (Бессонова и др., 1988), а в качестве аналогий — материалы из рядовых скифских курганов на Керченском полуострове (Яковенко, 1970; Яковенко и др., 1970). Были опубликованы материалы грунтового могильника V–III вв. до н. э. у сёл Приречное Нижнегорского района (Колотухин, 2000. С. 65; Гаврилов и др., 2002. С. 94) и Кринички Кировского района (Крамаровский, Хаврин, 1998. С. 24; Гаврилов, Крамаровский, 2000. С. 23). Их материалы имеют многочисленные аналогии в скифских курганах и могильниках Восточного Крыма и таврских Горного Крыма, что свидетельствует о смешанном составе сельского населения.

С 1986 г. вопросами изучения хоры античной Феодосии вплотную занялся А. В. Гаврилов (Гаврилов, 1994. С. 68; 2004). В 1991–2016 гг. А. В. Гаврилов проводил археологические исследования античных поселений Ореховка I, Береговое I, Ближнее I, Карасан Оба, Алан Тепе I, Сурб Хач I, Двужкорная Бухта, а также святилищ Туар Алан, Узунлар, Кара Тау. Могильник, описанный в этой работе, относится к поселению Ореховка I, так как находится в нескольких сотнях метрах от восточной периферии поселения. Это грунтовой могильник, содержащий погребения рядового населения, в числе которых было и погребение воина.

Исследованный участок могильника скифского времени у поселения Ореховка I относится к грунтовым могильникам — одному из малоизученных типов памятников полуострова IV в. до н. э. Здесь открыты типы погребальных сооружений и предметы материальной культуры, сопоставимые с памятниками скифской культуры, получившей распространение в степях полуострова и юга Левобережной Украины. Население, оставившее могильник, было оседлым, перенявшим земледельческий образ жизни, но сохранившим в своей среде признаки военной демократии и принадлежности к вооруженным всадникам.

Бессонова и др., 1988 — Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наукова думка. 1988. 218 с.

Гаврилов, 1994 — Гаврилов А. В. Разведки в Кировском районе // АИК 1993 г. Симферополь: Таврия, 1994. С. 67–70.

Гаврилов, 2004 — Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. 368 с.

Гаврилов, Крамаровский, 2000 — Гаврилов А. В., Крамаровский М. Г. Курган у села Кринички в Юго-Восточном Крыму // БИ. Симферополь: Изд-во КФУ, 2000. Вып. 1. С. 23–43.

Гаврилов и др., 2002 — Гаврилов А. В., Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Курган эпохи бронзы и скифский могильник V–III вв. до н. э. у села Приречное в Крыму // Старожитности степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2002. Вып. X. С. 94–110.

Кац, 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования.

Симферополь; Керчь: Деметра, 2007. Вып. XVIII. С. 521–526.

Колотухин, 2000 — Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкурганное погребение Степного Крыма начала железного века). Симферополь: СОНАТ, 2000. 120 с.

Колтухов, 2012 — Колтухов С. Г. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Феникс, 2012 (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. X). 140 с.

Корпусова, 1967 — Корпусова В. Н. Памятники скифо-сарматского времени у с. Фронтное // АИУ 1965–1966 гг. (информационные сообщения). Киев: Наукова думка, 1967. Вып. I. С. 38–41.

Корпусова, 1972 — Корпусова В. М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. Київ, 1972. № 6. С. 41–55.

Крамаровский, Хаврин, 1998 — Крамаровский М. Г., Хаврин С. В. Новый кеми-обинский комплекс из Восточного Крыма (Крым и Кавказ в эпоху ранней бронзы) // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского (14.II.1908–15.X.1990). К 90-летию со

- дня рождения: Тез. докл. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 38–41.
- Кузнецова, Кузнецов, 2005 — Кузнецова Т. М., Кузнецов С. В. Курганы скифского времени у пос. Днепрорудный и Большая Белозерка (краткий очерк) // Древности Евразии от средней бронзы до средневековья. М.: ИА РАН, 2005. С. 317–332.
- Масленников, 1981 — Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.: Наука, 1981. 126 с.
- Масленников, 1995 — Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н. э.) // Древности Боспора. М.: ИА РАН. Вып. 8. С. 3–124.
- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.: Киммериды; Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 350 с.
- Ольховский, 1982 — Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время // СА. 1982. № 4. С. 61–81.
- Ольховский, 1991 — Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 253 с.
- Топал, 2014 — Топал Д. А. Акинаки классической Скифии: тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы междунар. конф. «Война и военное дело в скифо-сарматском мире» (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 380–406.
- Федосеев, 2016 — Федосеев Н. Ф. Коллекция керамических клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь: Солорич, 2016. Т. 2: Гераклея Понтийская. 209 с.
- Яковенко, 1970 — Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы): Сб. ст. / Отв. ред. А. М. Лесков. Киев: Наукова думка, 1970. С. 113–135.
- Яковенко и др., 1970 — Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970. С. 136–179.

The burial ground of the early Iron Age in the Crimean Sivash. Military burials

I. V. Rukavishnikova, D. V. Beilin, A. A. Voloshinov²

Excavations revealed burial objects and structures on the area of the burial ground under the arable layer: three ditches, of which two are spirals, 33 burials and 6 holes in plan view (Fig. 1, 2). These objects form funeral-memorial complexes belonging to different eras. Ring and spiral ditches belong to the tradition of the period from the end of the Yamnaya era and the beginning of the Catacomb and are located close to each other. Catacombs with mortgages of clay slabs and blocks were investigated, in which people with other remains on bones were buried. In pit burials there are molded vessels of Catacomb time. Inside the territory bounded by a spiral ditch, the remains of children's burials of this time are recorded.

Later, burial pits of the early Iron Age were admitted into these structures. The burial groups of men, women, and children belonging to this tradition were also investigated north of the territory with moats. Burials were carried out in pits, pits with shoulders, catacombs and rock pits with clay and stone mortgages (Fig. 3–10). The complexes are dated to the 4th century BC on the base of subjects of the funeral rite, such as amphorae with stamps, stucco cups, Scythian weapons (sword, knives, spears, bronze arrowheads), a mirror, bronze earrings and glass beads. So, in one of the burials, a man over 60 years old with a long sword was buried in a deep chamber with a lining in a wooden tomb. Among his burial equipment an amphora, knife and a cluster of arrowheads were found (Fig. 8). In the burial in the catacomb, a young girl was buried with a mirror, vessels with food, with an amphora and jewelry made of bronze beads with beads.

Thus, a burial ground belonging to two epochs and continuing beyond the borders of the proposed mound was found on the investigated territory. The burial mounds are fully plowed, and the burials of the early Iron Age may belong to the soil repository of the nearby settlement Orekhovka 1.

² Irina Rukavishnikova — Institute of Archaeology RAS; ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117292, Russia; e-mail: rukavishnikovairina@yandex.ru. Denis Beilin, Aleksey Voloshinov — Institute of Archaeology of Crimea of RAS; pr. Akademika Vernadskogo, Simferopol, 295007; e-mail: denis_beylin1979@mail.ru; voloshinov-alexs@yandex.ua.

Подтверждается ли гипотеза М. И. Ростовцева о фракийском происхождении образов сатиров на монетах Пантикапея?¹

И. Ю. Шауб, А. Е. Терещенко²

Аннотация. По мнению М. И. Ростовцева, представленные на боспорских монетах головы бородатых силенов и безбородых сатиров являются изображениями «местного, возможно фракийского, божества, великого бога растительности, который стал греческим Дионисом и который иногда фигурирует в виде бородатого силенна на монетах греко-фракийских городов». Ряд данных подтверждает правоту гипотезы великого русского ученого.

Annotation. In the opinion of Mikhail I. Rostovtsev, the heads of bearded Sileni and unbearded satyrs depicted on Bosphoran coins are representations of the “local, possibly Thracian deity, the great god of vegetation, who became the Greek Dionysus and who occasionally figures in the form of a bearded Silenus on coins of Greco-Thracian cities”. A series of data prove the rightness of this hypothesis of the great Russian scholar.

Ключевые слова: нумизматика Боспора, Фракия, сатиры и силены, Дионис, М. И. Ростовцев.

Keywords: numismatics of Bosphoros, Thrace, Satyrs and Sileni, Dionysus, M. I. Rostovtsev.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-71-77

Как известно, с начала IV и вплоть до середины III в. до н. э. неизменным типом аверса пантикапейских монет становятся головы бородатых силенов и безбородых сатиров (рис. 1, 1–34)³. Аналогичные изображения фигурируют также и в боспорской нумизматике более позднего времени — это пантикапейские и фанагорийские монеты конца II в. до н. э. (рис. 1, 35–37) (Терещенко, 2012). По мнению М. И. Ростовцева, они являются изображениями «местного, возможно

фракийского, божества, великого бога растительности, который стал греческим Дионисом и который иногда фигурирует в виде бородатого силенна на монетах греко-фракийских городов» (Rostovtzeff, 1922. P. 80).

Гипотеза М. И. Ростовцева вызвала возражение Д. Б. Шелова, который связывал головы пантикапейских монет «с другими местными культурами, происхождение и распространение которых еще недостаточно выяснены» (Шелов, 1950. С. 64)⁴.

Однако параллелизм двух аспектов божества, представленного на монетах Пантикапея, бородатого пожилого и юного безбородого, — черта, свойственная культу диморфного бога Диониса, — является, на наш взгляд, уже достаточным аргументом в пользу предположения М. И. Ростовцева (Шауб, 2007. С. 344; 2011. С. 291; 2019а.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Шауб И. Ю. — Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: schaubigor@mail.ru. Терещенко А. Е. — Отдел изучения истории дворцов, Государственный Русский музей; ул. Инженерная, д. 4, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: andrtereshhen@yandex.ru.

³ О семантике этих образов см. работу: Шауб, 2019а.

⁴ Популярное в XIX в. и все еще бытующее в работах западных антиковедов мнение, согласно которому на этих монетах Пантикапея представлен бог Пан, не выдерживает критики (Шауб, 2019б. С. 249).

Рис. 1. Боспорские монеты с изображениями сатиров: 1 — диобол (393/2–389/8 гг. до н. э.); 2 — халк (лепта?) (393/2–389/8 гг. до н. э.); 3 — триобол (389/8— 384/3 гг. до н. э.); 4 — диобол (389/8–384/3 гг. до н. э.); 5 — дихалк (?) (389/8–384/3 гг. до н. э.); 6 — статер (384/3–372/1 гг. до н. э.); 7 — гекта (384/3–372/1 гг. до н. э.); 8 — триобол (384/3–372/1 гг. до н. э.); 9 — триобол (372/1–362/1 гг. до н. э.); 10 — триобол (364–361 гг. до н. э.); 11 — триобол (361–356 гг. до н. э.); 12 — статер (361–356 гг. до н. э.); 13 — триобол (357–355 гг. до н. э.); 14 — статер (355–350 гг. до н. э.); 15 — гексадрахма (?) (355–354 гг. до н. э.); 16 — дидрахма (?) (355–350 гг. до н. э.); 17 — дидрахма (?) (355–350 гг. до н. э.); 18 — обол (?) (355–350 гг. до н. э.); 19 — тетрадрахма (?) (351/350–347/346 гг. до н. э.); 20 — триобол (346–340 гг. до н. э.); 21 — халк (?) (346–340 гг. до н. э.); 22 — обол (340–335 гг. до н. э.); 23 — триобол (?) (335–330 гг. до н. э.); 24 — обол (330–327 гг. до н. э.); 25 — тетрахалк (327–319 гг. до н. э.); 26 — дихалк (327–319 гг. до н. э.); 27 — статер (319–310 гг. до н. э.); 28 — гемистатер (319–310 гг. до н. э.); 29 — тридрахма (319–310 гг. до н. э.); 30 — тетрахалк (319–310 гг. до н. э.); 31 — обол (?) (302/1–284/3 гг. до н. э.); 32 — обол (?) (300–284/3 гг. до н. э.); 33 — дихалк (?) (середина второй четверти III в. до н. э.); 34 — тетрахалк (?) (около 220 г. до н. э.); 35 — тетрахалк (?) (122–114 гг. до н. э.); 36 — дихалк (?) (122–114 гг. до н. э.); 37 — тетрахалк (?) (107–96 гг. до н. э.). 1–36 — Пантикапей, 37 — Фанагория. 1, 3, 4, 8–11, 13, 15–17, 19, 20, 22–24, 29 — серебро; 2, 5, 18, 21, 25, 26, 30–37 — медь; 6, 7, 12, 14, 27, 28 — золото. Без масштаба

С. 73 след.). Бесконечные споры о происхождении Диониса продолжают (см., например: Кузина, 2013), несмотря на то что вопрос о глубоких корнях культа Диониса на фракийской почве, уходящих в ранние слои индоевропейских верований, основательно разработан в исследованиях, посвященных фракийским мифологии, религии, лингвистике и истории. В них обычно указывается на сюжеты античной мифологии, в которых деяния бога Диониса и участвующих в них героев связаны с Фракией и фракийцами; упоминаются прямые указания письменных источников о заимствовании культа Диониса эллинами. Лингвисты приводят данные о фракийском происхождении имени бога, а исследователи античной балканской топонимики обращают внимание на множество фракийских названий, в основе которых лежит имя Диониса (Златковская, 1968. С. 11, 14 след.)⁵. Наиболее основательную разработку в отечественной историографии фракийские истоки культа этого бога получили в исследованиях Т. Д. Златковской (1967; 1968; 1981), которые «льют воду на мельницу» гипотезы Ростовцева. Без всяких упоминаний одиозного для большевиков «белоэмигранта» она пишет: «Сведения литературных источников о широком распространении культа Диониса с его развитыми обрядовыми действиями у фракийцев дополняются нумизматическими данными, которые указывают на постоянное присутствие дионисических сюжетов на древних (конец VI — начало V в. до н. э.) монетах различных фракийских племен. Это изображения кентавра, сатира или

силена, держащих на коленях нимфу, на монетах фракийских племен орресков, летайев и неопределенного южнофракийского племени или изображения нимфы, убегающей от итифаллического силена, держащей в руках бутон розы или венка, на монетах также неопределенного южнофракийского племени» (Златковская, 1968. С. 11, табл. на с. 13, VII–IX типы монет; см. рис. 2, 1–7). «Эти свидетельства о широком распространении культа Диониса в раннее время у фракийцев подтверждаются данными источников, указывающих и на иной путь распространения его культа в Греции — из малоазийских областей древнего мира, Лидии и Фригии, население которых, как известно, было этнически связано с фракийцами Балкан» (Златковская, 1981. С. 26). При несомненной «многослойности» образа Диониса (см., например: Кузина, 2013), как, собственно, и большинства богов эллинского пантеона, следует признать, что наиболее мощным в культе этого бога и религиозно-мифологических представлениях о нем являлся фракийский компонент. Логично допустить, что в Северном Причерноморье носителями этого компонента были в большей степени сами фракийцы, чем греки.

Хотя, насколько мы знаем, фракийских монет с изображениями сатиров на Боспоре не находили, подобные композиции здесь были известны, о чем свидетельствует агатовая инталия из Пантикапея (рис. 2, 10). О. Я. Неверов относит ее к продукции ионийских мастерских и датирует VI в. до н. э. (Неверов, 1976. С. 32, табл. 11, 6), но не исключено и ее фракийское происхождение⁶.

⁵ Исходя из фракийского языка В. Л. Цымбурский этимологизирует даже само имя Диониса (Цымбурский, 2002).

⁶ Схожий сюжет можно наблюдать на реплике геммы с изображением силена и менады, которая была найдена на

Fig. 1. Bosporan coins with representations of satyrs: 1 — diobol (393/2–389/8 BC); 2 — chalcon (lepton?) (393/2–389/8 BC); 3 — triobol (389/8–384/3 BC); 4 — diobol (389/8–384/3 BC); 5 — dichalcon (?) (389/8–384/3 BC); 6 — stater (384/3–372/1 BC); 7 — hekte (384/3–372/1 BC); 8 — triobol (384/3–372/1 BC); 9 — triobol (372/1–362/1 BC); 10 — triobol (364–361 BC); 11 — triobol (361–356 BC); 12 — stater (361–356 BC); 13 — triobol (357–355 BC); 14 — stater (355–350 BC); 15 — hexadrachm (?) (355–354 BC); 16 — didrachm (?) (355–350 BC); 17 — didrachm (?) (355–350 BC); 18 — obol (?) (355–350 BC); 19 — tetradrachm (?) (351/350–347/346 BC); 20 — triobol (346–340 BC); 21 — chalcon (?) (346–340 BC); 22 — obol (340–335 BC); 23 — tetrobol (?) (335–330 BC); 24 — obol (330–327 BC); 25 — tetrachalcon (327–319 BC); 26 — dichalcon (327–319 BC); 27 — stater (319–310 BC); 28 — hemistater (319–310 BC); 29 — tridrachm (319–310 BC); 30 — tetrachalcon (319–310 BC); 31 — obol (?) (302/1–284/3 BC); 32 — obol (?) (300–284/3 BC); 33 — dichalcon (?) (middle of the second quarter of the 3rd century BC); 34 — tetrachalcon (?) (ca. 220 BC); 35 — tetrachalcon (?) (122–114 BC); 36 — dichalcon (?) (122–114 BC); 37 — tetrachalcon (?) (107–96 BC). 1–36 — Pantikapaion, 37 — Phanagoria. 1, 3, 4, 8–11, 13, 15–17, 19, 20, 22–24, 29 — silver; 2, 5, 18, 21, 25, 26, 30–37 — copper; 6, 7, 12, 14, 27, 28 — gold. No scale

Рис. 2. Аналогии изображениям на боспорских монетах. Статеры, серебро: 1 — Оррески (фракийское племя) (конец VI — V в. до н. э.); 2 — Оррески (фракийское племя) (ок. 480 г. до н. э.); 3 — Летайи (фракийское племя) (500–480 гг. до н. э.); 4 — неизвестный монетный двор (500–480 гг. до н. э.); 5–7 — Сирис (Фрако-Македонский регион) (525–480 гг. до н. э.); 8 — Фасос (525–500 гг. до н. э.); 9 — Фасос (480–463 гг. до н. э.). Художественные изделия: 10 — агатовая инталия, Пантикапей (VI в. до н. э.); 11 — реплика геммы, поселение Надлиманское-3 (близ Никония) (500–465 гг. до н. э.); 12a — канфар с позолоченными атташами в виде голов силена, Фракия, серебро (последняя четверть V в. до н. э.); 12б — позолоченный атташ в виде головы силена; 13 — канфар с позолоченными атташами в виде голов силена, Фракия, серебро (конец V в. до н. э.). 12a, 12б, 13 — коллекция В. Божкова. Без масштаба

Fig. 2. Analogues of representations on Bosporan coins. Staters, silver: 1 — Orrheskioi (Thracian tribe) (late 6th — 5th century BC); 2 — Orrheskioi (Thracian tribe) (ca. 480 BC); 3 — Letaioi (Thracian tribe) (500–480 BC); 4 — unknown mint (500–480 BC); 5 — Siris (Thraco-Macedonian region) (525–480 BC); 6 — Siris (Thraco-Macedonian region) (525–480 BC); 7 — Siris (Thraco-Macedonian region) (525–480 BC); 8 — Thasos (525–500 BC); 9 — Thasos (480–463 BC). Art products: 10 — agate intaglio, Pantikapaion (6th century BC); 11 — gem replica, site of Nadlimanskoye-3 (near Nikonion) (500–465 BC); 12a — kantharos with gilded appliques in the form of silen's heads, Thrace, silver (last quarter of the 5th century BC); 12b — gilded appliqué in the form of Silen's head on a silver kantharos, Thrace (last quarter of the 5th century BC); 13 — kantharos with gilded appliques in the form of silen's heads, Thrace, silver (late 5th century BC). 12a, 12b, 13 — collection of V. Bozhkov. No scale

связывает его с Дионисом «индийским», однако употребление эпитета орфиками скорее говорит в пользу его связи с фракийским культом Диониса-Сабазия (Ельницкий, 1946. С. 107). Л. А. Ельницкий также отмечает, что эпитет «Ἀρείω» встречается в орфических гимнах еще раз, применительно к Корибанту (Orph. h. 39, 11) — божеству дионисийского круга, в равной степени связанному с культом Великой матери.

По словам Макробия, «многие сопоставляют Либера с Марсом, усматривая в них единое божество; отсюда к Либеру прилагается эпитет Марса Эниалий» (Macrob. Sat. I, 19). И Дионис, и Арес, происхождение которых греческая традиция устойчиво связывает с Фракией (Nilsson, 1967.

P. 517, 564 ff.), по Геродоту (V, 7), являлись главными мужскими божествами фракийцев. Экстатический характер фракийского культа Ареса (Wiesner, 1963. S. 102) и обычай фракийцев украшать оружие плющом — священным растением Диониса (Plin. HN. 16, 62) — красноречиво свидетельствуют о значительной культовой близости обоих богов (Wiesner, 1963. S. 103; Farnell, 1909. P. 101, 292).

Таким образом, можно констатировать, что для подтверждения правоты гипотезы великого русского ученого о фракийском происхождении образов сатиров на монетах Пантикапея ныне мы располагаем гораздо более вескими аргументами, чем те, которые были в его распоряжении 100 лет назад.

Виноградов, 2014 — Виноградов Ю. А. Еще раз о кургане у села Баксы в восточном Крыму // БИ. Симферополь: Крымский федер. ун-т, 2014. Вып. 30. С. 529–534.

Гергова, 1996 — Гергова Д. Обредът на обезсмъртяването в древна Тракия. София: Агато, 1996. 267 с.

Ельницкий, 1946 — Ельницкий Л. А. Из истории эллинистических культов // СА. 1946. № 8. С. 97–122.

Златковская, 1967 — Златковская Т. Д. О происхождении некоторых элементов кукуерского обряда у болгар (к вопросу о фракийских традициях у народов Юго-Восточной Европы) // СЭ. 1967. № 3. С. 34–46.

Златковская, 1968 — Златковская Т. Д. Ранние монеты южнофракийских племен (к вопросу о происхождении культа Диониса) // Нумизматика и эпиграфика. 1968. Т. VII. С. 3–22.

Златковская, 1981 — Златковская Т. Д. К проблеме самобытности фракийской культуры в римское время // ВДИ. 1981. № 4. С. 21–31.

Кузина, 2013 — Кузина Н. В. К вопросу о происхождении культа Диониса // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2013. № 4 (1). С. 252–259.

Мачинский, 2001 — Мачинский Д. А. «Ось мировой истории» Карла Ясперса и религиозная жизнь степной Скифии в IX–VII вв. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2001. Ч. II. С. 101–108.

Мильчарек и др., 1995 — Мильчарек М., Островерхов А. С., Охотников С. В. Литик-скарабеоид из поселения Надлиманское-3 // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднепровья: Тез. докл. конф. Белгород-Днестровский: б. и., 1995. С. 36–38.

Неверов, 1976 — Неверов О. Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л.: Аврора, 1976. 111 с., 124 л. ил.

Островерхов, 2006 — Островерхов А. С. Античная стеклянная глиптика на юге Восточной Европы (VI–II вв. до н. э.) // ВДИ. 2006. № 2. С. 131–154.

Пенкова, Конова, 2013 — Пенкова Е., Конова Л. Древняя Фракия в легендах и образах // Фракийское золото. Ожившие легенды. М.: Кучково Поле, 2013. С. 14–21.

Терещенко, 2012 — Терещенко А. Е. Аполлонийско-дионисийские мотивы в сюжетах монет пантикапейской чеканки домитридатовской эпохи // Stratum plus. 2012. № 6: «Двенадцать»: магия дюжины. С. 1–50.

Фракийское золото..., 2013 — Фракийское золото. Ожившие легенды. М.: Кучково Поле, 2013. 360 с.

Цымбурский, 2002 — Цымбурский В. Л. Имя Диониса // Классическая филология и индоевропейское языкознание / Под ред. Н. Н. Казанского. СПб.: Наука, 2002. С. 141–166.

Шауб, 2004 — Шауб И. Ю. Культ фарна у скифов // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2004. Вып. 2. С. 149–158.

Шауб, 2007 — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.

Шауб, 2011 — Шауб И. Ю. Эллинистические традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.

Шауб, 2019а — Шауб И. Ю. К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея // Записки ИИМК РАН. 2019. № 21. С. 73–81.

- Шауб*, 2019б — *Шауб И. Ю.* Ценный вклад в изучение духовной культуры Боспорского царства (Рец.: Braund David. Greek Religion and Cults in the Black Sea Region: Goddesses in the Bosporan Kingdom from the Archaic Period to the Byzantine Era. Cambridge: University Press, 2018. XVI + 314 p.) // АВ. 2019. Вып. 25. С. 245–261.
- Шелов*, 1950 — *Шелов Д. Б.* К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. 1950. Вып. 34. С. 62–69.
- Яйленко*, 1995 — *Яйленко В. П.* Женщины, Афродита и жрица Спартокидов на новых боспорских надписях // Женщина в античном мире: Сб. ст. / Отв. ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкин. М.: Наука. 1995. С. 204–273.
- Farnell*, 1909 — *Farnell L. R.* The Cults of the Greek States. Oxford: Clarendon Press, 1909. Vol. V. 495 p.
- Nilsson*, 1967 — *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. München: O. Beck, 1967. Bd. I. 3 Aufl. 892 S.
- Rostovtzeff*, 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. 260 p.
- Wiesner*, 1963 — *Wiesner J.* Die Thraker. Stuttgart, 1963. 256 S.

Is Michail Rostovtsev's hypothesis on the Thracian origin of satyr images on the Panticapaeon coins valid?

I. Yu. Schaub, A. E. Tereshchenko¹¹

From the beginning of the 4th to the middle of the 3rd century BC, heads of bearded Sileni and beardless satyrs become the invariable obverse type of Panticapaeon coins (Fig. 1). According to Mikhail Rostovtsev, these are images of “a local, possibly Thracian deity, the great god of vegetation, who became the Greek Dionysus and who sometimes appears as a bearded Silen on coins of Greco-Thracian cities.”

There is a lot of evidence of the Thracian origin of Dionysus while the iconography of the heads of satyrs and Sileni represented on the Panticapaeon coins undoubtedly came from Thrace (Fig. 2), and obviously together with the Dionysian semantics. This is evidenced by the precious objects of the Dionysian cult recently found in Thracian mounds, decorated with gilded images of similar heads. Chronologically, these artifacts precede the Panticapaeon coins depicting Dionysus's companions. A number of other data also confirm the correctness of the hypothesis of the great Russian scholar.

¹¹ Igor Schaub — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: schaubigor@mail.ru. Andrey Tereshchenko — State Russian Museum; Inzhenernaya ul., 4, St. Petersburg, 191186, Russia; andrtereshhen@yandex.ru.

Оболы Пантикапея типа «голова Аполлона / орел на молнии» как источник исторической информации

М. М. Чореф¹

Аннотация. Статья посвящена анализу изображений и надписей на оболах типа «голова Аполлона / орел на молнии» с дифферентами «Δ» и «Ε» на реверсе. Они примечательны также тем, что отчеканены не из монет прежних эмиссий, а на заново отлитых заготовках. Автор приходит к выводу, что эти монеты были выпущены Фарнаком II в Диоскуриаде и в Евпатории после подчинения Херсонеса и во время похода в Понт.

Annotation. This paper is devoted to analysis of representations and inscriptions on obols of the type of “head of Apollo / eagle on lightning” with marks “Δ” and “Ε” on the reverse. They are notable also by the fact that they are struck not from coins of previous emissions but from newly cast blanks. The author comes to the conclusion that these coins were issued by Pharnakos II in Dioskurias and Eupatorion after the subjecting of Chersonesos during the raid to the Pontus.

Ключевые слова: история, археология, нумизматика, Боспор, Фарнак II.

Keywords: history, archaeology, numismatics, Bosporos, Pharnakos II.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-78-85

Несмотря на многовековое исследование, нумизматика Боспора все еще не изучена в полной мере. Причем речь идет не только о его поздних статерах, прочтение легенд и обозначение дат выпуска на которых довольно затруднительно², но и о широко распространенных, оформленных на высоком художественном уровне разменных монетах с безупречно читаемыми надписями. Речь идет о меди и бронзе понтийского и раннеримского периодов³.

Эта задача, безусловно, весьма важна и перспективна. Ведь только ее успешное решение позволит полностью раскрыть потенциал монет боспорского чекана как исторических источников.

¹ Нижегородский ГУ им. Н. И. Лобачевского; пр. Гагарина, д. 23, Нижний Новгород, 603950, Россия; e-mail: choref@yandex.ru.

² Так, дата окончания правления Радамсадия (309/310–322/323 г. н. э.) может быть установлена только в результате изучения нумизматического материала, а точнее, обозначений даты выпуска на его статерах (Кёне, 1857б. С. 363; Фролова, 1997. С. 313–322; MacDonald, 2005. P. 119–120). Однако В. А. Анохин, игнорируя такого рода данные, полагал, что этот государь чеканил монеты даже в 327/328 г. н. э. (Анохин, 2016. С. 164).

³ Подробнее см. работы: Чореф, 2016. С. 529–531; 2018а. С. 117–121; 2018б. С. 298, 300–301; 2020).

Попытаемся проиллюстрировать этот тезис на оболах Пантикапея типа «голова Аполлона / орел на молнии».

Но, прежде всего, необходимо сказать несколько слов об истории их изучения. Интересующие нас монеты были выявлены уже на заре становления нумизматики как науки (Кёне, 1857а. С. 359). Б. В. Кёне, обобщив имеющуюся о них в середине XIX в. информацию, допустил, что их могли эмитировать в римский период. Ученый считал, что орел на их реверсе являлся символом победоносных легионов (Кёне, 1857а. С. 359–360. № 82). Его точку зрения принял А. А. Сибирский (Сибирский, 1877. С. 35). В свою очередь П. О. Бурачков заключил, что эти оболы были отчеканены до прихода к власти Фарнака II (63–47 гг. до н. э.). Он основывался на том, что на этих монетах выявлена монограмма ΨP . Но на золоте вышеупомянутого государя и его ближайших преемников выбивали пространный легенду, содержащую имя и титул правителя⁴ (Бурачков, 1884. С. 159).

Исследователи, работавшие в конце XIX — XX в., также не смогли выработать единую точку

⁴ Этот довод кажется очень убедительным.

зрения по вопросу датирования этих монет. Так, бытует мнение, что их чеканили при Митридатe VI Евпаторе Дионисе (121–63 гг. до н. э.) (*Зограф*, 1951. С. 187; *Дюков*, 1977. С. 156–160; *Анохин*, 1986. С. 76; 1999. С. 110; 2011. № 1124, 1125; *Смекалова*, *Дюков*, 2001. С. 74; *Смекалова*, 2019. С. 648–649, рис. 1, 2). Столь же широко распространено мнение, что эти монеты выпускали при Фарнаке II (*Орешников*, 1887. С. 61–62, № 438–442; *Голенко*, 1960. С. 39–40; *Абрамзон*, *Фролова*, 2007–2008. С. 260, 264–273; *Фролова*, 1998. С. 25–26).

Автор попытался внести свой вклад в решении этой проблемы, предложив прочтение монограммы Ϝ^{P} ⁵, размещенной на реверсе этих монет, как зашифрованное имя «Ирад». Речь может идти об эллинизированном выходе из Передней Азии, одном из чиновников Митридата VI Евпатора Диониса, которому при Фарнаке II было поручено совместно с полисными властями Пантикапея провести эмиссию⁶ новых оболов с целью стабилизации денежного обращения (*Чореф*, 2018б. С. 304–305). Ведь неслучайно его монограмма размещалась только на оболах и тетраخالках с легендой Παντικαλαϊτῶν на реверсе.

⁵ Первым обратил на нее внимание Б. В. Кёне. Ученый заключил, что она была составлена из символов «Н», «Р» и «Δ» (*Кёне*, 1857а. С. 359). Ее пытался разобрать и А. А. Сибирский. Исследователь полагал, что эта аббревиатура была составлена из букв «Н», «Р», «А» и «Δ». В них он увидел намек на брачный союз Асандра (48/47–19/18 гг. до н. э.) и Динамии (21/20–12 гг. до н. э.) (*Сибирский*, 1877. С. 35). П. О. Бурачков, хотя и отверг бытовавшую на тот момент датировку интересующих нас монет, нового прочтения монограммы Ϝ^{P} не предложил (*Бурачков*, 1884. С. 159). К сожалению, проблема ее дешифровки не заинтересовала А. В. Орешникова (*Орешников*, 1887. С. 61–62, № 438–442), А. Л. Бертье-Делагарда (*Бертье-Делагард*, 1911), А. Н. Зографа (*Зограф*, 1951. С. 157), К. В. Голенко (*Голенко*, 1960. С. 36), В. А. Анохина (*Анохин*, 1986. С. 76, № 214, 215, табл. 9, 214; 1999. С. 110, рис. 27, 24; 2011. С. 162–163, № 1124, 1125) и Н. А. Фролову (*Фролова*, 1998. С. 24–25). В свою очередь Т. Н. Смекалова и Ю. Л. Дюков выделили в лигатуре Ϝ^{P} буквы «Н», «Р», «О» и «Δ» (*Смекалова*, *Дюков*, 2001. С. 69–71), однако саму монограмму ученые не истолковали (*Там же*. С. 71).

⁶ Митридат VI Евпатор Дионис не выпускал собственной меди и бронзы. На его разменных деньгах размещали наименования эмиссионных центров и монограммы царских чиновников (*de Callataj*, 1997). Полагаем, что это положение сохранилось и при Фарнаке II.

Действительно, в отличие от Митридата VI Евпатора Диониса, его сын в начальный период правления не контролировал Фанагорию и Горгипию (*Чореф*, 2012б. С. 52; 2018б. С. 300).

Возвращение к изучению оболов типа «голова Аполлона / орел на молнии» неслучайно. Есть все основания полагать, что их исследование все еще не завершено. В настоящей статье вводятся в научный оборот две их разновидности. Речь идет о монетах с дифферентами «Δ» и «Ε» на реверсе (рис. 1). Их изучение позволит уточнить наши представления как о ходе эмиссии монет этого типа, так и о территориально-административном устройстве Боспорского царства при Фарнаке II (*Чореф*, 2011; 2012б), что является одной из интереснейших и в то же время важнейших задач, стоящей перед исследователями, изучающими историю Боспорского государства эпохи понтийского господства.

Итак, до недавнего времени считалось, что эти монеты, как правило, чеканили на ранее выпущенных оболах⁷, изготовленных из «чистой меди» или латуни (*Смекалова*, *Дюков*, 2001. С. 74; *Смекалова*, 2019. С. 645, 646, 648, 649). Причины этого могли быть как политическими, так и экономическими: уничтожение памяти о лицах, участвовавших в эмиссии анонимных оболов серии «голова Диониса / горит», желание стабилизировать денежное обращение (*Зограф*, 1951. С. 187; *Анохин*, 1986. С. 76; *Смекалова*, 2019. С. 647) и стремление получить необходимые средства на предстоящие военные расходы. Причем, как верно заметили Т. Н. Смекалова и Ю. Л. Дюков, размещение на реверсе изучаемых монет этника Παντικαλαϊτῶν свидетельствует об «уважении автономии Пантикапея» (*Смекалова*, *Дюков*, 2001. С. 74). Это, действительно, было характерно для начала правления Фарнака II, контролирующего только боспорские владения в Восточной Таврике.

Разделяя точку зрения Т. Н. Смекаловой и Ю. Л. Дюкова по этому вопросу, сам факт выпуска оболов типа «голова Аполлона / орел на молнии» можно объяснить только попыткой царя найти поддержку у жителей столицы Боспора (*Смекалова*, *Дюков*, 2001. С. 74). Однако следует учесть еще один, как кажется, весьма немаловажный нюанс. Оформление реверса этих монет было типичным для разменных монет Митридата VI

⁷ В. А. Анохин писал, что «они носят отчетливые следы поспешной работы» (*Анохин*, 1999. С. 110).

Евпатора Диониса. Изображения орла и молнии при этом государе в 100–85 гг. до н. э. размещали на ободах Амасии (SNG BM. № 1048–1050), Амиса (*Ibid.* № 1144–1146), Газире (*Ibid.* № 1266, 1267), Лаодикеи (*Ibid.* № 1270), Пимолисы (*Ibid.* № 1350, 1351), Синопы (*Ibid.* № 1526, 1527) и Талауры (*Ibid.* № 1288, 1289). Причем речь не идет об обозначении монетного достоинства. Ведь в Амисе (*Ibid.* № 1220–1231), в Амастрии (*Ibid.* № 1319, 1320), в Дие (*Ibid.* № 1560–1565), в Синопе (*Ibid.* № 1543–1549) и в Фарнакии (*Ibid.* № 1276–1285) в 85–65 гг. до н. э. эту композицию отчеканивали и на тетрадрахмах. Ее же в 100–90 гг. до н. э. размещали и на бронзах Тире (Анохин, 1989. С. 96, 117, табл. XXVII, 475). Однако в Херсонесе после гибели Митридата VI Евпатора Диониса чеканили монету с орлом на молнии и с монограммой MP на реверсе (Чореф, 2011. С. 256, рис. 1, 9). Так что есть все основания полагать, что в этой композиции видели не эмблему династии и не обозначение номинала, а символы почитаемого божества, по-видимому Зевса. В данном случае рассуждения опираются на плодотворную и крайне перспективную теорию, предложенную С. Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин, 2016. С. 249–256).

Что же касается обозначения * на реверсе изучаемых монет, то мы (Чореф, 2018б. С. 305) вслед за С. Ю. Сапрыкиным (Сапрыкин, 2009. С. 266–317; 2016) видим в нем символ Мена-Фарнака. Полагаем, что таким образом Фарнак II пытался сакрализовать свою власть. Но, как верно заметил П. О. Бурачков (Бурачков, 1884. С. 159), делал он это осторожно, ненавязчиво, дорожа доверием пантикапейцев. Вполне возможно, что по этим причинам Фарнак II мог санкционировать перечеканку в оболы типа «голова Аполлона / орел на молнии» крупных разменных монет Митридата VI Евпатора Диониса.

Однако сравнительно недавно в каталогах аукционов Classical Numismatic Group, Inc. (acsearch.info: 1; acsearch.info: 3) и Katz Coins Notes & Supplies Corp. (acsearch.info: 2) автором были обнаружены описания монет этого типа, отчеканенных на вновь отлитых заготовках (рис. 1). Они примечательны также тем, что на их реверсе кроме легенды Παντικάλαϊτῶν размещены дифференты: «Δ» (рис. 1, 1–3) и «Ε» (рис. 1, 4).

В подлинности этих монет сомневаться не приходится. Одна из подобных бронз — с дифферентом «Δ» на реверсе — «Ε» находится в собрании Государственного Эрмитажа (ГЭ № 27380)

и была опубликована В. А. Анохиным⁸ (Анохин, 1986. С. 146, № 214, табл. 9, 214; 1999. Рис. 27, 24; 2011. № 1124) (рис. 1, 1). К сожалению, исследователь не обратил внимания на интересующий нас элемент ее оформления. Сейчас представилась возможность исправить это упущение.

Перейдем к описанию монет.

1. Л. с.: голова Аполлона в лавровом венке вправо. У божества мягкие черты лица, большие глаза, слегка вздернутый нос, а также длинные волнистые пряди, поддерживаемые головным убором. Образ божества создан настоящим художником. Диссонанс создают только две прядки, ниспадающие на шею. У первой, обрамляющей ухо, верхняя часть — волнистая, а нижняя, с ней не сочлененная, — прямая. Вторая, ниспадающая от затылка, передана поперечными черточками. Вряд ли их мог прорезать профессиональный художник. Полагаем, что штемпель правили в процессе использования.

О. с.: ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩ[N]. Буквы традиционно для того времени ограничены точками. Надпись выполнена нарочито небрежно. Буквы крупные, с разными наклонами. У литеры «Α» непропорционально длинная левая гаста. Ее поперечная составляющая или наклонная, если было достаточно места для ее прочерчивания, или прямая. У последней буквы «Α» верхняя часть левой гасты — полукруглая. Полагаем, что наблюдаем особенности почерка мастера. Над надписью — орел на молнии, с приподнятым правым крылом. Он также прорезан весьма небрежно, крупными размашистыми линиями. Правее его — монограмма MP . Она дана под наклоном вправо. Лигатура прочерчена отрывистыми линиями, весьма небрежно. Составляющие ее линии ограничены точками. У левого крыла орла — восьмиконечная звезда. Ее лучи даны небрежно прорезанными черточками. Они разнятся по длине и пересекаются с другими под разными углами. Под левым крылом орла — «Δ».

Медь⁹. Диаметр — 2,6 см. Вес — 18,87 г (Анохин, 1986. С. 146, № 214, табл. 9, 214; 1999. Рис. 27, 24; 2011, № 1124) (рис. 1, 1).

⁸ По этой причине изображение этой монеты на рис. 1 помещено на первом месте. Заметим, что нет оснований полагать, что она была выпущена раньше других.

⁹ По данным В. А. Анохина (Анохин, 1986. С. 146, № 214; 2011. № 1124). Но он писал, что все разменные монеты Боспорского государства чеканили из меди. Вполне возможно, что этот обол, как и прочие монеты данного типа, выбит из желтого сплава, вернее всего, из латуни.

2. Л. с.: то же. У божества прямой нос и ниспадающие волнистые пряди, прикрывающие ухо. Можно допустить, что его образ создал тот же мастер. Только этот штемпель — эталонный, без следов правки.

О. с.: ПАНТИКАПАΙΤΩΝ. Буквы мелкие, четкие, прорезаны аккуратно, с одним и тем же наклоном. Монограмма мелкая, но четкая и аккуратная. Над ней — орел. Он также прорезан весьма аккуратно. Его правое крыло заканчивается шестью перьями. Похоже, что мы также наблюдаем особенности почерка мастера. У левого крыла орла — идеальная восьмиконечная звезда. Под левым крылом орла — «Δ».

Желтый сплав, по-видимому, латунь. Вес — 18,22 г (acsearch.info: 1) (рис. 1, 2).

3. Л. с.: то же. У божества резкие, сухие черты лица и волнистые, но тонкие пряди. Так что вряд ли этот штемпель создан мастером, участвовавшим в оформлении лицевых сторон оболов, изображения которых приведены на рис. 1, 1, 2.

О. с.: [Π]ΑΝΤΙΚΑΠΑ[ΙΤΩΝ]. Надпись выполнена мастером, оформившим реверс обода на рис. 1, 1. Однако не он создал изображение орла, монограмму Σ и звезду на оборотной стороне монеты. Так, правое крыло орла заканчивается четырьмя длинными перьями, а монограмма Σ и звезда — крупные, но четкие и аккуратные, прорезаны тонкими линиями. Допускаем, что этот же мастер оформил и аверс монеты. Под левым крылом орла — «Δ».

Желтый сплав, по-видимому, латунь. Вес — 18,00 г (acsearch.info: 2) (рис. 1, 3).

4. Л. с.: то же. Штемпель тот же, что был использован при чеканке аверса монеты № 2.

О. с.: ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ. Под левым крылом орла «Ε». Штемпель выполнен мастером, создавшим чекан реверса монеты № 2.

Желтый сплав, по-видимому, латунь. Диаметр — 2,6 см. Вес — 16,01 г (acsearch.info: 3) (рис. 1, 4).

Итак, аверсы монет на рис. 1, 2, 4 были оформлены с использованием одного и того же штемпеля, а лицевые стороны оболов на рис. 1, 1, 3 были оттиснуты нигде более не встреченными штампами. Скорее всего, над их оформлением работало три мастера.

Что же касается реверса, то над штемпелями для него, очевидно, также трудилось трое мастеров. Один создал чекан, использованный при выпуске монеты на рис. 1, 1 и вырезал надпись ||ΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ на штампе оборотной стороны

Рис. 1. Новые разновидности оболов Пантикапея типа «голова Аполлона / орел на молнии»: 1–3 — чекана Диоскуриады; 4 — чекана Евпатория. Без масштаба
Fig. 1. New varieties of Panticapaeum obols of the type “head of Apollo / eagle with lightning”: 1–3 — mints of Dioscurias; 4 — minted by Eupatorium. No scale

монеты на рис. 1, 3. Другой создал штемпель для оболов на рис. 1, 2, 4. Третий вырезал орла и монограмму Σ для монеты на рис. 1, 3.

Причем один из мастеров, работавший над реверсом, не был специалистом высокого уровня. Однако штемпель аверса для монет, в процессе производства которых он участвовал, оттиснут высокохудожественным, хотя и подрезанным штампом. Допускаем, что чекан лицевой стороны был привезен из Пантикапея, а штамп реверса был создан на месте, в удаленном от столицы центре, использовавшем эмиссионный символ «Δ» (рис. 1, 1).

Вполне возможно, что его предшественником был мастер, создавший чекан, оставивший свои

оттиски на реверсе монет на рис. 1, 2, 4. Что же касается оболы на рис. 1, 3, то в процессе его производства был привлечен третий мастер, оформивший как аверс, так и частично реверс.

Попытаемся осмыслить эти факты с целью выяснить причины появления символов «Δ» и «Е» на изучаемых монетах. Прежде всего, речь явно не должна идти об обозначениях дат выпуска монеты и не об указаниях на номинал. Напомним, нам известны монеты только с этими символами. И они, в свою очередь, являются дифферентами в полном смысле этого слова — кроме них никаких отличий в оформлении у монет не замечено¹⁰. Следовательно, «Δ» и «Е» — метки эмиссионных центров.

Сразу же заметим, что масштаб производства оболы в центре «Δ» был довольно значителен, причем центр находился достаточно далеко от столицы. Иначе его руководители запросили бы новый чекан аверса для монеты на рис. 1, 3, а не санкционировали его изготовление на месте. В то же время в центре «Е» использовали только штемпель, оформленный привезенной из столицы патрицей. А реверс его монеты оформлен штампом, изготовленным мастером, работавшим и на денежном дворе «Δ».

Следует акцентировать внимание на выявленном обстоятельстве. Лицевые стороны монет на рис. 1, 2, 4, с дифферентами «Δ» и «Е» на реверсе были оттиснуты весьма схожими чеканами. Скорее всего, они были сформованы одной и той же патрицей (Чореф, 2014. С. 328, рис. 1). Причем штемпели реверсов этих монет оформил первый мастер.

Попытаемся истолковать эти факты. Очевидно, второй и третий мастера работали только в эмиссионном центре «Δ». А первый поработал и на монетном дворе «Е». Причем он был специалистом высокого уровня. Объяснением этого явления может служить предположение, что именно он начал выпуск монет в центре «Δ». Вполне возможно, что у него учились второй и третий мастера. Позже по приказу властей он организовал производство оболы в центре «Е». Причем он привез с собой патрицу, использованную для формовки лицевой стороны выпускавшихся им монет. И, очевидно, не помог создать штемпели для оболы на рис. 1, 3. Все это позволяет прийти к

заключению, что центры «Δ» и «Е» были равноудалены как от столицы, так и друг от друга.

Перейдем к их локализации. Ранее мы допустили, что в первый год наместничества Махара на монетных дворах подконтрольной ему территории¹¹ были выпущены тетрадрахмы с монограммой ΞΕ на аверсе (Чореф, 2012а; 2018а. С. 117–121, рис. 4). Кроме нее на лицевой стороне монет размещены дифференты¹² «А» (Чореф, 2018а. Рис. 4, 1), «В» (Там же. Рис. 4, 2, 3), «Г» (Там же. Рис. 4, 4, 5), «Δ» (Там же. Рис. 4, 6), «Е» (Там же. Рис. 4, 7) и «Σ» (Там же. Рис. 4, 8). Полагаем, что дифферент «В» был эмиссионным символом монетного двора стратегии Боспор, включавшей в свой состав боспорские владения в Восточной Таврике. Обозначение «Г» размещали на монетах Гермонассы. А метку «Δ» оттискивали на выпусках Диоскуриады (Чореф, 2012а. С. 108, 109, рис. 1; 2012б. С. 53–54, рис. 5, 1–3). Развивая этот тезис, допустим, что дифферент «Е» размещали на монетах, выпущенных в эмиссионном центре стратегии с центром в Евпатории.

Эти допущения весьма перспективны. Они позволяют дать ответ на вопрос, почему в Херсонесе при Фарнаке II продолжился выпуск региональной монеты (Чореф, 2011. С. 255–257; 2012б. С. 51, рис. 4; Туровский, 2014. С. 307–310, рис. 1–4). Полагаем, что оболы общегосударственного образца чеканили в Евпатории.

Что же касается разменных монет Диоскуриады, то их появление было вполне ожидаемым. Дело в том, что на ее монетном дворе выпускали статеры Фарнака II (Чореф, 2012а. С. 108, 109, рис. 1, 3; 2012б. С. 53–54, рис. 5, 1–3). Полагаем, что и те, и другие шли на финансирование военных расходов, возникших во время похода в Понт.

Вполне возможно, что оболы этого эмиссионного центра чеканили как из меди (Анохин, 1986. С. 146. № 214; 1999. Рис. 27, 24; 2011. № 1124), так и

¹¹ Неслучайно на этих монетах отсутствует обозначение даты выпуска по понтийской (или боспорской) эре. Следовательно, их не выпускали на коронных землях Митридатидов. Полагаем, что их эмиссия прошла в память об установлении понтийского господства над территориями, отпавшими от Понта во время Первой и Третьей Митридатых войн (Чореф, 2018а. С. 121, прим. 33), а также в последние годы жизни и после гибели Митридата VI Евпатора Диониса.

¹² О том, что это именно дифференты, эмиссионные символы, а не указания на месяц выпуска или что-либо другое см. работу: Чореф, 2018а. С. 118–120.

¹⁰ Подробно этот вопрос разобран в работе: Чореф, 2012в.

из латуни или различных бронзовых сплавов. Допускаем, что в Диоскуриаде были монеты из доступного сырья.

Иное дело — монеты Евпатория. Вряд ли их эмиссия была обильной. Похоже, что мы имеем дело со сравнительно небольшой и явно непродолжительной эмиссией, предпринятой с пропагандистскими целями.

Этот вывод позволяет объяснить чеканку оболлов в Диоскуриаде и в Евпатории на вновь отлитых заготовках. Скорее всего, с их помощью Фарнак II информировал население округа эмиссионных центров и близлежащих регионов об установлении своего господства. Очевидно, что статеры из-за высокой стоимости и относительной редкости для этого не подходили.

Вряд ли удастся выявить оболочки типа «голова Аполлона / орел на молнии», отчеканенные на землях союзных племен. Да, Фарнак II выпустил статеры с дифферентами ♣ и ▲ (Чореф,

2012б. С. 51–53, рис. 4), которые также предназначались во многом для пропагандистских целей. Однако неразвитость денежных отношений на племенных территориях, жители которых отдавали предпочтение привычным денежным знакам, даже если они выпали из обращения на территории государств-эмитентов (Чореф, 2019), вряд ли могла подвигнуть царя наладить в их центрах производство широкой линейки платежных средств.

Конечно, исследование нельзя считать завершенным. Надеемся, что в обозримом будущем удастся выявить новые разновидности и ранее не изданные экземпляры оболлов типа «голова Аполлона / орел на молнии» с дифферентами на реверсе. Это позволит уточнить наши представления о порядке поступления их в обращение и, что куда важнее, о территориально-административном устройстве Боспорского государства в понтийский период его истории.

Абрамзон, Фролова, 2007–2008 — Абрамзон М. Г., Фролова Н. А. Корпус боспорских кладов античных монет. Симферополь; Керчь: АДФУ-Украина, 2007–2008. Т. 1. 872 с.

Анохин, 1986 — Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев: Наукова думка, 1986. 183 с.

Анохин, 1989 — Анохин В. А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1989. 158 с.

Анохин, 1999 — Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 249 с.

Анохин, 2011 — Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев: Стилос, 2011. 328 с.

Анохин, 2016 — Анохин В. А. Монеты Северного Причерноморья и царей Колхиды. Киев: Стилос, 2016. 216 с.

Бертъе-Делагард, 1911 — Бертъе-Делагард А. Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1911. Т. XXIX, отд. I. С. 117–232.

Бурачков, 1884 — Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса: Тип. А. Шульце, 1884. Ч. I. 321 с.

Голенко, 1960 — Голенко К. В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. II. С. 28–40.

Дюков, 1977 — Дюков Ю. Л. О монетной чеканке Боспора при Митридате Евпаторе // Прошлое нашей родины в памятниках нумизматики: Сб. ст. / Ред. В. М. Потин. Л.: Аврора, 1977. С. 156–160.

Зограф, 1951 — Зограф А. Н. Античные монеты. М.; Л.: АН СССР, 1951 (МИА; Вып. 16). 313 с.

Кёне, 1857а — Кёне Б. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1857. Т. I. 472 с.

Кёне, 1857б — Кёне Б. Описание музея покойного князя Василия Викторовича Кочубея (составлено по его рукописному каталогу) и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России, равно как царств: Понтийского и Босфора Киммерийского. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1857. Т. II. 466 с.

Орешиников, 1887 — Орешиников А. Монеты Восточного царства и древнегреческих городов находившихся в пределах нынешней России. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М.: Тип. и словолитня О. О. Гербека, 1887. Т. VII. 128 с.

Сапрыкин, 2009 — Сапрыкин С. Ю. Религии и культуры Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К., 2009. 426 с.

- Сапрыкин, 2016 — Сапрыкин С. Ю. Монеты типа «Артемида / олень» боспорского чекана митридатовского времени // ПИФК. 2016. № 4(54). С. 249–265.
- Сибирский, 1877 — Сибирский А. А. Безымянные тетрагалки со скифской лучней. Серебряные и медные деньги царя Фарнака. Монеты Римской гегемонии в Босфоре Киммерийском // ЗООИД. 1877. Т. X, отд. I. С. 26–55, табл. II.
- Смекалова, 2019 — Смекалова Т. Н. Новые данные о чеканке Боспора времен Митридата VI // ВДИ. 2019. № 79/3. С. 640–652.
- Смекалова, Дюков, 2001 — Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб.: СПбГУ, 2001. 202 с.
- Туровский, 2014 — Туровский Е. А. Монетное дело Херсонеса: между Митридатом Евпатором и императором Тиберием (63 г. до н. э. — 37 г. н. э.) // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2014. № 6: Время войны. Победители и побежденные. С. 307–314.
- Фролова, 1997 — Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). Ч. II: Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н. э. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 536 с.
- Фролова, 1998 — Фролова Н. А. К истории вопроса о монетном чекане на Боспоре в I в. до н. э. // Нумизматический сборник. Ч. XIII: Новейшие исследования в области нумизматики: Сб. ст. / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: Стрелец (Тр. ГИМ; Вып. 98). С. 14–41.
- Чореф, 2011 — Чореф М. М. Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным // Петербургский апокриф. Послание от Марка (сб., посвящ. памяти М. Б. Шукина): Сб. ст. / Отв. ред. О. В. Шаров. Кишинев: ВАШ, 2011. С. 247–259.
- Чореф, 2012а — Чореф М. М. Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2012. № 6: «Двенадцать»: магия дюжины. С. 105–111.
- Чореф, 2012б — Чореф М. М. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. Т. 22, № 7(126). С. 44–59.
- Чореф, 2012в — Чореф М. М. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн», как исторический источник // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2012. № 4: От Римского Лимеса до Великой Китайской Стены. С. 171–200.
- Чореф, 2014 — Чореф М. М. Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным // Российский археологический ежегодник. СПб.: ИИМК РАН, 2014. Т. 4. С. 323–365.
- Чореф, 2016 — Чореф М. М. К вопросу о дешифровке монограмм на боспорских монетах эпохи Митридата VI Евпатора Диониса // МАИАСП. 2016. № 8. С. 523–562.
- Чореф, 2018а — Чореф М. М. Афины под властью Митридата VI Евпатора Диониса: по данным нумизматики // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2018. № 6: Балансы истории: ценности и средства. С. 109–124.
- Чореф, 2018б — Чореф М. М. К просопографии Боспорского царства: по данным нумизматики // Stratum plus. Кишинев: ВАШ, 2018. № 4: Terra Barbarica и «неримская элита». С. 297–310.
- Чореф, 2019 — Чореф М. М. Звездовидная надчеканка I в. до н. э. на боспорском оболе III в. до н. э. как свидетельство межэтнических контактов населения Боспора и аспургиан // Русин. Кишинев: Общественная ассоциация «Русь», 2019. № 55. С. 34–43. DOI 10.17223/18572685/55/3.
- Чореф, 2020 — Чореф М. М. Монеты Пантикапея и Фанагории третьей четверти I в. до н. э. как источник исторической информации // МАИАСП. 2020. № 12. С. 710–733. DOI 10.24411/2713-2021-2020-00023.
- acsearch.info: 1 — Classical Numismatic Group, Inc. Auction Mail Bid Sale 72. Lot 690. Available at: <https://www.acsearch.info/search.html?id=308615> (accessed 10.08.2021).
- acsearch.info: 2 — Katz Coins Notes & Supplies Corp. eAuction 44. Lot 73. Available at: <https://www.acsearch.info/search.html?id=8248635> (accessed 10.08.2021).
- acsearch.info: 3 — Classical Numismatic Group, Inc. Electronic Auction 138. Lot 68. Available at: <https://www.acsearch.info/search.html?id=291067> (accessed 10.08.2021).
- de Callataj, 1997 — de Callataj F. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve: Département d'Archéologie et d'Histoire de l'Art; Séminaire de numismatique Marcel Hoc, 1997 (Publications d'Histoire de l'Art et d'Archéologie de l'Université Catholique de Louvan XCVIII. Numismatica Lovaniensia 18). 548 p.
- MacDonald, 2005 — MacDonald D. An Introduction to the History and Coinage of the Kingdom of the Bosphorus. Lancaster: Classical Numismatic Group, 2005 (Classical Numismatic Studies. No. 5). 152 p.
- SNG BM — Sylloge Nummorum Graecorum. The British Museum. London: British Museum Press, 1993. Vol. IX. P. 1. The Black Sea. 132 p.

Pantikapaion Obols of the type “head of Apollo / eagle on lightning” as a source of historic information

M. M. Choref¹³

Here interest is focused on obols of Pantikapaion of the type “head of Apollo / eagle on lightning”. Until presently, it has been accepted that these moneys were minted from coins of previous emissions. However, in the process of examination of the numismatic materials, we have revealed their two varieties struck from newly cast blanks with marks “Δ” and “Ε” on the reverse. Moreover, not marks of the date of issue are here involved. Indeed, nothing could have induced the authorities to issue carefully designed obols only for two, and moreover not the first, months of the year instead of the entire period of their emission. Much more probably is that these coins were minted in the territories where Pontic and Bosporan small change of previous series was not in circulation or was rare. We are dealing therefore with different, i.e. marks of particular mints.

Here it is supposed that the obols of the type “head of Apollo / eagle on lightning” were minted in order to make the composition of the money circulation more uniform and to obtain means for military expenditures. The very fact of the discovery of these coins with different “Δ” and “Ε” suggests that, during the rule of Pharnakos II, the regions lost after the death of Mithridates VI Eupator Dionysos returned to the composition of the Bosporan state. Dioskurias and Eupatorion were the centres of these territories. We suppose that the coins identified by us were struck after the subjection of Chersonesos and during the raid to the Pontus.

¹³ Mikhail Choref — Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky; 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russia; e-mail: choref@yandex.ru.

Стратификация погребений с оружием и всадническим снаряжением в могильниках самбийско-натангической культуры эпохи Великого переселения народов и раннемеровингского времени

М. М. Казанский¹

Аннотация. Для самбийско-натангической культуры эпохи Великого переселения народов и раннемеровингского времени, соответствующей эстиям, выявлено более 180 погребений с оружием и шпорами этого времени. Оружие как социальный маркер играет ограниченную роль, однако находки шпор, щитов и характерных поясов, а также наличие могил вождей свидетельствуют о формировании «воинской» цивилизации эстиев.

Annotation. For the Sambian-Natangian culture of the Migration Period and the Early Merovingian time, which corresponds to the Aestii, more than 180 burials with weapons and horse spurs of this time have been identified. Weapons play a limited role as a social marker, but the finds of spurs, shields and characteristic belts, as well as the presence of the graves of the leaders, testify to the formation of the “military” civilization of the Aestians.

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, раннее средневековье, самбийско-натангическая культура, оружие, погребения, стратификация.

Keywords: Great Migration Period, Early Medieval Period, Sambian-Natangian civilisation, weapons, burials, stratification.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-86-106

Основная задача данной работы — определить значение предметов вооружения и всаднического снаряжения в иерархии погребений самбийско-натангической культуры (культура Долькайм-Коврово) эпохи Великого переселения народов и раннемеровингского времени², что по хронологии западнобалтских древностей соответствует периодам D1: 350/360–375/400 гг.; D2: 375/400–430 гг.; D3: 430–450/500 гг.; E1: 450–520 гг.; E2a: 520–570 гг. (подробнее о хронологии см.: Скворцов, 2010. С. 180–183). По сведениям позднеантичных авторов VI в. на территории к востоку от Вислы,

на янтароносном побережье Балтики, в интересующую нас эпоху проживали эстии (*Aestii*) (Casiodorus, *Variarum* V.2, цит. по: Хенниг, 1961. С. 60, 61; Иордан, 2001. § 36), западные балты, которые по всеобщему признанию и являются носителями самбийско-натангической культуры.

Иерархия погребений с оружием у населения самбийско-натангической культуры

Здесь учтено более 180 введенных в научный оборот погребальных комплексов, принадлежность которых к интересующему нас периоду особых сомнений не вызывает (см. Список — номер погребения в тексте по списку обозначается Сп. № (табл. 1)). Вряд ли это полный список всех имеющихся на сегодняшний день самбийско-натангических погребений конца IV — середины VI в. с оружием, но количественно данная выборка является представительной. Значительная часть этих находок сведена в капитальной монографии

¹ Национальный центр научных исследований, UMR 8167 «Восток и Средиземное море»; ул. кардинала Лемуана, 52, Париж, 75005, Франция.

² Этот удобный и всем понятный термин широко употребляется и в археологии регионов, никогда в состав меровингского королевства не входивших, таких как Норвегия, Финляндия, Чехия.

Я. Прасолова, посвященной боевым ножам — скрамасаксам, которые и являются ведущим типом оружия в самбийско-натангийском погребальном контексте V–VI вв. (Prassolow, 2018). Среди специальных работ следует отметить статью О. А. Радюша и К. Н. Скворцова о щитах самбийско-натангийской культуры (Радюш, Скворцов, 2008). Также большое значение имеют современные публикации таких важных некрополей, как Долькайм-Коврово³ (Кулаков, 2004; 2007), Хюненберг-Рантау-Доброе (Кулаков, 2014), Варникам-Первомайское (Кулаков, 1997), Лаут-Большое Исаково (Skvorzov, 2007), давших значительное количество погребений с оружием.

Представляется важным установить место предметов вооружения и всаднического снаряжения (шпоры) в социальной иерархии самбийско-натангийских погребений V–VI вв., как это уже было сделано для захоронений римского железного века (Мастыкова, Юганов, 2019). Авторы данного исследования справедливо указали, что обряд захоронения и сопровождающий инвентарь в традиционных обществах зависят не только от социальной позиции погребяемого, но и от других обстоятельств: возраста, обстоятельств смерти, даже времени года в момент совершения обряда (Там же. С. 223, 224). Надо, конечно, помнить, что погребальный набор оружия может не соответствовать реальной паноплии воина, что отмечают исследователи практически для всех европейских древностей эпохи переселения народов и начала средневековья. Точно так же погребальная иерархия оружия может лишь частично совпадать с реальной социальной стратификацией конкретного коллектива.

В том что касается эпохи переселения народов и раннемеровингского времени, стратификация в погребальном обряде самбийско-натангийского населения замечена уже довольно давно. Здесь, в частности, выделены богатые «вождеские» могилы (Hilberg, 2009. S. 311–332; Skvortsov, 2013; Скворцов, 2016), и по географии их распространения предпринята попытка локализации властных центров

³ Для памятников, исследованных до 1945 г., дается немецкое название и современная русская апелляция населенного пункта. Для могильников, открытых после 1945 г., дается только русское название. Немецкое написание названий памятников дано в Списке.

той эпохи и предложена градация погребений (Казанский и др., 2017; 2018)⁴.

Уровень 1. «Привилегированные» погребения (рис. 1–3). Уровень 1a — условно «королевские» и «княжеские» могилы — на территории самбийско-натангийской культуры пока отсутствует. Зато хорошо представлены могилы уровня 1b, так называемые вождеские. Их характеризуют богатый инвентарь, в том числе «парадное» оружие с декором (рис. 1, 23–25), престижный конский убор (рис. 3, 1), изредка предметы из золота (рис. 2, 2), принесенные в жертву кони, в ряде случаев два и более (рис. 3, 3) (Митино, погребение № 33/43.2013 г., Шоссейное, погребение № 36.2012 г.). В качестве примеров таких захоронений можно назвать Варникам-Первомайское, погребения № 1 (рис. 1), 4, 65 (Сп. № 11), Экриттен-Ветрово (Сп. № 187), Вартен-Шоссейное, погребение № 36.2012 г. (рис. 3, 1) (Сп. № 31), Митино, погребение № 33/43.2013 г. (рис. 3, 3) (Сп. № 151), Кляйнхайде-Гурьевск, погребение № 21 (рис. 2) (Сп. № 106), Гаутен-Путилово, погребение 2014 г. (рис. 3, 2) (Сп. № 32). К этой же категории могут быть причислены находки без предметов вооружения, но с престижным конским убором (узды, седла), такие как Варенген (Warengen)-Котельниково, Кляйн Меденау (Klein Medenau)-Логвино, Коддин (Koddien) и погребение № 335 могильника Митино (Hilberg, 2009. S. 311–332; Skvortsov, 2013; Скворцов, 2016).

Уровень 2. Погребения «среднего класса» (рис. 4–7). В европейской археологии к этому «народному» уровню, соответствующему значительной, если не основной части населения, своего рода «среднему классу» варварского общества, обычно относят рядовые могилы с украшениями и деталями костюма из недорогих цветных металлов или даже железа (фибулы, браслеты, элементы ременной гарнитуры, булавки и пр.). В самбийско-натангийском ареале в мужских захоронениях присутствует оружие и/или всадническое снаряжение, чаще всего боевые ножи, копья, шпоры. Характерно также наличие сопровождающего конского захоронения или «замещающих» коня символических предметов (удил, скребниц).

⁴ Не представляется возможным использовать социальную стратификацию погребений, предложенную В. И. Кулаковым (Кулаков, 2003–2004). Его работа содержит много интересной информации, но критерии выделения страт четко не указаны, сама же их номенклатура на базе латинских терминов является полностью выдуманной.

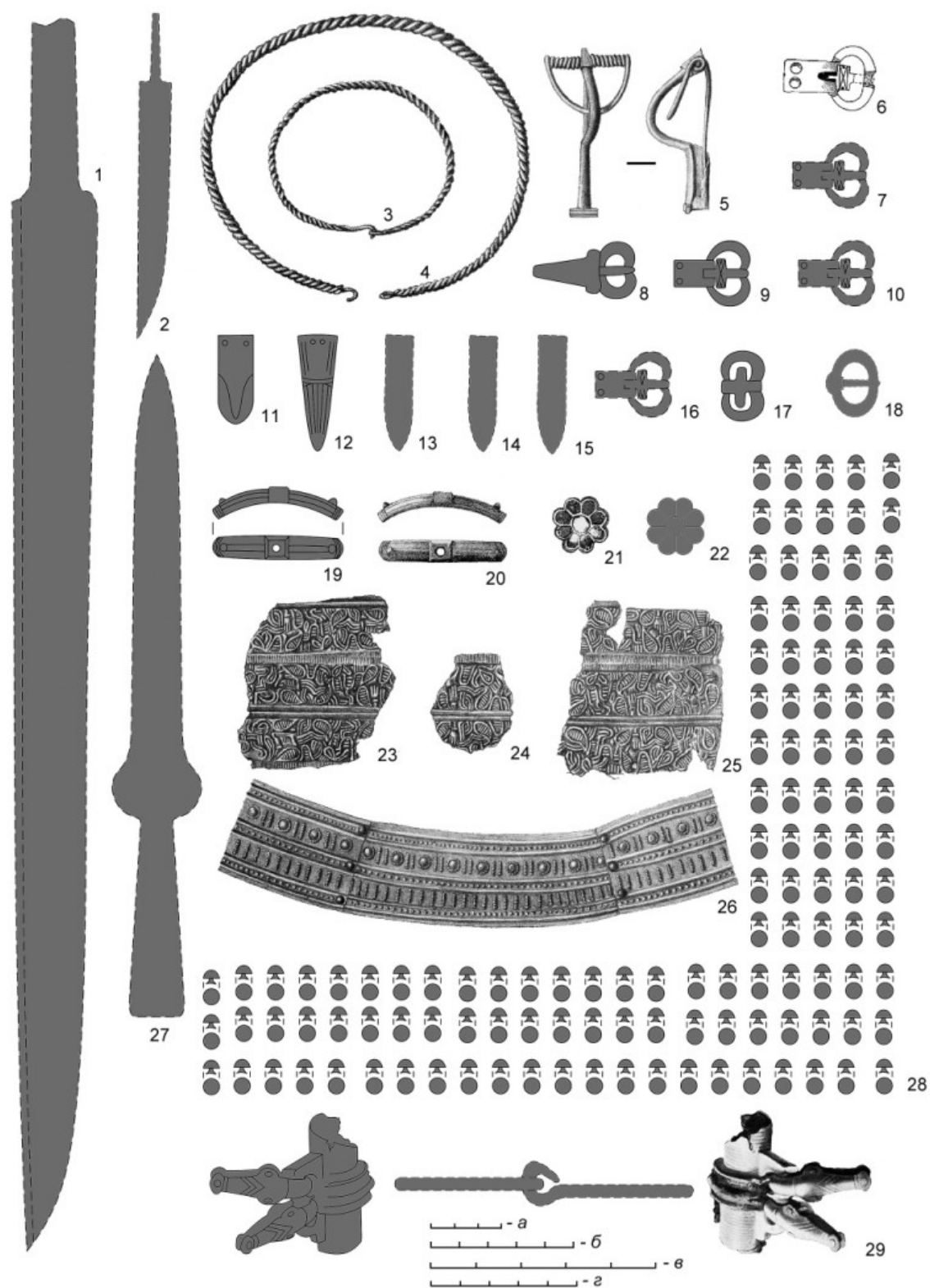

Рис. 1. Варникам-Первомайское, комплекс сопровождающего инвентаря из погребения № 1 (Скворцов, 2018. Рис. 1; 2). Масштаб: а — 1, 2, 27; б — 3-26; в — 28; г — 29

Fig. 1. Warnikam-Pervomayskoye, set of accompanying inventory from burial no. 1 (Скворцов, 2018. Рис. 1; 2). Scale: а — 1, 2, 27; б — 3-26; в — 28; г — 29

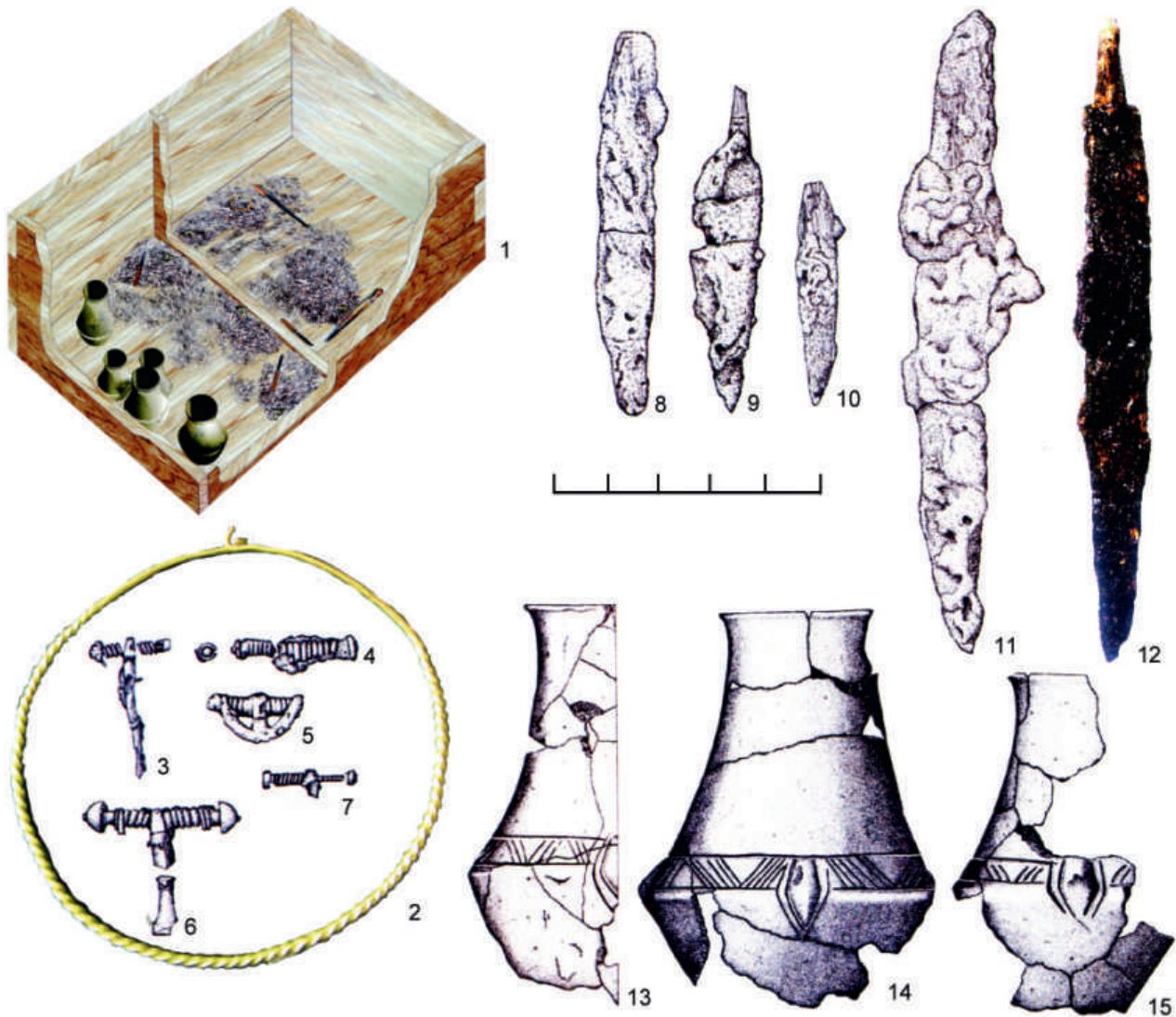

Рис. 2. Кляйнхайде-Гурьевск, погребение № 21: 1 — реконструкция; 2-15 — погребальный инвентарь (Skvortsov, 2013. Fig. 2)

Fig. 2. Kleinheide-Guryevsk, burial no. 21: 1 — reconstruction; 2-15 — grave goods (Skvortsov, 2013. Fig. 2)

Уровень 3. Погребения «низов». Сюда относятся погребения без погребального инвентаря, за исключением керамики. В принципе соотношение бедного погребального обряда и «низкой» социальной позиции может быть ложным — многое зависит от погребальных традиций конкретного населения. Кроме того, количество могил разных уровней в конкретных некрополях не отражает реального процентного соотношения гипотетических групп, поскольку ряд членов социума мог быть захоронен в другом месте или по археологически неуловимому обряду, или же вообще не подвергаться захоронению.

У эстив эпохи переселения народов и начала средневековья предметы вооружения и шпоры встречаются в погребальном контексте уровней 1 и 2, и по определению отсутствуют в могилах уровня 3, который объединяет безынвентарные или содержащие только керамику захоронения. При этом основная масса находок происходит из численно доминирующих могил уровня 2 («средний класс»). Эти захоронения помимо оружия и шпор содержат вполне типичный инвентарь: элементы костюма и личного убора (фибулы, ремennую гарнитуру, гривны, браслеты), керамику, отдельные бытовые предметы

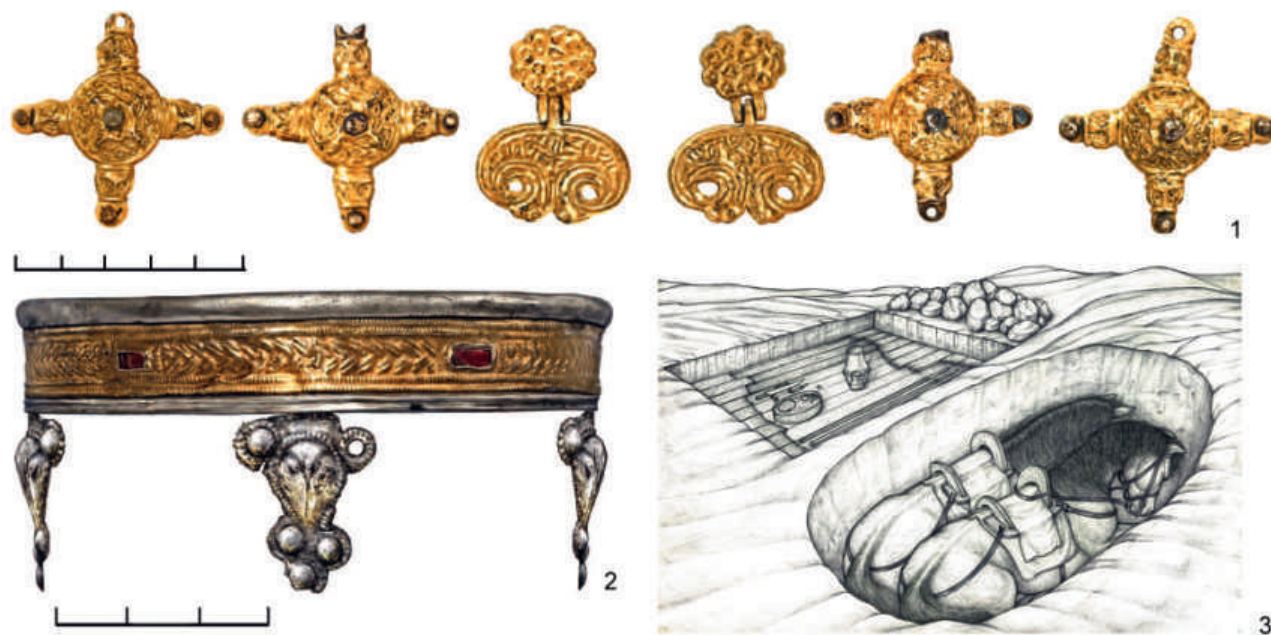

Рис. 3. «Вождеские» погребения: 1 — Вартен-Шоссейное, конская гарнитура из погребения № 36 (2012 г.); 2 — Гаутен-Путилово, оковка рога для питья из погребения (2014 г.); 3 — Митино, реконструкция погребения № 33/43 с жертвенными конями (Скворцов, 2016. Рис. 3; 4; 6)

Fig. 3. “Chieftains” burials: 1 — Warten-Shosseynoye, horse headset from burial no. 36 (2012); 2 — Gauten-Putilovo, horn goblet binding from burial (2014); 3 — Mitino, reconstruction of the burial no. 33/43 with sacrificial horses (Скворцов, 2016. Рис. 3; 4; 6)

(например ножи)⁵ (рис. 4, 1–3, 5, 7; 5, 1–19, 22, 24, 26, 27). Эти вещи разделяются лишь по степени ценности металла — серебро, бронзовый сплав, железо.

Что касается места в некрополе погребений с оружием и шпорами, то на некоторых могильниках они рассеяны по всей исследованной площади и не формируют выраженных скоплений. Это касается, например, таких некрополей, как Лаут-Большое Исаково (Prassolow, 2018. Abb. 29, 30) или Шлакалькен-3 (рис. 8, 1)⁶. В других

⁵ Присутствие в некоторых могилах с оружием таких «женских» индикаторов, как бусы и три и более фибулы (о гендерных признаках см.: Мاستыкова, Добровольская, 2013), можно рассматривать как свидетельство парного (мужского и женского) захоронения или же как заупокойный дар.

⁶ Материал этого могильника готовится мной к публикации. Пользуюсь случаем поблагодарить К. Скворцова за обширную информацию о памятнике, Х. Неймеера за любезно предоставленную возможность ознакомиться с документацией и находками, храниющимися в Музее пре- и протоистории в Берлине, а также Ф. Хильберга, предоставившего в мое распоряжение электронную версию архива Ф. Якобсона.

случаях удастся выявить зоны концентрации погребений с воинской экипировкой. Я. Прасолов показал это на примере могил с боевыми ножами для некрополей Корейтен-Путилово, Коврово-Долькайм, Гребитен-Окунево (*Ibid.* Abb. 23–28). В некрополе Детлевсру-Песчаное два выявленных погребения с оружием располагаются в западной части раскопанной площади (Hollack, 1914. Taf. XXV) (рис. 8, 2). На могильнике Хюненберг-Рантау-Доброе, судя по опубликованному плану (Кулаков, 2014. Рис. 4), «воинские» погребения довольно рассеяны, однако их более всего в северо-западной и северо-восточной частях могильника. Трудно говорить, соответствуют ли выявленные концентрации таких могил каким-то реальным социальным группам (семьям? кланам?) — в каждом случае необходимо отдельное исследование, которое учтет и другие аспекты конкретного погребального контекста (например, данные биоархеологии).

Необходимо отметить и неравномерность богатства погребального инвентаря в разных некрополях. Эта разница отчетливо выступает и в вооруженности, например, в могильниках Митино (Скворцов, 2010) или Заостровье-1 (Казанский и др., 2018) оружия крайне мало или нет совсем

в сравнении с некрополем Варникам-Первомайское, где оно встречается гораздо чаще (Кулаков, 1997). Проявляются разница и в богатстве инвентаря на разных участках одного и того же некрополя, как это видно на примере могильника Митино, где богатые могилы были выявлены в результате позднейших раскопок (Скворцов, 2016) уже после публикации основной части памятника (Скворцов, 2010).

Оружие в варварских социумах

К сожалению, гипотетическая картина, созданная на основании исключительно археологических данных, не может быть проверена данными письменных источников. Действительно, первые сведения о социальной структуре эстиев восходят лишь к IX в., а именно к свидетельству скандинавского мореплавателя Вульфстана, приведенному в так называемой Орозии короля Альфреда. Вульфстан, непосредственно посетивший интересующий нас регион, сообщает, что у эстиев есть много городов, в них проживают короли (*cyninge*), имеются «богатые» люди (*ricostan men*), а также беднота и рабы, различающиеся по степени богатства и некоторым деталям образа жизни («Орозий короля Альфреда», цит. по: Матузова, 1979. С. 26). Если знать, а также бедняки и рабы гипотетически опознаются в нашем археологическом материале (уровни 1 и 3), то Вульфстан не говорит ни слова о «среднем классе». Кроме того, надо помнить, что социальная ситуация в V–VI вв. могла коренным образом отличаться от реалий IX в.

Очень часто в варварских социумах Европы в античное время и в средневековье ношение оружия было символом равноправия и личной свободы. Так, галлы в конце III — первой половине II в. до н. э. (Тит Ливий, 1991. XXI.20) и германцы в I в. н. э. (Тацит, 1969. § 11) присутствовали на народных собраниях вооруженными. У славянопоморян в начале XII в., согласно «Житию Св. Оттона», участники народных сходов должны были являться с копьями, что подчеркивало равенство собравшихся (Гильфердинг, 2013. С. 158).

Тем не менее право на ношение оружия не было одинаковым у всех народов. Так, по крайней мере, в военное время допуск к оружию клавиров (Прокопий, 1950. Кн. III, 14.1.9–11) и герулов получали даже рабы (военнопленные), при этом у герулов наблюдается и иерархия предметов вооружения: рабы имели право носить щит лишь в качестве награды за боевые заслуги (Прокопий, 2001. Кн. II,

Рис. 4. Сопровождающий инвентарь из могильника Долькайм-Коврово: 1–3 — погребение № 108; 5–7 — погребение № 109 (Prassolow, 2018. Taf. 13)

Fig. 4. Dollkeim-Kovrovo, accompanying inventory: 1–3 — burial no. 108; 5–7 — burial no. 109 (Prassolow, 2018. Taf. 13)

XXV.28)⁷. Известны и прямо противоположные примеры. В эпоху Тацита скандинавские свионы имели доступ к оружию только в период военных действий, в мирное же время складированное оружие охранял раб (Тацит, 1969. § 44). Показательно также, что у лангобардов отпущение рабов на волю сопровождалось обрядами, включавшими прижатие к телу стрелы (символическое убийство с последующим перерождением?) (Paul Diacre, 1994. I.13), что снова подчеркивает связь оружия с социальным статусом. Эти примеры демонстрируют нам, с какой осторожностью следует привлекать внешние исторические и этнографические параллели для реконструкций роли оружия в погребальной символике древних эстиев.

⁷ Кстати, по Прокопию, герулы (Там же), склавини и анты (Прокопий из Кесарии. Война с готами. Кн. III, 14.25, 26) идут в бой без защитного вооружения, за исключением щитов. Может быть, речь идет о некоем «воинском транссе», определяющем стереотип «героического» поведения?

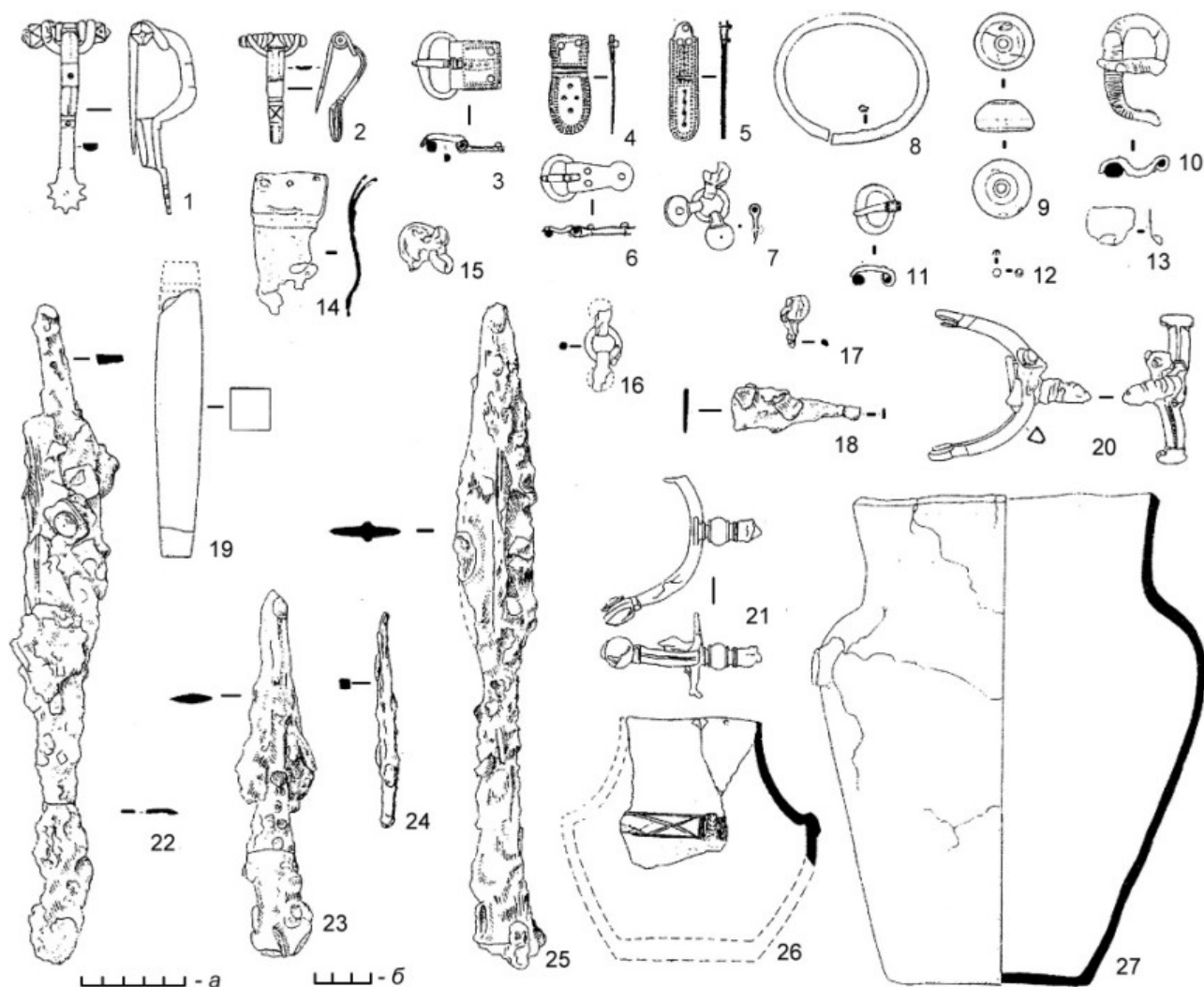

Рис. 5. Долькайм-Коврово, сопровождающий инвентарь из погребения № 370 (Кулаков, 2007. Рис. 218). Масштаб: а — для 1–25, б — для 26, 27

Fig. 5. Dollkeim-Kovrovo, accompanying inventory from burial no. 370 (Кулаков, 2007. Рис. 218). Scale: а — for 1–25, б — for 26, 27

Набор оружия и всаднического снаряжения самбийско-натангйской культуры в эпоху переселения народов и раннемеровингское время

При обращении к номенклатуре оружия, представленного в интересующих нас захоронениях, легко заметить, что погребальный набор оружия для уровней 1 и 2 одинаков, то есть не зависит от статуса погребенного. Чаще всего встречаются боевые ножи — скрамасаксы⁸ (рис. 1, 1; 2, 12; 4, 4; 6, 1), копья (рис. 1, 27; 5, 23,

25; 6, 3; 7, 1), шпоры (рис. 1, 19, 20; 4, 6; 5, 20, 21), щиты (рис. 7, 2, 3). При этом доминируют погребения со скрамасаксами, которые нередко сопровождаются другими видами оружия и шпорами. На втором месте находятся погребения с копьями, иногда в сочетании со щитами, топорами, боевыми ножами, шпорами. Сочетание щит–копье, типичное для многих европейских варваров того времени, встречено неоднократно. Прочитерем такие находки, как Долькайм-Коврово, погребения № 1к, 18, 59, 362 (Сп. № 66, 67, 68, 97), Гребитен-Окунево 1, погребение № 52 (S) (Сп. № 44), Грейбау-Люблино-Краснополье, погребение № 63 (№ 56); Грос-Шаусгартен-Березовка, погребение

⁸ Вслед за Я. Прасоловым здесь учтены все ножи с долем, даже со сравнительно коротким клинком.

№ 1 (Сп. № 60), Гаутен-Путилово, погребение 2014 г. (Сп. № 32), Хюненберг-Рантау-Доброе, погребение № 31к (рис. 7, 1–3) (Сп. № 176), Трентиттен-Зайцево, погребение № 1 (Сп. № 166). Такой набор в самбийско-натангийском контексте более типичен для эпохи переселения народов, то есть периода D, однако встречается и в период E1, например, в погребении № 52 могильника Гребитен-Окунево 1 (S) (Сп. № 44).

Социальные маркеры (?) погребений воинов

Создается впечатление, что в отличие от германской культурной традиции в погребальном обряде эстиев конца античности и начала средневековья типы оружия, представленные в могилах с воинской экипировкой, не играют особой знаковой роли. Однако обращает на себя внимание повсеместное распространение скрамасаксов. Не исключено, что их присутствие в могилах играет особую знаковую роль, подчеркивающую свободный и равноправный статус их владельца. Впрочем, эта гипотеза требует более развернутой аргументации.

Помещение в могилу щитов тоже может иметь особое значение — ведь это «профессиональное» оружие, которое используют на войне, не в мирной повседневной жизни. Помимо уже перечисленных могил с копьем и щитом здесь стоит назвать также погребение Варникам-Первомайское № 60, где щит не сопровождался другими предметами вооружения (№ 23), а также погребение № 61 того же могильника, где вместе со щитом в могилу был помещен скрамасакс (№ 24).

Шпоры, хорошо представленные в захоронениях эстиев (рис. 1, 19, 20; 4, 6; 5, 20, 21), у германцев в погребальном контексте играют роль социального индикатора (Hedeager, 1992. P. 159, 160). Показательно, что на соседней с самбийско-натангийским ареалом германской территории в погребениях вельбаркской культуры римского времени, где оружие встречается крайне редко, шпоры хорошо представлены (см. подробнее: Kokowski, 1993; Skóra, 2008). У эстиев эпохи переселения народов и раннемеровингского времени шпоры в погребениях, не сопровождавшиеся какими-либо другими видами оружия или воинской экипировки, были найдены в ряде случаев: Долькайм-Коврово, погребение № 279 (Сп. № 92), Грейбау-Люблино-Краснополье, погребение № 211 (Сп. № 58), Хюненберг-Рантау-Доброе, погребения № 62, 35к (Сп. № 171, 177), Митино, погребение № 226 (Сп. № 150), Ше-

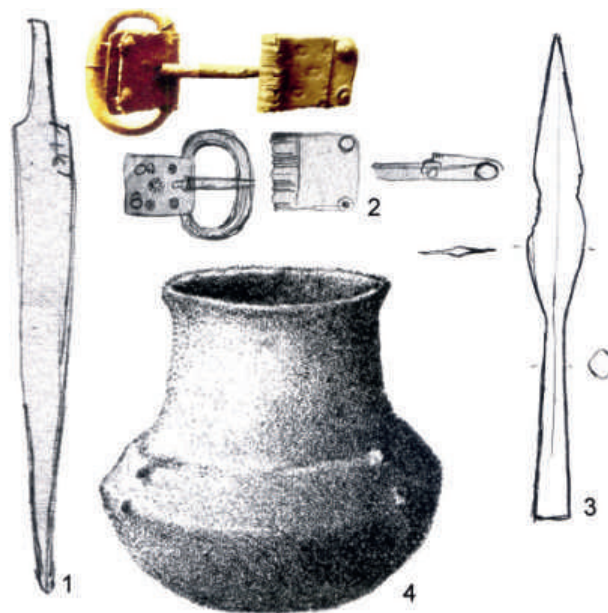

Рис. 6. Долькайм-Коврово, сопровождающий инвентарь из погребения № 111 (Prassolow, 2018. Taf. 15)

Fig. 6. Dollkeim-Kovrovo, accompanying inventory from burial no. 111 (Prassolow, 2018. Taf. 15)

раппен-Люблино, погребение № 13 (Сп. № 179), Варникам-Первомайское, погребения № 30, 59 (Сп. № 17, 22), Зопен-Суворово, погребения № 30, 61, 319 (Сп. № 99, 100, 101). В иных случаях находки шпор происходят из могил с другими видами воинского снаряжения, в первую очередь со скрамасаксами и копьями, реже со щитом: Долькайм-Коврово, погребения № 109 (Y), 370 (Сп. № 73, 98), Гребитен-Окунево 1, погребение № 134 (N), погребение № 15 (S), погребение № 43 (S) (Сп. № 37, 41, 43), Лаут-Большое Исаково, погребение № 23 (Сп. № 129), Полвиттен-Ровное, погребение № 8 (M2) (Сп. № 153), Варникам-Первомайское, погребения № 1, 31 (9), 49 (Сп. № 11, 18, 50).

Еще одним элементом, связанным с воинской культурой эпохи переселения народов, являются так называемые самландские⁹ поясные гарнитуры с гравированным, в том числе звездчатым, декором, включавшие обычно пряжки и наконечники ремней (рис. 4, 2, 3; 5, 4, 5) (Bitner-Wróblewska, 2001, P. 109–115; Кулаков, 2010). Эти пояса по происхождению связаны, скорее всего, с западноримскими «воинскими» поясами (Там же. С. 118), они датируются концом IV — первой третью V в., и,

⁹ Название «Самланд», наряду с «Земланд», утвердилось в русской специальной литературе еще в дореволюционное время.

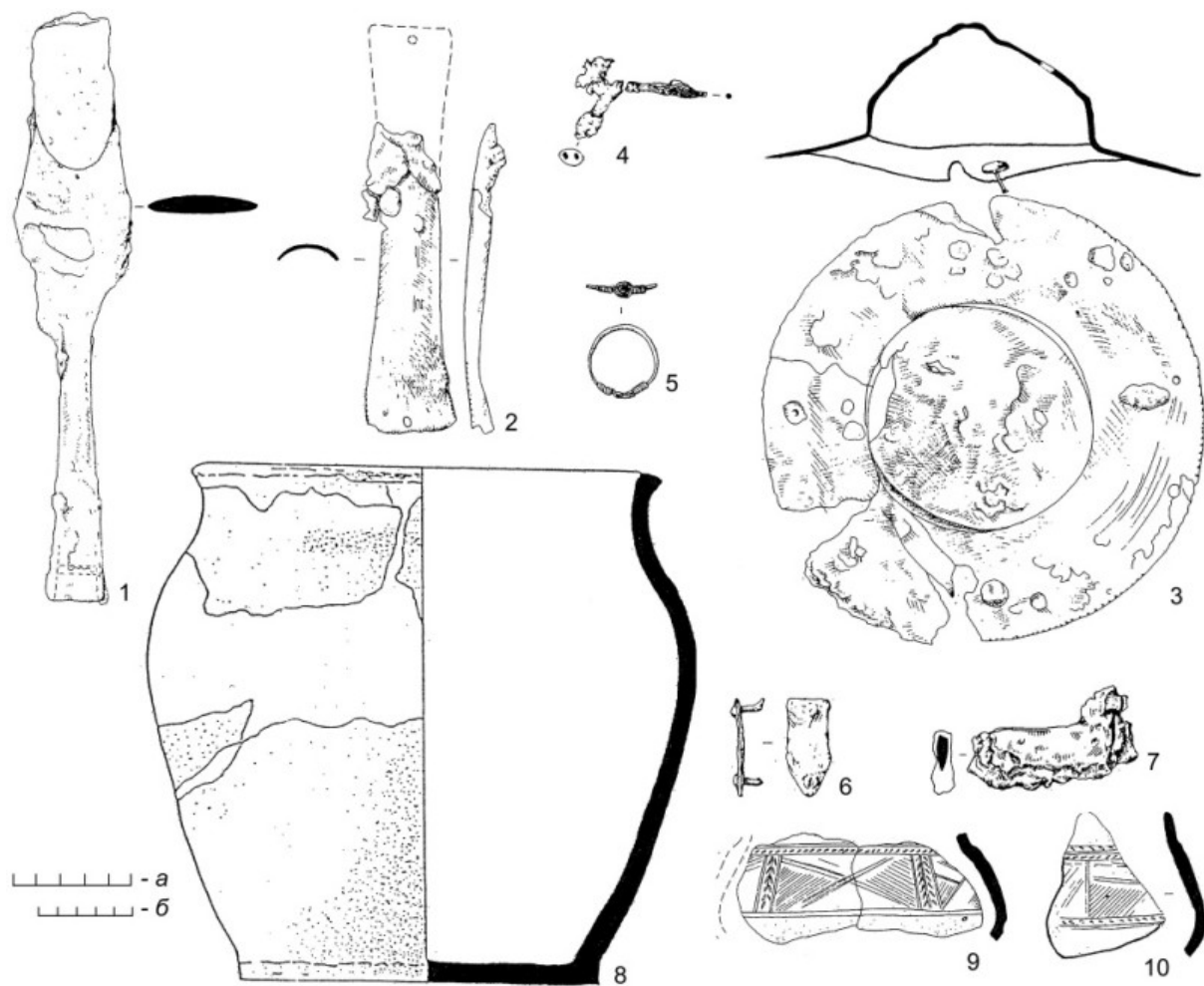

Рис. 7. Хюненберг-Рантау-Доброе, сопровождающий инвентарь из погребения № 31к (Кулаков, 2014. Рис. 95). Масштаб: а — для 1–7, 9, 10; б — для 8

Fig. 7. Hünenberg-Rantau-Dobroye, accompanying inventory from burial no. 31k (Кулаков, 2014. Рис. 95). Scale: а — for 1–7, 9, 10; б — for 8

вероятно, их прототипы попадают к эстиям по каботажному пути вдоль побережья Северного моря и Балтики (подробнее: *Казанский, Мастыкова*, 2013. С. 101, 102). Эти пояса обнаружены на ряде самбийско-натангийских памятников (*Bitner-Wróblewska*, 2001. Р. 111, 115; *Кулаков*, 2010. С. 113), в том числе в погребениях с оружием и/или шпорами: Варникам-Первомайское, погребения № 30, 60 и, может быть, 59 (Сп. № 17, 22, 23), Долькайм-Коврово, погребения № 108, 124, 146, 163, 164, 370 (Сп. № 72, 76, 78, 83, 84, 98), Грейбау-Люблино-Краснополье, погребение № 63 (Сп. № 56), Шераппен-Люблино, погребение № 41 (Сп. № 180), Тенген, погребение № 28 (Сп. № 159). Показательно, что в отдельных случаях эти пояса в погребениях соседствуют со шпорами: Варникам-

Первомайское, погребение № 31 (Сп. № 18), Долькайм-Коврово, погребение № 370 (Сп. № 98). Впрочем, известен и ряд находок элементов «самландской» поясной гарнитуры в погребениях без предметов вооружения, например, Варникам-Первомайское, погребения № 15, 25 (*Кулаков*, 1997. С. 145), Долькайм-Коврово, погребения № 140, 161 (*Кулаков*, 2004. С. 23, 24). Некоторые из этих могил содержат и предметы женского убора (Варникам-Первомайское, погребение № 25, Долькайм-Коврово, погребения № 140, 161), однако без антропологических данных говорить о количестве и половозрастном распределении погребенных в этих могилах затруднительно. Помимо поясов самландского типа также к числу позднеримских относятся гарнитуры, состоящие из

пряжки с овальной рамкой, выступающей за прямоугольную обойму, и прямоугольного наконечника с валиком. Они были найдены в погребениях с оружием Долькайм-Коврово 111 (рис. 6, 2) (Сп. № 74) и Гребитен 134 (N) (Сп. № 37). Их прототипами могли быть некоторые западноримские пояса (ср. например: *Sommer*, 1984. Taf. 39, 8, 9; 41, 15, 16; 59, 3, 4).

Признаки «вождеских» захоронений

В самбийско-натангийских погребениях с оружием эпохи переселения народов и раннемеровингского времени нет особых престижных типов оружия, таких как, например, меч у германцев, прибалтийских финнов, восточных балтов или позднее, с конца VIII — начала IX в., у славян (Хорватия, Великая Моравия). Роль престижных символов в сопровождающем инвентаре играют декор на «парадном» оружии, богатый конский убор или отдельные статусные предметы.

Декор на ножнах и рукояти скрамасаксов отмечен в таких погребениях, как Экриттен-Ветрово (Сп. № 187), Тенген, погребение № 9 (Сп. № 157), Варникам-Первомайское, погребения № 1, 4 (рис. 1, 23–25) (Сп. № 11, 12). При этом на оружии из Варникам-Первомайское декор принадлежит германской традиции (*Скворцов*, 2018. С. 166–169) и, скорее всего, отражает культурную, а может быть, и политическую ориентацию западнобалтских воинских элит.

Престижный конский убор (рис. 1, 29; 3, 1) представлен в погребениях с оружием: Варникам-Первомайское, погребение № 1 (Сп. № 11), Вартен-Шоссейное, погребение № 36.2012 г. (Сп. № 31). Это обкладки седел, накладки ременной гарнитуры, удила. Как и декор на оружии, орнамент конского убора также имеет германское происхождение (*Skvorzov, Pesch*, 2011; *Скворцов, Хохлов*, 2014. С. 155; *Скворцов, Пеш*, 2018; *Скворцов*, 2019). Удила из погребения № 1 могильника Варникам-Первомайское (Сп. № 11) (рис. 1, 29) напоминают находки из привилегированного погребения № 19 в тюрингском могильнике и Гроссорнер (*Grossöfner*), а также удила из гепидского «княжеского» погребения № 2 трансильванского могильника Арахиды (*Arahida*) (см.: *L'Or des princes barbares*, 2000. No. 29, 17, 18; 34, 3), что свидетельствует о центральноевропейских импульсах в «вождеской» культуре эстиев.

Престижные вещи личного убора. Речь идет о золотом браслете из погребения № 21 могильника Кляйехайде-Гурьевск (рис. 2, 2) (Сп. № 106).

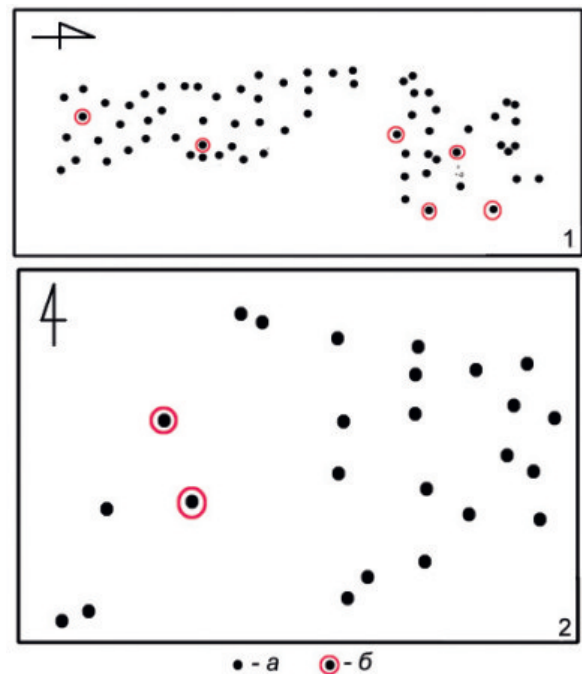

Рис. 8. Планиграфия погребений в могильниках Шлаккалькен 3 (1) и Песочное (2) (а — захоронения без оружия; б — захоронения с оружием)

Fig. 8. Schlakalken 3 (1), Detlevsruh/Pesochnoye (2). Plans of burials (a — burials without weapons; б — burials with weapons)

Насколько мне известно, для рассматриваемого здесь периода это единственная золотая вещь в самбийско-натангийских погребениях с оружием.

Рога для напитков (рис. 1, 26). Они обнаружены в могилах с оружием Долькайм-Коврово, погребение № 370 (Сп. № 98), Гаутен-Путилово, погребение 2014 г. (Сп. № 32), Варникам-Первомайское, погребения № 1, 31, 61, может быть, № 65 (Сп. № 11, 18, 24, 25). В. И. Кулаков связывает их, вслед за другими исследователями, с «вождеской» символикой варварской Европы (*Кулаков*, 2017. С. 138, 140). В периоды D и E (то есть с 350/360 по 650/675 гг.) рога в качестве сосудов, по данным Я. Анджейовского, известны в Самбии, Мазурии, на территории Литвы и Латвии, на острове Готланд, в Южной Норвегии, Средней Швеции и финской Остроботнии. Для эпохи переселения народов, особенно для поздней фазы, на балтских территориях, кроме самбийско-натангийской зоны, показательны находки в «вождеских» и «воинских» погребениях в Таурапилисе (*Taurapilis*), Видгиряе (*Vidgiriai*), Плинкайгалисе (*Plinkaigalis*), Новинке (*Nowinka*) (*Andrzejowski*, 1991). Находки этих рогов связаны с мужскими погребениями.

Зато рог V–VI вв. из погребения № 39 западноли-товского могильника Рубокен-Рубокай (Ruboken/Rubokai) был найден вместе с предметами жен-ского убора, такими как бусы, браслеты, спира-левидные пронизки (подробнее: *Казанский и др.*, 2018. С. 20, 21). Отметим также находку рога в погребении № 18.3 на могильнике Заостровье-1, которое определено антропологами как женское (*Там же*. С. 110, 111).

Помимо предметов сопровождающего инвен-таря на особый статус некоторых могил с оружи-ем указывают некоторые особенности погребаль-ного обряда. Так, «вождеские» погребения Мити-но 33/43.2013 г. (Сп. № 151), Вартен-Шоссейное 36.2012 г. (Сп. № 31) сопровождалась захоронени-ем двух и более коней (рис. 3, 3), что в европейском Барбарикуме того времени является признаком престижности погребений (подробнее: *Казан-ский*, 2021, там же библиография). Наличие кон-ских захоронений в более ранних раскопках дру-гих «вождеских комплексов» могло не отмечаться, многие из них восстановлены по музейным кол-лекциям и зарисовкам вещей, а описание могил отсутствует или крайне лаконично. Обращает на себя внимание и конструкция некоторых погреб-альных сооружений с престижным инвентарем. Это довольно большие деревянные ящики, ино-гда с каменным закладом, в которые помещались

остатки кремаций (рис. 2, 1; 3, 3): Митино погреб-ение № 33/43.2013 (Сп. № 151), Гурьевск-Кляйн-хайде, погребение № 21(Сп. № 106), Вартен-Шос-сейное, погребение № 36.2012 г. (Сп. № 31).

* * *

Итак, в погребениях самбийско-натангийской культуры эпохи Великого переселения народов и раннемеровингского времени оружие играет ограниченную роль как социальный маркер и присуще значительной, если не основной части мужских захоронений. Наличие в погребениях «профессионального» оружия и всаднического снаряжения (щитов, шпор) однозначно свиде-тельствует о том, что среди эстив были люди, владеющие этой экипировкой профессиональ-но. Распространение моды на пояса, восходящие к позднеримской воинской традиции, а также присутствие в погребениях шпор могут свиде-тельствовать о появлении «воинской» культуры, по своим внешним признакам напоминающей германскую. Может быть, стоит говорить о нача-ле формирования постоянного контингента во-инов-профессионалов (дружина)? В то же время по ряду признаков выделяются погребения вож-дей, скорее всего осуществлявших военные функ-ции, что в погребальном инвентаре подчеркива-ется наличием «парадного» оружия и конского убора.

Таблица 1. Список погребений самбийско-натангийской культуры с оружием и шпорами. Эпоха переселения народов и раннемеровингское время (375/400–520/570 гг.)

Table 1. List of Sambian-Natangian culture burials with weapons and spurs. The Great Migration epoch and early Merovingian period (375/400–520/570 AD)

№ п/п	Название могильника	Погребение, № или название	Оружие и воинский инвентарь, найденные в погребении	Публикация
I	II	III	IV	V
1	Айслитен (Eisliethen)-Геройское	17	Копье. Возможно сопровождалось конским захоронением (найден скребница)	<i>Nowakowski</i> , 1996. Taf. 53, 12–14
2		43	Боевой нож, копье	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 234, taf. 32.
3		90	Боевой нож	<i>Ibid.</i> S. 234, taf. 33, A
4		194	Копье	<i>Nowakiewicz</i> , 2011. № 39, Eisliethen 005
5		224	Боевой нож, копье	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 234, taf. 33, B
6		237	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 234, taf. 34, A
7		257	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 234, taf. 34, B
8		39 (M3)	Боевой нож	<i>Ibid.</i> S. 235, taf. 34, C
9	Арнау (Arnau)-Марьино	2	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 213
10	Блудай (Bludau)-Кострово	10	Боевой нож, небольшое копье	<i>Ibid.</i> S. 214, taf. 1

Таблица 1. Продолжение

I	II	III	IV	V
11	Варникам (Warnikam)- Первомайское	1	Боевой нож, копьё, шпоры. Сопровождалось конским захоронением с престижным убором	Кулаков, 1997. С. 144, рис. 3; Hilberg, 2009. S. 311–317, abb 9.5–9.8; Скворцов, 2018. С. 162, 163
12		4	Боевой нож или другое клинковое оружие, копьё. Сопровождалось конским захоронением с удилами	Кулаков, 1997. С. 144, 145, рис. 4; Hilberg, 2009. Abb. 9.10; Скворцов, 2018. С. 163–166
13		8	Копьё, шит (умбон и манипула). Возможно, сопровождалось конским захоронением (найден скребница)	Кулаков, 1997. С. 145, рис. 5
14		16	Боевой нож	Prassolow, 2018. S. 282, taf. 85, D
15		19	Боевой нож	Кулаков, 1997. С. 145; Prassolow, 2018. S. 282, taf. 85, E
16		27	Боевой нож, два или три копья	Prassolow, 2018. S. 282, taf. 85, F
17		30	Шпоры	Кулаков, 1997. С. 145, рис. 8
18		31 (9)	Боевой нож, шпоры. Возможно, сопровождалось конским захоронением (найденны удила)	Кулаков, 1997. С. 145, 146, рис. 8; Кулаков, 2010. С. 113, рис. 3; Prassolow, 2018. S. 282, 283, taf. 86
19		34 (47)	Боевой нож, два копья	Кулаков, 1997. С. 146, рис. 9; Prassolow, 2018. S. 283, taf. 87, 88
20		49	Копьё (дротик), шпора	Кулаков, 1997. С. 146, рис. 10
21		55А	Боевой нож, копьё	Там же. С. 146, рис. 11
22		59	Шпоры	Там же. С. 146, рис. 11
23		60	Умбон щита	Там же. С. 146, рис. 12
24		61	Боевой нож, умбон щита	Кулаков, 1997. С. 147, 147, рис. 12; Prassolow, 2018. S. 283, taf. 89
25		65	Копьё	Кулаков, 1997. С. 146, рис. 12
26		67 (3)	Боевой нож, копьё	Prassolow, 2018. S. 283, 284, taf. 90, A
27		79 (15)	Боевой нож, копьё. Возможно, сопровождалось конским захоронением (найденны удила)	Prassolow, 2018. S. 284, taf. 90, B
28		82	Боевой (?) нож	Кулаков, 1997. С. 147, Рис. 13
29		GG-1	Боевой нож, копьё	Prassolow, 2018. S. 284, 285, taf. 91, A
30		Вартен (Warthen)- Шоссейное	SH-25	Боевой нож, копьё
31	36. 2012 г.		Два копья. Сопровождалось конскими погребениями с богатым убором	Скворцов, Хохлов, 2014; Скворцов, 2016. С. 153–144, рис. 4
32	Гаутен (Gauten)- Путилово	2014 г.	Три топора, копьё, умбон щита	Скворцов, 2016. С. 156, 157
33	Гойтнен (Goythenen)- Геройское	1	Боевой нож	Prassolow, 2018. S. 237, taf. 35, A
34	Гребитен (Grebieten)- Окунево I	58 (N)	Боевой нож	Ibid. S. 238, 239, taf. 35, B
35		65 (N)	Боевой нож, копьё, дротик	Nowakowski, 1996. Taf. 38, 2–4; Prassolow, 2018. S. 239, taf. 35, C
36		113 (N)	Копьё	Кулаков, 2016. С. 19, 20, рис. 8, 9
37		134 (N)	Боевой нож, шпоры, два копья	Nowakiewicz, 2011. No. 54, Grebieten 025; Prassolow, 2018. S. 239, taf. 36
38		V (S)	Два боевых ножа, два копья	Prassolow, 2018. S. 239, 240, taf. 35, B

Таблица 1. Продолжение

I	II	III	IV	V
39	Гребитен (Grebieten)- Окунево 1	K (S)	Боевой нож, два копья	<i>Ibid.</i> S. 239, 240, taf. 37, A
40		Σ (S)	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 240, taf. 37, B
41		15 (S)	Боевой нож, копье, фрагмент умбона щита (?), шпоры	<i>Ibid.</i> S. 240, taf. 38, A
42		23 (S) (J. Heydeck)	Копье, боевой (?) нож	<i>Nowakiewicz</i> , 2011. № 54, Grebieten 002
43		43 (S) (J. Heydeck)	Два копья, умбон, боевой нож, шпоры	<i>Bujak</i> , 1886–1887. Taf. VIII; <i>Радюш</i> , <i>Скворцов</i> , 2008. С. 142, 143; <i>Nowakowski</i> , 1996. Taf. 39; <i>Nowakie-</i> <i>wicz</i> , 2011. № 54, Grebieten 019
44		52 (S)	Боевой (?) нож, копье, щит	<i>Кулаков</i> , 2016. С. 21–23, рис. 8, 9
45		118 (S)		<i>Prassolow</i> , 2018. S. 240, 241, taf. 38, B
46		173 (S)	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 241, taf. 39, A
47		197 (S)	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 241, taf. 39, B
48		203 (S)	Два боевых ножа	<i>Ibid.</i> S. 241, taf. 40, A
49		4 (1907)	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 241, 242, taf. 40, B
50		30 (1907)	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 242, taf. 41, A
51		(1907)	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 242, taf. 41, B
52		93A (1907)	Боевой нож, два копья	<i>Ibid.</i> S. 242, taf. 41, C
53		109 (1907)	Боевой нож, два копья. Сопровождалось конским захоронением с удилами	<i>Ibid.</i> S. 242, 243, taf. 40, B
54		XII (1907)	Боевой нож, копье	<i>Nowakiewicz</i> , 2011. № 54, Grebieten 046
55		XXI (80) (1907)	Боевой нож, копье	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 241, 242, taf. 42, A
56		Грейбау (Greibau)- Люблино-Краснополье	63	Два копья, умбон и манипула щита
57	200 (ZA)		Боевой нож. Вероятно, сопровождалось конским захоронением (найденны удила)	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 244, taf. 167
58	211		Шпора	<i>Tischler, Kemke</i> , 1902. Taf. 11, 3; 17, 2
59	1		Боевой нож	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 244, taf. 44, A
60	Гросс-Шаусгартен (Gross Sausgarten)- Березовка	1	Боевой нож, два копья, манипула щита	<i>Ibid.</i> S. 246, taf. 45, A
61		11	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 246, taf. 45, B
62		19	Два боевых ножа, два (?) копья	<i>Ibid.</i> S. 246, 247, taf. 46, A
63		22	Боевой нож	<i>Ibid.</i> S. 246, 247, taf. 46, B
64	Детлевсру (Detlevsruh)- Песочное	1	Копье	<i>Hollack</i> , 1914. S. 266, 267; <i>Кулаков</i> , 1990. С. 63, табл. VII, 8
65	Долькейм (Dollkeim)- Коврово	2 (№ 12с по: <i>Кулаков</i> , <i>Скворцов</i> , 2000)	Боевой нож	<i>Hollack</i> , 1914. S. 267–269; <i>Кулаков</i> , <i>Скворцов</i> , 2000. Рис. 7; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 222, 223, taf. 11, B
66		18 (№ по <i>Ра-</i> <i>дюш</i> , <i>Сквор-</i> <i>цов</i> , 2008)	Копье, умбон щита	<i>Радюш</i> , <i>Скворцов</i> , 2008. С. 140, 141
67		1к (№ по <i>Ра-</i> <i>дюш</i> , <i>Сквор-</i> <i>цов</i> , 2008)	Два копья, умбон щита	<i>Там же</i> . С. 133, 140, 141
68		59	Копье, дротик, умбон «с витым» орнаментом типа Добродзень (?) и манипула щита	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 20, рис. 40

Таблица 1. Продолжение

I	II	III	IV	V
69	Долькейм (Dollkeim)- Коврово	63 (M8)	Боевой нож, копье	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 223, taf. 12, A
70		75a	Копье	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 20, рис. 43
71		96 (J1)	Боевой нож, копье	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 21; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 224, taf. 12, B
72		108 (X)	Боевой нож	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 224, taf. 13, A
73		109 (Y)	Боевой нож, два копья, шпора	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 21, рис. 54; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 224, 225, taf. 13, B, 14
74		111 (B1)	Боевой нож, копье	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 22; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 225, taf. 15
75		116 (X9)	Боевой (?) короткий нож	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 22; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 225, taf. 16
76		124 (U8)	Боевой (?) короткий нож	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 22, рис. 50; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 225, 226, taf. 17, A
77		128 (O)	Боевой нож	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 22; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 226, taf. 17, B
78		146 (X)	Боевой нож, копье	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 23, рис. 54; <i>Кулаков</i> , 2010. С. 113, 114, рис. 5; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 226, taf. 18
79		151 (T)	Боевой нож, копье	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 23, рис. 57; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 226, 227, taf. 19
80		152 (L)	Боевой нож, два копья	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 23, 24, рис. 58; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 227, taf. 20
81		154 (Z9)	Боевой нож, два копья	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 24, рис. 58; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 227, taf. 21
82		162 (G)	Боевой нож	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 24; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 227, 228, taf. 22
83		163 (F)	Боевой нож, копье	<i>Кулаков</i> , 2010. С. 114, рис. ; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 228, 229, taf. 23
84		164 (R5)	Боевой нож, копье	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 25, рис. 63; <i>Кулаков</i> , 2010. С. 114, рис. 7; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 229, taf. 24
85		165 (S5)	Боевой (?) нож, копье, умбон (? — по: <i>Кулаков</i> , 2004, со ссылкой на <i>Tischler, Kemke</i> , 1902. S. 24, но там умбон не упоминается)	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 25; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 229, taf. 25, A
86		179 (N3)	Боевой нож, копье	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 230, taf. 25, B
87		182 (J4)	Боевой (?) нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 230, taf. 26, B
88		184 (W6)	Боевой нож, копье. Сопровождается конским захоронением с удилами	<i>Ibid.</i> S. 230, taf. 26, A
89		192 (Z5)	Боевой нож	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 25; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 230, taf. 27, A
90		193 (T3)	Боевой нож	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 230, 231, taf. 27, B
91		234 (K7)	Боевой нож	<i>Кулаков</i> , 2004. С. 26; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 231, taf. 28, A; 29, A
92		269	Копье. Сопровождалось захоронением собаки	<i>Кулаков</i> , 2007. С. 15, 16, рис. 48
93		279	Шпора	<i>Там же.</i> С. 18, 19, рис. 68
94	303	Копье	<i>Там же.</i> С. 26, 27, рис. 101	
95	319	Боевой (?) нож (лезвие 18 см)	<i>Там же.</i> С. 34, 35, рис. 123	

Таблица 1. Продолжение

I	II	III	IV	V
96	Долькейм (Dollkeim)- Коврово	325	Боевой нож, копье. Сопровождалось конским захоронением	Кулаков, 2007. С. 42, 43, рис. 135; Prassolow, 2018. S. 231, taf. 28, B
97		362	Боевой нож, копье, умбон щита. Возможно, сопровождалось конским захоронением (найжены удила)	Кулаков, 2007. С. 61, рис. 214
98		370	Боевой нож, два копья, шпоры	Кулаков, 2007. С. 63, 64, рис. 219; Кулаков, 2010. С. 114, 115, рис. 8; Prassolow, 2018. S. 231, 232, taf. 29, B, 31
99	Зопен (Zohren)- Суворово	30	Шпора	Кулаков, 1990. С. 64
100		61	Шпора. Сопровождалось конским погребением с удилами	Там же. С. 65
101		319	Шпора. Сопровождалось конским погребением с удилами	Там же. С. 68
102		335	Боевой нож	Там же. С. 69, табл. XV, 10
103	Кирпенен (Kirpenen) II- Поваровка	92	Боевой нож, копье	Prassolow, 2018. S. 251, 252, taf. 49A
104	Кляйнхайде (Kleinheide)-Гурьевск	6-9C/KLN-5E	Боевой нож	Ibid. S. 252, 253, taf. 49, B
105		5-8C	Два боевых ножа, копье. Сопровождалось конским захоронением со скребницей	Ibid. S. 253, taf. 50, 51, A
106		21	Два боевых ножа. Сопровождалось захоронением собаки	Skvortsov, 2013. P. 354, fig. 2; Скворцов, 2016. С. 151
107	Койехен (Cojehen)	13	Боевой нож, два копья	Prassolow, 2018. S. 215, taf. 2, A
108		15	Боевой (?) нож, копье	Ibid. S. 215, 216, taf. 2, B
109	Корейтен (Corejten)- Путилово	18 (O7)	Боевой нож, два копья	Ibid. S. 216, 217, taf. 3; 4, A
110		26 (H1)	Боевой нож, два копья	Ibid. S. 217, taf. 4, B
111		27	Два копья	Nowakiewicz, 2011. № 28, Corejten.003
112		43 (H1)	Боевой нож	Prassolow, 2018. S. 217, taf. 5, A
113		144 (H1)	Боевой нож, копье	Ibid. S. 217, taf. 5, B
114		146 (O2)	Боевой нож	Ibid. S. 217, 218, taf. 6
115		189 (S2)	Боевой нож	Ibid. S. 218, taf. 7, A
116		242	Боевой нож, два копья	Ibid. S. 218, taf. 7, B
117		245 (E3)	Боевой нож	Ibid. S. 218, taf. 8, A
118		246 (L3)	Боевой нож	Ibid. S. 218, taf. 8, B
119		248	Боевой нож	Ibid. S. 219, taf. 8, C
120		255 (X4)	Боевой нож, копье	Ibid. S. 219, taf. 9, A
121		302 (H6)	Боевой нож, копье	Prassolow, 2018. S. 219, 220, taf. 9, B
122		309 (V)	Боевой нож	Ibid. S. 219, taf. 10, A
123		367	Копье	Nowakiewicz, 2011. № 28
124		167/200	Боевой нож	Prassolow, 2018. S. 219, taf. 10, B
125	Краам (Craam)- Грачевка	2	Боевой (?) нож	Ibid. S. 221, taf. 10, D
126		17	Боевой нож	Ibid. S. 221, taf. 11, A
127		20	Копье	Nowakiewicz, 2011. № 30. Craam 001

Таблица 1. Продолжение

I	II	III	IV	V
128	Лангенен (Langehnen)	(?)	Три боевых ножа, три копья. Сопровождалось конским захоронением	<i>Ibid.</i> S. 253, 254
129	Лаут (Lauth)-Большое Исаково	23	Копье, шпора	<i>Skvorzov</i> , 2007. S. 127, 128, taf. 28
130		25	Копье	<i>Ibid.</i> S. 128, taf. 30
131		27	Боевой нож, копье	<i>Skvorzov</i> , 2007. S. 129, 130, taf. 33; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 256, 257, taf. 52, 53
132		35	Боевой нож, копье. Сопровождалось конским захоронением с удилами	<i>Skvorzov</i> , 2007. S. 135, taf. 41, 42; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 257, 258, taf. 54, 55
133		39	Боевой нож	<i>Skvorzov</i> , 2007. S. 136, taf. 46; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 258, taf. 56
134		46	Боевой нож, два копья	<i>Skvorzov</i> , 2007. S. 138, taf. 55, 56; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 258, 259, taf. 56–58
135		48	Боевой нож, копье	<i>Skvorzov</i> , 2007. S. 139, 140, taf. 58, 59; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 259, 260, taf. 59–62
136		52	Боевой нож, копье. Сопровождалось конским захоронением с удилами и скребницей	<i>Skvorzov</i> , 2007. S. 141, taf. 64, 65; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 260, 261, taf. 59–62
137		90	Боевой нож. Сопровождалось конским захоронением с удилами	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 261, 262, taf. 65
138		98	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 262, taf. 66
139		114	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 262, 263, taf. 67
140		123	Боевой нож. Сопровождалось конским захоронением	<i>Ibid.</i> S. 263, 264, taf. 68
141		127	Боевой нож	<i>Ibid.</i> S. 264, taf. 69
142		135	Боевой нож. Сопровождалось конским захоронением с удилами	<i>Ibid.</i> S. 264, 265, taf. 70
143		148	Боевой нож. Сопровождалось конским захоронением	<i>Ibid.</i> S. 265, taf. 71
144		159	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 265, 266, taf. 72
145		167	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 266, taf. 73
146	186	Боевой нож, копье. Сопровождалось конским захоронением с удилами и скребницей	<i>Ibid.</i> S. 266, 267, taf. 74	
147	187	Боевой нож, копье. Сопровождалось конским захоронением с удилами	<i>Ibid.</i> S. 267, 268, taf. 75	
148	209 (L-1)	Боевой нож	<i>Кулаков</i> , 2010. С. 115, рис. 10; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 267, 268, taf. 7	
149	L-1	Боевой нож, три копья, топор	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 268, taf. 77	
150	Митино	226	Шпора	<i>Скворцов</i> , 2010. С. 69, табл. 357
151		33/43.2015	Два копья, боевой нож. Сопровождалось двумя конскими захоронениями	<i>Скворцов</i> , 2016. С. 152, 153
152		Наутцау (Nautzau)-Коврово	3	Боевой нож

Таблица 1. Продолжение

I	II	III	IV	V
153	Полвиттен (Polwitten)- Ровное	8 (M2)	Боевой нож, копья (одно или более), шпоры	<i>Ibid.</i> S. 271, 272, taf. 80
154		8-116 (N4)	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 272, taf. 80
155		8-121 (Q4)	Боевой нож	<i>Ibid.</i> S. 272, taf. 80
156	Попелкен (Popelken)- Прудовка	14	Боевой нож	<i>Ibid.</i> S. 273
157	Тенген (Tengen)	9	Боевой нож с обкладкой рукояти. Сопровождалось погребением коня (найден конский зуб)	<i>Berendt</i> , 1873. S. 90, 91; <i>Кулаков</i> , 1990. С. 63, табл. VII, 6; <i>Hilberg</i> , 2009. S. 330, abb. 9, 11; <i>Кулаков</i> , 2019. С. 93*
158		27	Копье	<i>Кулаков</i> , 2019. С. 94
159		28	Боевой нож, копье. Возможно, сопровождалось конским захоронением (найден удила)	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 275, 276, taf. 83, A; <i>Кулаков</i> , 2019. С. 94
160		37	Боевой нож. Сопровождалось конским захоронением (найден череп коня, удила)	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 276, 277, taf. 83, B; <i>Кулаков</i> , 2019. С. 95
161	Тенкитен (Tenkieten)- Летное	23	Копье	<i>Nowakiewicz</i> , 2011. No. 185, Tenkieten 007
162		32	Боевой нож	<i>Prassolow</i> , 2018. S. 277, taf. 83, B
163	Транзау (Transau)- Озерово	7F	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 278, taf. 83, D
164		7G	Боевой нож, копье	<i>Ibid.</i> S. 278, taf. 84, A
165	Траузиттен (Traisitten)- Гурьевск	16 (?)	Боевой нож, три копья	<i>Ibid.</i> S. 279, taf. 84, B
166	Трениттен (Trentitten)- Зайцево	1	Два боевых ножа, четыре копья, два фасетированных умбона (типа Цилинг Т), две манипулы (типа Цилинг V2) щитов. Возможно, сопровождалось конским захоронением (найден удила)	<i>Ibid.</i> S. 279, 280
167		12	Боевой нож, два копья. Возможно, сопровождалось конским захоронением (найден удила)	<i>Ibid.</i> S. 280, 281
168	Хюненберг (Hünenberg)-«Гора Великанов» — Rantau-Доброе	1	Боевой нож	<i>Кулаков</i> , 2014. С. 203, рис. 9, 3
169		20	Копье	<i>Там же.</i> С. 205, рис. 13, 9
170		51	Боевой нож. Сопровождалось символическим конским захоронением (найден удила)	<i>Кулаков</i> , 2014. С. 202, рис. 8; <i>Prassolow</i> , 2018. S. 246, 247, taf. 47, A
171		62	Шпора. Сопровождалось конским захоронением	<i>Кулаков</i> , 2014. С. 212, 213, рис. 34
172		109	Копье	<i>Там же.</i> С. 218, рис. 50, 2
173		177	Копье, боевой нож	<i>Там же.</i> С. 226, рис. 60
174		23к	Копье. Сопровождалось конским захоронением с оголовьем	<i>Там же.</i> С. 211, рис. 92
175		29к	Боевой нож	<i>Там же.</i> С. 219, рис. 94, 3

* Согласно В. И. Кулакову погребение по типу скрамасакса относится к VII в. Ф. Хильберг его датирует тем же временем, что и «вождеские» погребения Варникам-Первомайское.

Таблица 1. Окончание

I	II	III	IV	V
176	Хюненберг (Hünenberg)-	31к	Копье, умбон и манипула щита	Там же. С. 219, рис. 95
177	«Гора Великанов» — Rantau-Доброе	35к	Шпора. Сопровождалось конским погребением с удилами	Кулаков, 2003–2004. С. 361, 362, рис. 74
178	Хунтенберг-Бранево Подгуже (Huntenberg-Braniewo Podgorze)	5	Боевой нож, копье. Сопровождалось конским захоронением	Hilberg, 2009. S. 331; Prassolow, 2018. S. 249, 250, taf. 47, C
179	Шераппен (Serappen)-	13	Шпора	Nowakiewicz, 2011. No. 172, Serappen 002
180	Люблино	41	Копье и дротик	Nowakiewicz, 2011. No. 172, Serappen 001
181	Шлакалькен (Schlakalken) III-Заостровье (?)	10	Два копья	Schlakalken, Fischhausen. Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1; Fēliksa Jākobsona arhivs: Schlakalken III; Nowakiewicz, 2011. 423, Schlakalken. 002
182		12	Копье (в описании не упомянуто, есть на рисунке Ф. Якобсона), малое копье-дротик (в описании не упомянуто, есть на рисунке Ф. Якобсона)	Schlakalken, Fischhausen. Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1; Fēliksa Jākobsona arhivs: Schlakalken III; Nowakiewicz, 2011. Schlakalken. 002
183		20	Копье	Schlakalken, Fischhausen. Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1; Fēliksa Jākobsona arhivs: Schlakalken III
184		28	«Кинжал» (видимо, боевой нож)	Ibid.
185		49	Копье	Ibid.
186		66	Боевой нож, копье	Schlakalken, Fischhausen. Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1; Fēliksa Jākobsona arhivs: Schlakalken III; Prassolow, 2018. S. 274, taf. 81, B
187		Экриттен (Ekritten)-Ветрово	1	Копье, фрагмент золотой обкладки ножен меча или скрамасакса

Гильфердинг, 2013 — Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М.; СПб.: Русская панорама, Блиц, 2013. 704 с.

Иордан, 2001 — Иордан. О происхождении и деяниях гетов «Getica» / Текст, пер. и ком. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алатай, 2001. 512 с.

Казанский, 2021 — Казанский М. М. Жертвоприношения коней в «княжеских» могилах поздней фазы Великого переселения народов на римско-германском Западе: восточные параллели // Stratum plus. Кишинев: ВАШ. 2021. № 4: Природная и культурная эйкумена. С. 95–108.

Казанский, Мастыкова, 2013 — Казанский М. М., Мастыкова А. В. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология

Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб.: ИА РАН, Нестор-История, 2013. С. 97–112.

Казанский и др., 2017 — Казанский М. М., Мастыкова А. В., Скворцов К. Н. Признаки социальной стратификации у населения самбийско-нотангийской культуры в начале средневековья (середина V–VII в.) // РА. 2017. № 3. С. 28–45.

Казанский и др., 2018 — Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н. Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН, 2018. 312 с.

Кулаков, 1990 — Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука, 1990 (САИ; Вып. Г 1-9). 167 с.

- Кулаков, 1997 — Кулаков В. И. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-Археалагічны Зборнік. Мінск: Беларус. навука, 1997. Вып. 12. С. 143–171.
- Кулаков, 2004 — Кулаков В. И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: ИИ истории НАН Беларуси, 2004. 135 с.
- Кулаков, 2003–2004 — Кулаков В. И. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–XI вв. н. э. // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2003–2004. № 4: «Между певкинами и феннами». С. 278–382.
- Кулаков, 2007 — Кулаков В. И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: ИИ НАН Белоруссии. 335 с.
- Кулаков, 2010 — Кулаков В. И. Оружие горизонта Сесдала — Унтерзибенбрунн в Янтарном Крае // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы / Отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН. 2010 (Раннеславянский мир; Т. 13). С. 112–143.
- Кулаков, 2014 — Кулаков В. И. Hünenberg — «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // *Barbaricum*. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2014. Т. 10. С. 199–362.
- Кулаков, 2016 — Кулаков В. И. Гребитен. Новые данные о старых раскопках // Университетский научный журнал. СПб.: С.-Петербургский университетский консорциум, 2016. Вып. 20. С. 15–27.
- Кулаков, 2017 — Кулаков В. И. Питьевые рога балтов с декорированными деталями // Исторический формат. М.: Исторический формат, 2017. Вып. 1–2. С. 127–150.
- Кулаков, 2019 — Кулаков В. И. Могильник бывший Tengen (окрестности Brandenburg/Ушаково) // Балтийский альманах. Калининград: Калининградская обл. науч. биб-ка, 2019. Вып. 18. С. 92–98.
- Кулаков, Скворцов, 2000 — Кулаков В. И., Скворцов К. Н. Боевые клинки из Кляйн Хайде // Гістарычна-Археалагічны Зборнік. Мінск: Беларус. навука, 2000. Вып. 15. С. 40–52.
- Мастыкова, Добровольская, 2013 — Мастыкова А. В., Добровольская М. В. Палеоантропологические исследования и погребальный инвентарь самбийско-натангинской культуры // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб.: ИА РАН, Нестор-История, 2013. С. 74–79.
- Мастыкова, Юганов, 2019 — Мастыкова А. В., Юганов К. Л. Погребения с оружием на могильнике римского времени Заостровье-2 в Северной Самбии // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2019. № 4: Меч Марса. С. 211–234.
- Матузова, 1979 — Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М.: Наука, 1979. 268 с.
- Прокопий, 1950 — Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. с греческого С. П. Кондратьева, вступительная статья З. В. Удальцовой. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 516 с.
- Прокопий, 2001 — Прокопий Кесарийский. Война с персами // *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. с греческого, вступительная статья, комментарии А. А. Чекалиной. СПб.: Алатай, 2001. С. 9–144.
- Радюш, Скворцов, 2008 — Радюш О. А., Скворцов К. Н. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангинской культуры // *Germania-Sarmatia*. Калининград: Янтарный сказ, 2008. Вып. 1. С. 122–157.
- Скворцов, 2010 — Скворцов К. Н. Могильник Митино V–XV вв. (Калининградская область). Материалы исследований 2008 г. М.: ИА РАН, 2010. Т. 1. 302 с.; Т. 2. 808 с.
- Скворцов, 2016 — Скворцов К. Н. Формирование социальных элит у эстиев в конце римского времени и в эпоху великого переселения народов // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 146–165.
- Скворцов, 2018 — Скворцов К. Н. «Вождеские» погребения могильника Варникам — 141 год спустя // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 161–177.
- Скворцов, 2019 — Скворцов К. Н. Уникальная находка прессованных деталей седла из могильника Шоссейное с изображениями в германском зверином стиле и их интерпретация // КСИА. 2019. Вып. 256. С. 23–46.
- Скворцов, Пеш, 2018 — Скворцов К. Н., Пеш А. Серебряная оковка седла рубежа V–VI вв. из могильника Митино, Калининградская обл. // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 199–219.
- Скворцов, Хохлов, 2014 — Скворцов К. Н., Хохлов А. Н. Погребение всадника конца V — первой половины VI в. из могильника Шоссейное Калининградской области (предварительное сообщение) // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 151–159.
- Тацит, 1969 — Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Соч. в 2 т. Т. 1. Анналы. Малые произведения / Изд. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Л.: Наука, 1969. С. 353–372.
- Тит Ливий, 1991 — Тит Ливий. История Рима от основания города / Пер. Ф. Ф. Зелинского (кн. XXI). М.: Наука, 1991. Т. 2. 528 с.
- Хенниг, 1961 — Хенниг Р. Неведомые земли. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. Т. II. 518 с.

- Andrzejowski*, 1991 — *Andrzejowski J.* Okucia rogów do picia z młodszego okresu przedrzymskiego i okresu wpływów rzymskich w Europie Środkowej i Północnej. (Próba klasyfikacji i analizy chronologiczno-terytorialnej) // *Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 1991. T. VI. S. 7–120.
- Berendt*, 1873 — *Berendt G.* Zwei Gräberfelder in Natanien. I. Das Gräberfeld von Tengen // *Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg*. Königsberg: Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft, 1873. H. 14-1. S. 81–95.
- Bitner-Wróblewska*, 2001 — *Bitner-Wróblewska A.* From Samland to Rogaland: East-West Connections in the Baltic Basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 2001. 257 p.
- Bujak*, 1886–1887 — *Bujak G.* Die Accession des Prussia-Museums // *Prussia*. Königsberg: Altertumsgesellschaft Prussia, 1886–1887. Jg. 13. S. 195–273.
- Ehrlich*, 1931 — *Ehrlich B.* Schwerter mit silberbeschlagenen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreussische Vergleichstücke // *Prussia*. Königsberg: Altertumsgesellschaft Prussia, 1931. Jg. 29. S. 16–46.
- Feliksa Jakobsona arhīvs. Ieraksti «Kreis Fischhausen». Latvijas Nacionālais vēstures muzejs. Rīga.
- Hedeager*, 1992 — *Hedeager L.* Iron-Age societies: from Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700. Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. 274 p.
- Hilberg*, 2009 — *Hilberg V.* Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2009 (Schriften des Archäologischen Landesmuseums; Bd. 9). Bd. 2. 615 S.
- Hollack*, 1914 — *Hollack E.* Das Gräberfeld bei Detlevsruh, Kr. Friedland // *Prussia*. Königsberg: Altertumsgesellschaft Prussia, 1914. Jg. 23/1. S. 264–280.
- Kokowski*, 1993 — *Kokowski A.* L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle* / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne, 1993 (Mémoires publiées par l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne; T. V). P. 335–354.
- L'Or des princes barbares*, 2000 — *L'Or des princes barbares*. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. Paris: Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.
- Nowakiewicz*, 2011 — *Nowakiewicz T.* (red.). Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, 2011. 640 s.
- Nowakowski*, 1996 — *Nowakowski W.* Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg, 1996 (Veröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; Sonderband 10). 169 S.
- Paul Diacre*, 1994 — *Paul Diacre.* Histoire des Lombards. Présentation et traduction par F. Bougard. Tournhout: Brepols, 1994. 208 p.
- Prassolow*, 2018 — *Prassolow J. A.* Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreussens. Neumünster: Wachholtz, 2018. 328 S.
- Schlakalken, Fischhausen. Prussia-Archiv, Signatur PM-A 877/1. Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbesitz, Museum für vor- und frühgeschichtlichen Sammlung des Prussia Museums Königsberg i. Ostpr. (Signatur IXd 8).
- Skóra*, 2008 — *Skóra K.* Z czym wędrowano w zaświaty? O niemilitarnym wyposażeniu grobowym wojowników “wielbarskich” // Nie tylko broń. Niemilitarne wyposażenie wojowników w starożytności i średniowieczu / Red. W. Świętosławski. Łódź: Łódzkie Towarzystwo Naukowe, 2008 (Acta Archaeologica Lodziensia; T. 54). S. 7–28.
- Skvorzov*, 2007 — *Skvorzov K.* Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bolšoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg): Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*. Kiel: Institut für Ur- und Frühgeschichte, 2007. Bd. 61/621. S. 111–219.
- Skvortsov*, 2013 — *Skvortsov K. N.* “The amber coast masters” some observations on rich burials in the sambian-natangian culture ca. ad. 500 // *Inter Ambo Maria: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Simferopol: Dolya, 2013. P. 352–364.
- Skvorzov, Pesch*, 2011 — *Skvorzov K. N., Pesch A.* Krieger, Dicke Vögel und gehörnte Pferde? Ein Sattelbeschlag aus Mitino (obl. Kaliningrad) // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2011. Bd. 41-3. S. 419–438.
- Sommer*, 1984 — *Sommer M.* Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Bonn: Rheinische Friedrich-Universität Bonn, 1984 (Bonner Hefte zur Vorgeschichte; No. 22). 338 S.
- Tischler, Kemke*, 1902 — *Tischler O., Kemke H.* Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Cristi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902. 86 S.

Stratification of burials with weapons and equestrian equipment in the burial grounds of the Sambian-Natangian culture of the Migration Period and the Early Merovingian Period

M. M. Kazansky¹⁰

The main task of this work is to determine the meaning of weapons and equestrian equipment in the hierarchy of burials of the Sambian-Natangian (Dolkeim-Kovrovo) civilisation of the Migration Period and the Early Merovingian Period, corresponding to the Balts, Aestii of written sources of the 6th century (Cassiodorus, Jordanes). In total, more than 180 burials with weapons and spurs have been identified from this time. The weapons are dominated by combat knives, while spears, axes and shields are less common. Burials with weapons and spurs at some burial grounds, they are scattered over the entire investigated area and do not form pronounced clusters. These are, for example, the necropolises Lauth-Bolshoye Isakovo or Schlakalken-3. In other cases, it is possible to identify zones of concentration of burials with military equipment, for example, in the necropolises Corejten-Putilovo, Dollkeim-Kovrovo, Grebieten-Okunevo, Hünenberg-Rantau-Dobroe. It is difficult to say whether the identified concentrations of such graves correspond to any real social groups (families? clans?). It is also necessary to note the unevenness in the richness of the funerary inventory in different necropolises. This difference is clearly evident in the armament of, for example, the burial grounds of Mitino or Zaostrye-1, where there are very few or no weapons at all, in comparison, for example, with the Warnikam-Pervomayskoye necropolis, where they are found much more often. The difference is also manifested in the wealth of inventory in different parts of the same necropolis, as can be seen from the example of the Mitino burial ground. It turned out that weapons play a limited role as a social marker and are inherent in a significant part of male burials. The presence of “professional” weapons (shields) and equestrian equipment (spurs) in the burials clearly indicates that among the *Aestii* there were people who were proficient in this equipment. The spread of the fashion for belts, dating back to the late Roman military tradition, as well as the presence of spurs in burials, may indicate the emergence of a “military” culture, which resembles German culture in its external features. Maybe it is worth talking about the beginning of the formation of a permanent contingent of professional soldiers (squads)? At the same time, according to a number of signs, the burials of the leaders, most likely performing military functions, are distinguished, that in the burial inventory is emphasized by the presence of prestigious weapons and horse gear, drinking horns and the burial of two or more horses.

¹⁰ Michel Kazansky — Centre National de la Recherche Scientifique; UMR 8167 “Orient et Méditerranée”, 52, rue du cardinal Lemoine, 75005, Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com.

Укрепления Рюрика городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий¹

Н. В. Хвощинская²

Аннотация. В статье проанализированы данные об укреплениях Рюрика городища, полученные в результате многолетних работ экспедиции с учетом новейших открытий, привнесших дополнительный фактический материал, который позволил предложить несколько иную интерпретацию общего облика этого грандиозного оборонительного сооружения второй половины IX в.

Annotation. This paper analyses the evidence on fortifications of Ryurik Gorodishche obtained during the Novgorod expedition's works of many years considering also the latest discoveries which have yielded additional factual data enabling the researchers to propose some revised interpretation of this grandiose defensive installation of the second half of the 9th century.

Ключевые слова: Рюриково городище, укрепления IX в., новые открытия, реконструкции.

Keywords: Ryurik Gorodishche, fortifications of the 9th century, new discoveries, reconstructions.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-107-120

В вводной части «Повести временных лет» при описании событий о призвании и приходе на русскую землю варяжских князей сообщается, что легендарный Рюрик «...пришед ко Илмерю, и сруби город(о)к над Волховом, и прозва Новгород, и сяде ту кн(я)жа ...». Анализируя данный летописный текст, в своем обобщающем труде по древнерусским городам М. Н. Тихомиров отмечал, что «легенда о построении города Рюриком может относиться к Городищу, которое так и носит название Рюрика городища. Действительно, летопись говорит о построении Рюриком города над озером Ильмень, а это мало подходит к топографии Новгорода и более соответствует местоположению Городища, стоящего на Волхове поблизости от его» истока из озера (Тихомиров, 1956. С. 22). Дополнительные аргументы в поль-

зу того, что во второй половине IX в. резиденция Рюрика могла находиться только на Городище, дают данные археологии. В настоящее время доказанным фактом является наличие на поселении слоев второй половины IX — X в. Представленная в них материальная культура характеризуется находками, подчеркивающими военно-административную и торгово-ремесленную направленность в деятельности жителей этого поселения. В свою очередь, несмотря на широкомасштабные археологические раскопки самого Новгорода, продолжающиеся уже почти 90 лет, начиная с 1932 г., до сих пор нигде на территории города не было обнаружено слоев, синхронных времени летописного призвания варягов, то есть IX в.

Важное письменное свидетельство о том, что первоначальная княжеская резиденция в истоке Волхова имела какие-то укрепления, мы находим в сообщении под 1103 г. Летописец отмечает, что новгородский князь Мстислав Владимирович заложил церковь Благовещения на *Городище*, то есть уже в начале XII в. данное урочище соответствовало топониму Городище. Скорее всего, название появилось в XI в., в период, когда княжеская резиденция была перенесена в Новгород на Ярославово

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00133 «Укрепления Рюрика городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kottimoshka85@mail.ru.

дворище, интенсивность жизни на поселении снизилась, а укрепления разрушились.

Несмотря на однозначные указания летописного источника о наличии на Городище оборонительных сооружений, их археологическое открытие растянулось на десятилетия. В значительной степени это связано с тем, что по сравнению с другими укрепленными поселениями и городами Древней Руси, где на местности до сих пор различимы оплывшие остатки рвов и валов, на городищенском холме время безжалостно стерло все признаки древней крепости. Общая картина по крупицам собиралась многие годы, поскольку детали этого оборонительного сооружения постепенно выявлялись при полевых исследованиях на различных участках памятника. К началу 2000-х гг. был накоплен достаточный материал, который позволил Е. Н. Носову подвести определенный итог в изучении мысовых деревоземляных укреплений Городища (*Носов, 2007. С. 32–36; Носов и др., 2017. С. 13*). В последующие годы удалось изучить отрезки древнего рва, окружавшего поселение с напольной стороны, и проследить его трассу (*Носов, Хвощинская, 2018. С. 144, рис. 1*). Тем не менее, несмотря на важные наблюдения, сделанные в процессе раскопок, оставалось немало вопросов, прежде всего вызванных состоянием самого источника. Дело в том, что расчищенные в песчаном грунте части деревоземляных конструкций находились либо в переотложенном виде, либо в гленном состоянии.

Новый импульс в изучении характера фортификационных сооружений поселения внесли материалы раскопок 2018–2021 гг. Работы проводились в мысовой, наиболее низменной части памятника, где наилучшим образом сохранились органические остатки. Были исследованы два участка, законсервированных в 2003 и 2004 гг.³ На одном из участков (раскоп 1) удалось зафиксировать и исследовать нижние части деревоземляных конструкций, стоящие в непотревоженном виде на материке, а также проследить переход от них ко рву, а на втором (раскоп 2) — завершить разборку придонных напластований рва, получив

³ Раскопки были законсервированы в связи с высоким уровнем воды в Волхове и не возобновлены из-за нового цикла работ, начатых на верхней площадке Городища в 2005–2012 гг. В 2018 г. была расконсервирована часть недоследованного участка 2000–2004 гг., а в 2019 г. — 2000–2003 гг.

полный стратиграфический разрез. В статье будут проанализированы данные об укреплениях Рюрикова городища, полученные в результате многолетних работ экспедиции с учетом новейших открытий, привнесших дополнительный фактический материал, который позволил предложить несколько иную интерпретацию общего облика этого грандиозного оборонительного сооружения второй половины IX в.

Возвышенность, на которой располагалось поселение, первоначально находилась на пойменном острове при истоке Малого Волховца — правого притока Волхова — и была окружена с запада Волховом, с юга и востока — Малым Волховцом, а с севера — Жилотугом. После строительства Сиверсова канала в 1797–1802 гг. Жилотуг стал современным Волховцом, а его старое русло превратилось в речку Спасовку. Как показали археологические исследования, поселенческая зона в древности делилась на две части. Одна из них занимала собственно возвышенность, вторая — низменный мыс, через который и был прорыт канал. Перепад высот между центром возвышенности и мысом достигает почти 10 м.

Все возвышенности в истоке Волхова представляют собой плоские всхолмления, которые сложены песками и супесями, лежащими на пойменных ленточных глинах. Для них характерны пологие склоны, плавно поднимающиеся над заливными лугами. Поселение, расположенное на таком холме, было совершенно не защищено, так что вполне закономерно, что при обустройстве административного центра Приильменья, где находился князь со своей дружиной, должны были быть предусмотрены искусственные укрепления.

Ров

В настоящее время на Городище остатки рва зафиксированы на четырех участках: на берегу Сиверсова канала (1977–1979 гг., траншея 1980 г., 1999–2004 гг., 2018–2021 гг.); в центральной части холма (1987–1989 г., 1996 г., 2006–2010 гг.); на раскопе северо-западнее церкви Благовещения, где даже по горизонталям современного рельефа заметно понижение поверхности Городища в северном направлении (2013–2016 гг., раскопки И. И. Еремеева); а также в зондаже за пределами церкви Благовещения у ее южной стены и в шурфе внутри храма, между юго-восточным столбом и той же стеной при архитектурно-археологических исследованиях Вл. В. Седова в 2016–2017 гг.

(Носов, 1990. С. 47–89; Носов и др., 2005. С. 48–50; Носов и др., 2016. С. 112; Носов и др., 2017. С. 84–104; Носов, Хвощинская, 2018. С. 137–147; Кудрявцев, 2020. С. 80–87). Соединив все эти точки между собой, мы смогли наметить трассу древнего рва. По отношению к общей площади холма (около 10 га) ров окружал небольшую наиболее возвышенную мысовую территорию около 1,0–1,2 га (рис. 1). Хотя, как показывают археологические наблюдения, постройки и производственные комплексы этого времени располагались и за пределами укреплений.

За годы работ на Городище склоны рва и характер его заполнения были детально изучены широкой площадью на двух участках: при переходе холма в мыс на берегу Сиверсова канала и на верхней площадке поселения юго-восточнее церкви Благовещения. Особенности геологического строения рельефа местности отразились и на характере заполнения рва. Холм был сложен песчаным и супесчаным грунтом аллювиального происхождения, а мыс, как и прилегающая пойма, — красно-коричневой глиной. Соответственно в возвышенной части поселения нижние напластования во рву представляли собой слои гумусированного песка, в которых не сохраняются органические остатки, а в свою очередь основу заполнения рва в мысовой части памятника составляли слои глины, перемешанные с прослойками темно-коричневого культурного слоя с органикой, также перемежавшиеся песчаными и супесчаными линзами, различными затеками, образовавшимися во многом за счет естественного его заплывания.

Благодаря влажному глинистому грунту на городищенском мысу по внутреннему склону рва и в перемешанных слоях глины его заполнения уже при первых раскопках были зафиксированы многочисленные дубовые бревна, чурки и колья, многие из которых имели следы обработки (врубки-чашки, заостренные концы) (Носов, 1990. С. 50; Носов и др., 2017. С. 10). Среди всего этого навала дерева встречено довольно значительное количество дубовых коротких бревнышек до 1,5–2,0 м длиной, один конец которых заострен, а на противоположном сделана рубка. Как правило, они располагались на разных уровнях с единым уклоном, соответствующим падению склона рва. Эти дубовые колья, видимо, постепенно сползли вниз по склону, причем не одновременно, так как часто их разделяли слои глины, супеси и гумуса.

Рис. 1. Рюриково городище. Реконструируемые границы укрепленного поселения

Fig. 1. Ryurik Gorodishche. Reconstructed boundaries of the fortified settlement

Поскольку дуб практически не применялся в строительстве жилых и хозяйственных построек в Новгороде, но использовался для возведения городских стен, Е. Н. Носов предположил, что дубовые бревна и колья «являлись частями каких-то ограждений на самом холме» (Носов, 1990. С. 50), тем более что они были найдены в заполнении рва. Конечно, по этим разрозненным и переотложенным остаткам трудно было понять сам характер сооружений, однако, как показали дальнейшие работы, отдельные бревна, законсервированные в глинистом заполнении рва и сохранившиеся в прекрасном состоянии, стали ценнейшим наглядным материалом для реконструкции некоторых деталей укреплений.

Заполнение рва в мысовой части Городища изучалось в разные годы на площади около 440 кв. м (общая площадь раскопа 588 кв. м). В результате исследований было получено несколько стратиграфических разрезов. В целом зафиксированная в них картина единообразна. Рассмотрим ее на примере северной стенки раскопа, завершеного в 2020 г. (рис. 2). На данном участке ров проходил в направлении с юго-запада на северо-восток. Общая мощность культурных напластований от современной поверхности до материка составляет 5,83 м. Если рассматривать непосредственно сам ров без верхних, более поздних, слоев, то его глубина — 2,73 м. Нижняя часть рва имеет корытообразную форму с плоским дном шириной 4,6 м на уровне 17,8 м (по Балтийской системе координат — далее БС). Западный склон был ступенчатый, дно неровное: имелись углубления и бугры.

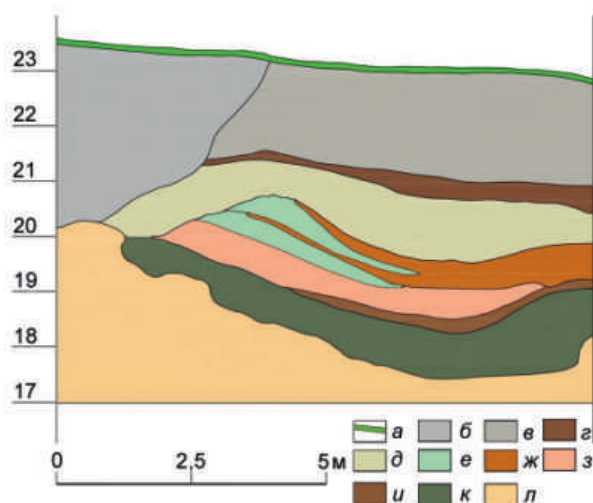

Рис. 2. Схема основных стратиграфических горизонтов в разрезе рва в мысовой части Городища (северная стенка раскопа 2020 г.). Условные обозначения:

а — дерн; *б* — осыпь; *в* — темно-серый перемешанный слой; *г* — древнерусский слой с органикой; *д* — серо-желтая супесь — засыпь рва; *е* — плотная серая супесь; *ж* — раннесредневековый слой с органикой; *з* — глина, перемешанная с культурным слоем; *и* — культурный слой со щепой; *к* — предматериковый слой естественного запыливания рва; *л* — материк

Fig. 2. Scheme of the main stratigraphic horizons in the section of the moat at the promontory part of Gorodishche (northern wall of excavation of 2020).
 Keys: *a* — topsoil; *b* — talus; *v* — dark grey mixed layer; *g* — Old-Russian stratum with organics; *d* — grey-yellow loamy sand — fill of the moat; *e* — dense grey loamy sand; *zh* — early mediaeval layer with organics; *z* — clay mixed with the cultural layer; *i* — cultural layer with wood chips; *k* — layer of the naturally silted moat above the virgin soil layer; *l* — virgin soil

Восточный склон рва фиксируется только в своей нижней части, поэтому общая ширина рва нам неизвестна, но в пределах раскопа она составляет 9,5 м. Западный склон рва был выше восточного, поскольку сам городищенский холм понижается здесь в юго-восточном направлении.

Характер придонного заполнения свидетельствует, что оно образовалось в результате естественного оплывания грунта со склонов рва и в основном состоит из перемешанной красно-коричневой и серо-синей глины⁴ с включениями

⁴ В отчетах многих лет при описаниях слоев глины в заполнении рва употребляется два термина: красная или красно-коричневая и серо-синяя глина. До конца не было понятно, как эти разные по происхождению глины составляют монолитные мозаичные слои.

прослоек и затеков темно-коричневого культурного слоя с органикой (мощностью до 0,7 м). По западному склону рва встречаются песчаные и супесчаные прослойки. В основном придонная часть рва заполнялась мусором и навалами различного дерева: кольями, часто неощукуренными, палками, обрубками бревен, пришедшими в негодность берестяными коробами. Индивидуальные предметы здесь редки.

Над придонными аморфными слоями во рву образовался плотный темно-коричневый культурный слой с органикой мощностью до 1,4 м, насыщенный щепой, навозом и соломой. Он не является монолитным, а представляет собой своеобразный «слоеный пирог», в котором слои более чистого коричнево-гумуса со щепой перемежаются слоями гумуса, перемешанного с достаточно значительным количеством красно-коричневой и серо-синей глины. Данный раннесредневековый культурный слой начал образовываться, когда укрепления крепости стали разрушаться. Именно в его нижних напластованиях встречаются остатки дубовых конструкций, в дальнейшем перекрытые гумусом, в котором были обнаружены основания нескольких печей для выпекания хлеба. Дендрохронологический анализ бревен из обкладок печей показал, что наиболее ранняя из них была сооружена на самом рубеже IX–X вв., то есть к этому времени ров как фортификационное сооружение потерял свое значение. В дальнейшем он был сnivelирован мощным слоем серо-желтой супеси (до 1 м), на котором накопился древнерусский слой с органикой конца XI — XII в. (около 0,5 м). Верхние культурные напластования на территории всего памятника представлены перемешанным темно-серым гумусом с находками разных эпох, на рассматриваемом участке он достигал почти 2 м.

В возвышенной части поселения западный, внутренний, склон рва был выявлен в траншее 1989 г., заложенной в связи с тем, что при исследовании древнерусских построек в 1987 г. было зафиксировано резкое падение дневной поверхности городищенского холма в восточном направлении (Носов и др., 2005. С. 48–50). В свою

В результате консультации с геологом-почвоведом А. В. Долгих выяснилось, что серо-синяя глина — это та же красная, которая под воздействием влажной среды при соприкосновении с гумусированным культурным слоем поменяла цвет.

очередь его восточный, внешний, склон удалось проследить в раскопах 2006–2010 гг., соединив их с траншеей 1989 г. (Носов и др., 2017. С. 84–89). Таким образом, заполнение рва было изучено на площади около 340 кв. м. На данном участке Городища он шел в направлении северо–северо–запад–юго–юго–восток и имел довольно внушительные размеры: ширину около 27–28 м, глубину 4,5 м от древней дневной поверхности (в абсолютном измерении 25,67 м по БС). Оба склона рва имели ступенчатый характер. Как и в мысовой части поселения, нижняя часть заполнения рва образовалась в результате его естественного запыления и представляла слой песка (мощностью от 0,25 до 1,00 м) с многочисленными включениями черных гумусированных прослоек (Там же. С. 84, рис. 34, 35) (рис. 3). Близость данного участка рва к площадке жилой застройки, расположенной внутри укреплений, и производственной зоне, примыкающей с внешней стороны, отразилась на количестве попавших на его дно находок совершенно различного назначения (украшения, предметы быта и торговли, производственные инструменты и т. д.) (см. подробнее: Там же. С. 84, 85). Собранные в придонных отложениях рва обломки глиняных сосудов, в основном представленные мелкими лепными черепками и несколькими стенками раннегончарных горшков с грубым линейным орнаментом, позволили В. М. Горюновой сделать заключение, что формирование этого керамического комплекса закончилось не ранее рубежа IX–X вв. или в первых десятилетиях X в. (Там же. С. 87).

С одной стороны, песчаный грунт наносит непоправимый урон археологическим объектам, имеющим органическую природу, что обедняет наши исследовательские возможности, с другой стороны, именно в песчаной засыпке рва сохранились свидетельства, проливающие свет на события X — начала XII в., которые просто не могли отразиться в толще влажной глины на мысу Городища. Дело в том, что в разрезе рва на верхней площадке поселения были выявлены два слоя темно-серого песчанистого грунта, в которых отсутствовали находки (рис. 3). По заключению сотрудников Института географии РАН А. Л. Александровского и А. В. Долгих, эти отложения являются древним почвенным слоем (Александровский и др., 2014. С. 100), то есть склоны рва, по крайней мере, дважды покрывались дерном.

В первый раз почвенный покров (толщина 0,40–0,48 м) образовался над придонными

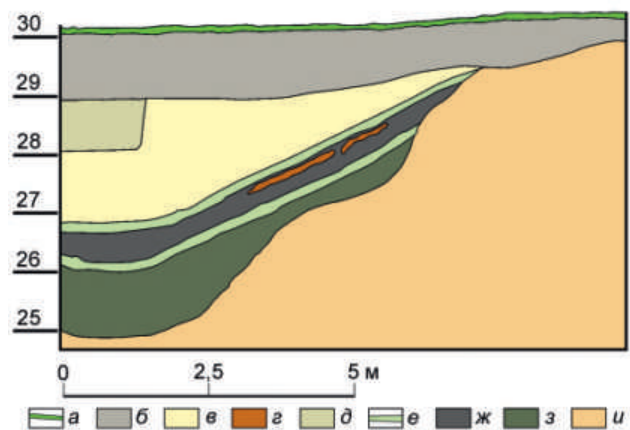

Рис. 3. Схема основных стратиграфических горизонтов в разрезе рва на верхней площадке Городища (северная стенка раскопа 2010 г.). Условные обозначения: а — дерн; б — темно-серый перемешанный слой; в — песчаная засыпка рва; з — глина; д — заполнение котлована древнерусской постройки; е — слой древнего дерна; ж — черный культурный слой; з — предматериковый слой естественного запыления рва; и — материк

Fig. 3. Scheme of the main stratigraphic horizons in the section of the moat on the upper platform of Gorodishche (northern wall of excavation of 2010). Keys: а — topsoil; б — dark grey mixed layer; в — sand fill of the moat; з — clay; д — fill of the foundation pit of an Old-Russian building; е — horizon of ancient topsoil; ж — black cultural layer; з — layer of the natural silting of the moat above the virgin soil layer; и — virgin soil

предматериковыми напластованиями. При выравнивании площадки Городища к востоку от рва на него по склону был сброшен черный культурный слой. Ассортимент находок в нем позволяет сделать однозначное заключение, что за пределами городищенских укреплений с внешней стороны рва находилась производственная зона (см. подробнее: Носов и др., 2017. С. 89–99). Хронологически представленный в культурном слое комплекс многообразных изделий в сочетании с лепной и раннегончарной керамикой может быть отнесен ко времени не позднее третьей четверти X в. Где-то во второй половине X в. в склон рва были врезаны две печи, подобные тем, что были изучены на дне запыленного рва на берегу Сиверсова канала. Таким образом, потеряв фортификационное значение на рубеже IX–X вв., ров в дальнейшем как место, удобное с точки зрения противопожарной безопасности, на разных

участках используется для возведения наружных глинобитных печей (Носов, Хвощинская, 2019. С. 121–131).

Если на нижнем раскопе мы зафиксировали только факт засыпки рва серо-желтой супесью, на которой накопился культурный слой уже конца XI — XII в., то на данном участке мы смогли уточнить время этого события. Анализ стратиграфического разреза показывает, что после разрушения печей ров снова задерновался и, судя по толщине образовавшейся почвенной прослойки, простоял открытым не менее 50–70 лет, то есть по крайней мере в течение трех четвертей XI в.⁵, что вполне согласуется с переездом княжеской резиденции в Новгород. Возвращение князей на Городище происходит на рубеже XI–XII вв. и знаменуется проведением грандиозных земляных работ по выравниванию и расширению площади резиденции перед новой застройкой. Нивелируются остатки оборонительных конструкций, засыпается ров, по всей площади Городища фиксируются мощные слои песка, супеси и суглинка, перекрывающие культурные слои IX–X вв. По велению Мстислава Великого возводится церковь Благовещения, фундамент которой частично попадает на край только что засыпанного рва. Данный факт предрешил судьбу одного из величественных княжеских соборов Новгорода. Насыпной грунт под многотонным сооружением стал проседать, а храм — рушиться, так что в XIV в. его пришлось разобрать (Носов, Хвощинская, 2018. С. 143–146).

Деревоземляные укрепления

Наиболее результативными в отношении накопления материалов о характере деревоземляных укреплений Рюрикова городища оказались открытия, сделанные в течение четырех полевых сезонов 2000–2003 гг. в мысовой части памятника. В 2000–2001 гг. у основания холма в переотложенном состоянии было вскрыто скопление дубовых бревен и колов достаточно хорошей сохранности. Подводя итоги 30-летних работ на Городище, Е. Н. Носов так охарактеризовал эту находку:

⁵ В этой связи некоторые наблюдения были сделаны и по материалам нижнего раскопа. Обычно начало склона рва маркируется темно-коричневым слоем с органикой и многочисленными остатками дерева. Достаточно часто на самом краю рва встречается горизонт плотно спрессованных веток, что наводит на мысль, что это следы кустарника, которым поросли склоны и дно городищенского рва (Носов, 2003. Л. 10).

«на склоне рва было обнаружено пять дубовых клеток с поперечными плахами и вбитыми между ними колами. Все они, хотя еще и сохраняли определенный порядок, лежали не *in situ*, а сползли по склону» (Носов, 2007. С. 32). В свою очередь в 2002–2003 гг. впервые в слое супеси были зафиксированы непо потревоженные остатки деревоземляных укреплений, но, к сожалению, в крайне тленном состоянии. Тем не менее благодаря тщательной послойной фиксации удалось установить, что они состояли из двух рядов деревянных конструкций. «Внутренний ряд представлял собой трехстенные дубовые срубы, незамкнутые со стороны холма... <...> Длина их внешних стен составляла до 4 м. Ширину их не везде достоверно удалось проследить, поскольку бревна боковых стен, упирающиеся в песчаный материковый склон, сохранились плохо. Перед рядом трехстенных срубов были расчищены остатки второй, внешней полосы деревянных конструкций. Она сохранилась значительно хуже, так как ее наружная, обращенная ко рву сторона оказалась на исследованном участке еще в древности полностью разрушена. От нее уцелели ряды поперечных стенок, находившиеся в 1–2 м друг от друга. Длина их составляла не менее 3 м. <...> Эти конструкции поднимались рядами вверх на высоту не менее 4 м. Срубы, как и пространство между ними, были заполнены красноватой супесью» (Там же. С. 34). Данная реконструкция была построена, с одной стороны, на анализе полевых наблюдений и чертежей, а с другой — на уже имеющихся аналогиях оборонительных конструкций славянских городищ и древнерусских городов, в основе которых находились срубы-городни, засыпанные грунтом⁶. Повышение уровня воды в Волхове в последующие годы не позволило довести раскоп до материка. Как уже было отмечено, работы возобновились в 2019 г.

Внутренняя линия деревоземляных конструкций. Следы внутренней линии деревоземляных конструкций были обнаружены и исследованы в 2003 г. на двух участках раскопа. Остатки этих сооружений представляли собой сильно истлевшие бревна, превратившиеся в гумусированные

⁶ Е. Н. Носов был признателен и благодарен сотрудникам ИИМК РАН К. А. Михайлову и И. И. Еремееву, которые в те годы являлись начальниками раскопов и непосредственно руководили расчисткой деревянных конструкций и фиксацией их остатков. Представленная реконструкция крепостных сооружений Городища является также плодом и их творческих изысканий.

«полосы» в супеси. Если графически послойно наложить все следы бревенчатой конструкции, которые были обнаружены с уровня 22,83 м, до уровня 20,12 м (по БС), то есть на высоту 2,71 м (нижнее бревно на подсыпке и на материке было обнаружено в 2019 г.), то отчетливо фиксируются остатки срубов трехстенки, не замкнутых со стороны холма. Они были вытянуты с юго-запада на северо-восток вдоль края возвышенности. Пять из них попали на исследованные участки, но теоретически между ними реконструируется еще один шестой сруб в промежутке между раскопами (рис. 4). В тех случаях, когда сохранились следы от углов, можно предполагать, что срубы рубились в обло. Продольные внешние бревна были длиной до 3 м, перпендикулярно им прослеживались боковые стенки. Они сохранились хуже, и на разных уровнях их длина составляла от 0,8 до 2,0 м. Между конструкциями были оставлены промежутки около 0,8–1,0 м. Срубы были засыпаны супесью красноватого цвета. Первоначально исследователями эта конструкция воспринималась как внутривальная, а красная супесь — как «тело» вала.

Сейчас на это сооружение можно взглянуть несколько иначе. Поскольку всхолмление имело пологие склоны, для придания им крутизны со стороны Волхова был сделан эскарп. Однако если учесть, что материком со стороны реки является крупнозернистый сыпучий песок, оседавший при быстрых течениях водных потоков, то эскарп необходимо было укрепить. Такая практика хорошо известна по материалам славянских городищ Приднестровья и Поднепровья. Чаще всего вертикальные или наклонные плоскости эскарпов облицовывали частоколами (ранние укрепления Старокиевской горы, Курск, Капыстичи, Рати, Большое Горнальское городище), однако имеются примеры использования для обкладки и горизонтально уложенных бревен (Моргунов, 2009. С. 26, 27). Правда, конструкции этих сооружений не совсем понятны. Так, А. В. Григорьев, рассматривая укрепления в Горбове, отмечал, что «верхний участок склона по краю площадки городища, возвышающейся над окружающей местностью на 30 м, был подрезан на высоту более 2 м. Образовавшаяся при этом вертикальная стена была облицована горизонтально уложенными дубовыми бревнами. Таким образом, со стороны склона образовалась своеобразная непробиваемая стена» (Григорьев, 2000. С. 62). Однако возникает вопрос: что скрепляло эту стену? Трудно представить, что бревна

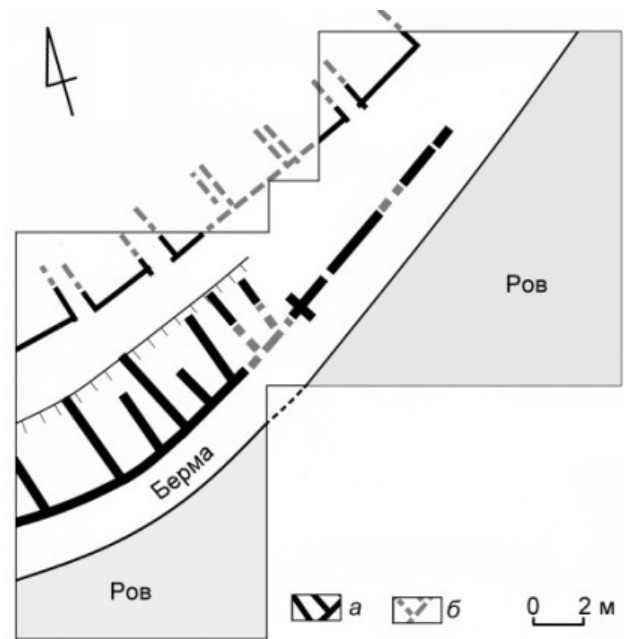

Рис. 4. Схема расположения деревоземляных укреплений. Условные обозначения: а — остатки бревенчатых конструкций; б — реконструируемые остатки бревенчатых конструкций

Fig. 4. Scheme of the positions of wood and earth defences. Keys: a — remains of timber structures; б — reconstructed remains of timber structures

из дуба, положенные горизонтально, просто одно на другое, будут держаться без дополнительной крепежной системы.

На Рюриковом городище к лицевым бревнам были прирублены поперечные боковые стенки, уходящие в материковый склон городищенского холма. Для понимания деталей этой конструкции стоит еще раз проанализировать развал бревен по склону городищенского холма, расчищенный в 2000–2001 гг., который, находясь в переотложенном состоянии, сохранял некий первоначальный порядок (рис. 5). Судя по топографическому расположению, это явно руинированные части внутренней линии сооружений. Особый интерес в данном случае представляли остатки четырех «стенок», составленные из трех–шести дубовых бревнышек-колов длиной до 1,2 м, лежащих друг на друге (рис. 6) (Носов, 2002. Л. 6). В тех случаях, когда хорошо сохранились концы, обращенные в сторону холма, было ясно видно, что они заострены (Там же). Это позволяет нам считать их частями сползших по склону поперечных конструкций трехстенных срубов, открытых на соседних

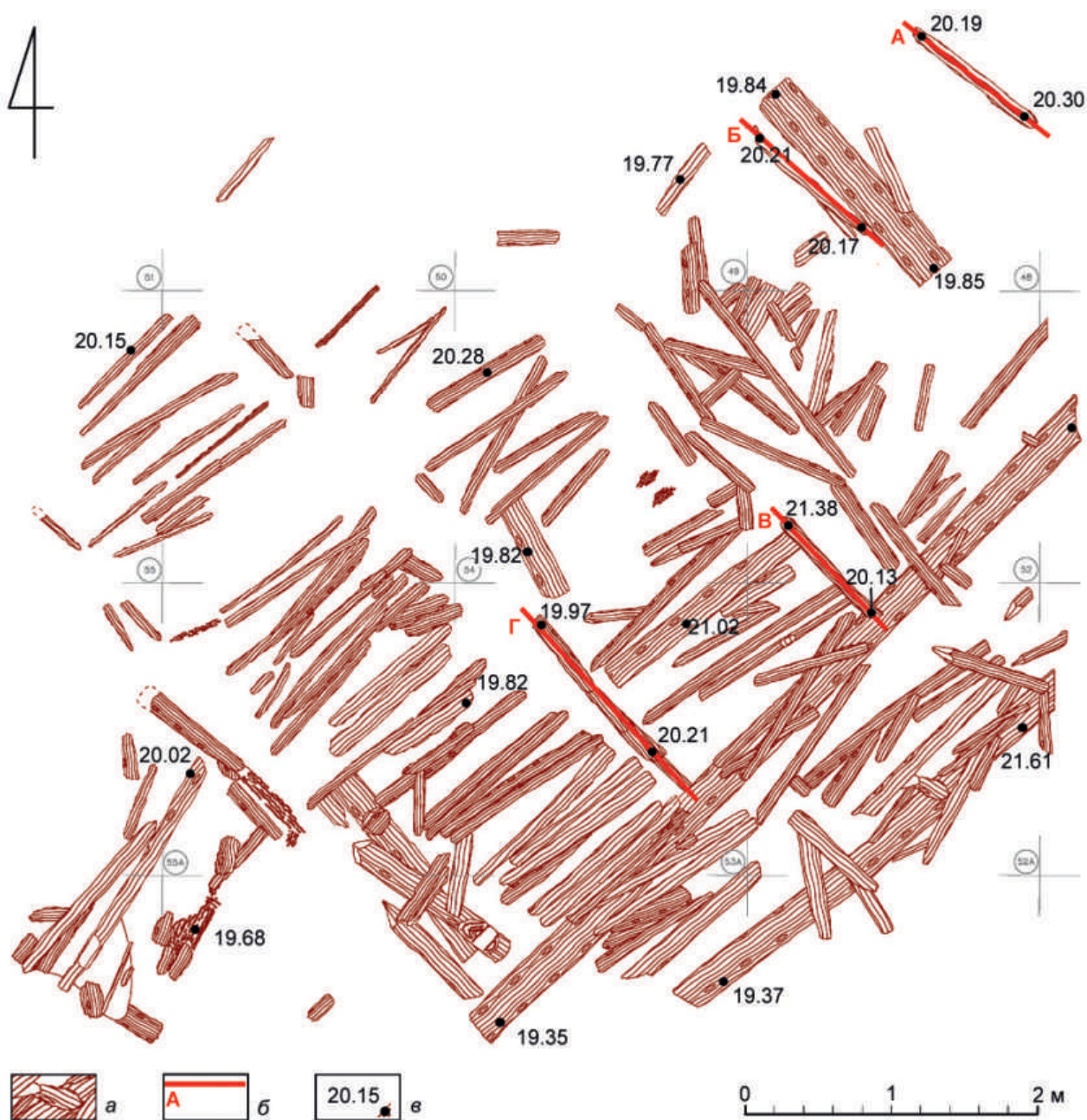

Рис. 5. Руинированные остатки внутренней линии укреплений. Условные обозначения: *а* — остатки дерева; *б* — стенки; *в* — нивелировочные отметки по Балтийской системе координат. Разрезы стенок даны на рис. 6

Fig. 5. Ruined remains of the internal line of defences. *Keys:* *a* — remains of wood; *b* — walls; *v* — level marks in the Baltic System of Heights. Sections of the walls are shown in Fig. 6

участках раскопа *in situ*. Между «стенками», перпендикулярно им, зафиксированы многочисленные параллельно лежащие скатившиеся бревна (1,0–1,8 м длиной), скорее всего, от внешней облицовки эскарпа.

Учитывая все изложенные факты, внутреннюю линию деревоземляных укреплений Горо-

дища, действительно, можно представить как линию трехстенных срубов⁷, поперечные стенки которых частично состояли из бревен-колов, вбиваемых в материковый склон. К ним прирубались

⁷ Тлен от четвертой стены ни разу не был зафиксирован при расчистке остатков внутренних укреплений.

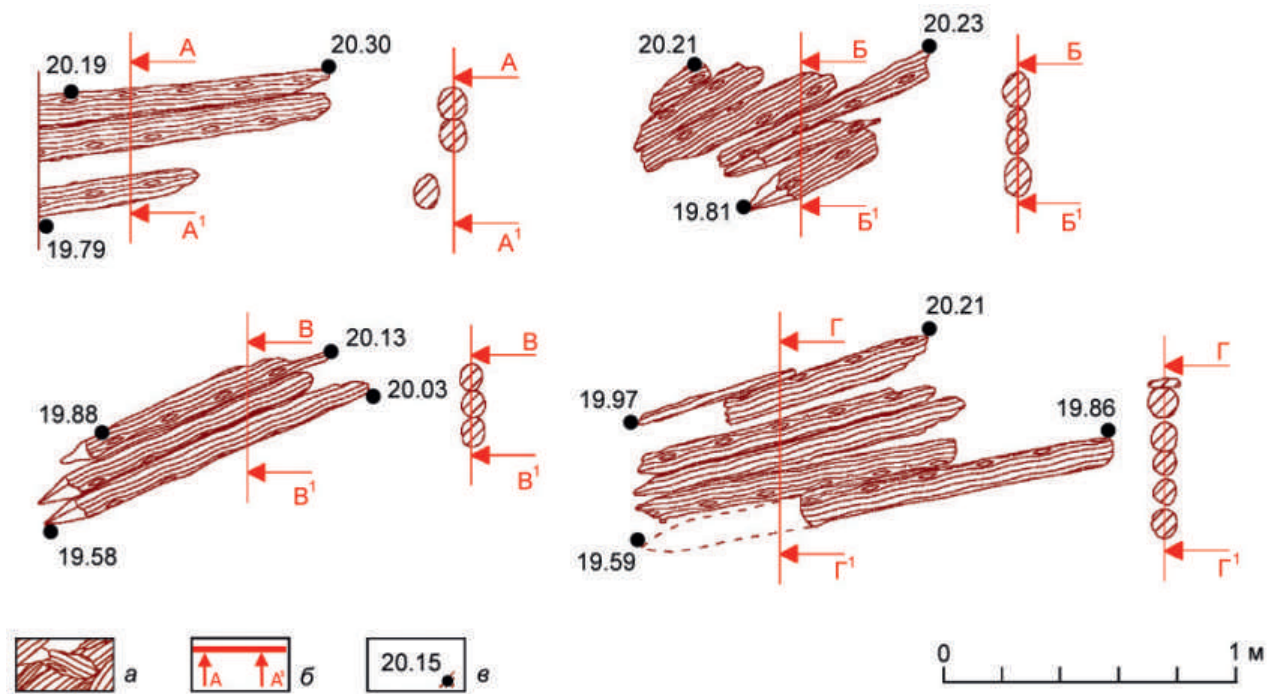

Рис. 6. Остатки поперечных стенок внутренней линии укреплений. Условные обозначения: а — остатки дерева; б — линии разрезов; в — нивелировочные отметки по Балтийской системе координат

Fig. 6. Remains of transversal walls of the internal line of fortifications. Keys: а — remains of wood; б — lines of sections; в — level marks in the Baltic System of Heights

и за счет этого держались облицовочные бревна. Внутри сруб заполнялся сунесью. Скорее всего, эта внутренняя стена достигала уровня площадки Городища, так как ее основной целью являлось укрепление берегового эскарпа. Использование заостренных бревен при возведении крепостных сооружений на Городище объясняет факт находки их в значительном количестве в заполнении рва. Интересно, что в 2019 г. у окладного венца также был зафиксирован четкий след от вбитого вертикального кола, то есть внизу внутренняя городня укреплялась еще и подобным образом.

Итак, анализ материалов предшествующих лет и фиксация в 2019 г. уровня нижнего венца внутренних оборонительных конструкций позволяют мне сделать вывод, что первоначально склон холма эскарпируют до уровня 20,12 м (БС), далее обустривают площадку, с которой и возводят внутреннюю линию укреплений. Для боковых стен применяются бревна разной длины, в зависимости от расстояния до эскарпа.

Внешняя линия деревоземляных конструкций. Дальнейшие исследования показали, что в 2,2–2,8 м к югу–юго-востоку от внутренних

сооружений склон еще раз подрезается, до уровня 18,6 м (БС) и обустривается вторая площадка, на которой возводят фасадную стену крепости. Разница в высоте двух линий укреплений составляет 1,5 м (рис. 4).

В полевых сезонах 2019–2021 гг. были получены новые довольно неожиданные материалы для научной реконструкции фасадной стены крепости. Этому способствовали два фактора. Во-первых, раскоп был заложен в нижней точке мысовой части памятника, а учитывая многовековой паводковой режим Ильменя, было ясно, что только здесь мы можем ожидать наилучшую сохранность дерева. Во-вторых, в последние годы уровень воды в Волхове все-таки позволил нам опуститься до материка у подножия крепости, хотя вода постоянно поступала в раскоп.

Одним словом, в 2021 г. удалось полностью расчистить одно из прясел внешнего сооружения, находящегося *in situ*. Оно располагалось в 6,5 м от внутренних деревянных конструкций и в 2 м от края рва, то есть между деревоземляными укреплениями и рвом существовала площадка — берма (рис. 4). Никаких городней, которые

мы ожидали увидеть, не было, это была монолитная стена. Особенно хорошо сохранился ее отрезок, сложенный из пяти лежащих друг на друге длинных (7,5–8,0 м) дубовых бревен (диаметром 25–30 см) (рис. 7). С внутренней стороны в них были врублены поперечные стенки, фактически выполняющие роль контрфорсов, держащих фасадную часть (рис. 8). По принципу сооружения данная конструкция напоминала трехстенные срубы внутренней линии укреплений. У подножия с внешней стороны стену подпирали довольно мощные хорошо сохранившиеся колья, вбитые в грунт (один или даже два рядом). На площади раскопа 2019–2021 гг. было зафиксировано восемь поперечных стенок разной сохранности и длины (от 1,0 до 3,6 м) на высоту до 1,1 м. Там, где была возможность проследить их стратиграфию, хорошо видно, что бревна этих стенок упираются в нижний эскарпированный слой материка (рис. 9), покрытый коркой окислов железа — результат постоянной заболачиваемости почвы. В отличие от внутренних конструкций концы бревен этих стенок не были заострены.

В 2021 г. нам удалось проследить внешнюю стену крепости примерно на 12 м и зафиксировать ее изгиб. Она шла по подошве холма с юго-запада на северо-восток. При изучении отчетов 2001 и 2002 гг. было сделано еще одно любопытное наблюдение. В 2001 г. на уровне 20,34–20,00 (БС) было выявлено довольно длинное дерево, проходящее по диагонали через раскоп и уходящее в его северную стенку (Носов, 2002. Л. 8, рис. 7). В полной мере оно было расчищено в 2002 г. Его длина в пределах раскопа достигала 5 м (Носов, 2003. Л. 64, рис. 5). Оно лежало в направлении юго-запад–северо-восток. Поскольку все конструкции и их развалы имеют уклон соответственно рельефу местности, то я обратила внимание, что на уровне 19,57–19,36 БС юго-западнее данное бревно имеет продолжение в виде еще одного мощного дерева, лежащего в том же направлении и уходящего в западную стенку раскопа (его длина в пределах раскопа 2 м). Причем в отчете отмечается, что оно входит в элементы дубовых конструкций, сохранившихся, «кажется, в первоначальном виде» (Там же. Л. 9, 69, рис. 12). Это замечание чрезвычайно важно, поскольку, когда я совместила все чертежи, длинные бревна, обнаруженные на соседнем участке в 2001 и 2002 гг., оказались прямым продолжением нашей стены (рис. 4).

Итак, основу внешней дубовой конструкции Городища составляли длинные бревна. В разные годы подобные бревна с чашками-врубками в хорошем состоянии встречались в заполнении рва. Так, в 2001 г. ниже скопления дерева, в котором усматривается развал пяти городней, в верхней части заполнения рва были обнаружены два параллельно лежащих огромных бревна (8,16 и 9,2 м длиной, соответственно 22 и 24 см диаметром). На одном было две чашки-врубki, на другом — три. Бревна скатились сверху при разрушении крепости и законсервировались, но изначально было непонятно, какую роль они играли в этом крепостном сооружении. Аналогичные бревна, также лежащие параллельно в верхней части заполнения рва, удивительно хорошей сохранности, были расчищены и в 2021 г. (неполная длина одного — свыше 7 м, диаметр 22 см; второе соответственно — 10,4 м и 26 см). Поскольку теперь было ясно, что эти деревья составляют основу фасада крепости, то они были внимательно изучены, и это позволило получить важную дополнительную информацию о деталях конструкции и характере строительства.

Приведем некоторые из наших наблюдений. На конце одного из бревен имелась специальная прямоугольная врубка для сращивания деревьев по длине. Это доказывает, что стену делали единым монолитом, накладывая конец одного бревна на конец другого для продолжения общей линии конструкции. Небольшие зазоры оставались только при поворотах, один из них нам удалось, видимо, зафиксировать в раскопе, но это требует проверки. Многие вещи говорят о небрежности и поспешности строительства. В частности, широко использовались неокоренные деревья. По мнению специалиста в области деревянного зодчества В. А. Попова, чаши-врубki на длинных дубах, составляющих основу внешней стены, делали одновременно разные люди. Не соблюдалось равное расстояние между врубками, что вылилось в иррегулярность в расположении поперечных стенок. При возведении конструкции деревья клали «кругляшами», продольных пазов для подгонки бревен не делали. Поскольку дуб — дерево неровное, то когда между бревнами образовывались большие зазоры, туда просто вбивались различного рода подкладки (плашки, подтесанные чурки и пр.). Местами между бревнами фиксируется глина, скорее всего промазывали пазы.

Рис. 7. Общий вид на цокольную часть внешней крепостной стены с фасада, вид с юго-востока
Fig. 7. General view at the socle part of the external defensive wall on the façade, view from south-east

Рис. 8. Цокольная часть внешней крепостной стены с внутренней стороны конструкции, вид с севера
Fig. 8. Socle part of the external defensive wall from the inner side of the construction, view from north

Рис. 9. Одна из поперечных стенок внешних укреплений, вид с запада
Fig. 9. One of the transversal walls of the external defences, view from west

Все эти наблюдения приводят к мысли, что крепость рубилась в короткие сроки, и у строителей не было ни достаточного опыта в возведении подобных сооружений, ни продуманного инженерного проекта. Укрепления прежде всего должны были продемонстрировать значимость самого поселения как административного центра, где находился князь и его дружина. Помимо несовершенства в приемах строительства следует указать на еще один важный инженерный просчет — дубово-земляная конструкция, хоть и потребовала внушительных строительных усилий и привлечения значительного числа людей, была возведена на песке, в прямом и переносном смысле этого слова, и участь ее была предрешена. Археологические материалы свидетельствуют, что крепость не горела, никто ее никогда не брал, но под воздействием природных сил она начала разрушаться достаточно быстро. Ее даже не пытались ремонтировать. Верхние ее части стали заваливаться в ров, где мы их и нашли, а нижние — проседать и заплывать культурным слоем. К концу IX в. это грандиозное оборонительное сооружение прекратило свое существование. Ров к этому времени достаточно заплыл, и на рубеже веков в нем строят наружные хлебные печи. Несмотря на примитивность приемов строительства открытого нами оборонительного сооружения, не стоит забывать, что дубово-земляные укрепления Рюрикова городища являются на территории Древней Руси

одними из древнейших и имеют исключительную важность для изучения истории становления традиций древнерусского крепостного зодчества.

Заключение

В заключении мне хотелось бы подчеркнуть, что данная статья написана по открытиям последних полевых сезонов Новгородской областной экспедиции⁸, и полученный материал еще до конца не обработан, поэтому выводы, изложенные в ней, носят предварительный характер.

В результате возобновленных работ в мысовой части Городища был доследован ров и практически полностью расчищены внешние дубово-земляные конструкции. В настоящее время установлено, что Сиверсов канал не разрушил стены крепости, а прошел по рву и уничтожил постройки, находящиеся в низине, за его пределами. Кроме того, удалось выявить ступенчатость конструкций — от площадки, являвшейся основанием внутренних дубово-земляных укреплений, была сделана подрезка материка еще практически на 1,5 м, где была оборудована нижняя площадка, с которой стал возводиться внешний дубовый панцирь. Между внешней стеной и краем рва помещалась берма шириной 2 м.

⁸ Хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто в эти годы принимал участие в работе экспедиции, и прежде всего начальникам раскопов О. В. Григорьевой и В. Л. Полигаеву.

Как и ожидалось, поскольку данный участок Городища длительное время периодически находился под водой, то именно здесь деревянные конструкции имели наилучшую сохранность. Главным успехом наших работ явилось открытие цокольной части прясла стены, стоящей на материке в непо потревоженном виде. Сохранность дерева позволила в деталях проследить ее конструктивные особенности, а также получить значительное количество образцов для дендрохронологического исследования и определения времени возведения ранних укреплений городища⁹. В настоящее время получены дендродаты восьми деталей, они укладываются в узкий хронологический интервал с 858 по 861 гг.; дальнейшие исследования позволят верифицировать эту предварительную датировку.

⁹ Изучение спилов из раскопок 2019–2021 гг. проводится в лаборатории дендрохронологии Центра археологических исследований Новгородского музея-заповедника О. А. Тарабардиной.

В связи с новыми находками я постаралась подытожить материалы по оборонительным сооружениям Рюрикова городища, полученные в прошлые годы, высказав свои предположения относительно интерпретации внутренней линии укреплений. Изучение деревянных сооружений в археологии обычно сопряжено с большими сложностями, связанными с состоянием и сохранностью источника. Мы никогда не сможем достоверно реконструировать верхние части крепости, как, видимо, и ответить на вопрос о характере укреплений с напольной стороны. Нам посчастливилось найти фрагмент стены, дошедшей до наших дней в непо потревоженном виде, но при этом закономерно появились, а точнее «вылезли из-под земли», другие, пока необъяснимые факты, на которых я не стала останавливаться в рамках данной работы. Но они ставят новые задачи, решение которых в значительной степени зависит от продолжения полевых исследований, а также уровня воды в Балтийском бассейне.

Александровский и др., 2014 — Александровский А. Л., Леонтьев А. Е., Кренке Н. А., Долгих А. В. Ранняя история ландшафтов древнерусских городов (становление культурного ландшафта) // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / Ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 99–107.

Григорьев, 2000 — Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К°, 2000 (Тр. Тульской археологической экспедиции; Вып. 2). 263 с.

Кудрявцев, 2020 — Кудрявцев А. А. Раскопки участка рва Рюрикова городища при архитектурно-археологических исследованиях церкви Благовещения в 2016–2017 гг. // АВ. 2020. Вып. 28. С. 80–87.

Моргунов, 2009 — Моргунов Ю. Ю. Дерево-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М.: Наука, 2009. 303 с.

Носов, 1990 — Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, Лен. отд., 1990. 214 с.

Носов, 2002 — Носов Е. Н. Отчет о полевых работах Новгородской областной экспедиции в 2001 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2002. Д. 21.

Носов, 2003 — Носов Е. Н. Отчет о полевых работах Новгородской областной экспедиции в 2002 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2003. Д. 20.

Носов, 2007 — Носов Е. Н. Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской

государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Материалы междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 4–7 октября 2005 г.) / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 23–58.

Носов и др., 2005 — Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя (новые материалы и исследования). СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. XVIII). 403 с.

Носов и др., 2016 — Носов Е. Н., Еремеев И. И., Дорофеева Т. С. Полевой сезон 2015 года на Рюриковом городище // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2016. Вып. 30. С. 110–112.

Носов и др., 2017 — Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 287 с.

Носов, Хвощинская, 2018 — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. Древний ров Рюрикова городища и судьба княжеского храма Благовещения 1103 г. // Записки ИИМК РАН. 2018. № 19. С. 137–147.

Носов, Хвощинская, 2019 — Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. Хлебные печи Рюрикова городища // Записки ИИМК РАН. 2019. № 20. С. 121–131.

Тихомиров, 1956 — Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. М.: Политическая литература, 1956. 474 с.

Fortifications of Ryurik Gorodishche near Novgorod in the light of the last archaeological explorations

N. V. Khvoshchinskaya¹⁰

This paper is written after the fresh results of the field discoveries of the Novgorod Oblast Archaeological Expedition and is of as yet a preliminary character. In the course of the resumed investigations at the promontory section of Gorodishche in 2018, investigations of the moat were completed and the external wood and earthen defences were completely excavated. In addition, it has been succeeded to reveal the stepwise character of the wood and earthen structures beginning from the platform which constituted the base of the inner defences; also the virgin soil was dug additionally for one and a half metres where the lower area had been prepared for construction of the outer oaken shield. Between the external wall and the edge of the moat there was a berm two metres wide. As expected before, exactly here the wooden structures were the best preserved because this area of the hillfort for a long time was periodically submerged under water. The main success of our studies was in the discovery of the socle part of the fortress wall standing on the virgin soil layer in an undisturbed condition. It was a monolithic wall built of long oaken logs. From the inner side, transversal walls were cut into it serving as buttresses since it is exactly owing to them that the façade part was supported. In connection with the new finds I attempted to summarize the data on the defensive installations of Ryurik Gorodishche obtained in the previous years and to propose my suppositions on the reconstructed character of the internal line of the three-wall frameworks which were intended to strengthen the riverside escarps.

The new investigations have yielded important additional information on the details of the construction and the process of building of the fortress. Numerous observations indicate a carelessness and hastiness of the works. Particularly, undressed wooden logs were widely employed. The cut-in bowls in the oak wood were made simultaneously by different persons, i.e. the work was carried out by teams. No equal interval between the cuttings was observed that has been reflected in an irregularity of the positions of transversal walls. During the building of the structure, the trees were laid as round logs and no lengthwise slots were made for their adjustment. Oak is an uneven tree, therefore simply wedges of different kind (plates, trimmed chocks etc.) were driven where large gaps were formed between the logs. In places, clay is traceable between the logs: probably the slots were daubed for greater strength.

All these facts bear evidence that the fortress was constructed in a short time and that the builders possessed neither the experience in building of structures of this type nor any well thought-out engineering project. The defences were intended primarily to demonstrate the importance of the settlement proper as an administrative centre occupied by the prince and his armed guard. Besides the imperfection of the building technique, another important engineering flaw is notable — the structure from earth and oak, although it required considerable building efforts and involvement of a great number of workers, was erected near a hill slope actually on sand in a literal and figurative sense so that its fate was predetermined. Archaeological evidence demonstrates that the fortress never had been burnt and nobody seized it but its ruination started under the impact of the natural forces. Its upper parts began to fall down into the moat where we have actually found them, while the lower section began to sag and be spread over with the cultural layer. By the end of the 9th century, this grandiose defensive installation ceased its existence. The moat by that time had been considerably filled with soil and at the turn between the 9th and 10th century, outer ovens for baking bread were constructed in it. Notwithstanding the primitive and unprofessional character of the uncovered defences it must be remembered that the wood and earth fortifications of Ryurik Gorodishche are the earliest ones in the territory of Old Rus' and are extremely important for studies of the history of formation of the Old-Russian traditions of fortress-building.

¹⁰ Natalia Khvoshchinskaya — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: kottimoshka85@mail.ru.

По следам забытого киевского клада, найденного в 1876 г.

Л. Пекарская¹

Аннотация. Статья посвящена богатому по содержанию, но частично разграбленному киевскому кладу XI — начала XII в., найденному в усадьбе Игнатия Лескова в 1876 г. Впервые детально описаны история его обнаружения, поступление в музейные и частные коллекции, атрибутированы предметы, потерявшие со временем связь с кладом, а также отнесенные к нему ошибочно. Парность и сходство наборов женских украшений может свидетельствовать о родственной связи их владельцев. Впервые публикуются документы и рисунки отдельных предметов клада, сохранившиеся в фонде Императорской археологической комиссии.

Annotation. The article is focuses on the rich but partially looted Kievan treasure of the 11th and early 12 centuries discovered on the estate of Ignatius Leskov in 1876. It is the first in depth study on the history of the find, with full attributions, details of the whereabouts of all items — museums and private collections — and a review of how some individual items became disassociated from the find while others were erroneously linked to it. Matching and similar combinations of women's jewellery reveal family connections of the owners of the pieces. Documents and drawings of individual treasure items that were preserved within the Imperial Archaeological Commission's collection are also being published for the first time.

Ключевые слова: Киев, клады, перегородчатая эмаль, XI–XII вв.

Keywords: Kiev, treasures, cloisonné, 11–12 centuries.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-121-134

Среди самых богатых вещевых кладов великокняжеского периода, открытых в Киеве во второй половине XIX в., следует выделить комплекс предметов, найденных в усадьбе Игнатия Лескова на углу Большой Владимирской улицы и Десятинного переулка 18 марта 1876 г. Спрятанный в двух сосудах (медном и глиняном)² клад состоял преимущественно из золотых драгоценностей — изысканных украшений женского персонального убора, разных типов и техники изготовления, в том числе с перегородчатыми эмалями. Только

несколько изделий были выполнены из серебра. О богатстве клада и его владельца свидетельствует также и наличие в нем 14 слитков серебра — монетных гривен киевского типа, которые играли важную роль в товарно-денежных отношениях Руси. Вес каждой гривны был приблизительно равен византийской полулитре (163,73 г), а общий вес только находки гривен составлял более 2290 г.

Многие случайно открытые в то время клады драгоценностей после их обнаружения были частично расхищены, проданы, переплавлены и не попали в музейные собрания. Этот также не стал исключением. Он не уцелел в полном составе, так как часть предметов исчезла непосредственно во время его открытия.

Полная событий биография клада в XIX в. сопровождалась интересом к нему. Первоначально вещи были направлены в канцелярию киевского губернатора Николая Павловича Гессе, оттуда — к киевскому, подольскому и волынскому генерал-губернатору князю Александру Михайловичу

¹ Библиотека и Архив им. Т. Шевченко в Лондоне; 49, Linden Gardens, London W2 4HG, Great Britain; e-mail: ljudmila_p@hotmail.com.

² Глиняный сосуд утрачен, разбит рабочими, нашедшими клад. Другой сосуд, из листовой красной меди, имел форму ведерка (высотой 17,6 см, диаметром 12 см) с низким цилиндрическим горлышком (высотой 1,5 см, диаметром 4,4 см), с одной стороны которого было отверстие в виде замочной скважины. Втулка плотно входила в горлышко и тоже имела отверстие для замка (Беляшевский, 1889. С. 24–26).

Дондукову-Корсакову. О кладе писали газеты, говорили дельцы, коллекционеры и ученые, в качестве вещественных доказательств предметы принимали участие в судебном процессе над землекопом, случайно наткнувшимся на сосуды с драгоценностями во время работ в усадьбе и присвоившим серебряные слитки.

Несколько украшений, тайно проданных владельцем, поступили позднее в частные собрания известных коллекционеров того времени — Б. И. Ханенко, А. В. Звенигородского, затем Джона Пирпонта Моргана в Нью-Йорке, а из его коллекции — в музей (*Pekarska*, 2011. Р. 160–162, inv. no. 17.190.679). Лесковский клад дважды побывал в Санкт-Петербурге — сначала в Императорской археологической комиссии (ИАК), которая занималась фиксацией сведений о подобных находках, а затем в Императорском Эрмитаже. В его состав входили уникальные украшения, которые не имели аналогов среди других киевских кладов того времени, или очень редкие, известные только в нескольких экземплярах. Отдельные его предметы были опубликованы в роскошных изданиях XIX в. (*Кондаков*, 1892; 1896).

В XX в. интерес к кладу угас и о нем почти забыли. За прошедшие почти полтора столетия с момента его находки вещи не исследованы и не опубликованы полностью. За это время некоторые из украшений потеряли свои инвентарные номера, а также связь с кладом, и в современных музейных изданиях представлены уже как беспаспортные. Среди них, например, нагрудные серебряные цепи, место и дата находки одной из них считаются неизвестными, а второй — ограничена территорией Киева (*Музей історичних...*, 2004. № 126. С. 165, 409; *Музей...*, 2013. С. 49; *Gold aus Kiew*, 1993. S. 289, kat. Nr. 113).

Место отдельных украшений в изданиях заняли другие, не имеющие к кладу никакого отношения. В частности, золотой звездчатый колт великолепной сохранности, опубликованный во многих изданиях, посвященных древнерусскому декоративно-прикладному искусству, в музейных каталогах и путеводителях значится как происходящий из клада, найденного в усадьбе Лескова (*Lor des steppes...*, 1993. Р. 133, No 144; *Музей історичних...*, 2004. № 117. С. 155, 406; *Музей...*, 2013. С. 52).

Все это привело к необходимости вернуться к изучению этого клада, подробнее осветить его историю и судьбу, обратить внимание на некото-

рые особенности его состава и трактовку отдельных изображений, которая сегодня подвергается сомнению.

Богатая находка 18 марта 1876 г. в центральной части Старого Киева во время земельных работ на усадьбе Игнатия Лескова, недалеко от Десятинной церкви, сразу привлекла к себе внимание коллекционеров и прессы. Последняя наполнилась слухами о драгоценностях. Не без доли преувеличения и домыслов, газеты увлеченно писали о ценной находке, которая якобы «...оказывается замечательным сокровищем — груда золотых вещей весом в несколько фунтов...» (здесь и далее — выдержки из «Петербургской Газеты» от 15 Апреля 1876 г. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 116-об.). Петербургские газеты перепечатывали известия из киевской прессы, убежденно информируя о том, что большая часть золота уже скуплена местными дельцами и переплавлена, «как они обыкновенно делают в нашем крае в подобных случаях». Приводили в пример ювелира с киевского Подола, который заплатил за фунт золота 20 рублей, а другой за 14 слитков серебра — всего 90 копеек. «В свое время две гривны, найденные в новгородской местности, вызвали специальные описания в исторических журналах, а у нас 14 старинных гривен были уступлены... за 90 копеек», — возмущенно писала газета. Упомянулось, что нашедшие клад рабочие, не зная цены, дарили друг другу золотые перстни и прочие вещи. По неподтвержденным слухам, немало предметов попало в полицию, и лишь небольшая часть клада сохранилась у владельца усадьбы. Вывод по данной находке был следующим: «...Есть основание полагать, что ящик и кувшин, в которых была груда вещей, попали в землю из великокняжеского казнохранилища в эпоху какого-нибудь неприятельского нашествия. Вещи были замечательно искусной греческой работы с эмалью и жемчугом. Ожерелья и большие золотые серьги уцелели. Вообще часть вещей, находящаяся теперь у г. Лескова на Житомирской улице, вероятно, не уйдет от музея древностей...».

Согласно закону, найденные в земле драгоценные предметы необходимо было представить в государственную казну с возмещением владельцу суммы в зависимости от стоимости материала и художественной ценности изделий. Закон этот также обсуждался в прессе, и определенная группа дельцов считала его главной помехой продажи подобных находок с аукциона (целиком или

поштучно) в зависимости от оценки вещей (*Кондаков*, 1896. С. 112–113).

Вскоре Археологической комиссии стало известно от М. В. Юзефовича³, находящегося в марте 1876 г. в Петербурге, а также из газет о том, что в Десятинном переулке в Киеве найден клад, состоящий из золотых и серебряных древних вещей и медный сосуд с серебряными монетными слитками. ИАК обратилась письменно к генерал-губернатору Юго-Западного края князю А. М. Дондукову-Корсакову, сообщая, что недавно найденные в Киеве два клада, особенно второй (имеется в виду сосуд с монетными серебряными слитками), могут иметь важное научное значение. В связи с тем что ИАК обязана фиксировать важные открытия предметов древности, Комиссия обращается «...с покорнейшею просьбою не найдете ли возможность приказать собрать сведения об участии упомянутых двух кладов и, если лица, которые ими владеют в настоящее время, будут разысканы, распорядиться доставлением в Археологическую Комиссию предметов, из которых состоят клады. Находчики или владельцы кладов могут получить за них от Комиссии соответствующее материальной и археологической их стоимости вознаграждение. Если же они пожелают сохранить за собою найденные в Десятинном переулке древности, то они будут им возвращены», — говорилось в письме⁴.

Необходимые указания были сделаны. И через две недели, 15 апреля 1876 г., из канцелярии киевского губернатора Н. П. Гессе вещи клада вместе с их описью и сопроводительным письмом были отправлены киевскому, подольскому и волыньскому генерал-губернатору А. М. Дондукову-Корсакову.

В своем письме Н. П. Гессе, в частности, писал про «...найденные 18 марта в земле разные вещи при раскопе усадьбы Киевского Гражданина Игнатия Лескова, на углу большой Владимирской и Десятинной Улиц. Вещи эти были осмотрены

³ Михаил Владимирович Юзефович (1802–1889) — председатель Киевской археографической комиссии, член Императорского Русского географического общества и Копенгагенского общества северных антиквариюв.

⁴ Письмо ИАК Министерства Императорского Двора Киевскому, Подольскому и Волыньскому генерал-губернатору А. М. Дондукову-Корсакову от 1 апреля 1876 г. за № 84 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 116, 110б., 12).

Профессором Университета Св. Владимира и Секретарем Археологической Комиссии Антоновичем, который, хотя и обещал мне представить подробное их описание, но такового до сих пор не доставил»⁵.

Губернатор объяснял, что задержка отправки вещей произошла из-за розыска полицией 14 слитков серебра (имеются в виду монетные гривны), которые были припрятаны землекопом после находки и проданы. За это последний был привлечен к уголовной ответственности. Н. П. Гессе также уведомлял о том, что Игнатий Лесков оценивает представленные вещи в 10 000 рублей и только за эту сумму согласился бы их продать. В случае отказа он просил вернуть ему вещи. Мировой судья требовал через полицию возврата всех найденных вещей для рассмотрения судебного дела.

В связи с указанным выше запросом в канцелярии киевского губернатора Н. П. Гессе была подготовлена первая опись предметов клада. Она является важным документальным источником, где зафиксированы все уцелевшие во время находки древности, находившиеся у ее владельца в апреле 1876 г. Оригинал этой описи, который сохранился в делах Императорской археологической комиссии, приводится впервые (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 15, 150б.) (рис. 1).

Генерал-губернатор препроводил описанные выше древние украшения графу С. Г. Строганову⁶ на рассмотрение их Археологической комиссией⁷. Указанные предметы находились в ИАК более месяца. Киевская находка была зафиксирована, составлена Записка о найденных вещах⁸,

⁵ Письмо Киевского губернатора Н. П. Гессе генерал-губернатору А. М. Дондукову-Корсакову от 15 апреля 1876 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 14, 140б.).

⁶ Сергей Григорьевич Строганов (1794–1882) — граф, государственный деятель, генерал-адъютант, член Государственного совета, сенатор, коллекционер, меценат, историк искусства, археолог. Основатель и председатель Императорской археологической комиссии с 1859 по 1882 г.

⁷ Письмо генерал-губернатора Юго-Западного края А. М. Дондукова-Корсакова председателю ИАК С. Г. Строганову от 21 апреля 1876 г. за № 1121 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 13, 130б.).

⁸ Записка о найденных вещах, подготовленная секретарем Археологической комиссии Петром Ивановичем Лерхом (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 18).

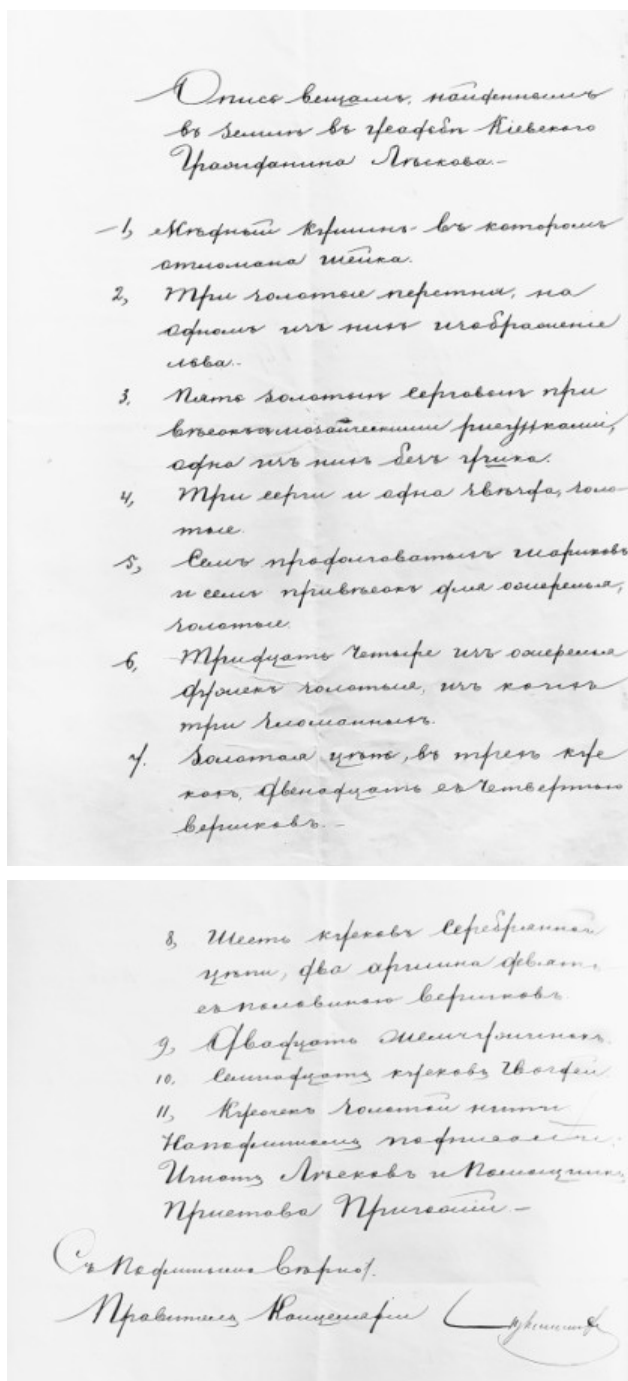

Рис. 1. Оригинал первой описи клада 1876 г. из фонда ИАК в Санкт-Петербурге (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 15, 15об.).

Fig. 1. Original record of the hoard's content in 1876 from the IAK in St. Petersburg (Scientific archive of the IHMC RAS. Manuscript department. Archive group 1. 1876. File 10. Sheet 15, 15tur.)

художники зарисовали присланные древности, но не все. Хотя уцелевшие золотые колты с перегородчатой эмалью находились в ИАК (две пары и одиночный, всего пять штук), только один из них был зарисован, а позднее опубликован Н. П. Кондаковым. Автор отмечал, что клад был полностью срисован для ИАК (Кондаков, 1896. С. 113). Однако изображения других колтов отсутствуют как в его работе, посвященной древнерусским кладам, так и в архиве ИАК.

Сумма сделки, указанная Игнатием Лесковым (10 000 рублей), была слишком велика⁹. Председатель Археологической комиссии С. Г. Строганов распорядился возвратить предметы клада владельцу. В благодарственном письме киевскому генерал-губернатору, в частности, отмечалось: «...возвращая при сем доставленные Вами древние вещи... имею честь принести Вашему Сиятельству искреннейшую благодарность Археологической Комиссии за сообщение столь интересных предметов древности, приблизительное определение которых изложено в прилагаемой записке», — писал от имени ИАК историк, археолог-искусствовед Степан Александрович Геденов¹⁰.

Вещи вернулись в Киев и были возвращены их владельцу в июне 1876 г. Местные археологи, профессора Киевского университета В. Б. Антонович и А. С. Рогович посетили Игнатия Лескова с целью ознакомления с предметами клада, хотя и не все из них удалось осмотреть. Член Киевского общества древностей и искусств В. Б. Антонович, делавший позднее сообщение об этой находке в Обществе Нестора Летописца, отмечал, что по не зависящим от него причинам ему не удалось осмотреть все вещи, в том числе и медальон, по словам владельца, с эмалевым изображением (Антонович, 1879. С. 253–254).

Тем не менее В. Б. Антонович, который заведовал мюнц-кабинетом и музеем древностей в университете, был чрезвычайно заинтересован

⁹ Согласно источникам, в 1870-х гг. среднемесячная зарплата среднего рабочего составляла 25 рублей. Годовой заработок рабочего в Москве составлял 189 рублей, а цена приличного дома в небольшом городе — 3000 рублей. Как жил русский рабочий до революции // Русский портал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oposuu.com/rab1913.htm> (дата обращения 11.11.2020).

¹⁰ Письмо ИАК киевскому генерал-губернатору от 31 мая 1876 г. за № 120 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 17).

в пополнении их коллекции этой богатой находкой. В результате через три года после открытия клада он был приобретен у Игнатия Лескова за 1000 рублей для музея древностей Киевского университета св. Владимира по распоряжению его Правления за № 837 от 13 апреля 1879 г.

После этой успешной сделки все предметы клада были записаны в Рукописный каталог музея Киевского университета под инвентарными номерами 2320–2336. Однако описание предметов начинается с № 2321. Список «означения вещей» приводится далее в соответствии с указанным каталогом, хранящимся в НМИУ¹¹:

2321 Звезда золотая семилучистая с ушком на конце одного луча. Весом 3 золотника, 88 долей;

2322 Предмет неизвестного назначения, состоявший из 34 золотых полуколец, с одного конца трубочка для нанизывания, с другого два маленькие отверстия (4 кольца сломаны), на 4 есть эмалированные пластинки в виде дна, окаймленные жемчугом, жемчуг по большей части высыпался — хранится отдельно. (Вес 19 золотников 91 доля);

2323 Часть золотого ожерелья, состоящая из семи блях выпуклых, представляющих подобие лилии, и из семи золотых длинных шестигранных бус — весом все в 11 золотников 60 долей;

2324 Золотой шейный медальон, украшенный эмалью; на одной стороне на круге среди арабесков лицо *en face* в диадеме или шапке; на другой стороне несколько испорченный и вдавленный жезл и по сторонам его две птицы, вверху медальона золотая петля. Вес 3 золотника, 88 долей;

2325 Такой же медальон, без петли, но лучше сохранившийся. Вес 3 золотника 63 долей;

2326 Серьга золотая с тремя ажурными шипами. Вес 1 золотник 67 долей;

2327 Такая же серьга, средний шип испорчен. Вес: 2 золотника 23 долей;

2328 Такая же серьга с сплошными шипами. Вес 1 золотник 43 доли;

2329 Золотой перстень с 6-угольной печатью, на ней в кайме из арабесков лев стоит на лево, с поднятою переднюю лапою, кругом точки. Вес: 1 золотник 46 долей;

2330 Такой же перстень, на печати знак не ясный. Вес: 3 золотника, 57 долей;

2331 Серебряная толстая, четырехгранная цепь, концы вделаны в наконечники, последние соединены кольцом. Вес: 86 золотников 52 доли;

2332 Такая же цепь тоньше и без кольца. Вес: 30 золот. и 3 доли;

2333 Обломки колец от серебряных цепей весом в 2 золотника и 10 долей;

2334 Обломки железных гвоздей, найденные в одном сосуде с вышеописанными вещами;

2335 Медный сосуд с такою же крышкою и с сквозными в ней отверстиями для замка, шейка его отломана;

2336 Пряслица из красного шифера. Найдено в Киеве в окрестности Десятинной церкви».

В примечании к описанным выше предметам ошибочно указано, что № 2320–2335 найдены в усадьбе г. Лескова не в 1876 г., а в 1875 г. Замыкает перечень этого поступления в описи № 2336 шиферное пряслице, найденное в окрестности Десятинной церкви. Имело ли оно отношение к кладу — неизвестно. В примечании указано, что «вещи находили в двух сосудах, медном (№ 2335) и глиняном, разбитом рабочими, похитившими 14 серебряных Киевских гривен и несколько других предметов». Вещи № 2321–2336 были куплены у И. Лескова по распоряжению Правления университета № 837 от 13 апреля 1879 г.

Судя по представленной описи, в музей поступило меньше предметов, чем было отправлено в ИАК вскоре после находки. Известно, что часть вещей была похищена рабочими во время открытия клада. Однако некоторые украшения исчезли после их возвращения из ИАК в июне 1876 г. и до покупки клада университетским музеем. За это время они были проданы И. Лесковым порознь, скорее всего дельцам. Видимо, поэтому В. Б. Антонович и не смог осмотреть все вещи во время своего визита к И. Лескову. Этим же можно объяснить их отсутствие при покупке клада музеем в апреле 1879 г.

Из уцелевших предметов в музей не поступили золотой перстень, пара золотых колтов и единичный золотой колт, обнизанные жемчугом в технике перегородчатой эмали, золотая нить, 20 жемчужин, золотая цепь в трех кусках. Несмотря на такие потери, В. Б. Антонович, который подготовил обзор многочисленных предметов древности, найденных в Киеве и хранящихся в университетском музее, охарактеризовал новое поступление как «самую богатую коллекцию предметов княжеской эпохи», которая

¹¹ Приношу глубокую благодарность Ольге Пуклиной, НМИУ, за помощь в предоставлении данных музейного инвентаря.

поступила в фонды музея почти полностью (Антонович, 1888. С. 124–125).

В начале 1885 г. ИАК получила сведения о том, что почти десять лет тому назад найденные в Киеве на усадьбе И. Лескова древности были приобретены графом В. П. Орловым-Давыдовым. Для выяснения этой информации «...Комиссии весьма желательно было бы иметь подробную опись приобретенным графом Орловым-Давыдовым древностям и точные сведения о месте находки их...», — уведомлял председателя ИАК А. А. Васильчикова делопроизводитель комиссии И. Сулов¹². Имея такие данные, ИАК, фиксирующая передвижения выявленных ценных вещевых кладов, снова обратилась к киевскому генерал-губернатору с просьбой: «...Имп. Арх. Комиссия имеет честь покорнейше просить Канцелярию г. Киевского Генерал-Губернатора навести справку: находятся ли в настоящее время упомянутые древности у г. Лескова или проданы они, частями или полностью, кому именно, когда и за какую сумму. О последующем Комиссия ожидает уведомления по возможности в самом непродолжительном времени»¹³. Письмо, за отсутствием председателя ИАК, подписали барон В. Г. Тизенгаузен¹⁴ и И. Сулов.

Ответ из Киева был отправлен через полтора месяца. Управляющий канцелярией киевского генерал-губернатора уверенно уведомлял ИАК о том, что «...найденные в г. Киеве в усадьбе Гражданина Игнатия Лескова древние вещи ...проданы Лесковым полностью Профессору Университета Св. Владимира Г.[осподину] Антоновичу за 1 тыс. рублей»¹⁵.

Это не вполне соответствовало действительности, так как Лесковский клад был передан

музею не в полном составе. Сведения ИАК о продаже вещей частным лицам были небезосновательными. Возможно, среди покупателей был и граф Владимир Петрович Орлов-Давыдов — известный меценат, обладатель огромного состояния и любитель старины. Однако мы не располагаем доказательствами, подтверждающими это.

Тем не менее именно в 1880-х гг. некоторые вещи клада появились в собраниях известных коллекционеров. Одним из них был петербургский меценат, любитель искусства А. В. Звенигородский, обладатель редчайшей коллекции древних эмалей (Редин, 1904. С. 460–463). Летом 1882 г. коллекционер производил за свой счет при поддержке ученого и археолога В. Б. Антоновича раскопки в Киеве, на территории усадьбы графа П. А. Трубецкого вблизи Десятичной церкви. Работы были успешными. «...Правда, мне, — писал А. Звенигородский, — не удалось извлечь из пластов глубоко-древней Киевской почвы никаких эмалевых предметов, но, по крайней мере, посчастливилось купить, через посредство Я. В. Тарновского, одну серьгу из Киевского клада Чайковского» (Кондаков, 1892. С. II, III).

Г. Ф. Корзухина обратила внимание на то, что золотой с эмалью колт, купленный А. Звенигородским в Киеве, происходил из клада, найденного в усадьбе И. Лескова, а не Ю. Чайковского (Корзухина, 1951. С. 64–65, прим. 2). В усадьбе последнего также был найден клад, но месяцем позже, и состоял он преимущественно из серебряных вещей. Единственная пара золотых колтов отличалась от найденных в усадьбе И. Лескова как типом, так и техникой оформления. Оба клада были найдены почти одновременно, с разницей в месяц, а по прошествии лет А. В. Звенигородский, который в 1883 г. приобрел также часть предметов клада у Ю. Чайковского, вполне мог допустить ошибку в вопросе о происхождении колта, когда через десять лет писал о своей коллекции.

Клад из усадьбы коллежского секретаря Ю. Чайковского по улице Рейтарской также был отправлен в ИАК, но владелец «положительно отказался назначить цену, за которую желал бы уступить эти вещи»¹⁶. Поэтому после их определения и составления записки, вещи были возвращены владельцу в июне 1876 г. Золотые изделия

¹² Письмо делопроизводителя ИАК Ильи Сулова к председателю ИАК А. А. Васильчикову от 29 января 1885 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 19).

¹³ Письмо от 8 марта 1885 г. за № 113 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 20).

¹⁴ Владимир Густавович Тизенгаузен (1825–1902) — историк, археолог, востоковед и нумизмат. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по отделению восточной словесности. Член ИАК с 1861 г., назначен товарищем председателя ИАК в 1895 г.

¹⁵ Письмо управляющего Канцелярией Киевского генерал-губернатора в ИАК от 26 апреля 1885 г. за № 2478 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 21).

¹⁶ Письмо киевского губернатора Н. П. Гессе в ИАК от 28 апреля 1876 г. за № 2149 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 30).

клада (пара колтов и 14 серег киевского типа) владелец сплавил на драгоценный металл, из которого заказал ювелирные украшения для членов семьи¹⁷. В сентябре 1888 г. Ю. Чайковский умер, а его семья в том же году выехала из Киева¹⁸.

Еще одним известным обладателем пары золотых украшений из клада И. Лескова был коллекционер и меценат Б. И. Ханенко. В каком году и при каких обстоятельствах он приобрел эти предметы — неизвестно. Можно только утверждать, что это произошло также в 1880-х гг.

После окончания факультета права Императорского Московского университета Б. И. Ханенко переехал в Петербург, где получил место в Министерстве юстиции. В 1875 г. был назначен на должность мирового судьи, а через год стал членом Окружного суда в Варшаве, куда и переехал. Проживая в Варшаве, он часто посещал Киев и видел, что интереса к искусству в киевском обществе того времени не было. Его же внимание было сосредоточено на произведениях старых мастеров, которые он собирал, активно покупая живопись на аукционах в разных странах и у коллекционеров.

И все же он отмечал, что благодаря профессору Н. А. Петрову при Киевской духовной академии полуофициально создавали Церковно-археологический музей, а в Киевском университете стараниями профессора В. Б. Антоновича возникло небольшое собрание местных древностей.

«...Позднее, кажется, в Киеве появились любители археологии: Хайновский, открывший для публики свой музей древностей и новых картин; генерал Леонардов, Чернов, Кундыревич, Хвойко, Гезе и др. Перевез также из деревни в Киев свое интересное собрание малорусских памятников В. В. Тарновский. Местные антиквары Ильчицкий, Шахновский, Мошко и Богданов, а за сим прибывшие позднее из Нежина Золотницкие, занимались продажей серебряных и разных мелких вещей...», — вспоминал коллекционер в своих мемуарных записках (Ханенко Б., 2008. С. 51–52).

Только в 1881 г., после своей отставки со службы в Варшавском окружном суде, он поселился в Киеве (Там же. С. 13–16). Тут Б. И. Ханенко

продолжил изучать и собирать старинную живопись, а после знакомства с местными коллекционерами и меценатами постепенно увлекся и предметами древности. Проводя раскопки на свои средства в Киевской губернии и покупая предметы старины у дельцов, он собрал большую и ценную коллекцию, которая со временем была описана и опубликована (Ханенко Б., Ханенко В., 1899–1907). В пятом выпуске этого издания, посвященного славянской эпохе (VI–XIII вв.), среди предметов из драгоценных металлов была пара золотых колтов в технике перегородчатой эмали с жемчугом из клада, найденного в усадьбе Игнатия Лескова (Ханенко Б., Ханенко В., 1902. С. 47, табл. XXVII, № 998, 999). Более 3000 экспонатов своего собрания Б. И. Ханенко передал для создания городского музея, строительный комитет которого он возглавлял. В 1904 г. на открытии экспозиции музея, получившего название Киевский художественно-промышленный и научный музей императора Николая Александровича, была представлена и указанная пара золотых колтов. Так эти драгоценные украшения из частной коллекции поступили в собрание городского музея (ныне НМИУ).

Единичный золотой колт из клада Лескова, купленный А. В. Звенигородским, пополнил его великолепную коллекцию эмалей (Pekarska, 2011. P. 158–162). Он был опубликован в уникальном издании, вошедшем в число самых дорогих книг в истории русского книгопечатания, подготовленном по просьбе владельца коллекции историком искусств академиком Н. П. Кондаковым. Колт из клада 1876 г. был размещен в таблице среди подобных золотых украшений в технике перегородчатой эмали, происходящих из клада, открытого в Киеве в 1842 г., и купленных А. В. Звенигородским у Г. Кирьякова в Лубнах (Кондаков, 1892. Табл. 21). Видимо, это послужило основанием более столетия ассоциировать Лесковский колт с кладом, открытым в тайнике алтарной части Десятинной церкви в 1842 г. (Dalton, 1912. P. 3–5, 8–9, pl. III; Brown, 1980. P. 8, fig. 12; Brown, 1997. P. 309–310, fig. 212A; Griffin, 1993. P. 7, fig. 3, 4; Еванс, 1996. P. 160, fig. 1).

В 1895 г. снова возник вопрос о находках в усадьбе И. Лескова. Археологическая комиссия вела подготовку к изданию вещевых кладов Древней Руси, русско-византийских древностей и имела намерение включить в это издание и киевские предметы. В феврале 1895 г. председатель ИАК граф А. А. Бобринский обратился с просьбой

¹⁷ Заметки 1885 г. на описи указанного клада (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 39, 40).

¹⁸ Письмо из Канцелярии киевского губернатора в ИАК от 5 июня 1895 г. за № 3679 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 28, 29).

к ректору Киевского университета св. Владимира и в своем письме, в частности, писал: «...Импер. Арх. Коммиссия... имеет честь покорнейше просить Университет о высылке ей на непродолжительное время всех древностей упомянутого клада для проверки, имеющихся в Коммиссии рисунков с этих древностей»¹⁹.

Отдельной посылкой предметы клада вместе со списком были отправлены в ИАК 10 марта 1895 г. Ректор киевского университета Федор Яковлевич Фортинский просил Археологическую комиссию уведомить его о получении этих предметов, «а по миновании надобности возвратить таковые обратно в Правление Университета»²⁰. В августе того года, после изготовления необходимых рисунков с присланных предметов, клад был возвращен в киевский университет согласно описи²¹. Получение предметов клада письменно подтвердил ректор университета²².

В 1896 г. вышло в свет престижное издание Н. П. Кондакова, посвященное исследованию вещевых кладов Древней Руси, их художественному и историческому значению (*Кондаков*, 1896). Автор особо отмечал, что украшения из университетского музея были описаны им по оригиналам. Однако Н. П. Кондаков спутал некоторые предметы клада И. Лескова с найденными на усадьбе Ю. Чайковского. Поэтому состав находок в опубликованном издании получился ошибочным, что было отмечено Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина*, 1954. С. 111, № 80).

Судьба коллекции университетского музея древностей сложилась непросто: эвакуация в Саратов в 1915 г., закрытие музея в конце 1920 г. с дальнейшим расформированием материалов,

¹⁹ Письмо Председателя ИАК А. А. Бобринского в Императорский Университет св. Владимира от 6 февраля 1895 г. за № 157 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 22).

²⁰ Письмо ректора Киевского университета Ф. Я. Фортинского в ИАК от 10 марта 1895 г. за № 1594 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 23); Список предметов, входящих в состав клада, найденного в усадьбе Лескова в 1876 г. (Там же. Л. 24).

²¹ Письмо товарища председателя ИАК Тизенгаузена в Императорский Университет св. Владимира от 17 августа 1895 г. за № 1294 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 26).

²² Письмо ректора Университета св. Владимира Ф. Я. Фортинского в ИАК от 9 сентября 1895 г. за № 4220 (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Л. 27).

часть которых в 1933 г. поступила во Всеукраинский исторический музей им. Т. Шевченко (ныне НМИУ) (*Федорова*, 2010. С. 103, 104).

Состав уцелевшей части клада отличается богатством типов украшений и техникой их оформления. Рамки данной статьи не позволяют проанализировать в полном объеме все предметы клада, остановимся только на отдельных из них, чтобы отметить некоторые особенности.

В состав клада входили две серебряные нагрудные цепи. Первая — плетенная на четыре грани из крупной проволоки, с удлиненными литыми наконечниками в виде голов дракона, соединенных кольцом²³. Изображения на наконечниках тщательно проработаны в деталях: миндалевидная форма выпуклых глаз, рельефное выделение носа, переходящее в брови, лобная часть украшена растительным орнаментом, а в нижней четко обозначены ноздри. Вторая цепь также четырехгранного плетения, но короче, тоньше и изящнее первой, с несколько меньшими наконечниками в виде звериных голов, украшенных чернью. Кольцо, удерживающее их вместе, утрачено²⁴.

С. С. Рябцева проанализировала традицию украшения цепей и других изделий (браслеты, гривны) звериными головками с античности до средневековья, во время их наибольшего распространения в конце IV — V в. у германцев, утрату популярности и их возрождение в Восточной Европе в X—XI вв. (*Рябцева*, 1999. С. 228–240). Хотя мода на такие украшения, которым придавалось защитно-целительное значение, пришла на Русь в результате контактов со странами Балтийского региона, в частности скандинавскими, встречаются они крайне редко.

В древнерусских кладах известно только несколько подобных находок²⁵. К наиболее богатым относится золотая цепь с наконечниками в виде голов змей, украшенных яшмой (длиной 173 см, весом 277,29 г) из клада, найденного в Чернигове в 1958 г. (*Попудренко*, 1975. С. 82–86; *Национальный музей...*, 2011. С. 157, 305, № 162). Восьмигранная цепь была мастерски изготовлена из тонкой

²³ МИДУ, инв. № АЗС-682, длина цепи 1000 мм (*Национальный музей...*, 2011. С. 162, 305, № 167).

²⁴ МИДУ, инв. № СР-678, длина цепи 680 мм (*Gold aus Kiev*, 1993. S. 289, kat. Nr. 113).

²⁵ Мироновский фольварк (Каневский уезд Киевской губ.); с. Лески (Орловская губ.); Тверь (*Корзухина*, 1954. С. 91, № 32; 139, № 153; 147–148, № 170).

проводами. Серебряные цепи с наконечниками в виде звериных голов среди кладов древнего Киева встречены только в кладе И. Лескова. Две подобные серебряные плетенные на четыре грани цепи со звериноподобными наконечниками находились в коллекции М. П. Боткина (*Новаковская-Бухман*, 2010. С. 230–231, рис. 4). Незначительное количество таких находок, скорее, может свидетельствовать об их импорте. Две нагрудные серебряные цепи XI в. из клада И. Лескова, найденные с женскими украшениями, относятся к княжескому убору. Они имеют схожие стилистические особенности и могли быть изготовлены по специальному заказу одним мастером.

Среди украшений в кладе находились две пары золотых колтов с перегородчатой эмалью одинакового облика. На их лицевых сторонах справа и слева от дерева изображено по птице, а на оборотных — в центре круг, оконтуренный дуговыми фигурами с треугольником внизу.

Пары отличались только количеством использованного для декора жемчуга и незначительно размерами. В одной паре каждый из колтов был обнизан 37 крупными жемчужинами²⁶. Уцелевшее височное украшение от второй пары окружала кайма из 68 мелких жемчужин²⁷.

Следует подчеркнуть, что, как правило, в неграбленных кладках золотые колты представлены в паре. Исключением является клад 1936 г.²⁸ Поскольку клад Лескова подвергся разграблению, и какие именно вещи, кроме монетных гривен и перстней, были унесены, нам неизвестно, то не вызывает сомнения, что изначально в нем находилась пара височных украшений. Это косвенно подтверждается и судьбой вещей из частично разграбленного киевского клада, найденного у Михайловского монастыря 31 октября 1906 г. В момент его нахождения пресса писала о двух

²⁶ НМИУ, Киев, ДМ-1781-1782 (ст. № 2766, 2767), золото 750; высота 5,0 см, диаметр 4,4 см; вес 18,23 г и 18,56 г.

²⁷ ММА, Нью Йорк, инв. № 17.190.679, высота с дужкой 5,6 см, диаметр 4,9 см.

²⁸ Клад найден во время раскопок Института археологии АН УССР, недалеко от Десятинной церкви у обрыва горы к Подолу, в 1936 г. В его скромном составе находился один золотой колт с изображением сиринов, который хранится в коллекции МИДУ, инв. № АЗС-909 (*Корзухина*, 1954. С. 108, № 67, табл. XXXIII, 1; *Pekarska*, 2011. Р. 197, 16).

парах колтов (*Корзухина*, 1954. С. 122, № 105). Эта информация подтвердилась спустя сто лет. Пары были разъединены и в настоящее время хранятся в музеях в Киеве и Москве. Один из киевских колтов (МИДУ, ДМ-6340) составил пару с московским (ГИМ, инв. № 49847/111, ОДМ-358) (*Pekarska*, 2011. Р. 228, pl. 9.3, 9.4a), а другой, с перегородчатой эмалью (МИДУ, Киев, ДМ-6339), — нашел свою пару в коллекции ГИМ (Москва, ГИМ, инв. ОДМ-359) (*Pekarska*, 2011. Р. 94, pl. 5.13, с1, с2).

Набор изделий из клада Лескова по-своему уникален, потому что в нем повторяются двойные наборы аналогичных украшений. Ни в одном из киевских кладов не находилось по две пары золотых колтов с перегородчатой эмалью и жемчугом одинакового облика. Возможно, объяснением такой повторяемости наборов идентичных украшений могут быть родственные связи тех, кому они принадлежали. Интересен и тот факт, что во время раскопок мастерских на территории киевского великокняжеского двора (Археологическая хроника..., 1908; *Хвойко*, 1913. С. 70–71) была найдена бронзовая матрица для изготовления контуров изображений на колтах²⁹, рисунок шаблона которой совпадает с двумя описанными парами.

Необходимо упомянуть пару золотых височных украшений маленького размера с изображением «женской головы в венке» (*Корзухина*, 1954. С. 111, № 80, 2). Данный образ ассоциировали с женщинами в венцах, имеющих форму кокошников, «волосы распущены кудрями, что указывает на девицу...» (*Кондаков*, 1896. С. 114, табл. XV, 12–15, 18–19). В эмали отмечали удивительную чистоту синего тона и телесный оттенок лица на «впервые встреченном изображении не религиозного содержания, а просто головку девушки..., принимая во внимание ее распущенные кудри» (*Новицкий*, 1903. С. 62, табл. 1). Другой исследователь полагал, что на колтах изображена знатная киевлянка XII — начала XIII в. (*Василенко*, 1977. С. 287) (рис. 2, 1a, 1в).

Однако другие находки этого периода с похожими изображениями, формой волос и украшением головного убора, а также аналогии среди византийских изделий свидетельствуют о том, что это — изображение мужчины (*Pekarska*, 2010. Р. 212–218; 2011. Р. 116, pl. 5.29). Изображения

²⁹ НМИУ, в-1525 (ст. № 28575), размер — 40 × 50 × 0,5 мм (Каталог..., 1996. С. 176, № 27).

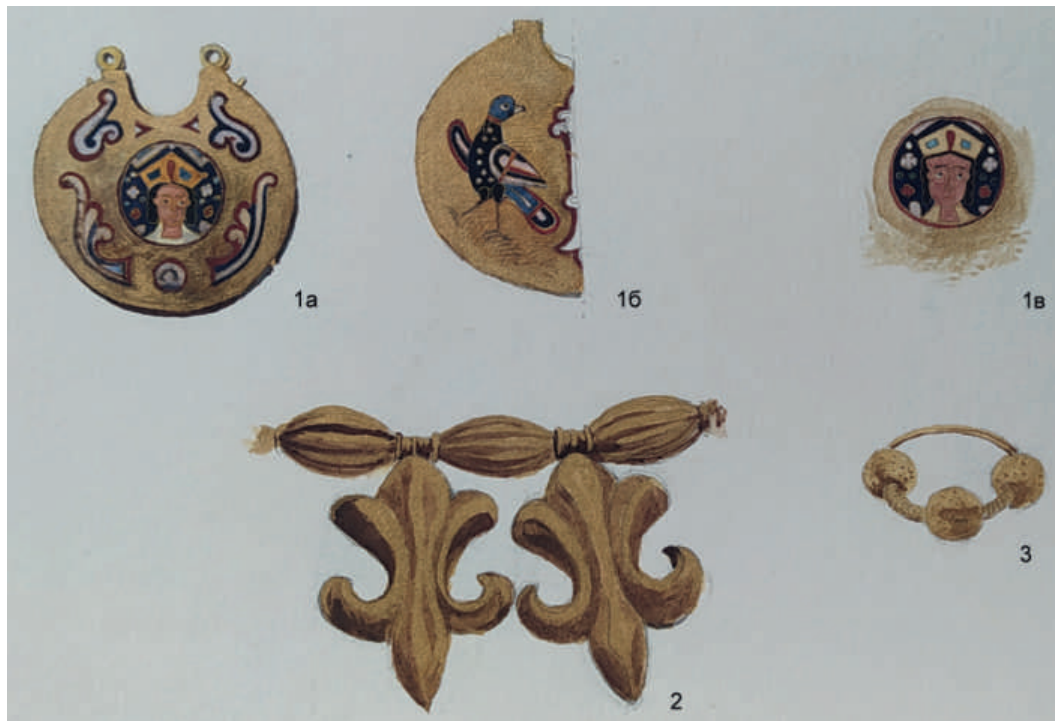

Рис. 2. Рисунки некоторых золотых украшений клада 1876 г. из фонда ИАК в Санкт-Петербурге: колт с перегородчатой эмалью (1а) и его детали (1б, 1в); часть ожерелья из подвесок в виде лилии и бус (2); трехбусинная серьга, украшенная зернью (3) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1890. Д. 61. Л. 18)

Fig. 2. Drawings of some gold jewellery of the 1876 hoard from the IAK in St. Petersburg: kolt with cloisonné enamel (1a) and its details (1b, 1v); necklace made of the lily-shaped pendants and beads (detail) (2); triple-beaded earring with granulation (3) (Scientific archive of the IHMC RAS. Manuscript department. Archive group 1. 1890. File 61. Sheet 18)

женской головы в короне несколько отличаются от упомянутых выше и среди золотых изделий киевских кладов встречаются дважды: на колтах, найденных в 1906 г. у Михайловского монастыря, и на концевых пластинках диадемы из клада, раскопанного в усадьбе Гребеновского (Троицкий переулочок) в 1889 г. (Pekarska, 2011. P. 114, pl. 5.27; 130, pl. 5.36).

К категории украшений головного убора относятся и найденные в клада 34 золотые скобочки (Кондаков, 1897. С. 112, рис. 167), из которых четыре концевые, в форме полуовала, со вставками, украшенными перегородчатой эмалью и мелкой жемчужной обнизью (Кондаков, 1896. Табл. XV, 9–11, 16). Количество изящно украшенных концевых пластинок свидетельствует о наличии двух парных наборов, по 15 скобочек и две концевые пластинки каждый (рис. 3, 5, 6).

К этой же категории относятся уцелевшие золотые трехбусинные серьги — одна пара ажурной работы (рис. 3, 1) и одиночная серьга в технике зерни (рис. 2, 3), прорисовки которых публикуются впервые.

Золотые перстни клада уцелели частично. Неизвестно, сколько их было унесено. Согласно описи Канцелярии киевского губернатора 1876 г., в клада осталось три перстня, но в музей попало только два золотых перстня-печатки. На одном выгравирован идущий лев с поднятыми лапой и хвостом и повернутой назад головой (Там же. Табл. XV, 4, 5) (рис. 3, 3). Возможно такое изображение относилось к одной из разновидностей знака собственности (Якубовський, 1975. № 16. С. 87–104, рис. 17 на с. 102; Макарова, 1988. С. 241–247). На другом перстне неясное, стертое от времени и использования, геральдическое изображение, прорисовка которого публикуется впервые (рис. 3, 4).

К уникальным изделиям можно отнести небольшое золотое украшение в форме звезды (диаметром 4 см; весом приблизительно 15 г). Хотя в музейной описи отмечено, что звезда «семилучистая...» (2321), на изображении четко видны шесть лучей в виде коротких и слегка округлых конусов, поверхность которых густо усыпана мелкой зернью (рис. 3, 2). Пять из них завершались

одним крупным зерном/полусферой, а на одном напаяно сквозное ушко для протягивания тонкой цепочки или шнура. Это свидетельствует о том, что звезда использовалась как подвесное нагрудное украшение. Короткий выступ в виде треугольника между двумя лучами (вдвое меньше по высоте) декорирован в отличие от лучей сканным орнаментом. В центральной части — полусфера с четырьмя кринами, каждый из которых заключен в круг. Между ними в центре одна крупная зернь. Полусфера опоясана широкой гладкой листовой полосой золота, на которой, примыкая к полусфере, расположена круговая линия зерни с семью миниатюрными лучами по кругу в виде треугольников из трех рядов зерни. Между ними расположены плоские, круглые и хорошо отшлифованные пластиночки, скрепляющие листовую полосу золота с основными лучами. Данное украшение имеет очень характерные черты и отличается от известных золотых звездчатых колтов малыми размерами, техникой изготовления, деталями оформления, отсутствием дужки и места ее крепления.

Н. П. Кондаков называл это изделие звездчатой серьгой и отмечал, что в ней «не достает „верхнего коромысла“, поэтому способ ее подвешивания был непонятен/неизвестен» (Кондаков, 1896. С. 116, табл. XV, 6, 17; Кондаков, 1897. С. 113). Он обратил внимание на то, что в экспозиции университетского музея эта звезда была ниткой подвешена к рубчатой цепочке из этого клада и относил такую реконструкцию к неудачной догадке хранителя (Кондаков, 1896. С. 116). Исследователь считал, что данное миниатюрное золотое украшение, подробно передающее детали крупных серебряных звездчатых колтов, могло служить образцом для их изготовления. Однако этот вопрос требует отдельного рассмотрения. В данной статье мы хотели бы обратить внимание на ошибочную информацию, которая связана с описанным выше украшением. Присущие звезде черты уникальны и не позволяют перепутать ее с другим золотым колтом звездчатой формы или другим звездчатым изделием. К тому же в XX в. она уже не публиковалась.

Ее место в разных изданиях, посвященных декоративно-прикладному искусству Древней Руси, занял великолепной сохранности золотой звездчатый колт, место находки которого указывается по-разному (случайная находка 1876 г. / из клада в усадьбе Лескова / из раскопок Киева) (Рыбаков,

Рис. 3. Рисунки некоторых золотых украшений клада 1876 г. из фонда ИАК в Санкт-Петербурге: серьга с ажурными бусинами (1); цепочка и подвеска в виде звезды (2); перстни с геральдическими эмблемами (3, 4); украшения головного убора — колодочки (5) и концевая пластинка (6) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1890. Д. 61. Л.19)

Fig. 3. Drawings of some gold jewellery of the 1876 hoard from the IAK in St. Petersburg: earring with openwork beads (1); chain and star-shaped pendant (2); finger-rings with heraldic emblems (3, 4); headdress decorations — semicircular mounts (5) and end-plaque (6) (Scientific archive of the IHMC RAS. Manuscript department. Archive group 1. 1890. File 61. Sheet 19)

1971. С. 26, рис. 40; Асеев, 1989. № 2246; Gold aus Kiew, 1993. S. 296–297, kat. Nr. 118; Golden Warriors..., 1993. P. 67, 69, No. 141) (рис. 4). Данное украшение относится к группе музейных предметов довоенной коллекции, которые, вернувшись из эвакуации, утратили значительную часть своей научно-информативной ценности. В старой инвентарной описи музейного собрания (1925–1946 гг.) под номером 2667 находится короткое

Рис. 4. Золотой звездчатый колт XI–XII вв., найденный в 1902 г. на Княжей Горе (Черкасский уезд, Киевская губерния) и ошибочно отнесенный к кладу 1876 г. из усадьбы Лескова (Національний музей..., 2012. № 150. С. 146, 304)

Fig. 4. Gold star-shaped kolt 11–12th century, found in 1902 on Knyazha Hora (Cherkassy district, Kiev province) and mistakenly ascribed to the 1876 hoard from the estate of Leskov (Національний музей..., 2012. № 150. С. 146, 304)

Антонович, 1879 — Антонович В. Б. Археологические находки и раскопки в Киеве и в Киевской губернии в течение 1876 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца (ЧИОНЛ). Киев: Унив. тип., 1879. Книга первая 1873–77 гг. С. 244–261.

Антонович, 1888 — Антонович В. Б. Обзорение предметов великокняжеской эпохи, найденных в Киеве и ближайших его окрестностях и хранящихся в Музее древностей и в Мюнц-кабинете Университета св. Владимира // Киевская Старина. Ежемесячный исторический журнал. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1888. Т. XXII, июль. С. 117–132.

Археологическая хроника..., 1908 — Археологическая хроника. Киевская губерния // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1908. Прибавление к вып. 26 (Хроника и библиография; Вып. 13). С. 28–30.

Асеев, 1989 — Асеев Ю. С. Мистецтво Київської Русі. Київ: Мистецтво, 1989. 215 с.

описание этого предмета: золотая звездообразная серьга с пятью лучами, украшенными филигранью³⁰. Отмечено не только хорошее состояние предмета, но и место его публикации. Согласно этому источнику, звездчатый колт был найден на Княжей Горе (Черкасский уезд, Киевская губерния) в 1900 г. и попал в музейное собрание из коллекции Б. И. Ханенко (*Ханенко Б., Ханенко В., 1902. С. 21, 46, табл. XXVI, № 975*)³¹. Таким образом, публикуемое в разных изданиях височное украшение, выполненное в технике тиснения, зерни и скани, не имеет отношения ни к Киеву, ни к дате 1876 г., ни к кладу из усадьбы Лескова. Надеемся, это будет учтено в дальнейших исследованиях во избежание ошибок в подаче информации об указанном колте.

Богатый состав клада и место его находки на территории древнего княжеского двора во Владимировом городе указывает на то, что он мог принадлежать представителям разветвленной киевской княжеской династии, возможно, дочерям или внукам одного из князей, о чем свидетельствует наличие в кладах повторяющихся подобных парных наборов драгоценных женских украшений XI — начала XII в.

³⁰ НМИУ, инв. книга № 2, инв. №/№ 2477–5365. Архив учета и хранения. Дело № 1а/33.

³¹ МИДУ, инв. № ДМ-1774 (ст. № 2667), золото 750, размер: 3,6 × 4,15 см. Передан из ГИМ УССР.

Беляшевский, 1889 — Беляшевский Н. Т. Монетные клады Киевской губернии. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. 149 с.

Василенко, 1977 — Василенко В. М. Русское прикладное искусство. М.: Искусство, 1977. 464 с.

Еванс, 1996 — Еванс Х. Ювелірні вироби зі скарбів Десятинної церкви. Колекція Метрополітен Музею (Нью-Йорк) // Церква Богородиці Десятинна в Києві. До 1000-ліття освячення. Київ: АртЕк, 1996. С. 160–161.

Каталог..., 1996 — Каталог. Ливарні форми XII–XIII століття // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ: АртЕк, 1996. С. 172–177.

Кондаков, 1892 — Кондаков Н. П. История и памятники византийской эмали. Собрание А. В. Звенигородского / Предисловие А. Звенигородского. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. 395 с.

Кондаков, 1896 — Кондаков Н. П. Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1896. 214 с.

- Кондаков, 1897 — Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. СПб.: Тип. А. Бенке, 1897. Вып. 5: Курганные древности и клады домонгольского периода. 167 с.
- Корзухина, 1951 — Корзухина Г. Ф. Серебряная чаша из Киева с надписями XII в. // СА. 1951. Т. XV. С. 64–81.
- Корзухина, 1954 — Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1954. 156 с.
- Макарова, 1988 — Макарова Т. И. Перстни с геральдическими эмблемами из киевского клада // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 241–247.
- Музей історичних..., 2004 — Музей історичних коштовностей України. Київ: Мистецтво, 2004. 463 с.
- Музей..., 2013 — Музей історичних коштовностей України. Путівник. Київ: Вид. дім «Простір», 2013. 96 с.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1876. Д. 10. Дело ИАК: О древних вещах и монетах найденных в Киевской губ.; Письмо ИАК Министерству Императорского Двора Киевскому, Подольскому и Волыньскому генерал-губернатору А. М. Дондукову-Корсакову от 1 апреля 1876 года за № 84.
- Національний музей..., 2011 — Національний музей історії України. Київ: Фенікс, 2011. Т. 1. 376 с.
- Національний музей..., 2012 — Національний музей історії України. Київ: Мистецтво, 2012. Т. 1. 320 с.
- Новаковская-Бухман, 2010 — Новаковская-Бухман С. М. Украшения из «разрозненных» древнерусских кладов в собрании М. П. Боткина // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 221–244.
- Новицкий, 1903 — Новицкий А. П. История Русского Искусства с древнейших времен. М.: Изд. В. Н. Линд, 1903. Т. 1. 401 с.
- Попудренко, 1975 — Попудренко М. А. Стародавні знахідки з Чернігова // Археологія. Київ: Наукова думка, 1975. Вип. 16. С. 82–86.
- Редин, 1904 — Редин Е. К. Памяти Александра Викторовича Звенигородского // Византийский Временник. 1904. Т. XI, вып. 1–2. С. 460–463.
- Рыбаков, 1971 — Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.: Аврора, 1971. 128 с.
- Рябцева, 1999 — Рябцева С. С. Змеи и драконы. О продолжении одной античной традиции в ювелирном деле эпохи средневековья // Stratum Plus. Кишинев: ВАШ, 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 228–240.
- Федорова, 2010 — Федорова Л. Д. Музеї Київського Університету святого Володимира // Енциклопедія історії України. Київ: Наукова думка, 2010. Т. 7. С. 103–104.
- Ханенко Б., 2008 — Ханенко Б. Н. Спогади колекціонера. Музей мистецтв ім. Богдана та Варвари Ханенків / Заг. ред. В. І. Виноградова та ін. Київ: Дзеркало світу, 2008. 160 с.
- Ханенко Б., Ханенко В., 1899–1907 — Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1899–1907. Вып. 1–6.
- Ханенко Б., Ханенко В., 1902 — Ханенко Б. Н., Ханенко В. И. Древности Приднепровья. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1902. Вып. V: Эпоха славянская (VI–XIII вв.). 63 с.; 40 табл.
- Хвойко, 1913 — Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев: Тип. тов-ва Е. А. Синькевич, 1913. 103 с.
- Якубовський, 1975 — Якубовський В. І. Давньоруський скарб з с. Городище Хмельницької області // Археологія. Київ: Наукова думка, 1975. № 16. С. 87–104.
- Brown, 1980 — Brown K. R. Russo-Byzantine Jewellery in The Metropolitan Museum of Art // Apollo. London: Press Holdings, 1980. № 111, January. P. 6–9.
- Brown, 1997 — Brown K. R. Temple Pendants // The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843–1261. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1997. P. 309–311.
- Dalton, 1912 — Dalton O. M. Byzantine Enamels in the Pierpont Morgan's Collection // The Burlington Magazine for Connoisseurs. London: Burlington Magazine Publications Ltd., 1912. Vol. 21, no. 109, April. P. 2–10.
- Gold aus Kiew, 1993 — Gold aus Kiew. Wien: Kunsthistorisches Museum, 1993. 433 s.
- Golden Warriors..., 1993 — Golden Warriors of the Ukrainian Steppes. Edinburgh: City of Edinburgh Museums and Art Galleries, 1993. 80 p.
- Griffin, 1993 — Griffin P. S. Jewellery From Kiev // Jewellery Studies. Cambridge: The Society of Jewellery Historians, 1993. Vol. 6. P. 5–18.
- Îor des steppes..., 1993 — Îor des steppes: Des Scythes à l'invasion mongole, VIIe siècle av. J.-C.-XIVe siècle ap. J.-C.: [exposition, Toulouse, Musée des Augustins, 28 octobre 1993 — 17 janvier 1994]. Toulouse: Musée des Augustins, 1993. 159 p.
- Pekarska, 2010 — Pekarska L. Jewellery from Princely Kiev and Byzantine influence // Intelligible Beauty. Recent Research on Byzantine Jewellery. London: The British Museum Press, 2010. P. 212–218.
- Pekarska, 2011 — Pekarska L. Jewellery of Princely Kiev. The Kiev Hoards in the British Museum and the Metropolitan Museum of Art and Related Material. Mainz; London: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, The British Museum, 2011. 258 p.

On the trail of a forgotten Kievan treasure found in 1876

L. Pekarskaya³²

The article is devoted to one of the richest Kiev treasures of the XI and early XII century, found on the estate of Ignatius Leskov on 18 March 1876. The treasure consisted mainly of womens' exquisite gold ornaments and fourteen money ingots of silver. Some items were stolen during the find. The stormy biography of the find, which was of wide interest in the XIX century, slipped into obscurity in the XX century. The study of the treasure over a period has produced some interesting results. The fate of the treasure is traced in detail based on archival documents of the Imperial Archaeological Commission (IAC). It has been established that the treasure was sent from Kiev to St. Petersburg twice (to the IAC and the Hermitage). As a result, it was purchased by the Museum of Antiquities of Kiev's St. Vladimir University. Some of the jewellery was secretly sold by its owner and then appeared in private collections of renowned collectors of the time: B. I. Khanenko, A. V. Zvenigorodskii, John Pirpont Morgan in New York. It was possible to identify the object mistakenly ascribed to this find and to attribute the jewellery which, over time, had been separated from the treasure.

The peculiarity of this complex is the presence of paired sets of similar precious womens' jewellery of the XI and early XII centuries (kolty, necklace chains, headdress decorations). Such duplication implies that the owners were linked by family. The discovery of the treasure on the territory of the ancient princely court of Kiev, the richness of jewellery itself and the presence of two similar sets (of jewellery) give cause to assume that the items belonged to the daughters or granddaughters of a representative of the Kiev's princely dynasty.

³² Ludmila Pekarskaya — The Shevchenko Library and Archive in London; 49, Linden Gardens, London W2 4HG, Great Britain; e-mail: ljudmila_p@hotmail.com.

Древнерусские иконки-складни XII–XIII вв.¹

А. А. Пескова²

Аннотация. Статья посвящена систематизации малоизученной группы памятников древнерусского культового литья — металлическим иконкам-складням. На основе изучения иконографических и морфологических признаков центральных створок было выделено три основных типа иконок-складней домонгольского периода, а с учетом варьирующихся боковых створок — семь вариантов (прямоугольных — четыре, арочных — один, с треугольным завершением — два), а также их реплики; прослежено развитие этой традиции во времени (вторая половина XII — XIII в.).

Annotation. This paper is devoted to systematization of a poorly studied group of Early Russian works of cult casting — metal skladni (folding icons). Basing on studies of iconographic and morphological features of the central panels, three major types of folding icons of the pre-Mongol period have been distinguished, while, considering varied lateral panels, there are seven variants (4 — rectangular, 1 — arched, 2 — with triangular terminals), as well as their replicas; the evolution of this tradition is traced in time (second half of the 12th–13th century).

Ключевые слова: древнерусское культовое литье, иконки-складни, систематизация, хронология.

Keywords: Old-Russian cult casting, folding icons, systematization, chronology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-135-154

Нагрудные трехстворчатые иконки-складни представляли собой по сути личный миниатюрный иконостас, всегда доступный его обладателю и дома, и в дороге, и в военном походе. Устроенные по тому же принципу, что и великолепные византийские стационарные триптихи X–XII вв., выполненные чаще всего из слоновой кости, в редчайших случаях из бронзы (большеразмерные) и даже золота (Goldschmidt, Weitzmann, 1934. № 131, 153, 155, 182, 186, 189, 190 etc.; Talbot Rice, 1959. P. 327, Tabl. 158; Искусство Византии..., 1977. № 583, 587, 589–592; Hetherington, 2008. P. 1–11), они существенно отличались от них. Древнерусские изделия характеризуются меньшими размерами, наличием ушка для подвешивания на груди, более дешевым материалом (медным сплавом) и, что очень важно, серийностью

в процессе изготовления. В результате они оказались относительно доступными предметами личного благочестия. Однако степень доступности, исходя из металлоемкости изделий и учитывая сравнительно небольшое количество дошедших до нас экземпляров, не стоит преувеличивать.

О непосредственном знакомстве древнерусских мастеров с византийскими триптихами свидетельствует только одна, но яркая находка, происходящая из раскопок в древнем Волковыске (Беларусь) (Зверуго, 1975. С. 127–128, рис. 39). Эта костяная (роговая)³ прямоугольная пластина, датированная руководителем раскопок второй половиной XI — началом XII в.⁴, изначально представляла собой боковую створку триптиха

³ К. А. Лавыш называет эту пластину роговой (Лавыш, 2008. С. 37, 64, 195, № 75).

⁴ Я. Г. Зверуго датирует находку второй половиной XI — началом XII в. без обоснования, не раскрывая ее археологического контекста. А. А. Башков, каталогизирующий христианские древности Беларуси, датирует ее XII–XIII вв., тоже без обоснования (Башков, 2011. С. 68, 131, рис. 47, 1, кат. № 11).

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

с рельефными двусторонними изображениями, превращенную со временем, судя по проделанному в верхней части отверстию, в отдельную нагрудную иконку. По составу поясных изображений святых в трех клеймах (ангел, апостол Петр и неизвестный святой воин на внутренней стороне и четырехконечный крест с расширенными концами — на внешней) и композиционному решению она оказалась настолько близка створкам некоторых византийских триптихов, что вслед за А. В. Банк признается и другими исследователями копией, изготовленной по столичному византийскому образцу провинциальным византийским или даже местным мастером (Банк, 1973. С. 191–192). В данном случае речь идет о прямом воспроизведении образа, такого, например, как боковая створка триптиха из слоновой кости из собрания Гос. Эрмитажа; на центральной створке таких триптихов обычно изображали Распятие или Богоматерь (Искусство Византии..., 1977. С. 101, кат. № 589).

Древнерусские трехстворчатые иконки-складни отливали из медных сплавов, следуя в общих чертах византийской традиции по форме, иконографии и композиционному решению, но и привнося свои особенности. Среди дошедших до нас памятников преобладают традиционные по форме складни — прямоугольные и киотчатые, более редки складни с треугольным завершением. В основном это была серийная продукция мастерских, работавших, по-видимому, при монастырях, поскольку иконографическая программа этих иконок-складней была глубоко продуманной, а ее исполнение на исходных моделях — высокопрофессиональным. К сожалению, такие экземпляры сохраняются исключительно редко, а более поздние переливки зачастую отягощены новыми привнесенными элементами, появившимися вследствие утраты со временем отдельных древних деталей и неизбежного переосмысливания их, а иногда и композиции в целом.

Появление иконок-складней на Руси большинство исследователей относят примерно к середине XII в. В настоящее время, исходя из иконографии и морфологии центральных створок, можно выделить три типа иконок-складней домонгольского периода, а с учетом варьирующихся боковых створок — семь вариантов (прямоугольных — четыре, арочных — один, с треугольным завершением — два). Рассмотрим их подробнее.

Тип I. Прямоугольные трехстворчатые иконки с изображением

Богоматери Одигитрии в среднике

Тип представлен четырьмя вариантами — основным и тремя производными. *Первый вариант (основная модель)* включает средник с поясным рельефным изображением Богоматери Одигитрии с Младенцем на левой руке и боковые створки, на обеих сторонах которых размещены рельефные ростовые фигуры святых (рис. 1⁵). Центральная створка снабжена неподвижным оглавием в виде крупной бусины или в виде широкой петли на пирамидальном основании. Изображение Богоматери, возможно, восходит к византийскому иконописному образу Богоматери Одигитрии, известному на Руси с XI в. и дошедшему до нас в списке конца XI — начала XII в. (Остащенко, 2002. С. 494–516). Расположение рельефных фигур на иконке, их позы в основном следуют иконографии почитаемого образа — обе фигуры также слегка повернуты друг к другу, а голова Богоматери едва заметно склонена к Младенцу.

Атрибуцию размещенных на боковых створках персонажей отчасти затрудняет нетипичное для христианской пластики отсутствие сопутствующих надписей. Но только отчасти, поскольку наружные изображения святых в высоких шапках с моделями храмов/венцами⁶ в руках в позе предстояния были хорошо известны на Руси и легко узнаются современными исследователями в фигурах святых князей Бориса и Глеба на древнерусских нагрудных крестах-энколпионах (рис. 1, 1). Можно даже уверенно сказать, что художественные образы святых князей на крестах-энколпионах и на интересующих нас иконках-складнях тождественны. Персонажи, изображенные фронтально на внутренней стороне боковых створок, покровенной левой рукой, скрытой под лентой омофора, держат какой-то предмет, по-видимому, Евангелие. Бросающееся

⁵ На фото (рис. 1, 5) представлен экземпляр из частной коллекции, относящийся к поздним переотливкам, но он не имеет существенных искажений и может дать более полное и достаточно верное представление о предмете. Наиболее достоверные археологические экземпляры, к сожалению, отличаются плохой сохранностью либо фрагментированы.

⁶ Интерпретацию предметов как мученических венцов см.: *Алешковский, 1972. С. 108 и др.; Мусин, 2017. С. 110–122.*

в глаза оформление ленты омофора декоративными прямоугольниками вместо привычных крестов напоминает таковое у похожих персонажей на византийском бронзовом с позолотой литом триптихе из Музея Виктории и Альберта в Лондоне (рис. 2)⁷. В его среднике мы видим рельефное изображение Богородицы с Младенцем, сидящей на высоком троне, а на раскрытых боковых створках — фронтальные изображения стоящих Григория Богослова и Иоанна Златоуста с Евангелием в руках, покрытых лентой омофора, украшенного, как и на древнерусских складнях, геометрическим орнаментом из прямоугольников с точками внутри. Приведенная аналогия позволяет, на наш взгляд, допустить, что и на боковых створках рассматриваемых древнерусских иконок-складней изначально были изображены святители, возможно, Иоанн Златоуст и Григорий Богослов или особенно почитаемый на Руси Николай Мирликийский.

Нельзя с уверенностью говорить о прямом копировании древнерусскими мастерами отдельных элементов подобных памятников византийского искусства, но знакомство с ними не вызывает сомнений. Дополнительным подтверждением тому служит боковая створка иконки-складни из украинской коллекции Й. Хойновского, ныне хранящаяся в Национальном музее в Варшаве (рис. 3, 2) (*Kruk et al.*, 2006. S. 158, kat. II.76). Наружная сторона этой створки гладкая, на внутренней видим знакомое нам рельефное изображение святителя с орнаментированной прямоугольниками лентой омофора, что позволяет рассматривать ее как свидетельство существования на Руси *второго иконографического варианта* иконки-складни, вероятно, более древнего (собственно византийского), еще без святых князей Бориса и Глеба. Не исключено и участие греческих мастеров в создании исходной модели. Если данное предположение подтвердится новыми полнокомплектными памятниками, то именно этот вариант придется признать основной первоначальной моделью. Некоторые складни, у которых не сохранились боковые створки или нам неизвестны их наружные

⁷ Триптих из Музея Виктории и Альберта традиционно датировался XII в., хотя исследователи отмечали и присутствие некоторых более поздних деталей. Кардинально изменила его дату М. Георгопулу, предположив, что складень был отлит в XIV в. по образцу более древнего триптиха из слоновой кости, послужившего для него матрицей. См.: *Банк*, 1978. С. 64, рис. 51; *Vyzantium...*, 2004. P. 500–502. Cat. 304.

стороны, невозможно отнести к первому или второму вариантам (рис. 1, 3).

Боковые створки византийских *стационарных* триптихов снаружи оставались чаще всего без лицевых изображений, иногда украшались крестами. Древнерусские иконки-складни, *носимые на груди*, нередко имели изображения святых и на наружной стороне боковых створок. Включение в их иконографическую программу фигур святых князей Бориса и Глеба, размещенных на внешней стороне боковых створок, можно было бы рассматривать просто как расширение устоявшейся для византийских триптихов программы, продиктованное стремлением дополнить ее образами первых русских святых. Но существует и другая, более сложная версия, согласно которой данная композиция в целом является прямым отражением реконструируемой А. Е. Мусиным композиции со святыми Борисом и Глебом, вручающими свои мученические венцы Богородице, которая «могла появиться в апсиде церкви, построенной Изяславом в Вышгороде в 1072 г.» (*Мусин*, 2017. С. 115)⁸. Однако самая ранняя из известных находка креста-энколпиона с рельефными изображениями святых Бориса и Глеба, происходящая из раскопок в Великом Новгороде, датируется временем около 1135–1160-х гг. (рис. 1, 1) (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 88, kat. II.3.1/3, табл. 41; *Дубровин, Мусин*, 2020. С. 385, рис. 209, 1), а иконки-складни с тождественными изображениями святых князей, судя по контексту немногих адресных находок, вряд ли можно датировать ранее второй половины XII в.; те и другие оставались в обиходе до середины XIII в. Значит, если первообразом для них действительно была вышгородская храмовая композиция 1072 г., то она должна была быть возобновленной в том или ином виде и в каменном храме 1115 г.

Археологические находки иконок-складней со святыми Борисом и Глебом разной степени сохранности весьма немногочисленны⁹, в отличие

⁸ Воспроизведение основных элементов вышгородской храмовой композиции (если она существовала) в произведениях художественного литья, а именно на крестах-энколпионах и на иконках-складнях, могло произойти, очевидно, только во время функционирования деревянной церкви 1072 г. Но она, по мнению исследователя, уже в начале XII в. могла быть разобрана, а вышгородская композиция перестала существовать (*Мусин*, 2017. С. 117).

⁹ Адресные иконки происходят из культурного слоя древнерусских городов: Белоозера в Вологодской

от крестов-энколпионов с тождественными изображениями святых князей, которых насчитывается свыше 60 адресных экземпляров. Все иконки происходят из культурного слоя древнерусских городов XII–XIII вв., отдельные предметы находятся в частных коллекциях (рис. 1, 2–5).

Теоретически можно предположить, что иконки-складни с изображениями этих святых могли начать изготавливать параллельно с борисоглебскими крестами-энколпионами в одно и то же время, то есть не позднее середины XII в., имея в виду датировку новгородской находки энколпиона (30-е — 60-е гг. XII в.). Однако широкая датировка складней по условиям обнаружения в пределах XII–XIII вв., с преобладанием XIII в., склоняет к мысли, что иконки-складни с Борисом и Глебом появились на Руси не раньше второй половины XII в., если не в его конце. Отсутствие более ранних находок пока подкрепляет гипотезу Э. С. Смирновой, которая считает, что образы святых Бориса и Глеба, которые мы видим на крестах-энколпионах, изначально задумывались именно для створок креста, а перенесение их на боковые створки иконок-складней было явлением вторичным, лишь отголоском и переделкой композиции, представленной на энколпионах. Однако утверждение исследовательницы о том, что эти образы «вообще не были рассчитаны на размещение в одной плоскости», представляется спорным (Смирнова, 2009. С. 89).

области (XII–XIII вв.) и Серенска в Калужской области (XIII в.) в России, Новогрудка (XII в.), Полоцка (первая половина XIII в.) и Пинска (начало XIII в.) на территории современной Беларуси, а также Киева (XII–XIII вв.) и Родня (городище Княжая гора, 2 экз. (XIII в.)) в Среднем Поднепровье (Украина). См.: Голубева, 1973. С. 144–145, рис. 52, 3; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 254, 257, рис. 131, 14; Гурэвич, 2003. С. 236, 238, 240, мал. 95, 2; Штыхов, 1975. С. 71, рис. 34: 7; Башков, 2011. С. 134, 183, рис. 46, кат. № 36; 65, 134, кат. № 34 без ил.; Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXVIII, 316; XXX, 332; Леопардов, Чернев, 1890. Табл. I, 10; Мезенцева, 1968. С. 160, табл. IX, 21.

Рис. 1. Крест-энколпион (1) и иконки-складни, тип I, вариант 1 (2–5): 1 — Великий Новгород (Смирнова, 2009. С. 89); 2 — Новогрудок (Гурэвич, 2003. Мал. 95, 2); 3 — Княжая гора (летописный Родень) (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXX, 332); 4 — Киев (Там же. Табл. XXVIII, 316); 5 — частная коллекция, сведения от И. А. Стерлиговой. 1–5 — цветной металл

Fig. 1. Encolpion cross (1) and foldable icons, type I, variant 1 (2–5): 1 — Veliky Novgorod (Смирнова, 2009. С. 89); 2 — Novogrudok (Гурэвич, 2003. Мал. 95, 2); 3 — Knyazhaya Gora (Roden of chronicles) (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXX, 332); 4 — Kiev (Там же. Табл. XXVIII, 316); 5 — private collection, information from I. A. Sterligova. 1–5 — nonferrous metal

Третий вариант прямоугольных иконок-складней является производным, потому что центральное изображение Богоматери Одигитрии здесь остается неизменным, а изменяются, и то отчасти, только изображения на боковых створках. Этот вариант известен по единичным фрагментированным экземплярам. К ним относятся две пары «спекшихся» боковых створок с рельефными изображениями святых князей Бориса и Глеба нового иконографического типа, представленных фронтально в образе воинов-мучеников с крестом в правой руке и мечом в левой, обнаруженные на Княжей горе под Каневом (Украина) (рис. 4, 3) и во Владимирской области России (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXVIII, 313–314; Дадыкин, 2017. С. 73, кат. № 67). Были или нет какие-то изображения на другой стороне данных створок — неизвестно. О полном иконографическом составе иконок-складней этого варианта дает представление только экземпляр из частной коллекции (рис. 4, 2) ([Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://domongol.org> (№ 22)). На этом складне изображения святых воинов-мучеников Бориса и Глеба размещены на внутренней, а не на внешней стороне боковых створок, и не в позе подношения дара Богородице, а только в позе предстояния; снаружи створки гладкие, без изображений.

Иконографический тип святых князей Бориса и Глеба в образе воинов-мучеников в древнерусском искусстве известен в основном по памятникам конца XII — XIV в. В области мелкой пластики это каменные иконки из Тамани, Белозера, Солотчи Рязанской области и неизвестного происхождения в собрании ГРМ (Архипова, 2009. С. 161–164, ил. 1, 3, 4, 14), а также металлические привески из Копыси (Беларусь), пластины с Рюрикова городища под Новгородом и Ратского городища в Калужской области (Пуцко, 1994. С. 69–73; Пескова, 2005. С. 394–399; Мусин, 2017. С. 118, рис. 7), все очень разные по стилю и уровню мастерства. Створки складней с изображениями Бориса и Глеба, найденные на Княжей горе, исходя

Рис. 2. Триптих из Музея Виктории и Альберта, Лондон (Byzantium..., 2004. Cat. 304). Бронза с позолотой
 Fig. 2. Triptych from the Museum of Victoria and Albert, London (Byzantium..., 2004. Cat. 304). Gilded bronze

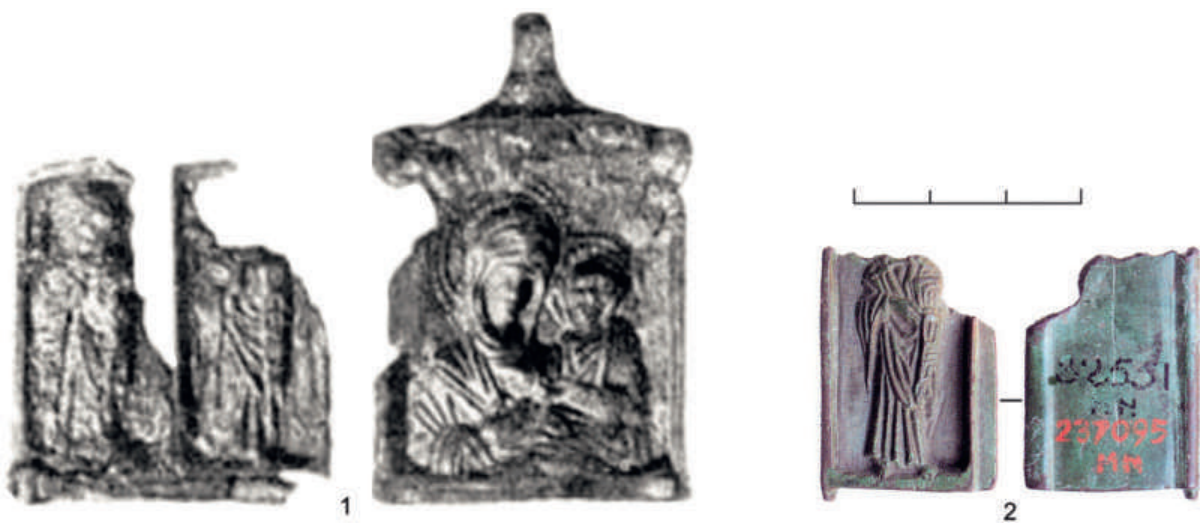

Рис. 3. Иконки-складни, тип I, вариант 2: 1 — Белоозеро (Голубева, 1973. Рис. 52, 3); 2 — из коллекции
 Й. Хойновского (Kruk et al., 2006. Kat. II.76). 1-2 — цветной металл
 Fig. 3. Foldable icons, type I, variants 2: 1 — Belozero (Голубева, 1973. Рис. 52, 3); 2 — from the collection
 of J. Hoinovsky (Kruk et al., 2006. Kat. II.76). 1-2 — nonferrous metal

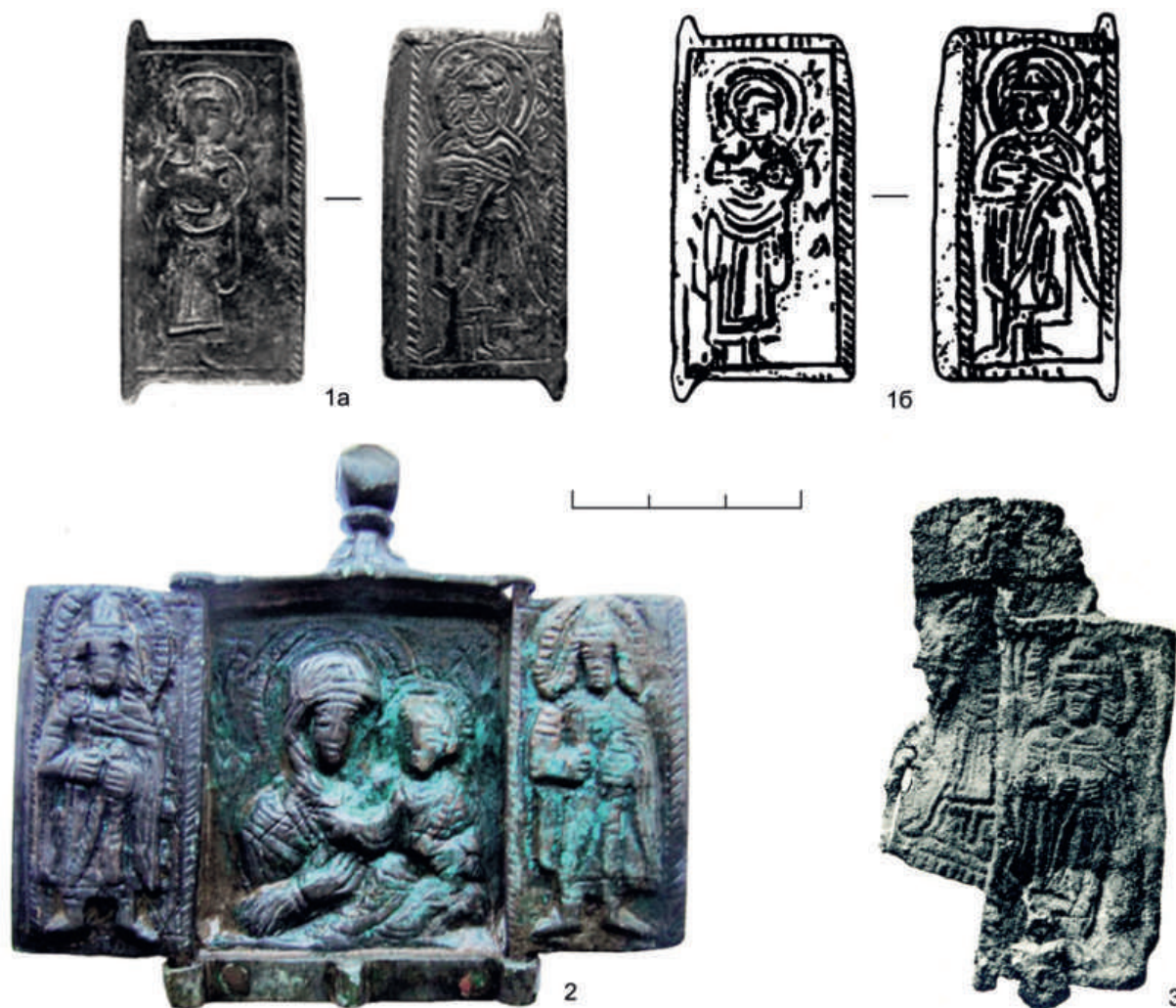

Рис. 4. Иконки-складни, тип I, варианты 3 и 4: 1а, 1б — Чермно, Польша (Bagińska et al., 2012. Рис. 3, таб. II.6.4), фото и прорисовка; 2 — место находки неизвестно (<http://domongol.org>, 2012, № 22); 3 — Княжая гора (летоп. Родень), Украина (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXVIII, 313/314). 1–3 — цветной металл

Fig. 4. Foldable icons, type I, variants 3 and 4: 1 — Czerwno, Poland (Bagińska et al., 2012. Ryc. 3, tab. II.6.4); 2 — findspot unknown (<http://domongol.org>, 2012, № 22); 3 — Knyazhaya Gora (Roden of chronicles), Ukraine (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXVIII, 313/314). 1–3 — nonferrous metal

из контекста археологического памятника, можно датировать предположительно первой половиной XIII в., а начало изготовления этого варианта иконок-складней в целом отнести к концу XII в.

Четвертый вариант рассматриваемого типа иконок-складней существенно отличается от двух предыдущих техникой исполнения — фронтальные ростовые изображения святых нанесены на обе стороны гладких боковых створок способом гравировки и чернения. С двумя выше названными вариантами этот вариант связан пока только формой и борисоглебской тематикой, так как центральные створки этих складней до нас не дошли, можно только предполагать, что и здесь был

образ Богородицы Одигитрии. Известны лишь две одинаковые по составу изображений боковые створки от складней этого типа, происходящие с территории летописного города Червена (ныне д. Чермно, Люблинское воев., Польша) (рис. 4, 1а, 1б) и из Переславского района Ярославской области России (Czerwień..., 2012. S. 254–255, рис. 3, таб. II.6.4; Пескова, 2017. С. 97–98, рис. 8). На одной стороне этих створок представлено изображение князя Бориса в образе воина-мученика (как и на рельефных створках складней второго варианта), на другой — целителя Космы. Оба изображения сопровождаются колончатыми именуемыми надписями и выполнены в манере, характерной

для гипотетической «Большой мастерской», работавшей, по мнению Г. Ф. Корзухиной, в Киеве предположительно в XII в.¹⁰ Двусторонностью изображений на боковых створках, как и их размещением (святые князя на внешней стороне), эти иконки-складни следуют конструкции складней первого варианта, при этом изображения святителей на внутренней стороне боковых створок здесь заменяются изображениями святых целителей Космы и Дамиана. А по иконографическому типу святых Бориса и Глеба в образе воинов-мучеников эти складни совпадают со складнями третьего варианта, следовательно, начало их изготовления можно отнести тоже к концу XII в. Однако широкого распространения производные модели иконок-складней третьего и четвертого вариантов так и не получили, судя по очень малому количеству дошедших до нас экземпляров.

Тип II. Иконки-складни с арочным завершением и изображением Богоматери Умиление на среднике

Тип представлен в домонгольский период единственной моделью, если не считать позднейшие ее вариации. По составу изображений она может быть причислена также и к змеевикам (рис. 5, 1). Центральную створку таких складней украшает рельефное поясное изображение Богоматери Умиление с Младенцем на правой руке, восходящее к чтимой Вышгородско-Владимирской иконе Божией Матери¹¹, с сопутствующими краткими надписями IC XC под линейными титлами в прямом написании (слева направо) и MP ΘY под S-видными титлами в обратном написании (справа налево и снизу вверх). Нимбы Христа и Богоматери, а также детали их одежд украшены крупным жемчужным орнаментом, а створка в целом оконтурена более мелким жемчужником в два ряда. На обороте средника размещена змеевидная композиция в круглом медальоне, тоже

¹⁰ Гипотетическая «Большая мастерская» в Киеве была выделена Г. Ф. Корзухиной при изучении крестов-энколпионов с черневыми и рельефно-черневыми изображениями, функционирование ее исследовательница относила ко второй–третьей четверти XII в. (Корзухина, Пескова, 2003. С. 29–32).

¹¹ Т. В. Николаева определяла это изображение как «древний домонгольский тип Владимирской Богоматери, который по иконографии ближе всего к костромской Федоровской иконе XIII в.» (Николаева, Чернецов, 1991. С. 63).

декорированном по краю жемчужником¹², а под ней колончато-строчная надпись в обратном написании, которая расшифровывалась исследователями по-разному¹³.

Боковые створки, тоже украшенные жемчужником по краю, имеют изображения святых на обеих сторонах. На внутренних сторонах вверху в полуарках помещены поясные изображения архангелов Гавриила и Михаила, под ними (без разделения на верхний и нижний ярусы) — фронтальные парные ростовые фигуры святых, предположительно мучеников Флора и Лавра (на левой створке) и неизвестных мучеников (на правой створке). Снаружи в верхних полуарках — поясные изображения апостолов Петра и Павла, под ними — парные ростовые фигуры, предположительно целителей Космы и Дамиана (слева) и святителей Иоанна Златоуста и Николая Мирликийского (справа). Сопутствующие надписи, выполненные тоже в обратном написании, с трудом и далеко не всегда поддаются прочтению.

Ушко для подвешивания иконки-складня имеет вид крупной бусины на характерном коническом основании в виде горки, плотно украшенной псевдозернью. Оно не требует дополнительного оглавления, хотя и к такому ушку в отдельных случаях могли приделать неуместное здесь оглавление, взятое явно от креста-энколпиона, как это некогда произошло со складнем из раскопанного В. В. Хвойкой коллективного захоронения, совершенного в 1240–1241 гг. близ Десятинной церкви в Киеве (Комар, Козюба, 2016. С. 128–129, ил. 7, 3).

Археологическими находками, определяющими датировку складней рассматриваемого типа, являются центральная створка складня, происходящая из раскопок Большого Шепетовского городища — гипотетического города Изяславль, разрушенного во время монголо-татарского нашествия предположительно зимой 1241 г. (рис. 5, 3) (Миролюбов, 1983. С. 52, № 235; 1000-летие..., 1988. С. 207, 388, № 280; Николаева,

¹² Змеевидная композиция — тип VIII, «серповидный пересекающийся» по А. С. Орлову. См.: Николаева, Чернецов, 1991. С. 24, рис. 1, 9).

¹³ Наиболее точное, на наш взгляд, прочтение принадлежит И. И. Плешановой и Л. Д. Лихачевой: «Святыйша Херувим и целитель всем болящим Христос Бог и» (Плешанова, Лихачева, 1985. С. 192, кат. № 4). Другие варианты прочтения надписи см. в работе: Николаева, Чернецов, 1991. С. 64.

Рис. 5. Иконки-складни, тип II: 1 — Путивль, Украина (Станюкович, Коршун, 2014. Табл. 37, № 98); 2 — Холм (Хелм, Польша) (Dzieńkowski, 2013. Рис. 1; 2); 3 — Большое Шепетовское городище, Украина (НА ИИМК РАН. ФО. О.2573). 1–3 — цветной металл

Fig. 5. Foldable icons, type II: 1 — Putivl, Ukraine (Станюкович, Коршун, 2014. Табл. 37, № 98); 2 — Kholm (Chelm, Poland) (Dzieńkowski, 2013. Рис. 1; 2); 3 — Bolshoye Shepetovskoye fortified site, Ukraine (SA IHMC of RAS. Photo department. O.2573). 1–3 — nonferrous metal

Чернецов, 1991. С. 102, кат. № 18, табл. IX, 1; Станюкович, Коршун, 2014. С. 87, ил. В), и выше упомянутая датированная тем же временем находка из раскопок близ Десятинной церкви в Киеве, а также боковые створки из культурного слоя древнерусского городища на Замковой горе в Любече (Украина) и из раскопок в древнем Холме (г. Хелм, Польша) (рис. 5, 2) (Веремейчик, 2017. С. 79, рис. 3, 2; Dzieńkowski, 2013. S. 307–312, рис. 1; 2). Створка из Холма на основании археологического контекста памятника датирована довольно широко — XIII–XIV вв. Створка из Любеча, почти совсем утратившая изображения, по некоторым признакам¹⁴ может быть датирована XIII в.

¹⁴ Имеются в виду тонкий орнаментированный валик по контуру и отсутствие характерного для позднесредневековых складней рельефного деления пло-

Киевская и шепетовская находки позволяют уверенно утверждать, что иконки-складни данного типа вошли в обиход древнерусского населения не позднее 30-х гг. XIII в. Вполне вписываются в домонгольский период и фрагменты аналогичных складней, найденные на территории древнего Галича и на городищах Княжая гора и Девичья гора в Среднем Поднепровье (Фіголь, 1997. С. 195; Raiuhut, 1960. Tab. VII, 20; Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXX, 333). Из случайных находок последнего времени большой интерес представляют целый складень, найденный в Путивле (Украина)

скости створки на два компартамента. В культурном слое, из которого происходит створка, преобладают материалы XII–XIII вв., но есть и XVII–XVIII вв. Благодарю руководителя раскопок Е. М. Веремейчик за уточнение стратиграфии.

(рис. 5, 1), и центральная створка из округа г. Томашов Любельский (Польша) (*Станюкович, Коршун*, 2014. С. 299, табл. 37, № 98; *Багинская, Мусин*, в печати / *Bagińska J., Musin A.*). Как видим, ареал находок иконок-складней рассматриваемого типа ограничивается исключительно южнорусскими землями. Значительное количество их находится в музейных и частных собраниях. Только в своде берегов-змеевиков из частных собраний («внеконтекстных» артефактов) учтено 14 предметов интересующего нас типа (*Станюкович, Коршун*, 2014. С. 86–87, кат. № 98–111). Большую их часть составляют позднейшие переливки, в том числе средники складней, превращенные в самостоятельные иконки, но есть и такие, как уже упоминавшийся целый складень из Путивля, благодаря которому мы, наконец, можем составить полное представление об иконках-складнях данного типа. И происходят позднейшие отливки (в тех случаях, когда известно место находки) уже не только из южнорусских земель (современных Киевской, Винницкой и Тернопольской областей Украины), но также из Рязанской, Липецкой, Смоленской и Владимирской областей России (*Там же*. С. 87).

Дополнительным указанием на время создания интересующей нас модели иконки-складня могут служить иконографические, стилистические и палеографические особенности, сближающие ее с двумя другими группами литых культовых предметов — исходной моделью крестов-энколпионов с обращением «Святая Богородица, помогай» (группа VII.1.1)¹⁵, чрезвычайно распространенных на Руси в XIII в., и моделью шестиконечного креста с односторонними рельефными изображениями, называемого в литературе киотным или осеняльным, известного по пяти фрагментированным находкам в древнерусских городах (Переяславле, Родне (Княжая гора), «Изяславле» и Полоцке) и на селище Ходосовка под Киевом, а также по двум более полным/сохранным экземплярам (24,5 × 9,5 × 0,4 см), обнаруженным в слоях XIII–XIV вв. в Херсонесе и Судаке (*Пескова*, 1998. С. 238–252; *Археологическое наследие...*, 2012. С. 87; *Готун и др.*, 2019. С. 36–52). Их объединяют сходные по написанию зеркальные

кириллические надписи и концентрированная иконографическая программа, включающая в разных сочетаниях, в зависимости от конструкции произведения, наряду с образами распятого Христа и предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова также архангелов, апостолов Петра и Павла, святителей Николая Мирликийского, Василия Великого, Григория Богослова, целителей Косму и Дамиана, князей-страстотерпцев Бориса и Глеба (последние только на киотном/осеняльном кресте). Хотя центральные изображения Богоматери на створке иконки-складня (Богоматерь Умиление) и на створке креста-энколпиона (Богоматерь с ладонями, раскрытыми перед грудью) иконографически различны, многие другие изображения святых близки между собой иконографически, и все они особенно близки стилистически — сходным соблюдением пропорций фигур, детальной проработкой одеяний, применением одинаковых декоративных приемов, таких как жемчужный орнамент в нимбах и по контуру самих произведений, наконец, плотным размещением фигур и надписей на плоскости. Эти наблюдения позволили предположить, что рассматриваемые складни с центральным образом Богоматери Умиление изготавливались в тех же мастерских, где и киотные/осеняльные кресты и кресты-энколпионы с обращением «Святая Богородица, помогай» (*Пескова*, 1998. С. 250–251; *Пуцко*, 1999. С. 165–171)¹⁶.

К этой же стилистической группе можно отнести еще два близких между собой (если не тождественных) двусторонних круглых змеевика с поясным изображением на лицевой стороне Богоматери с Младенцем перед грудью (тип

¹⁵ Производные модели крестов-энколпионов (VII.1.2 и VII.1.3) имеют существенные отличия от исходного варианта (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 193–195, 209–210).

¹⁶ Сопоставление в стилистическом отношении херсонесского киотного/осеняльного креста с произведениями каменной пластики первоначально привело В. Г. Пуцко к выводу, что крест принадлежит к тому же направлению, в котором работали резчики «группы мастера Распятия», и что он при этом «предшествует киевским крестам-энколпионам с обратными надписями, датируемым 1230-ми годами». И. А. Стерлигова считает, что крест из Херсонеса все же предшествует «группе мастера Распятия» и относится к кругу памятников древнерусской пластики конца XII — первой четверти XIII в. провизантийской ориентации. Позднее В. Г. Пуцко даже определяет его как произведение «высококвалифицированного константинопольского ремесленника», работавшего в Киеве после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. (*Пуцко*, 1986. С. 178; 1999. С. 167–168; *Стерлигова*, 1993. С. 8).

Воплощение)¹⁷, выполненным в той же манере и с такой же подробной и точной детализацией, как и Богоматерь Умиление на рассматриваемом складне (отличается только окантовка образков), и с зеркальными надписями. А змеиная композиция полностью совпадает со змеиной композицией на среднике складня. Один змеевик обнаружен в культурном слое конца XIII — начала XIV в. при раскопках в древнем Берестье (г. Брест, Беларусь), другой — в слоях 1313–1340 гг. древнего Новгорода (Лысенко, 1985. С. 212, 267–270, рис. 184; Седова, 1981. С. 69, рис. 23, 3, 4; Николаева, Чернецов, 1991. С. 69, табл. XII, 3, 4; Станюкович, Коршун, 2014. С. 52, табл. 4, 16). Исследователи датируют их по-разному, в диапазоне от XI до XIV в. Исходя из стилистической близости этих змеевиков рассматриваемым складням и принимая во внимание их одинаковые змеиные композиции, считаем, что создание исходной модели змеевиков данного типа можно связать с работой той же киевской мастерской первой трети XIII в., не исключая возможности отливки на местах конкретных экземпляров, в частности брестского и новгородского, в более позднее время по древним образцам.

Показательно, что аналогичное изображение Богоматери с Младенцем, даже с похожим обрамлением из треугольников, но уменьшенное примерно в два раза, использовалось при отливке миниатюрных круглых иконок-привесок, случайно обнаруженных на территории Южной Руси (Станюкович, 2011. С. 98–99, табл. IV, 49–52), которые могут быть отнесены к продукции той же киевской мастерской первой трети XIII в. Этот пример, с одной стороны, косвенно подтверждает киевское происхождение змеевиков с образом Богоматери Воплощение, послуживших, вероятно, первообразом и для изготовления миниатюрных иконок-привесок с аналогичным изображением. С другой стороны, он показывает еще одно направление работы этой художественной мастерской, где изготавливали разнообразные предметы христианского культа из медных сплавов,

¹⁷ Большинство исследователей змеевиков связывают происхождение этого типа с Новгородом, ошибочно определяя иконографический тип основного изображения Богоматери с Младенцем как Знамение, имея в виду новгородскую чудотворную икону первой половины XII в., тогда как образ Богоматери, воспроизведенный на змеевиках, не вполне соответствует иконографии Знамения (изображение младенца Христа здесь представлено без медальона).

от большого осеняльного креста до миниатюрных иконок-привесок, включая также кресты-энколпионы с обращением «Святая Богородица, помогай» и арочные иконки-складни со змеиной композицией на обороте.

Близкой параллелью названным змеевикам и иконкам-привескам с образом Богоматери Воплощение является круглый образок с аналогичной иконографией, происходящий из раскопок на Райковецком городище (Украина) — поселении, разгромленном во время ордынского нашествия¹⁸. Он очень близок змеевикам и иконкам-привескам стилистически, но отличается от них несколько иной проработкой складок одеяния Богоматери, характерным расположением монограмм Христа и Богоматери в круглых медальонах и в целом более тонкой изысканной работой, включая и художественное обрамление из вьющегося стебля с полупальметтами.

Таким образом, иконки-складни с образом Богоматери Умиление в среднике, как и херсонесский крест, можно отнести к продукции одной киевской мастерской первой трети XIII в. Основное время бытования аутентичных иконок-складней рассматриваемого типа, очевидно, ограничивается XIII в., переливки и реплики случались и в последующие столетия.

Тип III. Иконки-складни с треугольным завершением и композицией Распятия с предстоящими в среднике

Складни этого типа выделяются среди всех произведений древнерусской миниатюрной пластики редкой треугольной формой завершения и иконографической композицией изображения на центральной створке — Распятие с двумя предстоящими и символами Солнца и Луны над Распятием¹⁹.

¹⁸ Образок известен по публикации 1950 г. как «медная литая панагия» (Гончаров, 1950. С. 113, табл. XXI, 2).

¹⁹ Изображения Солнца и Луны, переданные различными приемами, присутствуют также на двух каменных иконках с композицией Распятия — одна (фрагментированная) прямоугольная из раскопок в Великом Новгороде со стратиграфической датой конец XII в., другая с треугольным завершением из собрания ГРМ, датированная по стилистическим признакам XIII в., обе заметно отличаются от рассматриваемого средника иконки-складня (Николаева, 1983. С. 70, 73, кат. № 93, 105, табл. 19, 2; 20, 3).

Они были найдены в Киеве (боковая створка с рельефным ростовым изображением святого воина с копьем (рис. 6, 2) и на городище Княжая гора под Каневом (средник с рельефной композицией Распятия с предстоящими и неподвижным ушком в виде биконической бусины (рис. 6, 1) (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. IX, 110; XX-VIII, 317). Две находки происходят из раскопок древнерусских городов Любеч (Украина) и Туров (Беларусь), с широким археологическим контекстом XII–XIII вв., и представляют собой средники складней с поврежденными краями (Веремейчик, 2017. С. 79, рис. 3, 1; Башков, 2011. С. 65–66, 135, 183, рис. 46,3, кат. № 43)²⁰. Они существенно отличаются друг от друга размерами: преобладают экземпляры с шириной средника 4,0–4,5 см, встречаются и шириной 2,7–2,9 см.

О полном составе изображений святых на створках можно судить только по трем случайным находкам в Волынской и Житомирской областях Украины (Нечитайло, 2001. Кат. № 583, 584, 585) (рис. 6, 3). В одном случае на внутренней стороне боковых створок изображены в рост святые воины с копьями (согласно надписям в прочтении В. В. Нечитайло — св. Георгий и св. Димитрий), на их внешней стороне — неизвестные святые; на внешней гладкой стороне средника вырезана надпись (владельческая?) МИХАИЛ (Там же. Кат. № 583). Предлагаемое прочтение надписей в данном случае не соответствует иконографии святых воинов — по отчетливо выраженной бороде у одного из них и менее выраженной у другого святые воины могут быть атрибутированы, скорее, как святые Феодор Тирон и Феодор Стратилат. В другом случае на внутренней стороне боковых створок изображены не воины, а архангелы Михаил и Гавриил, а на внешней стороне, по предположению автора публикации, — св. Николай и св. Василий (Там же. Кат. № 584). В третьем случае на внутренней стороне боковых створок тоже изображены святые воины, а снаружи — трехлопастноконечный крест (Нечитайло, 2001. Кат. № 585; Нечитайло, 2012. С. 59–60, кат. № 397). Таким образом, можно осторожно предположить

²⁰ На публикуемом А. А. Башковым рисунке туровской створки изображен только крест (без распятого Христа и фигур предстоящих), однако в тексте (с. 65–66) сказано, что «сохранилась центральная часть триптиха с читаемым изображением Распятия и предстоящими Богоматерью и Иоанном Предтечей [должно быть: Иоанном Богословом]».

существование двух вариантов иконок-складней этого типа при неизменной композиции Распятия в среднике: один со святыми воинами, другой с архангелами на внутренней стороне боковых створок. При этом снаружи в обоих вариантах размещали либо ростовые изображения святителей (?), либо крест. Локализация выявленных находок, включая и коллекционные экземпляры, ограничивается южнорусскими землями²¹.

Иконография Распятия, которое мы видим на среднике (Христос на кресте в набедренной повязке, с наклоненной к правому плечу головой, с почти прямыми руками и ногами), в целом отвечает изображениям распятого Христа на многочисленных древнерусских крестах-энколпионах второй половины XI — первой половины XIII в.²² Особенностью изображения на среднике складня является едва заметный наклон головы Христа и прямой торс, вызывающие ассоциации с некоторыми памятниками, восходящими к X–XI вв., такими как Распятие на византийских триптихах слоновой кости из Британского музея в Лондоне и парижского Кабинета медалей (Byzantium 330–1453, 2008. P. 114, 134, fig. 21, cat. No 78), диптихе слоновой кости из Гос. Эрмитажа или на Хальберштадтской патене (Искусство Византии..., 1977. С. 98, 100, кат. № 585; Банк, 1978. С. 36–37, рис. 25), а также присутствие символов Солнца и Луны над его головой. Последние встречаются на двусторонних круглых змеевиках с Распятием на лицевой стороне (второй половины XI — первой половины XIII в.) (Станюкович, Коршун, 2014. С. 155–156), а также на некоторых типах древнерусских прямоконечных крестов-энколпионов²³,

²¹ Единственная случайная находка за пределами Древней Руси (боковая створка с изображением святого воина) обнаружена близ г. Бяла Варненской области, Болгария (Тотев, 2018. С. 235–238, рис. 1).

²² Исключение составляют кресты первой трети XIII в. группы VII.1–3, на которых Христос изображен с согнутыми в коленях ногами (Корзухина, Пескова, 2003. С. 193–217, табл. 117–150).

²³ Имеются в виду кресты с рельефными изображениями группы II.2.1 и черневой группы (IV.3.1–3; IV.5.1–3) (Корзухина, Пескова, 2003. С. 83–86, табл. 35–37; 145–149, 157–160, табл. 85–88, 92–94). Массовое изготовление черневых крестов-энколпионов на Руси относится в основном к XII в., хотя они оставались в быту и в XIII в. Датировка рельефных крестов-энколпионов группы II.2.1, особенно близких иконографически Распятию на иконках-складнях, является

Рис. 6. Иконки-складни, тип III, варианты 1 и 2: 1 — Княжая гора (летописный Родень), Украина (Ханенко Б., Ханенко В., 1899. Табл. IX, 110); 2 — Киев (Там же. Табл. XXVIII, 317); 3 — Волынская область, Украина (Нечитайло, 2001. Кат. № 584). 1–3 — цветной металл

Fig. 6. Foldable icons, type III, variants 1 and 2: 1 — Knyzhaya Gora (Roden of chronicles), Ukraine (Ханенко Б., Ханенко В., 1899. Табл. IX, 110; 2 — Kiev (Там же. Табл. XXVIII, 317); 3 — Volyn Oblast, Ukraine (Нечитайло, 2001. Кат. № 584). 1–3 — nonferrous metal

получивших эту иконографическую деталь в наследство от византийских рельефных энколпионов с Распятием другого иконографического типа (Христос в колобии).

Металлические иконки с композицией Распятия домонгольского периода чрезвычайно редки. Ни одна из двух известных на сегодня — двусторонняя из собрания Национального музея в Кракове (Распятие с предстоящими; Благовещение, XII в.) (Kruk et al., 2006. S. 61, 114, 208, kat. I.29) и односторонняя из раскопок Большого Шепетовского городища на Украине (конец XII — первая половина XIII в.) — в полной мере не сопоставима с рассматриваемым средником складня. Прямоугольные иконки и средник складня, имеющий треугольное завершение, близки между собой по размерам (около 4 см шириной), но различаются композиционно и стилистически. На среднике складня над Распятием изображены Солнце и Луна, на шепетовской иконке — скорбящие ангелы, на краковской — только крупные рельефные буквы IC XC под фигурными титлами. Изображение распятого Христа с изогнутым торсом и

склоненной головой на иконках заметно отличается от прямой фигуры Христа на среднике складня. Изображения Богоматери и Иоанна Богослова на всех трех памятниках иконографически близки, но отличаются стилистически. По манере изображения большеголовых укороченных фигур предстоящих шепетовская иконка и средник складня с Княжей горы довольно схожи. При этом на среднике любечского складня, несмотря на его плохую сохранность, видно, что рельефы выполнены в другой стилистике — пропорции фигур предстоящих еще не нарушены, что указывает на ощутимую одновременность этих отливок и позволяет рассматривать любечский складень как образец, наиболее близкий к исходной модели, созданной, по-видимому, в конце XII в. А складень с Княжей горы с его более грубыми приземистыми изображениями предстоящих в свете этого сравнения выглядит как вторичная, более поздняя доработанная отливка по оттиску суже нечеткого образца, выполненная, как и иконка с Шепетовского городища, скорее всего уже в первой трети XIII в. Одним из дополнительных оснований для датировки шепетовской металлической иконки служит ее иконографическая и стилистическая близость каменной (стеатитовой?)

дискуссионной и находится в диапазоне от XI в. до конца XII — начала XIII в. (Там же. С. 84).

иконке с Распятием, происходящей из раскопанной в Галиче «кладовой мастера литейщика-ювелира», датированной на основании массового керамического материала XII–XIII вв. (иконку по стилистическим признакам датируют началом XIII в.) (Аулих, 1984. С. 13–14; Пекарская, Пуцко, 1991. С. 136–137, фото 10).

Суммируя приведенные выше наблюдения, можно сказать, что модель иконки-складня с композицией Распятия в среднике, имеющем треугольное завершение, созданная предположительно в конце XII в. в Киеве, продолжала бытовать в южнорусских землях вплоть до ордынского нашествия, однако широкого распространения и дальнейшего развития она не получила.

Подражания иконкам-складням с арочным завершением (реплики)

К ним относятся три иконки с изображением в среднике трех святых и каменная форма для отливки арочного образка (рис. 7). Полный состав изображений святых на иконках этого типа на сегодняшний день нам неизвестен. При археологических раскопках обнаружены лишь три фрагментарно сохранившиеся иконки, отлитые по образцу средника складня (шириной от 3,5 до 4,35 см), две из которых имеют признаки створок, хоть и слабо выраженные. Происходят они из культурного слоя селища Кистыш 3 в Суздальском Ополье (рис. 7, 1а, 1б) и Бородинского городища в Смоленской земле (рис. 7, 3), активно функционировавших в XII–XIII вв., но сохранивших следы жизнедеятельности и в XIV в. (Макаров, Красникова, 2007. С. 66–67, рис. 2, 1; Макаров, Зайцева, 2018. С. 126–127, рис. 4, 3; Седов, 1960. С. 120, рис. 63, № 92), а также из древнерусского города Серенск (XI–XVII вв.), время расцвета которого приходится на XII–XIII вв., когда он относился к Черниговскому княжеству (рис. 7, 4) (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 254, 257, рис. 131, 14).

Отличительной композиционной особенностью этих иконок является размещение рельефов трех святых под арками: внизу два поясных образа святых под арками с капителями, над ними уменьшенное погрудное изображение святого под гладкой аркой (без архитектурных деталей). Их атрибуция затруднена плохой сохранностью предметов. Не вызывает сомнений только изображение под левой аркой молодого святого воина с копьем (оно ясно читается на экземплярах с селища Кистыш 3 и с Бородинского городища).

Верхнее изображение святого не читается ни на одном из трех образков. Однако авторы первой публикации створки с селища Кистыш 3 логично предположили, что вверху находилось изображение Христа, отметив при этом, что прием размещения святых под арками характерен для произведений византийской пластики и книжной миниатюры XI–XII вв., и даже увидели в этом образке воспроизведение неизвестного византийского оригинала (Макаров, Красникова, 2007. С. 66). Но анализ данного образка вместе с ему подобными не подтверждает наличие здесь прямого византийского прототипа, а скорее говорит о подражании, об усвоении мастером не композиционного решения в целом, а только отдельных византийских элементов без глубокого их понимания. На это указывают две особенности, отчетливо видимые на образке из раскопок Бородинского городища. Во-первых, это превращение архитектурных колонок в элементы бортиков медальонов, оконтуривающих изображения святых в нижнем ярусе. Во-вторых, необычный подбор и расположение святых на пластине — рядом и на одном уровне со святым воином помещено изображение Христа. Не исключено, что образок с Бородинского городища, который меньше створки с поселения Кистыш 3 и совсем утратил признаки средника складня, представляет собой просто иконку, отлитую позже по образцу створки, возможно со значительной переработкой исходной модели. Каким был состав изображений святых и их размещение на створке из Кистыша, самой большой из трех, а значит, и наиболее близкой к исходной модели, неизвестно. Возможно он был вполне гармоничным по иконографическому составу, то есть святые воины под арками и благословляющий их Христос вверху. Но и в этом случае предположение о прямом византийском прототипе сомнительно, поскольку такие маленькие металлические нагрудные складни-триптихи в византийском прикладном искусстве пока не выявлены. Скорее интересующие нас образки можно рассматривать как свидетельство существования на Руси в XIII в. своеобразной модели иконок-складней, созданной в древнерусской традиции на северо-восточной периферии их южнорусского ареала в небольшой мастерской и вследствие этого имевших весьма ограниченное распространение. Заметим также, что из культурного слоя в Серенске помимо створки с изображениями святых под арками происходит еще

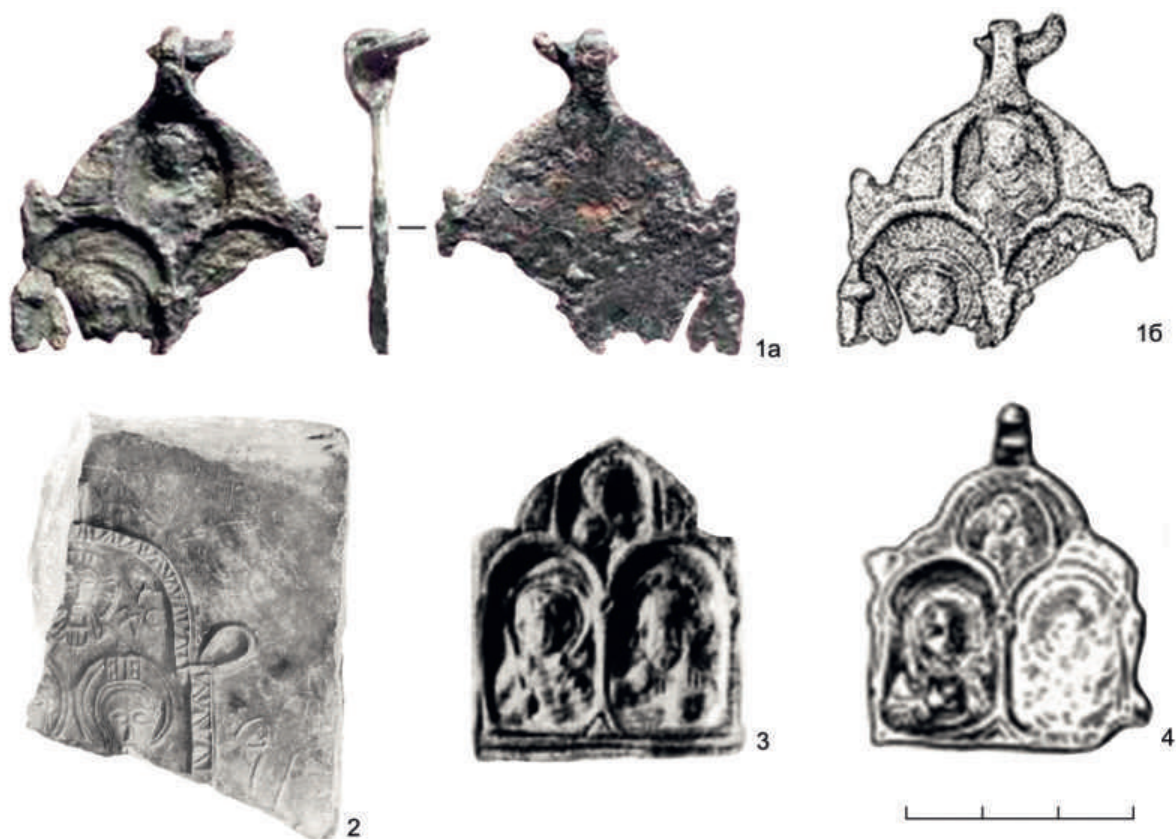

Рис. 7. Подражания иконкам-складням (реплики): 1а, 1б — Кистыш 3 в Суздальском Ополе (Макаров, Красникова, 2007. Рис. 2, 1); 2 — Большое Шепетовское городище (литейная форма), Украина (ИА ИИМК РАН. ФО. О.2573); 3 — Бородинское городище, Смоленская область (Седов, 1960. Рис. 63); 4 — Серенск, Калужская область (Зайцева, Сарачева, 2011. Рис. 131, 14). 1, 3–4 — цветной металл; 2 — камень

Fig. 7. Imitations of foldable icons (replicas): 1a, 1b — Kistysh 3 in Suzdal Opolye Макаров, Красникова, 2007. Рис. 2, 1); 2 — Bolshoye Shepetovskoye townsite (casting mould), Ukraine (IA IHMC of RAS. Photo department. O.2573); 3 — Borodinskoye fortified site, Smolensk Oblast (Седов, 1960. Рис. 63); 4 — Serensk, Kaluga Oblast (Зайцева, Сарачева, 2011. Рис. 131, 14). 1, 3–4 — nonferrous metal, 2 — stone

и фрагмент прямоугольной створки складня с Богородицею Одигитрией с Младенцем на левой руке (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 257, рис. 131, 16).

Каменная литейная форма для изготовления иконки с арочным завершением из раскопок Большого Шепетовского городища (Украина) (рис. 7, 2) — пока единственная в своем роде находка, представляющая собой обломок двусторонней литейной формы, на одной стороне которой вырезано изображение для отливки иконки в виде/наподобие центральной створки складня, а на другой — для отливки створки креста-энколпиона с Распятием и четырьмя святыми в медальонах. Сохранилась правая верхняя часть изображения иконки с арочным завершением (реконструируемые высота 6,0 см, ширина 5,4 см, обе без петель), окаймленной широкой

орнаментированной треугольниками полосой, с традиционной неподвижной петлей вверху и необычной крупной «воздушной» петлей сбоку. В нижней части иконки вырезаны крупные лики двух святых в нимбах, обведенные двойным контуром и увенчанные схематично обозначенными венцами прямоугольной формы, декорированные четырьмя жемчужинами, над ними — оплечное изображение благословляющего или венчающего их Христа, над левым плечом Христа буквы ХС под титлом. Именующие святых надписи отсутствуют, как и характерные признаки, по которым можно было бы их атрибутировать.

В иконографической композиции венчания/благословения Христом святых на памятниках византийского круга, включая и древнерусские, чаще других присутствуют святые воины, реже —

императоры, целители или другие избранные святые²⁴. На интересующей нас створке с ликами святых не видно их атрибутов. Условное изображение венца над головой одного из святых можно было бы принять за императорскую корону (и проецировать ее на фрагментированное изображение парного персонажа). Из императоров древнерусский мастер мог изобразить только равноапостольных Константина и Елену, но их традиционно изображают стоящими у чудесно обретенного Креста, а не венчаемыми Христом (Искусство Византии..., 1977. С. 84, 87, кат. № 545; Николаева, 1983. Табл. 47, 4, № 271; 51, 4, № 289; 62, 1, № 348). Поэтому в данном случае остается предполагать только избранных святых, имена которых мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Композиция в целом умело вписана в поле иконки и грамотно выстроена, но отличается предельным схематизмом в передаче ликов. Резьба выполнена уверенной рукой мастера, знакомого с художественными традициями христианского искусства. Он, несомненно, ориентировался на такие образцы, как арочной формы киевские складни с изображением на лицевой стороне центральной створки Богоматери с Младенцем (тип Умиление). Напомним, что одна такая створка была найдена на этом же поселении. Но, вдохновляясь киевским образцом, местный мастер создал совершенно самостоятельную оригинальную модель. Была ли она доведена до конца созданием литейных форм для отливки боковых «створок» — неизвестно. Следов такой работы не было обнаружено, как и готовых изделий, отлитых в этой форме.

Заключение

Нагрудные металлические иконки-складни на Руси домонгольского периода, как следует из представленного обзора, были не очень широко распространены, в отличие от других категорий предметов культового литья — створчатых и нательных крестов, миниатюрных образков-привесок или двусторонних иконок-змеевиков, насчитывающих сотни экземпляров. Очевидно, это было связано с довольно узким кругом ценителей литых складней. И появились они в обиходе древнерусского населения заметно позже других.

²⁴ Например, венчаемые/благословляемые Христом на каменных иконках неизвестные святые или свв. воины со св. Николаем, или свв. Николай и Стефан (Николаева, 1983. Табл. 2, 4; 51, 3; 63, 1).

Освоение этой отрасли культового литья на Руси происходило под влиянием византийской традиции и в тесной связи с развитием других отраслей древнерусской христианской металлической и каменной пластики во второй половине XII в. и достигло наивысшего развития в первой трети XIII в., что выразилось в создании наиболее совершенной в художественном отношении модели трехстворчатой иконки-змеевика с образом Богоматери Умиление. Создатели древнерусских иконок-складней, восприняв идею византийского стационарного триптиха, кардинально ее переработали, исходя из собственных задач и возможностей.

Наиболее ранними моделями, восходящими, очевидно, ко второй половине XII в., можно считать прямоугольные иконки-складни, связанные с борисоглебской тематикой и претерпевшие значительные иконографические и технологические преобразования (четыре варианта) за время своего бытования, а также складни с треугольным завершением и композицией Распятия с предстоящими в среднике, имеющей отдаленные аналогии среди памятников с более ранней иконографией Распятия X–XI вв. В первой трети XIII в. в киевских мастерских создается модель складня с арочной формой завершения и изображением на лицевой стороне средника Богоматери Умиление и змеиной композицией на оборотной, а также многофигурными композициями на боковых створках, получившая распространение в южнорусских землях. Параллельно в удаленных от Киева городках с достаточно развитым ремеслом могли изготавливать и реплики арочных складней с самостоятельно разработанной композицией, о чем свидетельствуют литейная форма из раскопок Шепетовского городища и иконки, отлитые по образцу средников складней с изображениями святых под арками. Арочная форма с этого времени становится для иконок-складней на несколько столетий ведущей, а отдельные композиционные и иконографические элементы и даже целые композиционные блоки оказались востребованными и при создании моделей XIV–XVI вв.

Картографирование находок иконок-складней показывает, что большая их часть связана с южнорусскими землями. Археологические находки арочных иконок-складней с Богоматерью Умиление и змеиной композицией не выходят за рамки первой половины XIII в. и локализуются на южнорусских памятниках, тогда как случайные находки, представленные более поздними

переотливками, встречаются также на территории современных Рязанской, Липецкой, Смоленской и Владимирской областей. Иконки-складни с треугольным завершением и композицией Распятия локализуются исключительно на территории Южной Руси. Находки прямоугольных иконок-складней с борисоглебской тематикой выходят за пределы обозначенных границ, достигая Новогрудка, Полоцка и Белоозера; случайные находки зафиксированы в Ярославской и Владимирской областях. А в южнорусских землях эти в общем-то редкие находки встречаются на некоторых археологических памятниках и в двух разнотипных экземплярах (Киев, Любеч, Шепетовское городище, Серенск), и даже в четырех (Княжая гора). Большая часть находок связана с крупными городскими центрами, а их концентрация на городище Княжая гора под Каневом и на Шепетовском городище может быть связана с пограничным положением этих городков и, как следствие, со значительной воинской прослойкой среди местного населения, особенно нуждающейся в небесной защите и имевшей своего рода походные церкви — иконки-складни²⁵. Исключение

²⁵ Об обычае воинов носить на груди иконки-складни в середине XVII в. свидетельствует архидиакон

составляют иконки с изображениями святых под арками, найденные на сельских поселениях в Суздальском Ополе (Кистыш 3) и на Смоленщине (Бородинское поселение), а также в Серенске. Это уже локальный самостоятельный вариант, возникший на периферии основного южнорусского ареала, возможно в Серенске.

Киевская в своей основе традиция централизованного изготовления нагрудных трехстворчатых иконок-складней, отливаемых из медных сплавов, была прервана на некоторое время в связи с ордынским нашествием. Однако вскоре на основе модели иконок-складней с образом Богоматери Умиление и змеиной композицией на обороте средника были разработаны новые варианты, получившие широкое распространение, в том числе и в Северной Руси, в XIV–XVI вв. и позже.

Павел Алеппский, сопровождавший в путешествии в Россию антиохийского патриарха Макария: «У всех ратников без исключения непременно имеется на груди красивый образ в виде тройного складня, с которым он никогда не расстаётся, и, где бы ни остановился, ставит его на видном месте и поклоняется ему. Таков их обычай, как мы сами это видели» (*Павел Алеппский*, 1898. С. 136).

1000-летие..., 1988 — 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки / Ред. А. В. Рындина. М.: б. и., 1988. 448 с.

Алешковский, 1972 — *Алешковский М. Х.* Русские глеборисовские энколпионы 1072–1160 гг. // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси / Ред. В. Н. Лазарев и др. М.: Наука, 1972. С. 104–125.

Археологическое наследие..., 2012 — Археологическое наследие Беларуси = Archaeological Heritage of Belarus / Ред. А. А. Коваленя, О. Н. Левко. Минск: Беларус. навука, 2012. 190 с.

Архипова, 2009 — *Архипова Е. И.* Каменная иконка с Таманис изображением воина-мученика св. Глеба // Борисо-Глебский сборник = Collectanea Borisoglebica / Ред. К. Цукерман. Paris: АСНСВуз, 2009. Вып. 1. С. 157–182.

Аулих, 1984 — *Аулих В. В.* О детинце древнего Галича // Древнерусский город (материалы Всесоюзной археологической конференции, посв. 1500-летию города Киева) / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 12–14.

Багинская, Мусин, (в печати) — *Багинская И., Мусин А.* (*Bagińska I., Musin A.*) Икона в лесу. Религиозно-культурные перемены на польско-русском пограничье в светеных археологических находок (в печати).

Банк, 1973 — *Банк А. В.* Константинопольские образцы и местные копии (по материалам прикладного искусства X–XII вв.) // Византийский временник. Л.: Изд-во АН СССР, 1973. Т. 34. С. 190–195.

Банк, 1978 — *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX–XII. Очерки. М.: Наука, 1978 (Культура народов Востока). 203 с.

Башков, 2011 — *Башков А. А.* Христианские древности Беларуси конца X — XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск: издатель И. П. Логвинов, 2011. 194 с.

Веремейчик, 2017 — *Веремейчик О. М.* Християнські старожитності середньовічного Любеча (за матеріалами досліджень 2010–2015 рр.) // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой / Отв. ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII). С. 77–84.

- Голубева, 1973 — Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 216 с.
- Гончаров, 1950 — Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1950. 152 с.
- Готун и др., 2019 — Готун І. А., Казимір О. М, Сухонос А. М. Богородиця з Ходосівки // Археологія: Науковий журнал. Київ: Інститут археології НАН України, 2019. № 1. С. 36–52.
- Гурэвіч, 2003 — Гурэвіч Ф. Д. Летпісны Наваградак. СПб.; Наваградак: Агентство «РДК-принт», 2003. 323 с.
- Дадыкин, 2017 — Дадыкин В. Л. Каталог коллекции предметов христианской мелкой пластики. М.: Наука, 2017. 86 с.
- Дубровин, Мусин, 2020 — Дубровин Г. Е., Мусин А. Е. Предметы христианского культа // Плотницкий конец средневекового Новгорода. Федоровский раскоп / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 383–387.
- Зайцева, Сарачева, 2011 — Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI — XIII в. М.: Индрик, 2011. 402 с.
- Зверуго, 1975 — Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975. 144 с.
- Искусство Византии..., 1977 — Искусство Византии в собраниях СССР: Искусство эпохи иконоборчества. Искусство IX–XII веков: Каталог выставки / Ред.-сост. А. В. Банк, М. А. Бессонова. М.: Советский художник, 1977. Т. 2. 155 с.
- Комар, Козюба, 2016 — Комар О., Козюба В. Братські могили 1240–1241 років біля Десятинної церкви // Opus mixtum. Київ: Міністерство культури України; Музеї історії Десятинної церкви, 2016. № 4. С. 122–138.
- Корзухина, Пескова, 2003 — Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003 (Тр. ИИМК РАН; Т. 7). 432 с.
- Лавыш, 2008 — Лавыш К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). Минск: Белорусская наука, 2008. 208 с.
- Леопардов, Чернев, 1890 — Леопардов Н., Чернев Н. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1890. Вып. 2. 31 с.
- Лысенко, 1985 — Лысенко П. Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.
- Макаров, Зайцева, 2018 — Макаров Н. А, Зайцева И. Е. Христианская металлопластика Суздальской земли XII–XIV вв.: новые находки // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / Отв. ред.-сост. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 119–130.
- Макаров, Красникова, 2007 — Макаров Н. А., Красникова А. М. Христианские древности Суздальских селищ: новые находки // КСИА. М., 2007. Вып. 221. С. 63–73.
- Мезенцева, 1968 — Мезенцева Г. Г. Древньоруське місто Родень. Княжа гора. Київ: Вид-во КДУ, 1968. 183 с.
- Миролюбов, 1983 — Миролюбов М. А. Древнерусский город Изяславль: Каталог выставки / Сост. М. А. Миролюбов. Л.: б. и., 1983. 64 с.
- Мусин, 2017 — Мусин А. Е. Вышгородская икона святых князей Бориса и Глеба: истоки образа и эволюция иконографии // Археологія і давня історія України. Київ: Інститут археології НАН України, 2017. Вип. 1 (22). С. 110–122.
- Нечитайло, 2001 — Нечитайло В. В. Каталог христианських нагрудних виробів мистецтва періоду Київської Русі (X — перша половина XIII ст.). Київ: б. и., 2001. 94 с.
- Нечитайло, 2012 — Нечитайло В. В. Каталог древнерусских иконок XI–XIV веков. Киев: б. и., 2012. 96 с.
- Николаева, 1983 — Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. / М.: Наука, 1983 (Археология СССР. САИ; Вып. Е1–60). 163 с.
- Николаева, Чернецов, 1991 — Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змевики. М.: Наука, 1991. 125 с.
- Осташенко, 2002 — Осташенко Е. Я. Вновь раскрытая древнейшая икона Успенского собора Московского Кремля «Богоматерь Одигитрия» // Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира. XII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 494–516.
- Павел Алеппский, 1898 — Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. М.: Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1898. Вып. III. 156 с.
- Пекарская, Пуцко, 1991 — Пекарская Л. В., Пуцко В. Г. Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия: Сб. науч. тр. / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 131–138.
- Пескова, 1998 — Пескова А. А. Херсонесский киотный крест и его место среди синхронных памятников древнерусской культовой пластики // Церковная археология. Вып. 4: Материалы 2-й Всерос. церк.-археол. конф., посв. 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1847–1917) (Санкт-Петербург,

- 1–3 ноября 1998 г.) / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Духовная академия, 1998. С. 238–252.
- Пескова*, 2005 — *Пескова А. А.* Пластина с изображением святых воинов из раскопок на Рюриковом городище // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя: новые материалы и исследования. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005 (Тр. ИИМК РАН; Т. 18). С. 394–399.
- Пескова*, 2017 — *Пескова А. А.* К вопросу о местных особенностях в изготовлении борисоглебских крестов-реликвариев в Галицко-Волынской земле // Археологія і давня історія України. Київ: Інститут археології НАН України, 2017. Вип. 1 (22). С. 91–99.
- Плешанова, Лихачева*, 1985 — *Плешанова И. И., Лихачева Л. Д.* Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея: Альбом. Л.: Искусство, 1985. 224 с.
- Пуцко*, 1986 — *Пуцко В. Г.* Киевская сюжетная пластика малых форм (XI–XIII вв.) // Сборник посвящен на Бошко Бабич. Прилеп: б. и., 1986. С. 169–181.
- Пуцко*, 1994 — *Пуцко В. Г.* Падвесны бронзавы абразок з Копысі // Мастацтва. Мінск: б.и., 1994. № 2. С. 69–73.
- Пуцко*, 1999 — *Пуцко В. Г.* Бронзовый киотный крест из Херсонеса (Византийско-киевская металлопластика начала XIII в.) // Византийский временник: Сб. ст. Т. 58 (83). М.: Наука, 1999. С. 165–171.
- Седов*, 1960 — *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 92). 158 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Смирнова*, 2009 — *Смирнова Э. С.* Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции // Борисо-Глебский сборник = Collectanea Borisoglebica / Ред. К. Цукерман. Paris: АСНСВУз, 2009. Вып. 1. С. 57–116.
- Станюкович*, 2011 — *Станюкович А. К.* Неизвестные памятники русской металлопластики. Миниатюрные иконки-привески XI–XVI веков. М.: Группа ИскателИ, 2011. 224 с.
- Станюкович, Коршун*, 2014 — *Станюкович А. К., Коршун В. Е.* Неизвестные памятники русской пластики. Обереги-змеевики XI–XIX вв. М.: Группа ИскателИ, 2014. 336 с.
- Стерлигова*, 1993 — *Стерлигова И. А.* Крест из Херсонесского музея и русские меднолитые киотные кресты XII–XIII веков // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции / Ред.-сост. А. В. Рындина. М.: НИИ теории и истории изобраз. искусств, 1993. Вып. 2, ч. 1. С. 3–19.
- Томев*, 2018 — *Томев К.* Вратичка от бронзов триптих с изображением на св. Георги — воин // Приноси към българската археология. София: НАИМ-БАН, 2018. Т. VIII: В памет на Ирина Щерева. С. 235–238.
- Фіголь*, 1997 — *Фіголь М.* Мистецтво стародавнього Галича. Київ: Мистецтво, 1997. 224 с.
- Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900 — *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности русские: кресты и образки. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1900. Вып. 2. 25 с.
- Штыхов*, 1975 — *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975. 136 с.
- Byzantium...*, 2004 — *Byzantium: Faith and Power (1261–1557)* / Helen C. Evans (ed.). New York: The Metropolitan Museum of Art, 2004. 658 p.
- Byzantium 330–1453*, 2008 — *Byzantium 330–1453: Exhibition catalogue* / R. Cormack, M. Vassilaki. London: Royal Academy of Arts, 2008. 494 p.
- Czerwień...*, 2012 — *Czerwień — gród między Wschodem a Zachodem: Katalog wystawy* / Red. J. Bagińska, M. Piotrowski, M. Wołoszyn. Tomaszów Lubelski; Leipzиг; Lublin; Rzeszów, 2012. 103 s.
- Dziękowski*, 2013 — *Dziękowski T.* Przykłady średniowiecznych dewocjonaliów z terenu podgrodzia i osady w Chełmie // Rocznik chełmski. Chełm: Chełmska Biblioteka Publiczna im. Marii Pauliny Orsetti w Chełmie, Stowarzyszenie “Rocznik Chełmski”, 2013. T. 17. S. 307–312.
- Goldschmidt, Weitzmann*, 1934 — *Goldschmidt A., Weitzmann K.* Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X–XIII Jahrhunderts. Berlin: B. Cassirer, 1934. Bd. II. 96 s.
- Hetherington*, 2008 — *Hetherington P.* The Gold and Enamel Triptich of Constantine Proedros // Enamels, Crowns, Relix and Icons: Studies on Luxury Arts in Byzantium. Burlington: Ashgate Publishing Limited, 2008. P. XIII, 1–11.
- Kruk et al.*, 2006 — *Kruk M. P., Sulikowska-Gąska A., Wołoszyn M.* Sacralia Ruthenica. Dzieła staroruskie bądź z Rusią związane z metalu i kamienia w Muzeum Narodowym w Krakowie i w Muzeum Narodowym w Warszawie. Kraków; Warszawa: PASAŻ Sp. Z o. o., 2006. 284 s.
- Rauhut*, 1960 — *Rauhut L.* Wczesnośredniowieczne materiały z Terenów Ukrainy w państwowym muzeum archeologicznym w Warszawie // Materiały wczesnośredniowieczne. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie, 1960. T. V. S. 231–260.
- Talbot Rice*, 1959 — *Talbot Rice D.* The Art of Byzantium: Text and Notes. London: Abrams, 1959. 348 p.

Old-Russian folding icons of the 12th–13th century

A. A. Peskova²⁶

Among the huge corpus of works of Old-Russian cult casting, the three-panelled folding triptychs cast from copper alloys constitute a not numerous and simultaneously most poorly studied group. Their majority come between the hands of archaeologists in a fragmentary state and not always are suitable for attribution. By the present time, complete examples have become available enabling to attribute and systematize the accumulated evidence. Basing on the studies of the morphology and iconography of the central panels, three major types of folding icons of the pre-Mongol period have been distinguished, while, considering varied lateral panels, there are seven variants (4 — rectangular, 1 — arched, 2 — with triangular terminals). The origins of this tradition are traceable being rooted in the idea of the Byzantine stationary ivory triptych of the 10th–12th century, cardinaly re-worked with regard to the conditions of the Old-Russian reality of the second half of the 12th–13th century. Mapping of the finds of the folding icons has demonstrated that their majority are related to the South-Russian lands. The adoption of this sphere of cult casting in Rus' was taking place in Kiev in the second half of the 12th century in the close connection with the development of other branches of Old-Russian Christian metal and stone plastics in the first third of the 13th century. Episodically, in the towns remote from Kiev with relatively advanced crafts, icons with an independently designed composition emerged imitating arched folding triptychs (replicas). The basically Kievan tradition of centralized manufacture of pectoral three-panelled folding icons was for a time interrupted because of the Mongol-Tatar invasion. However soon, on the basis of the model of folding icons with the image of the Mother of God "Tenderness" and the serpent composition on the reverse of the central panel, new variants were designed which became widely distributed, inter alia in Northern Rus', in the 14th–16th century and afterwards.

²⁶ Anna Peskova — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaja nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: peskovaaa@rambler.ru.

Комплекс пражских грошей из деревни Староселье Брянской области¹

К. В. Горлов, В. В. Миненко, И. Н. Разумов²

Аннотация. В статье рассматривается комплекс из 13 пражских грошей Вацлава IV, найденных весной 2020 г. в деревне Староселье Брянской области. На основании типологии J. Hána приводится классификация монет. Публикуются результаты рентгенофлуоресцентного анализа сплава пражских грошей и данные их метрических показателей. Комплекс следует рассматривать как часть большого депозита, маленький клад или потерянный кошелек. Его формирование происходило, вероятнее всего, в первые десятилетия XV в.

Annotation. This paper considers the assemblage of 13 Prague groschens of Vaclav IV found in spring of 2020 in the village of Staroselye of Bryansk Oblast. A classification of the coins is proposed basing on J. Hána's typology. The results of X-ray fluorescent analysis of the alloy of the Prague groschens and data on their metric parameters are presented. The complex discussed may have been part of a large deposit, a small hoard or a lost purse. Its formation took place most probably in the first decades of the 15th century.

Ключевые слова: пражские гроши, Вацлав IV, Брянск, Литва, клад.

Keywords: Prague groschens, Vaclav IV, Bryansk, Lithuania, hoard.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-155-166

Возраставшие с конца XII в. в Европе темпы и объемы международных и внутренних торговых операций требовали присутствия в обороте крупных монет, изготовленных из высокопробного серебра. Заполнявшие в это время денежные рынки денарии и брактеаты в контексте падения их веса и пробы могли обеспечить лишь потребности

местной торговли. Появление необходимой массовой крупной серебряной монеты³ связывается с денежной реформой 1266 г., проведенной королем Франции Людовиком IX, когда в городе Тур начался выпуск денежных знаков 958 пробы весом 4,22 г, названных гро турнуа⁴. Новая валюта получила быстрое признание внутри страны и за ее пределами, обретя статус торговой монеты (Михалевский, 1948. С. 132–134; Махун, Пядышев, 2014. С. 60–62). Однако широкое распространение турецкие гроши имели в основном на рынках Западной, Северо-Западной и Северо-Восточной Европы. В центральной и восточной частях

¹ Горлов К. В. — исследование выполнено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160–2019–0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² Горлов К. В. — Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, ИИМК РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: konstantin.gorlov2018@yandex.ru. Миненко В. В.; Разумов И. Н. — Отдел сохранения археологического наследия, ИА РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, Москва, 117292, Россия; e-mail: vvmnenko@yandex.ru; inrazumov@gmail.com.

³ Попытки выпуска высокопробных крупных серебряных монет предпринимались в Венеции, Генуе, Флоренции, Сиене, однако эти эмиссии носили в большей степени локальный характер и не оказали серьезного воздействия на международный рынок.

⁴ В литературе названия этих монет встречаются в различных вариантах, например турноз (Соболева, 1969. С. 73).

Старого Света господствовала чешская грошовая монета (Соболева, 1969. С. 73, 75).

Чеканка пражских грошей была начата в 1300 г. королем Вацлавом II и продолжалась с перерывом на гуситские войны два с половиной столетия. Исходный этап выпуска этих монет сопровождался проведением экономической реформы, основными итогами которой стало введение государственной монополии на серебро и объединение многочисленных центров денежного производства в королевский Влашский монетный двор (*Nohejlová-Prátová*, 1960. С. 95, 96, 98, 99; *Veselý*, 1964. С. 19; *Hána*, 2003. С. 2, 3). Несмотря на постепенное понижение пробы серебра и веса⁵, пражские гроши сохраняли доминирующее положение среди денежных знаков Центральной и Восточной Европы на протяжении большей части своей эмиссии, занимая нишу между разменной денариевой и золотой монетами (Соболева, 1975. С. 156; 1998. С. 178).

Косвенным доказательством стабильности пражских грошей служит неизменность их оформления на протяжении всего периода чеканки⁶. Центральная часть их аверса несет изображение короны, окруженной двумя легендами, разделенными точечными или линейными ободками. Внутренняя надпись содержит имя короля, от лица которого осуществлялась эмиссия, например, WENCEZLAVS TERCIVS, а внешняя — его титул: DEI GRATIA REX BOEMIE⁷. На реверс помещена фигура геральдического льва влево, стоящего в короне на задних лапах⁸, окаймленного круговой надписью GROSSI PRAGENSES⁹ (*Nohejlová-Prátová*, 1960. С. 96; *Veselý*, 1964. С. 26, 27).

В пределах территории Восточной Европы для пражских грошей Н. А. Соболева выделила три периода обращения (Соболева, 1967. С. 51–61; 1975. С. 154–161; *Soboleva*, 1970. С. 190–197)¹⁰.

⁵ Подробнее об этом в работе Р. Milejski (*Milejski*, 2018).

⁶ Со временем на пражских грошах изменялись только имена королей, от лица которых осуществлялась эмиссия.

⁷ Божией милостью король Богемии.

⁸ Герб Праги и Чешского королевства.

⁹ Данная часть легенды, приведенная во множественном числе, не включает в себе обозначения номинала монеты в узком значении и определяет не единицу стоимости, а принадлежность к определенной категории денежных знаков (*Керсновский*, 2018. С. 155, 156).

¹⁰ Разработанная Н. А. Соболевой в 60-х гг. XX в. периодизация обращения пражских грошей остается

К первому принадлежат немногочисленные единичные находки и клады монет Вацлава II, Яна Люксембургского и Карла IV. Места их обнаружения связаны с международными торговыми маршрутами. На данном этапе гроши за пределами Чехии исполняли функцию мировых денег и в повседневном местном денежном обращении активно не участвовали.

Второй период представлен многочисленными кладами и единичными находками пражских грошей, чеканенных в период правления Вацлава IV с небольшой примесью более ранних выпусков. Их топография во многом связана с территорией Великого княжества Литовского, где чешские монеты использовались в качестве основной денежной единицы¹¹. Помимо крупных денежных расчетов гроши здесь активно участвовали в повседневных мелких торговых операциях, на что указывают их многочисленные находки на сельских поселениях и могильниках (*Soboleva*, 1970. С. 193, 194; *Соболева*, 1975. С. 160, 161).

На протяжении третьего периода обращения пражские гроши утрачивают свое доминирующее положение, присутствуя в составе кладов конца XV–XVII вв. в виде незначительной примеси к польским, литовским и немецким монетам.

Находки пражских грошей в пределах России можно разделить на три группы (*Горлов, Гайдуков*, 2021). К первой относятся экземпляры¹², происходящие из областей, некогда входивших в состав Великого княжества Литовского. По периодизации Н. А. Соболевой они соотносятся с первым и вторым периодами обращения. К данной категории следует отнести, например, находки из Смоленска, Калуги, Торопца (*Сиверс*, 1922. С. 25, 26, № 80, 81; *Малевская, Фоянков*, 1991. С. 56; *Ткаченко, Хухарев*, 2009. С. 117, 118; *Марков*, 2019. С. 127–158).

актуальной и сегодня. В более современных исследованиях попыткам пересмотра подвергаются только локальные эпизоды (*Рябцевич*, 1995. С. 151; *Бектинеев*, 2014. С. 165; *Малежик*, 2016. С. 16).

¹¹ В публикации 2009 г. В. Н. Рябцевич указывает, что в пределах Великого княжества Литовского зарегистрировано 100 кладов и 31 единичная находка пражских грошей (*Рябцевич*, 2009. С. 187). В настоящее время количество обнаруженных монет продолжает увеличиваться (*Гулецкий, Зайончковский*, 2015. С. 163–207; *Малежик*, 2016. С. 15–18; *Синчук, Колединский*, 2019. С. 103–105).

¹² Здесь речь идет о материалах кладов, монетных скоплений и единичных экземплярах пражских грошей.

Ко второй группе принадлежат монеты, найденные в пределах Новгородской республики, где, согласно летописному тексту, они обращались в качестве одной из местных денежных единиц с 1410 по 1420 г. под названием «гроши литовские» (НПЛ. 1950. С. 402, 412). При этом в Новгороде, на Юриковом городище, в Старой Ладогге наравне с подлинными присутствовали фальшивые экземпляры (Горлов и др., 2019. С. 283–290). Присутствие поддельных монет, изготовленных в различной технике, может служить косвенным доказательством популярности пражских горшей среди местного населения.

К третьей группе отнесены пражские гроши, связанные с землями русских княжеств, в границах которых их участие во внутреннем денежном обращении документально не подтверждено. В качестве примеров можно привести находки из Рязани (клад и единичная находка), Москвы (две единичные находки), Ивановской области (четыре монеты в виде стопки) (Сиверс, 1922. С. 25, № 79; Векслер, 2009. С. 119, табл. 11, рис. 5; 2015. С. 404, рис. 10.2; Гомзин, 2011. С. 209; 2019. С. 370; Горлов, Гайдуков, 2021). Происхождение таких монет объясняется политическими и экономическими контактами представителей местного населения с Великим княжеством Литовским.

Брянское княжество, возникшее вскоре после нашествия Батгя, быстро заняло ведущее место в Черниговской земле и на протяжении XIV–XV вв. находилось в центре бурных политических событий, связанных с противостоянием смоленских, московских и литовских князей при значительном влиянии Золотой Орды. Точное время установления власти Литвы над Брянском неизвестно. Приводимая порой в краеведческой литературе дата — 1356 г., по мнению В. В. Крашенинникова, ошибочна, так как еще в 1357 г. в Брянске находился и здесь умер князь Василий Иванович. Скорее всего прекращение даннической зависимости Брянской земли от Золотой Орды и вхождение ее в состав Великого княжества Литовского произошло не ранее 1360 г. (может быть, и позже) (Крашенинников, 2004. С. 21).

Под властью Великого княжества Литовского Брянск остается до 1500 г., когда без боя сдается московским войскам Ивана III (Горский, 1996. С. 76–110). Важным источником по истории Брянского княжества этого времени выступает нумиз-

матический материал¹³, среди которого значительное место занимают находки пражских грошей, и их число в настоящее время продолжает расти.

Весной 2020 г. при строительстве жилого дома в деревне Староселье Брянского района Брянской области, находящейся в 15 км к западу от Брянска, были найдены четыре пражских гроша. Владелец земельного участка сообщил о находке сотрудникам Института археологии РАН и предоставил возможность сделать фотографии лицевой и оборотной сторон монет. В ходе дополнительного осмотра территории строительства удалось обнаружить еще девять пражских грошей, два из которых были слипшимися. Все монеты находились в выбросе из строительного котлована площадью 1,5 × 1,5 м на глубине 5–7 см от современной поверхности. Первые четыре монеты остались у находчика, и в настоящее время их судьба остается неизвестной. Остальные девять экземпляров доступны для научного анализа и изучения.

Компактная зона обнаружения пражских грошей, наличие двух слипшихся экземпляров и особенности их типологии позволяют заключить, что они представляют один комплекс, единовременно выпавший из системы денежного обращения. Достоверно неизвестная полнота состава комплекса не позволяет точно определить его характер. Возможно, найденные монеты входили в состав клада, часть которого не была зафиксирована или была утрачена в ходе рытья котлована¹⁴. Также нельзя исключать, что это депозит небольшого размера или потерянный кошелек.

Атрибуция монет, включая экземпляры, оставшиеся у находчика¹⁵, позволила заключить, что все они принадлежат эмиссии короля Чехии Вацлава IV по классификации J. Hána и относятся к стандартной серии¹⁶, разделяясь на семь типов.

¹³ В границах Брянского княжества известны находки дирхамов Золотой Орды и их подражания, брянские двусторонние подражания джучидским дангам, отнесенные В. В. Зайцевым к эмиссии князя Романа Михайловича (Зайцев, 2016. С. 44; 2020. С. 156–162).

¹⁴ Со слов владельца, часть грунта была им вывезена с территории участка без указания места перемещения.

¹⁵ Данные монеты в таблице под порядковыми номерами 1, 2, 5, 11 приведены без указания веса и размера (табл. 1).

¹⁶ Пражские гроши стандартной серии выпущены в годы правления Вацлава IV. После смерти короля

К наиболее раннему в составе коллекции типу IV¹⁷, выпускавшемуся в 1385–1395 гг., принадлежит одна монета, оставшаяся у находчика (табл. 1, № 1). Ее лицевая сторона несет корону слегка конической формы с маленькими бусинами на лепестках. Бусина центрального лепестка не касается внутреннего разделительного ободка, две боковые лежат на нем.

Фигура льва на оборотной стороне исполнена небрежно. Голова крупная, с заметно изогнутой нижней челюстью без зубов. Передние лапы очень маленькие, задние крупные. Хвост отходит от левой задней лапы, его «восьмерка» заканчивается пучком из трех волосков.

Читающиеся буквы легенд и разделительные знаки имеют типичную для данной разновидности монет форму (Hána, 2003. S. 38, 43–45, 48, 49, 108–111).

К типу V (?), чеканенному в 1385–1395 гг., относится один грош, оставшийся у находчика (табл. 1, № 2). Из-за затертостей¹⁸ и коррозионных наслоений на монете читаются рельефы только правой части поля, что не позволяет с уверенностью определить тип. Корона имеет коническую форму с мелкой бусиной на правом лепестке, которая соединяется с ободком в области буквы N внутренней круговой легенды.

В фигуре льва хорошо распознается «восьмерка» хвоста и правая часть легенды. Хвост отходит от левой задней лапы, верхняя часть его «восьмерки» заканчивается двумя пучками из трех волосков. На хвосте перед началом его раздвоения отсутствует традиционный лунообразный знак, что характерно для некоторых вариантов данного типа.

Форма букв и разделительных знаков читающихся частей легенд характерна для типа V (Ibid., 2003. S. 43–46, 49, 108–111).

К типу VI, датированному 1385–1395 гг., принадлежат три монеты, одна из которых осталась

чеканка монет продолжалась штемпелями с его именем (Hána, 2003. С. 53–56).

¹⁷ Фотографии монет, оставшиеся у находчика, не публикуются по причине низкого качества.

¹⁸ Часто затертость и нечитаемость рельефов на поверхности пражских грошей объясняют их длительным и интенсивным участием в денежном обращении. Однако это не вполне справедливо. Наличие «слепых» областей чаще всего встречается на монетах Вацлава IV, это связано с техническим браком при изготовлении (Richtera, 2013. С. 55–66).

у находчика (табл. 1, № 3, 4, 5; рис. 1, 1, 2). Корона на аверсе этих грошей, в отличие от более ранних экземпляров, на завершениях лепестков имеет крупные бусины, центральные из которых немного касаются внутреннего разделительного ободка, а боковые лежат на нем.

Фигура льва реверса изящна, с тщательно проработанными деталями. Корона на его голове имеет сложную форму. В приоткрытой пасти три зуба, глаз открыт, но слабо выражен, ухо заострено. Передние лапы маленькие, расположение пальцев на них напоминает правильную звездочку, задние более крупные со слабовыраженными когтями. Хвост выходит от левой задней лапы, после раздвоения нижняя часть его «восьмерки» имеет значительное утолщение.

Читающиеся буквы легенд и разделительные знаки имеют характерную для типа VI форму (Ibid., 2003. S. 38, 43–45, 49, 50, 108–111).

К типу VII, выпускавшемуся с 1395 по 1400 г., из состава коллекции принадлежит один грош (табл. 1, № 6; рис. 1, 3). Данный экземпляр имеет производственный брак, связанный с использованием деформированного лицевого штемпеля, вероятно, имеющего трещину, что привело к искажению изображения короны (нарушению формы центрального лепестка и утрате мелких деталей) и круговых надписей. Обратная сторона аналогичных следов не содержит.

Лев изображен с широко открытой пастью, имеющей два зуба снизу и один сверху. Его ухо большое и открытое. Крупные лапы с маленькими когтями исполнены относительно грубо. Хвост отходит от последнего крупного завитка гривы.

Читающиеся буквы легенд и разделительные знаки имеют типичную для монет данной разновидности форму (Ibid., 2003).

Один пражский грош принадлежит к типу VIII, выпуск которого осуществлялся с 1400 по 1405 г. (табл. 1, № 7; рис. 1, 4). Детали короны лицевой стороны на данной монете аналогичны рассмотренным ранее. Крупная бусина центрального лепестка не доходит до внутреннего ободка.

Голова льва крупная, с большим закрытым ухом. В полуоткрытой пасти — два зуба снизу и один сверху. Лапы большие, грубые, с крупными, но тупыми когтями. Хвост берет начало от задней левой лапы и заканчивается двумя пучками из трех волосков, наиболее близкие из которых к голове завиваются вдоль уха к макушке.

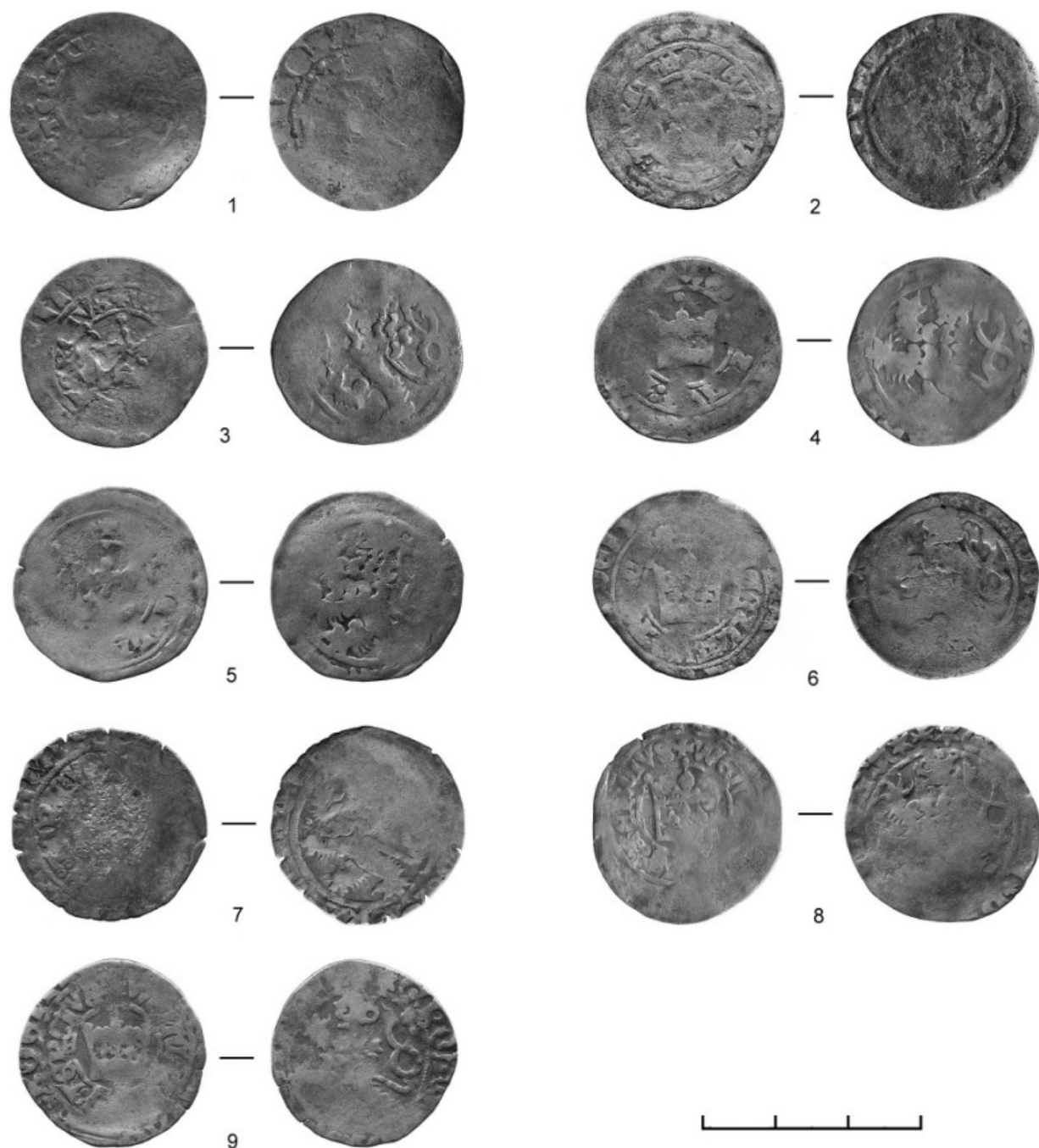

Рис. 1. Пражские гроши Вацлава IV из состава комплекса, найденного в 2020 г. в деревне Староселье Брянской области. Серебро

Fig. 1. Prague groschens of Vaclav IV from the assemblage revealed in 2020 in the village of Staroselye of Bryansk Oblast. Silver

Читающиеся буквы легенд и разделительные знаки имеют типичную для монет данной разновидности форму (*Ibid.*, 2003).

К типу IX принадлежат два пражских гроша вариантов b/1 и e/3, датированные 1400–1405 гг. (табл. 1, № 8, 9; рис. 1, 5, 6).

Варианту b/1 присуща корона со значительным расширением в верхней части, изящными длинными лепестками, увенчанными крупными бусинами, лежащими на ободке.

На варианте e/3 использована корона почти квадратной формы.

Таблица 1. Серебряные пражские гроши Вацлава IV (Богемия, место чеканки Кутна-Гора) из состава комплекса, найденного в 2020 г. в деревне Староселье Брянской области. Определение монет К. В. Горлова
 Table 1. Silver Prague groschens of Vaclav IV (Bohemia, place of minting — Kutná Hora) from the 2020 complex from the village of Staroselye of Bryansk Oblast. Coin identification by K. V. Gorlov

№	Дата чеканки, гг.	Описание	Размер, мм	Вес, г	Отклонение реверса от аверса, °	Тип ¹
1	1385–1395	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS ² +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	—	—	—	IV
2	1385–1395	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	—	—	—	V
3	1385–1395	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	27,0 × 28,0	2,52 (2,55) ³	131	VI
4	1385–1395	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	27,5 × 27,5	2,59 (2,60)	259	VI. с/3
5	1385–1395	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	—	—	—	VI
6	1395–1400	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	26,0 × 26,5	2,62 (2,64)	274	VII. a/1
7	1400–1405	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	25,5 × 27,0	2,61 (2,64)	277	VIII. с/1
8	1400–1405	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	26,0 × 27,0	2,45 (2,51) ⁴	37	IX. b/1
9	1400–1405	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	25,0 × 27,0	2,60 (2,62)	162	IX. e/3

№	Дата чеканки, гг.	Описание	Размер, мм	Вес, г	Отклонение реверса от аверса, °	Тип ¹
10	1407–1415	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	27,0 × 28,0	2,70	197	XIV. c/2
11	1407–1415	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	26,5 × 28,0	2,31	14	XIV. c/3
12	1407–1415	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О.с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	25,5 × 26,5	2,24 (2,26)	8	XIV. f/1
13	1407–1415	Л. с. Королевская корона +WENCEZLAVS:TERCIVS +DEI:GRATIA*REX:BOEMIE О. с. Чешский двухвостый лев *+*GROSSI*PRAGENSES	—	—	—	XIV

¹ Типология монет приведена на основании классификации J. Hána (*Hána*, 2003).

² Здесь и далее легенда приведена в современной транскрипции, красным цветом выделены читающиеся надписи.

³ В скобках приведен вес монет до реставрации.

⁴ Монеты № 8, 9, до реставрации представляли единый блок весом 5,31 г.

Фигура льва на обеих монетах крупная, с большой головой, с хорошо выраженным открытым ухом и глазом. В полуоткрытой пасти — два зуба сверху, один снизу. Лапы крупные, грубые, с длинными и острыми когтями. Хвост берет начало от левой задней лапы и заканчивается двумя пучками из трех волосков.

Форма букв и разделительных знаков читающихся частей легенд имеет характерную для данного типа форму (*Ibid.*, 2003. S. 38, 43–45, 51, 108–111).

Четыре пражских гроша принадлежат к наиболее позднему в коллекции типу XIV, выпуск которого происходил в 1407–1415 гг. Одна из этих монет осталась у находчика. Остальные экземпляры относятся к разновидностям c/2, c/3, f/1 (табл. 1, № 10–13; рис. 1, 7– 9).

Изображения корон на грошах этой разновидности похожи, имеют слегка вытянутую форму с высоким средним лепестком, все бусины крупные и лежат на внутреннем ободке.

Для изображений львов свойственно наличие крупной головы с большими глазами угловатой формы с точкой внутри, во рту — два зуба снизу

и один сверху. Лапы большие, грубые, с острыми и длинными когтями. Хвост берет начало от левой задней лапы и заканчивается двумя пучками из трех волосков.

Читающиеся буквы легенд и разделительные знаки имеют типичную для монет данной разновидности форму (*Ibid.*, 2003. S. 38, 43–45, 52, 53, 108–111).

Классификация грошей показывает, что в коллекции доминирует наиболее массово чеканенный в период правления Вацлава IV тип XIV¹⁹ (*Ibid.*, 2003. S. 45). Преобладают монеты, выпущенные после 1400 г., но с минимальным перевесом над более ранними образцами. Как правило, в составе кладов и среди единичных находок, происходящих из земель Великого княжества Литовского, ведущее положение поздних эмиссий

¹⁹ Значительное преобладание монет типа XIV зафиксировано в составе следующих комплексов: Гниваньский клад 2014 г. (Украина, Винницкая область); Рокитаны клад 1998 г. (Чехия, Пльзенский край) (*Milejski et al.*, 2017. С. 36; *Hána et al.*, 2013. С. 88).

более заметно (Соболева, 1998. С. 180). Возможно, причина такого распределения монет кроется в неполноте состава рассматриваемого комплекса, хотя не исключено, что на особенности структуры могло повлиять время его формирования, когда гроши 1405–1415 гг. уже были массовыми, но в обращении оставалось еще много более ранних денежных знаков. Отсутствие эмиссий предшественников Вацлава IV на троне, а также его наиболее ранних выпусков объясняется тем, что данные высокопробные монеты активно изымались из денежного обращения и использовались в качестве сырьевой базы для чеканки новых низкопробных образцов (Milejski, 2018. С. 103, 104).

Состав сплава девяти доступных на сегодняшний день пражских грошей из Староселья был изучен при помощи рентгенофлуоресцентного анализа²⁰ (табл. 2). Исследование показало, что наименьшее процентное содержание примесей в виде меди и свинца присутствует в наиболее ранних монетах типа VI, чеканенного в 1385–1395 гг. Начиная с типа VII доля лигатуры увеличивается и остается примерно на одном уровне в грошах типов IX и XIV. Это коррелирует с данными об ухудшении пробы серебра, известными как по письменным источникам, так и по результатам естественнонаучных исследований металла денежных знаков (Cihlár, Richtera, 2013. С. 161–169).

Вес²¹ большинства монет находится в рамках уставной нормы с учетом отклонений, обусловленных использованием техники чеканки ал-марко, когда основной контроль на монетном дворе осуществлялся за количеством изготовленных экземпляров из марки серебра при почти полном невнимании к параметрам отдельных денежных знаков. При таком способе производства разница массы самого легкого и самого тяжелого пражского гроша одного типа из одного клада могла достигать 0,5 г (Milejski et al., 2017. С. 37). Заниженный вес наблюдается у двух грошей типов XIV,

несущих признаки обрезания по краю (табл. 1, № 11, 12). Аналогичные следы присутствуют и на одном экземпляре типа IX, хотя его масса осталась в рамках нормы, что указывает на практику отборки для вредительства наиболее тяжелых образцов (табл. 1, № 9). «Денежное воровство» данного рода получило широкое распространение в средневековье, при этом неидеально круглая форма пражских грошей, отсутствие рельефов на гурте и изготовление способом ал-марко делали их весьма подходящими для обрезания²².

Дата выпуска младших монет комплекса указывает, что его тезаврация произошла не ранее 1407 г. Это время совпадает с началом массового поступления пражских грошей в пределы Велико-го княжества Литовского из Чехии, что явилось следствием интенсивных контактов между двумя государствами в первые десятилетия XV в. (Фроловский, 1947. С. 165; Соболева, 1975. С. 158). По мнению Н. А. Соболевой, широкие поставки грошовой монеты в Литву продолжались до 1422 г. (Соболева, 1975. С. 158; 1996. С. 53, 54). В. Н. Рябцевич ограничил это время 1419 г., то есть началом гуситских войн (Рябцевич, 1995. С. 151, 152).

Следует отметить, что на расстоянии не более 20 км от Староселья в разное время было зарегистрировано не менее трех кладов пражских грошей, содержащих монеты Вацлава IV. Так, в деревне Молотино Брянского уезда в 1895 г. найдено 150 монет; в деревне Храбровичи Овстугской волости в 1902 г. найдено 150 монет (Сиверс, 1922. С. 23, № 68; Полозов, Поляков, 1992. С. 12, 36, № 34). По мнению авторов настоящей статьи, здесь речь может идти об одной и той же находке, поскольку деревня Хоробровичи (Храбровичи, Харабровичи) расположена на расстоянии менее 1 км к западу от деревни Молотино, и маловероятно, что в одной и той же местности были найдены два равных по количеству монет клада (хотя, несомненно, временная разница может свидетельствовать и о двух различных находках). Кроме того, в деревне Овстуг Жуковского района в 1955 г. найдено 40 монет; в деревне Соколово Брянского района в 2005 г. найдено 60 целых

²⁰ Рентгенофлуоресцентный анализ выполнен в Отделе научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа. Аналитик С. В. Хаврин. Использовался рентгенофлуоресцентный анализатор Artax 400 (Bruker, Германия); напряжение на трубке 50 кВ.

²¹ Несколько заниженный вес, возможно, является следствием процесса археологизации, когда часть металла может переходить в продукты коррозии с меньшей плотностью, удаленные впоследствии в результате химической чистки (Гулецкий, Ермалицкая, 2015. С. 208–225; Cihlár, Richtera, 2013. С. 163).

²² Следует отметить, что анализ пробы металла, вес и размеры монет могут нести полезную информацию только при тестировании больших групп. Случай с комплексом из Староселья не позволяет сделать серьезных заключений на основании естественнонаучных данных и метрических показателей.

Таблица 2. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа пражских грошей Вацлава IV из состава комплекса, найденного в 2020 г. в деревне Староселье Брянской области
Table 2. Results of X-ray fluorescent analysis of Prague groschens of Vaclav IV in the 2020 complex from the village of Staroselye of Bryansk Oblast

Номер в каталоге	Тип	Элементный состав, %				
		Ag	Cu	Au	Pb	Bi
3	VI	Основа	8,30	0,18	1,00	0,26
4	VI	Основа	14,80	0,20	1,62	1,22
6	VII	Основа	21,07	—	2,63	1,30
7	VIII	Основа	19,98	—	2,18	0,79
8	IX	Основа	39,69	—	6,31	0,65
9	IX	Основа	21,40	0,15	1,64	0,42
10	XIV	Основа	20,30	0,20	7,88	—
11	XIV	Основа	36,50	—	5,69	0,69
12	XIV	Основа	26,13	—	4,14	—

монет и 10 фрагментов²³ (Полозов, Поляков, 1992. С. 13, 40, № 32).

Авторами данной статьи был проведен поштемпельный анализ грошей из депозитов, обнаруженных у деревень Овстуг и Соколово²⁴. В результате было установлено, что младшие монеты обоих кладов относятся к типу XIV, что не позволяет отнести время их сокрытия к периоду ранее 1407 г., как и в случае с комплексом из Староселья²⁵. Вероятно, формирование всех пяти капиталов происходило в период наиболее интенсивного поступления чешской валюты в Литву, то есть в первые десятилетия XV в. Этим временем, видимо, определяется их тезаврация²⁶.

²³ Данный клад в настоящее время не опубликован и находится на хранении в ГБУК «Брянский государственный краеведческий музей» (код БОМ-15363).

²⁴ Клады, обнаруженные у деревень Молотино и Храбровичи, в настоящее время утрачены.

²⁵ Также авторами был проведен типологический анализ монет клада, найденного в 1962 г. в деревне Коржовка Унечского района Брянской области, в котором младшими также являлись пражские гроши типа XIV.

²⁶ К рубежу первого и второго десятилетий XV в. относится формирование монетного комплекса, найденного в 2016 г. в урочище Пасеки Севского района Брянской области, в состав которого входили 20 пражских грошей Вацлава IV, три русских подражания золотоордынским дирхамам и один джучидский данг (Зайцев, 2020. С. 156–162).

При этом нельзя исключать и более позднее время сокрытия кладов уже после прекращения поступления грошей в литовские земли. Население в условиях отсутствия новых монетных притоков могло массово прятать сохранившиеся у него на руках деньги. Однако данному предположению противоречит сама восточноевропейская традиция укрытия монет в земле как наиболее надежном месте хранения в реалиях повседневной жизни.

Таким образом, указанные комплексы следует рассматривать как отложенные деньги, временно выведенные из системы денежного обращения с возможностью быстрого возвращения в экономическое пространство. В пользу этой версии говорят «круглые» суммы, сокрытые в четырех кладах по 150, 60 (и 10 обломков) и 40 монет, которые имеют характер намеренного отсчета, что трудно представить, например, в условиях военной угрозы.

Н. А. Соболева указывает, что для второго периода обращения гроша характерно большое количество кладов, относящихся к категориям малых и средних²⁷, владельцами которых было рядовые жители Великого княжества Литовского, укрывавшие в земле свои небольшие накопления (Соболева, 1998. С. 180).

²⁷ Н. А. Соболева приводит следующие данные: 28 кладов с количеством монет от 1 до 10; 29 — от 10 до 100; 20 — от 100 до 300; 10 — от 300 до 1000; 5 — свыше 1000 (Соболева, 1975. С. 161).

Выпадение четырех кладов и комплекса из Староселья на относительно небольшой территории указывает на активное участие местного населения в денежном обращении Великого княжества Литовского и высокий экономический уровень развития региона. Для связи сокрытия данных депозитов с военной угрозой необходима дополнительная аргументация в виде нетипичности их структуры (чего не наблюдается) или наличия письменных источников, указывающих на ведение военных действий на территории обнаружения кладов или вовлечение местного населения в ратный поход²⁸.

²⁸ Война Василия Московского с Витовтом и набег союзных Москве татар на Брянск произошли в 1408 г. (Горский, 1996. С. 99). Связать выпадение пяти рассматриваемых комплексов с этими событиями не позволяет дата чеканки младших монет — 1407 г.

Таким образом, комплекс пражских грошей из Староселья следует рассматривать как часть большого депозита, маленький клад или потерянный кошелек. Его владельцем, вероятнее всего, был рядовой житель Брянского княжества, который укрыл свой капитал или потерял его. Формирование состава этого депозита происходило, вероятнее всего, в первые десятилетия XV в., на которые пришлось наиболее массовое поступление пражских грошей из Чехии в Великое княжество Литовское, в состав которого на данном историческом отрезке входил Брянск. Структура рассматриваемого комплекса типична для многочисленных кладов пражских грошей второго периода обращения по Н. А. Соболевой, обнаруженных в пределах бывших литовских земель, где пражский грош являлся важным участником создания единого экономического пространства.

Бектинеев, 2014 — Бектинеев Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI вв.: нумизматические исследования. Минск: Беларуская навука, 2014. 509 с.

Векслер, 2009 — Векслер А. Г. Раскопки на Великом посаде. Теплые торговые ряды. М.: Триумф принт, 2009. 224 с.

Векслер, 2015 — Векслер А. Г. Москва. Раскопки на Великом посаде. Улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый Гостиный двор. Материалы исследований. М.: ТМ Продакшн, 2015. 456 с.

Гомзин, 2011 — Гомзин А. А. Заметки по хронологии и топографии монетных находок XIV–XVIII вв. из Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского / Отв. ред. В. И. Завьялов. Рязань: РИАМЗ, 2011. Вып. 1. С. 207–230.

Гомзин, 2019 — Гомзин А. А. Нумизматические материалы на территории Переяславля Рязанского // Комплексные археологические исследования Переяславля Рязанского. Материалы по археологии Переяславля Рязанского / Отв. ред. В. И. Завьялов. М.: ИА РАН, 2019. Вып. 3. С. 345–415.

Горлов, Гайдуков, 2021 — Горлов К. В., Гайдуков П. Г. О находке пражских грошей в Суздальском Ополье // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. В печати.

Горлов и др., 2019 — Горлов К. В., Гайдуков П. Г., Григорьева Н. В. Находки пражских грошей в Поволжье // НиНЗИИА. Великий Новгород: НМЗ, 2019. Вып. 32. С. 283–290.

Горский, 1996 — Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь / Отв. ред. А. А. Горский. М.: Российское университетское издательство, 1996. Вып. 1. С. 76–110.

Гулецкий, Ермалицкая, 2015 — Гулецкий Д. В., Ермалицкая К. Ф. Состояние металла монет Гниваньского клада // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики / Под ред. Д. В. Гулецкого, Ю. В. Зайнчковского. Минск: РИФТУР ПРИНТ, 2015. Вып. 1. С. 208–225.

Гулецкий, Зайнчковский, 2015 — Гулецкий Д. В., Зайнчковский Ю. В. Гниваньский клад 2-й четверти XV века // Там же. С. 163–207.

Зайцев, 2016 — Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М.: МБА, 2016. 304 с.

Зайцев, 2020 — Зайцев В. В. Монетный комплекс начала XV в. из окрестностей Севска: к вопросу о времени чеканки брянских подражаний дангам Узбека // Нумизматические чтения ГИМ 2020 г. / Под ред. Е. В. Захарова. Материалы докладов и сообщений (Москва, 25 и 26 ноября 2020 г.). М.: ГИМ, 2020. С. 156–162.

Керсновский, 2018 — Керсновский Р. Монета в культуре Средних веков. М.: ГИМ, 2018. 600 с.

Крашенинников, 2004 — Крашенинников В. В. Из истории селений Брянского района. Брянск: Брянский ГУ, 2004. 344 с.

- Малевская, Фоняков*, 1991 — *Малевская М. В., Фоняков Д. И.* Древний Торопец. Торопец: ИИМК РАН, 1991. 118 с.
- Малежик*, 2016 — *Малежик В.* Клад пражских грошей из деревни Бучемль Каменецкого района Брестской области // *Банкаўскі веснік* № 1 (630): Материалы междунар. нумизматической конф. «Нумизматика и героическое наследие» (Минск, 15–18 сентября 2015 г.) / Под ред. П. А. Мамановича. Минск: Промкомплекс, 2016. С. 15–18.
- Марков*, 2019 — *Марков В. В.* Смоленск и его окрестности в XIV–XV вв. по данным нумизматики, археологии и письменным источникам // *Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики* / Под ред. Д. В. Гулецкого. М.: Внешторгиздат, 2019. Вып. 6. С. 127–158.
- Махун, Пядышев*, 2014 — *Махун С. Г., Пядышев Д. А.* Монета талер. История, стиль, легенды, искусство гравиров, портреты великих... Киев: Украинская академия геральдики, товарного знака и логотипа, 2014. 408 с.
- Михалевский*, 1948 — *Михалевский Ф. И.* Очерки истории денег и денежного обращения. Л.: ГОСФИНИЗДАТ, 1948. Т. I: Деньги в феодальном хозяйстве. 264 с.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: АН СССР, 1950. 704 с.
- Полозов, Поляков*, 1992 — *Полозов И., Поляков Г.* Клады рассказывают. О развитии денежного обращения на Брянщине. Брянск: Пересвет, 1992. 48 с.
- Рябцевич*, 1995 — *Рябцевич В. Н.* Нумизматика Беларуси. Минск: Полымя, 1995. 687 с.
- Рябцевич*, 2009 — *Рябцевич В. Н.* «Период пражского гроша» в рыночной жизни Великого княжества Литовского. (Клад из деревни Литва Минской области) // *Средневековая нумизматика Восточной Европы* / Отв. ред. В. В. Зайцев. М.: Древлехранилище, 2009. Вып. 3. С. 178–189.
- Сиверс*, 1922 — *Сиверс А. А.* Топография кладов с пражскими грошами. Петербург: Российская Гос. Академич. Тип., 1922 (Тр. нумизматической комиссии; № 2). 38 с.
- Синчук, Колединский*, 2019 — *Синчук И. И., Колединский Л. В.* Пражские гроши из Слуцка и его округа // *Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г.)*. М.: Типография «Возрождение», 2019. Вып. 20. С. 103–105.
- Соболева*, 1967 — *Соболева Н. А.* К проблеме обращения пражских грошей в русских землях в XIV–XV вв. // *Вестник Московского университета. Серия IX: История*. М.: Московский университет, 1967. С. 49–61.
- Соболева*, 1969 — *Соболева Н. А.* Обращение пражского гроша в Центральной Европе // *Славяно-германские культурные связи и отношения* / Отв. ред. В. Д. Королюк. М.: Наука, 1969. С. 70–87.
- Соболева*, 1975 — *Соболева Н. А.* Хронология и области распространения пражских грошей на территории СССР // *Numismaticky sbornik. Praha*, 1975. Т. XIII. С. 153–164.
- Соболева*, 1996 — *Соболева Н. А.* Хронология и области распространения пражских грошей на территории бывшего СССР // *Нумизматический сборник* / Отв. ред. Г. А. Щетинин. М.: МНО, 1996. Вып. 4. С. 48–61.
- Соболева*, 1998 — *Соболева Н. А.* Первая находка пражского гроша на Новгородском (Рюриковом) городище // *НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ*, 1998. Вып. 12. С. 177–182.
- Ткаченко, Хухарев*, 2009 — *Ткаченко В. А., Хухарев В. В.* Находки пражских грошей в Калуге и ее окрестностях // *Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009 г.)*. М.: Нумизматическая литература, 2009. Вып. 15. С. 117, 118.
- Фроловский*, 1947 — *Фроловский А. В.* Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Praha: Nakladatelství slovanskeho ustavu, 1947. 527 с.
- Cihlář, Richtera*, 2013 — *Cihlář J., Richtera L.* Nález pražských grošů Václava IV. u Ivano-Frankivsku na Ukrajině // *Folia numismatica: supplementum ad Acta Musei Moraviae*. Brno: Moravské zemské muzeum, 2013. Sv. 27. S. 161–169.
- Hána*, 2003 — *Hána J.* Pražké groše Václava IV. z let 1378–1419. Plzeň: Vlastivědné Muzeum Dr. Karla Hostaše v Klatovech, 2003. 189 s.
- Hána et al.*, 2013 — *Hána J., Militký J., Vařeka P.* Poklad pražských grošů Karla IV. a Václava IV. a soubor ztrátových mincí objevených při archeologickém výzkumu v Rokycanech // *Numismatický sborník. Praha*, 2013. Sv. 27/1 (2012–2013). S. 77–93.
- Milejski*, 2018 — *Milejski P.* Weight debasement of Prague groschen of Wenceslas IV (1378–1419) based on Polish and Lithuanian hoards // *From Ore To Money, Mining, Trading, Minting: Proceedings of the Tallinn* / Eds. G. Depeyrot, I. Leimus. Wetteren: Moneta, 2018. S. 99–112.

- Milejski et al.*, 2017 — *Milejski P., Wawrzczak R., Hulski D.* Grosze praskie Karola IV i Wacława IV oraz półgrosze Władysława Jagiełły ze skarbu z Hniewania na Podolu // Numismatyczny zbornik. Praha: Filozofický ústav Akademie věd ČR, Centrum mediévistických studií AV ČR a Univerzity Karlovy v Praze, 2017. S. 35–58.
- Nohejlová-Prátová*, 1960 — *Nohejlová-Prátová E.* 1960. Pražské groše Václava II. (1300–1305) a české pečete // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity: řada historická. Brno: Masarykova univerzita, 1960. Vol. 9. S. 95–108.
- Richtera*, 2013 — *Richtera L.* Jednostranná ražba groše Václava IV. a její souvislost se zhoršující se kvalitou reliéfu pražských grošů // Folia numismatica: supplementum ad Acta Musei Moraviae. Moravské zemské museum. Brno: Moravské zemské muzeum, 2013. Sv. 27. S. 53–66.
- Soboleva*, 1970 — *Soboleva N. A.* Naslezy pražských grošů na území SSSR // Sborník národního muzea v Praze. Praha: Národní muzeum, 1970. S. 189–243.
- Veselý*, 1964 — *Veselý S.* Nález v Jarošově nad Nežarkou (Příspěvek k chronologii grošů Václava IV) // Numismatický zborník. Praha: Historický ústav Československý Akad. věd., 1964. Vol. VIII. S. 19–46.

Assemblage of Prague groschens from the village of Staroselye in Bryansk Oblast

K. V. Gorlov, V. V. Minenko, I. N. Razumov²⁹

Minting of Prague groschens was started in 1300 by the king Vaclav IV of Bohemia and continued for two and a half centuries with the interruption for the Hussite Wars. Despite the gradual lowering of the silver fineness and weight, the Prague groschens retained their dominating position among the coins of Central and Eastern Europe over the most of their emission occupying a niche between small silver denarii and gold coin.

The finds of Prague groschens from Russia can be divided into three groups. The first comprises specimens coming from the regions making up the Great Lithuanian Principality. The second group includes the Prague groschens found within the limits of the Novgorod republic where, according to one chronicle text, they were circulating as one of the local monetary units from 1410 to 1420. To the third group, the Prague groschens belong which were connected with the lands of Russian principalities where their participation in the inner monetary circulation is not proved.

In the spring of 2020 during the construction of a dwelling house in the village of Staroselye of Bryansk Oblast there were found 13 Prague groschens. The compact zone where the coins were revealed, the presence of two specimens stuck together and the features of their typology allow the researchers to conclude that they constituted a single complex once excluded from the monetary circulation (Fig. 1).

The coins were attributed as belonging to an emission of the king of Bohemia Vaclav IV according to the classification by J. Hána and are divided into seven types (Table 1).

The complex of the Prague groschens from Staroselye can be considered as part of a large deposit, a small hoard or a lost purse. Its owner, most probably, was an ordinary resident of the Bryansk principality who had hidden or lost his monetary stock under some domestic circumstances. The formation of this deposit took place probably in the first decades of the 15th century when the mass inflow of Prague groschens from Bohemia to the Great Lithuanian Principality took place. Bryansk was then part of the composition of the latter.

²⁹ Konstantin Gorlov — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru. Vladimir Minenko, Ivan Razumov — Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences; ul. Dm. Ulyanova, 19. Moscow, 117292, Russia; e-mail: vvmnenko@yandex.ru; inrazumov@gmail.com.

Укрепления Ниеншанца второй половины XVII в.¹

П. Е. Сорокин²

Аннотация. В статье рассказывается о фортификационных сооружениях крепости Ниеншанц второй половины XVII в., изученных на основе историко-археологических сведений. Сохранившийся комплекс крепостных сооружений Ниеншанца представляет собой уникальный памятник североевропейской земляной фортификации второй половины XVII в., включает малоизвестную информацию о структуре и деталях конструкции оборонительной системы бастионных крепостей нового времени. В работе подробно рассматриваются отдельные элементы укреплений крепостного рва Ниеншанца: деревоземляные конструкции стенок, сортии, стрелковые площадки, частокольные заграждения, контрминные ходы.

Annotation. This paper tells about the fortification installations of the fortress of Nyenskans of the second half of the 17th century studied basing on historical and archaeological evidence. The survived complex of defensive structures of Nyenskans is a unique monument of the north European earthen defensive works of the second half of the 17th century and comprises poorly known information on the structure and details of the defensive system of bastion fortresses of the modern period. This work examines in detail particular elements of the fortifications of the defensive moat of Nyenskans: wood and earth constructions of the walls, sorties, shooting platforms, stockade barriers, and countermine passages.

Ключевые слова: крепость, Ниеншанц, цитадель, земляные укрепления, фортификационные сооружения, оборонительный ров, бастион, куртина.

Keywords: fortress, Nyenskans, citadel, earthen fortifications, defensive installations, defensive moat, bastion, wall curtain.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-167-182

В 1656 г. Ниеншанц был взят русскими войсками, а после Валиесарского перемирия, в 1659 г., шведы начали возведение новой крепости, завершившееся в основном к сентябрю 1661 г. Полное окончание строительства относится к 1665 г. (Munthe, 1906. С. 225–227, 521; Сорокин, 2010. С. 368). По своим размерам и расположению новая крепость отличалась от укреплений 1640–1650-х гг. Она имела форму звезды с пятью бастионами и была развернута относительно предшествующей примерно на 20° по часовой

стрелке, как показано на планах 1665–1681 гг. (Krigsarkivet..., N° 11; Сорокин, 2001. Рис. 13; 15) (рис. 1).

Культурный слой первой половины XVII в. в центральной, наиболее возвышенной, части мыса оказался срыт и спланирован при строительстве новой крепости. Гумусная прослойка этого времени сохранилась только в понижениях, в том числе на уровне 2,6–3,4 БС³ в основании новых укреплений, попадавших на периферийные части мыса и на участки средневековых рвов. Таким образом, в этих местах оборонительный ров Ниеншанца лишь в нижней части копался в материковом грунте. В верхней его части стенки на высоту до 1,5 м, а в понижениях почти на полную высоту до 3,5 м формировались из насыпного

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ БС — здесь и далее отметки приводятся в Балтийской системе высот.

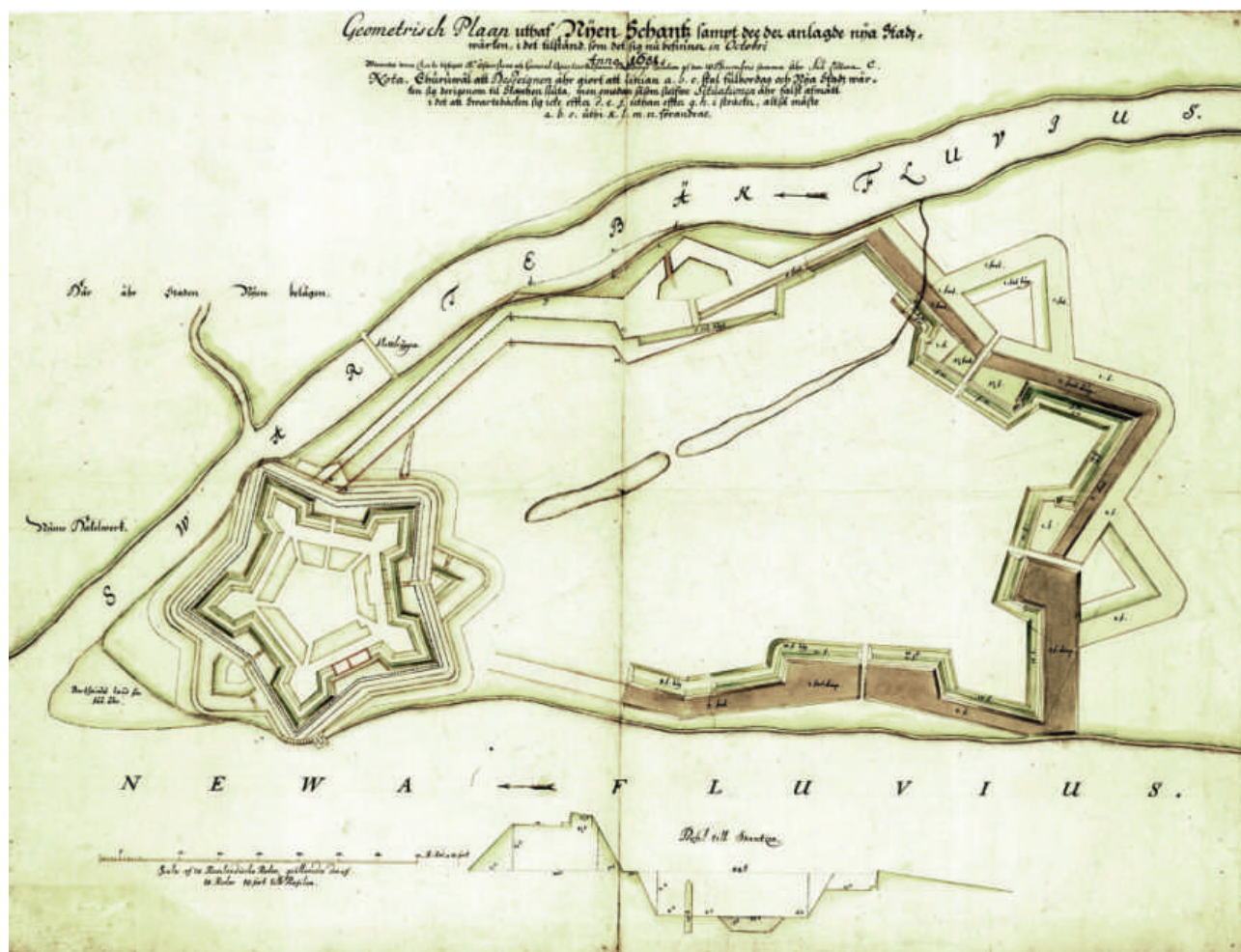

Рис. 1. План Ниеншанца 1681 г. с разрезом новых укреплений. Шведский военный архив. г. Стокгольм

Fig. 1. Plan of Nyenskanz of 1681 with a section profile of the new fortifications. Swedish Military Archives. City of Stockholm

грунта. Слой периода существования Ниеншанца второй половины XVII в. залегал на уровне, близком современной поверхности мыса, — около 4,5–5,5 м, и был нарушен при строительстве и перепланировках этой территории. Обнаружен он в основном во рвах, ямах и подвалах построек на отметках 3,5–5,0 м.

Крепостные валы Ниеншанца не сохранились. Ширина их по планам 1681 г. достигала 15,5 м, а реконструируемая высота — около 7 м. Вдоль валов по периметру располагались перекрытые земляными насыпями казармы, дом коменданта и кордегардии. Внутривальные казематы показаны в западной и южной куртинах, колодезь обнаружен в ходе раскопок в центре крепости (Krigsarkivet..., Nyen № 11, № 9) (рис. 1). Проектный чертеж «внутренних сооружений Ниен Сканса» (Krigsarkivet..., Nyen № 22), датируемый нами рубежом 1660–1670-х гг.,

показывает казематы с батареями на всех фланках бастионов, поворотные батареи, а также контрминные галереи с южной стороны крепости с отходящими от них Т-образными минными рукавами и камерами на их окончаниях.

Рвы Ниеншанца сохранились на изученной территории на площади около 13 тыс. кв. м на глубину от 2,5 до 4 м (рис. 2)⁴. Наиболее высокие участки эскарповой (внутренней) стенки кре-

⁴ Пользуясь случаем, выражаю благодарность коллективу Санкт-Петербургской экспедиции и археологам, принимавшим непосредственное участие в исследованиях укреплений Ниеншанца середины XVII в.: О. В. Андреевой, А. В. Ивановой, Р. В. Стоянову, Б. С. Короткевичу, Н. В. Новоселову, И. А. Гарбузу, С. Г. Попову, С. А. Семенову, В. А. Гукину, А. А. Ахмадевой, В. Н. Матвееву, К. А. Михайлову, А. В. Полякову, И. П. Лазаретову.

постного рва на Карловом и Гельмфельтовом бастионах находятся на уровне 4,68, а участки южного контрэскарпа (внешней стенки) – до 3,21 БС. При уровне дна рва 0,7–0,8 м глубина составляет около 4,0 м у подножия эскарпа и до 4,8–5,0 м — в центре (рис. 3).

Крепостные рвы

Склоны крепостного рва облицованы снаружи дерновыми кладками, предохранявшими их от оплывания. На дне его, перед эскарпом, располагалась линия частокола, далее — дренажная канава (кювет). Внешний склон рва — контрэскарп — переходил в закрытый ход и гласис, которые, так же как и берма, не сохранились⁵ (рис. 4).

Устройство рва начиналось с разметки его на местности и выборки котлована в соответствии с проектом, далее делались укрепления — облицовка песчаных стенок и оформление дна. В центре выкапывалась дренажная канава — кювет — для сбора воды, к которой от стенок рва делался уклон. Вдоль внутренней стенки котлована в заглубленную траншею, шириной около 1,5 м и глубиной до 0,2 м, укладывались фашины из хвороста. На подготовленной таким образом поверхности возводились дерновые стенки, выравнивавшие и укреплявшие откосы котлована. Для устойчивости в их основании делались деревянные конструкции.

Деревянные конструкции в основании дерновой обкладки эскарпа изучены в нескольких вариантах. **Бревенчатые городни** обнаружены от правого фланка Мертвого бастиона, в юго-восточной куртине, до левого фланка Карлова бастиона (Сорокин и др., 2017. С. 38, 147, рис. 12–15, 64, 152–155, 177–178). В основе их были две параллельные линии бревен, уложенных с отступом около 1,0–1,5 м от внутренней стены котлована с интервалом около 1,1–1,5 м и соединенных поперечными бревнами. Они включали до 3–4 венцов общей высотой 0,7–0,8 м. Верхний был смещен в сторону стенки котлована для обеспечения наклона эскарпа в нижней части. Длина направляющих бревен достигала 3–4 м, диаметр — около 0,3 м. Поперечины толщиной 0,20–0,28 м и длиной от 1,5 до 2,2–2,8 м укладывались перпендикулярно или под углом до 60° к направляющим, с вариациями интервалов между окончаниями от

1,1 до 1,9 м. Расположение их с чередованием — выше и ниже продольного бревна — создавало дополнительную жесткость конструкции. С внутренней стороны их концы выступали за линию направляющих до 0,5–1,0 м, уходя в насыпную часть борта. Продольное соединение городской обеспечивалось пазами в полдерева на окончаниях, а поперечное — чашеобразными врубками (рис. 5, 1). Подобные конструкции изучены также на правом фесе и фланке Карлова бастиона (Соловьева, 2012. С. 31–32).

Дендрохронологическое датирование городской юго-восточной куртины показало, что в них использованы бревна, срубленные в 1670-е гг. (младшая дата — 1677 г.) (Сорокин, Тарабардина, 2012. С. 89–91). Поскольку следов локального ремонта эскарпа не обнаружено, видимо, в этот период здесь велись работы по устройству дерновой облицовки эскарпа с городнями в его основании.

В ряде мест в основании дерновой стенки эскарпа обнаружены **свайные конструкции**. Под шпиком Мертвого бастиона, возведенного на низменном берегу Охты с уровня воды из насыпных грунтов, обнаружены две линии свай протяженностью 9 м от окончания шпика по линии северного фаса и 7,4 м — по южному, сходящиеся с восточной стороны под углом около 78°. Проследить их продолжение с западной стороны не удалось. В обеих линиях сваи были вбиты вплотную друг к другу, в три ряда, общей шириной до 1 м. Сваи диаметром около 0,3 м со спиленными верхушками выступали над донной поверхностью рва на уровне от 0,44 до 0,96–1,19 БС и сверху были засыпаны грунтом. Некоторые были отесаны и имели в сечении подквадратную форму. Опиравшиеся на них дерновые стенки на этом участке не сохранились.

В основании эскарпа шпика Карлова бастиона с восточной стороны, на уровне 1,30–1,55 м, обнаружены два ряда столбов, расположенных в шахматном порядке. Они имели диаметр около 0,2 м, высоту 1,4–1,6 м, заостренные окончания и были вбиты в материк на глубину 0,93–1,05 м. В верхних частях они соединялись в пазы с уложенным поверх них продольным бревном (рис. 5, 2).

На левом фланке Гельмфельтова бастиона и примыкающей к нему южной куртине в основании дерновой кладки имелись отдельные сваи и расположенные поверх них два продольных бревна, служившие для укрепления эскарпа. Следует отметить, что все изученные свайные (столбовые)

⁵ Закрытый ход — закрытая позиция на контрэскарпе, гласис — внешний откос за контрэскарпом, берма — уступ между рвом и валом.

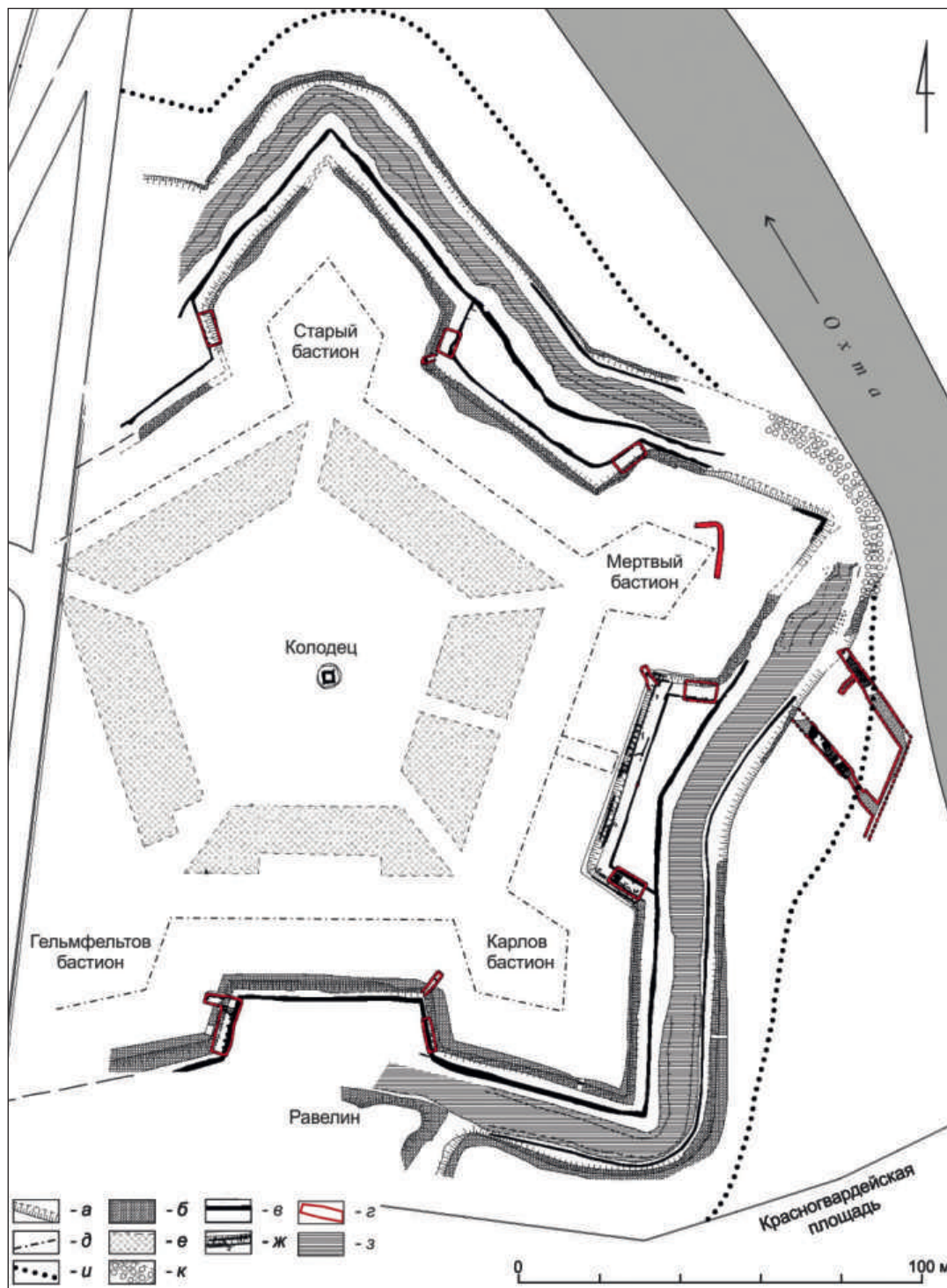

Рис. 2. Оборонительные сооружения крепости Ниеншанц по археологическим данным. Условные обозначения: а — эскарп и контрэскарп рва; б — дерновая облицовка стенок рва; в — деревянные конструкции; г — оборонительные сооружения: сортии, фланговые площадки для стрельбы, подземные ходы; д — граница валганга; е — местоположение внутренних построек по плану 1681 г.; ж — частокольные канавки; з — кювет; и — гласис; к — дамба со стороны р. Охта

Fig. 2. Defensive installations of the fortress of Nyenskans according to archaeological evidence. Keys: а — escarp and counterscarp of the moat; б — turf facing of the walls of the moat; в — wooden structures; г — defensive structures: sorties, flank platforms for shooting, subterranean passages; д — border of the terreplein; е — location of the inner structures according to the plan of 1681; ж — stockade postholes; з — cuvette; и — glacis; к — dam on the side of the Okhta River

Рис. 3. Ниеншанц. Общий вид южных бастионов: 1 — Гельмфельтова; 2 — Карлова

Fig. 3. General view of the southern bastions of Nyenskans: 1 — Helmfelts Bastion; 2 — Carolus Bastion

Рис. 4. Ниеншанц. Конструктивное устройство крепостного рва, общий вид со стороны юго-восточной куртины: первая линия частокола, канава второй линии, кювет

Fig. 4. Nyenskans. Structure of the defensive moat. General view from the side of the south-eastern curtain: the first line of the stockade, ditch of the second line, cuvette

Рис. 5. Ниеншанц. Деревянные конструкции в основании дерновой кладки эскарповой стены Карлова бастиона: 1 — городни на левом фланке; 2 — свайные укрепления под шпиком

Fig. 5. Nyenskans. Wooden structures in the base of the turfwork of the escarp of the Carolus Bastion: 1 — barriers at the left flank; 2 — pile works under the spire

Рис. 6. Ниеншанц. Дерновая кладка нового эскарпа в месте примыкания к эскарпу крепостного рва предшествующих укреплений

Fig. 6. Nyenskans. Turfwork of a new escarp in the place where it is adjoined by the moat of the earlier fortifications

конструкции попадают на пониженные участки территории или средневековые рвы, где укрепления, включая и стенки рвов, приходилось формировать почти на полную высоту насыпным грунтом.

Дерновые кладки. Следующий этап строительства связан с устройством дерновой облицовки рва и одновременной засыпкой пространства между ней и бортом котлована. Стенка эскарпа имела, таким образом, двухчастную структуру (рис. 6). Дерновые пласты, использовавшиеся в ней, прямоугольной, реже подквадратной формы были размерами 0,20 × 0,35 м, реже — от 0,2 до 0,6 м, толщина их менялась в пределах 0,04–0,08 м. Кладка эскарпа делалась на подготовленном основании — поверх засыпанных грунтом городней, столбовых конструкций с бревнами или фашин, плотными рядами с перекрытием и небольшим уклоном в сторону рва. Пласты скреплялись между собой через 0,10–0,18 м тонкими деревянными кольшками-шпильками из сосновой лучины длиной 0,4–0,5 м и толщиной 2–3 см. Обычно они располагались по две шпильки на дернину, по ее краям. Большинство их было

зафиксировано в нижних рядах дерновой кладки на фланках и фасах бастионов. При укладке каждый последующий ряд дерновых пластов располагался с незначительным смещением к стенке котлована. В результате кладка представляла собой разностороннюю трапецию со скошенным под углом 50–60° внешним склоном. Ширина ее в нижней части достигала 1,5–1,6 м и соответствовала ширине городней в основании. В других местах она могла быть уже — 1,1–1,2 м. Обратная ее сторона имела больший уклон, и таким образом кладка сужалась в верхней части рва до 0,9–1,0 м.

Стенки котлована в супесчаных грунтах были неровными, чем и объясняется необходимость отступа дерновой обкладки от них, ширина забутовки между ними и дерновой облицовкой варьировала от 1,0 до 1,5 м. Одновременно с укладкой дерновых пластов велась засыпка и трамбовка пространства между ними и стенкой котлована супесью, перемежавшейся редкими прослойками дерна и гумуса, обеспечивавшими перевязку двух частей эскарпа.

Конструкция контрэскарпа (внешней стенки рва) изучена на трех участках юго-восточной линии рва от Мертвого до Карлова бастиона, а также напротив Старого бастиона. Стенка контрэскарпа также была двухчастной, но менее основательной, чем укрепление эскарпа, так как характеризуется более узкой, около 0,5 м, и редкой дерновой кладкой, а также отсутствием деревянных конструкций в ее основании. Ширина забутовки между материковой стенкой рва и дерновой кладкой обычно не превышала 0,5 м, но в ряде случаев из-за неровностей котлована была большей. Угол наклона контрэскарпа менялся: в нижней части — до высоты 0,4 м — он был более крутым, почти отвесным, а выше — пологим и составлял около 40–45°. При этом сами дерновые пласты укладывались с большим наклоном — в 20–30° — в сторону рва.

Дренажные каналы. Ров Ниеншанца в двух местах подходил к берегам рек: перед шпиком Мертвого бастиона — к Охте, Мельничного — к Неве. При строительстве крепости решался вопрос о возможности соединения рвов с реками, но поскольку укрепления были земляными, это приводило к их размыву. Для их защиты делались «прочные больверки и шпунты», как отмечал Эрик Дальберг. Тогда же для укрепления основания стен планировалось облицевать эскарповые стены главного вала от дна рва до уровня горизонта камнем (*Blees*, 1938. С. 88), но эти планы не были осуществлены. На плане 1681 г. показаны насыпные укрепления берега, а контрэскарп рва перед шпицами двух бастионов оформлен в виде полукруглых дамб со свайными преградами (*Krigsarkivet...*, N° 11). Возможно, в них существовали и водные ворота — батардо, позволявшие регулировать уровень воды во рвах. Остатки свайных укреплений дамбы со стороны Охты были обнаружены в воде у ее левого берега.

Крепостной ров был заглублен в своей нижней части до уровня воды в реках (современный урез воды около 0,30 БС), и его донная поверхность постоянно подтоплялась. Для ее дренирования и сбора поверхностных вод в его центре была вырыта большая дренажная канава — кювет. По плану 1681 г. в новых укреплениях кювет проектировался в 4,15 м от эскарпа и в 1,8 м от контрэскарпа рва. Ширина его достигала 20 футов, глубина — 3 футов (5,94 и 0,9 м).

Дно рва плавно понижалось от его стенок к центральной канаве на 0,5–0,6 м с уровня 0,7–0,8 м до 0,3–0,5 БС. На разных участках рва кювет

имел ширину 7–9 м и глубину 0,5 м, местами до 1,0 м. Между равелином и контрэскарпом ширина его достигала около 4 м. Определить его первоначальные параметры в большинстве случаев затруднительно, так как песчаные борта в значительной степени оказались размывы.

Помимо центральной канавы на дне по мере необходимости копались малые канавки, расположенные преимущественно вдоль нее. Поверхность кювета примерно соответствовала минимальному урезу воды в Неве и Охте в летнее время. В случае штурма крепости он служил дополнительным препятствием перед частокольным укреплением. За кюветом, в 2 м от контрэскарпа, существовала еще одна канавка шириной 0,35–0,40 м и глубиной 0,3 м. Она была прорыта по всему периметру рва, повторяя его внешнюю конфигурацию, и также могла служить для отвода стоков с внешнего склона рва.

Для обеспечения прохода к контрэскарпу через канаву устраивались временные дощатые мостки, обнаруженные в нескольких местах. Остатки крепостных мостов на дне рва проследить не удалось. Участок между южной куртеной и равелином оказался перекрыт «ковшом» — гаванью Охтинской верфи XIX в., а северный воротный равелин с примыкающей частью рва поврежден ее эллингами.

Частокольное заграждение (палисад) в крепостном рву представлял собой дополнительную преграду перед эскарпом. На разрезе к плану 1681 г., частоколь устанавливался в 8 футах (1 шв. фут = 0,297 м, 8 футов ≈ 2,4 м) от эскарпа и в 6 футах от кювета (1,8 м). Высота его достигала 15 футов (около 4,5 м), причем на 2/3 (около 3 м) он выступал над поверхностью рва.

Перед куртеной на дне рва выявлены две линии заграждения в виде канавок со следами и остатками частокольа. По краям, перед фасадами бастионов, они соединялись, образуя одну общую линию, ограждавшую их фасады и шпицы. Первая линия от внутренней стенки рва (эскарпа) полностью повторяла конфигурацию земляных укреплений крепости. У куртеной канава была прорыта на удалении 2,6–3,0 м, у флангов и фасов бастионов наблюдались большие вариации: у Старого бастиона она была отодвинута от эскарпа на расстояние до 4,4 м, у Мертвого — около 3 м, у Карлова — на 2,0–2,2 м, у Гельмфельтова — на 1,3–1,9 м. Таким образом, единых стандартов по месту установки частокольного заграждения не прослежено.

Рис. 7. Ниеншанц. Частокольное заграждение перед фасом Карлова бастиона

Fig. 7. Nyenskans. Stockade barrier in front of the Carolus Bastion

Частокольная канава шириной 0,4–0,6 м с отвесными стенками и ровным дном была вырыта на глубину 0,4–0,5 м, тогда как в соответствии с проектом 1681 г. столбы должны были зарываться до 1,5 м. Подобная глубина канавы — до 1,4 м (–0,7 БС) — зафиксирована только у шпица Старого бастиона.

Вторая линия, выдвинутая перед курттинами на 9–12 м вперед по отношению к первой, располагалась перед дренажной канавой, повторяя контур внешнего борта рва (контрэскарпа), имевшего в плане дугообразную форму. У фасов бастионов она приближалась к ним, и ее трасса совпадала с первой линией. При ширине канавы 1,2–1,4 м и глубине 0,8–1,2 м она имела вертикальные стенки и неровное дно.

Местами в первой линии частокол сохранился до 2,6 м в высоту, возвышаясь до 1,8 м над донной поверхностью (рис. 7). Лежащие столбы или древесные остатки старого частокола найдены в заполнении канавы. Местами участки стоящего частокола оказались перекрыты развалом дерновых стенок крепостных валов, обрушившихся во время штурма. Такие завалы в основном не выходят за линию частокола, сдерживающего их сползание к центру рва.

В заполнении второй частокольной канавы, края которой оказались размывшими, найдены отдельные плахи и бревна. Основания вертикальных столбов наряду с уложенными в качестве укрепления встречались только на общих участках с первой канавой у окончаний бастионов. Исключение составляет небольшой участок оснований столбов заграждения, сохранившийся перед южной курттиной. Перед фасадами бастионов, где первая и вторая линия соединялись, частокольная канава была расширена в сторону эскарпа. Новый частокол устанавливался в этом расширении со смещением назад на толщину столбов. При этом старые бревна могли использоваться в новой линии как в прежнем качестве, так и в виде забутовки перед ней, в канаве, подпирая основания новых столбов.

Для предотвращения смещения отдельных столбов в результате промерзания и оттаивания грунтов служили поперечные жерди, соединявшие их между собой с тыльной стороны. Они закреплялись в горизонтальные пазы — врезки в столбах в виде «ласточкина хвоста». У шпица Карлова бастиона жерди шириной около 0,06 м, соединявшие столбы на высоте около 1,3 м от дна

канавы, прослежены на протяжении около 14 м. На частоколе, в месте примыкания юго-восточной куртины к Мертвому бастиону, поперечины сохранились на высоте 0,2 м и 1,2 м от дна рва (Сорокин и др., 2017. С. 67). В столбах встречались и кованые гвозди длиной 0,15–0,30 м, вбитые с внутренней и внешней сторон, вероятно, также служившие для крепления поперечных планок.

Перед центральной частью юго-восточной куртины на равном удалении от бастионов в заграждении имелась калитка. Ширина ее (0,8–0,9 м) соответствовала толщине трех частокольных столбов. Соединявшая их на 0,45 м выше дна рва нижняя жиковина длиной 84 см, 4,50 × 0,15 см в сечении, была прибита к столбам через 30 см тремя гвоздями длиной 20 см и толщиной до 1,5 см. Ее проушина диаметром 3,5 см одевалась на вертикальный штырь петли с клином, вбитым в частокол. Калитка располагалась напротив хода в валу, недалеко от сортии Мертвого бастиона. Она открывалась внутрь и с внешней стороны была незаметна.

Частокол в основном был изготовлен из стволов сосны, реже встречаются ель и береза. Только один из изученных образцов имел возраст 83 года, остальные — от 107 до 159 лет. Следует отметить, что первоначальный частокол, встреченный во вторичном использовании, делался из более массивных бревен диаметром 0,3–0,4 м, чем новый, с толщиной бревен 0,25–0,30 м. Местами в линии частокола встречались и отесанные столбы, находившиеся во вторичном использовании.

Расположение и стратиграфия частокольных заграждений позволяют выделить два этапа их установки. Первоначальный частокол был установлен по второй, внешней, линии. Позднее частокольное заграждение переместили ближе к эскарпу. Дендрохронологические исследования позволили уточнить время создания частокольных линий⁶¹. Первая датируется по шести образцам у юго-восточной куртины 1698 г. Из четырех столбов этой линии частокола у Карлова бастиона три также относятся к 1698 г., а один, вероятно, вторично использованный, — к 1681 г. Другим временем датируются три бревна у Старого бастиона: два — 1691 г., одно — 1700 г., что, возможно, связано с более поздней заменой или ремонтом

частокола на этом участке (Сорокин, Тарабардина, 2012. С. 89–91).

Пять образцов из второй, первоначальной, линии у фаса Карлова бастиона датированы 1676 г. К тому же году относится один образец от фланка Гельмфельтова бастиона, второй — к 1670 г. Таким образом, исследование показало, что вторая (внешняя) линия частокола строилась или обновлялась в 1676 г., тогда как создание первой (внутренней) линии приходится на канун Северной войны и начинается в 1698 г. Полученные данные подтверждаются и планами крепости Ниеншанц 1681 и 1703 гг., на первом из которых изображена линия частокола вдоль внешнего борта рва, а на втором — перед эскарпом.

Деревянные платформы на фланках бастионов

У фланков всех бастионов в заполнении рва перед эскарпом обнаружены деревянные конструкции, включавшие основания столбов, расположенные в определенной системе, и остатки деревянных настилов. Судя по сооружениям у левых фланков Карлова и Гельмфельтова бастионов, сохранившимся лучше других, столбы располагались в три ряда. Они служили для опоры деревянных настилов, примыкавших к фланкам выше середины эскарпа рва.

Остатки деревянного настила и столбов, на которые он опирался, изучены у левого фланка Карлова бастиона в 6,5 м от соединения его с куртиной. Внутренняя его сторона примыкала к эскарпу на уровне около 2,74 м — на 2 м выше дна рва (рис. 8). Опорой настила могли служить шесть деревянных столбов, врытых в основание эскарповой стены с интервалом 1,3–1,7 м, ряд частокола и три столба, установленных непосредственно за ним. Настил размерами до 6,4 × 4,4 м представлял собой конструкцию из трех слоев досок с чередованием положения вдоль и поперек эскарпа и берестяной прослойкой для гидроизоляции. Она опиралась на две поперечные несущие балки настила длиной 2,9–3,0 м и шириной 0,1–0,2 м. Судя по повреждениям настила и дерновой облицовки эскарпа, к которой он примыкал, осколками ядер, платформа была разрушена при штурме крепости (Сорокин и др., 2017. С. 149–151, рис. 177–183).

Сооружение на левом фланке Гельмфельтова бастиона располагалось вблизи примыкавшей к нему южной куртины. Здесь внешняя площадка

⁶¹ Дендрохронологические исследования проводились в Лаборатории дендрохронологии Новгородского археологического центра О. А. Тарабардиной.

для стрельбы с восточной стороны эскарпа соединялась с врезанным в его стенку внутривальным срубным помещением (рис. 9). Сверху и с южной стороны оно оказалось разрушено перекопом. Сохранилось только основание северо-западного угла на уровне 2,85–3,72, включавшее нижние части западной стены протяженностью 2,1 м и высотой 0,95 м из шести бревен размерами около 1,90 × 0,18 м и три бревна северной стены размерами около 4,40 × 0,15 м, сохранившиеся на высоту 0,56 м. С наружной — восточной — стороны деревянная конструкция продолжалась за пределами бастиона надо рвом еще на такое же расстояние. Дерновую стенку эскарпа в месте выхода конструкции на уровне 1,66 и 2,12 прорезали две прямоугольные ямы площадью около 1 кв. м, в которые были установлены три мощных опорных столба диаметром 0,38–0,40 м, сохранившиеся до уровня 2,68. Основание выхода конструкции в ров находилось на высоте около 2,85. Судя по деревянным плахам этого сооружения, на высоте 2,70–2,87 оно оказалось засыпанным при обрушении вала.

Под ним на отметках 1,41–1,25 в заполнении рва найден развал бревен, досок, колов и семи тузов — плетеных корзин, заполненных землей, — размерами 1,6 × 1,8 м. Они обычно устанавливались с внешней стороны позиций для защиты от ружейного огня и осколков артиллерийских снарядов и могли использоваться для прикрытия стрелков на бастионах и на описываемой платформе. Одно из бревен длиной 2,1 м и толщиной 0,16 м с семью поперечными врубками могло служить несущей балкой в конструкции настила.

На дне рва на протяжении около 6 м изучены основания четырех столбов диаметром 0,35–0,40 м, служивших, вероятно, опорами настила. Они были вкопаны на глубину до 1 м с интервалами 1,8–2,0 м вдоль фланка бастиона позади частокольной канавки как под описанной конструкцией, так и южнее ее.

В других местах у фланков бастионов сохранились основания опорных столбов, расположенных в два-три ряда. По четыре-пять столбов с интервалами 1,6–2,0 м было установлено в основании эскарпа и позади частокола, а в промежутке между этими рядами прослежено по два-три столба. Все они отличались по сравнению с частокольными большим диаметром (до 0,35–0,40 м) и были зарыты на глубину до 1 м. Расстояния между крайними столбами указывают на ориенти-

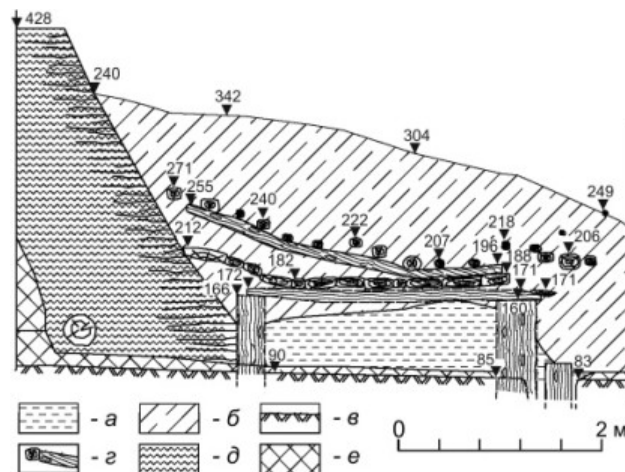

Рис. 8. Ниеншанц. Остатки платформы перед западным фасом Карлова бастиона. Условные обозначения: *a* — наслоения периода существования Ниеншанца 2-й половины XVII в.; *b* — слой разрушения Ниеншанца 2-й половины XVII в.; *v* — подстилающие песчаные слои; *z* — деревянные конструкции; *d* — кладка из дерновых пластов; *e* — слой строительства Ниеншанца 2-й половины XVII в.

Fig. 8. Nyenskans. The remains of a platform in front of the western face of the Carolus Bastion. Keys: *a* — deposits of the period of occupation of Nyenskans in the second half of the 17th century; *b* — layer of destruction of Nyenskans in the second half of the 17th century; *v* — underlying sand layers; *z* — wooden structures; *d* — masonry of turf layers; *e* — layer of the construction of Nyenskans in the second half of the 17th century

ровочные размеры опиравшихся на них деревянных настилов: протяженность около 6,5 м вдоль фланков и ширину около 3–4 м. Местами в заполнении вблизи описанных столбовых конструкций найдены и другие деревянные детали, которые могли быть частями разрушенных настилов.

Платформы для стрельбы, расположенные ниже горизонта на деревянных помостах, выполняли функции пониженных флангов, широко распространенных в бастионной фортификации. В земляных крепостях они насыпались из земли на уровень около половины высоты наружной отлогости валов. Часто со стороны фасов их ограничивали и прикрывали орильоны. Однако для двойных флангов требовались дополнительные площади, поэтому на бастионах Ниеншанца устройство их было проблематично. Теснота мыса в месте его расположения не позволяла увеличивать размеры укреплений. Бастионы с двойными фланками с установкой на них дополнитель-

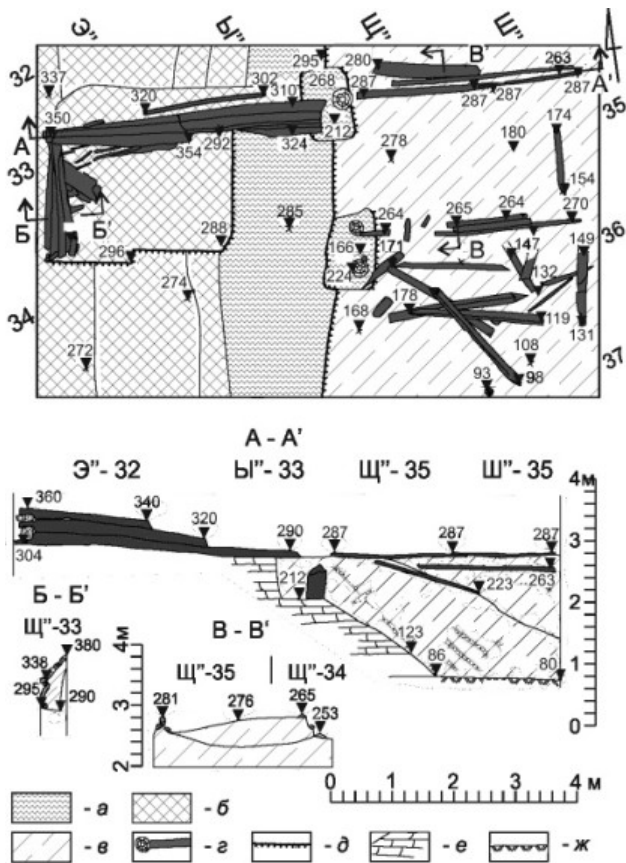

Рис. 9. Деревянные конструкции стрелковой платформы у Гельмфельтова бастиона. Условные обозначения: а — кладка из дерновых пластов; б — слой строительства Ниеншанца 2-й половины XVII в.; в — слой разрушения Ниеншанца 2-й половины XVII в.; г — деревянные конструкции; д — верхний край рва

Fig. 9. Wooden structures of the shooting platform at the Helmfelts Bastion. Keys: а — turf masonry; б — layer of the construction of Nyenskans in the second half of the 17th century; в — layer of destruction of Nyenskans in the second half of the 17th century; г — wooden structures; д — the upper edge of the moat

ных орудий существенно увеличивали мощь фланговой обороны крепостей. Имелись они и в первоначальной земляной Санкт-Петербургской крепости (Степанов, 2003. С. 47). Согласно плану 1681 г. двойные фланки проектировались и на новых бастионах кронверка Ниеншанца.

Стрелковые платформы цитадели Ниеншанца, расположенные на 1,5 м ниже горизонта (основания валов) и на расстоянии около 2,0–2,5 м над дном рва на деревянных помостах, примыкали к фланкам на протяжении около 6,5 м в центральной части. Они опирались на склон

эскарпа и столбы, нависая надо рвом, и доходили до частокола. На них за верхом частокола и укрытиями из туров могли размещаться стрелки для ведения фланкирующего огня по противнику, спустившемуся в крепостной ров, особенно при форсировании кювета, преодолении палисада и эскарпа. Доступ защитников крепости к платформам мог осуществляться через сортии, но, возможно, и напрямую из казематов, устроенных над ними в валах фланков, показанных на плане сооружений Ниеншанца.

В большинстве случаев опорные столбы стрелковых платформ прорезают более ранние конструкции укреплений — бревна городней (левый фланк Карлова бастиона) или дерновую стенку (левый фланк Гельмфельтова бастиона), а также первоначальные границы частокольной канавки с ее внутренней стороны. Все это свидетельствует об их устройстве после завершения основных укреплений. Учитывая, что новый частокол вдоль эскарпа устанавливался в 1698 г., вероятно, это было связано с непосредственной подготовкой крепости к обороне в начале Северной войны в 1700–1703 гг.

Сортии

Сортии — потайные ходы, ведущие из крепостных валов в ров, прорытые в материковом основании, — были обнаружены в местах примыкания куртин к правым фланкам Старого, Мертвого (Сорокин и др., 2017. С. 66–75, рис. 75–82) и Карлова (Соловьева, 2012. С. 42–58) бастионов. Они представляют собой наклонные лестничные спуски, ведущие из внутривальных помещений (потерн) в крепостной ров. Поверхность сортий была зафиксирована в виде столбов и пятен размерами: 3,8 × 1,3 м — на отметках 4,06–3,97 БС, 2,2 × 1,4 м — на уровне 3,59 БС. Основание их находилось на уровне 1,1–1,9 БС. Ширина их соответствует ширине хода с укреплениями стен, тогда как увеличение длины на более высоком уровне, вероятно, связано с уменьшением угла наклона коридора при входе внутрь вала, где он должен был соединяться с горизонтальной потерней. Имелись ли аналогичные сооружения на левых фланках бастионов — установить не удалось, так как на этих участках они оказались повреждены поздними перекопами. На левом фланке Гельмфельтова бастиона изучен выход иной конструкции, непосредственно связанный с платформой для стрельбы. Возможно, это объ-

ясняется ее расположением перед крепостным мостом, который мог хорошо простреливаться с этой огневой позиции.

Сооружение сортий велось в процессе укрепления эскарпа рва. В его угловой части — месте примыкания куртины к фланкам — в стенке котлована — выбиралась наклонная траншея шириной 1,5–1,6 м под углом 30–45°. Внутри нее делалась лестница и устанавливался столбовой каркас с дощатой обшивкой. Основу конструкции хода составляли две пары столбов, врытых в грунт на глубину до 0,5 м с интервалами около 2 м вдоль лестничного спуска. По верху они соединялись поперечными брусками, на которые опиралось дощатое перекрытие, имевшее такой же уклон, как и спуск. Поверх него для гидроизоляции в несколько слоев укладывалась береста, а сверху — дерновые пласты. Дощатые ступени шириной 0,20–0,25 м и толщиной 0,02 м крепились к тетиве лестничного спуска в пазы. Стены также облицовывались досками. Ширина хода составляла около 1,3 м, высота — до 1,55 м.

С внешней стороны, в основании эскарпа рва, сортии закрывались деревянными дверьми, крепившимися на столбах. Входная дверь была «утоплена» вглубь дерновой кладки до 1 м, и заметить ее можно было только вблизи, фронтально. Кроме того, потайной ход был закрыт с внешней стороны частоколом. Перед выходом оборудовалась насыпная площадка, возвышавшаяся над дном рва около 1 м.

Сортии служили для вылазок гарнизона, выхода в ров и на платформы, для обороны подступов к эскарпу, а также выполнения ремонтных работ. Следует отметить, что все выходы сортий оказались заложены дерновыми пластами для маскировки или засыпаны с внешней стороны грунтом.

При раскопках 2010 г. в основании Мертвого бастиона было выявлено сооружение, интерпретированное как потеряна. Оно располагалось внутри вала у валганговой стены, имело форму угла, близкого к прямому, но ориентировано было не параллельно фасам бастиона, а под углом к ним. Сохранилась нижняя часть хода в виде траншеи шириной около 0,5 м и глубиной около 1 м от дневной поверхности первой половины XVII в. Она была облицована продольными досками, закрепленными вертикальными столбами, которые были забиты с внутренней стороны с интервалами около 0,2–0,4 м и прижимали доски к стенкам.

Сверху, вдоль краев траншеи, прослежены ряды дерновой обкладки. Дно, находившееся на уровне около 2,40–2,74, выстлано продольными досками на поперечных лагах (Соловьева, 2010. С. 10–11, 18–22). Ориентировка траншеи, ее малая ширина, а также дерновое укрепление в верхней части свидетельствуют о ее использовании в открытом виде до сооружения бастиона. Вероятно, она была частью полевых укреплений крепости со стороны Охты до середины XVII в.

Потайные противоминные ходы

Система потайных противоминных ходов обнаружена с юго-восточной стороны укреплений Ниеншанца, напротив правого фаса Мертвого бастиона. Ходы замыкаются на крепостной ров и пересекают территорию кладбища первой половины XVII в., расположенного на берегу Охты. Два подземных хода были проложены от контрэскарпа крепостного рва под гласисом почти параллельно друг другу с интервалом около 15,5 м в юго-восточном направлении. С южной стороны гласиса они примыкали к открытой траншее № 2 протяженностью 24,3 м, прорытой на расстоянии в 35 м вдоль крепостного рва, в юго-западном направлении от берега Охты. Обнаруженные ходы различаются своими конструкцией и сохранностью на разных участках (рис. 10).

Западный ход протяженностью около 34 м в юго-восточном направлении (азимут 140°). Плохо сохранившийся 4-метровый вход изо рва, видимо, напоминал по своему устройству сортии, с входным проемом в основании контрэскарпа шириной около 1 м и коридором 1,5 м. На следующем участке протяженностью 19,5 м ход расширялся до 2,2 м и представлял собой потерну, укрепленную деревянными конструкциями высотой свыше 2 м, которую выявили с уровня 3,45–3,30. Она строилась в открытой траншее, вырытой в материке на глубину 1,60–2,55 м. По ее сторонам на глубине 1,20–1,45 м в песчаном грунте делались уступы шириной до 0,3 м, предохранявшие стенки от обрушения. В верхней части они служили для устройства деревянного перекрытия, фрагменты которого обнаружены в заполнении сооружения на уровне около 2,50. Поверх перекрытия насыпался грунт. Крепежные конструкции каркаса из подтесанных бревен сечением 0,15–0,20 × 0,20 м и дощатая обшивка стен сохранились местами на высоту до 1,74 м (отметки 1,34–3,08). Брус, уложенный поперек дна хода с интервалами 0,35–

Рис. 10. Основание западного контрминного хода

Fig. 10. The foundation of the western countermine passage

0,45 м, соединялся в пазы со стойками, на которых крепилась дощатая обшивка стенок с вертикально установленными досками. Только у ее окончания — с юго-восточной стороны, при соединении с крытой траншеей — вертикальные стойки располагались реже и стены зашивались горизонтально. Пол хода с деревянным покрытием и двумя ступенями плавно повышался на 0,9 м по мере удаления от рва с отметки около 0,80 до 1,68. В начале потерны на дне сохранился настил из подтесанных бревен толщиной 0,2 м. Вероятно, и верхнее перекрытие хода было устроено аналогичным образом: с брусьями, соединенными со стойками в пазы, с дощатым покрытием и гидроизоляцией.

В 23,5 м от рва потерна соединялась с траншеей, продолжавшейся на юго-восток и в северной части на протяжении 4,9 м имевшей ширину 1,7 м и дощатое перекрытие. На последнем участке протяженностью 6,5 м траншея расширялась до 2–3 м, выходила на поверхность и соединялась с открытой

траншеей № 2, проходившей вдоль крепостного рва. Соединительная траншея располагалась под углом 8° к потерне, а ее выход в открытую траншею оказался смещен на 1 м относительно прохождения оси потерны.

Восточный ход отходил от рва под углом 50° в юго-восточном направлении (азимут 147°) в сторону траншеи № 2. Протяженность двух его изученных участков составила 10,8 и 15 м. Ход, имевший небольшой уклон в сторону рва, аналогичен западному. От его западной стенки под углом, близким к прямому, к юго-западу отходил другой ход, протяженностью 6 м и шириной 1 м. Он сохранился на высоту до 1,3 м и также был облицован деревом. Подобные тупиковые ответвления характерны для контрминных ходов, перерезавших подходы к укреплениям.

Различное устройство частей западного хода и расположение их под углом друг к другу свидетельствуют об их одновременности и различном функциональном назначении. Контрминные ходы и слухи, копавшиеся со стороны крепости, должны были препятствовать рытью подкопов и закладке мин под укреплениями осаждающими. Обычно они не имели выхода на поверхность за пределами укреплений, так как это облегчало их обнаружение и проникновение в них противника. Вероятно, обнаруженная потерна также изначально была закрытой, а ответвление из открытой траншеи в ее сторону с расхождением осей также же, как и соединительный участок в виде крытой траншеи, могли быть встречным ходом.

На плане внутренних сооружений крепости в этой части гласиса от контрэскарпа рва в юго-восточном направлении показана контрминная галерея с отходящими от нее Т-образными ходами. В начальной части она совпадает с прохождением изученной подземной потерны. Но южнее обнаружилась только открытая траншея, напоминающая полевые укрепления, которая не продолжалась западнее, в сторону воротного рavelина. Вероятно, план в отношении контрминных ходов был реализован частично. На плане осады Ниеншанца 1703 г. южнее этого места показаны осадные траншеи — «параллели» и «апроши» — русских войск, одна из которых проходит от берега Охты к воротному рavelину (Сорокин, 2018. С. 8). Отходящий в сторону крепости ход от траншеи № 2 является обычным в таких случаях продвижением осадных работ в сторону крепостных укреплений. Но это могут быть также и шведские

контрапроши — оборонительные ходы сообщения навстречу осаждавшим.

Заключение

После завершения строительства цитадели в 1665 г. и появления в начале 1670-х гг. плана расширения Ниеншанца в виде кронверка между Невой и Охтой работы по ее укреплению продолжались. Планы 1675 и 1681 гг. демонстрируют возведение в цитадели воротных рavelинов и внутренних построек. Как показали археологические исследования, масштабные фортификационные работы по установке частокольного заграждения и облицовке эскарпа дерном приходится на 1676–1677 гг. Вероятно, они были связаны с устройством воротных рavelинов и крепостных мостов, впервые показанных на плане 1675 г. (Krigsarkivet..., Nÿen № 5a). Примыкание к цитадели новых укреплений по берегам рек повлияло на устройство системы контрминных ходов на этом направлении, создание которой, ви-

димо, не было завершено. Строительство нового частокольного заграждения вдоль эскарпа и устройство связанных с ним площадок для фланковой стрельбы начинается незадолго до Северной войны, в 1698 г., и продолжается до 1703 г., когда крепость была взята русскими войсками.

Сохранившийся комплекс крепостных сооружений Ниеншанца представляет собой уникальный памятник североевропейской земляной фортификации второй половины XVII в., который содержит малоизвестную информацию о структуре и деталях конструкции оборонительной системы бастионных крепостей нового времени. Остатки сооружений дают наглядное представление о размерах и расположении крепости на местности и устройстве ее укреплений. Дальнейшее сохранение их возможно как в законсервированном, так и в открытом состоянии после проведения необходимых реставрационных мероприятий.

Кальюнди, Кирпичников, 1975 — Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. // Скандинавский сборник. Таллин, 1975. Т. XX. С. 68–79.

Соловьева, 2010 — Соловьева Н. Ф. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических мероприятий по договору №006/2010 (заключительный). Т. 32. Раскоп 40+ // Архив КГИОП СПб.

Соловьева, 2012 — Соловьева Н. Ф. Отчет о научно-исследовательской работе «Охранные археологические исследования многослойного памятника Охта 1, расположенного в границах проектируемого общественно-делового центра «Охта» по адресу: Санкт-Петербург, Красногвардейская пл., д. 2, лит К. Исследования на раскопе 45 в 2010 г. Т. 25/1. Санкт-Петербург, 2012 // НОА ИА РАН. Ф. 1. Р 1. Оп.1. Кн. 47. Д. 37241.

Сорокин, 2001 — Сорокин П. Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.: Литера, 2001. 128 с.

Сорокин, 2010 — Сорокин П. Е. Крепость Ниеншанц. Некоторые итоги историко-археологического изучения // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. Т. II. С. 361–378.

Сорокин, 2018 — Сорокин П. Е. Крепость Ниеншанц — замок на пути в Европу // История Петербурга. 2018. № 73. С. 6–15.

Сорокин, Тарабардина, 2012 — Сорокин П. Е., Тарабардина О. А. Археологические раскопки на Охтинском мысу и перспективы создания дендро-

хронологической шкалы Петербурга // НиНЗИиА. Великий Новгород: НМЗ, 2012. Вып. 28. С. 84–92.

Сорокин и др., 2017 — Сорокин П. Е., Гукин В. Д., Иванова А. В., Короткевич Б. С., Лазаретов И. П., Матвеев В. Н., Михайлов К. А., Поляков А. В., Попов С. Г. Археологические исследования в устье реки Охты. Т. 1: Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. СПб.: б. и., 2017 (Археологическое наследие С.-Петербурга; Вып. 5). 237 с.

Степанов, 2003 — Степанов С. Д. Санкт-Петербургская Петропавловская крепость. СПб.: Черное и белое, 2000. 238 с.

Blees, 1938 — Blees J. Fastningen Nyenskans och Nyen. Norrlands Försvar. Stockholm, 1938. P. 67–96.

Krigsarkivet..., Nÿen № 5a — Krigsarkivet. SFP. Nÿen № 5a: Geometrisch Delineation uthaff Nÿen uthi Ingermanlandh..., 1675 // Stockholm. Krigsarkivet. SFP. Ostersjoprovinserna.

Krigsarkivet..., Nÿen № 9 — Krigsarkivet. SFP. Nÿen № 9: Nÿen 1681 // Stockholm. Krigsarkivet. SFP. Ostersjoprovinserna.

Krigsarkivet..., Nÿen № 11 — Krigsarkivet. SFP. Nÿen № 11: Geometrisch Plaan uthaf Nÿen Schantz, 1681 // Stockholm. Krigsarkivet. SFP. Ostersjoprovinserna.

Krigsarkivet..., Nÿen № 22 — Krigsarkivet. SFP. Nÿen № 22: Dessein af Souterrainerna wijd Nÿens Skantz // Stockholm. Krigsarkivet. SFP. Ostersjoprovinserna.

Munthe, 1906 — Munthe L. W. Kongl Fortifikationens historia. Stockholm: Kungl. Boktryckeriet. P. A. Norstedt & Söner, 1906. Vol. II: Fortifikationsstaten under Ornehufwudh och Warnschieldh 1641–1674. 824 s.

Fortifications of Nyenskans of the second half of the 17th century

Р. Е. Sorokin⁷

New defences of Nyenskans on the promontory near the inflow of the Okhta River into the Neva were built in the place of the previous fortifications after the end of the Russian-Swedish war of 1656–1661. By 1665, the star-shaped citadel with five bastions had been generally completed. Afterwards, ravelins were added on its southern and northern sides. The construction of additional defences with three bastions between the Neva and Okhta to the south of the citadel was protracted until the beginning of the 18th century and had not been finally completed.

In 2006–2010, the northern, eastern and southern sections of the fortress were excavated. The foundations of its defences have survived to the height of up to 2–4 m. The archaeological study of the plan, parameters and construction of the defensive moats has allowed the researchers to obtain new information about the fortifications of Nyenskans. There were investigated the turf walls of the escarp and counterscarp with wooden structures in the foundation, stockade barriers preserved in places up to the height of 1,6 m, and a water catchment cuvette 0,5–1,0 m deep. These were the main constituents of the constructions of the moats of bastion fortresses. At the flanks of the bastions, secret passages were discovered — sorties serving for sallies of the soldiers of the garrison to the ditch, as well as the remains of wooden platforms for flanking shooting. On the outer, south-eastern side of the fortress, beneath the glacis, there were revealed areas of subterranean countermine passages and defensive trenches of the second half of the 17th century. A comparison of the historic data with the obtained archaeological evidence and the results of dendrochronological dating of the structures have allowed us to define more precisely the technological features and chronological stages of the construction and repairs of the defences of the 1660s — 1703. The fair preservation state of the revealed fortifications in the historical landscape yielding a notion on the scale of the fortress and its construction features require the complete preservation of this unique fortification site.

⁷ Petr Sorokin — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: petr sorokin@yandex.ru.

Морфологические особенности бытовых кресальных кремней¹

М. Н. Желтова, Е. Ю. Гиря, Д. Н. Фёдорова²

Аннотация. Статья посвящена проблемам изучения бытовых кресальных кремней, встречающихся в культурных слоях городов начиная со средневековья. Рассматриваются признаки, позволяющие выделить их из общей массы находок кремня, описывается последовательность формирования следов износа, определяющих морфологию и морфономию этих предметов, выделяются типы кресальных кремней.

Annotation. This paper is devoted to problems of studies of domestic flint firestrickers encountered in the cultural layers of mediaeval cities. Indications allowing us to distinguish them from the general numbers of finds of flint are considered, the sequence of the formation of the traces of wear defining the morphology of these objects is described and the types of firestriking stones are identified.

Ключевые слова: кресальные кремни, раскопки Старой Руссы, морфология и морфономия каменных орудий, трасологический анализ.

Keywords: firestriking stones, excavations at Staraya Russa, morphology of stone tools, use-wear analysis.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-183-192

Введение

Начало XXI в. отмечено успешным сотрудничеством специалистов в разных областях археологии, прежде абсолютно обособленных, в частности археологов-медиевистов и каменщиков, что существенно расширяет возможности изучения всех составляющих культурного слоя. Не секрет, что долгие годы все то, что не имело отношения к основному предмету исследований, часто

никак не изучалось. Вероятно, таким отношением объясняется малое количество или даже полное отсутствие кремневых находок в старых коллекциях из средневековых городских раскопок. Редкое исключение составляют каменные предметы, форма которых хорошо известна и не вызывает сомнений, — наконечники, топоры и др. Причины их нахождения в средневековых культурных слоях бывают разными, и в каждом случае такие факты требуют специального изучения (Лапшин, 2009; Желтова и др., 2017).

Однако существует категория кремневых артефактов, органично представленных в средневековых и более поздних культурных отложениях — кресальные кремни, кремни для добывания огня. Входящие в нее изделия с точки зрения морфологии подразделяются на оружейные (ружейные, пистолетные, орудийные) и бытовые ручные кресальные кремни. Оружейные кремни неизменно вызывали больший интерес исследователей, чему способствовало изучение видов старинного огнестрельного оружия, развитие реконструкторского движения, и сохранение в течение долгого времени, вплоть до современности, ряда технологических приемов их изготовления. Формам

¹ М. Н. Желтовой работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде», Е. Ю. Гирей и Д. Н. Фёдоровой — № 0184-2019-0008 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов».

² М. Н. Желтова — Отдел палеолита, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mpraslova@mail.ru. Е. Ю. Гиря, Д. Н. Фёдорова — Экспериментально-трасологическая лаборатория, ИИМК РАН; e-mail: kostionki@narod.ru, dariafedorova@list.ru.

оружейных кремней и технологии их изготовления посвящено немало публикаций (Суханов, Хабурзания, 2000; Гиря, 2012; и др.). Бытовые ручные кресальные кремни сами по себе значительно реже привлекали внимание археологов, иногда рассматривались лишь как часть археологического контекста других находок. Однако есть ряд работ, авторы которых обратили внимание на следы использования на кресальных кремнях, описали и классифицировали их (Сериков, 2003; Лисицын, Соболев, 2016; Поплевко, 2009, Галимова и др., 2014).

В этой статье предполагается рассмотреть особенности морфологии именно этой субкатегории артефактов, называемых далее для краткости просто кресальные кремни.

Кресальные кремни — категория широко распространенная и в пространстве, и во времени, встречающаяся значительно чаще оружейных и в силу некоторой неопределенности и варибельности форм зачастую относимая к не-артефактам вместе с осколками, кусочками щебня и пр. Тем не менее в этой неопределенности и варибельности можно проследить вполне определенные тенденции. Существуют категории кремневых орудий, морфология которых не предопределяется мастером-изготовителем, а образуется в ходе использования. Ярким примером таких орудий являются *pièces esquillees* (долотовидные орудия). К ним можно отнести и кресальные кремни. На сходство кресальных кремней с *pièces esquillees* уже обратил внимание Ю. Б. Сериков (Сериков, 2003. С. 261), при этом необходимо отметить, что их единственной общей чертой является именно характер формообразования. Действительно, и те, и другие приобретают свою узнаваемую форму в результате использования. Однако сами формы *pièces esquillees* и кресальных кремней принципиально различны.

Самые ранние кресальные кремни известны задолго до появления металла в материальной культуре. Уже в палеолите отмечаются редкие находки на стоянках конкреций пирита и марказита, использованные для высекания искры при помощи кремня (Collina-Girard, 1998). В мезолите и неолите такие находки также мало распространены, но все-таки существуют. Эта методика получения огня не была широко распространена, по-видимому, из-за специфики сырьевой базы. В местах выходов рудных минералов, необходимых для высекания искры, было относительно легко

эмпирически прийти к такому способу разжигания огня. Но таких мест относительно немного, люди расселялись гораздо шире, и средства для добычи огня должны были быть доступны в любых условиях. Удары кремня о кремль и кварца о кварц не дают воспламеняющих искр (Ibid. P. 33). Высекаемые при этом искры не разлетаются, а остаются практически у точки удара, но, главное, они холодные и не способны воспламенить трут, то есть это не более чем трибололюминесценция. Именно поэтому возникает и получает широчайшее распространение получение огня трением и/или сверлением — при помощи дощечки и палочки.

Кремень продолжает быть для человека важнейшим сырьем на протяжении миллионов лет, но в процессе разведения огня его роль остается незначительной вплоть до освоения железа. Как раз в это время он постепенно начинает терять значение в качестве основного материала для изготовления орудий. Но — палочки и дощечки в сторону! — появление кресального метода высекания искры, вернее его выход на новый уровень, при помощи железных кресал вновь возвращает кремню важную роль.

К этому времени в основном уже утрачены достижения в области технологии расщепления и изготовления орудий. Требования к кремневому сырью в быту не столь высоки. Как показывает практика, достаточно окремненный известняк тоже позволяет высекать искру, правда, не так легко, как кремень хорошего качества. Поэтому, исследуя кресальные кремни в археологическом контексте, мы часто имеем дело с кусками кремнистых пород аморфных очертаний разного качества, единственным признаком использования у которых является характер и локализация зон забитости — следов от точечных контактов с твердым материалом.

Проблема разграничения кресальных кремней и кусков кремня со следами случайных деформаций

При анализе материала основной проблемой является определение происхождения забитости на кусках кремня. Не всегда легко понять, что перед нами: предмет, если даже не изготовленный, то использованный человеком для каких-то целей, или же результат неких непреднамеренных повреждений в природной или антропогенной среде.

Природные факторы, воздействующие на деформации камней, многочисленны и разнообразны, к ним относятся: ветер; смена температур, включая мороз (поверхностное и глубокое растрескивание) и воздействие огня (растрескивание, изменение цвета и фактуры); воздействие водной среды — в волноприбойной зоне морей и озер или в речках и ручьях (окатанность, побитость); движения льда и грунтовых масс — моренные, солифлюкционные процессы, криотурбации и т. д. Наиболее полное описание результатов их влияния на деформации поверхностей камней дано у Й. Хана (*Hahn, 1993. S. 45–72*). Интересующие нас в контексте добывания огня следы природных деформаций поверхностей камней в виде забитостей и выкрошенности имеют, главным образом, водное и моренное происхождение. В антропогенной среде отмечается возникновение схожих следов в условиях транспортировки (в результате динамического контакта с другими твердыми предметами), на дороге (от контакта с ногами, транспортными средствами и другими камнями) и в других аналогичных ситуациях. Поскольку в том и другом случае процесс воздействия на поверхность камня один и тот же — множественный точечный контакт с твердым материалом, то в итоге образуются весьма схожие следы в виде выкрошенности и забитости. Обратимся к определению этих видов деформации поверхности предметов, данному Г. Ф. Коробковой: «...выкрошенность — это разнообразные микро- и макрофасетки ретуши, образующиеся на рабочем лезвии орудия или других частях, например, обушковых. Она может быть результатом утилизации, естественных и искусственных повреждений. ...забитость края — это скопление мельчайших разнокалиберных и разноуровневых фасеток ретуши, тесно расположенных на кромке лезвия, наслаивающихся и прилегающих друг к другу и образующих шероховатую ячеистую поверхность, она может быть частичная, группирующаяся и сплошная, занимающая всю поверхность кромки» (*Коробкова, Щелинский, 1996. С. 27–28*).

Исходя из этого основным этапом в определении предмета, служившего каким-то целям в быту, является изучение всей его поверхности и вычленение ряда признаков некоего систематического антропогенного воздействия на его поверхность. Достаточно часто случалось, что с целью высекания искр использовался кусок кремня, происходящий из моренных или водных отложений

или просто где-то подобранный. Если после разового или кратковременного использования он отбрасывался в сторону, трудно будет установить, что перед нами кресальный кремень. Если же он имел хорошие качества и удобную форму, то его хранили и использовали долго. В таких случаях топография зон забитости и концентрация следов использования позволяют нам определить назначение кремня. Кроме того, формирование зон расположения следов износа кресальных кремней имеет вполне определенную последовательность, так что при относительно долговременном использовании можно с достаточной уверенностью установить функцию предмета и стадию его износа. И, наконец, существует группа предметов, четко определяемая в массиве материала, объединяющая специально оформленные кремни долговременного использования, изготовленные из хорошего качественного сырья. В этой группе выделяется несколько устойчивых типов кресальных кремней, представленных сериями.

История изучения кресальных кремней

Первое, довольно общее, описание следов на кресальных кремнях дано Ю. Б. Сериковым в ходе изучения материалов святилища Голый Камень. Он отмечал, что их характеризуют бессистемные вторичные сколы, подобные тем, которые возникают на рабочих концах кремневых долот и стамесок; забитость кромки и одно- либо двусторонняя ретушь утилизации с «заломами» (*Сериков, 2003. С. 261*).

Небольшая коллекция кремней, в том числе кресальных, с Никольского Которского погоста в верховьях реки Плюсса была проанализирована С. Н. Лисицыным (*Лисицын, Соболев, 2016*). В работе было дано краткое описание элементов вторичной обработки и следов использования кремней, без специальной дифференциации этих двух групп следов модификации поверхностей. С. Н. Лисицын так же, как и Ю. Б. Сериков, отмечает сходство некоторых кресальных кремней с долотовидными орудиями, заключающееся в сочетании подтески с крутой ретушью (*Там же. С. 57*). Кроме того, выделяется группа изделий, имеющих оформленные крутой и вертикальной ретушью скребковидные края, но «от скребков их отличает рваный характер краевого контура и забитость „лезвий“, которая получается при работе по твердому материалу» (*Там же*). В этой же

работе делается единственная до сих пор в археологической литературе попытка описания технологии расщепления с целью получения заготовок для кресальных кремней, однако в коллекции имелось всего два предмета, которые можно расценить как нуклеидные: «Они напоминают биполярные нуклеусы, но, в отличие от последних, избыточно объемные в профиль, не несут сплошных негативов встречного снятия и имеют сразу несколько „фронтов“. Причем снятия производились с них с многочисленными заломами и с забитостью на выступавших гранях, что также говорит о бессистемном расщеплении, не нацеленном на получение заготовок с регулярной морфологией» (Там же).

На основе результатов исследования небольшой, но представительной коллекции кресальных кремней из культурных слоев Твери (чуть менее 80 предметов), Г. Н. Поплевко представила первую морфологическую классификацию кресальных кремней, включив в нее использованные в этом качестве наконечники и оружейные кремни. Кресальные кремни были подразделены на четыре группы: 1) вытянутой формы — на пластинах и пластинчатых отщепах; 2) с выделенным острым или округлым одним, реже двумя концами; 3) на фрагментах наконечников; 4) массивные подчетыреугольной формы (Поплевко, 2009. С. 303). Г. Н. Поплевко были описаны элементы следов сработанности (микроретушь, микрозаломы, сглаженность и пришлифовка участков кромки, кольцевые микротрещины от ударов бойка и черные разводы от употребления дымного пороха, фрагменты меди и черного металла на лезвии). Классификация их различных сочетаний включает семь групп, характеризующих как бытовые кресальные кремни, так и оружейные.

Наиболее основательно проблема изучения бытовых кресальных и оружейных кремней рассматривается в работе М. Ш. Галимовой, А. Г. Сидикова и В. В. Хабарова, поставивших перед собой задачу разработки методического подхода к проблеме разграничения кремневых орудий каменного века и нового времени (Галимова и др., 2014. С. 258). В результате экспериментально-трасологического анализа серии из 54 кремневых находок из раскопок исторической части Казани исследователями были установлены признаки, характерные для оружейных и кресальных кремней, а также признаки реутилизации в качестве таковых артефактов, относящихся к каменному веку.

Авторы отмечают сходство основных трасологических признаков оружейных и кресальных кремней: «смятая», «разорванная» кромка ударного края и прилегающих поверхностей обоих фасов; глубокие ступенчатые, «занозистые» сколы, утончающие ударную кромку с обеих сторон; «забитость» поверхности ударного края; образование мелких кольцевых трещинок, а также выемок и, наоборот, микроскопических ударных бугорков в точках прямого удара кремня о кресало. Отличительной особенностью кресальных кремней являются длинные прерывистые линейные следы, иногда содержащие микрочастицы металла (Там же. С. 264). Для оружейных кремней характерно наличие следов оружейной смазки и следов пороха.

Кресальные кремни Старой Руссы

За годы сотрудничества со Старорусской археологической экспедицией Центра археологических исследований Гуманитарного института Новгородского государственного университета М. Н. Желтовой были изучены значительные коллекции кремневых находок с нескольких раскопов 2011–2017 гг. (Георгиевский III, Пятницкие I и II, Курортные I, II, III, IV, в целом более 500 предметов), давшие обильный материал для изучения кресальных кремней. На некоторых из раскопанных участков средневекового города располагались солеварни, и концентрация кремней для высекания искр иногда поразительно высока. Особенно велик процент кресальных кремней среди находок с Георгиевского III (24 кресальных и три оружейных из 34 находок) и Курортных раскопов (табл. 1). Надо отметить, что в этом числе учитывались и фрагменты хорошо определимых кресальных кремней.

Вся масса кремневого материала, за исключением типологически выраженных других орудий (наконечников, скребков и др.), подразделяется на четыре группы:

1) отдельности сырья (куски, конкреции, плитки, осколки и случайные отщепы) без следов какой-либо обработки или систематического использования (со следами природных деформаций или без таковых);

2) отдельности сырья со следами выкрошенности и забитости, локализация которых не позволяет однозначно вычлнить блоки следов от ударов кресала;

3) кресальные кремни на случайных формах отдельностей сырья, без специальной их подготовки;

Таблица 1. Количество кресальных и ружейных кремней в материалах из раскопов Старой Руссы 2011–2017 гг.
Table 1. The numbers of the firestriking stones and gunflints among the materials from excavations in Staraya Russa of 2011–2017

Раскоп	Год раскопок	Общее количество кремня	Кресальные	Ружейные
Георгиевский III	2011	34	24	3
Пятницкий I	2011–2012	96	11	–
Пятницкий II	2013–2017	114	39+(6?*)	9
Курортный I	2013	13	5	–
Курортный II	2013	28	19	2
Курортный III	2013	196	77	1+(2?)
Курортный IV	2014	37	25	1
Шурфы на спортплощадке	2014	5	3	–

* Знаком вопроса отмечено количество предметов, функциональная принадлежность которых установлена с некоторой степенью допущения.

4) кресальные кремни, типологически выраженные, специально оформленные.

Первая группа заслуживает внимания только с точки зрения определения источников кремневого сырья. Это требует специального изучения и выходит за рамки настоящей статьи.

Вторая группа в процессе изучения требует значительных усилий при сравнительно небольших результатах.

Третья группа позволяет вычленить отдельные блоки следов, относящихся к высеканию искр, в целом совпадающие с описанными Г. Н. Поплевко и М. Ш. Галимовой. Как правило, к этой группе относятся массивные кресальные кремни на крупных кусках породы.

Четвертая группа — самая интересная и информативная. В ней можно выделить несколько устойчивых вариантов форм кресальных кремней. В целом существует два основных типа преднамеренно изготовленных кресальных кремней — пластинчатые (продолговатые, с параллельными или субпараллельными краями, на пластинах и пластинчатых сколах) с прямыми или частично прямыми рабочими лезвиями и выемчатые (на отщепях или сколах). Причем в данном контексте «пластины» и «отщепы» — не совсем то, что под этим подразумевается при изучении материалов эпохи камня. Техника расщепления в средневековье была проста и лишена тех строгих правил, которые характерны для индустрий каменного века. Поэтому все сводилось к тому, чтобы твердым отбойником (молотком или чем-то похожим) разбить отдельность сырья на части помельче. Параметры их при этом контролировались слабо,

и речь о получении заготовки заданной формы и размера не шла. Хорошо, если сколы получались подходящие, из которых можно было затем изготовить удобные долговременные кресальные кремни. Этого можно было добиться при определенной сноровке. Если же нет — получившимися кусочками пользовались, сколько могли, потом их отбрасывали. Именно поэтому успехом пользовались находки каменного века — заготовки, главным образом пластины, и орудия. Реутилизированные в качестве кресальных кремней они были обнаружены в коллекциях из средневековых слоев Твери (Поплевко, 2009) и Казани (Галимова и др., 2014). В качестве ружейных кремней при случае использовались скребки (пять из 54 кремней в материалах Казани), в качестве кресальных — нуклеусы (Там же. С. 271). В материалах Старой Руссы подобных примеров не обнаружено.

Пластинчатые кресальные кремни изготавливались на толстых пластинчатых сколах. В наши руки попадают кресальные кремни, уже изрядно послужившие, поэтому трудно установить, было ли какое-то предварительное ретуширование. Возможно, все видимые нами фасетки являются следами использования. Хотя в отличие от ситуационных и недолговременных кресальных кремней здесь имеется очевидная последовательность образования следов использования. Начальный этап использования кремня характеризуется наиболее крупными фасетками (рис. 1, 1, 2). То, что они равномерно располагаются по всей длине краев предмета, наводит на мысль о предварительной обработке. Ее смысл может заключаться в стабилизации хрупкой кромки предмета и в оформлении

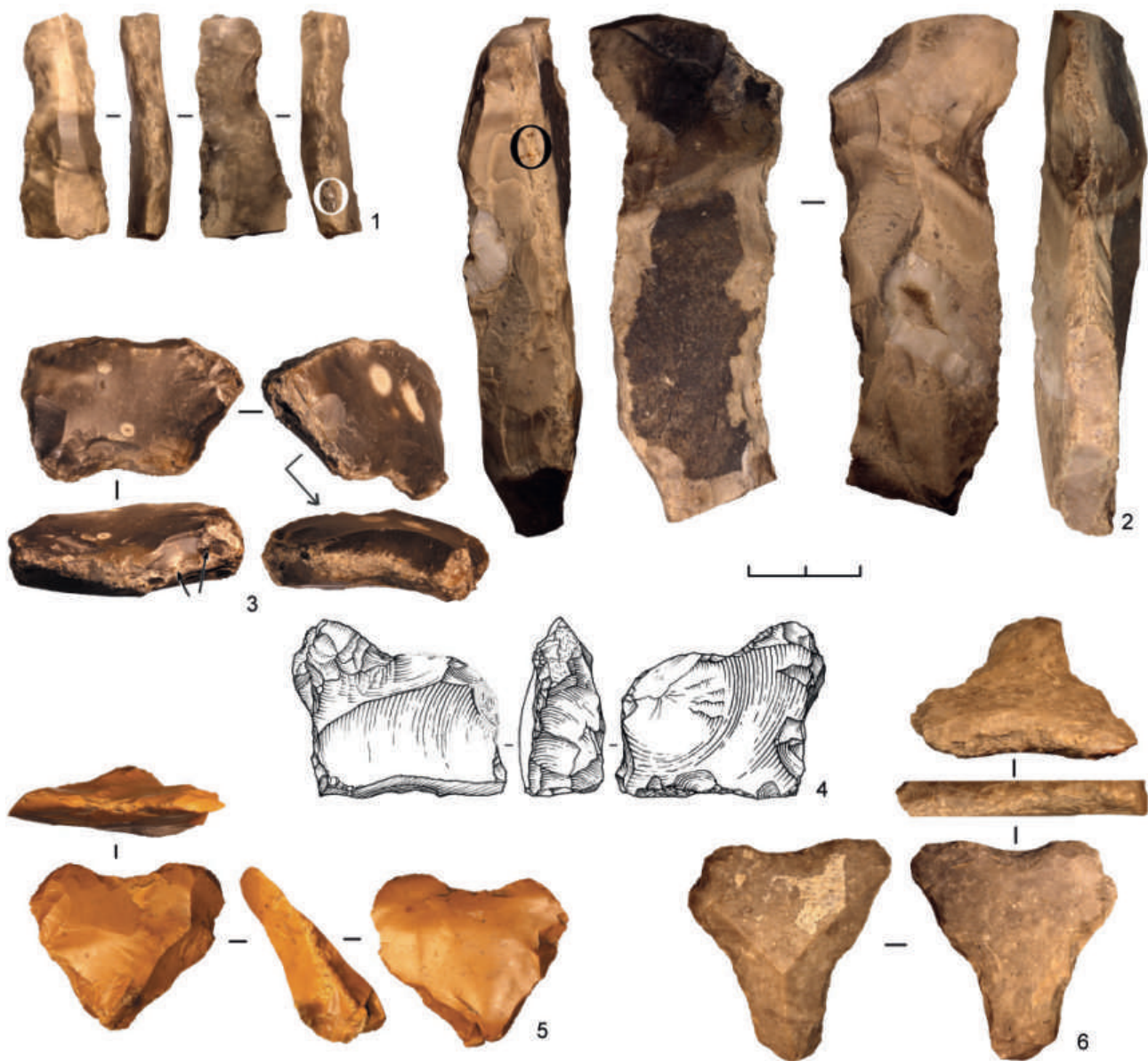

Рис. 1. Кресальные кремни из Старой Руссы, раскоп Курортный III, 2013 г.: 1, 2 — пластинчатые (овалами отмечены прикипевшие к поверхности зерна черного металла); 3, 4 — выемчатые (стрелками показаны конусы Герца); 5, 6 — выемчатые подтреугольные

Fig. 1. Firestriking stones from Staraya Russa, Kurortny III excavation, 2013: 1, 2 — planar flint (the ovals mark the grains of ferrous metal stuck to the surface); 3, 4 — notched (Hertz cones are indicated with arrows); 5, 6 — notched subtriangular flint

аккомодационной части — иными словами, чтобы его удобно было держать в руке и не порезаться. Следует отметить, что по мере использования кремня фасетки становятся все мельче, «вгрызаясь» в толщину заготовки, превращаясь в сплошную полосу забитости. В итоге кромка становится все более широкой и прямой в профиле, постепенно сглаживаясь. На финальной стадии

она имеет вид, схожий с абразивной поверхностью. Этот эффект отмечался М. Ш. Галимовой при долговременном использовании кресальных и оружейных кремней (Галимова, 2016. С. 263). Сглаживание и скругление кромки приводит к соскальзыванию кресала, использование прямого края дает много «осечек». Справиться с этой проблемой позволяют выемки на краю лезвия.

Они образуются либо на изначально слегка вогнутом участке края (рис. 1, 1, 2), либо от слишком сильного удара (как на рис. 1, 3) и по мере использования кремня углубляются и расширяются. В глубине выемок также происходит затупливание кромки, но здесь это не приводит к соскальзыванию кресала, и такие кремни служат значительно дольше. Однако следует отметить, что эти выемки вряд ли изготавливались преднамеренно.

Выемчатые кресальные кремни изготавливались на толстых отщепах подходящих параметров, которые выбирали из общей массы, иногда подправляли ретушью. Формы их разнообразны, основной общий признак — одна, чаще несколько выемок на рабочем краю. Вернее сказать, что в отличие от пластинчатых кремней с локальными выемками на краю у выемчатых кремней на отщепах сам край чаще всего плавно вогнутый, как у скобелей (рис. 1, 3, 4). Выемки были основными рабочими частями кремней, но использовались и выступающие участки. Среди этой группы нередко встречаются предметы, напоминающие фигурные кремни (Галимова, 2016. Рис. 6, 3, 4). Возможно, такие формы создавались преднамеренно и были особенно привлекательны для их владельцев. Одним из устойчивых вариантов форм выемчатых кремней является подтреугольная с вогнутыми краями (рис. 1, 5, 6), иногда сердцевидная (рис. 1, 5). Наличие нескольких рабочих зон существенно удлиняло срок службы кремня. Причем в данном случае мы можем отметить предварительное ретуширование кремня — все края обработаны односторонней равномерной ретушью (рис. 1, 6), видимо, для того чтобы кремень было удобно держать в руке. Кремень сердцевидной формы гораздо тоньше и был утрачен на начальной стадии использования — его выемчатая кромка лишь немного ретуширована, на выступе небольшой участок забитости.

Последовательность деформации орудия вследствие износа

Начальная стадия использования кресального кремня, вне зависимости от того, был ли он предварительно отретуширован или нет, характеризуется утоньшением рабочего края односторонней или двусторонней оббивкой (почти так, как если бы это было преднамеренное оформление орудия), но неравномерной. Фасетки имеют разные формы и размеры (в зависимости от силы и угла нанесения удара). Кромка приобретает извилистость в плане, которая несколько усиливается на следующей стадии

деформации, когда по мере «вгрызания» в толщу кремня ретушь становится занозистой, ступенчатой, многоярусной. Возникают разрывы и выломы, иногда наблюдаются конусы Герца (рис. 1, 3). На следующем этапе кромка расширяется и относительно выравнивается, она вся забита и приобретает вид, будто ее обработали абразивом. Размер фасеток на прилегающих к ней поверхностях уменьшается, рабочее лезвие утолщается. Таким образом, по мере использования кремня выемчатого типа его форма заметно меняется за счет углубления и расширения выемок. Хотя, как уже отмечалось, его выпуклые части также интенсивно использовались. Из общих признаков, характерных для всех стадий износа кремня, можно отметить прилипание зерен железа к лезвию (рис. 1, 1, 2) и прилегающим поверхностям, следы «отскоков» кресала в виде точек на поверхности кремня около края (рис. 1, 3), линейные следы в виде прерывистых царапин, идущие под небольшим углом к краю орудия, справедливо определенные М. Ш. Галимовой как специфический признак ручных бытовых кресальных кремней (Галимова и др., 2014. С. 264).

Кресальные и оружейные кремни более поздних эпох

Описанные закономерности характерны и для более поздних материалов. В июле–сентябре 2011 г. Отделом охранной археологии ИИМК РАН были проведены археологические исследования в южной части Петроградского острова Санкт-Петербурга по адресу: ул. Большая Посадская, д. 12. Находки кресальных и оружейных кремней зафиксированы в различных культурных слоях XVIII–XIX вв. Коллекция содержит 28 оружейных кремней и 27 кресальных кремней с описанными выше особенностями и признаками, включая характерную «выкрошенность» и «забитость» (рис. 2; 3). Что касается морфологии кресальных кремней, то на данном участке преобладают преимущественно массивные формы, а также оформленные на сколах без специальной подготовки. Однако имеется и несколько экземпляров, изготовленных на отщепах (рис. 2, 2, 3). Наибольший интерес представляют оружейные кремни, ретушированные в качестве кресальных (рис. 3, 1, 2).

Выводы

Таким образом, мы видим, что, несмотря на внешнюю невыразительность ручных бытовых кресальных кремней, они в большинстве случаев

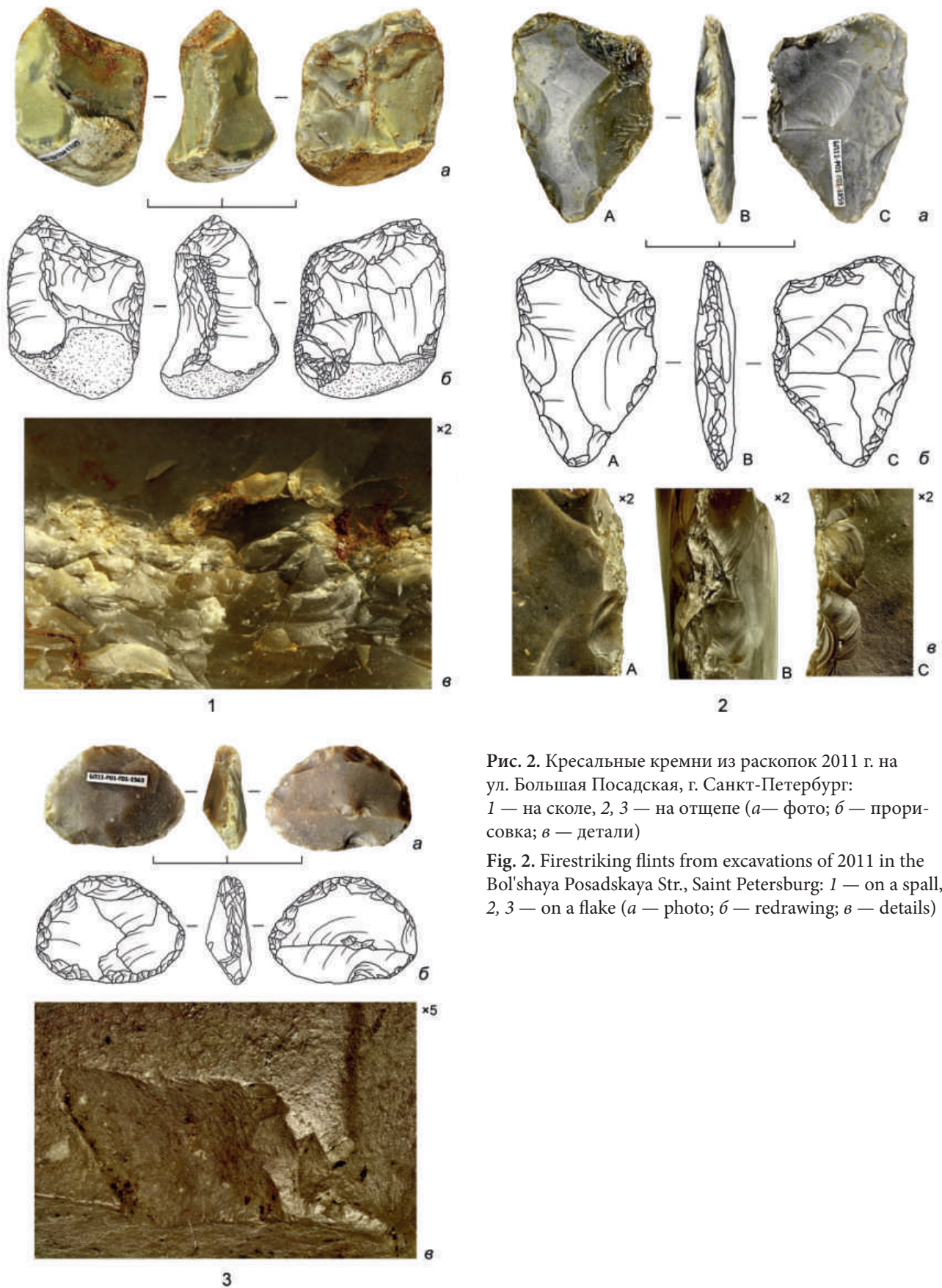

Рис. 2. Кресальные кремни из раскопок 2011 г. на ул. Большая Посадская, г. Санкт-Петербург: 1 — на сколе, 2, 3 — на отщепе (а — фото; б — прорисовка; в — детали)

Fig. 2. Firestriking flints from excavations of 2011 in the Bol'shaya Posadskaya Str., Saint Petersburg: 1 — on a spall, 2, 3 — on a flake (a — photo; б — redrawing; в — details)

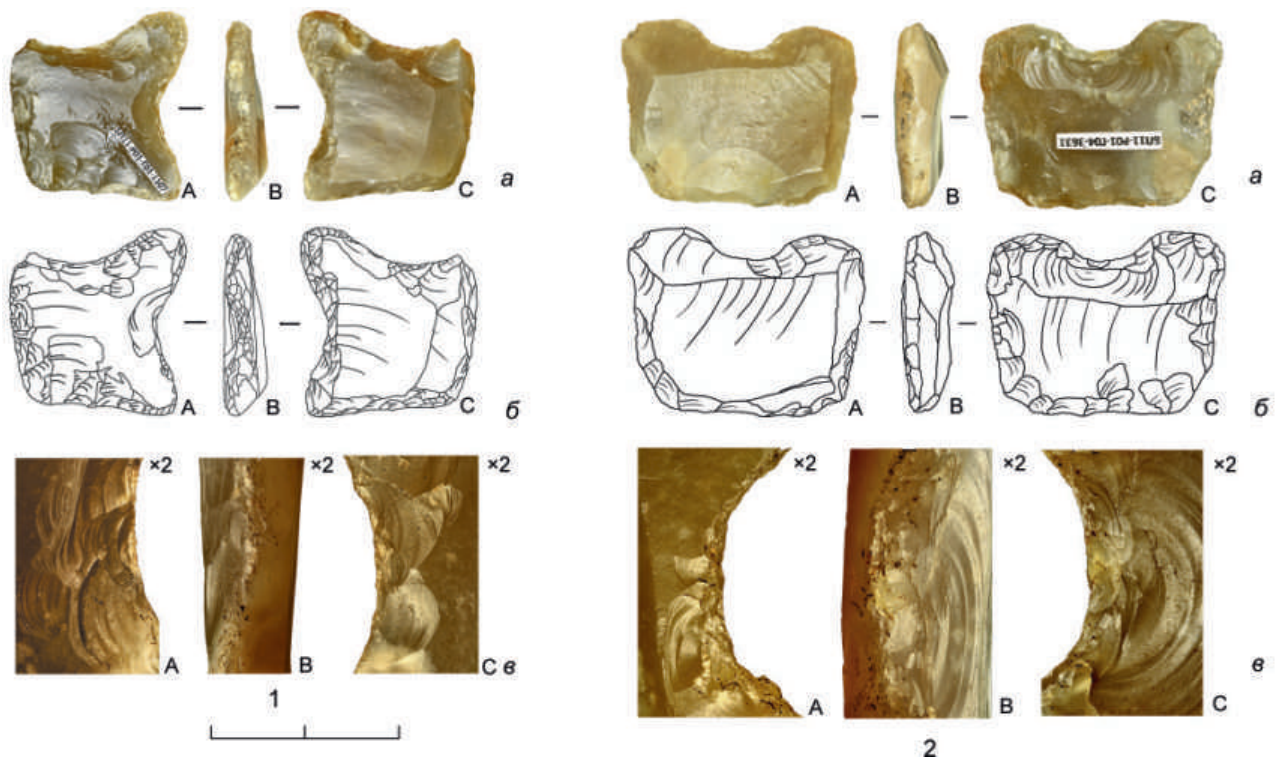

Рис. 3. Оружейные кремни (1, 2), реутилизированные в качестве кресальных кремней из раскопок 2011 г. на ул. Большая Посадская, г. Санкт-Петербург (а— фото; б — прорисовка; в — детали)

Fig. 3. Gunflints, reused as firestrickers from excavations of 2011 in the Bol'shaya Posadskaya Str., Saint Petersburg (a — photo; б — redrawing; в — details)

вполне отличимы от кусков породы со следами природных или антропогенных деформаций. У них выделяются специфические трасологические признаки и определяется последовательность их формирования, позволяющие вполне уверенно определить эту субкатегорию артефактов и стадию их утилитарного износа. Кроме того, хотя формы большинства таких кремней являются результатом их использования, некоторые типы создавались вполне преднамеренно. В то же время существует определенное различие между оружейными и бытовыми ручными кресальными кремнями. Несмотря на то что и оружейные, и кресальные кремни имеют единое предназначение — снятие горячей (горящей) стружки с поверхности металлических предметов, способы их срабатывания разные, поскольку они представляют собой результат различных технологических процессов с различными морфономиями.

Минимальными требованиями к форме рабочего участка обеих субкатегорий орудий является наличие режущего края — ребра определенной протяженности. При этом если у оружейных

кремней угол заострения края рабочего участка должен быть острым, то у кресальных кремней он может иметь практически любую величину — от острого до тупого (вплоть до 120 и более градусов). Вследствие этого формы кресальных кремней гораздо более вариабельны. Любые оружейные кремни могут быть использованы в качестве кресальных. Большинство кресальных кремней, напротив, вставить в ружейный замок невозможно. На уплощенных, немассивных кресальных кремнях в результате использования формируется выемка. На рабочих краях оружейных кремней, имеющих такую же форму, это исключено.

От всего сердца благодарим сотрудников Старорусской археологической экспедиции Центра археологических исследований Гуманитарного института Новгородского государственного университета и прежде всего Елену Владимировну Торопову, Кирилла Глебовича Самойлова, Сергея Евгеньевича Торопова за предоставленную возможность работы с коллекциями кремневых находок Старой Руссы, неизменную поддержку и дружескую помощь в исследованиях.

- Галимова и др., 2014 — Галимова М. Ш., Ситдииков А. Г., Хабаров В. В. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трассологическое исследование // Поволжская Археология. Казань: «Фэн» АН РТ, 2014. № 3 (9). С. 256–277.
- Гиря, 2012 — Гиря Е. Ю. Каменные индустрии кремнеобрабатывающих мастерских в селении Цуликана Акушинского района // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: Материалы междунар. науч. конф. (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.). Махачкала, 2012. С. 40–43.
- Желтова и др., 2017 — Желтова М. Н., Тарабардина О. А., Тянина Е. А., Мусин А. Е. Каменные артефакты эпохи неолита и раннего железного века из культурного слоя средневекового Новгорода: характер вторичной депозиции и особенности использования // Древний человек и камень: технология, форма, функция: Сб. докл. конф. / Отв. ред. С. А. Васильев, В. Е. Щелинский. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017 (Archaeologica Petropolitana). С. 236–241.
- Коробкова, Щелинский, 1996 — Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. Ч. 1. 80 с.
- Лапшин, 2009 — Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.) СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXX). 534 с.
- Лисицын, Соболев, 2016 — Лисицын С. Н., Соболев В. Ю. Население эпох камня и палеометалла на севере Псковской области // Записки ИИМК РАН. 2016. № 13. С. 56–67.
- Поплевко, 2009 — Поплевко Г. Н. Итоги трассологического исследования коллекции кремневых и каменных орудий из раскопа Тверской кремль-11 // Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXX). С. 300–308.
- Сериков, 2003 — Сериков Ю. Б. К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трассологическая школа и изучение древних культур Евразии: в честь юбилея Г. Ф. Коробковой: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 254–263.
- Суханов, Хабурзания, 2000 — Суханов И. П., Хабурзания М. В. Кремень как средство воспламенения порохового заряда // Ружье. 2000. № 4. С. 61–63.
- Collina-Girard, 1998 — Collina-Girard J. Le feu avant les allumettes. Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1998. 151 p.
- Hahn, 1993 — Hahn J. Erkennen und Bestimmen von Stein- und Knochenartefakten. Tübingen: Institut für Urgeschichte der Universität Tübingen; Verlag Archaeologica Venatoria, 1993. 398 S.

Morphological features of domestic flint firestrickers

M. N. Zheltova, E. Yu. Girya, D. N. Fyodorova³

Finds of flint objects are frequent in urban cultural layers of the Middle Ages and Modern Period. These finds can include fragments of raw flint, objects from sites of the Stone Age collected by the residents, firestrickers and gunflints. The flint firestrickers often are difficultly distinguished from simple broken pieces of flinty debris. The researchers face a problem of recognizing the firestrickers from the general mass of flint finds, identifying traces of wear specific of this category of objects and defining particular patterns of their use wear. Generally, the firestriking flint stones are subdivided into three unequal groups: 1) Ad hoc flint stones and stones of short use-life with their morphology unchanged during their employment; 2) Flint stones used for a relatively long period; their morphology results from their use wear; 3) Specially dressed flint lithics with several types distinguishable.

In the course of studies of collections of flint finds comprising over 500 objects (Table 1) from excavations at Staraya Russa in 2011–2017, the author has defined the criteria for distinguishing firestrickers from fragments of flint with traces of deformation effected by natural or anthropogenic processes. On the basis of the results of tracewear studies, the sequence of the formation of use traces on firestriking stones was described as well as its influence upon the morphology of the objects. In addition, the two main types of intentionally produced firestriking flint tools are described, viz. plates (elongated, with parallel or nearly parallel edges, on flakes or on flake spalls) with straight or partially straight working edges (Fig. 1, 1, 2) and notched tools (on flakes and spalls, Fig. 1, 3, 4). One of the common variants of the notched flint stones is the nearly triangular one with incurved edges (Fig. 1, 6) and, occasionally, a cordiform type (Fig. 1, 5). The use of several working platforms extended essentially the time of exploitation of the flint tool.

³ Mariya Zheltova, Evgenij Girya, Dar'ya Fyodorova — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mpraslova@mail.ru, kostionki@narod.ru, dariafedorova@list.ru.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Новые решения старой проблемы

Рецензия на книгу: Человек и мамонт в палеолите Европы.

Часть II. Днепро-Донская историко-культурная область:

Памяти Михаила Васильевича Аниковича (1947–2012).

СПб.: Ars Longa, 2019 (ТКБАЭ; Вып. 8/II). ISBN 978-5-6041742-9-6. 384 с.: 104 ил.

Ключевые слова: Восточная Европа, верхний палеолит, мамонт, ископаемый человек, симбиоз.

Keywords: Eastern Europe, Upper Paleolithic, mammoth, fossil man, symbiosis.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-193-198

Недавно вышедшая из печати коллективная монография, посвященная памяти М. В. Аниковича — выдающегося отечественного ученого-палеолитоведа и талантливого писателя, затрагивает целый ряд актуальных проблем мировой науки о палеолите. Часть I представляет собой публикацию последней крупной обобщающей работы Михаила Васильевича «Днепро-Донская историко-культурная область: Виллендорфско-павловско-костёнковское культурное единство» (главы 1–8). Здесь впервые в практике отечественных публикаций по палеолиту дан краткий, но очень информативный, четкий анализ группы палеолитических памятников, образующих указанное культурное единство. Стоит подчеркнуть, что этот важный материал разобран, действительно, всесторонне, с учетом всего комплекса новейших данных и разработок.

Часть II также содержит разделы, принадлежащие М. В. Аниковичу, — главы 10 («Второй этап функционирования Днепро-Донской ИКО: основные проблемы») и 13 («Человек и мамонт в центре Русской равнины. Охота? Собирачество? Или...»). Особенный интерес представляет глава 13. Здесь впервые в монографическом формате представлены анализ и оценка автором различных подходов к указанной проблеме вместе с формулировкой принципиально новой концепции, предложенной им самим. Хотя сама глава является, собственно, посмертной републикацией материалов из разных журналов и сборников,

очень важно, что в книге она идет в связке с последующей главой 14, написанной Н. И. Платоновой («Симбиоз человека и мамонта в верхнем палеолите: модель М. В. Аниковича и ее развитие»). В ней представлен обзор новейших публикаций по проблеме, вышедших уже после смерти ученого, и дана оценка перспектив дальнейшего развития идеи М. В. Аниковича.

Помимо этого, часть II включает целый ряд глав, написанных коллегами и сотрудниками ученого и посвященных различным проблемам верхнего палеолита Костёнковско-Борщёвского района. В их ряду следует выделить главу 11, содержащую посмертную публикацию труда В. В. Попова, многолетнего директора Музея-заповедника «Костёнки» («Позднепалеолитические жилища: проблемы реконструкции»). Здесь в сжатом виде, но вполне исчерпывающе представлены результаты исследований по проблеме, которой ученый занимался всю жизнь. С этим разделом тематически связана следующая глава 12, авторами которой являются А. Е. Дудин и И. В. Федюнин («Третий костно-земляной комплекс стоянки Костёнки 11/1а»). Она содержит публикацию новейших данных, связанных с открытием в Костёнках еще одного жилища аносовско-мезинского типа и исследованием его с применением самых современных раскопочных и естественнонаучных методик. Большого внимания заслуживает также глава 9, содержащая обширное исследование С. Н. Лисицына «Культурная дифференциация и периодизация

граветта Костёнковско-Борщёвского района на Дону». Результаты всех этих работ представляют большой интерес для современной науки о палеолите.

В настоящей рецензии я позволю себе особо сосредоточиться на том круге вопросов, который составлял главный предмет исследований М. В. Аниковича, нашедших отражение в монографии, — Днепро-Донской историко-культурной области (ИКО) и проблеме взаимоотношений человека и мамонта на ее территории.

Выделение М. В. Аниковичем Днепро-Донской ИКО (первоначально названной им *ИКО охотников на мамонтов*) стало, в свое время, результатом обобщения материалов, отражавших уникальное явление в мировом палеолите — обширную группу верхнепалеолитических стоянок с огромным количеством костей мамонта в культурных слоях. Последнее указывало на характер адаптационной стратегии, основанной на эксплуатации мамонтовых ресурсов.

Проблема наличия этого своеобразного хозяйственно-культурного единства, обоснование его границ, характеристик и внутренних связей и ныне сохраняет большую актуальность в палеолитоведении. При выделении данной ИКО ученый специально отмечал, что памятники объединяет не только и не столько общность генетических корней каменных индустрий, но, в первую очередь, «единство сложившегося на данной территории хозяйственно-культурного типа, те сходные явления человеческой деятельности, которые лишь частично проявляются в технико-типологических показателях. Они находили отражение в составе охотничьей добычи (кости мамонта составляют на раскопанных стоянках от 65 до 90 и более процентов остеологического материала), в структурной организации стоянок и жилых объектов (костно-земляная структура), в признаках, свидетельствующих о продолжительности их существования и т. д.» (с. 262).

Начальный этап сложения Днепро-Донской ИКО, соответствующий средней поре верхнего палеолита, получил в литературе название *виллендорфско-навлоско-костёнковское культурное единство*. Зародившись в Центральной Европе (Моравии), оно в дальнейшем распространилось на просторы Восточной Европы, вплоть до бассейна р. Ока на севере, среднего Подонья на востоке и среднего Поднепровья на юге. На территории Русской равнины его функционирование

продолжалось несколько тысячелетий (24 000 – 21 000 лет назад) и представлено группой стоянок с прекрасно сохранившимися культурными слоями, четкой стратиграфией, надежными абсолютными датами и выразительными жилыми комплексами. Коллекции каменных и костяных изделий на редкость богаты, разнообразны и включают предметы палеолитического искусства.

В целом для виллендорфско-костёнковских стоянок характерно устойчивое сочетание целого ряда признаков — определенных форм каменных орудий, включая наконечники с боковой выемкой; многоочажных жилищ, сооруженных с использованием костей и бивней мамонта; присутствие предметов искусства, в том числе скульптуры малых форм. Ни в какой другой группе памятников средней поры верхнего палеолита на территории Европы (27 000 – 21 000 лет назад) подобное сочетание не обнаруживается. Обломки костей мамонта в культурном слое там зачастую малочисленны или даже случайны.

Позднее на территории междуречья Днепра и Дона сформировалась новая культурная общность. Она соответствует второму этапу существования Днепро-Донской ИКО и представлена развитыми каменными индустриями, не похожими на костёнковско-виллендорфские. Заметно отличались и постройки, выделенные А. Н. Рогачевым в особый аносовско-мезинский тип и описанные им как «округлые в плане наземные костно-земляные жилища», для строительства которых широко использовались кости и бивни мамонтов. Данная общность функционировала с начала валдайского (вюрмского) климатического минимума (20 000 – 14 000 лет назад). При этом на севере ареала, возможно, продолжало обитать население, оставившее наиболее поздние памятники виллендорфско-костёнковской культуры.

Для верхнего палеолита, как Европы, так и всего мира, описанные культурные единства в рамках Днепро-Донской ИКО представляют совершенно уникальное явление. За пределами их территорий памятники с преобладанием костей мамонта в фаунистическом комплексе (и тем более — с жилищами из мамонтовых костей) отсутствуют полностью. На всем европейском континенте, где выявлены многие сотни стоянок хорошей сохранности, образцово раскопанных, так и не удалось обнаружить ничего похожего. Исключением является часть территории Австрии и Чехии, где расположены наиболее ранние стоянки

виллендорфской и павловской культур. Отметим, что в Сибири и Северной Америке также не найдены памятники с большим количеством костей мамонта или структурами из его костей — несмотря на целенаправленный поиск и доказанное присутствие там «кладбищ мамонтов», разрабатывавшихся человеком.

В данном контексте достаточно неожиданным выглядит тот факт, что сходное явление — формирование групп стоянок с обилием костей мамонта — реально наблюдалось на территории Восточной Европы в среднепалеолитическую эпоху. Эти стоянки функционировали на ограниченном пространстве Пруто-Днестровского междуречья и в горном Крыму. Каменные индустрии прудо-днестровских стоянок соответствуют совершенно определенным локальным вариантам микока и леваллуа-мустье, существовавшим в течение всего раннего вюрма (валдая). Для обоих этих вариантов отмечено широкое применение леваллуазской техники. В Крыму комплексы с большим количеством костей мамонта также относятся к микоку, конкретно — к аккайской культуре (Колосов, 1986).

Безусловно, на стоянках Днепро-Донской ИКО мамонт играл неизмеримо более важную роль и в хозяйстве, и в культуре палеолитического населения, чем в перечисленных сообществах неандертальцев. Если основываться на материалах мустьерских стоянок Приднестровья, там были востребованы лишь отборные кости и бивни мамонта. При этом зафиксированы остатки структур (сезонных жилищ) из этих материалов.

В Крыму, в отличие от Пруто-Днестровского междуречья, следов среднепалеолитических жилищ пока не выявлено, что, возможно, объясняется недостатком имеющихся данных. В фаунистическом комплексе крымских памятников, исключая разве что грот Чокурча, кости мамонта, хотя и многочисленны, но не преобладают. Там неизменно присутствуют остатки других видов животных, которые, скорее всего, и являлись основой питания человека. Скопления мамонтовых остатков явно имели там другое назначение, пока не выясненное достоверно. В частности, они могли использоваться в качестве топлива.

Приведенные данные о памятниках с большим количеством костей мамонта в среднем палеолите призваны продемонстрировать, что подобное явление могло возникать в *разные периоды* позднего плейстоцена, в *разных ландшафтных зонах*,

в рамках определенных, территориально ограниченных культурных (индустриальных) единств. Оно вовсе необязательно было связано с долинами крупных рек, кстати, совершенно отсутствующих в Крыму. В этой связи мне уже приходилось высказывать точку зрения, что обилие костей мамонта в комплексах микока и леваллуа-мустье объясняется не чем иным, как *культурным выбором* носителей указанных традиций.

Отметим, что комплексы такого рода не имеют несомненной связи и с перигляциальными условиями. Так, во время существования основного слоя 2 стоянки Кетросы в долине р. Днестр произрастали хвойные леса с примесью широколиственных пород (Анисюткин, 2013). В период образования слоя 4 стоянки Молодова 1 отмечалось заметное похолодание (Молодова 1, 1982), но и тогда природные условия не были столь суровыми, как в Костёнковско-Борщёвском районе в конце средней поры верхнего палеолита. Зато общим для мустьерских стоянок Крыма и Приднестровья можно считать наличие в ближайших окрестностях памятников сильно пересеченного рельефа с крутыми склонами. Те же условия были характерны и для Костёнок.

Пересеченный рельеф благоприятствовал загонной охоте на крупных животных, которая, впрочем, вряд ли приводила к массовой гибели мамонтов. Скорее всего, таким путем охотились на единичных особей, а остальные кости добывались сборами. По-видимому, ценились лишь достаточно свежие кости. В этом плане показателен пример крымского грота Чокурча. Здесь огромное количество костей мамонта оказалось затасано вглубь грота, подальше от солнечных лучей, способствовавших их высыханию. То, что данное скопление не являлось жилищем, вполне убедительно показал В. Я. Сергин в интересной аналитической статье (Сергин, 2005).

Усматривать какую-либо преемственность между мустье и верхним палеолитом по данному признаку невозможно, ввиду отсутствия данных. Хотя, согласно гипотезе М. В. Аниковича, древнейшая в Восточной Европе верхнепалеолитическая стрелецкая культура была сформирована на основе крымского микока (Аникович, 2004; 2013), и функционировала она в зоне обитания мамонта, скопления мамонтовых остатков на ее стоянках довольно редки. На многочисленных памятниках верхнего палеолита междуречья Днестра и Прута, связанных с ареалом микока и

леваллуа-мустье, находки костей мамонта также малочисленны — хотя природные условия тут мало изменились.

Обилие костей мамонта на палеолитических стоянках, входивших в Днепро-Донскую ИКО, закономерно ставит перед исследователями вопрос: как палеолитический человек мог добыть такое количество мамонтов и реально ли это вообще? Ведь на этих стоянках обнаружены кости многих десятков особей! Убить такое количество мамонтов не просто, даже при наличии совершенного оружия.

Проблема охоты на мамонта в палеолите интересовала ученых давно. В конце XIX — начале XX в., из-за недостатка данных и в соответствии с общими представлениями о примитивности человека палеолитической эпохи, эта проблема решалась просто — считалось, что люди вообще не охотились на крупных животных. Они способны были добывать лишь больных, ослабевших особей или использовали трупы околелвших мамонтов, поедая частично разложившееся мясо. Тогда и появилась идея, что источниками пищи и строительных материалов (костей и бивней) служили для человека так называемые «кладбища мамонтов» (к числу которых некоторые исследователи относили и сами стоянки с обилием мамонтовых остатков в культурном слое).

Позднее, в результате новых открытий и общего прогресса научных знаний, показавших достаточно высокий уровень развития культуры человека в палеолите, эта идея была оставлена. Выяснились новые факты, позволившие считать палеолитического человека охотником, а не падальщиком. Но обилие в Восточной Европе стоянок с огромным количеством костей мамонта все же способствовало живучести гипотезы об «утилизации» палеолитическим человеком замороженных трупов зверей с «мамонтовых кладбищ». Правда, строго научных фактов в поддержку данной гипотезы не было, а аргументы, привлекаемые в качестве доказательств, часто являлись небезупречными. Большинство археологов-практиков отнеслись к этой идее сдержанно. Но, как бывает всегда в таких случаях, особое усердие, напор и изобретательность проявили дилетанты и некоторые специалисты-смежники, толком не знающие археологии. В результате проблема живет в литературе до сего дня. С этой точки зрения выход в свет настоящего издания является весьма своевременным.

Важно отметить, что все известные ныне «кладбища мамонтов» датируются самым концом верхнего плейстоцена. Они крайне редки на гигантской территории Евразии и, несомненно, все до единого существенно моложе 20 000 лет назад. Между тем среднепалеолитические стоянки с обилием мамонтовых остатков существовали в Восточной Европе уже около 100 000 лет назад. Значительная часть верхнепалеолитических стоянок Днепро-Донской ИКО также намного старше «мамонтовых кладбищ». Для ранней поры верхнего палеолита эти «кладбища» вообще неизвестны, хотя мамонты тогда успешно плодились. Единичные объекты появляются лишь в финале последнего оледенения — то есть в то время, когда в связи с потеплением климата участились экологические катастрофы, связанные с паводками, селями, береговыми обвалами и т. п.

В такой ситуации стоит прислушаться к мнению специалистов. Как отмечал крупнейший мамонтовед, известный зоолог А. Н. Тихонов: «Очень вероятно, что могли хорошо сохраниться... трупы животных, погибших в результате селя, внезапного оползня, обвала берегового обрыва. Как считают некоторые исследователи, мамонты, утонувшие при наводнениях или паводках, а также нашедшие себе могилу в вязком грунте, в отдельных случаях могли быстро перекрываться осадками и замерзнуть. Последнее предположение кажется менее убедительным, так как трудно исключить губительное воздействие на трупы воды. Как бы там ни было, все указанные случаи гибели мамонтов не могут считаться массовыми...» (Тихонов, 2005. С. 38).

Современная наука располагает убедительными доказательствами, что люди верхнего палеолита были умелыми и весьма успешными охотниками (Аникович и др., 2011). Добывали они и мамонтов. Загонная охота вполне могла иметь здесь место, но преувеличивать ее роли не стоит. Как показывают пока немногочисленные данные по среднему палеолиту, ни одного примера тотального уничтожения стад мамонтов не существует. Неизвестны подобные объекты и в верхнем палеолите. Более вероятно, что во все эпохи добывались лишь единичные особи. Так, например, рядом с гротом Старые Дуруиторы в Молдавии непосредственно под многометровым скальным обрывом найдены скелеты двух или трех мамонтов. Здесь же обнаружены единичные кремневые орудия среднепалеолитического облика,

аналогичные изделия из нижних слоев (Обадэ, 2014; Анисюткин и др., 2017). Это местонахождение изучено, к сожалению, лишь предварительно. Дополнительно можно указать на находки крупных трубчатых костей мамонта на очень крутом правом склоне Кишлянского яра, непосредственно напротив стоянки Кетросы (Анисюткин, 2013). Кости лежали в нижней части склона. Они были предварительно расчищены, а затем вновь консервированы. С костями не было кремневых артефактов, но несколько ниже, уже на поверхности, обнаружен отщеп мустьерского облика. Несмотря на то, что эти пункты не изучены должным образом, они дают очень интересный материал для размышлений.

Можно полагать, что мамонты, учитывая их размеры, испытывали сложности во время быстрого передвижения по крутым склонам. Установлено, что известный «берёзовский мамонт» имел прижизненные переломы костей таза и плеча (Тихонов, 2005. С. 24). Не исключено, что естественно травмированные мамонты могли становиться легкой добычей людей. Для этого необходимо было элементарно напугать гигантов.

В рецензируемой книге характер взаимоотношений человека и мамонта в верхнем палеолите проанализирован глубоко и всесторонне. М. В. Аникович и Н. И. Платонова категорически отвергают концепцию «собираательства и трупоедства», признавая ее «...абсолютно несостоятельной, как с позиции теории культуры, так и, в особенности, с фактологической точки зрения» (с. 250). Такое их заключение я полностью разделяю.

Взамен двух устаревших концепций, не выдержавших проверки фактами, — чисто «охотничьей» и чисто «собираательской» — М. В. Аникович выдвинул новый, взвешенный подход, названный им *концепцией симбиоза человека и мамонта*. Согласно этим представлениям, на территории Днепро-Донской ИКО (и только на ней!) человек средней поры верхнего палеолита сумел выработать принципиально новую адаптационную стратегию, позволившую ему сделать промысел хоботных регулярным, а значит, и основой жизнеобеспечения коллективов. Именно регулярностью промысла может объясняться наличие стоянок с большим количеством костей мамонта в указанных выше географических пределах и отсутствие их на остальной территории Евразии. Но достичь этого человек мог, только максимально обезопасив себя и своих сородичей

от негативных последствий борьбы с таким опасным животным, как мамонт. В противном случае немногочисленное палеолитическое население Русской равнины попросту сошло бы на нет.

По мнению М. В. Аниковича, охота на мамонтов как таковая имела ограниченное значение и велась спорадически. На территориях вне Днепро-Донской ИКО — в Сибири, Приуралье и других регионах — такая охота являлась делом случая либо актом особой доблести. Что же касается обитателей стоянок, входивших в Днепро-Донскую ИКО, то их основное пропитание добывалось не охотой, а путем «полуприручения» мамонтов. Под этим подразумевается не что иное, как установление тесного контакта между сообществами людей и животных. Палеолитический охотник прекрасно знал все привычки, особенности и, главное, слабости зверя, победить которого в бою было и трудно, и чревато последствиями. Он учился управлять его поведением с помощью различных приемов и приманок. Это позволяло людям при необходимости отделять нужную особь от семейной группы и умерщвлять ее без лишнего шума (возможно, используя усыпляющие средства, хорошо известные в этнографии) — так, чтобы не вызвать подозрений у остальных животных.

Предложенная концепция весьма интересна и оригинальна. К сожалению, М. В. Аникович успел изложить ее лишь в самых общих чертах. Однако теперь можно надеяться, что эта плодотворная идея будет реализована на конкретных материалах. Процесс уже начался. В последние годы в разработку гипотезы внес очень весомый вклад В. Я. Сергин, обратившийся в этой связи к палеоботаническим, этнографическим и геоморфологическим данным (Сергин, 2014; 2018). Всем интересующимся этим вопросом я могу лишь посоветовать прочитать главу 14 рецензируемой книги.

Помимо двух первых частей монографии, посвященных описанию и анализу материалов верхнего палеолита, немалый интерес представляет часть III — «Ad Memoriam». Она содержит воспоминания М. В. Аниковича о его первом учителе археологии В. И. Матющенко, а также «Дополнения к списку научных и литературных трудов» ученого, составленные Н. И. Платоновой. Но особого внимания заслуживает дискуссия М. В. Аниковича с его американским коллегой и другом — профессором Дж. Ф. Хоффекером. Опубликованное здесь письмо М. В. Аниковича, написанное в 2011 г., представляет собой почти

готовую рецензию на только что вышедший в ту пору труд Дж. Ф. Хоффекера. В нем затронут целый ряд животрепещущих вопросов современной науки. В тексте дан глубокий анализ проблем типологии стоянок ранней поры верхнего палеолита в Восточной Европе, различия однофункциональности и однокультурности стоянок и т. д. Весьма интересны изложенные там идеи М. В. Аниковича о соотношении понятий археологической культуры и технокомплекса. В целом этот раздел, в котором приведена переписка двух крупнейших ученых, будет полезен очень широкому кругу специалистов, в первую очередь — молодых.

В заключение мне хотелось бы особо отметить роль Н. И. Платоновой — редактора-составителя

и соавтора — в деле публикации книги. Можно без труда догадаться, что это издание — практически безупречное с технической и полиграфической точки зрения — осуществилось в конечном счете лишь благодаря ее организаторским способностям, неудержимой энергии и вложенному труду. Без сомнения, данная монография, в которой обобщен большой и ценный археологический материал, надолго останется настольной книгой специалистов по палеолиту. Полагаю, ей уготована долгая научная жизнь.

Н. К. Анисюткин
Россия, Санкт-Петербург,
ИИМК РАН, Отдел палеолита

Аникович, 2004 — Аникович М. В. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между мустьем и верхним палеолитом // *Stratum plus*. 2001–2002. Кишинев: ВАШ, 2002. № 1: В начале был камень. С. 266–290.

Аникович, 2013 — Аникович М. В. Еще раз о проблеме происхождения верхнего палеолита или «Критика критической критики» // *Stratum plus*. Кишинев: ВАШ, 2013. № 1: Homo armatus и плейстоценовые вымирания. С. 283–312.

Аникович и др., 2011 — Аникович М. В., Платонова Н. И., Анисюткин Н. К. Человек и мамонт в палеолите Европы: подходы и гипотезы. СПб.: Нестор-История, 2011 (Тр. КБАЭ; Вып. 6/1). Вып. 1: Историкография, методология, основные проблемы. 128 с.

Анисюткин, 2013 — Анисюткин Н. К. Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы. СПб.: Нестор-История, 2013 (Тр. КБАЭ; Вып. 7). 172 с.

Анисюткин и др., 2017 — Анисюткин Н. К., Кетрару Н. А., Коваленко С. И. Многослойная палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы и место ее каменных индустрий в раннем и среднем палеолите Европы. СПб.: Нестор-История, 2017. 200 с.

Колосов, 1986 — Колосов Ю. Г. Аккайская мустьерская культура. Киев: Наукова думка, 1986. 224 с.

Молодова 1, 1982 — Молодова 1. Уникальное мустьерское поселение на среднем Днестре / Отв. ред. Г. И. Горецкий, И. К. Иванова. М.: Наука, 1982. 240 с.

Обадэ, 2014 — Обадэ Т. Ф. Свидетельства контакта *Mammuthus intermedius* Jordan 1861 с древними людьми: Дуруитоаре Веке. Республика Молдова // Місцезнаходженне Меджибіж і проблеми вивчення нижнього палеоліту Східноєвропейської рівнини. Меджибіж; Тернопіль; Київ: Терно-граф, 2014. № 1, ч. 2. С. 217–226.

Сергин, 2005 — Сергин В. Я. Культурные отложения мустьерской пещерной стоянки Чокурча // РА. 2005. № 1. С. 7–21.

Сергин, 2014 — Сергин В. Я. Контакт с мамонтами — возможная основа успешного их добывания // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции: Сб. ст. памяти Михаила Васильевича Аниковича / Отв. ред. С. А. Васильев, Е. С. Ткач. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 228–234.

Сергин, 2018 — Сергин В. Я. Мамонтов доставляли сели и пльвунные потоки? // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 104–115.

Тихонов, 2005 — Тихонов А. Н. Мамонт. М.; СПб.: ЗИН; Товарищество научных изданий КМК, 2005 (Разнообразии животных; Вып. 3). 90 с.

New solutions for an old problem

Reviews for: **Человек и мамонт в палеолите Европы. Часть II. Днепро-Донская историко-культурная область: Памяти Михаила Васильевича Аниковича (1947–2012).** СПб.: Ars Longa, 2019 (Серия ТКБАЭ; Вып. 8/II). ISBN 978-5-6041742-9-6. 384 с.: 104 ил.

N. K. Anisyutkin¹

¹ Nicolay Anisyutkin — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18, Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186; e-mail: leonid.dictyoptera@gmail.com.

Экспериментально-трассологические исследования костяного инвентаря древних культур Евразии

Рецензия на издание: Каменный век и начало эпохи раннего металла.

Технология изготовления и функции костяных изделий

в древних культурах Евразии: Сб. ст. //

Археология евразийских степей. Казань: Изд-во АН Республики Татарстан, 2017. № 2. 360 с.: ил.

Ключевые слова: экспериментально-трассологический метод, костяные изделия, древние культуры Евразии.

Keywords: traceological method, bone products, ancient cultures of Eurasia.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-199-202

Второй номер журнала «Археология евразийских степей» за 2017 г. был посвящен памяти Г. Ф. Коробковой — яркой представительницы ленинградской-петербургской археологической школы. Галина Федоровна была первой ученицей С. А. Семенова, основоположника трассологического метода исследования функций древних орудий труда. Она не только в совершенстве освоила и применяла эту абсолютно новую для своего времени методику, но и сделала очень многое для ее дальнейшего развития и популяризации в России и за рубежом. Несколько десятилетий она руководила экспериментально-трассологической лабораторией (ЛОИА АН СССР / ныне ИИМК РАН), которая в это время приобрела всемирную известность. Под ее руководством были защищены 23 кандидатские и три докторские диссертации. Научное наследие Галины Федоровны наряду с несколькими монографиями составляют сотни статей, причем многие из них по информативности являются энциклопедическими работами. Особое значение имеет широкое внедрение Г. Ф. Коробковой комплексного метода изучения древних индустрий, включающего технико-морфологические исследования, экспериментально-трассологический анализ с привлечением археологического контекста, а также данных палеозоологии, палеоботаники, почвоведения и этнографии.

Основные принципы изучения археологических материалов из кости, рога и бивня, разработанные С. А. Семеновым, были дополнены Галиной Федоровной и до сих пор являются востребованными, о чем свидетельствует содержание рецензируемого номера «Археологии евразийских степей». Статьи, представленные в нем, охватывают значительный хронологический диапазон от эпохи камня до раннего железного века и территорию от Западной Европы до Западной Сибири.

А. Авербух (Франция) в своей статье демонстрирует результаты изучения техники производства предметов из рога северного оленя мадленского слоя стоянки Пенсеван, одного из самых богатых памятников Парижского бассейна Франции. В ходе анализа отходов производства, заготовок и законченных изделий автору удалось установить способы получения заготовок — посредством сегментации (поперечного расчленения рога) и с помощью экстракции (извлечения продольных фрагментов), что подробно анализируется в работе.

Данные, полученные при изучении коллекции предметов из культурного слоя 1а стоянки Костёнки 11, представлены в статье Н. Б. Ахметгалеевой и А. Е. Дудина. Проведенный анализ изделий из костей мамонта показал большее разнообразие технологических приемов, применявшихся при

изготовлении предметов искусства, чем при изготовлении промысловых и бытовых орудий.

С. И. Коваленко и Р. В. Кройтор (Республика Молдова) проанализировали виды рукоятей из рога северного оленя, найденных на стоянках верхнего палеолита Подгорь, Косэуць, Рашков 7 и 8 в Среднем Поднестровье (Республика Молдова). Эти изделия, предназначенные для закрепления различных каменных инструментов, отличаются конструктивным разнообразием. Авторы выделили несколько разных типов рукояток: простейших и относительно сложных с возможностью замены лезвия.

В работе С. Бемилли (Франция) описываются способы утилизации длинных костей зубра и северного оленя на материалах раскопок позднепалеолитического местонахождения Ализей во Франции. В ходе исследований была восстановлена полная цепочка операций по фрагментации этих костей, кроме того, были обнаружены каменные инструменты, служившие для их обработки.

Статья В. Борджиа, Ф. Босшин и А. Рончителли (Великобритания, Италия) сконцентрирована на анализе способов обработки предметов из кости и рога оленя, а также костей лошади, зубра, кабана в коллекциях из верхнепалеолитических слоев пещеры Пагличчи в Южной Италии. Отмечена малочисленность инструментов из этого сырья по сравнению с каменными орудиями, что является характерным для большинства средиземноморских стоянок, установлена связь ряда типов орудий с определенными периодами заселения пещеры.

Особенности использования костей мамонта на стоянке Гонцы анализируются в статье Н. Б. Ахметгалеевой, Е. Н. Мащенко и В. Я. Сергина. Авторами отмечается использование костяного материала разного качества, в том числе собранного с мест естественных захоронений животных. Большой интерес вызывают экспериментальные работы с репликами различных орудий из бивня мамонта.

Результатам экспериментальных исследований роговых орудий ударного действия со скошенным лезвием посвящена публикация Ю. Орловской и Г. Осиповича (Польша). В статье представлены классификация, анализ, интерпретация и корреляция макро- и микроследов, образующихся на экспериментальных репликах этих инструментов в результате рубки, отески, долбления, скобления различных материалов, включая дерево, шкуру, мясо, лед, а также вскапывания

почвы. Изучалась эффективность орудий и их пригодность для разных операций. Сопоставление следов работы на экспериментальных изделиях со следами на древних артефактах позволило определить функции последних. Работа представляет большой интерес для дальнейшего изучения роговых орудий ударного действия в каменном веке Евразии.

Н. Пашенчук (Республика Молдова) опубликовал результаты изучения технологии обработки бивня мамонта при изготовлении наконечников стрел, браслетов и кольцеобразных предметов неясного назначения на верхнепалеолитической стоянке Климэуць II, расположенной на Среднем Днестре (Республика Молдова).

В работе Н. Тушабрамишвили и Н. Б. Ахметгалеевой (Грузия) экспериментально-трасологическими методами были определены следы антропогенного воздействия на костных остатках из пещер Ортвале Клде и Бонд. Авторами проанализированы приемы расщепления кости в разных напластованиях этих многослойных памятников ранних этапов верхнего палеолита Западной Грузии.

Костяная индустрия мезолитической стоянки Алибег, расположенной в районе Железных ворот на территории Румынии анализируется в статье А. Боронант и М. Маргарит (Румыния). Основным сырьем для орудий служили рога, кости и клыки благородного оленя и дикого кабана. Остатки дебитаж указывают на обработку сырья на месте. Из рогов оленя делались орудия со скошенным концом разного назначения, а из клыков кабана – скребки для обработки дерева и шкур.

Процесс получения заготовок для орудий из кости и рога в мезолите Волго-Окского междуречья рассмотрен в статье М. Г. Жилина. Отмечено преимущественное использование трубчатых костей, лопаток и рогов лося, выявлено несколько основных способов получения заготовок. Традиции и способы обработки этого сырья сложились в данном регионе, как и на большей части Восточной Европы, уже в раннем мезолите. В дальнейшем они развивались, однако главные особенности костяной индустрии сохранялись.

В другой работе М. Г. Жилина анализируются формы насадов и способы крепления костяных наконечников стрел из раскопок мезолитических памятников лесной зоны Восточной Европы. У большинства находок черешок имеет коническую или пирамидальную форму, значительно реже клиновидную. Отмечено отсутствие корреляции между типом изделия и вариантом

оформления насада. Трасологический анализ, а также экспериментальные исследования позволили автору реконструировать последовательность операций по закреплению костяного наконечника в древке стрелы.

Аналогичной проблеме посвящена статья С. Н. Савченко, в которой рассматриваются формы насадов и крепление костяных наконечников стрел в эпоху мезолита на Урале. В этот период здесь бытовали в основном орудия с черешками клиновидной и конической формы. Пирамидальные насады, широко распространенные в мезолите Восточной Европы, на Урале малочисленны. Единично в уральских материалах присутствуют кососрезанные черешки, распространенные в Сибири. Варианты крепления костяных наконечников установлены по сохранившимся на насадах остаткам клеящего вещества и следам обмотки и проверены экспериментально.

Обработка кости в мезолите юга и востока Франции характеризуется в статье Б. Маркюбелле (Франция). Исследования автора показывают, что приемы обработки были дифференцированными для каждого вида костного сырья и оставались весьма унифицированными на всем протяжении рассматриваемых хронологических и географических рамок. В работе подробно обсуждается использование техники экстракции заготовок в мезолите Южной Франции.

В статье Р. Аразовой (Азербайджан) освещаются результаты трасологических исследований костяной индустрии ранних земледельцев Азербайджана по материалам поселения Аликемектепеси. Автором выделены узко дифференцированные земледельческие орудия, а также орудия, использованные в домашнем хозяйстве. Большое количество и разнообразие последних свидетельствует о развитии и специализации таких производств, как обработка кожи, изготовление одежды и бытовых предметов, ткачество и керамическое дело.

Л. Манка и М. Манунца (Франция, Италия) познакомили с опытом технологического анализа костяной индустрии поселения Су Кодду (Селаргиус, Кальяри, Италия). Применение авторами метода аппликации позволило охарактеризовать процесс производства заготовок из костного сырья. Авторами представлены элементы, которые позволяют восстанавливать получение заготовок с помощью техники фракционного дебитаж, а также рассмотрены технологические и экономические аспекты этого процесса.

Целью статьи Н. Н. Скакун и Б. Матевой (Болгария) является введение в научный оборот малоизвестных материалов и представление результатов технико-морфологического и экспериментально-трасологического анализов богатой коллекции изделий из рога и кости энеолитического поселения Поляница в Северо-Восточной Болгарии. Разнообразие видов обработки, сложные формы разных изделий, богатый ассортимент продукции служат доказательством высокого уровня развития костеобрабатывающего производства в хозяйстве памятников эпохи энеолита Северо-Восточной Болгарии.

Кинжалообразные костяные артефакты из поселения Курганы-Дубова и могильника Выхватинцы (Офатинцы) второй половины этапа Триполье СІІ (Республика Молдова) рассматриваются в статье В. Панковского (Украина). Автор приходит к выводу, что предмет из Выхватинцев является статуарным амулетом, стилистически подобным некоторым керамическим антропоморфным фигуркам, так как он не имеет следов использования, а в свою очередь изделие из Курганы подвешивалось как обычный амулет и носилось владельцем. Автор подчеркивает необходимость трасологического изучения подобных артефактов среди других археологических объектов трипольской культуры с целью получения более объективных выводов.

В статье Н. А. Алексащенко и О. В. Яншиной рассматриваются изделия, найденные в погребениях Эквенского могильника и известные в литературе как штампы для орнаментации керамической посуды. Они выполнены из моржового клыка или кости, имеют вид лопаточек с длинными рукоятями и различаются формой, размерами, орнаментом на поверхности. Некоторые из них выделяются также наличием сложных зоо- и антропоморфных изображений. Авторы статьи на основании данных трасологического анализа штампов и экспериментального моделирования возможных способов их использования приходят к выводу о том, что часть этих артефактов действительно применялась в качестве штампов для керамики. Однако сами штампы и орнаментация на их поверхности могли также иметь особое значение в культуре древних эскимосов, не ограниченное сферой их применения только в гончарном производстве.

Работа Ан. В. Гусева посвящена анализу предметов косторезного производства археологического памятника Усть-Полуй, расположенного

на севере Западной Сибири, в нижнем течении р. Оби и датированного ранним железным веком. Автором охарактеризовано сырье, реконструирована последовательность операций по изготовлению изделий, предложена их типология.

Результаты трасологического анализа орудий из клыка дикого кабана со стоянки Кузол Грама представлены в публикации Э. Фабре (Франция). Автор провел серию экспериментов по работе с репликами изученных орудий по сухой шкуре, дереву и кости. Это позволило выяснить, каким образом и по какому материалу использовались данные инструменты.

Заключительная статья в рецензируемом номере принадлежит большому коллективу авторов (Н. Н. Скакун и др.). В ней характеризуется значение экспериментально-трасологических исследований для изучения древних костяных изделий. Особое внимание уделено характеристике методики комплексного изучения изделий из рога и кости, разработанного в ходе многолетних работ специализированных экспедиций ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН. Методика включает в себя: анализ особенностей предварительной обработки костного сырья, технологий изготовления и способов использования различных инструментов и иных изделий; выделение признаков их утилизации, а также характеристику основных видов каменных и металлических костеобрабатывающих орудий. Статья снабжена описанием и иллюстрациями экспериментальных работ,

позволяющих детализировать особенности древнего костеобрабатывающего производства.

Высокий уровень публикаций, введение в научный оборот новых материалов и результатов мультидисциплинарных исследований делают рецензируемый номер журнала важным источником для дальнейших исследований костяных изделий в древних культурах Евразии. В него вошли работы участников международного российско-французского гранта РГНФ 14-21-17003а/Fra, и гранта РФФИ 16-06-00546, а также статьи ученых России и других стран, занимающихся изучением костяного инвентаря.

Данный выпуск журнала, посвященный памяти Галины Федоровны Коробковой, был осуществлен благодаря финансовой поддержке, оказанной Институтом археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, его директором, членом-корреспондентом АН РТ, доктором исторических наук А. Г. Ситдиковым и заведующей отделом первобытной археологии ИА им. Халикова АН РТ, кандидатом исторических наук М. Ш. Галимовой.

М. Г. Жилин, Институт археологии РАН, Москва

Н. Н. Скакун, ИИМК РАН, Санкт-Петербург

Б. Матева, Национальный политехнический музей, София (Болгария)

В. В. Терехина, МАЭ РАН, Санкт-Петербург

М. Ш. Галимова, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан (Казань)

Experimental tracewear investigations of bone tools of ancient cultures of Eurasia

Reviews for: Каменный век и начало эпохи раннего металла.

Технология изготовления и функции костяных изделий

в древних культурах Евразии: Сб. ст. //

Археология евразийских степей. Казань: Изд-во АН Республики Татарстан, 2017. № 2. 360 с.: ил.

M. G. Zhilin, N. N. Skakun, B. Mateva, V. V. Terekhina, M. Sh. Galimova¹

¹ M. G. Zhilin — Institute of Archeology of the RAS; ul. Dm. Ulyanova, 19, 117292, Moscow, Russia. N. N. Skakun — IHMC RAS; Dvortsonaya nab., 18, St. Peterburg, 191186, Russia; e-mail: skakunnatalia@yandex.ru. Boryana Mateva — National Polytechnic Museum; Opalchenska str., 66, Sofia, 1303, Bulgaria. V. V. Terekhina — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS; Universitetskaya nab., 3, St. Petersburg, 199034, Russia. M. Sh. Galimova — A. N. Khalikov's Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; ul. Baumana, 20, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan.

Новые исследования археологического текстиля Старой Ладоги

Рецензия на книгу: Орфинская О. В., Михайлов К. А. Текстиль Старой Ладоги эпохи викингов / Отв. ред. Н. И. Платонова.

СПб.: Ars longa, 2020 (Тр. ИИМК РАН; Т. LVI). ISBN 978-5-6041742-8-9. 372 с.: ил.

Ключевые слова: Старая Ладога, эпоха викингов, комплексные исследования, каталог, текстиль, войлок, мех.
Keywords: Staraya Ladoga, Viking Age, interdisciplinary studies, catalogue, textile fabrics, felt, fur.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-203-206

Ладога — историко-культурный объект всемирного значения, возникший не позднее середины VIII в. О городе говорится в летописях под 862 г., когда он выделился из ряда других поселков и стал центром округа. Здесь проживали прибалтийские финны, славяне и скандинавы. Довольно быстро Ладога превращается в княжеский город, и по причине высокой значимости в нем сооружаются первые укрепления. Территория города разделяется на две части: детинец-кремль и посад. В IX — начале XI в. Ладога — общепризнанный международный торговый и ремесленный центр, с которым установились многолетние экономические, политические и культурные контакты населения Приладожья. Некоторые ювелирные изделия, посуда, оружие, передовая технология изготовления кузнечных изделий появились в Приладожье в результате торговых отношений с этим городом. Часть предметов, найденных в приладожских курганах, сделана в Ладоге. Связи с Ладогой обусловили серьезные внутренние изменения в жизни населения: объединение отдельных групп населения начало происходить на другой основе (Кочкуркина, 2017. С. 89).

На протяжении десятков лет велось активное археологическое обследование Ладоги и ее округа. Много внимания курганным древностям уделял В. И. Равдоникас. Исследования, начатые им в 1915 и 1919 гг., с 1926 г. стали систематическими. Они охватили Юго-Восточное Приладожье, южную часть Карелии и северное побережье

Онежского озера. В итоге В. И. Равдоникас исследовал 114 курганов в 33 группах, две сопки (дер. Красная Заря) и пять кладбищ на Олонецком перешейке. Неизменным помощником В. И. Равдоникаса был Г. П. Гроздилов (Там же. С. 76–77).

Металлографический анализ показал, что ножи, овальные кресала, наконечники копий, за редким исключением, были изготовлены в совершенной технике по схеме наварного лезвия и ничем не уступали изделиям городских ремесленников. (Хомутова, 1985. С. 207–217).

В X — начале XI в. население использовало в быту приземистые лепные горшки, широко известные в раннесредневековых памятниках Северной Руси, но ни одну из групп лепной керамики нельзя назвать типично приладожской. Среди заимствованных форм сосудов преобладают прибалтийско-финские. Гончарные сосуды этого времени не являются продукцией местных гончаров и, скорее всего, были привезены или из древнерусских центров — Ладоги и Новгорода, или с южного побережья Балтийского моря (Спиридонов, 1989. С. 303–315). С юга России, видимо, был доставлен и лощеный кувшин оранжевого цвета, найденный в одном из оятских курганов. Какое-то время лепные горшки сосуществовали с раннегончарными, но в середине XI в. вышли из употребления, хотя некоторые экземпляры сохранялись в быту до конца XI в., а может быть, и позднее. Гончарная керамика представлена в основном формами, типичными для памятников Древней Руси.

В этнокультурной истории древних карелов также отмечена опосредованная связь с Ладогой. Наиболее раннее упоминание о кирьялах и Кирьялаланде (земле кирьялов) содержится в двух древнеисландских географических сочинениях и в «Саге об Одде-Стреле». Они могут приблизительно датироваться X–XI вв. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» относится к числу приключенческих и рассказывает о далеких от Исландии и Норвегии странах. Наряду с мифическими деталями она излагает вполне достоверные исторические события и некоторые историко-географические сведения, не встречающиеся в других памятниках древнескандинавской письменности: о водных путях между Ладогой и Беломорьем, о городе Алаборге (точно не установлено, о каком городе идет речь, некоторые полагают, что об Олонце) и о его связях с Кирьялаботнармом — «залитвы кирьялов». Ценна информация о существовании административно-политических связей между Ладогой и Кирьялаботнармом, поскольку в русских летописях до XII в. известий о нахождении древнекарельской территории в сфере влияния Ладоги нет, хотя наличие экономических и культурных контактов с Ладогой несомненно. Об этом свидетельствуют и археологические материалы (Кочуркина, 2010. С. 154–155). Следовательно, успешные исследования Ладоги, этого уникального памятника Северо-Запада России, самым благоприятным образом способствуют изучению археологических объектов, оставленных ближними и дальними соседями славяно-прибалтийско-финского ареала.

Итак, Старая Ладога как историко-культурный и археологический комплекс удостоился нового монографического исследования. В результате кропотливой и успешной работы археологов и специалистов в области междисциплинарных исследований отечественная наука пополнилась новыми открытиями, изложенными в рецензируемой монографии О. В. Орфинской и К. А. Михайлова. По признанию авторов, они ставили перед собой амбициозную задачу: опубликовать все находки из текстиля и меха за 1911–2013 гг. в виде каталога обнаруженных фрагментов. Основу каталога составляют текстильные находки IX–X вв., полученные в ходе раскопок Старой Ладоги, включая коллекции из Эрмитажа и музея Старой Ладоги. Для полноты картины авторы включили в каталог позднесредневековые

материалы, хотя они, по их мнению, плохой сохранности.

Исследователи подчеркивают значительный вклад О. И. Давидан в изучение, систематизацию и обобщение текстиля из раскопок В. И. Равдоникаса. Эта работа на долгие годы стала образцовым эталоном в исследовании археологического текстиля. Со своей стороны, с глубокой благодарностью напомним о работе Ольги Ивановны по комплексному анализу тканей из курганов Юго-Восточного Приладожья (Давидан, 1989). Ею изучено 78 образцов из раскопок В. И. Равдоникаса, Г. П. Гроздилова и Н. Н. Черныгина, А. М. Линевского. По мнению О. И. Давидан, изучение текстиля представляет большой интерес для раскрытия феномена Приладожской культуры как в целом, так и в решении частных вопросов.

Спустя более 20 лет изучение курганного текстиля было продолжено (Кочуркина, Орфинская, 2014). За это время усовершенствовалась методика работы с тканями с применением новых естественнонаучных методов, стало возможным получить ответы о качестве тканей, их происхождении, деталях костюма и т. д.

Поэтому у меня не было никаких сомнений в высококвалифицированной работе авторов рецензируемой монографии. Этим исследованием авторы показали, что нельзя относиться с пренебрежением к текстильным находкам, как это, к сожалению, по разным причинам происходило в XX в. Текстиль несет в себе особую информацию, не извлекаемую из других источников. Если по захоронениям специалисты восстанавливают праздничный, погребальный наряд, то городской текстиль, как подчеркивают О. В. Орфинская и К. А. Михайлов, позволяет воссоздать комплекс повседневной одежды IX–X вв. и приемов ее изготовления.

Тщательный источниковедческий анализ полевой документации, осуществленный К. А. Михайловым, созданная «хроностратиграфия Староладожского Земляного городища» — важный инструмент не только для датировки конкретного текстиля Земляного городища, но и артефактов тех древнерусских и финно-угорских памятников, на которых отсутствует «мокрый слой», следовательно, отсутствуют и дендродаты. К. А. Михайловым проделана самоотверженная и высококвалифицированная работа. Как отметила редактор издания Н. И. Платонова, в основу каталога «положен скрупулезный анализ как самих артефактов, так и многочисленных источников,

несущих информацию о месте находки того или иного фрагмента. Анализ включал в себя ревизию полевой документации за каждый сезон раскопок, с 1911 по 2013 г., а параллельно — ревизию музейных коллекций, идентификацию предметов, сверку их шифров, успевших дважды или трижды поменяться, и т. д.» (с. 4).

О. В. Орфинская провела тщательный анализ текстильных материалов и меха из Старой Ладogi, подробно изложила методику работы. Такие детальные рекомендации по работе с археологическим текстилем, безусловно, помогут исследователям при решении аналогичных задач. В результате плодотворного, основательного изучения ранне-средневекового текстиля исследовательница пришла к выводу, что в Старой Ладoge в указанный период в области текстильного производства существенных перемен не произошло. Это касается и производства тканей, и преобладания шерсти как основного материала текстиля. Основные характеристики находок из Старой Ладogi, считает О. В. Орфинская, вписываются в единую текстильную культуру Северной Европы (с. 62).

Каталог ладожских находок текстиля и меха включает 173 фрагмента изделий, рассмотренных по 15 позициям в зависимости от характера зале-

гания находок в культурном слое. Каждый объект описан по схеме: название, место хранения, размер, вид тканей и т. д. Указаны также публикации, если они имели место. Представлены даже фрагменты тканей, доведенных «до тряпья». Иными словами, авторами дана исчерпывающая информация по предмету исследования.

В заключение еще раз подчеркнута ценность монографии О. В. Орфинской и К. А. Михайлова как замечательно иллюстрированного, полноценного источника по текстилю Старой Ладogi эпохи викингов. Успех и признание как отечественных, так и зарубежных исследователей этой книге обеспечены. Не сомневаюсь, что монография, в том числе и иллюстрации, будут востребованы не только научным миром, но и дизайнерами, ремесленниками и многочисленными любителями ткачества. Возможно, рецензируемое издание окажет влияние на выбор специализации молодых археологов в пользу изучения археологического текстиля.

С. И. Кочкуркина
Россия, Петрозаводск,
Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр РАН»,
Институт языка, литературы и истории

Давидан, 1989 — Давидан О. И. Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья // Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1989. С. 316–336.

Кочкуркина, 2010 — Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2010. 263 с.

Кочкуркина, 2017 — Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 2017. 280 с.

Кочкуркина, Орфинская, 2014 — Кочкуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура:

технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 2014. 140 с.

Спиридонов, 1989 — Спиридонов А. М. Керамика приладожской курганной культуры // Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 303–315.

Хомутова, 1985 — Хомутова Л. С. Металлографическое исследование структуры железных вещей из курганов Юго-Восточного Приладожья // Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 207–217.

New investigations of the archaeological textile from Staraya Ladoga

Reviews for: Орфинская О. В., Михайлов К. А. Текстиль Старой Ладogi эпохи викингов / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Ars longa, 2020 (Тр. ИИМК РАН; Т. LVI). ISBN 978-5-6041742-8-9. 372 с.: ил.

S. I. Kochkurkina¹

¹ Svetlana Kochkurkina— Federal Research Center “Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Institute of Language, Literature and History; ul. Pushkinskaya, 11, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

150-летие Болгарской академии наук и Национальный археологический институт и музей Болгарии

Д. Гергова¹

Аннотация. В 2019 г. Болгарская академия наук (БАН), родоначальником которой является учрежденное в 1869 г. Болгарское книжное общество, отмечает свое 150-летие. Одно из важнейших событий этого празднования — первая заграничная выставка средневековой Томичевой псалтыри, хранящейся в Государственном историческом музее в Москве. Выставка проходила в одном из старейших и престижных институтов БАН — Национальном археологическом институте и музее. Также состоялось оглашение новых иностранных почетных членов, между которыми был и представитель Российской археологической науки.

Annotation. The Bulgarian Academy of Sciences (BAS), successor of the Bulgarian Learned Society founded in 1869, celebrated in 2019 its 150 anniversary. One of the most important events of this celebration was the opening of the first exhibition abroad of the mediaeval Tomić Psalter from the archives of the State Museum of History in Moscow. Exhibition had place at one of the oldest and prestigious institutions of the BAS — The National Archaeological Institute and Museum (NIAM). Names of the newly elected honorable members of the NIAM were announced here. The representative of the Russian archaeology was among them.

Ключевые слова: история археологии, Болгария, международное сотрудничество.

Keywords: history of archaeology, Bulgaria, international cooperation.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-206-210

Болгары, для которых историческая судьба определила жить в течение пяти веков с отставанием от европейских и других народов, в XIX в., все еще находясь в границах Османской империи, смело вступили на проторенную дорогу цивилизации и прогресса. В это время начинается борьба за национальное освобождение, за создание Болгарского государства, независимого от гнивающей Османской империи. Для того чтобы болгарский народ, находившийся в рабстве целых 500 лет, смог стать полноправным среди народов нового времени, кроме революционных действий нужно было приложить немало усилий в сфере науки и просвещения. Тогда трудами энтузиастов умножается число выпускаемых газет и журналов, развивается художественная литература, создаются школы, печатаются учебники и книги.

В результате развития болгарской культуры по этим отмеченным нами лишь штрихами направлениям появляется необходимость образования нового учреждения для организации болгарской науки, основной целью которого являлось просвещение народа.

В болгарской эмигрантской среде в Одессе, Брашове и Браиле идея создания общebolгарского просветительского общества появляется уже в 20-х гг. XIX в. Между 12 и 16 октября 1869 г. в румынском городе Браила произошло учреждение Болгарского книжного общества, которое считается родоначальником и предшественником Болгарской академии наук. Просветительское общество стремилось объединить всех образованных болгар и народные организации, а также старалось установить тесные связи с учеными всего мира. Самыми важными задачами, которые учредители ставили перед собой, являлись усовершенствование болгарского языка, развитие исторической науки и литературы, просвещение

¹ Д. Гергова — Отдел Фракийской археологии Национального археологического института и музея; Соборная ул., 2, София, 1000, Болгария.

Рис. 1. 1 — Марин Дринов; 2 — Васил Друмев; 3 — обложка одного из журналов «Периодическо списание»
 Fig. 1. 1 — Marin Drinov; 2 — Vasil Drumev; 3 — the cover of one of the journals “Periodichesko spisanié”

народных масс. Вместе с утверждением Устава Българского книжного общества было избрано его руководство из первых «членов научной и книжной деятельности». Председателем этого общества стал Марин Дринов (рис. 1, 1) — воспитанник Историко-филологического факультета Московского университета и последователь русской исторической школы. Он, будучи домашним учителем детей русской княжеской фамилии, во время путешествий по Европе смог поработать в самых богатых болгарскими и другими славянскими средневековыми рукописями библиотеках, что позднее позволило ему создать правила государственного болгарского языка. В 1898 г. М. Дринов был избран членом-корреспондентом российской Императорской академии наук.

Второй член руководства Общества — Васил Стоянов, получил образование в Праге, третий — Васил Друмев (рис. 1, 2), — являлся воспитанником Одесской семинарии, позднее он стал Тырновским митрополитом и министром-председателем Болгарии (Арнаутов, 1966). В журнале «Периодическо списание на Българското книжно дружество» («Периодический журнал Болгарского книжного общества»), издававшемся в г. Браила (с 1882 г. — в Софии), были представлены как болгарские научные исследования 1870-х гг., так и материалы иностранных корреспондентов (рис. 1, 3). С 1911 г. этот журнал издается под названием «Списание на Българската Академия на Науките».

Васил Друмев, являвшийся одним из основателей журнала «Периодическо списание», ставил задачу познакомить читателей с жизнью и работой первых деятелей болгарского Возрождения. С этой целью он напечатал автобиографию епископа Софрония Врачанского, сопроводив ее содержательным историческим анализом. Софроний известен тем, что первым переписал «Историю славяно-болгарскую» Паисия Хилендарского, сыгравшую огромную роль в национальном возрождении, и тем самым заложил основы современной болгарской литературы. В ходе Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В. Друмев подготовил Прощение к главнокомандующему российской армией и содействовал формированию Болгарского земского войска. Он также проявлял интерес к нравственно-социальной проблематике и воспитанию подрастающего поколения.

Вскоре после первых выпусков журнала у иностранных консулов, аккредитованных в г. Браила, появились подозрения о том, что Книжное общество является революционной организацией, и это в значительной степени затруднило дальнейшую издательскую деятельность. Тем не менее журнал распространялся по всей Мизии, Фракии и Македонии, посылался подписчикам в города Браила, Галаца и Болград, в различные научные организации Европы.

Несмотря на запрет Болгарского книжного общества и всех подобных организаций

на территории Высокой Порты, оно сохранилось и, преодолев все трудности, сразу после окончания Русско-турецкой войны, в ноябре 1878 г., переехало в Софию. Чуть позже Общество получило земельный участок для строительства собственного здания на улице Цариградской. С 19 марта (6 марта по юлианскому календарю) 1911 г. Болгарское книжное общество начинает называться Болгарской академией наук (История, 2015; 2017; 150 години, 2020). После 1945 г. были созданы отдельные институты — самостоятельные подразделения Академии. В 1989 г. Болгарская академия наук становится полностью автономной, продолжая развивать научную деятельность во всех направлениях человеческого познания. В октябре 2019 г. она отметила свое 150-летие.

Одним из старейших учреждений Академии является Национальный археологический институт и музей. Начало активной деятельности по охране богатого археологического наследия болгарских земель было положено сразу после учреждения Третьего Болгарского царства Сан-Стефанским мирным договором. Самая большая мечеть в центре Софии (Бююк джамии), минарет которой был разрушен во время большого землетрясения в середине XIX в., становится тем местом, где начинается сбор разбросанных по всей стране или найденных во время строительных работ древностей. В изучение археологических богатств до и, главным образом, после Освобождения Болгарии включаются видные ученые из Русского императорского института в Константинополе, научных учреждений Чехии, Франции и других стран. В 1892 г. было создано первое болгарское археологическое учреждение. Тогда Отдел ценностей, а также библиотека в Софии, созданная в 1878–1879 гг., были преобразованы в Национальный музей. Его официальная экспозиция была открыта в 1905 г. в Большой мечети. Национальный музей и образованный в 1921 г. Болгарский археологический институт до 1949 г. были самостоятельными, а после они стали составлять единое целое.

В наши дни Национальный археологический институт и музей являются одной из самых крупных археологических научных организаций в Европе. В его структуре — секторы праистории, фракийской археологии, античности, средневековья, нумизматики и эпиграфики, междисциплинарных исследований, а также недавно созданная Национальная информационная

система — «Археологическая карта Болгарии». Институт осуществляет плановые и спасательные археологические раскопки, является координатором археологической научно-исследовательской деятельности по всей территории страны, осуществляя методическое руководство, организуя ежегодные национальные конференции, публикуя годовые отчеты о результатах раскопок, а также издавая журнал «Археология», серию *Studia Praehistorica* и монографии по археологической проблематике. Благодаря работам сотрудников Археологического института открыты всемирно известные археологические памятники, которые проливают свет на роль древних болгарских земель в развитии самых ранних цивилизаций человечества, показаны значение фракийской культуры в развитии пра- и протоисторической Европы, а также роль болгарского государства в создании славянской письменности, в развитии культур славянских народов, его непосредственное влияние на их культурные взаимоотношения с разными регионами Европы.

Богатое археологическое наследие Болгарии является объектом исследования большого коллектива болгарских специалистов. Многие из них, принадлежащие к послевоенному поколению, повышали свою научную квалификацию в институтах Академии наук СССР (д-р Живка Въжарова, проф. Александра Милчева, проф. Кънчо Кънчев, проф. Румен Катинчаров, доц. Мария Гюрова и др.), другие являлись воспитанниками чешских, польских, французских и немецких научных школ. Многие иностранные ученые посвятили свою научную деятельность изучению древностей болгарских земель. В этом ряду нельзя не отметить многолетние болгаро-советские исследования в области славянской и протоболгарской проблематики, совместные раскопки первой болгарской столицы Плиска с участием проф. С. А. Плетнёвой, раскопки средневековых памятников в России в сотрудничестве с болгарскими археологами, совместные исследования телля Юнаците под руководством проф. Р. Катинчарова и проф. Н. Я. Мерперта. Интерес к более ранним праисторическим периодам нашел отражение в исследованиях Н. Н. Скакун (*Гергова, 2008*).

Первого октября 2019 г. в Болгарии отмечалось 150-летие учреждения Болгарского книжного общества и его преемника — Болгарской академии наук. Юбилейные мероприятия проходили в стенах одного из ее старейших

Рис. 2. Томичева псалтырь

Fig. 2. Tomić Psalter

и престижных институтов — Национальном археологическом институте и музее БАН (НАИМ БАН), которому в этом же 2019 г. исполнилось 140 лет. Важнейшим событием этого празднования было открытие в Археологическом музее выставки Томичевой псалтыри — исключительно важного для болгарской истории памятника, который был обнаружен в 1901 г. (рис. 2), сейчас находится на хранении в Государственном историческом музее в Москве и за пределами России экспонируется впервые. Эта бесценная средневековая болгарская реликвия, отреставрированная к юбилею, представляет собой богато иллюстрированную летопись объемом 304 листа времени болгарского царя Ивана Александра (1331–1371 гг.), много сделавшего для укрепления государственности и развития культурной жизни страны. Она украшена 109 великолепными цветными миниатюрами и множеством орнаментированных прописных букв. Водяные знаки на страницах датируют создание произведения временем около 1360 г. Текст написан по установленным болгарским патриархом Евтимием правилам правописания (*Щепкина, 1963; Джурова, 1990а; 1990б*). Томичева псалтырь считается одним из самых значительных произведений книжной школы Феодосия Тырновского. В этой школе начали свою книжную деятельность будущий болгарский патриарх Евтимий, а также будущий духовный предводитель Киева и литовско-русских земель Киприан Цамблак, ставший

позднее митрополитом Московским и Всея Руси. После смерти Киприан был канонизирован, и его мощи находятся в Успенском соборе Московского Кремля.

На открытии выставки, организованной благодаря усилиям директора НАИМ БАН доц. Х. Попова, присутствовали заместитель директора Государственного исторического музея в Москве проф. А. Д. Яновский, председатель БАН акад. Ю. Ревалски, заместитель председателя БАН член-корр. проф. В. Николов, зам. министра культуры Болгарии г-жа А. Гешева, а также многочисленная публика — сотрудники академических институтов, музеев, библиотек, студенты и преподаватели учебных заведений. Камерный хор «Йоан Кукузел-Ангелогласный» был гостем вернисажа, в его прекрасном исполнении прозвучали православные песнопения.

Значимым событием празднования стало оглашение директором НАИМ БАН доц. Христо Поповым новых иностранных почетных членов Национального археологического института и музея, ученых из России, Украины, Польши, Германии, Австрии, внесших большой вклад в археологические исследования болгарских земель. В их числе почетного звания была удостоена Н. Н. Скакун — старший научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург, Россия), заслуги которой в изучении болгарской праистории были охарактеризованы заместителем председателя

БАН член-корр. проф. В. Николовым. Ее кандидатская диссертация и монография «Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита» являются одним из наиболее полных обобщающих трудов, посвященных хозяйственным особенностям праисторических памятников Болгарии (Скакун, 2006). Работы Наталии Николаевны способствовали распространению знаний о болгарских материалах в международной научной среде. Она инициировала международную вы-

ставку, посвященную особенностям энеолитического кремнеобрабатывающего производства Болгарии, Украины, Франции и Испании. Являясь видным специалистом-трассологом, Н. Н. Скакун продолжает работать с материалами ряда археологических памятников Болгарии, популяризирует среди молодых ученых трассологическое направление в археологической науке, поддерживая таким образом многолетнее и плодотворное сотрудничество между болгарским и русским археологическими сообществами.

150 години, 2020 — 150 години Българска Академия на Науките. Храм на познанието. Юбилейно издание. София: Изд-во на БАН, 2020. 430 с.

Арnaudов, 1966 — Арnaudов М. Българското книжовно дружество в Браила. София: Изд-во БАН, 1966. 338 с.

Гергова, 2008 — Гергова Д. Национален археологически институт с музей. Информационна брошура. София: Изд-во на БАН, 2008. 30 с.

Джурова, 1990а — Джурова А. Томичов Псалтир. Том I. София: Унив. изд-во Св. Климент Охридски, 1990. 247 с.

Джурова, 1990б — Джурова А. Томичов Псалтир. Т. II. София: Унив. изд-во Св. Климент Охридски, 1990. 352 с.

История, 2015 — История на Българската Академия на Науките. I част, 1869–1947 г. София: Изд-во на БАН, 2015. 218 с.

История, 2017 — История на Българската академия на науките. II част, 1947–2014 г. София: Изд-во на БАН, 2017. 202 с.

Скакун, 2006 — Скакун Н. Н. Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб.: Нестор-История, 2006 (Тр. ИИМК РАН; Т. XXI). 223 с.

Щепкина, 1963 — Щепкина М. В. 1963. Болгарская миниатюра XIV века. М.: Искусство, 1963. 248 с.

150th anniversary of the Bulgarian Academy of Sciences and the National Archaeological Institute and Museum of Bulgaria

D. Gergova²

² Diana Gergova — National Archaeological Institute with Museum Bulgarian Academy of Sciences; Saborna ul., 2, 1000, Sofia, Bulgaria.

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК — ЗАПАД

Международная конференция «Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ)» (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2020 г.)

Ключевые слова: Центральная Азия, неолит, энеолит, бронзовый век, ранний железный век, античность, средневековье.

Keywords: Central Asia, Neolithic, Aeneolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Antiquity, Middle Ages.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-211-214

В 2020 г. сообщество исследователей археологии и древней истории Центральной Азии отметило два знаковых юбилея: 100-летие Анатолия Максимилиановича Мандельштама (1920–1983) и 90-летие Игоря Николаевича Хлопина (1930–1994). К этим памятным датам и была приурочена международная научная конференция «Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ)», состоявшаяся 10–12 ноября 2020 г. в Санкт-Петербурге. Конференция, организованная совместными усилиями Института истории материальной культуры РАН, Государственного Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Института восточных рукописей РАН, была проведена на базе Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН.

Напряженная эпидемиологическая обстановка 2020 г. наложила неизбежный отпечаток на ход конференции: далеко не все заявленные участники смогли присутствовать на ней лично. Тем не менее она собрала — очно и дистанционно — 83 ученых из России, стран ближнего (Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Украины, Азербайджана) и дальнего (Германии, Италии, Ирана, Китая) зарубежья. Всего с российской стороны участие в конференции приняли 64 исследователя из Санкт-Петербурга и других городов Российской Федерации, из них 40 человек выступили с докладами в очном формате и 24 — с докладами онлайн (при помощи программы Zoom) или

в виде стендовых презентаций (постеров). Зарубежных участников было 19, из них личное участие в конференции приняли двое, а еще 17 человек выступили в программе Zoom или представили стендовые презентации.

Прошедшая конференция была посвящена изучению обширного корпуса археологических источников, в большинстве своем добытых в ходе недавних раскопок памятников, относящихся к самому широкому хронологическому диапазону — от неолитического времени до средневековья — и расположенных в Центральной Азии и сопредельных с ней регионах евразийского материка (Южной Сибири, Монголии, Северном Китае, Дальнем Востоке, юге Восточной Европы и Закавказье). Эти источники проливают дополнительный свет на процессы становления, развития и взаимодействий урбанизированных и скотоводческих обществ. Проблематика представленных докладов включает в себя рассмотрение и переосмысление на базе анализа новых материалов и методологических подходов практически всех сторон повседневной жизни древнего и средневекового населения указанных территорий, в том числе объектов материальной культуры, идеологии и духовной культуры, произведений изобразительного искусства, культурных контактов и связей между разными историко-культурными регионами, миграционных процессов. Тематическое разнообразие зачитанных докладов в полной мере отразило широкий спектр научных интересов А. М. Мандельштама и И. Н. Хлопина.

Пленарное заседание 10 ноября было открыто приветственным словом сопредседателя Программного комитета, директора ИИМК РАН В. А. Лапшина и председателя Организационного комитета конференции В. П. Никонорова. Прозвучавшие затем доклады Ю. Г. Кутимова, В. А. Алекшина, Вл. А. Семенова, В. П. Никонорова, Я. В. Василькова (все — Санкт-Петербург), Б. Б. Овчинниковой (Екатеринбург), К. И. Ташбаевой (Бишкек) были посвящены различным аспектам жизни и научной деятельности А. М. Мандельштама и И. Н. Хлопина, их вкладу в изучение археологии и древней истории Центральной Азии; ряд докладов содержал ценные подробности мемуарного характера.

Дальнейшие заседания были распределены по четырем тематическим секциям. Самой представительной по числу докладов и разнообразию поднятых проблем стала секция «Центральная Азия и соседние регионы Евразии в первобытную эпоху (неолит–бронзовый век)» (10–11 ноября). Несколько докладов секции были посвящены археологическим памятникам Средней Азии неолита–бронзового века — как уже изученным, так и исследуемым в наши дни. Ф. Ш. Аминов, Е. К. Блохин и Н. Ф. Соловьева (Санкт-Петербург) проанализировали новейший керамический материал периода перехода от раннего к развитому неолиту в подгорной полосе Копетдага из раскопок Ыылгынлы-депе (Южный Туркменистан). Жилищам Монджуклы-депе в контексте организации жилого пространства неолита и раннего энеолита Южного Туркменистана был посвящен доклад И. Хайта (Берлин, Германия), уделившего особое внимание их преобладающим чертам. Л. Б. Кирчо (Санкт-Петербург) систематизировала обширный материал, характеризующий контакты населения Алтын-депе и Юго-Западного Туркменистана в конце IV–III тыс. до н. э. Физическая антропология населения Юго-Западного Туркменистана в эпоху энеолита и бронзы охарактеризована А. В. Громовым (Санкт-Петербург). С.-Дж. Симпсон (Лондон, Англия) поставил вопрос о возможности новой идентификации каменного конического сосуда из раскопок И. Н. Хлопина в Пархае II (погребение 19) и привел аргументы в пользу этой версии. Особого внимания традиционно удостоились памятники Бактрийско-маргианского археологического комплекса («цивилизации Окса»). Дж. Л. Бонора, Г. Росси Осмида (†) и А. Ченджа (Рим, Италия) посвятили доклад курильнице из погребения БМАК в Аджиджуи (Мервский оазис). Н. А. Дубова (Москва) и А. А. Тишкин (Барнаул) обнародовали результаты

рентгенофлюоресцентного анализа сплавов двух статусных предметов с Гонур-депе (Туркменистан). Морфологические особенности и возможное назначение миниатюрных колонок БМАК были рассмотрены в сообщении Н. А. Дубовой, С. П. Грушина (Барнаул) и А. В. Фрибуса (Санкт-Петербург, Кемерово).

Следующая группа докладов касалась памятников и культур степной зоны Центральной Азии и сопредельных территорий. Особенности памятников окуневского типа Верхнего Енисея были освещены А. В. Поляковым (Санкт-Петербург). А. В. Громов и Н. И. Лазаретова (Санкт-Петербург) дали остеометрическую характеристику окуневцам Минусинской котловины. Вопрос о формировании памятников андроновской (федоровской) культуры на территории Восточного Казахстана был вновь поставлен И. А. Савко (Барнаул). Погребальным традициям племен эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора был посвящен доклад А. А. Горячева и Т. А. Егоровой (Алматы, Казахстан). Восточноевропейский участок евразийской степи рассмотрели А. В. Кияшко (Ростов-на-Дону), проследивший распространение катакомбного погребального обряда в процессе взаимодействия оседлого и кочевого населения Евразии в бронзовом веке, а также Н. И. Шишлина и А. Ю. Лобода (Москва), уточнившие хронологию изделий Сосново-Мазинского клада — одного из опорных памятников эпохи.

Целый ряд сообщений был посвящен памятникам Южного Кавказа. Постерные доклады В. Б. Бахшалиева и Э. В. Бахшалиева (оба — Нахичевань, Азербайджан) рассматривали связи неолита и энеолита Нахичевани с синхронными культурами Среднего Востока. К. Кулиева (Нахичевань, Азербайджан) в свою очередь проследила ближневосточные связи нахичеванского энеолита.

Также прозвучали доклады, затронувшие общие проблемы этнокультурной истории региона. Е. А. Гордеева (Ташкент, Узбекистан) изложила свою точку зрения на взаимосвязь миграционных процессов и сложения идеологии древних обществ Средней Азии. Ю. Е. Березкин (Санкт-Петербург) сопоставил различные варианты мифа о «ныряльщике за землей» у народов Евразии, продолжив таким образом свою серию сравнительных исследований мифологических сюжетов. Не раз была поднята проблема изобразительного искусства и, в частности, систем орнаментации. А. В. Варенов (Новосибирск) проанализировал датировку и семантику селенгинских писаниц и реминисценции последних на погребальных рельефах киданьских саркофагов. К. И. Ташбаева

(Бишкек, Кыргызстан) систематизировала сюжетные линии петроглифов Саймалы-Таша (Западный Тянь-Шань). Техника нанесения, иконография и семантика рисунков и знаков на керамике Гонур-депе (Туркменистан) были освещены в докладе А. В. Фрибуса, Н. А. Дубовой, С. П. Грушина (Барнаул) и Р. М. Сатаева (Москва). Важный вопрос о симметрическом анализе как одном из методов изучения орнаментов древней керамики рассмотрела на обширном материале Е. Г. Старкова (Санкт-Петербург).

Доклады второй секции — «Центральная Азия и соседние регионы Евразии в эпоху раннего железа и античности» (11 ноября) — можно подразделить на несколько тематических блоков. К первому блоку относятся сообщения, посвященные культурам скифо-сибирского мира, в первую очередь Южной Сибири. А. В. Громов и Е. Н. Учанева (Санкт-Петербург) реконструировали историю населения Тувы в скифское время на основе данных краниологии. Курганы с дромосами скифского времени в Туве как особая группа памятников рассмотрены М. Е. Килуновской (Санкт-Петербург). Результаты изучения археологических кож из могильника Аймырлыг (по материалам Государственного Эрмитажа) были продемонстрированы В. С. Бусовой (Санкт-Петербург), а С. В. Панковой (Санкт-Петербург) был дан обзор находок ворсовых изделий из памятников бассейна Тарима I тыс. до н. э. Этапы освоения тагарскими племенами Назаровской котловины выделил в своем докладе А. В. Субботин (Санкт-Петербург). Опыт выделения маркеров культурно-хронологических горизонтов раннескифского времени в азиатской зоне степей Евразии представлен в докладе К. В. Чугунова (Санкт-Петербург). Новые перспективы исследований курганов Красноярской лесостепи стали предметом сообщения А. Г. Акулова и П. В. Ишутиной (Красноярск). К этому же блоку можно отнести доклады, касающиеся синхронных культур сопредельных регионов. О. В. Шаров (Москва) дал хронологическую атрибуцию культурных комплексов у села Таракташ в восточном Крыму. С. Б. Бурков (Владикавказ) привел археологические данные, опровергающие, по его мнению, среднеазиатскую версию происхождения алан Центрального Предкавказья. Датировке черноторовского погребения и стелы из кургана Целинное 16 в контексте предскифских древностей Причерноморья был посвящен постерный доклад С. Г. Колтухова (Симферополь). Чжичэн Би (Харбин, Китай) и И. В. Палагута (Санкт-Петербург) рассмотрели рельефы гробниц эпохи Хань

провинции Шаньдун в контексте связей Восток-Запад. Формирование и генезис пальцевской культуры Дальнего Востока нашли отражение в докладе О. В. Дьяковой (Владивосток)

Второй тематический блок включил в себя доклады, затрагивавшие взаимосвязи культур раннего железного века Евразии с античным миром, в том числе задокументированные (хотя бы отчасти) письменными источниками. Р. Х. Сулейманов (Ташкент, Узбекистан) дал оригинальную интерпретацию ряда вопросов истории ранних кочевников Средней Азии. Толкованию спорного фрагмента Плиния Старшего о камне callaina и «народах Кавказских гор» применительно к этноистории Центральной Азии было посвящено сообщение Е. О. Стоянова (Санкт-Петербург). Несколько важных докладов касались археологических памятников среднеазиатского эллинизма. Н. Д. Двуреченская (Москва) выделила основные черты керамического комплекса Бактрии селевкидского периода. Т. О. Двуреченская (Москва) охарактеризовала лепную керамику из крепости Узундара, включая раскопки последних полевых сезонов. А. В. Дедюлькин (Ростов-на-Дону) рассмотрел костяные детали эллинистического парадного оружия из Храма Окса (Тахт-и Сангин) с широким привлечением сравнительного материала. Строительная техника и материалы среднеазиатских поселений середины I тыс. до н. э. в свете взаимодействия местных и эллинистических традиций были проанализированы В. В. Мокрородовым (Москва).

Сравнительно компактной — но при этом не менее содержательной — была программа третьей секции «Центральная Азия и соседние регионы Евразии в гунно-сарматское время» (12 ноября). Памятники постантической Средней Азии были рассмотрены в докладе А. В. Омельченко (Санкт-Петербург), посвященном вещевым комплексам кочевников Западного Согда и Бактрии I в. до н. э. — II в. н. э. (по материалам раскопок культовых и погребальных памятников). А. И. Торгоев, А. В. Кулиш (Санкт-Петербург) и М. К. Борсунбаев (Бишкек, Кыргызстан) посвятили доклад городищу Шамши III — ставке племен кенкольской культуры в Чуйской долине. Большая же часть докладов была связана с памятниками Южной Сибири и Монголии: Н. Н. Николаев (Санкт-Петербург) подверг анализу художественные традиции постскифских комплексов Тувы; Н. А. Сутягина (Санкт-Петербург) детально рассмотрела проблемы реконструкции внутреннего убранства ноин-улинских гробниц (с привлечением архивных материалов Монголо-Тибетской

экспедиции); В. Б. Трубникова (Санкт-Петербург) представила опыт выделения локально-хронологических групп сяньбэйской культуры.

Весьма разнообразными по хронологии и географии предъявленного материала были доклады последней секции — «Центральная Азия и соседние регионы Евразии в эпоху средневековья» (12 ноября). Тюрко-согдийским монетам и их находкам в Пенджикенте был посвящен доклад П. Б. Лурье (Санкт-Петербург), раскопкам согдийского поселения в верховьях Зеравшана — доклад Н. В. Семенова (Санкт-Петербург) о «золотых персиках» Мадрушката. Л. М. Ведутова (Бишкек, Кыргызстан) предприняла попытку сравнительного осмысления исторических судеб согдийцев и тюрок на Великом шелковом пути. Взаимодействие оседло-земледельческих оазисов и урбанистических центров бассейна Средней Амударьи с кочевыми культурами Средней Азии и Евразии в древности и средневековье (в пределах Лебапского ваята Восточного Туркменистана) осветил А. А. Бурханов (Казань). Свой взгляд на проблемы ирригации Средней Азии в XV в. представил Т. К. Арзыбаев (Бишкек, Кыргызстан).

История, археологические памятники и духовная культура средневековых кочевников евразийской степи были затронуты в целом ряде сообщений. Н. Н. Серегин (Барнаул) проанализировал археологические комплексы Монголии предтюркского времени и начального этапа культуры тюрок, подведя предварительные итоги исследований и наметив их дальнейшие перспективы. Археологический комплекс Хэрмэн дэнж (Монголия) как пример взаимодействия кочевого и оседлого населения рассмотрел С. А. Васютин (Кемерово, Улан-Удэ). А. В. Варенов (Новосибирск) и М. А. Кудинова (Пекин, Китай) продемонстрировали следы

нехристианского влияния на писанице Уцзячуань в китайской провинции Ганьсу, а А. В. Евглевский (Донецк, Украина) подверг критике некоторые представления о буддийском влиянии на иконографию изваяний средневековых кочевников Евразии. Источниковедческий характер носил доклад Вяч. С. Кулешова (Санкт-Петербург, Тюмень; Стокгольм, Швеция) о северной окраине тюркского мира в отражении персидского географического трактата X в. «Худуд ал-'алам». Наконец, в постерном докладе А. А. Красноперова (Ижевск) были выявлено сложное переплетение античных и кочевнических иконографических влияний на примере пряжки из коллекции Ильинского музея (Пермский край).

Артефактам из средневекового Северного Причерноморья был посвящен доклад Н. И. Юдина, А. Н. Масловского (оба — Азов) и М. Каземпура (Тебриз, Иран) об образцах глазурованной керамики XIV в. азербайджанского (ширванского) производства из раскопок золотоордынского Азака в Азове, а также постер А. В. Антипенко, Д. Э. Сейдалиевой и Э. И. Сейдалиева (все — Симферополь), знакомящий с предварительными результатами анализа элементного состава медных пулов чеканки г. Солхат (Старый Крым).

Конференция прошла организованно, прозвучавшие на ней доклады отличались высоким научным уровнем, все заседания сопровождались оживленными и содержательными дискуссиями. Материалы конференции опубликованы в сборнике (Древние и средневековые культуры..., 2020).

*В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов
Отдел археологии
Центральной Азии и Кавказа,
ИИМК РАН, Санкт-Петербург*

Древние и средневековые культуры..., 2020 — Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Междунар. конф., посв. 100-летию со дня

рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. 308 с., ил.

International scientific conference “Ancient and medieval cultures of Central Asia (the formation, development and interaction of urbanized and cattle-breeding societies)”, 10–12 November 2020, St. Petersburg

V. P. Nikonorov, E. O. Stoyanov¹

¹ Valerii Nikonorov, Evgenii Stoyanov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18, Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vpnikonorov@mail.ru, eastoyanov@mail.ru

ИСТОРИЯ НАУКИ

Раскопки М. Я. Якимовича в 1905 г. у с. Гофнунгсталь в Северо-Западном Причерноморье (по материалам архива ИАК)¹

М. Т. Кашуба, И. В. Сапожников²

Аннотация. Статья посвящена сотрудничеству ИАК с М. К. Якимовичем в 1905 г., отраженному в деле «О расследовании могильника близ с. Гофнунгсталь Херсонской губ.», которое хранится в Рукописном отделе НА ИИМК РАН. Тогда были проведены раскопки двух курганов (материалы одного из них относятся к позднему бронзовому веку), прошурфовано ногайское поселение XVII–XVIII вв. и исследованы 20 безы Inventарных могил на принадлежащем ему кладбище, где М. К. Якимович собрал весьма представительную коллекцию антропологических материалов. Что касается памятников буджакских ногайцев, то на основе данных картографии конца XVIII в. их можно предположительно, но вполне обоснованно связать с аулом Реджеп (позже с. Режепово), описанным военным инженером Ф. П. де Воланом в 1791 г.

Annotation. The article is devoted to the cooperation in 1905 between the Imperial Archaeological Commission and Mechislav K. Yakimovich, reflected in the file “On the investigation of the burial ground near the Gofnungstal village of Kherson province”, which is kept in the Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Then the excavations were carried out at two burial mounds (materials from one of them date back to the Late Bronze Age), as well as the Nogay settlement of the 17th–18th centuries was excavated through exploratory pits and 20 graves without in the cemetery belonging to it. There Mechislav K. Yakimovich collected a very representative assemblage of anthropological materials. As for the objects of the Budzhak Nogays, on the basis of the cartographic data of the end of the 18th century they can be tentatively but quite reasonably associated with the aul Redjep (later the village of Rezhepovo) as described by the military engineer François Sainte de Wollant in 1791.

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, начало XX в., Императорская археологическая комиссия, М. К. Якимович, Гофнунгсталь, раскопки, курганы, материалы позднего бронзового века, поселение и кладбище буджакских ногайцев XVII–XVIII вв.

Keywords: North-Western Black Sea region, early 20th century, Imperial Archaeological Commission, Mechislav K. Yakimovich, Gofnungstal, excavations, burial mounds, materials of the Late Bronze Age, settlement and cemetery of Budzhak Nogays of the 17th–18th centuries.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-215-235

Большой массив архивных дел (текстовых и изобразительных материалов), связанных с раскопками, ознакомительными поездками, находками кладов и древностей разных эпох в Северном

Причерноморье и прилегающих регионах, которые отложились в архиве Императорской археологической комиссии (далее — ИАК) времени ее существования, остается еще малоизвестным или вовсе неопубликованным. В этой связи авторы статьи обратились к делу «О расследовании могильника близ с. Гофнунгсталь Херсонской губ.» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14)³.

¹ М. Т. Кашуба выполнила свою часть исследования в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Кашуба М. Т. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mirra-k@yandex.ru. Сапожников И. В. — независимый исследователь, Украина; e-mail: ssappog5@gmail.com.

³ Далее при ссылках на материалы Научного архива ИИМК РАН название архива не повторяется. Авторы благодарны сотрудникам архива Т. А. Ершовой и Д. А. Кукиной за помощь в работе с текстовыми документами и изобразительными материалами.

В нем освещены раскопки, организованные и профинансированные ИАК в 1905 г., которые были поручены Мечиславу Константиновичу Якимовичу (литература о нем и биография см.: *Грінченко, 2020; Сапожников, Яненко, 2021*). Эти работы суммарно описала Г. В. Длужневская: «В 1905 г. [М. К. Якимович] осуществлял раскопки в с. Гофнунгсталь Тираспольского у. Херсонской губ., прислал рукопись отчета, опись находок, план поселения, план могильника, рисунки и фотографии раскопок, находок, черепов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. 1905. Д. 14; ФО. Отп. Q 642/28–32, 78)» (*Длужневская, 2014. С. 109*). Помимо этих работ в фонде ИАК Рукописного отдела НА ИИМК РАН отложились и другие отчеты М. К. Якимовича о раскопках в с. Старая Буда и окрестностях Звенигородского уезда Киевской губернии, отчет о раскопках могильника у с. Великий Корогод, отчет о раскопках курганов и разведке близ Любеча и в Городнянском уезде Черниговской губернии, а в Фотоотделе хранятся фотографии находок из его коллекции (*Длужневская, 2014. С. 109; также см.: Императорская..., 2009. С. 93, 96, 100, 104*).

Ход раскопок у с. Гофнунгсталь в 1905 г.: предыстория и документация

Переходя к первому эпизоду сотрудничества ИАК с М. К. Якимовичем, отметим, что полученные материалы опубликованы в виде реферата, составленного ИАК на основании отчета ([*Якимович*], 1908)⁴. Он был учтен в опубликованном первом томе археологической карты И. В. Фабрициус (1951. С. 47), но далее в историографии не упоминался (ср.: *Добролюбский, 1986; Добролюбский, Смирнов, 2011; Субботин, 2013; и др.*).

Раскопки М. К. Якимовича в 1905 г. у бывшей немецкой колонии Гофнунгсталь (или Гоффнунгсталь — нем. *Hoffnungstahl* («Долина надежд»); совр. с. Цебриково (укр. Цебрикове) Раздельнянского района Одесской области Украины)⁵ в долине р. Малый Куяльник имели свою предысторию. Так, в «Археологической карте» И. В. Фабрициус со ссылкой на неопубликованную «Археологическую

карту Херсонщины» В. И. Гошкевича (*Фабрициус, 1951. С. 41*) приведена информация о том, что у села «вблизи кургана здесь найдены: бронзовый наконечник стрелы, фрагменты орнаментированной посуды и горшок с обломками медного ножа; в кургане: стремена, удила, пряжка, воронкообразная трубка, 4 железных кольца от седла, железные бляхи, шлем с кусочком шелковой материи на дне и 4 медные пластинки. Находки поступили в Херсонский музей» (*Там же. С. 9, 46–47*)⁶. Имеется указание и на то, что в 1904 г., с разрешения Э. Р. фон Штерна, «уже была произведена пробная раскопка и найдены два скорченных костяка на дубовой колоде» (док. 1 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 3–3об.) и, судя по всему, эти «исследования» не были связаны с более поздним кладбищем. Скорее всего, тогда был исследован один из многочисленных курганов окрестностей села (см. далее).

Дело ИАК «О расследовании могильника близ с. Гофнунгсталь Херсонской губ.» (Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14; начато 08.01.1905, закончено 24.09.1910; на 65 л.) состоит из 38 документов: «Открытый лист» за № 523 от 23.03.1905 г. есть в оригинале (Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 38–38об.) и в копии (Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 11–11об.), а наибольший объем занимает «Отчет о раскопках» (док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 22–37). Имеется также переписка ИАК с Г. Г. Маузером и другими лицами, в основном касающаяся перевода на его имя 25 руб. для приезда на место раскопок, а также будущей присылки ему двух экземпляров «Отчета ИАК за 1905 г.» (Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 10об., 16–20, 49–50; см.: док. 14–15). Еще несколько документов отражают переписку ИАК с М. К. Якимовичем об организации работ и его отчетность о трате денежных средств (Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 6, 7, 9–13, 38, 40–43; см.: док. 7–9, частично док. 11)⁷.

Инициатором исследований выступил уроженец колонии Гофнунгсталь Густав Готфридович

⁶ Недавно высказано предположение, что следы этих «раскопок» до сих пор прослеживаются в виде длинной траншеи на кургане, который находится на левом берегу долины реки в 1 км к югу от с. Цебриково (*Заець, Кюсак, 2010. С. 121*) и, если оно верно, можно допустить, что их мог провести сам В. И. Гошкевич.

⁷ Заметим, что в деле присутствуют нарушения хронологического порядка подшивки документов, а в «Отчете о раскопках» — нарушения в порядке иллюстративных таблиц.

⁴ С припиской от редакции: «к сожалению, отчет об этих раскопках, по случайным обстоятельствам, не мог быть помещен в надлежащем месте» (см. [*Якимович*], 1908. С. 88).

⁵ О немецкой колонии подробнее см. работу *Leibbrandt et al., 2005*.

Маузер, обратившийся в октябре 1904 г. к проф. А. В. Клоссовскому⁸ с просьбой передать его письмо Э. Р. фон Штерну, который в декабре 1904 г. перенаправил его в ИАК (док. 1 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 3–3об.). Примечательно, что в рукописи к «Археологической карте Херсонщины» В. И. Гошкевич назвал Г. Г. Маузера «учителем местной школы» (см.: *Фабрициус*, 1951. С. 47), хотя по меньшей мере в 1905–1906 гг. он проживал по адресу «с. Ташино Одесского уезда» (ныне Николаевской обл. Украины), примерно в 18–19 км от почтовой ст. Курисово (ныне пос. Доброслав Одесской обл. Украины) (док. 5, 14 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 15–15об., 49–49об.)⁹. Как видим, данные факты не противоречат возможности личного знакомства В. И. Гошкевича с Г. Г. Маузером¹⁰ и вероятности проведения первым из них упомянутых раскопок кургана до 1905 г., хотя сюжет с находкой «двух скорченных костяков на дубовой колоде» остается загадочным.

Так или иначе, Г. Г. Маузер предложил провести работы в Гофнунгстале с условием «лично принять участие в поездке на место раскопок на кладбище» (док. 1 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 3–3об.), на что ИАК ответила согласием (док. 2 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 4). Руководителем работ был назначен М. К. Якимович (док. 3 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 5–5об.), который и произвел их в течение мая 1905 г. При этом он значительно перевыполнил план, проведя поисковые исследования (шурфовку?) прилегающего к могильнику поселения и фактически охранные раскопки двух курганов (док. 4–9 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 8, 15–15об., 22–37, 44–46). Вся документация и почти все находки были сданы в ИАК вовремя (док. 11–12 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 21–21об., 47). Любопытно также, что участие Г. Г. Маузера в раскопках не состоялось, так как М. К. Якимович приехал на место не 1-го, а 5 мая (по данным Г. Г. Маузера: док. 4–5 — Ф. 1. Оп. 1.

1905. Д. 14. Л. 8, 15–15об.), чему отчасти противоречат данные финансовой отчетности (док. 8–9 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 45–46).

Раскопки у с. Гофнунгсталь в 1905 г.: материалы

Поскольку материалы раскопок подробно описаны в отчете их автора — самого М. К. Якимовича (док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 22–37), им же хорошо проиллюстрированы (рис. 1–11), а краткая информация в «Отчете ИАК» имеется в сети Интернет¹¹, перейдем к характеристике находок. Археологических артефактов было найдено немного: лепной глиняный сосуд («чашечка») во фрагментах из кургана № 2 (рис. 11); два кусочка кремня («от кресал»), три фрагмента глиняных курительных трубок («казацких люлек»), обломки круговой глиняной посуды с поливой и без нее, а также обломки железных котлов. Эти вещи ИАК передала РАО только в сентябре 1910 г. (док. 16 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 1–2). Остеологические материалы представительнее (док. 10 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 39–39об.; рис. 4–6), причем все антропологические остатки от пяти черепов и двух скелетов (из могильника и обоих курганов) передали в МАЭ (Кунсткамеру) в январе 1906 г. (док. 12–13 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 47–48).

Два кургана у с. Гофнунгсталь, раскопки 1905 г.

Приступая к раскопкам курганов, М. К. Якимович заметил, что «данная местность изобилует курганами, расположенными как в долине р. Малый Куяльник, так и по обеим возвышенным сторонам этой долины, причем курганы эти тянутся по кривой в разных расстояниях один от другого и в распределении их нет никакой симметрии. Высота этих насыпей колеблется от 1,5 до 3,0 м» (док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 34). Два исследованных им кургана были расположены в «двух противоположных местах» от с. Гофнунгсталь (рис. 1; 7). По сути — эти курганы были частично раскопаны М. К. Якимовичем: курган № 1 исследован не полностью, а в кургане № 2 исследована юго-западная часть насыпи (см.: док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 34–37). Полученные при раскопках материалы были изданы в сокращенном

⁸ А. В. Клоссовский (1847–1917) — метеоролог, в то время заслуженный профессор Новороссийского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

⁹ Г. Г. Маузер родился в 1874 г. в Гофнунгстале, а спустя какое-то время после описываемых событий был известен как редактор ряда немецкоязычных газет (*Leibbrandt et al.*, 2005. S. 358–359).

¹⁰ Хотя в книге, вышедшей в 1903 г., Г. Г. Маузер не упоминается (*Гошкевич*, 1903. С. 168).

¹¹ [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.library.chersonesos.org/showtome.php?tome_code=279§ion_code=3 (дата обращения 05.07.2021).

виде, без чертежей и фотографий (рис. 8–11), поэтому остались вне поля зрения специалистов.

Курган № 1 входил в состав курганного могильника, находящегося на водоразделе к западу от села (рис. 7). Он исследован траншеей (шириной в 16 м), заложенной в направлении запад-восток. Его насыпь распаивалась и имела высоту 2,8 м. При раскопках зафиксированы: в центре насыпи — курганообразная площадка (ее верхушка «срезана») со следами огня, которая была «насыпана первоначально на поверхности почвы» (на уровне древней дневной поверхности?); эту площадку окружала «желтовато-серого цвета насыпь» (материковый выкид?); в свою очередь, эта насыпь была покрыта «плитами известняка и мергеля, достигающими иногда 3–4 пуда веса (49,1–65,5 кг), причем эта каменная кладка была положена в один ряд, покрывая насыпь высотой в 1,3 м как бы кольцом шириной в 8 м и более» (рис. 8; см.: док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 34об.–35об.). В самой насыпи были зафиксированы разрозненные и частью раздробленные кости (обломки костей животных?), а также останки двух человеческих скелетов, кости которых имели следы огня: в 10 м к западу были разбросаны («лежащие в трех местах») части черепа и части бедренных костей ребенка, а к востоку — «разрозненные кости пожилого субъекта (позвонки, части бедренных костей и части черепа, а также и часть нижней челюсти)» (*Там же*).

Курган № 2 входил в состав еще одного курганного могильника, расположенного «в долине р. Малый Куяльник, у самого ее берега, в полуверсте (около 500 м) к югу от села» (рис. 7). Курган был сильно распахан (сохранившаяся высота составляла 2 м) и «отчасти испорчен кладоискателями». Судя по чертежу М. К. Якимовича, курган был ограблен неоднократно, так как центральная часть насыпи была фактически уничтожена грабительской ямой, диаметр которой составил около 16 м (рис. 9). Тем не менее в юго-западной части насыпи на расстоянии около 1,5 м друг от друга (50 см, согласно М. К. Якимовичу) исследованы два погребения (рис. 9; 10). Первый скелет (находящийся северо-западнее) лежал в сильно скорченном положении, на правом боку, черепом на восток (лицевой частью — на север); руки сильно согнуты, кистями у лицевой части черепа, ноги сильно согнуты, коленями подведены к локтям, а стопами — к костям таза. Второй скелет (находящийся юго-восточнее) лежал в сильно

скорченном положении, на левом боку, черепом на северо-восток (лицевой частью — на юго-восток); руки сильно согнуты, кистями у лицевой части черепа, ноги сильно согнуты, коленями подведены к локтям, а стопами — к костям таза. «Между промежутками согнутой правой руки» найдены фрагменты лепного глиняного сосуда в «форме чашки» серого цвета, «смесь глины которого содержала большую долю кварца». Размеры: высота — 5,5 см, диаметр венчика — 4–5 см, диаметр дна — 5 см, толщина стенок — 0,5 (венчик) и 1 (дно) см (рис. 11). Также в кладоискательской яме этого кургана найден «кусочек кремня как бы от скребка» (см.: док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 35об.–37).

Приведенные данные показывают, что оба раскопанных кургана были неоднократно ограблены, чаще всего по центру насыпей (рис. 7–11; см.: док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 34–37). Если на плане кургана № 2 М. К. Якимович уверенно показал расположенную в центре грабительскую яму, то на плане кургана № 1 ее нет, хотя отсутствие в центре насыпи камней кладки, как и находки разрозненных останков двух человек в противоположных частях насыпи прямо указывают на неоднократные грабительские вторжения.

Судя по прожогу большой площади и каменной кладке насыпи (диаметром около 40–41 м), центральное погребение одной из насыпей кургана № 1 могло относиться к двум эпохам — бронзовому и раннему железному векам. Несмотря на кажущуюся близость погребальному обряду, зафиксированному в скифских курганах с сожженными деревянными гробницами, раскопанным у г. Дубэссарь (Дубоссары), элементы насыпи кургана № 1 Гофнунгсталь обнаруживают существенные отличия. Так, для дубэссарских курганов характерны мощные прожоги толщиной до 1 м, насыщенные разнообразными находками, а также неширокие каменные крепиды, сложенные из сравнительно некрупных камней (см.: *Кетрару и др.*, 2014. С. 52–55, рис. 43; 45 и сл.). В рассматриваемом случае имеются не столь мощный прожог и большая кладка из крупных камней; даже при неоднократном ограблении кургана № 1 Гофнунгсталь обращает на себя внимание фактически полное отсутствие каких-либо находок — это может являться показателем того, что центральное погребение одной из насыпей кургана не относится к скифской культуре. Однако в Северо-Западном Причерноморье известны комплексы

предскифского периода (раннегальштатский; «фракийский»; черногоровской культуры ранних кочевников) — это курганы с каменными кладками (нередко мощными) Зализничное (*Субботин, Черняков, 1973; Бруйко, 1989*), Брэнешть (*Левицкий, 1989*) и Мокра (раскопки 1994 г. — см.: *Синика и др., 2016. С. 73–74, 82–83, № 64, 65*). Кроме того, рассматриваемые элементы насыпи обнаруживают определенные аналогии в комплексах эпохи бронзы и даже предшествующего неолитического времени Северо-Западного Причерноморья (ср.: *Шмаглий, Черняков, 1970. С. 54–56, рис. 41; Агульников, 2008. С. 128 сл.; Иванова и др., 2005. С. 100 сл.; и др.*). Исходя из сохранности материалов кургана № 1 Гофнунгсталь возможна только их широкая датировка: эпоха бронзы — ранний железный век.

В свою очередь, два погребения в кургане № 2 могут относиться к сабастиновской культуре позднего бронзового века, учитывая концентрацию погребений в южном полукруге курганной насыпи, сильную степень скорченности скелетов, а также находку сосуда баночной формы с прямыми стенками и слабо выделенным устьем, который может относиться к VIII типу керамики сабастиновской культуры (*Sava, Agulnikov, 2003. P. 129, fig. 8, tip VIII*). Подобные банки в целом могут также соответствовать типам VIII и IX, характерным для поздних фаз культуры Бабино (культуры многоваликовой керамики), и встречаются при сильно скорченных скелетах как в бабинской культуре, так в сабастиновской (*Савва, 1992. С. 112–115, рис. 47, 4, 9, 10; 48, 1, 5, 6, 8*). Как справедливо отметил Е. Сава, «посуда баночной формы характеризуется как универсальное явление <...> для средней и поздней бронзы степной части Северного Причерноморья» (*Там же. С. 115*). Это обстоятельство, а также расположение скелетов в относительной близости друг от друга в южном полукруге насыпи, их ориентировка и степень скорченности дают возможность предположить, что здесь находился грунтовый могильник сабастиновской культуры (ср.: *Sava, Agulnikov, 2003. P. 117–120, fig. 2; Агульников, 2008. С. 128 сл.*).

Ногайские материалы у с. Гофнунгсталь, раскопки 1905 г.

Судьба артефактов (фрагментов глиняных курительных трубок и горшков, кремня и обломков железных котлов) неизвестна, а антропологическую коллекцию из могильника Гофнунгсталь

(рис. 6) вместе с черепами из курганов у сел Суклея, Парканы, Красногорка и Плоское (всего 13 экз., датированных XV–XVII вв.) исследовал Г. Ф. Дебец в 1930-х гг. Он пришел к выводу, что они относятся к тюркскому «туранскому» антропологическому типу с некоторой примесью местных европеоидных черт (*Дебец, 1948. С. 261–265, табл. 110*). В последнее десятилетие С. Г. Комаров повторно изучил 11 идентифицированных черепов Тираспольской серии, которая, по его заключению, имеет смешанные черты и «оставлена, по-видимому, представителями южно-сибирской расы» (*Комаров, 2012. С. 458*). К ней наиболее близки серии из Запорожья, Комрата и Херсонской области, составляющие ногайский морфологический комплекс, отличный от соседних регионов, например Ставрополя (*Там же. Табл. 1–4*).

Итак, наиболее яркие и неординарные материалы М. К. Якимович получил при раскопках могильника, по сути кладбища с четкой планировкой могил, находящегося близ поселения, который он датировал XVII–XVIII вв., не называя этнической принадлежности оставившего его населения (док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 22–37), а специалисты ИАК отнесли к XV–XVII или XVI–XVII вв., более или менее определенно связывая их с ногайцами (док. 12 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 47; [*Якимович*], 1908. С. 89).

Исходя из того что в начале XX в. на поверхности были видны следы не только просевших могил, но и жилищ (док. 6 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 33), нами были проведены поиски в описаниях и на картах конца XVIII в., которые часто несут на себе соответствующую информацию о «селищах», то есть местах более ранних поселений (*Сапожников, 2019. С. 87–88*). В 1791 г. в «Описании земли Едисан или Отчете относительно географического и топографического положения Провинции Озу или Едисан, обычно называемой Очковская степь...» военный инженер Ф. П. де Волан описал эту часть долины р. Малый Куяльник, заметив, что она «имеет 1½ версты в ширину. Возвышенности, окружающие его, поднимаются над уровнем речки сажень на 40, образуя вполне приятные уголки в выходах нескольких боковых балок: Решепова, Карали, Сафтерова, Андреева, Талопула. В этой верхней части находятся 5 заброшенных деревень, а именно: Решепа, Курмон, Сафтура, Талопула и Кистелунка, следы обработки окрестностей которых доказывают, что в прошлом они процветали. В окрестностях этих

деревень есть колодцы, вода в которых не из лучших, и небольшое число источников. Однако предполагается, что при некоторой изобретательности можно было бы улучшить воду и увеличить ее количество. Леса совсем мало, он растет в конце балки, да и то одни кустарники. Почва в этой долине до склона возвышенностей включительно в основном черноватая и очень хорошая, в нескольких местах с небольшой примесью песка» (Волян, 2020. С. 135).

На обзорной карте к этому труду селище подписано «*Режепа*», а на других картах 1790 и 1792 гг. — как «*Резепова*» и «ур. *Розеп*». Поскольку на второй из них урочище находится почти в центре земельной дачи уезда № 2, пожалованной в 1792 г. «коллежскому асессору Роману Цебрикову» (Ведомости..., 1875. С. 324), то нет никакого сомнения в том, что аул *Реджеп* или *Раджаб* (от седьмого месяца мусульманского календаря) некогда находился у с. Гофнунгсталь и был оставлен жителями в первые годы российско-турецкой войны 1787–1791 гг.

По мнению В. В. Грибовского, к которому авторы обратились за консультацией, кладбище и поселение Реджеб в долине р. Малый Куяльник принадлежали ногайцам Буджакской орды, которые в 1740–1760-х гг. плотно осели на земле, выращивая пшеницу на продажу в весьма приличных объемах (Грибовский, 2009. С. 68, 94 сл.), что и засвидетельствовал Ф. П. де Волян (см. ранее). Кроме того, В. В. Грибовский осторожно предположил, что рассматриваемое ногайское население находилось под определенным турецким влиянием, что выразилось в устройстве могил, в частности использовании дощатых перекрытий.

Если обратиться к собственно археологическим аспектам ногайской проблематики, например типологии могил, то прямых аналогий погребальным традициям, засвидетельствованным на кладбище аула Реджеб, мы не нашли. В 2019 г. при раскопках могильника Казаклия в Буджаке обнаружены аналогичные могилы с уступом по всему периметру, там же отмечено использование досок в качестве перекрытия длинного подбоя (ляхда). Хотя в Казаклии типология погребальных сооружений разнообразнее, они также надежно не датированы (Агульников, 2020; Агульников, Железный, 2021). Поиски аналогий привели к грунтовому могильнику Бурсучень, исследованному в

юго-западной части Бельцкой степи в 1977 г. Там было выявлено 23 захоронения, 12 из которых датировались османскими монетами от 1750-х гг. до начала XIX в. Большая часть погребений была ориентирована на запад–юго-запад, но совершена в деревянных гробах, также далеко не все покойники были обращены лицом к кибле (см.: *Бачинский, Добролюбский*, 1990). Последние факты можно объяснить культурными контактами с местным (молдавским) населением и более поздней датой этого некрополя — до 1807 г., тогда как кладбище Гофнунгсталь не могло существовать позднее 1787–1788 гг.

Что касается других курганных и грунтовых ногайских могильников Северо-Западного Причерноморья (см.: *Добролюбский и др.*, 1988; *Малюкевич и др.*, 2017. С. 56–91, 108–110 и др.; *Агульников, Сава*, 2004. С. 50–82, 227–228; и др.), то следует признать тот факт, что их возраст надежно не определен из-за отсутствия маркирующих признаков: они датированы исследователями по-разному и в широких хронологических пределах — в основном, до начала XVIII в.

Результаты

В настоящей статье опубликованы и проанализированы результаты раскопок М. К. Якимовича 1905 г. у с. Гофнунгсталь. В научный оборот введены материалы могильника сабаатиновской культуры позднего бронзового века, а также материалы ногайцев Буджака: поселение и принадлежащее ему кладбище, на котором раскопаны 20 могил. Впервые публикуемое полное описание (с чертежами и фотографиями) захоронений, а также анализ ногайских материалов региона существенно дополняют известные и несколько раз проанализированные антропологические материалы из Гофнунгсталь. По данным картографии конца XVIII в. рассматриваемые поселение и кладбище можно связать с аулом Реджеп, который в 1791 г. описал военный инженер Ф. П. де Волян. Это важное обстоятельство достаточно надежной фиксации присутствия ногайцев в Буджаке.

Благодарности. Авторы считают приятным долгом выразить искреннюю благодарность за консультации и предоставление неопубликованной информации В. В. Грибовскому и С. М. Агульникову.

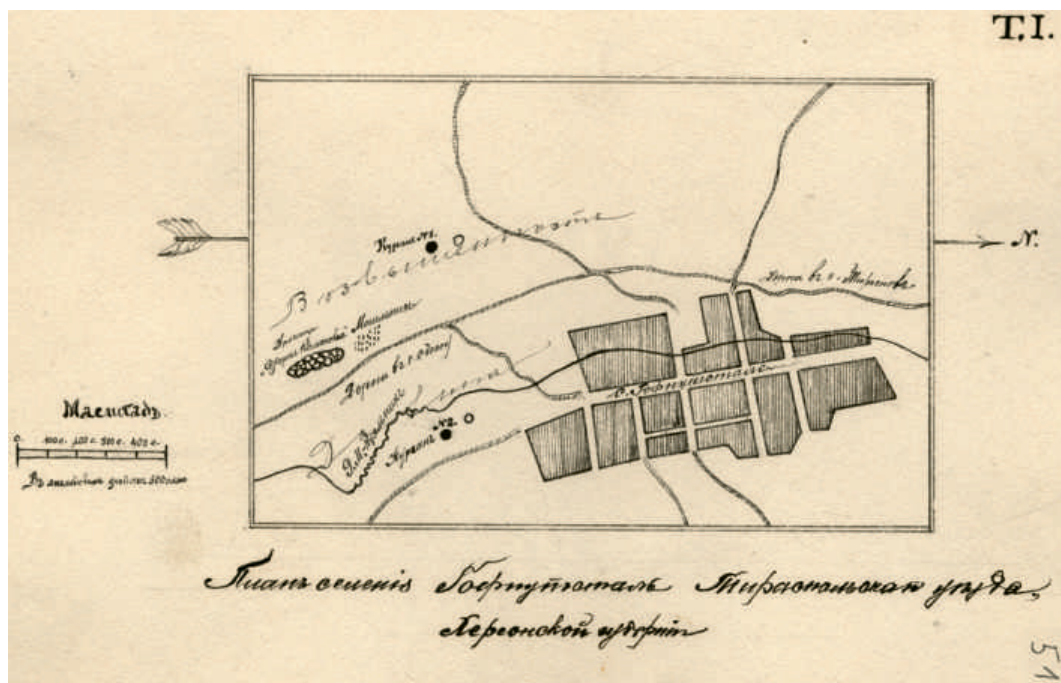

Рис. 1. План с. Гофнунгсталь [Цебриково] в долине р. Малый Куяльник с обозначением кладбища и курганов. 1905 г., М. К. Якимович; первая публикация (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 51. Т[абл. I])

Fig. 1. Plan of the village of Gofnungstal [Tsebrikovo] in the valley of the Maly Kuyalnik river with the designation of the cemetery and burial mounds. 1905, Mechislav K. Yakimovich; first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 51. T[ab]. I)

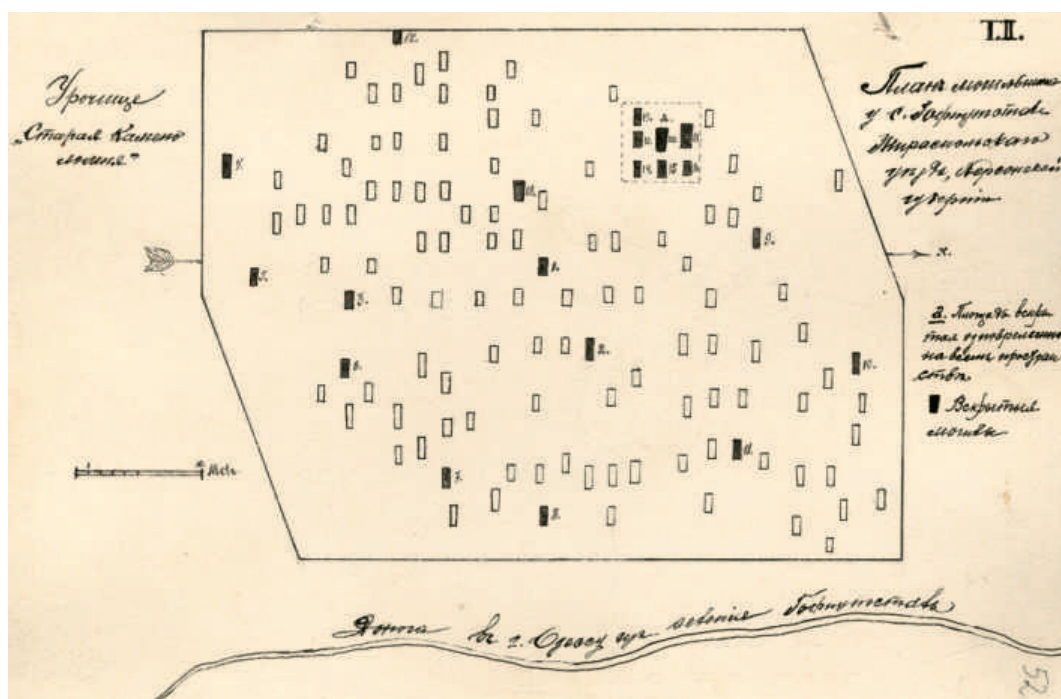

Рис. 2. План кладбища у с. Гофнунгсталь. 1905 г., М. К. Якимович; первая публикация (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 52. Т[абл. II])

Fig. 2. Cemetery plan near the village Gofnungstal. 1905, Mechislav K. Yakimovich; first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 52. T[ab]. II)

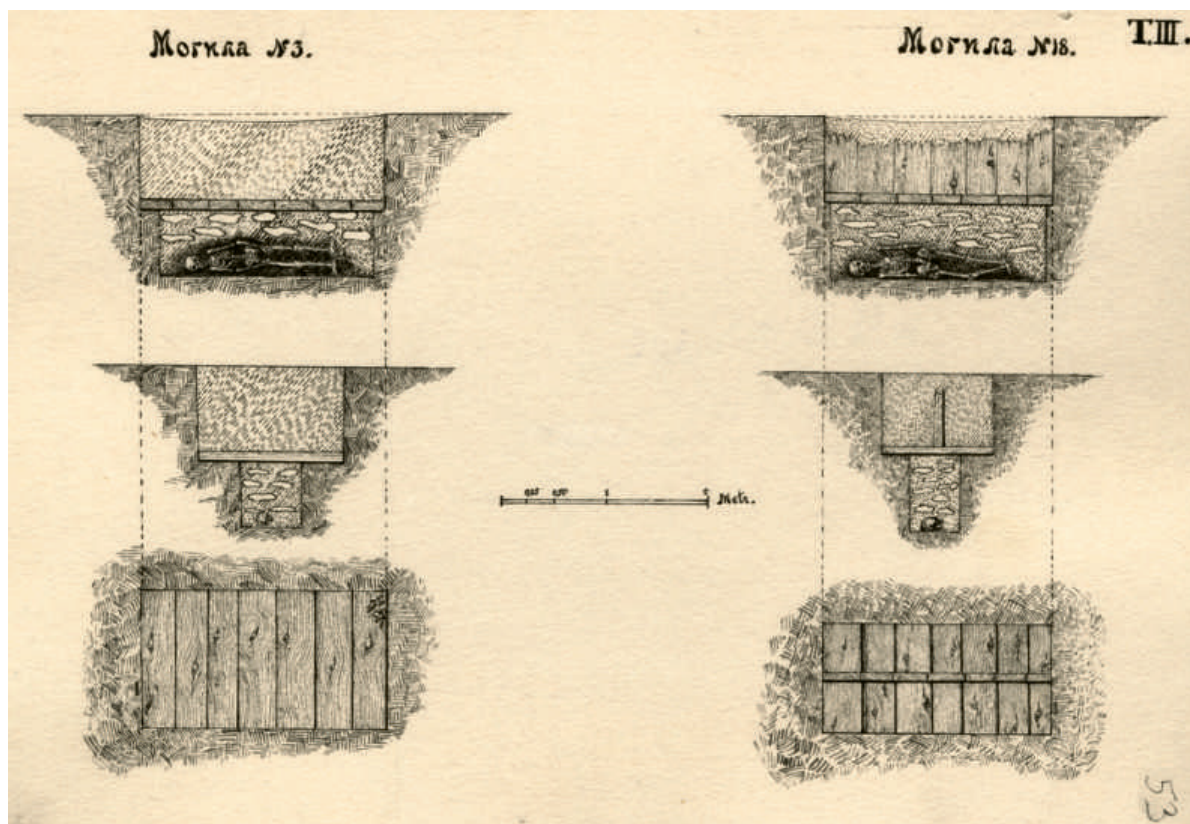

Рис. 3. Кладбище у с. Гофнунгсталь: могилы 3 и 18. 1905 г., М. К. Якимович; первая публикация (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 53. Т[абл]. III)

Fig. 3. Cemetery near the village Gofnungstal: graves 3 and 18. 1905, Mechislav K. Yakimovich; first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 53. T[ab]. III)

Рис. 4. Кладбище у с. Гофнунгсталь: могилы 6 и 12. 1905 г., М. К. Якимович; первая публикация (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 59. Т[абл]. IX)

Fig. 4. Cemetery near the village Gofnungstal: graves 6 and 12. 1905, Mechislav K. Yakimovich; first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 59. T[ab]. IX)

Рис. 5. Кладбище у с. Гофнунгсталь: могила 18. 1905 г., М. К. Якимович; первая публикация (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 58. Т[абл]. VIII)

Fig. 5. Cemetery near the village Gofnungstal: grave 18. 1905, Mechislav K. Yakimovich; first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 58. T[ab]. VIII)

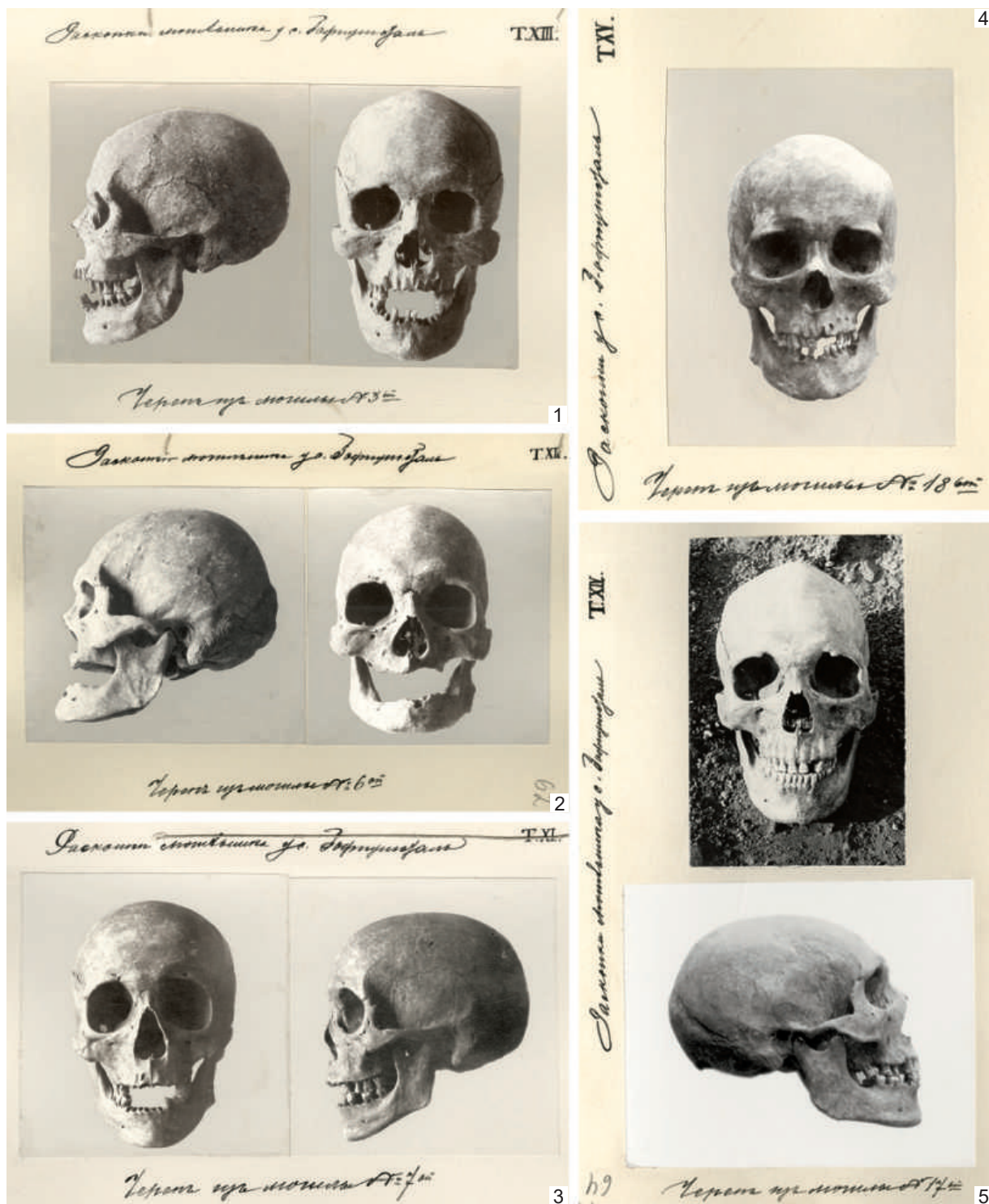

Рис. 6. Кладбище у с. Гофнунгсталь: 1 — череп из могилы 3 (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 63. Т[абл]. XIII); 2 — череп из могилы 6 (Там же. Л. 62. Т[абл]. XII); 3 — череп из могилы 7 (Там же. Л. 61. Т[абл]. XI); 4 — череп из могилы 17 (Там же. Л. 64. Т[абл]. XIV); 5 — череп из могилы 18 (Там же. Л. 65. Т[абл]. XV). 1905 г., М. К. Якимович, первая публикация

Fig. 6. Cemetery near the village Gofnungstal: 1 — skull from the grave 3 (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 63. T[ab]. XIII); 2 — skull from the grave 6 (Ibid. Sh. 62. T[ab]. XII); 3 — skull from the grave 7 (Ibid. Sh. 61. T[ab]. XI); 4 — skull from the grave 17 (Ibid. Sh. 64. T[ab]. XIV); 5 — skull from the grave 18 (Ibid. Sh. 65. T[ab]. XV). 1905, Mechislav K. Yakimovich, first publication

Рис. 7. Окрестности с. Гофнунгсталь с отмеченными курганами. 1905 г., М. К. Якимович, первая публикация (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 57. Т[абл. VII])

Fig. 7. Neighborhood of the village of Gofnungstal with the marked mounds. 1905, Mechislav K. Yakimovich, first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 57. T[ab]. VII)

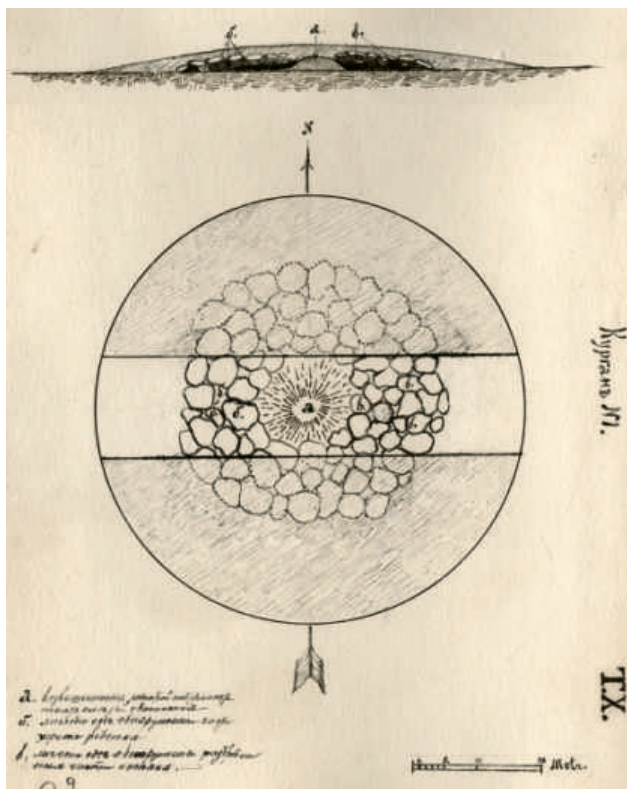

Рис. 8. Курган № 1 у с. Гофнунгсталь: общий план и разрез (а — обожженная поверхность; б — место находки фрагментов черепа ребенка; в — разрозненные кости человека). 1905 г., М. К. Якимович, первая публикация (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 60. Т[абл. X])

Fig. 8. Mound No. 1 near the village Gofnungstal: general plan and section (a — burnt surface; б — place of finding fragments of a child's skull; в — scattered human bones). 1905, Mechislav K. Yakimovich, first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 60. T[ab]. X)

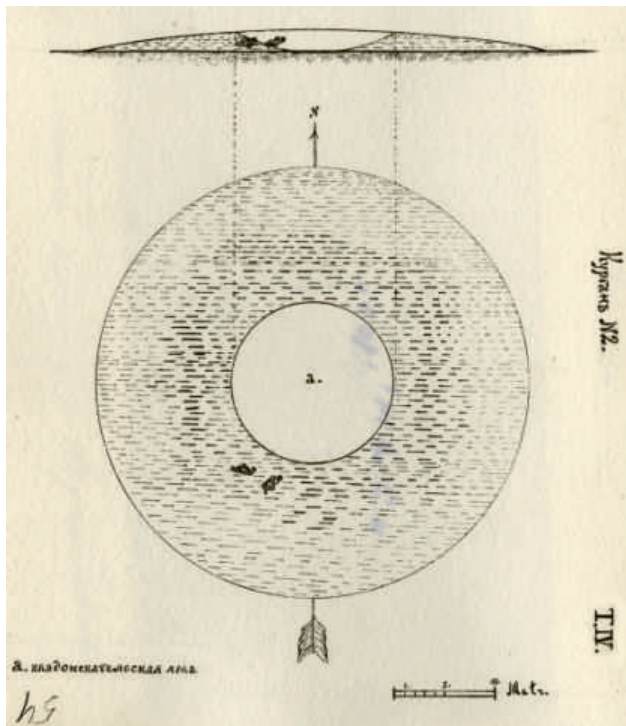

Рис. 9. Курган № 2 у с. Гофнунгсталь: общий план и разрез (а — грабительская яма). 1905 г., М. К. Якимович, первая публикация (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 54. Т[абл]. IV)

Fig. 9. Mound No. 2 near the village Gofnungstal: general plan and section (a — robber's pit). 1905, Mechislav K. Yakimovich, first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 54. T[ab]. IV)

Рис. 10. Курган № 2 у с. Гофнунгсталь: погребения 1 и 2. 1905 г., М. К. Якимович, первая публикация (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 55. Т[абл]. VI)

Fig. 10. Mound No. 2 near the village Gofnungstal: burial 1 and 2. 1905, Mechislav K. Yakimovich, first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. 1905. F. 14. Sh. 55. T[ab]. VI)

Рис. 11. Курган 2 у с. Гофнунгсталь, сосуд из погребения 2 (юго-восточного). 1905 г., М. К. Якимович, первая публикация (НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Нег. Q 642-78)

Fig. 11. Mound 2 near the village Gofnungstal, vessel from burial 2 (southeastern). 1905, Mechislav K. Yakimovich, first publication (SA IHMC of RAS. A.G. 1. In. 1. Negative Q 642-78)

Документ 1

Письмо Г. Г. Маузера проф. А. В. Клоссовскому с. Антоново-Кодинцево Одесского уезда Херсонской губ., 07.10.1904 г.

Оригинал на листе с именованным угловым штампом

Лет 10 тому назад наткнулся я в горах, при родном селе своем (колония Гофнунгсталь в том Куяльнике [реке], который кончается Хаджибейским лиманом) на старинное кладбище. Таковое представляет собою ровную относительно площадку, на которой виднеются следы около 70 могил, то есть встречаются образовавшиеся на ней «ямочки», расположенные правильными рядами. Это крайне настораживает, почти убеждает, что это старинное кладбище.

Интересуясь археологией, я все время лелеял мысль создать об этом своем открытии кому следует сообщение с тем, чтобы и самому присутствовать при раскопках, тем более, что место нахождения названного кладбища никому /Зоб./ не известно. — Но все не представлялось удобного случая сделать это сообщение.

Встретив на днях в газете реферат о раскопках профессора фон Штерна на месте древней Ольвии, я опять вспомнил и про кладбище, и одновременно меня осенила счастливая мысль: использовать вашу любезность для сообщения господину фон Штерну об упомянутом кладбище.

Поэтому осмеливаюсь просить Вас, г. профессор, передать о сем моем сообщении, <два слова неразб.> Вашему коллеге г. фон Штерну. При имею присовокупить, что я бы очень мечтал, как сказано выше, лично принять участие в поездке на место раскопок на кладбище, надеясь, что расходы по поездке будут приняты Археологической комиссией на себя.

В случае надобности, я сочту за честь вступить с г. фон Штерном в переписку по сему поводу.

Преданный Вам, Густав Маузер.

Пометы и резолюции: «8 января. Б. Фармаковскому»; «Передано профессором Штерном. С его разрешения уже была произведена пробная раскопка и найдены два скорченных костяка на дубовой колоде»; Надпечатка красным чернилом «Заслушано ИАК в заседании» с добавлением от руки: «постановили: пригласить для раскопок г. Якимовича из Белой Церкви. На его расходы по дороге 50 руб. и на раскопки 125 руб. г. Маузеру предложить <неразб.> [для приезда] на раскопки — 25 руб.».

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 3–3об.)

Документ 2

Ответ ИАК Г. Г. Маузеру

Санкт-Петербург, 21.01.1905 г. Исход. № 152. Отпуск на бланке

Вследствии представленного проф. фон Штерном письма Вашего на имя проф. Клоссовского ИАК уведомляет Вас, что та предполагает расследовать указанный Вами могильник близ с. Гофнунгсталь и не встречает препятствий к тому, чтобы Вы присутствовали на работах и ассигнует Вам на поездку в Гофнунгсталь до 25 руб.

За председателя ИАК, товарищ председателя: В. В. Латышев.

Скрепил и верно делопроизводитель: А. С. Раевский (собств. подпись).

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 4)

Документ 3

Письмо ИАК М. К. Якимовичу

Санкт-Петербург, 07.03.1905 г. Исход. № 157. Отпуск на бланке

ИАК, предполагая провести расследования древнего могильника близ с. Гофнунгсталь Одесского уезда, имеет честь покорнейше просить Вас уведомить ее, не согласитесь ли Вы провести эти раскопки в течение лета, когда Вам будет удобно. На поездку на раскопки Вам могло быть ассигновано до 50 руб. и на самые раскопки — до 125 руб.

Председатель ИАК, граф. А. А. Бобринской.

Скрепил и верно делопроизводитель: А. С. Раевский (собств. подпись).

Помета карандашом: «Мечислав Константинович Якимович. Майданецкий сахарный завод, ж.-д. станция Тальное. Б. Фармаковскому».

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 5–5об.)

Документ 4

Письмо М. К. Якимовича в ИАК

с. Майданецкое Уманского уезда, 31.03.1905 г. Вход. № 322. Оригинал

Имею честь уведомить ИАК, что прибуду к 1 мая в сел. Гофнунгсталь <...>, числящееся во 2-м стане Тираспольского уезда Херсонской губернии и расположенной при р. Малый Куяльник, для раскопки могильника у названного селения.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 8)

Документ 5

Письмо Г. Г. Маузера в ИАК

Почт. стан. Кодинцево¹² Херсонского уезда, 31.05.1905 г. Вход. № 678. Оригинал с именным угловым штампом

Имею честь почтительнейше просить Комиссию выслать мне ассигнованные на поездку в с. Гофнунгсталь для присутствия на раскопках указанного мной могильника 25 руб., так как я из Гофнунгсталя уже вернулся. Означенная сумма издержана мной полностью потому, что, во-первых, Гофнунгсталь /15об./ находится от Кодинцево в расстоянии 155 верст (От Кодинцево до Одессы — 45 в., от Одессы до ст. Веселый Кут — 100 в., а от ст. Веселый Кут до Гофнунгсталя — 10 в.), а, во-вторых, потому, что г. Якимович приехал в Гофнунгсталь только 5 мая.

Резолюция: «18 мая. Я полагал бы повременить до получения отчета г. Якимовича». Подпись неразб.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 15–15об.)

Документ 6

М. К. Якимович

Отчет о раскопках могильника и двух курганов вблизи селения Гофнунгсталь Тираспольского уезда Херсонской губернии, произведенных в мае — июне 1905 года

с. Балаклея Черкасского уезда Киевской губ., в декабре 1905 г. Оригинал

По поручению ИАК, мною в отчетном году произведены исследования могильника, находящегося в 2^х верстах к югу от селения Гофнунгсталь Тираспольского уезда Херсонской губернии.

¹² В других письмах указан домашний адрес: «с. Ташино, почт. стан. Курисово» (док. 14 — Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 16).

Могильник расположен на склоне песчаной возвышенности, примыкая с южной стороны к урочищу «Старая Каменоломня», с восточной стороны от дороги из с. Гофнунгсталь в г. Одессу, вблизи правого берега реки Малый Куяльник¹³, пересыхающей обычно в сухое время года [рис. 1]¹⁴, занимая площадь в 2283 кв. метров, на которой лишь при внимательном осмотре возможно различить более /23об./ 121 незначительных, однообразных, расположенных рядами углублений, образовавшихся, как это впоследствии выяснилось, от оседаний почвы на местах могильных ям.

Раскопки могильника производились выемками земли (колодцами) на местах могильных ям. Между прочим была вскрыта и небольшая часть площади, занимаемой могильником, на которой удалось обнаружить 5 детских погребений и две могилы взрослых субъектов. Таким путем было вскрыто всего 20 могил, которые обозначены на приложенном плане могильника в последовательном порядке [рис. 2], причем в каждой могиле обнаружено следующее.

Могила 1^а. На глубине 57 см от поверхности почвы, которая в этом месте несколько осела, образовав неглубокую, продолговатой формы впадину, встретились следы настилки из /24/ дубовых досок, расположенных горизонтально в поперечном направлении могильной ямы. Из сохранившихся остатков этой настилки не удалось выяснить ее размеры. Ниже настилки обнаружилась могильная яма в направлении с В. на З., засыпанная песком и заваленная обломками известнякового мергеля, который и добывали из прилегающей к могильнику местности. Длина могилы равнялась 1,8 метр., ширина у ног 40 см., у изголовья — 56 см., глубиной 43 см. Углы могилы были несколько притуплены (полукруглые) [скруглены], на ее дне лежал костяк женщины средних лет на спине, в вытянутом положении, головой на запад, прикасаясь левым, несколько приподнятым боком и конечностями к левой стенке могилы, благодаря чему голова отклонилась в правую сторону на бок; правая рука была вытянута вдоль туловища, левая же несколько согнута в локте и кисть ее покоилась на лобковых костях. Костяк /24об./ хорошо сохранился длиной 1,3 метр. [рис. 2].

Могила 2^а. При тех же обстоятельствах, как выше, но на глубине 60 см. встретились менее заметные следы настилки, чем в предыдущей могиле, тип которой обнаруживала могильная яма, в том же направлении, той же формы, заполненная тем же, что и предыдущая

¹³ Примерные координаты кладбища по интернет-программе «Гугл-карты» составляют: 47°07'18.5" N 30°06'28.9" E или 47.121802, 30.108038.

¹⁴ Здесь и далее по отчету ссылки на «рис.» и их номера поставлены в квадратных скобках авторами статьи, а ссылки на «табл.» и их номера — самим М. К. Якимовичем.

могила длиной 1,9 метр., шириной у ног — 40 см., у изголовья же — 51 см. и глубиной 50 см. На дне ямы лежал костяк молодого мужчины в таком же направлении и положении, как и в предыдущей могиле, разница заключалась лишь в том, что правая рука, как равно и левая, были согнуты в локтях и кисти их покоились на бедренных костях. Костяк средней сохранности, длиной в 1,4 метра [рис. 2]. /25/

Могила 3^а. При тех же обстоятельствах, на глубине 80 см. встретилась настилка из дубовых досок, хотя и перегнивших, но все же еще не рассыпавшихся, в количестве 7 шт. длиной 1,4 метр., шириной от 16 до 18 см., толщиной 8 см. Доски эти лежали горизонтально в поперечном направлении могилы одна возле другой, образуя незначительные просветы и представляя собой по сути вид удлиненного четырехугольника площадью 33,6 кв. метров, которая прикрывала собой могильную яму таким образом, что эта могила, размеры которой по ширине были значительно меньшими, приходилась в середине настилки. С восточной стороны на настилке лежали раздробленные кости барашка, причем голова отсутствовала. Под этой настилкой обнаружена могильная яма такой же формы, в том же направлении, с тем же содержимым, как и /25об./ в предыдущих могилах, длиной 2,05 метр., шириной у ног — 52 см., у изголовья же — 56 см. и глубиной 62 см., на дне которой лежал костяк пожилого мужчины в таком же положении и направлении, как в могиле № 2. Костяк хорошей сохранности длиной в 1,65 метра [рис. 2; 3, 1; 6].

Могила 4^{аа}. При тех же обстоятельствах, как выше, но на глубине 60 см. встретились следы настилки, ниже которой обнаружилась могильная яма, заполненная таким же образом, как и все предыдущие могилы, длиной 2 метр., шириной у ног — 38 см., у изголовья — 49 см. и глубиной 45 см. На дне могилы лежал костяк мужчины средних лет в таком же направлении и положении, как и в предыдущих могилах. Разница заключалась лишь в положении рук, которые были протянуты вдоль туловища и кисти находились /26/ под бедренными костями. Костяк средней сохранности длиной в 1,4 метра [рис. 2].

Могила 5^{аа}. При тех же обстоятельствах, но на глубине 70 см. встретились тоже следы настилки, ниже которой обнаружили могильная яма, заполненная таким же образом, как и в предыдущих могилах, длиной в 2 метр., шириной у ног и изголовья в 50 см. На дне могильной ямы лежал костяк мужчины средних лет в таком же положении и направлении, как и в могиле № 2. Костяк средней сохранности длиной 1,58 метр [рис. 2].

Могила 6^{аа}. При тех же как выше обстоятельствах, но на глубине 80 см встретились следы настилки, под которой обнаружилась могильная яма с тем же содержимым и в том /26об./ же направлении, как и в предыдущих могилах, длиной в 2 метр., шириной у ног —

35 см., у изголовья же — 53 см., и глубиной — 55 см. На дне могильной ямы лежал костяк мужчины преклонного возраста в таком же, как выше положении и направлении, с той лишь разницей, что обе кисти рук, протянутые вдоль туловища, покоились на бедренных костях, причем фалангами пальцев левой руки обхватывался таз у лобковой кости. Костяк хорошей сохранности, длиной 1,7 метр. [рис. 2; 4, 1; 7].

Могила 7. При тех же обстоятельствах, но на глубине 70 см. встретились незначительные следы настилки, местами в виде толстых еще, не превратившихся в глени кусочков дубовых досок, местами же коричневого цвета <одно слово неразб.>; по этим жалким остаткам не удалось сделать измерений настилки. Под этой настилкой обнаружилась могильная яма, заполненная таким же образом /27/ и в том же направлении, как и предыдущие могилы, длиной в 1,98 метр., шириной у ног — 50 см., у изголовья же — 56 см. и глубиной — 60 см. На дне могилы лежал костяк молодой женщины в таком же положении и направлении, как и в могиле № 2^о. Костяк хорошей сохранности, длиной в 1,53 см. [метр.] [рис. 2; 8].

Могила 8^{аа}. При тех же обстоятельствах, но на глубине 80 см. встретились те же следы настилки под которой — могильная яма, заполненная так же, как и предыдущие могилы и в том же направлении, длиной в 2 метр., шириной у ног — 45 см., у изголовья же — 48 см. и глубиной — 56 см. На дне могилы лежал костяк молодой женщины в таком же положении и направлении, как в могиле № 2^о. Костяк средней сохранности, длиной 1,6 метров [рис. 2]. /27об./

Могила 9^{аа}. При тех же обстоятельствах, но на глубине 76 см. встретились следы настилки, превратившейся в пыль и по цвету песка лишь возможно заключить, что это следы настилки, ниже нее обнаружилась могильная яма, заполненная обычным образом и в том же направлении, длиной 2,05 метр., шириной у ног — 52 см., у изголовья же — 60 см., и глубиной 64 см. На дне ямы лежал костяк пожилой женщины в таком же положении и направлении, как в могиле № 4^о. Костяк плохо сохранился, длиной в 1,5 метр. [рис. 2].

Могила 10^{аа}. При тех же обстоятельствах, но на глубине 60 см. встретились, как и в предыдущей могиле, очень незначительные следы настилки, ниже которой обнаружилась могильная яма в том же направлении и с тем же содержимым, как /28/ и в предыдущей могиле, длиной 2 метр., шириной у изголовья — 59 см., у ног же — 56 см., глубиной — 56 см. На дне могилы лежал костяк пожилого мужчины в положении и направлении аналогичном могиле № 4. Костяк плохо сохранился, длиной в 1,56 метр. [рис. 2].

Могила 11^{аа}. При тех же обстоятельствах, но на глубине 59 см. встретились, как и в вышеприведенной могиле, незначительные следы настилки, ниже которой — могильная яма в таком же направлении и с тем

же содержимым, как и в предыдущих могилах, длиной 2 метр., шириной у ног — 52 см., у изголовья же — 55 см. и глубиной — 56 см., на дне которой лежал костяк пожилого мужчины в таком же направлении и положении, как и в предыдущей могиле. Костяк плохой сохранности, длиной в 1,63 метра [рис. 2]. /28об./

Могила 12^{ад}. При тех же обстоятельствах, но на глубине 62 см. встретились остатки настилки, аналогичные вышеприведенной могиле, ниже которой обнаружилась могильная яма в таком же направлении и с тем же содержимым, как и выше, длиной 1,93 метр., шириной у ног — 50 см., у изголовья же — 57 см. и глубиной — 52 см. На дне могилы лежал костяк взрослого мужчины в том же, что и в прочих могилах направлении, на спине в вытянутом положении, причем голова держалась прямо и не была повернута в бок, как это встречено во всех предыдущих могилах; обе руки были скрещены на тазе и кисти их покоились на лобковых костях. Костяк хорошей сохранности, длиной в 1,6 метр. [рис. 2; 4, 2].

Могила 18^{ад}. При тех же обстоятельствах, как и выше, но на глубине 74 см. встретилась настилка из перегнивших, но еще не /29/ распавшихся дубовых досок в количестве 7 штук длиной в 1,1 метр., шириной от 13 до 18 см. и толщиной в 6 см. Форма укладки и направление этой настилки тождественна обнаруженной в могиле № 3^{ей}, разница заключалась лишь в том, что кроме этой настилки, размеры которой были несколько меньше могилы № 3; (настилающая при настиле с промежутками всю площадь в 24,2 метра); посередине поверх настилки стоял отвесный ряд вертикальных, вытянутых в одну линию дубовых досок в таком же количестве и тех же размеров, что и настилка, образуя как бы гребень высотой от 50 до 55 см., тянущийся сообразно направлению могильной ямы с № 3. Ниже этой настилки обнаружилась могильная яма в таком же, как и выше, направлении и с тем же содержимым, длиной в 2,1 метр., шириной у ног и изголовья 50 см., глубиной 70 см. На дне могильной ямы /29об./ лежал костяк пожилого мужчины на спине, несколько на правом боку, прикасаясь левым приподнятым боком и конечностью левой ноги к левой же стенке могилы; правая нога была несколько согнута в колене; обе руки были протянуты вдоль туловища и покоились под тазом у бедер, голова же, вследствие такого, несколько бокового положения костяка, отклонилась на правый бок. Костяк средней сохранности, длина в 1,6 метр. [рис. 2; 3, 2; 5; 10].

Остальные могилы (13–17, 19 и 20) были обнаружены при вскрытии части площади, занимаемой могильником, размерами в 49 кв. метров. Площадь эта обозначена на прилагаемом плане могильника пунктиром (табл. № 2). На означенной площади обнаружилось прежде всего 4 детских могилы (13–16), вернее костяки, так как, благодаря песчаной почве и той незначительной глубине, на которой они /30/

обнаружились (на глубине от 52 до 58 см.), размеры могил не удалось выяснить. Вследствие вышеуказанных причин так же плохо сохранились и костяки, все же явилась возможность отчасти определить возраст этих же, благодаря частью сохранившимся нижним челюстям. Это были останки детей от 3 до 7 лет. Обращены были головами на запад и, по-видимому, [были захоронены] в вытянутом положении.

Впоследствии на той же площадке, на глубине 70 см был обнаружен костяк ребенка лет 11–13 (**могила № 19**), обращенный головой на З, на спине в вытянутом положении; руки были протянуты вдоль туловища, ввиду того, что костяк лежал незначительно на правом боку, голова отклонилась на правый бок. Очертания могильной ямы обнаружилось почти у дна по направлению от В. на З., в длину равной 1,4 метр., шириной у ног — 30 см., у изголовья же — 48 см. Могильная яма была засыпана /30об./ лишь песком, глыбы известняка и мергеля не встречались. Костяк очень плохой сохранности, длиной, по-видимому, в 1,1 метр. [рис. 2].

Вблизи вышеописанной могилы на глубине 80 см. обнаружилось следы настилки, аналогичной встреченным в прежних могилах, под которой — могильная яма в таком же, как и прежде, направлении (она обозначена № 17), заполненная песком и глыбами известняка и мергеля, длиной в 2 метр., шириной у ног — 53 см., у изголовья же — 66 см. и глубиной — 58 см. На дне могилы лежал костяк мужчины средних лет в таком же направлении и положении, как и в прежних могилах, разница заключалась лишь в положении рук, которые были незначительно согнуты в локтях и кисти их покоились на лобковых костях. Костяк средней сохранности, длиной 1,7 метра [рис. 2; 9].

На той же площади, вблизи упомянутой могилы, на глубине 1,2 метр. был обнаружен костяк молодого мужчины (**мог. № 20**) в таком же /31/ положении и направлении, как и в предыдущей могиле. У ног костяка были сложены кости, по-видимому, барашка (голова отсутствовала). Контуры могильной ямы можно было определить лишь у дна ее и размеры ее на дне определились в 2 метра [длиной], ширина у ног — 50 см., у изголовья же — 54 см. Могила была засыпана лишь песком, следы же настилки были встречены на различной глубине, что произошло вследствие отсутствия каменной кладки [заполнения], которая была обнаружена во всех предыдущих могилах, исключая детские. Костяк средней сохранности, длиной в 1,5 метр. [рис. 2].

На основании добытого, лишь археологического материала и за отсутствием при костяках предметов быта, нет возможности выяснить народность, которая оставила своих представителей в данной местности, а также установить время, к которому возможно было бы отнести эти погребения. Хотя так уж /31об./ особенно сетовать на указанные проблемы нельзя потому, что в нашем распоряжении осталась еще

не использованной ритуальная сторона, довольно-таки ясно выраженная в данном могильнике, но все же при настоящем наборе этих фактов нет еще возможности делать сопоставлений, а потому ограничусь лишь восстановлением картины погребений, представляя будущему выяснение означенных выше вопросов.

Погребения совершались следующим образом: Раскапывалась яма глубиной от 1,2 до 1,5 метр. для взрослых, для детей же — от 52 до 70 см., причем для каждой особи отдельная; размеры этой ямы были несколько большими таковых покойника, причем у ног она была уже, чем у изголовья. Покойники, надо полагать, опускались в могилы на поясах или на чем-нибудь другом, без гробов и ложились на спины в вытянутом положении, головой на запад; руки у покойников были скрещены /32/ на груди и вследствие вынимания из-под них допускаемых выше снаряжений, руки сползали, так как покойник, передвигаясь к левой стенке могилы, несколько приподнимаясь на левый бок, почему и получалось такое несколько боковое положение их, подтверждая и тот вывод, что покойники погребались в могилах без гробов. У ног покойника ложили обезглавленного и, по-видимому, зажаренного барашка, что встречено в двух случаях: в могилах № 3 и № 20. После опускания покойника в могилу, таковая забрасывалась в большей или меньшей мере камнями и засыпалась песком до глубины от 43 до 64 см., поверх чего ложились настилка из дубовых досок, размеры которой были значительно больше таковых могильной ямы, вследствие чего могильная яма на вышеуказанной глубине расширялась до пределов, какие требовали размеры настилки, и наконец уже заравнивалась /32об./ с окружающей поверхностью одним лишь песком. Всего в одном случае в могиле № 18 в сооружении настилки встречено некоторого рода исключение, а именно — добавлен гребень, по-видимому, выступающий первоначально на поверхность, назначение которого пока затруднительно определить [рис. 3, 1, 2].

Судя по росту обнаруженных в этих могилах субъектов, который при измерении дал размеры не превышающие в среднем 1,5 метр., они были малого роста, причем встречены как дети, так и последовательно до самого преклонного возраста osoby различного пола. По строению черепов могут быть отнесены к т. н. среднеголовому типу, всего в одном случае встречен длинноголовый, в могиле № 17ой [рис. 9].

Судя по количеству погребенных в этом могильнике покойников, здесь жило продолжительное время какое-то племя, /33/ по-видимому, бедное и мирное, а потому-то здесь вблизи должен быть их поселок. Приняв в соображение последнего рода обстоятельство, я обратил внимание на следы жилищ, найденные вблизи могильника и тянущиеся от селения Гофнунгсталь до сел. Ольгино на протяжении всех 3^х почти верст,

причем у с. Ольгино следы эти отчасти исчезли, так как места эти вспаханы и лишь по золе и разбитой глиняной посуде возможно заключить о существовании здесь некогда жилищ.

В различных местах этих следов деланы раскопки, но кроме лошадиных зубов и кусочков истлевшего дерева, ничего не обнаружилось; в двух лишь местах удалось обнаружить две ямы цилиндрической формы, одна в диаметре 92 см. и глубиной 70 см., другая же диаметром в 68 см. и глубиной в 58 см. Обе эти ямы были наполнены до краев золой, в которой /33об./ найдены три кусочка разбитых казацких люлек (два кусочка из красной глины и один из серой); кроме этих предметов, найдены части глиняной посуды, деланной на круге без полуды и с полудой [поливой], а также два кусочка кремня, по-видимому, для кресал, кости овец и два куска железа от котлов. Вот и все, чем и исчерпывается весь материал, добытый раскопками следов жилищ. Одни лишь части трубок (люлек) могут быть отнесены к 17–18 векам, части же разбитой посуды ничем не различны от нынешней. Из расспросов местных крестьян и колонистов о том, не находил ли кто-либо из них или по преданиям дедов-прадедов признаков кладбища на местах раскопок, а также более заметных следов жилищ, я ничего не мог узнать. Они говорят, что это здесь были погребены турки.

Итак, если считать, что следы жилищ имеют отношение к вскрытому /34/ могильнику, то на основании лишь этих трех трубок можно было бы отнести и этот могильник к 17–18 векам.

Кроме описанного могильника, данная местность изобилует курганами, расположенными как в долине р. Малый Куяльник, так и по обеим возвышенным сторонам этой долины, причем курганы эти тянутся по кривой в разных расстояниях один от другого и в распределении их нет никакой симметрии. Высота этих насыпей колеблется от 1,5 до 3,0 метр. Почти все означенные курганы частью испорчены кладоискателями, частью же курганные насыпи снесены местными колонистами на так называемые *гарманы* — места, где местные жители устраивают точки для молотбы.

Несмотря на указанные выше обстоятельства, я все же попытался хотя бы отчасти выяснить содержание местных курганов, для каковой цели вскрыл в двух противоположных местах два кургана /34об./: на прилагаемом плане селения Гофнунгсталь один из них обозначен № 1, другой — № 2 (табл. № 1).

Курган № 1 [рис. 11, 2; 12] расположен на самом возвышенном месте, к западу от с. Гофнунгсталь, в расстоянии около 1 версты от поселения, вблизи которого (около 6 метр.) находился тоже курган, но так как он был засеян, я не решился вскрывать его; точно так же и описываемый курган был почти до половины засеян, почему я и не имел возможности вскрыть его целиком,

а лишь прорезать его продольной канавой в 16 метр. ширины, глубиной же незначительно ниже чернозема; траншея проведена по направлению с В. на З. Отвесная высота этого кургана 2,8 метр., длина окружности 266 метр. Он был неоднократно вспахиваем, а потому, как в форме своей, так и в размерах изменен. Все же в настоящем виде представляет собой полушаровидную расплывчатой формы насыпь. В насыпи этого /35/ кургана, почти в центре его, на глубине 1,5 метр. обнаружилась небольшая площадка, носящая следы огня, что было возможно заключить по красному цвету и твердости этой поверхности, очень резко выделяющейся на фоне окружающей желтовато-серого цвета насыпи. Площадка же, по-видимому, была насыпана первоначально на поверхности почвы и представляет собой тоже как бы курган, верхушка которого несколько срезана. В сторону от упомянутой площадки, в расстоянии около 10 метр. на запад от него, <слово неразб.> от центра, обнаружены в насыпи несколько выше горизонта в трех местах разрозненные кости ребенка (часть черепа и части бедренных костей), носящие следы огня (табл. № X). С восточной стороны этой площадки в несколько меньшем расстоянии от нее, но на такой же глубине встречены разрозненные /35об./ кости пожилого субъекта (позвонки, части бедренных костей и части черепа, а также и часть нижней челюсти), тоже со следами огня (табл. № X, в). Разрозненные и частью раздробленные кости находились в насыпи, напоминающей по форме тоже курган, покрытый плитами известняка и мергеля, достигающими иногда 3–4 пуда веса, причем эта каменная кладка была положена в один ряд, покрывая насыпь высотой в 1,3 метр. как бы кольцом шириной в 8 метр. и более.

Курган № 2 (табл. № IV–VI) расположен в долине р. Малый Куяльник у самого ее берега, в полуверсте к Ю от с. Гофнунгсталь [рис. 11, 1], вблизи которого находится курган, по-видимому, не тронутый кладоискателями, так как <два слова неразб.> настоящий же, подвергнутый раскопке курган отчасти испорчен кладоискателями /36/. Он был вспахиваем неоднократно, вследствие чего как в размерах, так и в форме своей изменился. Все же в настоящем виде представляет бугор расплывчатой формы, в центре которого имеется углубление — кладоискательская яма. Отвесная высота его 2 метр. при длине окружности в 133 метр. Исследования проходили почти на всем пространстве несколько ниже горизонта [рис. 13].

В Ю.-З. части насыпи обнаружены почти на половине радиуса два скорченных костяка, один на глубине 1,2 метр., другой же — 1,5 метр., в расстоянии 50 см. один от другого; оба были обращены головами на северо-восток; один из них сохранился отчасти хорошо, другой же плохо; один лежал на правом боку, другой — на левом; обе ноги были согнуты в коленях, в сидячем

на земле положении, обе руки, по-видимому, были скрещены на груди, касаясь локтями колен /36об./, кистями же рук — стороны лица; голова была наклонена вниз [рис. 14], что можно установить по одному отчасти хорошо сохранившемуся костяку, у которого между промежутками согнутой правой руки обнаружен отчасти сохранившийся сосудик из серой глины, очень примитивный без круга [лепной] выделки, смесь глины которого содержала большую долю кварца; сосудик этот имеет форму чашки высотой в 5,5 см., диаметр верхушки равен 4–5 см., диаметр днища — 5 см., толщина же стенок: у днища 1 см., у выходного же отверстия — 5 мм. [рис. 15]. Оба костяка были покрыты тленным налетом белого цвета, которым были покрыты и стенки черепных полостей. Толщина этого налета доходила местами до 7 мм.

По найденной при одном из костяков упомянутой чашке, слабо выраженной скорченности костяков, а также обнаруженному в кладоискательской яме этого кургана кусочку кремня как бы от скребка, возможно отнести это погребение к каменному веку. Что же касается кургана № 1^{мн}, то /37/ этот последний, носящий характерные признаки неполного сожжения, может быть отнесен к более позднему, чем каменный век, времени.

С. Балаклея, в декабре 1905 года.

М. К. Якимович (собств. подпись).

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 22–37)

Документ 7

Расписка, данная М. К. Якимовичу

29.05.1905 г. Место не указано. Оригинал с гербовой маркой

Мы, крестьяне с. Ольгино Тираспольского уезда Херсонской губ.: Демьян Корченко, Павел Корченко, Павел Мудрак и Кузьма Косоюренко, дали настоящую расписку в том, что получили от г. Якимовича за раскопку могил, курганов и следов жилищ у с. Гофнунгсталь Тираспольского уезда Херсонской губ. в мае текущего года (16–18, 20–24, 27–28) в течение 8½ дней, считая по 50 коп. в сутки на человека, всего 17 руб. (семнадцать рублей), а за нас неграмотных, по личной просьбе подписал Яков Мандрик.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 44)

Документ 8

Расписка, данная М. К. Якимовичу

30.05.1905 г. Место не указано. Оригинал с гербовой маркой

Мы, нижеподписавшиеся, крестьяне с. Ольгино Тираспольского уезда Херсонской губ., дали настоящую расписку в том, что получили от г. Якимовича за раскопку могил, курганов и следов жилищ у с. Гофнунгсталь Тираспольского уезда Херсонской губ. в мае текущего года (4–5, 7, 9–13, 16–18, 20–21, 23–24, 27–28)

в течение 17 дней, считая по 50 коп. в сутки на человека, всего 42 руб. 50 коп. (сорок два рубля пятьдесят копеек).

Гавриил Прокопенко, Кассиан Кравченко, Сергей Сидоренко, Филипп Красовский, а за них неграмотных, по личной просьбе, и за себя расписался Яков Мандрык.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 45)

Документ 9

Расписка Г. Клеца, данная М. К. Якимовичу

с. Гофнунгсталь Тираспольского уезда, 03.06.1905 г.

Оригинал с гербовой маркой

Я, нижеподписавшийся, получил от г. Якимовича 25 (двадцать пять) руб., следуемых мне за квартиру, продовольствие и за разъезды к раскопкам могильника у означенного выше селения в течение месяца (с 3 мая по 2 июня сего года).

Колонист Густав Клец (собств. подпись).

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 46)

Документ 10

Перечневая опись предметам древности, доставленным М. К. Якимовичем из раскопок, произведенных в 1905 г. у с. Гофнунгсталь Тираспольского уезда

Приложение к железнодорожной накладной от 27.09.1905 г.

Оригинал. Описание сокращено

1. Части черепа и нижней челюсти, а также второй позвонок из кургана № 1 — 3;

2. Раздавленный череп и часть нижней челюсти из кургана № 2 — 2;

3. Череп с нижней челюстью из мог. № 1 [грунтового] могильника — 1;

4. То же из мог. № 6 [грунтового] могильника — 1;

5. То же из мог. № 7 [грунтового] могильника — 1;

6. Скелет из мог. № 17 [грунтового] могильника — 1;

7. Скелет из мог. № 18 [грунтового] могильника — 1;

8. Три кусочка от трех глиняных трубок (люлек) из зольников — 3;

9. Два куска кремня из зольников — 2;

10. Несколько черепков от разбитых горшков от туда же;

11. Два позвонка и таз барашка из мог. № 9 [грунтового] могильника — 3;

12. Часть погребальной урны, найденная у с. Затишье Киевской губ. — 1.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 39–39об.)

Документ 11

Письмо М. К. Якимовича в ИАК

с. Балаклея Киевской губ., 31.12.1905 г., вход. № 31.

Оригинал с гербовой маркой

Имею честь с настоящим представить ИАК:

1. Отчет о раскопках могильника у с. Гофнунгсталь Херсонской губ. в 1905 г.;

2. Счет в употреблении аванса, отпущенного на раскопки с оправдательной документацией;

3. Открытый лист от 23 марта 1905 г. за № 523;

4. Перечневая опись предметам древности <...>.

Из раскопок кургана № 2 у с. Гофнунгсталь мною еще не представлена чашечка, которую представлю к 10 числу сего месяца вместе с остальной коллекцией, уступленной мною Комиссии, /21об./ взамен которой просил бы труды Комиссии, в размере ею усмотренном.

Расходы по уплате за хранение представленных мной в Комиссию предметов, добытых раскопками могильника у с. Гофнунгсталь, принимаю на себя.

Фотографический аппарат [«Москва» 13 × 18 см], как имущество Комиссии, обязуюсь сохранять в исправности.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 21–21об.)

Документ 12

Сопроводительное письмо ИАК в МАЭ

Санкт-Петербург, 18.01.1906 г. Исход. № 99. Отпуск на бланке

ИАК, препровождая при сем для коллекции Музея 5 черепов и 2 скелета из могильника близ сел. Гофнунгсталь Тираспольского уезда, раскопанного летом 1905 г. М. К. Якимовичем и принадлежащего, как есть основания предполагать, ногайцам XV–XVII вв., имеет честь покорнейше просить о получении этих костей не оставить Комиссию уведомлением.

Товарищ председателя ИАК: В. В. Латышев (собств. подпись).

Скрепил делопроизводитель: А. С. Раевский (собств. подпись).

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 47)

Документ 13

Отношение МАЭ в ИАК

Санкт-Петербург, 21.01.1906 г. Исход. № 8. Оригинал на бланке

Музей антропологии и этнографии с благодарностью извещает о получении:

в ноябре 1905 года — четырех черепов из раскопок Ф. А. Брауна в 1898 г. под №№ 6 и 13 из кургана Серогозского и 46, 61 из кургана Белозерского;

19 января 1906 г. — пяти черепов и двух скелетов из могильника близ села Гофнунгсталь Тираспольского уезда, раскопки Якимовича 1905 г.

Директор-академик: В. В. Радлов (собств. подпись).

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 48)

Документ 14

Письмо-просьба Г. Г. Маузера в ИАК

с. Ташино Одесского уезда, 31.12.1906 г. с почт. стан. Курисово. Оригинал

В мае месяце 1905 года при селе Гофнунгсталь производились, по моему указанию, археологические раскопки старинного кладбища (могильника), каковые раскопки и были поручены Комиссией господину Мечиславу Константиновичу Якимовичу, а также и мне было благосклонно разрешено участвовать на этих раскопках.

Конечно, сделать вывод о принадлежности могильника к той или другой эпохе г. Якимович не мог, но предложил мне обратиться через известное /49об./ время в АК, куда он представит свой реферат о раскопках при моем родном селе Гофнунгсталь, каковой будет затем отпечатан в брошюру, один экземпляр каковой и я могу получить.

Ввиду изложенного, имею честь покорнейше просить АК не отказать выслать мне 1 экз. брошюры (или что-либо подобное) об означенной выше раскопке, причем считаю не лишним доложить, что этой моею просьбой руководит отнюдь не простое любопытство, а интерес к археологии; интересуется результатами раскопки также местное население и сообщением положительных результатов раскопки смогу таковое расположить в пользу археологии, хотя бы только в смысле указания им памятников старины.

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 49–49об.)

Документ 15

Письмо ИАК Г. Г. Маузеру

Санкт-Петербург, 12.02.1906 г. Исход. № 157. Отпуск Канцелярия ИАК имеет честь уведомить Вас, что отчет о раскопках, произведенных по Вашим указаниям г. Якимовичем, еще не напечатан; по выходе его из печати ИАК доставит Вам два экземпляра.

В местности, где производились раскопки, жило до половины XVIII в. племя «ногайцы», которым и принадлежат, по-видимому, эти могилы.

Подписал и верно делопроизводитель: А. С. Раевский (собств. подпись).

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 50)

Документ 16

Сопроводительное письмо ИАК в РАО

Санкт-Петербург, 24.09.1910 г. Исход. № 1698. Отпуск на бланке

ИАК, препровождая при сем для собраний Общества черепки из старого селища близ колонии Гофнунгсталь Тираспольского уезда Херсонской губернии, раскапываемого в 1905 г. М. К. Якимовичем, имеет честь покорнейше просить о получении их не оставить Комиссию уведомлением.

Товарищ председателя ИАК: В. В. Латышев (собств. подпись).

Делопроизводитель: И. С. Сутулло (собств. подпись).

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1905. Д. 14. Л. 1–2)

Агульников, 2008 — Агульников С. Могильник саба-тиновской культуры в кургане 1 у с. Твардица (некоторые проблемы погребального обряда периода поздней бронзы Пруто-Днестровского междуречья) // *Revista Arheologică, serie nouă*. 2008. Vol. IV, nr. 2. С. 124–138.

Агульников, 2020 — Агульников С. М. Отчет о полевых исследованиях у с. Казаклия в 2019 г. Ч. 2: Ногайский могильник у с. Казаклия. Кишинев. 2020. 24 с., 26 ил. // Архив Национального музея истории Молдовы. № 652.

Агульников, Железный, 2021 — Агульников С., Железный В. Могильник ногайской культуры XVII–XVIII вв. у с. Казаклия // 2021. В печати.

Агульников, Сава, 2004 — Агульников С., Сава Е. Исследование курганов на левобережье Днестра. Кишинев: СЕР USM, 2004. 243 с.

Бачинский, Добролюбский, 1990 — Бачинский А. Д., Добролюбский А. О. Конец Буджакской орды (по монетным находкам в погребальном инвентаре могильника у с. Бурсучень) // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы / Отв. ред. В. Л. Янин. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 208–222.

Бруяко, 1989 — Бруяко И. В. Еще раз о погребении у с. Зализничное // *История и археология Нижнего Подунавья* (чтения памяти проф. А. И. Доватура): Тез. докл. науч.-практ. семинара / Отв. ред. В. Г. Петренко. Рени: б. и., 1989. С. 36–37.

Ведомости..., 1875 — Ведомости четырех уездов, составляющих Новоприсоединенную область от Порты Оттоманской и присоединенную к Екатеринославскому наместничеству 1792 года // *ЗООИД*. Одесса, 1875. Т. IX. С. 319–331.

Волян, 2020 — Волян Ф. П. Описание земли Эдисан или Отчет относительно географического и топографического положения Провинции Озу или Эдисан, обычно называемой Очаковская степь, служащий пояснением к картам и планам, снятым по высочайшему указанию // *Наследие Ф. П. Де-Волана: из истории порта, города, края* / Авт.-сост. Н. П. Павлюк, Т. Н. Глеб-Кощанская. Одесса: Астропринт, 2002. С. 74–200.

Гошкевич, 1903 — Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Кн. I. Херсон: Тип. Юг., 1903. 176, XX с.

- Грибовский*, 2009 — *Грибовский В. В.* Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник 2007–2008: История и культура народов России и сопредельных стран / Редкол. С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Восточная литература, 2009. С. 67–97.
- Грінченко*, 2020 — *Грінченко В. Г.* Мечислав Якимович: сторінки наукової біографії // *Zaporizhzhia Historical Review*. 2020. Vol. 2 (54). С. 1–9.
- Дебец*, 1948 — *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948 (Тр. Института этнографии, новая серия; Т. IV). 389 [3] с.
- Длужневская*, 2014 — *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 годах (по документам Научного архива ИИМК РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. 218 с.
- Добролюбский*, 1986 — *Добролюбский А. О.* Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев: Наукова думка, 1986. 140 с.
- Добролюбський*, *Смирнов*, 2011 — *Добролюбський А. О., Смирнов І. О.* Кочовики Південно-західної України в X–XVII століттях. Київ; Миколаїв: Іліон, 2011. 172 с.
- Добролюбский и др.*, 1988 — *Добролюбский А. О., Бачинский А. Д., Сегеда С. П.* Погребальные памятники Буджацкой орды // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья / Отв. ред. П. П. Бырня. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 131–144.
- Заець*, *Кюсак*, 2010 — *Заець М. А., Кюсак Д. В.* Матеріали до передісторії смт. Цебрикове (Гофнунгсталь) // Інтелігенція і влада. Одеса: Астропринт, 2010. Вип. 20. С. 121–130.
- Иванова и др.*, 2005 — *Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е.* Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: Изд-во КП ОГТ, 2005. 207 с.
- Императорская...*, 2009 — *Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред.-сост. А. Е. Мусин. Приложение. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 208 с.*
- Кетрару и др.*, 2014 — *Кетрару Н. А., Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П.* Дубоссарские курганы. Тирасполь: Stratum plus, 2014 (Археологические памятники Приднестровья; Вып. 2). 238 с.
- Комаров*, 2012 — *Комаров С. Г.* Краниологические материалы позднего средневековья с территории бывшего Тираспольского уезда Херсонской губернии // «Кадырбаевские чтения — 2012»: Материалы III Междунар. науч. конф. Актобе, 2012. С. 457–462.
- Левицкий*, 1989 — *Левицкий О. Г.* Курганы у с. Бранешты и некоторые вопросы погребального обряда раннегальштатской культуры лесостепной Молдавии // Археологические исследования в Молдавии в 1984 году / Отв. ред. Н. А. Кетрару. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 137–149.
- Малюкевич и др.*, 2017 — *Малюкевич А. Е., Агульников С. М., Попович С. С.* Курганы правобережья Днестровского лимана у с. Молога. Кишинев. Одесса: б. и., 2017. 188 с.
- Савва*, 1992 — *Савва Е. Н.* Культура многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья (по материалам погребального обряда). Кишинев: Штиинца, 1992. 225 с.
- Сапожников*, 2019 — *Сапожников И.* Карты и планы Буго-Днестровской части Причерноморья последней трети XVIII века как археологические источники // *Scriptorium nostrum*. 2019. № 1 (12). С. 81–110.
- Сапожников*, *Яненко*, 2021 — *Сапожников І., Яненко А.* Археолог М. К. Якимович: життя та наукова діяльність в епоху революцій та Світових війн (1866–1945 рр.) // *Емінак*. 2021. № 4 (36). (В печати).
- Синика и др.*, 2016 — *Синика В. С., Разумов С. Н., Тельнов Н. П.* Археологическое наследие Приднестровья = Archaeological heritage of Pridnestrovie. Тирасполь: б. и., 2016. 79 с.
- Субботин*, 2013 — *Субботин Л. В.* История изучения курганных памятников Северо-Западного Причерноморья // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья / Отв. ред. И. В. Бруяко, Т. Л. Самойлова. Одесса: Изд-во СМІЛ, 2013. С. 707–713.
- Субботин*, *Черняков*, 1973 — *Субботин Л. В., Черняков И. Т.* Фракийский кенотаф у с. Зализничное на Левобережье Нижнего Придунавья // *СА*. 1973. № 2. С. 238–240.
- Фабрициус*, 1951 — *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. Вып. I. 156 с.
- Шмаглий*, *Черняков*, 1970 — *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья. Одесса: Маяк, 1970. Вып. 6: Труды Днестро-Дунайской новостроечной экспедиции 1963–1967 гг. С. 5–115.

[Якимович], 1908 — [Якимович М. К.] Раскопки в Гофнунгстале // Отчет ИАК за 1905 год. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1908. С. 88–90, 119.

Leibbrandt et al., 2005 — *Leibbrandt G., Leibbrandt H., Siegle O. G., Heidebrecht R., Kocher T.* Hoffnungsthal und seine Schwaben: die historische Entwicklung einer Schwarzmeerdeutschen Gemeinde, als Beispiel religiös bestimmter Wanderung und Siedlung und als

Beitrag zur Geschichte des Rußlanddeutschtums. 3rd ed. Stuttgart: Richard Wahl Druckerei, 2005. 500 S.

Sava, Agulnikov, 2003 — *Sava E., Agulnikov S.* Contribuții noi la definirea ritului funerar în cultura Sabatinovka // Interferențe cultural-cronologice în spațiul Nord-pontic / Red. șef E. Sava. Chișinău: Academia de Științe RM, Institutului de Arheologie și Etnografie, 2003. P. 113–139.

Excavations by M. Ya. Yakimovich in 1905 near the village of Gofnungstal in the North-Western Black Sea region (after materials from the archives of the Imperial Archaeological Commission)

M. T. Kashuba, I. V. Sapozhnikov¹⁵

¹⁵ Maya Kashuba — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18, Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mirra-k@yandex.ru. Igor Sapozhnikov — Independent researcher, Ukraine; e-mail: ssappog5@gmail.com.

ПЕРСОНАЛИИ

А. Н. Карасёв. К 120-летию со дня рождения¹

Ю. А. Виноградов²

Аннотация. Статья посвящена биографии известного советского археолога А. Н. Карасёва (1902–1972). Свою научную карьеру он начал в Ольвии и затем стал одним из крупнейших специалистов по истории этой области. А. Н. Карасёв также работал на Боспоре, раскапывал Неаполь Скифский, городище «Чайка» и пр.

Annotation. The article is devoted to the biography of the famous Soviet archaeologist A. N. Karasev (1902–1972). He began his scientific career in 1926 in Olbia and then became one of the leading specialists in this field. A. N. Karasev also worked at Bosphorus, excavated Scythian Naples, the ancient settlement “Chayka”, etc.

Ключевые слова: история науки, Северное Причерноморье, античная археология.

Keywords: history of science, Northern Black Sea region, classical archaeology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-236-244

Об Александре Николаевиче Карасёве (1902–1972) сохранилась очень добрая память, во всяком случае, пока еще сохранилась. Все знают, что он был замечательным археологом, выдающимся исследователем Ольвии, прекрасным учителем (Некролог, 1975; Гребенников, 2020). Вместе с тем о жизни этого человека, его судьбе мы знаем до обидного мало. Если припомнить разговоры в археологических компаниях, которые так или иначе были с ним связаны, то можно обозначить следующие моменты. В молодые годы А. Н. Карасёв служил во флоте, что сразу придает его фигуре некий романтический ореол. Он не защитил кандидатской диссертации, и не потому что не смог этого сделать, а потому что принадлежал к той славной генерации археологов, для которых защиты и всякие там научные звания не имели никакого значения. К. К. Марченко рассказывал также, что он любил петь, особенно народную песню «Как на речке было на Фонтанке». Вероятно,

некоторые помнят ее в исполнении Лидии Руслановой. В песне рассказывается нехитрая история об извозчике, которому почему-то взгрустнулось, и он залился горячею слезой. Эта слеза долго катилась вниз и, в конце концов, прожгла ему валяный сапог. В варианте песни, исполняемом Лидией Андреевной, в конце говорится: «А семья его, стал быть, в деревне. / А зовут его, стал быть, Фома».

На основании этих случайных фактов у меня сложилось впечатление, что Александр Николаевич был родом из деревни, по которой иногда тосковал, что в молодости он был бравым краснофлотцем, а в служении науке не искал ни чинов, ни почестей. Сразу можно признать, что я во многом ошибался.

Вообще при попытке описания жизни А. Н. Карасёва возникает немало вопросов, на которые нелегко ответить. Для составления более-менее объективной картины необходимо обратиться к материалам, хранящимся в Научном архиве ИИМК РАН, но и они, к сожалению, не дают исчерпывающих ответы на все эти вопросы.

Для начала стоит привести автобиографию А. Н. Карасёва, составленную им 12 октября 1937 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 136. Л. 1–2)³:

¹ Исследование проведено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

³ Все архивные материалы, использованные при подготовке публикации, хранятся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН, поэтому в дальнейшем ссылки на место их хранения не приводятся.

«Родился 3-го августа 1902 года в Ленинграде. Отец из крестьян Калужской губ., Мосальского уезда, села Чертени; после окончания военной службы из-за недостатка земли на родине поступил курьером в Министерство финансов в 1900 г. Служил все время на этой должности. Умер 1-го апреля 1916 г.

Мать из крестьян Красного Села Ленинградской обл. была домохозяйкой. После смерти отца получила небольшую пенсию и жила на случайном заработке (шитье и т. п.). Умерла 14-го февраля 1919 г.

После смерти родителей нас осталось четверо: я, старший⁴, и еще три брата. Два младших брата были устроены в приют.

Старший брат, Виталий, был инженером-экономистом, служил в Управлении Октябрьской ж. д., умер в августе 1934 г.

Второй брат, Константин, служит в Военно-Воздушном флоте штурманом эскадрильи, член ВКП(б).

Третий, младший брат Николай, работал каменщиком. В 1932 г. за кражу был арестован на юге и, очевидно, умер. Никаких сведений о нем не имею.

Никто из родственников за границей не живет.

После смерти матери, я вынужден был уехать из Ленинграда и бросить занятия в средней школе, окончив 5-й класс, уехал к родственникам отца в г. Щигры Курской губ. Там поступил в Уздравотдел статистиком. В мае 1920 г. вернулся в Ленинград, жил у родственников матери в Красном Селе. Там же поступил на работу в ЗАГС. Вступив в комсомол в г. Щиграх в феврале 1920 г., в Красном Селе работал секретарем коллектива района Братства до февраля 1924 г. В связи с учебой в Институте от работы в комсомоле оторвался и был автоматически исключен.

В августе 1920 г. поступил добровольцем в Балтийский флот и работал в Политическом Управлении Балт. флота сначала журналистом, потом исполнял обязанности секретаря информационно-осведомительной части.

⁴ Из контекста складывается впечатление, что старшим А. Н. Карасёв считал себя, но из дальнейшего повествования следует, что старшим был брат Виталий. Однако если имеется в виду именно Виталий, то братьев должно быть не четверо, а пятеро, но это вряд ли соответствует действительности. Остается считать, что старшим действительно был Виталий, следующим был Александр и затем два младших брата, Константин и Николай (*Прим. авт.*).

В январе 1921 г. по собственному желанию был откомандирован на учебу в Высший Фототехнический институт на полиграфический факультет. Зимой 1922 г. занятия в Фототехническом институте из-за недостатка топлива и внутренних неурядиц прекратились, и я <поступил> добровольцем-красноармейцем в Высшую Школу летчиков-наблюдателей. Одновременно занимаюсь сначала вольнослушателем, затем студентом в Институте Гражданских инженеров, на архитектурном факультете. Весной 1923 г. демобилизовался, но ввиду крайне тяжелого материального положения (на моем иждивении было два младших брата) продолжать нормально заниматься не мог.

Весной 1924 г. был призван на действительную военную службу в Военно-Воздушный флот. В октябре 1925 г. был демобилизован. Будучи на военной службе, я в январе 1925 г. поступил в Ленинградский Гос. Университет на факультет языкознания и материальной культуры, цикл материальной культуры Греции и Рима, занимаясь преимущественно архитектурой древнегреческих колоний Причерноморья. Окончив летом 1928 г. Университет, я из-за несогласия с программой и постановкой преподавания на отделении (отсутствие ряда необходимых дисциплин, полное отсутствие марксистских курсов и т. п.) ушел из Университета не взяв диплома, продолжая заниматься в качестве практиканта в ГАИМК у проф. Б. В. Фармаковского. В 1929 г. был зачислен в штат научно-техническим сотрудником. В 1930 г. был переведен в младшие научные сотрудники. С 1936 г. работаю в качестве архитектора-археолога. С 1926 г. ежегодно участвовал в археологических экспедициях, преимущественно работая в Ольвии (9 экспедиций), исполняя с 1928 г. обязанности архитектора в экспедиции. Работал в Ольвии, в Керчи, в Херсонесе, в Тамани, в Эски-Кермене.

Под судом и следствием не состоял.

С 1935 г. женат. Жена, Елена Ивановна Леви, работает в ИИМК АН СССР и. о. старшего научного работника, дочь адвоката. Детей не имеем.

Получив специальное археологическое образование, участвуя в 14 археологических экспедициях, работая все время в области изучения древнегреческих колоний Причерноморья, считаю, что дальнейшее мое использование, как специалиста, должно быть не только на выполнении графических фиксаций результатов работы экспедиций, но и на научно-исследовательской работе».

Из автобиографии вполне очевидно, что А. Н. Карасёв к 1937 г., то есть в 35 лет, стал хорошим специалистом в области античной археологии Северного Причерноморья. Родился он в Санкт-Петербурге, и отец его, хоть и происходил из крестьян, служил курьером в Министерстве финансов. В материальном отношении семья была явно хорошо обеспечена, но ранняя смерть отца, а затем и матери (оба умерли в 40 лет) многое изменила в судьбе будущего археолога.

Не стоит удивляться, что некоторые важные события в жизни молодого человека в автобиографии упомянуты вскользь — в сложнейшей внутрисполитической ситуации, в которой страна оказалась в то время, иного трудно ожидать. Некоторые существенные моменты все-таки можно уточнить из документов, относящихся к более позднему времени.

В автобиографии 1944 г. сказано, что А. Н. Карасёв учился в Третьей гимназии Санкт-Петербурга (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 18). Это одно из старейших учебных заведений нашего города, в котором среднее образование получили такие в будущем видные деятели, как В. Я. Стоюнин, Д. И. Писарев, Д. С. Мережковский, В. Д. Набоков, П. Б. Струве и др. Нет никакого сомнения в том, что фундамент научных знаний Александр Николаевич имел очень приличный.

Из анкеты 1952 г. узнаем, что г. Щигры, в который А. Н. Карасёв перебрался после смерти матери, был захвачен войсками Деникина и оставался в их руках с сентября 1919 по февраль 1920 г. (Там же. Л. 76). Александр Николаевич в то время был совсем юным человеком, и его не могли мобилизовать в Белую армию, но, как известно, в Гражданской войне активнейшее участие принимали и более молодые люди.

Вернувшись в Петроград в 1920 г., А. Н. Карасёв поступил добровольцем на Балтийский флот, исполнял обязанности «секретаря информационно-осведомительной части». В чем эти обязанности заключались, можно только догадываться. Правда, прослужить в такой должности ему пришлось недолго, Александр Николаевич был откомандирован на учебу в Высший фототехнический институт. Случилось это в январе 1921 г., то есть совсем незадолго до марта, когда в Кронштадте грянуло восстание матросов.

Фототехнический институт был оставлен, как А. Н. Карасёв написал в автобиографии 1952 г., «из-за плохой постановки преподавания» (Ф. 35.

Оп. 5. Д. 357. Л. 78). Затем молодому человеку пришлось поучиться в Высшей школе летчиков-наблюдателей, одновременно занимаясь в Институте гражданских инженеров, на архитектурном факультете. Последнее следует отметить особо, поскольку только здесь А. Н. Карасёв начал формироваться как специалист-архитектор, хотя пока еще далекий от археологии. Стоит отметить, правда, что обучение в этом учреждении он не закончил, уйдя из него со второго курса (Там же. Л. 23). В уже цитированной автобиографии 1952 г. Александр Николаевич по этому поводу написал: «Из-за бытовых условий (жил в Красном Селе, т. к. дом в Ленинграде, где я жил, сгорел) много приходилось работать в студенческой артели в порту. Т. к. мне надо было помогать двум младшим братьям, я не мог нормально заниматься и за несдачу своевременно зачетов был механически исключен из числа студентов» (Там же. Л. 78).

В январе 1925 г., еще находясь на службе в армии, он поступил в Ленинградский государственный университет (и такие возможности тогда были!), на факультет языкознания и материальной культуры, цикл материальной культуры Греции и Рима. Здесь уже вполне обозначился его особый интерес к изучению архитектуры древнегреческих колоний Причерноморья. Обучение было закончено летом 1928 г., при этом уход из Университета был связан с одним необычным, но в высшей степени любопытным событием — А. Н. Карасёв отказался взять диплом о высшем образовании, мотивируя это своим несогласием с постановкой преподавания, в частности, полным отсутствием марксистских курсов. Из этого факта, да и других, приведенных выше, можно понять, что характер у молодого человека был непростой, неуживчивый, бескомпромиссный.

В своей автобиографии А. Н. Карасёв отметил, что в дальнейшем стал практикантом ГАИМК у Б. В. Фармаковского. Если это так, то практиковаться ему пришлось совсем недолго, поскольку Борис Владимирович скончался в ночь с 28 на 29 июля 1928 г.

В 1929 г. А. Н. Карасёв был принят в ГАИМК в штат научно-технических сотрудников, рекомендацию ему написал будущий академик И. И. Мещанинов (Ф. 35. Оп. 5. Д. 136. Л. 19): «А. Н. Карасёва знаю с 1925 года как участника Ольвийской экспедиции. А. Н. Карасёв прошел серьезную школу раскопок под руководством члена Академии Б. В. Фармаковского, выполняя как отдельные

поручения по самим раскопкам, так в особенности в части обмеров и съемок. В последние годы руководства Б. В. Фармаковского, А. Н. Карасёв исполнял обязанности помощника архитектора. Кроме того, он в течение ряда лет работал в Разряде греко-римского искусства в качестве практиканта. В последнее время занимался специально по некрополю Ольвии и приведению в порядок обмеров и чертежей Ольвийской экспедиции за прежние годы. В полной мере поддерживаю неоднократные ходатайства Разряда о включении А. Н. Карасёва в штат Академии на должность научно-технического сотрудника».

В 1930 г. Александр Николаевич был переведен в младшие научные сотрудники. Этот год в истории Академии был отмечен «чистой» ее рядов. Во время проведения этого мероприятия серьезные обвинения были высказаны, в частности, в адрес С. А. Жебелева и М. В. Фармаковского. С сожалением надо признать, что одним из активных обвинителей при этом был А. Н. Карасёв (*Виноградов*, 2006. С. 15–16; 2013. С. 166).

В археологических экспедициях он начал активно участвовать с 1926 г. или даже с 1925 г. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 136. Л. 5), то есть будучи студентом Ленинградского университета. Основным приоритетом Александра Николаевича в этой сфере, главной его любовью, безусловно, стала Ольвия, где велись масштабные раскопки под руководством Б. В. Фармаковского. Ему, однако, пришлось также поработать в Керчи, на Тамани, в Херсонесе и Эски-Кермене. В экспедициях того времени порой возникали весьма непростые коллизии. Это касается и Ольвии, где после смерти Б. В. Фармаковского нелегко складывались отношения с украинскими коллегами (*Виноградов*, 2013. С. 164, 169). В 1930 г. была создана Таманская экспедиция ГАИМК, во главе которой встал А. А. Миллер (о нем см.: *Алёшкин*, 2015). В нее были привлечены лучшие кадры археологов-античников, в том числе и А. Н. Карасёв. Надо особо подчеркнуть, что исследования этой экспедиции не планировалось ограничивать только Таманским полуостровом, в перспективе предполагалось охватить огромную территорию от Кавказа до Дона. И хотя этим планам не суждено было осуществиться, именно в рамках названного проекта, скорее всего, следует рассматривать научную поездку А. Н. Карасёва на Кавказ, осуществленную осенью 1933 г. (*Виноградов*, 2020а). А. А. Миллер был арестован в сентябре 1933 г., осужден и из сталинских лагерей

уже не вернулся (*Застрожнова*, 2019. С. 185–187). Вряд ли стоит удивляться, что А. Н. Карасёв свое участие в Таманской экспедиции никогда особо не выделял.

В 1935 г. он женился на Елене Ивановне Леви, которая трудилась рядом с ним в ГАИМК, а также принимала участие в экспедициях в Ольвии и на Тамани (о ней см.: *Виноградов*, 2014; *Головачева*, 2014). Так возник замечательный семейный и творческий тандем, с которым связаны многие важные открытия в нашей античной археологии. В 1939 г. у них родился сын Виктор.

В конце 1937 г. А. Н. Карасёв был освобожден от занимаемой должности в связи с ликвидацией ГАИМК и передачей ее подразделений в структуру Академии наук (Ф. 35. Оп. 5. Д. 137. Л. 4об.–5), но такая неприятность коснулась многих сотрудников, даже В. Ф. Гайдукевича, правда, его быстро приняли в штат ИИМК АН СССР (*Виноградов*, 2005. С. 326; 2006. С. 9). С Карасёвым такого не произошло, и ему пришлось работать по договорам, выполнять чертежи Ольвийской экспедиции и т. п. (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 2). Такое положение никак нельзя считать нормальным, поскольку у Александра Николаевича была нарушена непрерывность стажа, возникли проблемы с оплатой больничных листов и т. д. Понятно, что А. Н. Карасёв всячески старался покончить с таким положением, его в этом поддержал Л. М. Славин (о нем см.: *Виноградов*, 2013. С. 169–170), направивший руководству Института письмо (*Там же*. Л. 6).

«Поддерживаю ходатайство архитектора-археолога т. А. Н. Карасёва о восстановлении ему непрерывности его производственного стажа.

Тов. А. Н. Карасёв работает в ГАИМ — ИИМК с 1929 года. В 1937 г. он был по недоразумению снят с штатной ведомости и переведен на договорную работу, что по сути дела не внесло никаких изменений в существо работы тов. Карасёва. В 1938 г. т. Карасёв выполнил серию чертежей по Ольвии по договору с ГАИМКом. В 1939–1940 гг. эти работы т. Карасёв продолжал, оплату договорной работы производил Ин-т Археологии АН УССР <...> по договоренности с дирекцией ИИМК (Ольвийская экспедиция ведется совместно обеими организациями). Мне лично, близко стоящему к работам по Ольвии, прекрасно известно, что тов. Карасёв не прекращал своей работы над графическим оформлением материалов ольвийских раскопок ни на один день. Полагал бы, что юридическое восстановление

фактического стажа работы тов. Карасёва является справедливым актом, полностью отвечающим духу советского законодательства».

В конце концов справедливость восторжествовала, и А. Н. Карасёв приказом от 22 июня 1940 г. был зачислен в штат ИИМК на должность младшего научного сотрудника с 5 июля этого года (*Там же*. Л. 1).

А дальше на всю нашу страну обрушилась великая и страшная война. Не могу сказать, по каким причинам Александр Николаевич не был призван в армию. К июню 1941 г. ему не было и 39 лет, а мобилизации подлежали мужчины вплоть до 50-летнего возраста. Остается думать, что научные заслуги А. Н. Карасёва были столь очевидны для всех (даже для членов призывных комиссий!), что от обязанности выступить на защиту Родины он был освобожден. Более оправданно, однако, искать объяснение этому факту в проблемах со здоровьем, возникших у него к тому времени.

Елена Ивановна, Александр Николаевич и маленький Виктор оказались в блокированном Ленинграде. Организовать эвакуацию для людей, не имеющих особых научных званий, было нелегко, так что страшную зиму 1941–1942 гг. им пришлось провести в городе. Сохранилась история (я ее неоднократно слышал), что от голода очень сильно страдал А. Н. Карасёв, у него даже пропал глотательный рефлекс, так что смерть казалась неизбежной. Его спасла Елена Ивановна. На «черном рынке», который существовал в блокированном городе, она обменяла золотое кольцо на плитку шоколада. Сосать Александр Николаевич все-таки мог и таким образом стал постепенно приходить в себя. Почти чудом кажется и то, что выжил сын... Из Ленинграда семья сумела выбраться только в конце июня 1942 г.

О дальнейших событиях А. Н. Карасёв написал в автобиографии, датированной январем 1944 г.: «Проездом в Ташкент остановились у брата в Комсомольске Саратовской обл. Вследствие задержки в получении документов на дальнейшее следование в Ташкент, жил в Комсомольске до апреля 1943 г. С X/42 по IV/43 г. работал в Комсомольской средней школе директором школы и преподавал историю. По получении вызова, выехал в IV/43 г. в Ташкент <...>» (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 19).

В этом городе, как известно, размещалась Ташкентская группа ИИМК АН СССР. В сентябре 1943 г. совместно с Узбекским филиалом АН СССР была создана Фархадская экспедиция

археологического надзора. Ее начальником стал В. Ф. Гайдукевич, а архитектором — А. Н. Карасёв (*Там же*. Л. 15). Раскопки проводились на Мунчак-Тепе. В документах того времени Александр Николаевич отмечал, что заканчивает написание кандидатской диссертации «Оборонительные сооружения Ольвии» (*Там же*. Л. 20, 21).

Первая его крупная публикация «К вопросу о водоснабжении Ольвии» увидела свет в 1941 г. (*Карасёв*, 1941). Для тома «Античная культура», работу над которым ленинградские археологи начали еще до войны, А. Н. Карасёв должен был подготовить два крупных очерка — «Архитектура древнегреческих колоний Северного Причерноморья» и «Оборонительные сооружения Ольвии». Первый из них был опубликован в издании, ставшем по-настоящему классическим, — «Античные города Северного Причерноморья», но это произошло только через 10 лет после окончания войны (*Карасёв*, 1955).

Т. Н. Книпович в январе 1944 г. отмечала в характеристике А. Н. Карасёва (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 22): «Результаты исследовательской работы т. Карасёва находят отражение, помимо упомянутых статей, также в громадном количестве (около 200 листов) выполненных им чертежей открытых при раскопках строительных сооружений. Чертежи Карасёва приобрели в среде археологов широкую известность не только по высокому качеству исполнения, но также потому, что в них не в меньшей мере, чем во многих статьях о тех или иных архитектурных комплексах, проявляется проделанная научно-исследовательская работа.

Как специалист по античной архитектуре, А. Н. Карасёв многократно проводил занятия с практикантами и сотрудниками экспедиций, обучая их основам фиксации открываемых памятников, читая лекции о строительстве античных колоний Северного Причерноморья. Лекции эти неизменно возбуждали интерес не только начинающих археологов, но также и подготовленных специалистов, охотно входивших в состав аудитории А. Н. Карасёва».

Нет никого сомнения, что Т. Н. Книпович сказала чистую правду. А. Н. Карасёв был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (*Там же*. Л. 77), и опять же не может быть сомнения в том, что эта награда заслуженна. В Ленинград он вернулся 18 мая 1945 г. вместе с другими эвакуированными сотрудниками ИИМК (*Там же*. Л. 25). В июле

А. Н. Карасёв был зачислен в Старо-Ладожскую экспедицию (*Там же*. Л. 28), а в последнем квартале этого года он уже принимал участие в Ольвийской экспедиции, организованной ИИМК АН СССР совместно с Институтом археологии АН УССР (*Там же*. Л. 33).

Возвращение к нормальной жизни, однако, было сопряжено с серьезными проблемами. Прежде всего, семья не сумела вернуть свою жилплощадь по улице Рубинштейна, д. 5, она была занята соседями; пришлось переселиться на Университетскую набережную, где в здании Академии наук тогда размещался весь наш институт (*Виноградов*, 2014. С. 191–192).

Одной из причин официального отказа в возвращении жилплощади было то, что ни Е. И. Леви, ни А. Н. Карасёв не имели ученой степени, а значит, по мнению советской бюрократии, не являлись научными работниками (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 41). Между тем диссертационное исследование А. Н. Карасёва «Оборонительные сооружения Ольвии» было уже полностью завершено, и руководство ИИМК 28 июня 1945 г. обратилось в ВАК с просьбой предоставить ему возможность защиты без сдачи кандидатских экзаменов (*Там же*. Л. 26). Можно понять, что для Александра Николаевича, которому исполнилось 42 года, зубрить учебники марксистской философии было делом малоинтересным. Однако решением ВАК от 8 декабря 1945 г. ходатайство «об освобождении от сдачи кандидатских испытаний» было отклонено (*Виноградов*, 2020б. С. 384–385). Несмотря на эту неудачу, попытки провести защиту повторялись, но об этом далее.

В 1946 г. А. Н. Карасёв в очередной раз принял участие в раскопках Ольвии, а в июле этого года был командирован для проведения археологических работ на остров Змеиный в Черном море (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 49). Этот остров, известный в античной письменной традиции как Белый, является местом в высшей степени любопытным (см.: *Охотников*, 2018), но для Александра Николаевича командировка туда стала лишь эпизодом его научной биографии. Гораздо большее значение имеют исследования А. Н. Карасёва в Крыму. В 1945 г. была создана Тавро-скифская экспедиция ИИМК АН СССР и ГМИИ (затем экспедиция Крымского филиала АН СССР) во главе с П. Н. Шульцем, деятельность которой была нацелена на решение проблемы развития в Крыму скифского государства и изучение поздне-скифской культуры (*Шульц*, 1947а. С. 277; 1947б.

С. 173). С 1946 г. А. Н. Карасёв возглавил Симферопольский отряд этой экспедиции и вплоть до 1950 г. руководил раскопками Неаполя Скифского (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 62; *Шульц*, 1949. С. 57–64). Тогда здесь было сделано немало важных открытий (*Карасёв*, 1950; 1951; 1953). В исследованиях городища он принимал участие и позднее, в 1955–1959 гг. (*Зайцев*, 2003. С. 6).

Весной 1959 г. на месте песчаного карьера под Евпаторией было обнаружено городище у санатория «Чайка». В июле этого года А. Н. Карасёв начал здесь раскопки (*Карасёв*, 1963), а затем продолжил их после четырехлетнего перерыва в 1963 и 1965–1966 гг. (*Карасёв*, 1965; 1966; 1967). Этот памятник он интерпретировал как одно из укреплений (или «стен») Херсонесского государства (*Карасёв*, 1963. С. 42). Вывод А. Н. Карасёва был несколько скорректирован А. Н. Щегловым, указавшим, что городище «Чайка» носит «слишком ярко выраженные черты сочетания земледельческих и военных функций» (*Щеглов*, 1978. С. 54). Последующие раскопки позволили более обоснованно очертить историю существования этого греческого поселения с 60-х гг. IV в. до н. э. по середину II в. до н. э. (*Попова, Коваленко*, 2005. С. 98–100).

Работы в Крыму, безусловно, привели к очень важным научным результатам, но именно Ольвия была тем памятником, на котором Александр Николаевич трудился с наибольшим интересом и отдачей. Там, на участке Е, работами на котором руководили А. Н. Карасёв и Е. И. Леви, в 1951 г. начались раскопки священного участка — темноса и агоры. Со временем здесь были открыты остатки двух храмов, посвященных Зевсу и Аполлону Дельфинию, монументальный каменный алтарь, другие культовые сооружения, а также гимнасий (*Карасёв*, 1964; 1972; *Карасёв, Леви*, 1958; 1965; 1975). Замечательный семейный и научный тандем внес большой вклад в изучение античного домостроительства в Северном Причерноморье (*Леви, Карасёв*, 1955). Александр Николаевич, всегда проявлявший большой интерес к проблеме снабжения Ольвии водой, посвятил специальное исследование водоснабжению ольвийского гимнасия (*Карасёв*, 1975).

Теперь стоит вернуться к вопросу о диссертации А. Н. Карасёва, о которой так или иначе уже говорилось ранее. В характеристике 1959 г., подписанной В. Ф. Гайдукевичем, читаем: «В лице А. Н. Карасёва мы имеем надежного, преданного делу и неутомимого научного работника,

внесшего своими трудами немало ценного в изучение античной культуры Причерноморья, особенно Ольвии. Очевидной несообразностью является то, что до сих пор А. Н. Карасёв не имеет ученой степени кандидата наук, которую он давно уже заслужил» (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 113).

19 июня 1962 г. вопрос о защите был вынесен на заседание Группы античной археологии ЛОИА. На нем выступили все ведущие сотрудники, единодушно поддержавшие мнение, что А. Н. Карасёву следует присудить звание кандидата исторических наук без защиты диссертации (Ф. 312. Оп. 1. Д. 500. Л. 94–95). В заключении по этому вопросу, в частности, было сказано (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 119): «А. Н. Карасёв успешно работает в области археологии уже 35 лет (в том числе 33 года является научным сотрудником нашего Института). За это время А. Н. Карасёв своей многолетней раскопочно-деятельностью (участие в 49 экспедициях, главным образом в Ольвии, кроме того в Неаполе Скифском и др. пунктах юга СССР), а также опубликованными научно-исследовательскими трудами (количество 15, общий объем 25 п. л.) внес большой ценный вклад в разработку истории античной культуры Северного Причерноморья. Принимая вместе с тем во внимание, что в настоящее время А. Н. Карасёву как по возрасту (в текущем году исполняется 60 лет), так и по состоянию здоровья было бы трудно выступать с защитой диссертации, Группа античной археологии считает своим долгом настоятельно просить Дирекцию института предпринять необходимые шаги в целях присуждения А. Н. Карасёву вполне и давно заслуженной им ученой степени кандидата исторических наук — на основании имеющихся печатных работ, без защиты диссертации».

Выписку из протокола с этим решением было решено направить В. Д. Блаватскому (Ф. 312. Оп. 1. Д. 500. Л. 94). Помимо того, Б. Б. Пиотровский, тогда являвшийся заведующим ЛОИА, обратился со специальным письмом к Б. А. Рыбакову (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 118).

«Глубокоуважаемый Борис Александрович,

Направляю Вам выписку из протокола Группы античной археологии ЛОИА с просьбой о присуждении ученой степени кандидата ист. наук Александру Николаевичу Карасёву без защиты диссертации.

Со своей стороны я всецело поддерживаю эту просьбу и прошу Вас, если Вы считаете это возможным, возбудить соответствующее ходатайство перед ВАК».

Все эти старания, к огромному сожалению, оказались напрасными, А. Н. Карасёв был лишен права получить искомую степень и продолжал трудиться в должности младшего научного сотрудника без степени.

В 1970 г. научная общественность нашей страны отметила 100-летие со дня рождения Б. В. Фармаковского, память о котором Александр Николаевич хранил как величайшую ценность. Он посвятил этому событию две статьи — «Б. В. Фармаковский и Ольвия» (Карасёв, 1976) и «Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского», подготовленную совместно с Е. И. Леви (Карасёв, Леви, 1976). Эти публикации стали итогом его научной деятельности и своего рода завещанием потомкам.

1 ноября 1971 г. А. Н. Карасёв был уволен из Института в связи с выходом на пенсию. В приказе говорилось (Ф. 35. Оп. 5. Д. 357. Л. 137): «Сегодня уходит на заслуженный отдых старейший сотрудник Ленинградского Отделения Института археологии Александр Николаевич Карасёв.

Ученик Б. В. Фармаковского — А. Н. Карасёв всю свою жизнь посвятил археологическому изучению Ольвии, где он работал, начиная с 1926 года, в течение 45 лет. Александр Николаевич — превосходный полевой археолог — внес большой вклад в дальнейшее развитие и усовершенствование методики полевых исследований античных городов юга СССР. Особенно велики его заслуги в изучении строительной техники и архитектуры античных памятников Северного Причерноморья, в первую очередь Ольвии и городища у санатория „Чайка“. Его многолетние исследования и реконструкции архитектурных памятников Ольвийского теменоса и агоры служат образцом в этой области науки.

Александр Николаевич Карасёв всегда собирал вокруг себя молодежь, которую он зажигал своим энтузиазмом и самоотверженностью археолога.

Администрация, партбюро и местком выражает благодарность А. Н. Карасёву и надеется, что он не будет терять связи с нашим коллективом».

Последнему пожеланию не суждено было сбыться. Александр Николаевич на пенсии не прожил и восьми месяцев, уйдя из жизни 29 июня 1972 г. (за четыре дня до 70-летия). Так закончился жизненный путь человека, сделавшего для нашей античной археологии невероятно много, но так мало оцененного.

Завершить свою статью я хотел бы тем, чем и начал ее, то есть воспоминаниями. Ученики и соратники Александра Николаевича не раз говорили о его феноменальных способностях чувствовать и понимать культурный слой. Во время присутствия мэтра на раскопе любые ошибки в разборке самых сложных напластований были исключены. Они любили рассказывать, с каким блеском Александр Николаевич водил экскурсии по Ольвийскому городищу, на котором знал «буквально каждый камень и каждый

слоевой фундамент» (Головачева, 2014. С. 199). Здоровье ученого, однако, быстро ухудшалось. Он уже ходил с палочкой, страдал от одышки. По существу все заботы по руководству Ольвийской экспедицией ЛОИА легли на плечи Е. И. Леви.

Елена Ивановна пережила мужа почти на 24 года. Сын Виктор археологом не стал, но археологию любил и ездил в Ольвию; мне довелось видеть его в 1977 г. на раскопках сельского поселения Старая Богдановка-2.

Алёшкин, 2015 — Алёшкин В. А. А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии // Музей. Традиции. Этничность. № 2. СПб.: Российский этнографический музей, 2015. С. 6–19.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. 2005. Вып. 12. С. 323–330.

Виноградов, 2006 — Виноградов Ю. А. Памяти В. Ф. Гайдукевича // БИ. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2006. Вып. 13. С. 3–15.

Виноградов, 2009 — Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГак — РАИМК (ГАИМК) — ИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7–36.

Виноградов, 2013 — Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

Виноградов, 2014 — Виноградов Ю. А. Елена Ивановна Леви (1903–1996). По поводу 110-й годовщины со дня рождения // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 187–196.

Виноградов, 2020а — Виноградов Ю. А. О научной поездке А. Н. Карасёва на Кавказ в 1933 г. // Записки ИИМК. 2020. № 23. С. 183–186.

Виноградов, 2020б — Виноградов Ю. А. Несколько писем из стола В. Ф. Гайдукевича (всю ли правду нам надо знать?) // АВ. 2020. Вып. 27. С. 384–391.

Головачева, 2014 — Головачева Н. В. Такой она мне запомнилась (памяти Елены Ивановны Леви) // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 197–199.

Гребенников, 2020 — Гребенников В. Б. Олександр Миколайович Карасьов (1902–29.06.1972) // Українські археологи крізь епохи. Дослідження степового Побужжя / Ред. В. Б. Гребенников. Миколаїв: Видавництво Яслав, 2020. С. 265–169.

Зайцев, 2003 — Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.

Застрожнова, 2019 — Застрожнова Е. Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII — середина XX в.). СПб.: Нестор-История, 2019. 308 с.

Карасёв, 1941 — Карасёв А. Н. К вопросу о водоснабжении Ольвии // СА. 1941. 7. С. 129–139.

Карасёв, 1950 — Карасёв А. Н. Раскопки Неаполя скифского в 1948 г. // ВДИ. 1950. № 4. С. 179–187.

Карасёв, 1951 — Карасёв А. Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 161–172.

Карасёв, 1953 — Карасёв А. Н. Раскопки Неаполя скифского в 1950 г. // КСИИМК. 1953. Вып. 49. С. 78–85.

Карасёв, 1955 — Карасёв А. Н. Архитектура (Краткий очерк) // АГСП. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. I. С. 188–214.

Карасёв, 1963 — Карасёв А. Н. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории // КСИА. 1963. Вып. 95: Памятники античного времени по исследованиям советских археологов. С. 33–42.

Карасёв, 1964 — Карасёв А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л.: Наука, 1964. С. 27–130.

Карасёв, 1965 — Карасёв А. Н. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г. // КСИА. 1965. Вып. 103: Древности северного Причерноморья. С. 131–139.

Карасёв, 1966 — Карасёв А. Н. Раскопки у санатория «Чайка» в Евпатории // АО 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 115–117.

Карасёв, 1967 — Карасёв А. Н. Раскопки городища Чайка в Евпатории // АО 1966 г. М.: Наука, 1967. С. 215–218.

Карасёв, 1972 — Карасёв А. Н. Раскопки ольвийской агоры в 1967–1969 гг. // КСИА. 1972. Вып. 130: Античные памятники на территории СССР. С. 35–44.

Карасёв, 1975 — Карасёв А. Н. К вопросу о водоснабжении ольвийского гимнасия // КСИА. 1975. Вып. 143: Античная археология. С. 3–10.

- Карасёв*, 1976 — *Карасёв А. Н.*, *Б. В. Фармаковский* и *Ольвия* // *Художественная культура и археология античного мира* / Ред. *Н. И. Сокольский*, *И. Б. Брашинский* и др. М.: Наука. С. 13–21.
- Карасёв*, *Леви*, 1958 — *Карасёв А. Н.*, *Леви Е. И.* Ольвийская агора (по раскопкам 1946–1957 гг.) // *СА*. 1958. № 4. С. 127–143.
- Карасёв*, *Леви*, 1965 — *Карасёв А. Н.*, *Леви Е. И.* Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960–1962 гг. // *КСИА*. 1965. Вып. 103: Древности Северного Причерноморья. С. 80–93.
- Карасёв*, *Леви*, 1975 — *Карасёв А. Н.*, *Леви Е. И.* Раскопки Ольвийской агоры в 1970 г. // *КСИА*. 1975. Вып. 143: Античная археология. С. 11–20.
- Карасёв*, *Леви*, 1976 — *Карасёв А. Н.*, *Леви Е. И.* Исследования Ольвии после *Б. В. Фармаковского* // *Художественная культура и археология античного мира* / Ред. *Н. И. Сокольский*, *И. Б. Брашинский* и др. М.: Наука, 1976. С. 22–45.
- Леви*, *Карасёв*, 1955 — *Леви Е. И.*, *Карасёв А. Н.* Дома античных городов Северного Причерноморья // *АГСП*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. I. С. 215–247.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 136, 137, 357. Ф. 312. Оп. 1. Д. 500.
- Некролог, 1975 — Памяти Александра Николаевича Карасёва (1902–1972) // *КСИА*. 1975. Вып. 143: Античная археология. С. 117–118.
- Охотников*, 2018 — *Охотников С. Б.* Остров Змеиный в науке, литературе, искусстве (VII в. до н. э. — XXI в. н. э.). Одесса: Ирбис, 2018. 124 с.
- Попова*, *Коваленко*, 2005 — *Попова Е. А.*, *Коваленко С. А.* Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур в Северо-Западном Крыму (по материалам Чайкинского городища). М.: МГУ, 2005. 283 с.
- Шульц*, 1947а — *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция // *Известия АН СССР. Серия истории и философии*. 1947. Т. IV, № 3. С. 275–292.
- Шульц*, 1947б — *Шульц П. Н.* Раскопки Неаполя Скифского в 1945–1946 гг. // *Доклады АН СССР. Новая серия*. М.: Наука, 1947. Т. LVIII, № 1. С. 173–176.
- Шульц*, 1949 — *Шульц П. Н.* Тавро-скифская экспедиция // *КСИИМК*. 1949. Вып. XXVII. С. 56–66.
- Щеглов*, 1978 — *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 158 с.

A. N. Karasev — to the 120th birthday anniversary

Yu. Vinogradov⁵

⁵ Yurii Vinogradov — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: vincat2008@yandex.ru.

«Устремленный душой в Арктику» (к 90-летию археолога Леонида Павловича Хлобыстина)¹

В. Я. Шумкин²

Аннотация. Статья посвящена судьбе и деятельности доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника, заместителя заведующего Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, руководителя неолитической группы сектора палеолита ЛОИА АН СССР, одного из крупнейших специалистов в области археологии и древней истории Сибири и Крайнего Севера СССР Леонида Павловича Хлобыстина. Он проработал в институте 27 лет и принимал участие в открытии и раскопках многих знаковых для российской археологии памятников. Публикуется неизданный до этого документальный фотоматериал из семейного архива семьи Хлобыстиных.

Annotation. The article presents the life and activities of Leonid Pavlovich Khlobystin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Deputy Head of the Leningrad Department of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences, head of the Neolithic Group of the Palaeolithic Sector of the LOIA of the USSR Academy of Sciences, one of the most prominent specialists in the field of archaeology and ancient history of Siberia and the Arctic regions of the USSR. He has worked at our institute for 27 years and took part in the discovery and excavation of many significant monuments of Russian archeology. For the first time, unpublished documentary photo materials from the family archives of the Khlobystin family are published.

Ключевые слова: образование, Арктика, Таймыр, археологические разведки и раскопки, научная и общественная работа, отношение к коллегам.

Keywords: education, Arctic, Taymyr, archaeological exploration and excavations, scientific and public work, attitude to colleagues.

...Кто хочет увидеть гений человеческий в его благороднейшей борьбе против суеверия и мрака, пусть прочтет историю арктических путешествий, прочтет о людях, которые шли с развевающимися знаменами навстречу неведомому. Нигде, пожалуй, знания не покупались ценой больших лишений, бедствий и страданий.

Но гений человеческий не успокоится до тех пор, пока не останется и в этих краях ни одной пяди, на которую бы не ступала нога человека, пока не будут и там, на Севере, раскрыты все тайны.

Фритъоф Нансен, полярный исследователь

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-245-453

В ряду сотрудников ИАК, ГАИМК, ИИМК АН СССР, ЛОИА АН СССР, ИИМК РАН за более чем полуторавековую историю было много

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственной программы ФНИ ГАНН по теме № 0184-2019-0002 «Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене», НИОКТР 0120145647.

² Отдел палеолита, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: shumkinv@yandex.ru.

выдающихся имен. И Леонид Павлович Хлобыстин, безусловно, в их числе. Мне выпала честь знать Леонида Павловича только во вторую половину (с 1970 г.) его яркой плодотворной научной жизни. Сведения по более ранним периодам получены из уже опубликованных материалов и рассказов старших коллег и друзей, которым я очень признателен.

Леонид Хлобыстин родился 2 марта 1931 г. в Ленинграде, в семье Павла Дмитриевича и Анны Максимовны Хлобыстиных. В 1952 г. после

окончания средней школы поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, который окончил в 1956 г. по кафедре археологии вместе с будущими известными археологами И. В. Гавриловой, Г. Ф. Коробковой, Л. М. Тарасовым. Тема его дипломной работы — «К вопросу о хронологии и территориальном распространении наконечников стрел неолита лесной полосы европейской части СССР», научный руководитель — ассистент кафедры археологии исторического факультета ЛГУ кандидат исторических наук Татьяна Дмитриевна Белановская, которая обучила, воспитала и направила в науку десятки отечественных и зарубежных археологов. А ленинградские археологи-неолитчики почти все являются ее учениками. Много лет позднее, уже в 1970-х гг., будучи и моим учителем на кафедре, она вспоминала: «Когда Леонид Хлобыстин защищал свою дипломную работу, в которой все признали высокую научную ценность, то я ему сказала, что она может стать отличным заделом кандидатской диссертации». Но Леню Хлобыстина не прельщали ни южные края, вроде Мирмекия, где он работал в 1953 г. в экспедиции В. Ф. Гайдукевича, ни даже лесная территории России. Его душа рвалась на Крайний Север, в Арктику. Поэтому, когда он в 1958 г. поступил в аспирантуру ЛОИА АН СССР, научным руководителем закономерно стал признанный лидер северной археологии Алексей Павлович Окладников, несомненно, много способствовавший окончательному формированию области научных интересов и широкой эрудиции молодого исследователя.

Еще будучи аспирантом, Леонид Павлович организовал Заполярный отряд ЛОИА АН СССР, направленный на исследование Арктики. В 1960-е гг. наряду с проведением собственных полевых исследований участвовал в работе ряда экспедиций ЛОИА АН СССР и на других северных территориях (Кольский полуостров, Байкал, Камчатка, Эвенкия, Мезень). В ноябре 1961 г. после завершения аспирантуры Л. П. Хлобыстин был зачислен младшим научным сотрудником в сектор палеолита и в течение ряда лет был ученым секретарем этого подразделения. Кандидатская диссертация «Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века)» (руководитель А. П. Окладников), защищенная им в 1964 г., обобщала обширные материалы, полученные к тому времени.

Экстремальные условия Арктики при огромной территории и редкой заселенности в сочетании

с весьма ограниченными средствами (отряд не имел транспортных средств, кроме единственной надувной лодки, и мог рассчитывать только на собственные силы, упорство и стойкость сотрудников) делали исследования, особенно в начале, очень трудоемкими, а порой и просто отчаянно рискованными. Несмотря на это, экспедициями под руководством Л. П. Хлобыстина были открыты первые для этой территории мезолитические комплексы (стоянка Лударская III). С 1967 по 1974 г. на территории Таймыра сотрудниками Заполярного отряда ЛОИА АН СССР было открыто более 200 стоянок древнего человека. До начала работ Л. П. Хлобыстина в этом регионе были известны лишь единичные археологические находки. За семь лет работы экспедиции на Таймыре была обследована огромная территория — от города Дудинка до села Хатанга и далее, до Хатангского залива. Кроме этого обследованы районы устья реки Енисей и часть Енисейского залива, берега реки Пясины до устья реки Мокоритто, система Норильских озер. Здесь было обнаружено и раскопано несколько древних поселений, в том числе самая ранняя на территории Таймыра стоянка эпохи мезолита Тагенар VI. Археологической сенсацией применительно к этому региону стало открытие бронзолитейной мастерской Абылаах I (недалеко от Норильска), при раскопках которой были найдены тигли для плавки бронзы, льячки и форма для отливки антропоморфной фигурки. Обломки тиглей и льячек, капли литья с этой стоянки Леонид Павлович показал доктору геолого-минералогических наук, первооткрывателю богатейшего месторождения медно-никелевых руд с высоким содержанием платины Николаю Николаевичу Урванцеву, который после лабораторного анализа материалов сообщил, что часть археологических образцов содержала медь месторождения Норильск-1. Так выяснилось, что норильской самородной медью пользовались еще люди бронзового века. Не менее значимыми оказались раскопки на стоянках Маймече I и IV, среди находок были и уникальные стеатитовые лабретки — украшения, которые крепились в прорези возле рта во время обряда инициации. Такие украшения также были распространены у предков западных эскимосов, алеутов, североамериканских индейцев.

Важным событием для первобытной археологии Сибири явилась подробная, тщательно подготовленная публикация материалов древнейших

Рис. 1. 1 — студенты Леонид Хлобыстин и Игорь Шургая, начало 1950-х гг.; 2 — с однокурсниками и преподавателями кафедры археологии исторического факультета ЛГУ, начало 1950-х гг.; 3 — Л. П. Хлобыстин, М. Д. Корзухина (М. Д. Хлобыстина) и Я. А. Шер в экспедиции, 1959 г.; 4 — Аксай, 1960 г.; 5 — начальник отряда, начало 1960-х гг. Из семейного архива

Fig. 2. 1 — students Leonid Khlobystin and Igor Shurgaya, early 1950s; 2 — with his classmates and teachers from the Chair of Archaeology of the Faculty of History at the Leningrad State University, early 1950s; 3 — L. P. Khlobystin, M. D. Korzukhina (M. D. Khlobystina) and Ya. A. Sher in an expedition, 1959; 4 — Aksai, 1960; 5 — the head of an archaeological team, early 1960s. From the family archive

Рис. 2. Фотографии 1960-х гг.: 1 — советские исследователи Севера: археологи, геологи, этнографы отряда Л. П. Хлобыстина, во втором ряду третья слева Г. Н. Грачёва; 2 — с другом Яковом Абрамовичем Шером; 3 — Марьяна Дмитриевна Хлобыстина в экспедиции. Из семейного архива

Fig. 2. Photos of the 1960s: 1 — Soviet explorers of the North: archaeologists, geologists, ethnographers of L. P. Khlobystin's archaeological team, in the second row, G. N. Gracheva, third from the left; 2 — with a friend Yakov Abramovich Sher; 3 — Maryana Dmitrievna Khlobystina on the expedition. From the family archive

Рис. 3. 1 — Л. П. Хлобыстин среди коллег и начальства в ЛОИА АН СССР, 1970-е гг., слева направо: А. Я. Щетенко, В. М. Массон, Тур Хейердал, Л. П. Хлобыстин, Г. Ф. Коробкова, Н. М. Ермолова,

П. М. Долуханов; 2 — «Открытие», дружеский шарж Галины Кузнецовой на «мэтра». Из семейного архива

Fig. 3. 1 — Amidst his colleagues and chiefs at LOIA AS USSR. 1970s. From left to right: A. Ya. Shchetenko, V. M. Masson, Thor Heyerdahl, L. P. Khlobystin, G. F. Korobkova, N. M. Ermolova, P. M. Dolukhanov; 2 — “Discovery”. Friendly caricature of the “maitre” by Galina Kuznetsova. From the family archive

памятников Байкала (Палеолит..., 1965). Заметный вклад в изучение эпохи бронзы Урала и Западной Сибири внесла монография Л. П. Хлобыстина «Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье» (Хлобыстин, 1976), подводящая итоги исследований, на основании которых он первым сделал важный вывод о существовании в таежной зоне Южного Зауралья особой «андроноидной» культуры, принадлежащей потомкам лесных неолитических племен, существовавших по соседству с алакульским населением Южного Зауралья, и дал широкую историческую картину возникновения на периферии андроновской историко-культурной общности «андроноидных» культур.

Но все же любимым полем научной деятельности Леонида Павловича оставались неизведанные тундровые арктические просторы. Его стремление «углубиться» в более северные регионы при отсутствии средств на авиатранспорт представлялось делом совершенно невыполнимым. Особенно привлекательны были побережья реки Верхняя Таймыра и ее притоков — Горбиты и Логаты, где, по информации Бориса Осиповича Долгих, одного из крупнейших этнографов-сибиреведов XX в., а также местных долган, нганасан, и должны были, судя по широтному расположению этих рек, обнаружиться стоянки охотников на дикого оленя и следы его поколок на переправах. Такую экспедицию с трудом удалось организовать при содействии Норильского института сельского хозяйства Крайнего Севера лишь в 1981 г. Она дала новые, в том числе и уникальные, материалы, свидетельствующие о постоянной посещаемости этих территорий в V–III, I тыс. до н. э., а также в I тыс. н. э.

Большие работы, проведенные экспедицией Л. П. Хлобыстина на территории Таймырского автономного округа, сделали этот район археологически наиболее изученным на севере Сибири. Результаты исследований были обобщены им в докторской диссертации «Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии», блестяще защищенной на Ученом совете Института археологии АН СССР в марте 1983 г. В этой работе были суммированы итоги девяти полевых сезонов Заполярной экспедиции.

Для исследований Л. П. Хлобыстина всегда была характерна широкая постановка проблемы, базирующаяся на детальном, глубоком знании материала, как археологического, так и этнографического, глубокий интерес к проблемам

происхождения народов Сибири. Авторитет ученого Л. П. Хлобыстина — исследователя древностей Сибири — был очень высок. Именно им написаны важные разделы, посвященные проблематике неолита и бронзового века обширного региона Восточной Сибири в двух томах обобщающего издания «Археология СССР» (Хлобыстин, 1987; 1996). Вместе с тем он не замыкался лишь на сибирской проблематике. Так, важный след в изучении Европейского Севера оставило исследование Л. П. Хлобыстина по весьма сложной для исследователей проблеме «Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы» (Хлобыстин, 1973). Большой интерес он проявлял и к теоретической проблематике, о чем, в частности, свидетельствуют оригинальные статьи: «Проблемы социологии неолита Северной Евразии» (Хлобыстин, 1972), «Жилище и его экологическая и социальная обусловленность» (Хлобыстин, 1974) и др. Целый ряд исследований Л. П. Хлобыстина был посвящен проблемам происхождения народов Сибири (Хлобыстин, 1969; 1981).

Л. П. Хлобыстин пользовался заслуженным авторитетом среди коллег, как в нашей стране, так и за ее пределами, неоднократно участвовал в работах зарубежных экспедиций, международных симпозиумов. В 1968 г. он выступал в Вашингтоне с обширным докладом «Формирование и развитие древних культур в Евразийском Заполярье и освоение арктических территорий населением Древней Руси и поморами XVI–XVII вв.». В 1985–1987 гг. Л. П. Хлобыстиным были сделаны важнейшие открытия при полевых исследованиях на острове Вайгач и полуострове Югорский, выявлены, в частности, древнейшие святилища, упоминания о существовании которых сохранились в некоторых письменных источниках. Найденные здесь первоклассные памятники древнейшей культуры и искусства во многом дополняют открытия, сделанные в таких важных центрах, как Старая Ладога и Новгород. К сожалению, опубликовать эти блестящие материалы он уже не успел.

Ученый с самого начала своей научной работы подружился с краеведческим музеем в Дудинке. В 1967 г., к своему 30-летию, музейщики получили новое помещение и активно комплектовали фонды. Основой археологической коллекции стали уникальные находки, переданные Л. П. Хлобыстиным. Сегодня в археологическом комплексе музея представлены подлинные артефакты от эпохи палеолита до железного века,

найденные Леонидом Павловичем. Археологические предметы подтверждают существование и развитие почти всех эпох человеческой жизни на территории Таймыра. В собрании музея хранятся более 8000 археологических артефактов, добытых Заполярной экспедицией. Сохранился тематико-экспозиционный план отдела истории дореволюционного прошлого Таймыра, автором которого был Леонид Павлович. По этим материалам и реконструкциям краеведческий музей до сих пор знакомит своих посетителей с древнейшим прошлым Заполярья.

Л. П. Хлобыстин был человеком с четко выраженной гражданской позицией, широкой культуры, большого творческого потенциала и вместе с тем скромным, тактичным, надежным товарищем и другом. Много времени и сил он отдавал общественной работе, в течение ряда лет был председателем местного комитета, секретарем партийного бюро ЛОИА АН СССР.

Об удивительных деликатности и отзывчивости Леонида Павловича я могу судить по личному опыту. Однажды в 1974 г. он ко мне подошел и как-то смущенно предложил отойти в уголок нашего Дубового зала, где сообщил, что сейчас на партбюро обсуждался прием в кандидаты членов КПСС и решили, что моя кандидатура подходит, так как я молодой старший лаборант (в институт был принят пять лет назад, еще студентом-вечерником кафедры археологии ЛГУ, тем более бывший до этого рабочим, токарем-универсалом прославленного Кировского завода, с хорошей характеристикой по старому месту работы) и имею благодарности от руководства. На мой вопрос «Больше никого не нашлось?», что его явно удивило, он все-таки ответил, что была еще кандидатура Александра Ефимовича Матюхина, но он только в этом году принят в ЛОИА аспирантом, причем намного старше меня, и поэтому мою кандидатуру считали предпочтительней, партии института нужна «молодая пролетарская кровь». Все мои неуклюжие отговорки «еще не готов, не считаю себя достойным» и прочие доводы Леонид Павлович деликатно отводил и, не привлекая соблазнительных аргументов, пытался как истинный коммунист переубедить. Видя, что я стойко держусь своей позиции, в то же время пытаюсь не допускать кощунственных ответов, Леонид Павлович вдруг сказал: «Хорошо! Раз так, тем более знаю, что Саша согласен на партийное кандидатство, у нас есть еще запрос на беспартийного,

образованного, честного сотрудника института для временной работы народным заседателем в суде Дзержинского района на улице Восстания. От этого, надеюсь, не откажешься?». Деваться было некуда, тем более на мой последний вопрос «Как же учеба и работа?» он ответил, что с работы по закону обязаны отпускать на заседания суда с сохранением зарплаты, а с кафедрой проблем не будет, так как в суде нужно будет заседать до 17 часов. Потом мне пришлось там провести по 10 дней в весенние и зимние месяцы в течение четырех лет, о чем я совсем не жалею, поскольку попал в команду очень грамотного судьи по уголовным делам, еще с довоенным опытом работы, который многому меня научил и не только выслушивал мнение заседателя, но порой позволял отстаивать его. А Леонид Павлович после нашего разговора попросил не распространяться об этом, что со своей стороны и он обещал сделать. Не знаю, что он говорил потом на заседании парткома, но слово свое явно сдержал, поскольку никто и никогда мне до 1991 г. не напоминал о моей «несговорчивости», а потом это, к счастью, потеряло всякую актуальность. Александр Ефимович Матюхин уже через год стал членом КПСС. Памятен мне среди многих других примеров доброго ко мне отношения и очень поддерживавшее меня пламенное выступление Леонида Павловича на защите моей кандидатской диссертации в 1984 г., когда негативное отношение руководителя к выходу за рамки и задачи поставленной темы им было превращено в достоинство работы.

Никогда не забуду нашу последнюю с ним встречу, когда в начале 1988 г. мы вместе с А. Я. Щетенко навестили уже больного Леонида Павловича дома. Немного поговорили про институтские дела, я рассказал ему про свою летнюю Кольскую экспедицию, а когда стали прощаться и я его обнял, он сперва тоже приобнял меня, а потом вдруг отстранился и сказал, что он очень болен и может нас заразить, на что я стал его уверять, что все пройдет и его еще ждут северные тундровые просторы, но он так проникновенно и печально посмотрел мне в глаза, что я понял: он все знает и осознает, что хорошего исхода уже не предвидится. Так, к глубочайшему сожалению, и случилось 11 марта того же 1988 г. А уже стоя в дверях, он вдруг сказал, обращаясь больше к А. Я. Щетенко, со своей, по его словам, просьбой-завещанием: взять на работу в ЛОИА его ученика и молодого товарища по экспедициям Владимира Питулько,

который тогда числился лаборантом в Государственном музее этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей), что и было исполнено нашей тогдашней дирекцией. Это так характерно для Леонида Павловича, большого ученого и прекрасного человека, — даже в таком критическом положении продолжать заботиться о судьбах близких ему людей и будущем любимой науки. Многие, очень многие благодарны Леониду Павловичу за участие, заботу, дружескую поддержку, обучение опытом, примером, делом, поступком. И это могут засвидетельствовать не только сотрудники нашего института, а и многие волонтеры, участвующие в его экспедициях.

Чтобы не быть голословным, приведу строки из недавнего личного письма ко мне моего друга, участника одной из таймырских экспедиций и многих других (кольских и сибирских), молодого тогда медика, а ныне доктора медицинских наук, профессора Вячеслава Григорьевича Часныка: «Я был с ним (с Л. П. Хлобыстиным. — В. Ш.) в экспедиции на Таймыр в 80-х годах. Нас было четверо на двух лодках: Леонид Палыч, Мишка Мевш (математик. — В. Ш.), молодой тогда студент из вепсов и я. В живых сейчас остались вепс и я. Со слов Володи Питулько я знаю, что парень-вепс выучился и стал археологом. Он уехал в Карелию и там сейчас работает. Я забыл его фамилию, но звали его, кажется, Игорь (Игорь Манюхин. — В. Ш.). Думаю, что ты его знаешь. Мне Палыч говорил, что он этого парня-вепса планирует сделать своим сменщиком по Таймыру и прочим северным курируемым им районам. Но что-то пошло не так. Сам Леонид Павлович Хлобыстин произвел на меня исключительно положительное впечатление. Я удивился, когда уже после возвращения узнал, что он был партийным и даже, кажется, каким-то парторгом у вас в учреждении. Он был удивительным человеком. Теперь, когда я видел уже много руководителей экспедиций, я точно могу сказать, что он был одним из лучших. Он брал на себя решение ключевых вопросов и основную ответственность, а не лез в мелочевку, из-за чего эта мелочевка раздувалась до гигантских размеров, он помогал, но не поучал, и, самое главное, он был очень честным и ответственным. В частности, когда мы с Мевшом случайно нашли в тундре нганасанское захоронение годов 20-х 20-го века (кажется, там у санок лежало ружье с датой изготовления), причем череп наполовину вытаял, а мы знали, что знакомая Палыча, некая

Грачева (Галина Николаевна Грачева, известный этнограф, автор исследований о коренных жителях Таймыра — долганах и нганасанах, кандидат исторических наук, 1934–1993. — В. Ш.), она, кажется, погибла потом при катастрофе вертолета — подробности рассказывал Женя Савченко, попавший в ту же катастрофу, но обошедшийся переохлаждением и переломами, просила привезти черепа нганасан, то Палыч нам ничего не запрещал, но и не рекомендовал. Его мысль была такова: „Знаете, мужики, наука — дело нужное, но я бы не стал отрывать череп у трупа; у мужика, скорее всего, живы родственники, это место находится на традиционном пути их калания, и они, может быть, его даже и навещают; не думаю, что нам бы самим понравилось, чтобы у нашего деда оторвали голову после его смерти; и, кстати, неважно, будут здесь его родичи, или нет — не людски это“. И мы с Мевшом устыдились, хотя сразу после находки были уверены, что осчастливим науку и человечество, если оторвем череп».

И в этом весь Леонид Павлович. В 1988 г. мы потеряли выдающегося исследователя Арктической археологии, в самом расцвете творческих планов и идей, замечательного человека, и это нестерпимо горько и обидно. Научные труды и открытия Леонида Павловича Хлобыстина сохраняют навсегда его имя в археологической науке. В памяти знавших его людей он останется скромным, доброжелательным и мужественным человеком, глубоко преданным науке, в которой он успел сделать очень многое.

Чтобы хоть как-то смягчить боль утраты, старались, как могли, почтить его память. Так, в 1993 г. издали сборник статей памяти Л. П. Хлобыстина «AD POLUS» (СПб.: Фарн, 1993. 132 с. (Археологические изыскания; Вып. 10)), куда вошли помимо статей коллег и друзей еще и неизданные работы Леонида Павловича. Более масштабно получилось лишь через десять лет, когда в 1997 г. мне посчастливилось получить очередной грант РГНФ, на этот раз издательский (проект № 97-01-16028), и я тут же использовал его для публикации обширной рукописи докторской диссертации Леонида Павловича. Так увидела свет монография «Древняя история Таймырского Заполярья» (ред. В. В. Питулько, В. Я. Шумкин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 340 с.). Она была переведена на английский язык (*Khlobystin*, 2005).

Но, к счастью, остались не только книги, статьи и находки. В семье археологов Леонида

Хлобыстина и его супруги Марьяны Хлобыстиной, археолога, кандидата исторических наук, автора шести монографий (племянницы известного советского археолога, историка средневекового художественного ремесла и материальной культуры Древней Руси Гали Федоровны Корзухиной) родилось четверо детей, которые были вовлечены в деятельность родителей. Поскольку отец прекрасно рисовал и показывал, как делаются археологические зарисовки, то дети активно помогали иллюстрировать научные труды родителей.

Андрей Леонидович (1961 г. р.), старший сын в семье, после школы пошел по стопам родителей и в 1983 г. окончил исторический факультет ЛГУ, но по специальности искусствовед, художник. Дочь

Мая Леонидовна окончила Ленинградское художественное училище им. Серова (ныне им. Рериха) и Театральную академию по специальности художник-постановщик. Анжелика Леонидовна Хлобыстина — спортивный педагог, тренер, мастер спорта СССР по плаванию. Младший сын Павел Леонидович Корзухин — художник-иконописец.

Как видим, творческий потенциал не угас с уходом родителей. Растут и внуки. Уверен, что память о Леониде Павловиче Хлобыстине навсегда сохранится в сердцах всех, кто хоть немного соприкасался с этим замечательным человеком, тем более его детей и внуков. Ведь недаром гласит народная мудрость: «Человек жив, пока его помнят...».

Палеолит..., 1965 — Палеолит и неолит СССР / Под ред. П. И. Борисковского. М.; Л.: Наука, 1965 (МИА; № 131). Т. V. 308 с.

Хлобыстин, 1969 — Хлобыстин Л. П. О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск: Ротапринт Президиума СО АН СССР, 1969. Вып. 1. С. 133–135.

Хлобыстин, 1972 — Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе: Сб. ст. / Отв. ред. А. М. Решетов. Л.: Наука, Лен. отд., 1972. С. 26–42.

Хлобыстин, 1973 — Хлобыстин Л. П. Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. М., Л.: Наука, 1973 (МИА; № 172-2). С. 54–65.

Хлобыстин, 1974 — Жилище и его экологическая и социальная обусловленность // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений: Краткие тез. докл. на Объединенном симпозиуме Методологического семинара и Сектора Средней Азии и

Кавказа ЛОИА АН СССР (23–26 апреля 1973 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, Лен. отд., 1974. С. 54–62.

Хлобыстин, 1976 — Хлобыстин Л. П. Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л.: Наука, Лен. отд., 1976. 65 с.

Хлобыстин, 1981 — Хлобыстин Л. П. Происхождение нганасанов по археологическим данным // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири: Материалы совещ. / Ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во Томского университета, 1981. С. 102–105.

Хлобыстин, 1987 — Хлобыстин Л. П. Бронзовый век Восточной Сибири // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Сб. ст. / Отв. ред. О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев. М.: Наука, 1987 (Археология СССР). С. 327–344.

Хлобыстин, 1996 — Хлобыстин Л. П. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1996 (Археология СССР). С. 270.

Khlobystin, 2005 — Khlobystin L. P. Taimyr. The Archaeology of Northernmost Eurasia. Contributions to Circumpolar Anthropology 5. Washington, D. C.: National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, 2005. 236 p.

“With the soul yearning for the Arctic” (to the 90th anniversary of the archaeologist Leonid Pavlovich Khlobystin)

V. Ya. Shumkin¹

¹ Vladimir Shumkin — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18, Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: shumkinv@yandex.ru.

ХРОНИКА

Институт истории материальной культуры РАН в 2020 г.

В 2020 г. сотрудники ИИМК РАН в рамках Государственного задания на 2019–2021 гг. продолжили научно-исследовательские работы по 13 научным темам, утвержденным для Института на 2020 г. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации¹. Работы Южносибирского филиала ИИМК РАН велись по новой теме государственного задания на 2020–2022 гг. — «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие» (руководитель — д-р ист. наук А. В. Поляков).

При финансовой поддержке РФФИ ИИМК РАН реализовал 10 исследовательских проектов. Также была проведена крупная международная конференция «Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ)», посвященная 100-летию со дня рождения д-ра ист. наук А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук И. Н. Хлопина. Были начаты научные исследования в рамках следующих проектов 2020 г., поддержанных РФФИ:

1) «П. К. Козлов и Ноин-Ула. Археологическое наследие Монголо-Тибетской экспедиции в архивных и музейных собраниях России и Монголии» (руководитель — канд. ист. наук М. В. Медведева);

2) «Хронология и культурная дифференциация палеолита Костенковской группы как основа культурно-исторических и палеодемографических реконструкций» (руководитель — канд. ист. наук А. А. Сеницын);

3) «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятель-

ность, значение для современной науки)» (руководитель — д-р ист. наук Ю. А. Виноградов);

4) «Происхождение *Homo bellicosus* (вооруженное насилие и война в каменном веке)» (руководитель — д-р ист. наук Л. Б. Вишняцкий);

5) «Генетическое разнообразие древних народов Северо-Западного Кавказа в контексте культурных изменений эпохи энеолита — бронзы (V–II тыс. до н. э.)» (руководитель — канд. ист. наук В. А. Трифонов).

Поддержаны новые проекты РФФИ по темам:

1) «Палеолит Костёнок в общеевропейском контексте: развитие культуры в свете новой хронологии» (руководитель — канд. ист. наук А. А. Бессуднов);

2) «Природная среда позднего неоплейстоцена — голоцена Сибирской Арктики и древний человек: расселение, культурная изменчивость, адаптации» (руководитель — канд. ист. наук В. В. Питулько).

Полевые работы ИИМК РАН

В 2020 г. количество экспедиций было сокращено в связи с распространением коронавирусной инфекции. Всего было организовано более 20 экспедиций и отдельных отрядов в различных регионах России. Исследования носили как научно-исследовательский, так и охранный и аварийно-спасательный характер.

Продолжил свою работу Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН в южной части Таманского полуострова на территории Темрюкского района Краснодарского края (руководитель — С. В. Кашаев). В рамках изучения нижнего и среднего палеолита на юге Русской равнины проведены работы на памятнике Хрящи (руководители — доктора ист. наук Л. Б. Вишняцкий и В. Е. Щелинский, канд. ист. наук А. К. Очередной).

Исследования археологии палеолита на Русской равнине были продолжены усилиями Костёнковско-Борщевской экспедиции ИИМК РАН

¹ Список 12 тем см.: Ткач Е. С. Институт истории материальной культуры РАН в 2019 г. // АВ. 2020. Вып. 27. С. 429.

(руководители — кандидаты ист. наук А. А. Сидницын, А. А. Бессуднов, С. Н. Лисицын). В настоящее время, кроме непосредственно полевых работ, команды исследователей ИИМК РАН работают над созданием с применением цифровых методов единой геодезической системы Костёнок-Борщево.

Традиционно в Арктической зоне работали две экспедиции — Яно-Индибирская (руководитель — канд. ист. наук В. В. Питулько) и Кольская (руководители — канд. ист. наук В. Я. Шумкин, д-р ист. наук Е. М. Колпаков).

Полевые работы по изучению средневековых памятников проводились Староладожской экспедицией (руководитель — д-р ист. наук В. А. Лапшин), Новгородской экспедицией на Рюриковом городище (руководитель — д-р ист. наук Н. В. Хвощинская) и Усвятской экспедицией (руководитель — канд. ист. наук И. И. Еремеев).

Отдельно стоит выделить проведение подводных археологических исследований. В рамках академических работ совместно с Государственным Эрмитажем были продолжены исследования Акры (руководители — кандидаты ист. наук С. Л. Соловьёв и В. В. Вахонеев). Подводные работы также были реализованы в Кронштадте и Выборге (результаты исследований опубликованы в Бюллетене Института истории материальной культуры РАН. Охранная археология. Вып. 10. СПб., 2020. 193 с.).

Продолжен мониторинг памятников археологии на территории Ленинградской области (руководители — канд. ист. наук Ст. А. Васильев, С. А. Семенов).

Исследования в Сибири, Республике Тыва и в Красноярском крае проводились усилиями сотрудников как головного учреждения, так и Южносибирского филиала. Саянской экспедицией (руководители — д-р ист. наук А. В. Поляков, канд. ист. наук И. П. Лазаретов) исследован курганный могильник Смирновка 4, на котором представлены культуры трех археологических эпох региона. Под руководством канд. ист. наук М. Е. Килуновской Тувинской экспедицией проведен мониторинг памятников в Республике Тыва, продолжены исследования кургана Туннуг 1 в рамках работ Азиатской Номадической экспедиции (руководители — Т. Р. Садыков, Е. К. Блохин).

Пристальное внимание уделялось проведению охранно-спасательных работ. Обследовано более 320 земельных участков с целью проведения

государственной историко-культурной экспертизы и охранно-спасательных мероприятий в зонах хозяйственного освоения территории РФ. Большая часть работ проведена в Северо-Западном регионе (отдельно стоит отметить широкомащтабные работы в Ивангороде). Большой объем исследований в 2020 г. также проведен в Твери и Тверской области, Череповце, Карачаево-Черкесии, Крыму.

Международная деятельность

ИИМК РАН принял участие в Международной комплексной экспедиции по исследованию объектов культурного наследия Сирии в рамках действующего договора о сотрудничестве (заключен в 2019 г.). В ноябре 2020 г. проведены полевые работы по фиксации современного состояния объекта Цитадель г. Дамаска с целью построения 3D-модели (руководитель — канд. ист. наук Н. Ф. Соловьёва). К сожалению, другие запланированные международные экспедиции не состоялись в связи с эпидемиологической ситуацией.

В 2020 г. также было продолжено заключение договоров о сотрудничестве со странами СНГ и дальнего зарубежья.

Публикационная активность

Издательская группа ИИМК РАН продолжила свою работу подготовкой к публикации материалов двух журналов из списка ВАК — «Записки ИИМК РАН» и «Археологические Вести».

В № 22 «Записок ИИМК РАН» опубликованы материалы к научной биографии выдающегося исследователя раннего палеолита В. П. Любина, а также исследования в области гуманитарных и естественных наук о древнейшем человеке. Представлены работы археологов, палеозоологов и антропологов, изучающих самые ранние памятники каменного века, преимущественно на территории Кавказа и Переднего Востока. В № 23 включены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. Опубликованы аналитические разработки, основанные на материалах археологических исследований памятников эпохи энеолита и бронзы Средней Азии и Среднего Востока, эпохи бронзы Предкавказья и Средневековья. Представлены также новые данные о материалах эпохи бронзы и Средневековья, полученные в результате использования методов естественных наук. Ряд работ посвящен публикации новых

археологических материалов античности, Средневековья и Нового времени.

В 2020 г. вышло в свет пять выпусков журнала «Археологические Вести». В выпуске 26 опубликованы избранные материалы, представленные участниками конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург – 2», прошедшей в г. Санкт-Петербург в декабре 2018 г. Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача — выдающегося отечественного археолога, крупного исследователя древностей Центральной Азии. Отдельный раздел посвящен актуальным проблемам спасательных археологических исследований в зонах затоплений на примерах работ отечественных и иностранных ученых. В выпуск 27 включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В работах раздела «Новые открытия и исследования» рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел выделены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в.

Выпуск 28 посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части отдается должное его вкладу как научному, так и организационному в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по археологии и истории древнего Новгорода. В статьях другого раздела — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии.

Выпуск 29 приурочен к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН д-ра ист. наук Юрия Алексеевича Виноградова. Статьи посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов,

поселений и погребальных памятников, впервые введены в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий.

В выпуск 30 журнала включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии и истории. В разделе «Новые открытия и исследования» рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до средневековья. В ряде работ обсуждаются вопросы хронологии археологических памятников разных эпох, в частности, чувстской культуры в Ферганской долине, тагарской в Минусинской котловине, уточняется датировка основного культурного горизонта поселения раннежелезного века Марьянское 1, находящегося в Краснодарском крае, и время сокрытия двух гнёздовских кладов рубежа IX–X вв. Кроме того, две статьи посвящены изучению первоначальных укреплений Старой Ладogi и результатам исследования палеопочв, подстилающих культурный слой этого памятника. В специальном разделе «Актуальные проблемы археологии» представлены результаты изучения поселения Балка Лисовицкого эпохи бронзы на Таманском полуострове, обосновывается место происхождения и распространения больших прямоугольных пряжек из сибирского гагата в эпоху хунну, а также обсуждается вопрос об особенностях древнерусских фортификационных сооружений.

В 2020 г. вышли в свет два выпуска журнала «Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований». Первый выпуск включает в себя несколько статей о материалах раннего верхнего палеолита Саратовской области и о трасологических исследованиях следов трепанации на черепаха тагарской культуры. Также в этом выпуске представлен специальный раздел по проблеме соотношения равенства и неравенства в сообществах обезьян, людей каменного века и современных охотников-собирателей.

Второй выпуск содержит статьи по широкому кругу вопросов от палеоантропологии верхнего палеолита Западной Европы до погребального ритуала эпохи раннего металла Южной Сибири. Среди публикуемых материалов — портрет граветтской женщины, жившей в гроте Абри-Пато во Франции несколько десятков тысяч лет

назад, реконструкция пространственной структуры стоянки охотников на мамонтов, открытой в конце позапрошлого века на Кирилловской улице в Киеве, описания, фотографии и планы захоронений скифского времени, изучавшихся в последние годы в Туве. Также опубликованы статьи по понятиям «эпоха раннего металла» и культура «дзёмон».

Сотрудниками ИИМК РАН было опубликовано более 330 научных статей, из которых 55 входят в международную систему цитирования Web of Sciences, а 44 — в базу данных Scopus. Отдельно стоит отметить публикацию совместной статьи по изучению первых жителей Петербурга — D. Gutschiedl-Schumann, C. Gerling, V. A. Lapshin, V. G. Moiseyev, I. G. Shirobokov, S. L. Solov'ev, E. N. Uchaneva, A. V. Zubova and M. Meyer. Some insights into the lives of builders of early Saint Petersburg // *Prähistorische Zeitschrift* 2020 95 (2): 575–605 (<https://doi.org/10.1515/pz-2020-0020>).

Продолжалась публикация монографий — всего за 2020 г. вышло в свет четыре монографических исследований: 1) коллективная монография Florkiewicz I., Jusupović A., Musin A. et al. «The Sphinx of Slavic sigillography — small lead seals of “Drohiczyn type” from Czermno. Material evidence», книга состоит из двух томов (2019 и 2020 гг.); 2) «Летописный „Изяславль“: Большое Шепетовское городище в свете археологии. Том I. Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 гг. в исследованиях 1960–1980-х годов» / ред.-сост. А. А. Пескова. СПб., 2020. DOI: 10.31600/978-5-4469-1696-2; 3) Н. Д. Праслов, Л. В. Кузнецова. «Палеолитическое поселение Сухая Мечётка (по материалам раскопок С. Н. Замятнина)» / отв. ред. М. Н. Желтова, А. К. Очередной. СПб., 2020. DOI: 10.31600/978-5-907298-02-6; 4) О. В. Орфинская, К. А. Михайлов. «Текстиль Старой Ладogi эпохи викингов: монография» / отв. ред. Н. И. Платонова. СПб., 2020. DOI: 10.31600/978-5-6041742-8-9.

Также были опубликованы семь сборников научных трудов, в том числе по итогам проведенных в 2020 г. ИИМК РАН конференциям. Отдельно следует выделить сборник материалов «Der Kaukasus zwischen Osteuropa und Vorderem Orient in der Bronze- und Eisenzeit: Dialog der Kulturen, Kultur des Dialoges» (на рус. и нем./англ. яз.). Настоящий том подготовлен и опубликован совместно с Евразийским отделением Германского археологического института и Государственным Эрмитажем. Он содержит материалы Международной научной

конференции по археологии Кавказа и Гумбольдт-лектория (5–8 октября 2015 г., Санкт-Петербург), приуроченной к 140-летию А. А. Миллера.

Научные конференции

ИИМК РАН выступил организатором и со-организатором более 10 научных конференций и семинаров в 2020 г. Наиболее представительной стала международная конференция «Древние и средневековые культуры Центральной Азии и Среднего Востока (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ)», проходившая 10–12 ноября в Санкт-Петербурге. В связи с эпидемиологической ситуацией это мероприятие (как и некоторые иные) носило смешанный формат: одна часть участников представляла свои доклады в ИИМК РАН, другая — на платформе Zoom. Перед конференцией были изданы тезисы докладов «Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д-ра ист. наук А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д-ра ист. наук И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург)». (СПб.: ИИМК РАН, 2020. 308 с., ил. ISBN 978-5-907298-09-5. doi.org/10.31600/978-5-907298-09-5). Этот сборник посвящен проблеме развития и взаимодействия урбанизированных и скотоводческих обществ Центральной Азии и ее соседей от первобытной древности до средневековья — книга состоит из четырех разделов: первый посвящен личностям юбиляров и их вкладу в изучение археологии и древней истории Центральной Азии, второй, третий и четвертый включают в себя новейшие разработки означенной проблематики в хронологическом порядке.

В 2020 г. свой юбилей отпраздновала старш. науч. сотр., канд. хим. наук Ганна Ивановна Зайцева. В рамках празднования этого события была проведена Всероссийская конференция с международным участием «Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее» (23–25 ноября, Санкт-Петербург). Мероприятие было организовано совместно с Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена, Самарским государственным социально-педагогическим университетом и Институтом географии РАН. К конференции был издан сборник научных трудов «Радиоуглерод

в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Ганны Ивановны Зайцевой» (под ред. Н. Д. Буровой, А. А. Выборнова, М. А. Кульковой) (СПб.: ИИМК РАН, РГПУ, Самара: СГСПУ/ООО «Порто-принт», 2020. 123 с. ISBN 978-5-91867-213-6. doi.org/10.31600/978-5-91867-213-6).

Традиционно, один раз в два года, в ИИМК РАН проводится конференция молодых ученых «Актуальная археология». Изначально мероприятие было запланировано на весну, однако затем перенесено на осень и проведено в онлайн-формате 14 октября 2020 г. Опубликованный сборник «Актуальная археология 5. Материалы Международной научной конференции молодых ученых» (СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2020. — 392 с.: ил. ISBN 978-5-907298-04-0. doi.org/10.31600/978-5-907298-04-0) содержит материалы, охватывающие различные направления исследовательской деятельности молодых ученых. Статьи объединены в тематические разделы, посвященные междисциплинарным исследованиям, охранно-спасательным археологическим работам, вопросам систематизации, хранения и реставрации археологических коллекций, проблемам археологического источниковедения.

Институт также выступил соорганизатором иных конференций: международной археологической конференции «Вещь в контексте погребального обряда» (28–30 января, Москва); международной конференции «Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез» (3–5 февраля, Москва); международного конгресса «Дни антиковедения в Петербурге»; международной конференции «Боспорский феномен: Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века)».

Отдельно был проведен методический семинар по теме «Эволюция и культура», посвященный памяти Л. С. Клейна. Перед мероприятием вышел в свет сборник статей памяти Льва Самуиловича Клейна «Лев Клейн. [Путеводитель]» (отв. ред. Е. И. Матяш, М. Т. Кашуба) (СПб.: ИИМК РАН, 2020. 240 с.: ил. ISBN 978-5-907298-05-7).

Развитие естественно-научных методов в археологии

В 2020 г. в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН было продолжено датирование

образцов угля, дерева, кости, почвы и торфа (проанализированы более 40 образцов). В группе изотопного анализа проведены исследования на содержание в коллагене азота и углерода (292 образца). Работы по определению стеклянных артефактов проводились для таких памятников, как Старая Ладога (25 образцов), Рюриково городище (33 образца), Херсонес (30 образцов). В рамках исследований также продолжались работы по палеофаунистическому исследованию костных материалов различных эпох (от палеолита до Средневековья) и географических регионов России.

Музейная деятельность

Материалы многолетних арктических экспедиций под руководством канд. ист. наук В. В. Питулько вошли в каталог выставки Arctic: culture and climate, организованной Британским музеем. По версии газеты *The Times*, каталог вошел в список лучших арт-изданий 2020 г. Авторитетный международный журнал *Nature* также включил его в список лучших научных изданий.

В 2020 г. Институтом (отв. лица — канд. ист. наук Н. Ф. Соловьева, Е. К. Блохин) совместно с Государственным Эрмитажем и «Архитектурной мастерской Максима Атаянца» (АММА) продолжались работы по изучению Пальмиры.

В рамках комплексного международного мероприятия под эгидой комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО был организован «День Пальмиры» 2 декабря 2020 г. В его рамках проводились следующие мероприятия:

— «Две Пальмиры» — выставка материалов сопоставительного ряда параллелей архитектуры Пальмиры и Санкт-Петербурга;

— «Пальмира: реальная и виртуальная» — выставка макетов трехмерных моделей современного состояния древней Пальмиры и храма Бэла, копий капители колонны храма Бэла, объектов виртуальной реальности, видео- и фотоматериалов по результатам экспедиций в Пальмиру;

— «Пальмира: археология» — выставка артефактов из собраний Государственного Эрмитажа, ИИМК РАН и АММА.

В рамках проведения «Дней антиковедения в Санкт-Петербурге» в Государственном Эрмитаже также состоялась выставка «В поисках античного Боспора. Предисловие», организованная Научным архивом ИИМК РАН (руководитель — канд. ист. наук М. В. Медведева).

По итогам года сотрудниками Лаборатории камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций ИИМК РАН (руководитель — канд. культурологии А. Ф. Покровская) систематизировано, описано, сверено и подготовлено к постановке на учет 38 932 единицы хранения из коллекций, поступивших в ИИМК РАН до 2018 г. На временное хранение в ИИМК РАН принято более 50 000 единиц.

Преподавательская деятельность

Сотрудники ИИМК РАН в 2020 г. продолжали преподавательскую деятельность на кафедре археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. Старш. науч. сотр. В. С. Бочкарев прочел курс лекций по энеолиту и эпохе бронзы, источниковедению археологической науки, д-р ист. наук В. А. Лапшин — курс по славяно-финской археологии, а канд. ист. наук К. Н. Степанова — курс лекций и провела практические занятия по археологии палеолита.

Д-р ист. наук С. В. Белецкий и канд. ист. наук Н. Ю. Смирнов прочитали курсы лекций в Санкт-Петербургском государственном институте культуры, канд. ист. наук Вл. А. Семенов — в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. В Тувинском государственном университете лекции были прочитаны канд. ист. наук М. Е. Килуновской, а в Кемеровском государственном университете — канд. ист. наук А. В. Фрибусом.

В качестве волонтеров студенты кафедры археологии принимали участие в полевых работах Костёнковской, Саянской, Усвятской, Таманской экспедиций ИИМК РАН. В Научном архиве Института прошла архивная практика для студентов второго курса Института истории СПбГУ.

Сотрудники ИИМК РАН продолжали входить в состав Государственной экзаменационной комиссии Института истории СПбГУ по защите выпускных квалификационных работ (ВКР), что способствует привлечению новых кадров в Институт.

2020 г. ознаменовался созданием студенческого семинара «Мост в каменный век». Основными организаторами выступили научный руководитель ИИМК РАН, д-р ист. наук С. А. Васильев, старш. науч. сотр. ИИМК РАН, доцент кафедры археологии СПбГУ канд. ист. наук К. Н. Степанова и доцент кафедры археологии СПбГУ, канд. ист. наук М. А. Холкина. Целью этого семинара было наладить контакт между профессиональными

исследователями и студентами кафедры археологии, интересующимися каменным веком. К участию в семинаре привлекались не только сотрудники Института, но и специалисты из Государственного Эрмитажа и Кунсткамеры. На заседаниях (всего проведено за 2020 г. шесть) с докладами выступали как исследователи, так и студенты.

В рамках работы Базовой кафедры ИИМК РАН в Севастопольском государственном университете (заведующий кафедрой канд. ист. наук Н. А. Боковенко) прочитан курс лекций канд. культурологии А. Ф. Покровской, а также разработан план лекций по археологии каменного века (д-р ист. наук Л. Б. Вишняцкий), античности (д-р ист. наук В. А. Горончаровский), архитектурной археологии (канд. ист. наук А. А. Липатов). Для студентов Севастопольского государственного университета была проведена стажировка по теме «Научные подходы систематизации, описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

Диссертационный совет

В 2020 г. продолжал работу Диссертационный совет Д 002.052.01 по защите диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 — археология (председатель — д-р ист. наук В. А. Лапшин, зам. председателя — д-р ист. наук С. А. Васильев, ученый секретарь — канд. ист. наук П. Е. Нехорошев). В рамках его работы А. В. Поляковым была защищена диссертация на звание доктора исторических наук по теме «Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин».

Стажировки и прикрепления

Стажировку в ИИМК РАН в 2020 г. оформили семь человек из разных городов России (Уфы, Великого Новгорода, Липецка и др.). Часть была отложена в связи с коронавирусными ограничениями (из Алматы, Казахстан, и Иркутска). Двое исследователей продолжили работы по написанию кандидатских диссертаций без освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (Отдел Центральной Азии и Кавказа; Отдел палеолита).

Ученый совет ИИМК РАН

Большая часть заседаний Ученого совета ИИМК РАН проходила в дистанционном формате

на платформе Zoom. Всего проведено 15 заседаний. Особенно следует выделить расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, приуроченное к 70-летию д-ра ист. наук Юрия Алексеевича Виноградова. На нем были заслушаны доклады как самого юбиляра, так и его коллег и учеников (В. А. Горончаровского, Д. Е. Чистова, М. Ю. Вахтиной, Т. В. Рябковой, Н. А. Павличенко, А. В. Батасовой, С. В. Кашаева, И. Ю. Шауба). В рамках иных расширенных заседаний Ученого совета совместно с подразделениями Института сотрудниками были представлены последние результаты по наиболее значимым направлениям деятельности Института в последние годы.

Награды

В 2020 г. почетной грамотой Министерства науки и высшего образования Российской Федерации был награжден старш. науч. сотр. Отдела палеолита, ученый секретарь Диссертационного совета на базе ИИМК РАН канд. ист. наук П. Е. Нехорошев.

Канд. ист. наук Н. Ф. Соловьевой была выражена благодарность за участие в качестве эксперта Первого студенческого туристического конгресса «Развивая туризм — развиваем Россию». Она также была награждена грамотой за активную работу по подготовке и проведению Международной конференции по возвращению сирийских беженцев (г. Дамаск, 11–12 ноября 2020 г.).

Канд. ист. наук Н. А. Боковенко получил благодарность Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова за большой вклад в организацию и проведение IV Всероссийской научно-практической конференции «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири», посвященной году хакасского языка (1–2 октября 2020 г.).

Канд. ист. наук М. Е. Килуновская награждена знаком «За особое служение музейному делу» Национальным музеем им. Алдан-Маадыр, Республика Тыва.

В. С. Бусова получила благодарность от директора Музея истории ГУЛАГа Департамента куль-

туры г. Москва за участие в жизни музея, отзывчивость и внимательное отношение к сохранению культуры и исторического наследия, за профессиональную помощь в реставрации музейных предметов.

Популяризация науки

Сотрудники Института выступили с несколькими научно-популярными лекциями в различных городах России. Например, М. Е. Глуховым прочитаны лекции «Археология в большом городе» в лектории отдела петербурговедения Центральной городской публичной библиотеки им. В. В. Маяковского и «Современная методика полевой фиксации и ее применение в городских археологических исследованиях» для студентов Гуманитарного института Череповецкого государственного университета. А. И. Мурашкин в рамках выставки находок из раскопок Кольской археологической экспедиции на памятнике Лива 1 в Ковдорском районе Мурманской области прочитал лекцию по теме «Древняя история Лапландии. Земля, люди, вещи».

В эфире передачи «Родина слонов» (радиостанция #говоритмосква) на вопросы по Старой Ладоге ответил д-р ист. наук В. А. Лапшин, по археологии Костёнок — канд. ист. наук А. А. Синицын, а о подводной (морской) археологии рассказал канд. ист. наук В. В. Вахонеев.

В проекте культурно-просветительского центра «Архэ» приняли участие кандидаты ист. наук Е. В. Беляева и А. К. Очередной, выступив с рассказами о древнейшем прошлом.

Сотрудниками Института опубликованы три научно-популярные книги: 1) Ю. А. Виноградов. Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). СПб.: Евразия, 2020; 2) И. Ю. Шауб. Смерть и возрождение: загробный мир боспорян. СПб.: Евразия, 2020; 3) И. Ю. Шауб. Боги и герои античного Северного Причерноморья. СПб.: Евразия, 2020.

В 2020 г. вышел в свет документальный фильм «Вечность неотложная» о сохранении культурного наследия и охранной археологии в России и за ее пределами.

Ученый секретарь ИИМК РАН
Е. С. Ткач

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. Вып. 1–13 — СПб., ИИМК РАН; 14, 15 — М., Наука; 16–21 — СПб., Дмитрий Буланин; 22 и далее — СПб., ИИМК РАН
- АИК — Археологические исследования в Крыму
- АК — Археологическая комиссия
- АН РТ — Академия наук Республики Татарстан
- БАН — Болгарская академия наук
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь
- БС — Балтийская система высот
- ВАШ — Университет «Высшая антропологическая школа»
- ВДИ — Вестник древней истории. Москва
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГУ — государственный университет
- д/п — дневная поверхность
- ЗИН — Зоологический институт РАН
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
- ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
- ИАК — Императорская Археологическая комиссия. Санкт-Петербург
- ИАЭ — Институт археологии и этнографии
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
- ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный
КарНЦ РАН — исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
- КБН — Корпус боспорских надписей. Москва; Ленинград, 1965.
- КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Ленинград; Москва
- КФУ — Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- МАИАСП — Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск
- МАР — Материалы по археологии России
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- МИДУ — Музей исторических драгоценностей Украины. Киев
- МНО — Московское нумизматическое общество
- НА ИИМК РАН — Научный архив ИИМК РАН
- НАН — Национальная академия наук
- НиНЗИиА — Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
- НИОКТР — Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
- НМЗ — Новгородский музей-заповедник
- НМИУ — Национальный музей истории Украины. Киев
- НО — Надписи Ольвии. Л.: Наука, 1968. 132 с.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: АН СССР, 1950
- ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии
- ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск; Москва
- РА — Российская археология. Москва
- РАН — Российская академия наук
- РАО — Русское археологическое общество. Москва
- РИАМЗ — Рязанский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
- РО — Рукописный отдел
- РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
- СА — Советская археология. Москва
- САИ — Свод археологических источников
- СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- стк. — строка
- СЭ — Советская этнография. Москва
- ТКБАЭ — Труды Костёнковско-Борщёвской археологической экспедиции ИИМК РАН
- Тр. — Труды
- ФГБУН — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ФНИ ГАН — Фундаментальные научные исследования государственных академий наук
ФО — Фотоотдел
ЮНЦ — Южный научный центр
- AA — *Der Archäologische Anzeiger*
AÉ — *Archaeologiai Értesítő. Budapest*
- ИМЦ РАН — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences
IOSPE — *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini*
- LGPN IV — Fraser P. M., Matthews E. *A Lexicon of Greek Personal Names. Oxford: Clarendon Press, 2005. Vol. IV. 420 p.*
LSJ — Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. *A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1968. 2042 p.*
- MMA — The Metropolitan Museum of Art
SA — Scientific archive
SEG — *Supplementum epigraphicum Graecum. Leyden*
SFP — *Stads- och fästningsplaner*
TLG — *Thesaurus linguae Graecae (электронный ресурс)*
ZPE — *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 33

Главный редактор: Н. В. Хвощинская
Корректоры: Г. А. Седова, О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 303
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 03.12.2021. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 33. Тираж 300 экз. Заказ 2351.
Дата выхода: 17 декабря 2021 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 33 —

